М. М. ЩЕРБАТОВ

Михаил Михайлович
ЩЕРБАТОВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Михаил Михайлович ЩЕРБАТОВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

СОСТАВИТЕЛЬ,
АВТОР ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ
И КОММЕНТАРИЕВ:

С. Г. Калинина,
кандидат исторических наук

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)
Щ61

Долгосрочная благотворительная программа
осуществлена при финансовой поддержке
НП «Благотворительная организация «Искусство и спорт»

Щ61 **Щербатов М. М. Избранные труды** / М. М. Щербатов; [сост., автор вступ. ст. и коммент. С. Г. Калинина]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 632 с. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

ISBN 978-5-8243-1231-7

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-8243-1231-7

Михаил Михайлович Щербатов

Михаил Михайлович Щербатов принадлежал к одному из древнейших княжеских родов русского дворянства, ведущего свое начало от Рюрика. Его родителями были Михаил Юрьевич (1678–1738) и Ирина Семеновна, урожденная Солнцева-Засекина (?–1760). Родился М. М. Щербатов 22 июня 1733 г. Воспитание и образование получил дома. Его учили русскому, французскому и итальянскому языкам, истории, географии, арифметике, геометрии, военным наукам. В 13 лет он был зачислен в лейб-гвардии Семеновский полк «сверх комплету без жалованья» и, постепенно получая повышения, к 1761 г. дослужился до чина капитан-поручика, а после объявления императором Петром III в 1762 г. «Манифеста о вольности дворянства» вышел в отставку в чине капитана. За шесть лет до этого, 9 февраля 1756 г., он женился на своей дальней родственнице Наталье Ивановне Щербатовой, дочери известного дипломата елизаветинского времени И. А. Щербатова. От этого брака у М. М. Щербатова родилось шестеро доживших до взрослого возраста детей: Ирина (1757–1827), Иван (1758–1790), Прасковья (1759–?), Дмитрий (1760–1839), Анна (1761–1852) и Наталья (1766–1797).

В 1767 г. Щербатов возвратился на службу и участвовал в заседаниях Уложенной комиссии в качестве депутата от Ярославского дворянства. Осенью того же года он был назначен в Частную комиссию о среднем роде людей и принимал участие в написании Проекта прав среднего рода людей, а на следующий год в обсуждении глав Проекта прав благородным. В 1768 г Щербатов получил придворную должность камер-юнкера, а в 1770 г. назначен членом Комиссии о коммерции. В этом качестве им были написаны два документа, отражавшие взгляды князя на развитие внешней и внутренней торговли в России: «Примечания на тариф для г. Оренбурга» (1771) и записка «О внешней торговле вообще и об обращении ея перевеса в государственную казну» (1774). После назначения в августе 1771 г. на должность герольдмейстера Щербатов предпринял меры, направленные на организацию работы по учету российского дворянства и закрепление его юридического статуса: упорядочение ведения Родослов-

ных книг и составления дворянских дипломов. По распоряжению Военной коллегии им также были созданы гербы для 16-ти полков и 19-ти батальонов, часть которых стала впоследствии городскими гербами.

В мае 1772 г. Щербатов назначен членом Первого медального комитета, целью которого было создание памятных медалей и исторических комментариев к ним в честь знаменательных событий русской истории первой половины XVIII в. За три года работы в комитете им были написаны 43 комментария к медалям, посвященные таким событиям времен Петра I, как «На заведение флота Российского», «Пребывание государево в Сардаме», «О набратии регулярных войск», «На взятие Нарвы», «На разбитие шведов в Ингрии, близ Петербурха» и др. Придворная карьера также шла вверх: в 1773 г. Щербатов был пожалован в камергеры. Однако князь не был доволен придворной службой. К тому же повышение в чинах некоторых придворных, по возрасту младше князя, заставило его почувствовать себя несправедливо обойденным. Раздосадованный этими обстоятельствами, Щербатов в 1777 г. обратился к Екатерине II с письмом, в котором сообщал, что расценивает происходящее как проявление незаинтересованности императрицы в его службе, и просил увольнения от дел. Екатерина сразу же направила к князю своего секретаря П. А. Соймонова с заверениями, что по-прежнему относится к нему с уважением, не желает его увольнения и, признавая справедливость требований, предоставляет на выбор две должности: президента Камер- или Вотчинной коллегий. В итоге в начале 1778 г. Щербатов был назначен президентом главного финансового органа страны — Камер-коллегии и членом Экспедиции казенных винокуренных заводов и переехал жить в Москву

В январе следующего года получил должность сенатора в пятом департаменте и проработал на этой должности до конца жизни. Из наиболее важных событий этого периода его деятельности стоит отметить подготовку к закрытию Камер-коллегии (в конце 1784 г.) и приведение ее дел к окончанию, а также контроль над поставкой вина в казну. Помимо этого в середине 1780-х гг. Щербатов участвовал в двух важных мероприятиях в Сенате: расследовании по делу о взятках владимирского губернатора А. Б. Самойлова, результатом которого стала отставка последнего, и ревизии работы местных учреждений в трех губерниях: Владимирской, Костромской и Ярославской.

Однако годы и болезни все чаще давали о себе знать. Последние три–пять лет своей жизни Михаил Михайлович большую часть времени посвящал управлению своими имениями, работе над «Историей» и литературно-публицистическими произведениями. В кабинетной тишине своего московского дома или ярославской усадьбы Михайловское он мог спокойно размышлять и анализировать политические события, свидетелем которых был сам, успехи и неудачи мероприятий, в которых участвовал. Недаром значительное число его работ начинается со слов «размышление» или «рассуждение». Именно в эти годы им были написаны ставшие впоследствии самыми известными литературно-публицистические произведения: «О повреждении нравов в России», «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина», «Размышления о законодательстве вообще», «Размышление о дворянстве» и многие другие. Умер М. М. Щербатов 12 декабря 1790 г.

* * *

С юности М. М. Щербатов пристрастился к чтению. В библиотеке князя, которая к концу его жизни насчитывала около 15 тыс. томов, были книги по истории, философии, праву, географии, математике, астрономии, военному делу, сельскому хозяйству. Особый интерес Щербатов проявлял к работам представителей эпохи Просвещения — Д'Аламбера, Ч. Беккариа, П. А. Гольбаха, И. Зоннельфельса, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Д. Юма, И. Г. Г. Юсти. Именно идеи философии Просвещения с характерным для них гуманизмом, активной жизненной позицией, стремлением к благосостоянию каждого отдельного гражданина и всего государства в целом, с культом разума, с критическим и рациональным отношением к окружающей действительности и освобождением от суеверий оказали существенное влияние на формирование мировоззрения князя Щербатова. Увлечение античной традицией, столь свойственное эпохе Просвещения и оказавшее значительное влияние на развитие русской общественной мысли второй половины XVIII столетия в целом, также нашло отражение в его мировоззрении. В его библиотеке, помимо многочисленных трудов по современной истории Западной Европы, были работы и по истории Древнего Рима и Греции, издания философских и публицистических трудов античных авторов. Щербатов воспитывался на примерах героев и антигероев прошлого. Впоследствии

их поступки часто будут использоваться им в качестве аргументов в своих работах. Тематика читаемых Щербатовым произведений свидетельствует о том, что уже к концу 1750-х гг. в сфере его интересов находились вопросы, связанные главным образом с историей права, политическим устройством различных государств, нравственным воспитанием. В его архиве сохранилось множество переводов, сделанных собственноручно: «Нравоучительные рассуждения, выбранные из Эпиктета, Симплициуса, Ариана», «О пользе гражданских законов», «Слово о спокойствии души, взятое из Иппарха, философа Пифагорейского», «Разговор между двух друзей о любви к отечеству», «Нравоучительные мнения некоторых персидских царей по восточным писателям» и мн. др. Значительная часть этих переводов была опубликована князем в 1758–1761 гг. в издававшемся по инициативе Г. Ф. Миллера первом в России научно-популярном и литературном журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие».

Общение с Г. Ф. Миллером, его советы и наставления подталкивали князя к изучению и написанию истории собственной страны. С середины 1760-х гг. он начал сбор материалов для своего главного труда — «Истории Российской с древнейших времен». В 1767 г. по рекомендации Миллера Екатерина II назначила Щербатова на должность историографа. Перед ним открылись двери архивов и библиотек, он получил доступ к уникальным источникам в России и вел выявление документов за ее пределами. Так, через состоявших на русской службе И. Ф. Рейфенштейна и Г. Сантини Михаил Михайлович заказывал из папского архива копии с документов, относящихся к событиям в России времени Смуты[1]. Уже в 1770 г. был издан первый том «Истории», а в течение последующих двадцати с лишним лет вышло еще шесть. Помимо исследовательской работы, Щербатов в 1770-х гг. издавал обнаруженные им в архивах уникальные документы: «Царственная книга» (1769), «Журналы Петра Великого» (ч. 1–3, 1770–1772), «Царственный летописец» (1772), сочинение Феофана Прокоповича «История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии» (1773), «Письма Петра Великого» (1774).

Своей главной задачей как историка Щербатов считал раскрытие закономерностей общественного и политического развития, уста-

[1] См. переписку с И. А. Остерманом // РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–12.

новление причинной связи событий, которая позволила бы не только познать прошлое, лучше понять настоящее, но и предвидеть будущее. Необходимость создания «концептуальной картины, позволявшей увидеть основное и второстепенное, необходимое и случайное»[2] в событиях прошлого, должно было помогать потомкам учиться на своих и чужих ошибках и не повторять их в будущем. Щербатов стремился показать историю российской государственности, ее становление и тенденции развития, подводил читателя к мысли, что только сильное государство может сделать общество процветающим. Разумное законодательство, стабильность и мощь политических институтов являются основой последующего культурного процветания. Выстраивая историческую ретроспективу, Щербатов находился под влиянием идей философии скептицизма и поиска истинных «причин» и «фактов» П. Бейля, С. Пуфендорфа, Д. Юма, а также «Истории Российской» В. Н. Татищева. Как свидетельствует переписка М. М. Щербатова с Г. Ф. Миллером, князь был знаком с работой Татищева еще до начала ее публикации в 1768 г. и высоко ценил ее[3]. Анализируя тексты исторических документов, в первую очередь летописей, Щербатов критически воспринимал информацию и подвергал сомнению ее достоверность. В этом плане очевидно также влияние философии Р. Декарта с его поисками доказательств и отказом принимать на веру какие-либо суждения или события. В своем труде Щербатов в неразрывной связи рассматривал историю становления самодержавия и роль в этом процессе знатного дворянства, а также впервые дал очерк внутреннего состояния Московской Руси. Он попытался определить причины таких важнейших событий в отечественной истории, как возникновение русской государственности, влияние на ее развитие христианства, развитие крепостного права, события Смуты начала XVII в. и др. Огромное значение Щербатов придавал роли личности в истории, влиянию человеческих качеств, эмоций и «страстей» на принятие тех или иных политических решений. Особенно это касается описываемых событий времен царствования первого русского царя Ивана Грозного. Персонажи «Истории» Щербатова всегда руководствовались политической целесообразностью, а иные мотивы

---

[2] *Артемьева Т. В.* Михаил Щербатов. СПб., 1994. С. 19.

[3] Письма М. М. Щербатова к Г. Ф. Миллеру // РГАДА. Ф. 199. Портф. 546. Ч. 9. Д. 17. Л. 1, 40–40 об., 49–50.

поступков или «роковое» стечение обстоятельств автором просто не рассматривались. Такое понимание исторического развития соответствовало принципам философии истории эпохи Просвещения. Так, в известной французской Энциклопедии Вольтер определял историю как рассказ о фактах, т. е. достоверных сведениях, в отличие от басен — ложных событий.

«История» М. М. Щербатова явилась первым трудом по русской истории, в котором автор отошел от принятой до этого летописной формы изложения исторических событий. Князь впервые ввел в научный оборот большое количество актовых материалов и документов по генеалогии, ранее никогда не использовавшихся в качестве исторических источников[4]. Несмотря на то что «История» была написана тяжелым языком, содержала многочисленные ошибки и неточности, она явилась важным этапом в развитии отечественной исторической науки. Екатерина II, критически отзывавшаяся о работе Щербатова, замечала, тем не менее, что она была «очень скучной, но не без достоинств»[5]. О значимости исторического туда князя свидетельствует также и тот факт, что уже через три года после выхода в 1791 г. последнего тома первого издания было начато второе издание, закончившееся в 1805 г.

На представления Щербатова о государственном устройстве и законодательстве существенное влияние оказала одна из известнейших работ французского философа Ш. Монтескье «О духе законов». С ней князь познакомился в конце 1750-х гг. и даже перевел несколько глав. Из предложенных философом трех типов правления — республика, монархия и деспотия — Щербатов наиболее приемлемой для России считал монархию, которая опирается на «основательные законы». Вслед за Монтескье Щербатов полагал, что создание таких законов должно вестись с учетом и в соответствии с «физическими свойствами страны», т. е. ее размерами, религией, климатом, населением, плодородием земель и т. д. Эти же идеи нашли отражение и в «Наказе» Екатерины II[6]. Знакомство с работами французских

---

[4] См.: *Николаева А. Т.* Русское источниковедение XVIII века. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1967. С. 267, 402, 412.

[5] Письмо Екатерины II Сенаку де Мальяну // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 42. С. 187.

[6] См.: «Наказ» Екатерины II. § 43, 45, 57 и др.

философов сформировало у Щербатова и представление о просвещенном монархе, главная задача которого — забота о «государственном благе» и о «благосостоянии подданных», а также организация разработки «фундаментальных» законов. Этот последний тезис имеет важное значение для понимания взглядов Щербатова на роль просвещенного монарха. По его мнению, создание «основательных» законов для такой огромной страны, как Россия, не должно осуществляться одним человеком, будь то монарх, вельможа или какое иное частное лицо. Один человек не может быть в курсе всех обстоятельств страны, а соответственно и не в состоянии создать сходные с народными нравами и обычаями законы. Поэтому роль просвещенного монарха заключалась именно в организации процесса создания «основательных» законов. Более того, вслед за Ш. Монтескье, который впервые разработал теорию разделения властей как опоры правового государства, Щербатов полагал, что монарх не должен сосредоточивать в своих руках законодательную и исполнительную власть. Он обращал особое внимание на то, что разработка разумных законов невозможна до тех пор, «пока власть законодательная и исполнительная в одной особе пребудет». Лучшим решением этого вопроса Щербатов считал создание «некоего общества» — своего рода парламента на постоянной основе, который бы состоял из образованных, честных, знающих отечественное и зарубежное законодательство дворян. Чрезвычайно важно также, чтобы любой член этого «общества» имел возможность и даже обязанность открыто высказывать государю свое мнение по всем актуальным проблемам и даже спорить с ним, не опасаясь его гнева. Именно поэтому столь существенным авторитетом для Щербатова всегда являлся князь Я. Ф. Долгоруков, отличавшийся независимостью мышления, не боявшийся вступать в полемику с Петром I и отстаивать свое мнение. Идеальным примером политического устройства для Щербатова служила конституционная монархия Великобритании, где власть короля была подчинена законам. Этот принцип стал конструирующим в теории государственного устройства Щербатова: верховная власть, монарх, должна подчиняться тем же самым «основательным» законам, что и все общество (и которые могли бы контролировать его «беспорядочные хотения»).

К вопросу о допустимости самовластия и деспотизма Щербатов возвращался при оценке роли Петра I в истории России. Рассматри-

вая расправу над стрельцами, смерть царевича Алексея Петровича, насильственное навязывание русскому обществу европейского образа жизни, посылку дворян на учебу за границу как безусловное проявление деспотизма со стороны царя, Щербатов, тем не менее, считал его оправданным и единственно возможным в тех исторических условиях. Главным, определяющим, для князя являлось то, что самовластие царя было направлено не на удовлетворение своего тщеславия и прихотей, а на развитие государства и его институтов. Одной из главных заслуг Петра, по мнению Щербатова, являлось распространение в России «просвещения, наук и искусств», устройство торговли, административные реформы, создание новых армии и флота, что позволило сделать страну одной из влиятельнейших в мире. Особую, личную, благодарность Щербатов испытывал к царю именно за распространение просвещения, за предоставленную возможность получения образования, приобщения к достижениям европейской науки, культуры и техники. Однако он отмечал и отрицательные последствия действий царя. Именно к петровскому времени Щербатов относил начало «повреждения нравов», которое высокими темпами продолжалось на протяжении всего XVIII в. Стремление к роскоши во всех сферах жизни, начиная с одежды и заканчивая строительством роскошных дворцов и усадеб, свойственное в начале столетия только аристократии, к концу века распространилось практически на все слои общества. «Грубость нравов» и невежество, которые Петр старался истребить приобщением придворных к европейской моде, после его смерти уступили место лести придворных, раболепству и развращенности нравов, бесстыдной роскоши.

Необходимость создания «основательных», или «фундаментальных», законов, регулирующих деятельность всех сфер государственной жизни, явилась главной причиной, по которой Щербатов сразу же откликнулся на изданный Екатериной II 14 декабря 1766 г. Манифест о созыве Уложенной Комиссии и был избран депутатом от Ярославского дворянства.

Работа Щербатова в Большом собрании Уложенной комиссии и в Частной комиссии о среднем роде людей была направлена на создание законодательной базы для формирования сословий европейского типа. Князь отчетливо понимал, что в разумно устроенном обществе роль каждого сословия чрезвычайно велика. Чтобы дворяне, «средний род людей» (горожане, купцы, ремесленники, ученые)

и крестьяне могли приносить максимальную пользу государству, необходимо создание законодательства, в котором бы фиксировались права и обязанности каждого сословия. Многочисленные «мнения» и «записки» князя свидетельствуют о его заинтересованности в создании в России полноценных сословий.

Разработка законодательства для каждого отдельного сословия являлась одной из приоритетных задач политики Екатерины II. Причем если уже существующему de facto дворянству нужно было лишь дать законодательную основу, то единое сословие «среднего рода людей», еще только предстояло создать этими самыми законами. О необходимости формирования этого сословия императрица писала мадам М. Т. Жоффрен незадолго до открытия Уложенной комиссии: «Еще раз обещаю вам среднее сословие, но за то и трудно же будет устроить его <...> Нужно будет создать его: это соображение меня скоро понудит действовать, так как я считаю осуществление его долгом моего сана»[7]. В связи с этим особое значение приобретает работа Щербатова в Частной комиссии о среднем роде людей, главная задача которой как раз и заключалась в разработке соответствующего законодательства. Подготовленный Проект прав среднего рода людей был одним из немногих документов о правах сословий, созданных в Уложенной комиссии. Проект, в написании которого принимал участие Щербатов, впервые пытался законодательно оформить *единое* городское сословие, а также определить точность его состава. Согласно документу, мещане объявлялись свободными людьми, им гарантировались личная и имущественная неприкосновенность, суд и защита в суде, свобода передвижения по России и за ее пределами и т. д. Предоставление подобных прав для непривилегированного сословия в России означало формулирование тех основных положений, которые мы сегодня называем «гражданскими правами». Некоторые аспекты этого документа были использованы впоследствии Екатериной II при создании ею «Жалованной грамоты городам» 1785 г. — документа, который наряду с «Жалованной грамотой дворянству», завершил юридическое оформление двух первых сословий в России. Этот факт свидетельствует о том, что основные идеи и принципы, заложенные Щербатовым и его коллегами в Проекте, в основном соответствовали взглядам императрицы на сословную организацию в России.

---

[7] Цит. по: *Шахов А.* Вольтер и его время. СПб., 1907. С. 157–158.

Создание законодательства, в котором были бы четко сформулированы права и обязанности каждого сословия, по мнению Щербатова, было необходимо еще и потому, что оно должно было ограничить притязания представителей одного сословия на права других. Большинство выступлений депутатов от различных сословных групп в Большом собрании Комиссии свидетельствовали об их желании установления для себя особых привилегий. Однако вслед за М. В. Ломоносовым Щербатов считал, что в мире все устроено таким образом, «что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимается от чего-то другого»[8], иными словами, наделение особыми правами одного сословия могло произойти только за счет другого. Позже в одной из своих работ Щербатов специально остановится на этом вопросе. Анализируя выступления депутатов в Комиссии, он писал о том, что представители практически всех сословий так или иначе пытались «захватить» привилегии других: казаки и крестьяне посягали на права купцов, а те в свою очередь — на права дворян и крестьян, и даже сами дворяне претендовали на привилегии других сословий.

Вопросами прав и обязанностей «среднего рода людей», в частности купечества, а также экономической политики государства в области торговли Щербатов продолжал заниматься в Комиссии о коммерции. Значительное влияние на его экономические взгляды в целом оказали две современные ему теории: меркантилистов и физиократов. Согласно первым, благосостояние государства достигается за счет развития промышленного производства отечественных товаров и активного баланса внешней торговли. Эти идеи нашли отражение в записке князя «О внешней торговле вообще и об обращении ея перевеса в государственную казну»[9] (1774). Одним из основных принципов, на котором должна осуществляться торговля в просвещенном государстве, является «естественное» ее, т. е. торговли, состояние — свобода. Вслед за Ш. Монтескье и Екатериной II Щербатов рассматривал свободу как право делать все то, что законы разрешают. Главными условиями успешной торговли Щербатов называл также увеличение ввоза сырья в страну для создания благоприятных

---

[8] Цит. по: *Артемьева Т. В.* История метафизики в России XVIII в. СПб., 1996. С. 210.

[9] См.: *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. Приложение. С. 27–45.

условий развития производства отечественных товаров, улучшение их качества и конкурентоспособности, а также расширение географических связей и освоение природных ресурсов. Таким образом, взгляды Щербатова на развитие внешней торговли России в целом соответствовали либеральной политике правительства Екатерины, направленной на увеличение объема экспорта российских товаров и активизацию баланса внешней торговли[10].

Идеи физиократов, согласно которым экономика государства должна строиться за счет развития сельского хозяйства и производимых им продуктов, получили развитие в работах М. М. Щербатова по крестьянскому вопросу. Вслед за Ф. Кенеем, Д. Дюпоном и М. де ла Ривьером Щербатов рассматривал земледелие и сельское хозяйство в качестве приоритетного направления развития отечественной экономики. В связи с этим вопрос о крепостном праве приобретал особую актуальность. Не менее важен он был и для Щербатова, который, будучи крупным помещиком, к концу жизни владел более чем 3,5 тыс. крестьян обоего пола и свыше 10 тыс. десятин земли[11].

Во время правления Екатерины II вопрос о крепостном праве и возможности его ограничения впервые стал предметом публичного обсуждения. Дискуссии шли и на страницах изданий Вольного экономического общества, основанного по указу императрицы в 1765 г., и на заседаниях Уложенной комиссии. Крепостное состояние крестьянства противоречило основным идеям философии Просвещения, ставившим превыше всего уважение к человеческой личности и признание «естественных» прав, т. е. прежде всего права на личную свободу. К тому же оно, безусловно, являлось сдерживающим фактором в развитии сельского хозяйства и экономики страны в целом. Однако в России сторонников единовременной отмены крепостного права было немного.

В решении Щербатовым крестьянского вопроса в полной мере отразились его взгляды на приоритет человеческой личности и на теорию равноправия людей. Разделяя тезис о «естественном» праве

---

[10] См.: *Космынин А. В.* Отечественная коммерция при Екатерине Великой: либерализация тарифной политики России в 60–80-х гг. XVIII в. // Отечественная история: Люди. События. Мысль. Рязань, 1998. С. 92.

[11] См.: *Сретенский Л. В.* Помещичья вотчина Ярославской губернии во II половине XVIII века // Ученые записки Ярославского пединститута. Вып. XXV (XXXV). Гуманитарные науки. Ярославль, 1958. С. 480, 495.

на свободу каждого гражданина, князь, тем не менее, категорически возражал против освобождения крестьян. Единовременное освобождение крепостных, по его мнению, нанесет большой вред не только государству, но прежде всего самим крестьянам. Как и многие образованные люди его времени, Щербатов считал крестьян в подавляющем большинстве людьми непросвещенными, не знающими ни последних достижений в области обработки земли и усовершенствования орудий земледелия, ни разности почв, семян и удобрений, не радеющими об увеличении урожайности и полагающимися по большей части даже не на опыт своих предков, а на волю Божью. При отсутствии контроля со стороны просвещенных помещиков они просто не смогут существовать. Земледелие придет в упадок, поля будут заброшены, а экономика страны понесет великий урон. Схожую точку зрения высказывал и князь Д. А. Голицын, который в письме к А. М. Голицыну писал: «...перейдя так быстро от рабства к свободе, они не воспользуются ею для упрочения своего благосостояния и большая часть из них предастся праздности <...> продолжительное рабство, в котором коснеют наши крестьяне, образовали их истинный характер, и в настоящее время очень немногие из них сознательно стремятся к тому роду труда или промышленности, который может их обогатить»[12]. В то же время Щербатов полагал, что просвещение крестьян есть дело ответственное и начинаться оно должно от приходских священников. Они обязаны нести знание в народ, а для этого им самим надлежит быть образованными. Подобные мнения о нецелесообразности предоставления свободы непросвещенным людям были достаточно распространены среди представителей дворянской элиты второй половины XVIII столетия. В статье Беарде де Лабея, получившей первую премию на конкурсе Вольного Экономического общества, говорится, что, с одной стороны, крестьянин является основой государства и должен владеть землей, а для этого ему было бы необходимо предоставить свободу. С другой же стороны, «есть мера всему», и, прежде чем даровать это великое право свободы, нужно подготовить «рабов» к ее восприятию и заняться их просвещением[13]. Княгиня Е. Р. Дашкова в разговоре

[12] Цит. по: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. 27.

[13] Там же. С. 58–59.

с французским философом Д. Дидро о положении российского крестьянина высказывала схожие мысли: «Когда низшие классы моих соотечественников станут просвещенными, тогда они будут достойны свободы, поскольку не смогут использовать ее во вред своим согражданам»[14].

По мнению Щербатова, единовременное предоставление свободы крестьянам губительно еще и потому, что оно приведет к резкому оттоку их из деревень и увеличению числа ремесленников и мастеровых в городах. Это, с одной стороны, вызовет нехватку рабочих рук в полях, отчего последует снижение урожая и повышение цен на хлеб, а с другой стороны, создаст слишком большую конкуренцию ремесленников в городах, что в свою очередь приведет в упадок мелкое производство.

Вместе с тем Щербатов был полностью согласен с основными аргументами сторонников предоставления свободы крестьянам, которые приводили массу примеров бедственного положения крестьян и негуманного обращения с ними помещиков. Осуждая любое проявление жестокости и насилия со стороны «бесчеловечных помещиков», он обращал внимание на невозможность достижения собственного благополучия за счет угнетения людей, составлявших основу государства. Забота и защита своих крестьян — одна из главных обязанностей господина перед крепостным. Таким образом, не только крестьянин должен своею службой помещику, но и последний также имеет обязательства перед крестьянином. Какого бы состояния ни был человек, он остается человеком и должен с уважением относиться к стоящему ниже себя. И в этом смысле все люди равны: у всех одинаковые естественные нужды, все одинаково болеют и умирают, а потому нет у помещиков морального права на жестокое обращение с крестьянами. Таким образом, теория «естественного права» Щербатова основывалась на признании им «природного» равенства людей. Любой человек, от крепостного до монарха, с точки зрения Щербатова, являлся важным звеном в системе общественных отношений и имел свои обязательства перед обществом. Вместе с тем в разумно устроенном государстве, основанном на строгом сословном разделении, это равенство имело место только внутри отдельного сословия,

[14] *Дашкова Е. Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 98–99.

ибо, помимо «естественного», или «природного», равенства, существовало «естественное неравенство» между представителями различных социальных групп. Взаимосвязь между сословиями являлась основой гармоничного развития всего общества в целом. Основываясь на рационалистических представлениях о социальном устройстве государства и принципах взаимной выгоды, Щербатов считал, что «каждый класс людей имеет свои привилегии и прерогативы и обеспечивает преимущества другим, сам пользуется определенными преимуществами». (С. 111.)

Таким образом, решение проблемы крепостного права для Щербатова лежало не «в области политики, а в области морали»[15], т. е. не столько путем его отмены, сколько путем просвещения крепостных, смягчения нравов помещиков и проявления с их стороны человеколюбия. Щербатов являлся выразителем достаточно распространенного представления дворянства о том, что «крепостное право выгодно не только для дворянина, но и для крестьянина, образованный господин вносит в жизнь низшего сословия порядок, просвещение, привычку к трудолюбию, защищает от самоуправства соседей и посягательств представителей государственной власти»[16]. По сути, именно на помещиков Щербатов возлагал ответственность за благополучие крестьян, а следовательно, и за благополучие экономического положения страны.

Между тем Щербатов вовсе не исключал возможность предоставления свободы отдельным крестьянам и в принципе не отвергал идею социальной мобильности. Несмотря на то что в его представлении каждое сословие должно пользоваться только своими правами и привилегиями, он не настаивал на их замкнутости и изолированности друг от друга. Так, например, 13-й пункт 3-й главы Проекта прав среднего рода людей, под которым стоит подпись Щербатова, гласил: «Всякий мещанин имеет право достигать вечного и потомственного себе награждения, то есть дворянства». В последней главе этого же документа говорится о правах освобожденных на волю крепостных крестьян, которые должны были записываться в мещанское сословие[17].

---

[15] *Рустам-Заде З. П.* М. М. Щербатов, его публицистические и литературно-художественные произведения. Дисс. ... канд. филолог. наук. Л., 1967. С. 112.

[16] *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки). М., 1999. С. 209.

[17] Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 36. С. 183.

Впрочем, эти случаи рассматривались как исключительные, не способные нарушить основ сословного устройства государства.

Свое отношение к крепостным, так подробно изложенное на бумаге, Щербатов в точности исполнял на практике. В личном архиве князя сохранилось дело, состоящее из подписанных им отпускных для его крестьян[18]. Другие хозяйственные документы — главным образом переписка с управляющими ярославских вотчин — свидетельствуют о его заинтересованности положением крепостных. Щербатов постоянно контролировал всю сельскохозяйственную работу в своих имениях — от посева до уборки урожая, лично вникал во все их дела, посылал в город сыновей крестьян подросткового возраста для обучения ремеслу (сапожника, плотника, штукатура, каменщика и т. д.), которое бы потом приносило стабильный заработок как им самим, так и их владельцу[19].

В последующие годы Щербатов неоднократно возвращался в своих работах к крестьянскому вопросу. И, конечно, он не мог не высказаться на эту тему еще раз после такого сильного потрясения, как восстание под предводительством Пугачева. С точки зрения князя, это событие являлось наглядной демонстрацией того, что будет происходить по всему государству в случае единовременного освобождения крестьян, и это еще больше укрепило Щербатова в его мнении по этой проблеме.

Важно отметить, что, пытаясь обосновать предполагаемый ущерб от крестьянской свободы, Щербатов всегда руководствовался прежде всего принципом «пользы государства», как он ее понимал, а не своими личными или даже сословными выгодами. Он подчеркивал заинтересованность государства в том, чтобы земля была постоянно обработана, а не пустовала, чтобы развивалось сельское хозяйство, заселялись и осваивались малонаселенные территории обширной империи, а в зимнее, свободное от землепашества время осваивались ремесла и рукоделия и за счет этого развивалась экономика страны. Тем самым обогащались бы и крестьяне, и помещики, и государство. В интересах государства было также и то, чтобы в случае освобождения бывшие крепостные смогли безболезненно интегрироваться в тот слой общества, в котором приносили бы наибольшую пользу

---

[18] РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 149.

[19] РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 439, 460, 474, 484, 493, 508, 523 и др.

государству. Но всего этого можно было достичь только под контролем помещиков.

Наконец, существенное значение для понимания теории Щербатова о социальном устройстве «разумного» общества имеет трактовка им роли и места первого сословия, т. е. дворянства. Так же как и Ш. Монтескье, князь рассматривал дворянство в качестве основы монархии, гарантии от сползания ее в деспотизм. Дворянство для него являлось не только «политической силой, противостоящей неограниченной власти, но силой духовной и культурообразующей»[20]. Он видел в нем ту опору для просвещенного монарха, с помощью которой могло быть создано «законное» государство и обеспечена безопасность всего общества. Столь высокое положение, которое Щербатов отводил дворянскому сословию, помимо различных привилегий, подразумевало также его огромную ответственность перед обществом. Принимая участие в непосредственном управлении фактически всеми сферами государства, дворянство должно было стремиться к обеспечению его «благосостояния» и быть нравственным ориентиром для всех сословий. Образ жизни дворянина с самого его рождения был наиболее благоприятен для исполнения этой роли. Дворянское воспитание, в основе которого лежало представление о гражданской ответственности и нравственных идеалах, способствовало формированию представления о чести и достоинстве. Веками, из поколения в поколение, с раннего детства дворянский отрок был окружен примерами и рассказами о службе своих предков, «внимал похвалу добродетели и охуление пороков», его родители заботились о предоставлении ему достойного образования, ибо видели в этом «дело чести». Понятия честолюбия и долга являлись ключевыми в воспитании и поведении дворянина. Между тем само по себе благородное происхождение не являлось достоинством или недостатком для человека. Оно лишь определяло его место в структуре общества и создавало предпосылки для формирования личных качеств[21]. При неправильном воспитании и плохом образовании и из дворянских семей могли выходить люди, наделенные пороками, которые при отсутствии сдерживающих факторов, законов, приводили к развращению нравов в обществе.

---

[20] *Артемьева Т. В.* Михаил Щербатов. С. 25.

[21] См.: Там же. С. 28, 32.

Для них главным становятся не дворянская честь и гражданская ответственность, а стремление к личному обогащению любыми средствами. Особенно подробно свои мысли по этому поводу Щербатов изложил в работах, написанных в конце 1780-х гг.: «Письмо к вельможам, правителям государства», «Оправдание моих мыслей и часто с излишнею смелостию изглаголанных слов» и отчасти в «Размышлениях о самстве».

Особое отношение Щербатова к дворянству и его роли в русском обществе обусловило его интерес к истории и генеалогии этого сословия, а также к его юридическому положению. В связи с этим важное значение имеет деятельность Щербатова в Герольдмейстерской конторе, связанная с обеспечением юридического статуса титулованного и нетитулованного дворянства. Составленные Щербатовым проекты и записки способствовали регламентации работы Герольдии в центре и ее отделений на местах по ведению дворянских росписей, губернских и общей Родословной книг. По мнению Щербатова, Герольдия являлась сосредоточием, или «хранилищем», информации о происхождении рода, гербе, рождении конкретного дворянина, его службе, наградах, семейном положении, смерти[22]. Особое внимание князь уделял единообразию формы диплома для каждого дворянского титула. Все эти меры должны были способствовать регламентации юридического статуса и консолидации дворянского сословия в России.

Обращает на себя внимание тот факт, что в сословной структуре отсутствует духовенство. В отличие от Западной Европы, где существовали три сословия — дворянство, духовенство и горожане, в русском обществе, по мнению Щербатова, духовенство не являлось самостоятельным сословием. И это не случайно. Еще во время работы над Проектом прав среднего рода людей Щербатов (бывший автором 4-й главы документа о правах белого духовенства) включил духовные чины в состав «среднего сословия», что вполне отвечало идеям Екатерины II, высказанным ею в «Наказе». Между тем существует одна принципиальная разница во взглядах императрицы и Щербатова на сословную структуру общества. Помимо наличия в России трех сословий (дворянства, «среднего рода людей» и крестьянства), Щербатов считал необходимым создание еще одной но-

[22] РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 191. Л. 220–226 об.

вой сословной группы — военных поселенцев. Будучи уверенным, что рекрутская система набора армии является далеко не совершенной и даже гибельной как для самой армии, так и для крестьянского сословия, Щербатов предлагал создать так называемые солдатские поселения, разрешить солдатам обзаводиться семьей и хозяйством, а саму военную службу сделать наследственной. Таким образом, считал князь, солдаты, которые по большей части набираются из крестьян, не будут оторваны от своего главного занятия — земледелия, а их дети, с ранних лет приобщенные к военной науке и воспитанные на доблестных примерах своих отцов и дедов, будут более приспособлены к несению военной службы, нежели вчерашние крепостные, никогда ранее не державшие в руках оружия.

Существенное значение в системе философии Просвещения играли вопросы образования юношества и воспитания «новой породы людей» — гуманных, добродетельных и справедливых, способных принести пользу Отечеству. Особенно актуальна эта проблема была для России, где «пропаганда просвещения возводилась в статус государственной идеологии»[23], а общегосударственная система образования только начинала складываться. Уже на следующий год после восшествия на престол Екатериной II была создана Комиссия по народному образованию, а И. И. Бецкой разработал «Генеральное Учреждение о воспитании юношества обоего пола» и «Генеральный план» Московского воспитательного дома. В 1760–1770-е гг. были открыты «Общество двухсот благородных девиц» (Смольный институт), училище при Академии художеств, Педагогическое училище при Смольном обществе, Коммерческое училище при Воспитательном доме в Москве, реформирован Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Основная идея образовательных реформ заключалась в возможности предоставления образования каждому сословию. Однако подчеркивалось различие в системе обучения в зависимости от социального статуса. Для крестьянского сословия достаточно было усвоения основ христианского вероучения. Для «среднего рода людей» создавались специализированные училища, в которых преподавались дисциплины, необходимые для купечества, ремесленников, художников, аптекарей. Образование высшего сословия включало знакомство с последними достижениями в области науки и филосо-

[23] См.: *Артемьева Т. В.* История метафизики в России XVIII века. С. 150.

фии[24]. Именно в рамках этой теории государственной образовательной системы развивал свои идеи по созданию учебных заведений М. М. Щербатов. В выстроенной им модели идеального Офирского государства обучение и воспитание, основанные на принципах гуманности и морали, являются приоритетным направлением государственной политики. Все слои общества в соответствии с сословной принадлежностью имеют право на «приличное» им образование. Для крестьян, мещан и дворян существуют свои училища, в которых могут обучаться как мальчики, так и девочки и где у учащихся формируются основы гражданского самосознания.

На практике взгляды Щербатова относительно системы образования были реализованы во время работы в Комиссии о коммерции. В 1770 г. князем был представлен императрице Проект училища для купечества[25]. Следуя идеям философии Просвещения, в рамках которой нравственность рассматривалась как результат определенного уровня культуры общества, князь одной из главных целей создания училища, помимо чисто образовательного процесса, провозгласил воспитание в детях чувства любви к Отечеству, гуманности и уважения к человеческой личности. Щербатов категорически отвергал возможность применения физического насилия при воспитании детей. Определенное влияние в этом плане на мировоззрение Щербатова оказали труды английского философа Дж. Локка, который специально останавливался на этом вопросе: «Побои и все прочие виды унижающих телесных наказаний не являются подходящими дисциплинарными мерами при воспитании детей, которых мы хотим сделать разумными, добрыми и талантливыми людьми»[26]. В качестве мер воздействия на провинившихся или неуспевающих учеников Щербатов предлагал применять устные внушения, лишение прогулок и игр с другими детьми. Наказание должно воспитывать не страх перед взрослыми за возможные побои, а стыд за содеянное. По мнению князя, это должно привести детей к убеждению, что человека, который стремится к знаниям, дисциплинирован и добронравен, обязательно ждут удача и благополучие в будущем. И наоборот, того, кто не забо-

[24] См.: Там же. С. 152.

[25] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1 Д. 466.

[26] *Локк Дж.* Мысли о воспитании // Локк Дж. Сочинения. В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 442–444.

тится о приобретении добродетелей и о своей репутации, неизбежно постигнут неуважение и презрение общества.

С позиции уважения к человеческой личности рассматривает Щербатов вопросы преступления, наказания и прав осужденного. Как и большинство образованных людей его времени, Щербатов испытал сильное влияние работы итальянского юриста и правоведа Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», а также общих гуманистических идей Просвещения. Однако не со всеми идеями Беккариа Щербатов был согласен. Не осуждая отмену смертной казни в принципе, князь, тем не менее, полагал, что, принимая во внимание объективные причины, связанные с огромной территорией и холодным климатом, юридическое оформление такого закона в России недопустимо. Отвергая предложение Беккариа заменить казнь ссылкой и тяжелыми работами, Щербатов руководствовался именно принципами человеколюбия, ибо то состояние, на которое обрекался ссыльный каторжник в России, никак нельзя назвать более гуманной и нравственной альтернативой смертной казни. Между тем ее применение должно быть строго ограничено. К крайней мере необходимо прибегать только в тех случаях, когда речь идет о государственных преступниках и об умышленных убийствах. Вслед за итальянским юристом князь выступал за «соразмерность» наказания преступлению (с. 528) и предоставление подсудимому возможности защиты в суде («чего бы ради каждому по уголовному делу обвиняемому человеку не дать стряпчего или советника, который бы мог спомоществовать ему оправдаться». (С. 409.) В просвещенном государстве (здесь князь согласен с итальянским юристом) казнь не должна быть жестокой и мучительной, вселять ужас в присутствующих и ожесточать их нравы, а должна преследовать исключительно воспитательные и назидательные цели. Жестокость наказания, помимо прочих негативных последствий, влечет за собой огрубление общественных нравов.

Вопросы морали и нравственных ценностей являются ключевыми для понимания мировоззрения Щербатова. В той или иной степени они присутствуют практически во всех его трудах, но наиболее активно обсуждаются в последнее десятилетие жизни князя. Между тем именно эти работы одними из первых стали вводиться в научный оборот во второй половине XIX в., и именно они послужили основой для характеристики мировоззрения Щербатова в целом. Речь идет о самом, пожалуй, известном труде князя — памфлете «О повреждении

нравов в России», который подал повод говорить об авторе как о консерваторе и об «идейном предшественнике славянофилов». Это мнение, основанное исключительно на прочтении только одной работы князя, восходит к А. И. Герцену, к его первой публикации памфлета, осуществленной им в 1858 г. в Лондоне. Несмотря на то что впоследствии было опубликовано еще множество сочинений князя, эта точка зрения прочно вошла в отечественную историографию и дала основание рассматривать Щербатова как ретроград, восхваляющего допетровскую Русь, противника Просвещения и политического оппозиционера Екатерины II. В сознании многих поколений исследователей Щербатов оставался символом «культурного консерватизма»[27]. Однако все творческое наследие князя, а также его практическая деятельность на государственном поприще свидетельствуют о том, что он, безусловно, являлся человеком своего времени — века разума, критики и анализа, века Просвещения. Его стремление к «разумному» и «критическому» подходу ко всем вопросам прошлого и настоящего способствовало формированию самостоятельного мышления. Практически по всем вопросам политической, экономической и социальной жизни государства он имел свою собственную точку зрения, которая, тем не менее, в основном и главном укладывалась в рамки философии Просвещения. Взгляды Щербатова по большинству современных проблем и та работа, которую он осуществлял в качестве государственного деятеля на протяжении более чем 20 лет жизни, вполне соответствовали проводимой Екатериной II политике. Большинство же критических замечаний Щербатова были высказаны в работах, написанных им в конце жизни. И это не случайно. К концу 1780-х гг. уже можно было оценивать первые результаты преобразований последних 15–20 лет, в которых князь принимал активное участие. Многое, по его мнению, получилось не так, как ожидал он и, вероятно, сама Екатерина II — что тоже вполне закономерно. «Оппозиционность» и «консерватизм», которыми потомки так часто попрекали князя Щербатова, являлись на самом деле стремлением к стабильной политической системе, где все подчинено законам, где мораль и нравственность составляли бы основу государственности.

В полной мере это имеет отношение и к труду «О повреждении нравов в России». Памфлет прежде всего являлся попыткой проана-

[27] *Артемьева Т. В.* История метафизики в России XVIII века. С. 24.

лизировать историю «повреждения нравов» и состояние современного автору общества. Критика, с которой он обрушивался на всех чиновных лиц и представителей высшей власти, касается главным образом их нравственных пороков. Щербатову, многие годы проведшему при дворе Екатерины II, бывшему свидетелем многих политических и любовных интриг, придворные законы остались глубоко чуждыми. Как и при всяком дворе, здесь не было недостатка в лести, зависти и угодничестве придворных, которые в своих поступках часто руководствовались не государственными интересами, а личными выгодами. Но самую большую неприязнь, особенно в последние годы жизни, у Щербатова вызывал фаворитизм. Человеку, воспитанному на высоких моральных принципах, всю жизнь старающемуся неуклонно им следовать, являющемуся примерным семьянином и главой большого семейства, придворные порядки представлялись просто дикими. Одна из центральных идей памфлета заключается не в призыве автора к возврату к допетровским временам, а в стремлении, путем установления законов и порядка, к нравственности. Именно *закон* и *порядок*, по мнению Щербатова, являются основой благоденствия государства.

Автор публикации выражает глубокую признательность К. В. Карапетян за оказанную помощь в переводе с французского языка писем М. М. Щербатова.

С. Г. Калинина,
кандидат исторических наук

М. М. ЩЕРБАТОВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

РАЗНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ О ПРАВЛЕНИИ

1. Вообще о правлении

Хотя человек и снабжен даром разума, чтобы долженствовало всегда его вести на прямой путь, по главностям добродетели, иже суть изображены в его сердце, но так как одаренная разумом тварь, могущая принимать разные изображения, сии чуждые вещи толикое действие в нем произвели, что нынешний человек не таков уж, каков от естества сотворен, но таков, каково воспитание, разные предосуждения и изображения часто несправедливые его сочинили, и счастлив тот, кто между сего терния может рассмотреть хорошую траву, которая подавлена суть.

Сие повреждение разума человеческого есть причина, что никакое сообщество, хотя мало оно многочисленно, не может пребывать без некоторых правил и законов, которые каждого поступок установляют, и без одного или многих определенных персон, дабы принуждать оные исполнять и надзирать над исполнением. Сие сочинило разные рода правления: монархическое, которое от патриаршего правления начало свое имеет, деспотическое, иль самовластное, введенное мучителями, аристократическое и демократическое, о коих можно мнить, что они произведены неудовольствием вельмож иль всего народа, правлением сих деспотов, которые по тому колико они имели участия в сих применениях, более или менее участия в правлении взяли.

Все сии правления (окромя самовластного) имеют их полезности и пороки: часто монархия пременяется в самовластие иль во ужаснейшее мучительство, аристократия весьма утесняет подлый народ, демократия производит беспорядки и смущения, которые иногда и самого государства гибель приключают. И так можно сказать, что нет ничего совершенного в делах человеческих, но понеже совершенство нам не дано в удел, то будем, по крайней мере, стараться от пороков избежать.

2. Правление монархическое

Понеже монархическое правление имеет свое начало от правления патриархов, или отцов фамилий, тут государь — по избранию

ли иль по праву рождения, на престол бывает возведен — должен не только себя почитать царем народа, который управляем, как отцом, а они себя его детьми [должны] считать: он есть их покровитель, защитник, судья и прочее. И яко в правлении каждого рода хотя вышняя власть и в персоне единого отца пребывает, однако и тот в важных делах спрашивает совету у старейших иль мудрейших своих детей, то тем наивяще, понеже в монархическом правлении более важных дел случается, и что когда же надлежит сохранить установленные уже законы иль новые установить для благополучия народов: не необходимо ли нужно государю иметь совет, сочиненный из мудрейших и более знания имеющих в делах людей его народа, которые должны ему представлять то, что может служить к счастью государств и отсоветовать колико возможно в вещах, предосудительных государству и клонящихся к самовластью.

И тако я считаю за величайшего и счастливейшего между монархов того, который, почитая себя отцом народа, не старается, отвергая законы, ввести самовластье, не разделяет свои интересы с интересами государства, знает великое искусство избирать себе в советники таковых людей, которые сопрягают усердие к их государю с любовью к отечеству и законам. Но коль мало есть таковых монархов, которые, имея уже вышнюю власть, быв склонены честолюбием, разными страстями, а паче сим адским чудовищем (то есть лестью придворных), не покушаются достигнуть до самовластья! Коль же мало есть и министров, которые бы по слепой любви к государю, а более для собственной их корысти, не готовы б были ему в том помогать, иль бы могли сопротивляться блистанию злата и достоинств! Так же мало и народов, которые бы не хотели простереть их привилегии чрез уменьшение власти и доходов государя.

3. О аристократическом правлении

Аристократическое правление, по моему мнению, установилось чрез некоторые возмущения, сочиненные главными фамилиями, которые, видя, что монархия зачала в самовластие применяться, выдумали другой род правления, сиречь такой, в котором власть вверена некоторому числу людей, отличных их достоинствами и летами. С первого взгляда несть ничего прекраснее главностей сего правления: тут мудрейшие люди сочиняют Сенат, не по своенравию еди-

ного, но по здравому рассуждению разумнейших мужей государства дела течение свое имеют. Учиненные проекты государем толь подвержены к пременениям, наследником его не оставляются, иль и самой пременой его мыслей, понеже сей Сенат есть бессмертен и непоколебим. Тут каждый не ожидает награждений и не страшится наказаний, как токмо по мере услуг его государству. Сии достойные вожди народов трудятся для пользы отечества, сопрягают пользы их родов с пользой республики, которой управляют. Законы тут не пременяются для пользы иль своенравия единого: понеже ревность между членов Сената производит сопротивление. Лесть, сие адское чудовище, не имеет власти в таковом правлении, команда армий лишь храбрейшим и искуснейшим препоручается, а не пронырливейшим придворным. Юноши, воспитанные в добродетели, желая достигнуть до подобного достоинства в правлении, побуждены похвальным честолюбием, стараются добродетелями и заслугами своими достойными учиниться.

Вот вкратце изображение с единой страны сего правления, которое бы можно почесть совершенным, если бы люди могли укрощать их страсти. Но сия толь мудрая форма правления, какова она, если ее в тонкость рассмотреть? Сии толь мудрые люди, сочиняющие Сенат, также бывают заражены честолюбием и собственной к себе любовью. Каждый, хотя и равен в Сенате, однако хотел бы властвовать, и чтобы его голосу предпочтительно пред другими последовали. Сие рождает происки, партии, ненависти и другие злы, иже суть не отдельны от сих страстей. Хотя дела и решаются по большему числу голосов, однако большее число не всегда лучшее бывает. Хотя проекты и не толь легко применяются, но разные происходящие споры, в которых каждый хочет содержать свое мнение, и чрез препятствия, которые чинит, естли то противу его мнения определится, толь медлят, что часто оные [проекты] в ничто обращаются. Предпочитая пользы своих родов интересам государства, стараются учинить вечными в их домах достоинства и богатства со исключением других и утесняя подлый народ, который нигде столь не несчастлив, как под аристократическим правлением. Хотя благие законы не толь легко пременяются для прибытку и честолюбия единого, для самой той же причины вредные, в которых многие члены Сената себе пользу обретают и столь легко отвергнуты бывают. Коль лесть от нижнего к вышнему в сем роде правления не обретается, другой род лести, иже есть, дабы возмочь кого привлечь в свою сторону, между членов Сена-

та бывает, а первая от подлого народа вельможам для приобретения их покровительства. Хотя команда армий лишь достойным людям поручается, однако, окромя, что сие правило есть не без исключения, обыкновенная тихость в рассуждениях и исполнении чинит, что часто лишь рассуждают тогда, когда уже действовать надлежит. Юношество, правда, побуждаемо знатным честолюбием, старается своими добродетелями и великими делами приобрести себе достоинства, но весьма часто сие лишь маска, которую употребляют для прикрытия своего неумеренного честолюбия.

Я уже не говорю о сих заразах правления аристократического, которые, льстя народ, усиливаются или делать смущения, иль достигнуть до мучительства, к чему редкое республиканское правление не подвергнуто, и о малом обретающемся послушании от нижних, когда они находятся под покровительством в родстве кому из великого числа управляющих республику, ни о неудовольствии народа, который, быв час от часу более утесняем от вельмож, ищет случая низвергнуть с себя иго их, и себя отмстить, хотя с подвержением произвести междоусобную войну и все государство в смущение и беспорядок привести.

4. О демократическом или народном правлении

Те же причины, которые подали случай пременить монархию во аристократию, сиречь мучительство государей вельможам, были причиной установления народного правления, то есть мучительства вельмож подлому народу. Иногда неравный раздел земель, яко в Афинах, иногда утеснение должникам, яко в Риме, иль какие другие причины принудили плебиан (дабы употребить обыкновенное именование в Римской республике) принять оружие и сравняться с их утеснителями, как в праве рассуждать о делах государственных, так и в праве происходить в достоинства. Демократическое правление с первого взгляда является быть сходственнейшее с естественным законом, понеже быв все рождены от единого отца, не все ли имеют справедливость требовать сию равность состояний, которая ныне является изгнанной из сообществ? Но, рассмотря сие с другой страны, несть ничего непостояннее сего правления. Оно снедает свои недра, разделяясь в разные партии, которые разные смутные поджигают яко корабль на волнующемся море — хотя часто искусством кормщика от потопления избегает, но чаще еще и погибает

иногда и у самой пристани. Понеже, окромя обыкновенного порока медленности, общего всем республикам, никакое государственное таинство скрываться не может, быв сообщаемо всему народу: издержки, весьма нужные и необходимые для государства, бывают соблюдены для того, что народ не хочет новые наклады на себя наложить. Люди справедливого обычая и неприятели лести не токмо презрены остаются, но и гонение претерпевают. Вместо того люди лукавые, пронырливые, которые за правило их поступка не добродетель и справедливость почитают, но их собственный убыток, яко Силла[1], Цезарь[2], Август[3], Альцибиад[4], Периклес[5] и другие, суть почтены и любимы. Тщетно несправедливо обвиняемый человек, надеясь на свою добродетель и справедливость, мнит избежать от казни. Довольно ему иметь двух смутных неприятелей, дабы осуждену быть, вместо чего преступник не теряет надежды, чтобы с помощью хорошего ритора, который приятным чарованием своего красноречия умеет разжалобить народ и затмить законы, быть оправдан сим смутным собранием. Любовь народа непостояннее его ненависти: они без всякого зазрения совести казнят того, который за несколько дней пред тем был избавителем отечества почитаем, и часто изгнанный с бесчестием человек возвращается в свое отечество при восклицаниях сего самого народа, который недавно ему неприятель был. Учиненные заслуги не далее в памяти пребывают, как толико времени, колико они шум производят. Проходит ли несколько времени без какого нового знатного дела, то заслуги забываются, а часто и наказаны бывают.

5. О самовластии

Я не знаю, можно ли по справедливости самовластие именем правления именовать, понеже сие есть мучительство, в котором нет иных законов и иных правил, окромя безумных своенравий деспота (самовладетеля). Вместо что в монархии государь есть для народа, в самовластном правлении народ является быть сделан для государя. Тщетно естество истощит свои сокровища для произведения деспота, одаренного всеми возможными добродетелями, в сем роде правления однако он весьма мало блага народу сделает, если не испровергнет самовластие: вместо что несчастие и злоключение народа почти везде последуют поступкам такого государя. Воюет ли он, мир ли заключает, никогда ни в чем о пользах народа не старается,

но более имеет в предмет честолюбие иль своенравие государя. Сочиняет ли благие законы, народ не имеет причины радоваться, понеже в его самоизволении состоит их отвергнуть, иль и оставя их, пребывать, нарушать их когда ему угодно, ради всех тех, для кого он восхочет. И действительно, какие законы могут быть полезны для такого народа, который, я уже не упоминаю о дарованиях счастья, но и самую жизнь имеет токмо тогда, пока угодно деспоту дозволить ему оной пользоваться — навсегда лишен величайшего дара природы, то есть вольности? Возможет ли что ужаснее быть, как видеть миллионы людей, сравненных со скотами, которые работают лишь для единого и для его визиря и фаворита, который, быв рожден в неволе, достиг до милости государя лишь чрез мерзкую лесть и подлость — требует, чтобы другие ему подобное же почтение воздавали и делали бы для него то же, что он для сохранения своего случая делает? Тщетно человек, утвержденный в добродетельных склонностях, надеется достигнуть до некоторого достоинства, понеже всегда льстецы ему пресекают дорогу и недовольно того, что препятствует ему произойти, становятся его изгонителями по единой токмо той причине, что он является своей добродетелью их укорять в их преступлениях. Какое может воин награждение ожидать за свою храбрость и добрый поступок, когда тот, кто по государе милости разливает, часто не более что как токмо шут, а почти всегда человек воспитанный при дворе и знает войну лишь понаслышке оной? Имеет ли право справедливый судья требовать награждения за его непристрастное правосудие, когда разливатель оных не токмо никакого знания в правах не имеет, но часто насилу и азбуку помнит и имеет нужду, чтобы ему давали для удовлетворения его сластолюбия и лености? Таким образом, под сим правлением народ стонет в неволе, воин более старается угодить, нежель делать свою должность, судья продает правосудие для удовольствования сребролюбия временщика, духовного чина человек без твердости, вместо наставлений, лишь панегирики сочиняет, торговля ослабевает, науки, сии украшения разума, не имея вольности мыслить, бегут сих мест искать благораствореннейших воздухов.

6. О нравах народов под сими разными правлениями

Понеже ничто более действия не имеет над правами человеческими, как воспитание, и как воспитание разнствует по разным родам

правления, и так под всяким правлением народ имеет особливые нравы, более иль меньше сходственные с законами государства. Таким образом, в монархии люди честолюбивы, во аристократии горды и тверды, в демократии смутнолюбивы и увертчивы, в самовластном же правлении подлы и низки.

7. О законах

Понеже никакое сообщество не может быть без некоторых правил или законов, то и обретают великое множество законодавцев. Мало есть монархов иль деспотов, которые бы не предприяли законодавцами учиниться. Немного есть временщиков, сенаторов иль вождей народа, которые бы не предлагали сочинить некоторые законы, мня чрез сие или достигнуть до какого желаемого ими конца, или учинить бессмертно свое имя чрез пользу, которую восчувствует народ.

Никакая, по моему мнению, слава не сравнительна той славе, каковую себе приобретает мудрый законодавец, понеже учиненное им благодеяние народу есть продолжительнейшее всех других, и что оно на каждого разливается. Но также несть ничего вреднее худых законов, ибо как благие законы сочиняют благополучие всего народа, так худые делают его злополучие. Однако по большей части таковые законодавцы обретаются, которые имеют великое мнение о самих себе, и более стараются о собственном своем прибытке, нежели о благе государства, не размышляя сочиняют законы, которые сочинят несчастие народа и самого потомства их.

Дабы сочинить благие законы, надлежит, чтобы тот, кто восхочет предписывать законы, не токмо бы знающ был в древних узаконениях страны, но так же бы в истории, дабы не весьма сопротивляться древним, и возмог бы предвидеть (чрез взятые примеры из истории), какие могут следствия произойти. Надлежит, чтобы он знал главные установления своей страны, дабы в некоторых пунктах их не опровергнуть. Имел бы знание сердца человеческого, дабы проникнуть внутрь и искоренить пороки в самом их начале. Надлежит ему знать владычествующую склонность своей нации, дабы предписать жесточайшие наказания за преступления, к которым она более склонности имеет. Надлежит, чтобы он некоторым образом последовал предупрежденным мыслям народа в его обычаях, которые их древностью силу законов получили, и которые часто не могут быть пременены, не приключа более вреда, нежель какая польза может от того про-

изойти. Наконец, надлежит, чтобы законодавец не высокомысленный человек был, который без дальнего рассмотрения осмеливается предписывать законы, дабы он был довольно мудр, дабы возмог сносить учиненные ему споры, и возмог бы понравиться, довольно милосерд, дабы отпустить малые вины и довольно тверд, дабы предписать строгие наказания за великие преступления.

Законы должны быть написаны слогом кратким, внятным и не двояко знаменующим. Но понеже лукавство сердца человеческого есть толь велико, что тщетно употреблять все способы к написанию законов без двояко-знаменования, поврежденные судьи все найдут некоторые для утверждения их неправосудия. И для сего является мне, что сие бы великой полезности было, естли бы высшее судебное место каждой страны ежегодно велело печатать подлинником все дела, которые бы в нем решены. Понеже положим, что некоторые из сих дел и по пристрастию бы решены были, но сие бы самое пристрастие законом не учинилось, а и самые бы двояко-знаменующие законы, по тому, как они в сем вышнем суде были употреблены для решения дел, двойного бы их разума лишились, а подданные бы не опасались по единому закону быть оправданы в одном деле, а обвинены в другом. Нижние же судебные места, имея пред своими глазами решения вышнего суда, не осмелились бы от них отдалиться.

Все законы не могут быть полезны для всякого рода правления. Те, которые сочиняют благополучие народа в монархии, лишь смущение и беспорядок в республике произведут. И общим образом можно ознаменить пристойные законы для всякого правления под сими главностями, то есть: они милосерды в монархии, мучительны под самовластием и строги в республиках.

8. О награждениях

Любовь к отечеству, долженствующая побуждать всех подданных, колико возможно служить отечеству, в монархии, окромя, что каждый, служа своей стране, надеется разделять благоденствие, есть еще и другая причина побуждения, иже есть даваемые государем награждения. И тако каждый имеет тройную причину служить государству: яко сын отечества, яко разделяющий с другими благоденствие его, и яко ожидающий от государя награждения самому себе. Такой государь, который не тщится приобрести самовластие, быв яко главный государства, которого он должен интересы и казну соблюдать, не

преисполняет награждений, понеже редко кто может достоин быть сему преисполнению, каковое видно в самовластных правлениях, где владетель, не имея другого закона, ни другого интереса, окромя своего своенравия, делает все, что ему вздумается, без всякого дальнего рассуждения, преисполняет достоинствами и богатством единого человека, который часто не имеет другого достоинства, как токмо что искуснее других умеет льстить.

Республики для сохранения равности между граждан суть еще бережливее на награждения. А однако, не взирая на все неправосудия, которые обыкновенно бывают в республиканских правлениях, коими история наполнена, никакое другое правление нам не подает толь великого числа знатных примеров любви к отечеству. Венец из дубовых ветвей иль из дерну, более возбуждали сих великих людей все жертвовать за отечество, нежель наивеличайшие достоинства и неисчетнейшие богатства не могут учинить в каком другом правлении. Рассмотрим же, откудова сие происходит? Сие есть, что республиканцы почитают себя единым родом, в котором каждый имеет некоторую особливую часть себе в удел, от которого он более или меньше прибытку получит, по мере доброго состояния, в котором все другие части будут находиться. Равность, иже есть удел республиканцев, чинит, что каждый старается, колико ему возможно, приобрести некоторое почтение, а редкость награждений делает, что ради дубовой или дерновой короны, иль ради некоторого украшения дома, иль какой другой подобной вещи, не щадит ничего для приобретения почтения от своих сограждан. И понеже каждый имеет одинаковое право требовать сих достоинств, то каждый же и чтится, чтобы они не были уподлены нерассудным раздаянием.

Можно вообще сказать о награждениях, что не меньше надлежит иметь умеренности давать, как наказывать. Справедливое посредство весьма трудно сыскать. Великая скупость в награждениях ослабляет бодрость, а великая чливость чинит, что излишне великими почитают всякие заслуги и производит в сердцах корыстолюбие. Часто государи, для показания их щедрости, иль для приобретения любви своих подданных, чливо милости свои разливают и преисполняют награждения. Что же от сего происходит? Награждения, со излишним расточением даваемые, теряют свою цену, бодрость корыстолюбива становится, люди, оказавшие услуги, вскоре в сластолюбие впадают и мня, что им всегда должно давать, никогда и ничем довольны не бывают. Казна государственная истощается и вместо прибытку, какой

бы государство могло получить от исполненных достоинства людей, они ему в тягость становятся. Достоинства, со излишеством умноженные, блистание свое теряют, так что желая избежать от неспособностей, которые могут воспоследовать от скупости в награждениях, в вящее и опаснейшее зло впадают, тем более не исцельное, что привыкши к сему расточительному раздаянию, будут почитать, яко бы у них отнимали все то, что им не дадут.

9. О наказаниях

Хотя во всех правлениях законодавцы соглашаются наказывать смущающие общество преступления, однако единые в некоторых странах строже наказаны, нежели в других, по мере как нация более ли или меньше, имеет склонности в иные впадать. Так же и род правления действие свое производит. Так в республиках, где разные партии часто колеблют государство, преступления оскорбления величества не столь строго наказуются*: под монархическим правлением милосердие государя иногда некоторое ослабление дает, а понеже самовластие на страхе основано, то и содержится мечем и кровью.

Сохрани меня, Боже, похвалить сии бесчеловечные законы, которые наказуют смертной казнью и самые малейшие преступления: понеже надлежит иметь почтение к человечеству. Но также я не могу похвалить и сие неумеренное послабление, которое прощает и дарует жизнь всяким преступникам. Отцеубиец, разбойник, смертоубиец, обагренный кровью своих братьев, достоин ли какого милосердия? Иль лучше сказать, учиненное милосердие с таковым чудовищем не возбуждает ли других в таковые же преступления впадать? И сей самый человек, единожды пойманный в сих преступлениях, если простится и опять в них впадет, то учиненное с таковым виновным милосердие не злость ли для невинных? И так мне является, что государь, который себя обманывая сим милосердием, освобождает подобных разбойников, чинит себя виновна в смерти всех тех, которых сии освобожденные разбойники умерщвляют. Меч правосудия не меньше нужен для укрощения мздоимства судей, которых я почитаю яко разбойников, тем более опаснейших, что труднее избежать от их рук, и что они разбои и грабительства свои среди градов и в священных местах чинят.

* Чрез что стараются не привести оных в отчаяние, дабы, желая малое зло наказать, вящее бы не произвести.

ЗАПИСКА ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

Господа!

Хотя я и иностранец, но так как я давно пребываю в России и имел счастие проживать в нескольких домах русских помещиков, знающих свою страну, а к тому и знакомых с началами истинной экономии, то я и получил через это возможность ознакомиться с некоторыми особенностями, касающимися различных уездов, составляющих это обширное государство, а также и с обработкой земли. Итак, позвольте мне, господа, представить вам в качестве гражданина мира некоторые из моих замечаний на современное положение вещей. Льщу себя надеждой на это снисхождение, особенно потому, что, составляя Вольное общество, включающее в себя людей редкого достоинства, и имея в виду не иное что, как одно только благоденствие России и благополучие ее обитателей, вы уже допустили в него нескольких иностранцев[6].

Из истории прошедших времен и из рассказов людей на возрасте я был поражен дешевизной хлеба в России. И даже в течение первых лет моего пребывания в сей империи он был в цене довольно умеренной, особенно если сравнить ее с нынешней.

Отчего же это происходит?

1. От скудного ли урожая сих лет? Нет, мы не можем пожаловаться, чтобы в 1764 и в предшествующих годах хлеб уродился плохо, хотя, правду сказать, в 1766 г. урожай ржи, которая составляет здесь главное питание жителей, был плох, но взамен того все яровые хлеба уродились на удивление. Я скажу даже, что и 1765 г. не был столь неурожаен, как это считают; хотя и оказался недород в некоторых провинциях, но зато в других земля дала редкого рода хлебов сверх необходимого, не говоря уже о том, что (предыдущие) урожайные годы у помещиков и у некоторых крестьян могли бы поддержать один или два года недородных без такого подъема цен, какой мы наблюдаем.

2. Может быть это следствие плохой обработки полей? Я должен признать, что, вообще говоря, земли обрабатываются в России довольно плохо, но были ли эти земли обработаны лучше в предыдущие годы? Следственно и это не может быть причиной дороговизны.

Поищем же ее истинного происхождения. Мне кажется, она может вытекать только из следующего: дело в том, что по соразмерности с

числом людей, потребляющих хлеб, не достает людей, обрабатывающих землю. В доказательство этой истины обратимся к цифрам.

Мне известно, насколько это доступно иностранцу, что в России насчитывается 7 миллионов ревизских душ мужского пола, да и они не все земледельцы, потому что в число 7 миллионов включены и дворовые, занятые в домах помещиков и в их имениях по уходу за скотом.

Если я теперь приму, что в России имеется 50 тысяч дворян, а это конечно никак не преувеличено, и на каждого положу по три дворовых, это составит 150 тысяч, которые придется выкинуть из числа хлебопашцев. Надо прибавить еще некоторые уезды, в которых не хватает пашни, так что крестьяне принуждены заниматься торговлей или в своих селениях, или на время покидая свои дома. Присоедините еще и занимающихся ремеслами, причем я имею в виду исключительно выделывающих необходимое, а не предметы роскоши. А так как вначале торгующие крестьяне и ремесленники были весьма редки, плата за труд по тому времени была весьма значительна, а содержание весьма дешевое, эти люди обогатились и пустили в оборот нажитые деньги. Тогда другие, у которых было достаточно земли, но которые по сравнению со своим трудом и тягостями в хлебопашестве получали недостаточно (как и повсюду происходит, что самые ходимые вещи хуже всего оплачиваются), побуждаемые примером тех, последовали за ними, нашли в этом для себя кажущуюся прибыль, пригласили за собой своих родных и приятелей, а весьма часто несмысленные помещики сами посылали туда своих крестьян в ущерб хлебопашеству. И таким образом по мере удорожания содержания и увеличения числа работников заработок понижается, и они приводят в разорение и себя и государство. Если же они поддерживают свое существование, то лишь благодаря роскоши частных лиц, которые, не довольствуясь необходимым, производят излишние постройки (я имею в виду сейчас этого рода работников[7]). Горестное состояние, когда существование свое надлежит основывать на предосудительных пороках частных лиц, подрывающих государство. Тем не менее эта призрачная видимость значительного прибытка отрывает от земли по меньшей мере один миллион людей, которые ищут средств к существованию в пасти, отверзтой безумием других людей. Следовательно, по этому весьма умеренному расчету находится не менее 1150 тысячи предназначенных и способных к земледелию, ко-

торые не заняты им. А тако коль крестьян по окладу насчитывается 7 миллионов, то способных по своему возрасту и состоянию обрабатывать землю придется не более 4 миллионов, а вычитая из этого числа 1150 тысяч человек, получим всего 2850 тысяч. Примем даже для верности 3 миллиона.

Посмотрим теперь, сколько каждый из этих земледельцев может обработать земли и прокормить народу. Я полагаю, что на одного работника придется положить не более двух десятин[8] земли, имея в виду в одних губерниях твердые и трудно поддающиеся обработке земли, а в других недостаточность земли, а также малый срок удобного времени года. Таким образом придется по две десятины озимого и по две десятины ярового на человека, или всего 6 миллионов десятин под озимью (я буду их считать исключительно под рожью, наиболее распространенным в России видом хлеба). Обыкновенно на десятину полагается 16 четвериков[9] семян, всего значит высевается 96 миллионов четвериков; предполагая, что год удовлетворительный и что во всех провинциях всей этой обширной империи рожь придет сама пятая, получится 480 миллионов четвериков ржи. Из 6 миллионов десятин под яровыми посевами никак не более одной трети можно считать занятыми ячменем, который в случае надобности потребляется на еду населением. На десятине высевается ячменю 12 четвериков семян, значит всего понадобится 24 миллиона четвериков; если принять и в этом случае благоприятный год, так что ячмень придет во всех губерниях сам шесть, получится всего 144 миллиона четвертей этого хлеба. Всего же хлеба того и другого сорта оказывается 624 миллиона четвериков. Остальные виды хлеба имеют в виду не питание людей, а животных, или составляют предметы роскоши, или же высеваются кое-где взамен ячменя, который там не дает удовлетворительных урожаев. Поэтому я их в счет не кладу. Итак, нами произведен, хотя и преувеличенный, подсчет продуктов, которые могут быть доставлены крестьянами, обрабатывающими землю. Посмотрим же, кого предстоит им прокормить.

Мы имеем 7 миллионов душ мужского пола по ревизии, к ним надлежит прибавить 7 миллионов душ женского пола, итого следовательно 14 миллионов.

Хотя и наугад, определим число дворян, белого и черного духовенства, военных, купцов, горожан и иностранцев в 2 миллиона мужчин и столько же женщин. Получим всего 18 миллионов душ, питаю-

щихся произведением труда никак не более 3 миллионов настоящих земледельцев.

А так как мы определили, что годичный урожай составляет 624 миллиона четвертей, из которых надо еще отнять 120 миллионов четвериков семян, на продовольствие придется 504 миллиона четвериков.

Наблюдение показывает, что взрослый человек, занятый тяжелым трудом, съест в месяц более 2 четвериков, приняв среднее количество для мужчин, женщин и детей в 2 четверика на месяц, получим на 18 миллионов душ 432 миллиона четвериков в год. Сколько же остается (из 504 миллионов чистого сбора)? Всего 72 миллиона, а это такая незначительная величина, что, независимо даже от преувеличения нами расчета в исчислении полученного продукта и преуменьшенного в исчислении населения, в случае хотя бы незначительного недорода должен наступить голод. Примите еще во внимание, что урожайность в различных уездах почти никогда не бывает одинаковой, что крестьяне некоторых уездов, как например в окрестностях Москвы, чему я очевидный свидетель, мало привязаны к землепашеству, не говоря уже о разного рода случающихся бедствиях, как непогоды, пожары, кораблекрушения. И рассудите, не грозит ли России постоянно, невзирая на ее малонаселенность и обширное пространство, страшный голод?

Может быть мне скажут, что многие плодородные уезды родят более хлеба, нежели мы считаем; что во многих провинциях земли столь легкие, что крестьянин может сработать более двух десятин в поле; что Малороссия, плодородная и изобильная страна, может доставить большое количество хлеба. На это я отвечу, что если некоторые уезды и родят более, то зато другие родят менее, и местностей последнего рода больше и они более населенны. Затем, если в некоторых местностях крестьяне обрабатывают более двух десятин, в других у них даже не имеется столько пашни. Наконец хотя Малороссия и производит весьма много хлеба, но вследствие отсутствия водяных путей не может доставлять зерно в Великую Россию, да это и было бы крайне убыточно, так как и без того они (т. е. малороссы) извлекают достаточно денег за свой скот, фрукты и другие произведения, которые они привозят в Россию, и если они начнут еще доставлять хлеб, то деньги станут выходить в Украину, а так как оттуда они не будут никуда обращаться, за исключением

может быть Польши и Турции, то это произведет оскудение денег в центре империи.

Еще мне могут возразить следующее: как же объяснить, что, невзирая на этот расчет, Россию при нескольких неурожаях подряд не постиг всеобщий голод, как это должно бы было произойти, судя по сказанному. Возражу я и на это. Дело в том, что на все количество потребления следует скинуть чуть не пятую долю с крестьян, которые питаются мякинным хлебом[10], живя скорее как животные, а не люди; на их ли несчастии и недоедании должны мы основать наше существование? Нет, навеки да погибнет та ужасная политика, которая желает поддержать целое угнетением частей! Нет, повторю я, мы живем под слишком человеколюбивым правлением, чтобы основать наше благополучие на несчастии того состояния империи, которое составляет ее главную силу. И намерение мое не клонится к тому, чтобы собрать изобилие хлеба, вызывая этим голодную нужду со стороны тех, которые трудом своим нам его добывают, а к тому, чтобы благополучие всего общества могло проистекать из благополучия каждого в отдельности.

Рассматривая все эти причины, грозящие подданным этой обширной империи почти неизбежным голодом, я часто размышлял помочь этому бедствию. Состояние свободы, в котором я рожден, и первые чувствования человечности заставляли меня весьма часто обращаться к мысли, что, если бы дать свободу крестьянам в России, сие оживило бы их промысел, и неприкрепленный к земле, не находящийся более в рабстве, каждый из них потщится достигнуть возможного благоденствия, а из сочетания частных благополучий проистечет и всеобщее блаженное состояние. Или же пусть дали бы им по крайней мере в собственность недвижимые их имения, коими теперь они владеют лишь в силу благодеяний их господ, в том предположении, что обладание собственностью заставит их с бóльшим тщанием относиться к своему имуществу, а это самое и создаст величайшие богатства государству.

Но, Боже, когда я углубил далее свои изыскания, какая представилась глазам моим ужасная картина, какие недороды, какие убийства, возмущения и прочее! Нет, нет, я бегу далеко от сих мыслей, и что бы ни говорил естественный закон[11], оставим лучше крестьян в России в том состоянии, в котором они пребывают в течение нескольких столетий. Но тщетные возглашения эти недостаточны для подкреп-

ления утверждений моих, требуются доказательства, и я их здесь предлагаю.

1. Россия столь обширная страна, что занимает почти половину Европы и значительную часть Азии, вмещая в себе различные климаты; между тем наибольшие государственные тяготы выносят далеко не самые плодородные области, а весьма мало плодородные, составляющие так называемую Великую Россию. Эти же области самые населенные, но их жители, по причине малой производительности земель, посещают часто более обильные области то для торговли, то для получения хлеба, то на заработки; так что области эти им столь же знакомы, как и место собственного рождения. Поэтому при первой вести о свободе значительнейшая часть добрых земледельцев перейдет в те области; это предположение тем более верно, что, невзирая на строгие предписания о выдаче беглых, постоянно целыми семьями они переходят в местности с более умеренным климатом. Так что царство казанское и окружные страны, как это нетрудно доказать гражданскими актами, населены одними только беглыми из Великой России. Что же последует? Центр Империи, местопребывание государей, вместилище торговли станут лишены людей, доставляющих пропитание, и сохранят в себе лишь ремесленников, которые, покинув землю, ищут средств своих там, где роскошь и безумие людей достигают высших степеней. Я не спорю, что плодоносные земли будут более разработаны, принесут более хлеба, но неимение путей сообщения, дороговизна провоза удорожит стоимость продуктов и со своей стороны вызовет голод в центре России. Не говорю уже о трудности государю получить необходимые доходы.

2. Хотя материнские попечения царствующей императрицы, казалось бы, должны были истребить неправосудие, однако к несчастью, господа, ее неоднократные указы по одним и тем же предметам и жалобы народов достаточно показывают, что несчастный порок мздоимства, малое прилежание судей к своим обязанностям и низкие их чувствования слишком вкоренились, чтобы могли быть в скорости исторгнуты. Поэтому помещичьи крестьяне, терпя тысячи притеснений со стороны губернских начальств, отдадутся с удовольствием вельможам и будут переходить из рук в руки к тем, кто теперь стоит или тогда стоять будет у вершины власти.

3. Дворянство российское, дворянство, достойное величайших похвал и восхищений как по заслугам своим, так и по верности и по

деяниям своим, которыми оно способствовало почти бескорыстно всем начинаниям Петра Великого[12], дворянство, составляющее славу России и вызывающее восхищение Вселенной, из состояния богатства низвергнутое в бедность, принуждено будет покинуть отечество или, доведенное до отчаяния, достойного осуждения, предпримет нечто противу отечества своего, не для исправления, ибо дело будет непоправимо, но в видах отомщения. И сие тем легче может приключиться, что тот, кому терять нечего, ничем не жертвует.

Переход земли в собственность к крестьянам, оставляя их в прежнем подчинении, нимало не облегчит нынешних неудобностей, ибо тщетно утверждать, что я обладаю такою или иною вещью по праву собственности, пока я, ее обладатель, раб, подданный своего господина. Но предположим, что все помещики столь справедливы, что не учинят никакого насилия над крестьянами; спрашивается, какую же землю можно будет им дать в собственность? Помещичью? Но все они принадлежат дворянам, с основания родов их, дарованиям от государей, которые этим вознаградили пролитую на службе их кровь, и было бы несправедливостью лишить дворянство имений, которые предки их приобрели, жертвуя своею жизнью и здоровьем.

И каким образом отдать эти земли? Все ли пашенные, луговые и лесные угодья? Если передать крестьянам леса и рощи, люди эти, не размышляя много о будущем, истребят все леса, и Россия приведена будет в крайнюю нужду, так как мы наблюдаем, что, невзирая на повеления Петра Великого о сохранении лесов, невзирая на строгую бережливость всех помещиков, как только представится к тому случай, крестьяне сводят рощи, истребляют леса, так что некоторые местности, изобиловавшие лесом, начинают испытывать в нем нужду. Или же они получат одни только пашенные и луговые земли? Конечно, население размножится, и земли, сохраняя свое прежнее состояние и даже истощаясь, станут недостаточны и по самому недостатку своему повредят земледелие. К тому же произойдет и то, что богатый крестьянин, побуждаемый не нуждой, а ненасытной жадностью, станет приобретать покупкой или залогом земли других крестьян, которые они уже не будут в состоянии обрабатывать, и эти лишенные земли крестьяне, оставив землепашество, окажутся на попечении государства. Другие же обратят часть земли своей под лес, отчего произойдет новое уменьшение разработанной земли. Если мне скажут, что государство примет свои меры, я отвечу: нет, нет, господа, са-

мый внимательный хозяин на малом пространстве своих владений, сколько-нибудь значительных, не будет почти иметь возможности предупредить все эти неудобства при самом тщательном наблюдении. Как же можно будет правительству уследить за всеми этими мелочами в столь обширном государстве?

Между тем в нынешнем своем состоянии крестьяне владеют в виде дара участком земли своего помещика, который его у них никогда не отымает; я говорю даже о самом нехозяйственном помещике. Если крестьянин запустит хозяйство ввиду того, что все платежи, даже и подушные, производятся со всех по собственной их между собой раскладке соразмерно участкам земли, и так как они платят меньше, если пользуются меньшим количеством земли, то остальные во избежание того, чтобы платежи нерадивого не упали на них, примут меры, чтобы каждый пользовался и платил по силе. Если же число их возросло и им не хватает земли, то они требуют новых земель для разработки, и им в этом почти нет отказа, ввиду тесной связи выгод помещиков и их крестьян. А между тем, если удастся нарушить эту соединяющую их цепь, причем помещик останется хозяином своих земель, а крестьяне — своих, не станет более этой связи, которая побуждала их снисходить к нуждам друг друга. И все это неминуемо обратится в ущерб государству, счастье которого вытекает из благосостояния отдельных граждан. Мне может быть возразят, особенно иностранцы, что продолжительное мое пребывание в России приучило меня к подчинению и рабству, или же что я смотрю на россиян как на неукротимых зверей, потому что я предвещаю одни только бедствия в случае, если им будет возвращено естественное состояние, т. е. свобода. Мне напомнят, что крестьяне, которые и в других странах пребывали в рабстве, получили свободу, а те бедствия, которые я предвижу, там не последовали. Прежде всего, господа, я громко заявляю, что я считаю русский народ за самый мудрый и работящий во вселенной. А во-вторых, рассматривая, при каких условиях дарована была свобода крепостным в других странах Европы, я только еще сильнее укрепляюсь в своих взглядах. Не приискивая примеров в других странах, посмотрим на Францию. Ее обитатели тогда подразделялись на селян, которые были наиболее уважаемы не только с точки зрения полезности их занятий, но также и потому, что в их состав входило все дворянство, и на вилланов[13] — слово, которое в языке нашем сохранило доселе свой укорительный смысл. Крестьяне

не знали роскоши, занимались исключительно своим землепашеством и жили в гораздо большем достатке в своих селениях, нежели горожане в своих городах. Свежие земли, пребывавшие еще в полной силе, вознаграждали с избытком затраченный труд; они не подвергались ни натуральным повинностям, ни таможенным сборам, ни десятине, ни подушной подати, но зато владельцы ленов[14] представляли из себя род маленьких тиранов, которые обирали своих подданных, воевали друг с другом, опустошали их земли и производили все бедствия, неразлучные с гражданской войной. Таким образом, крестьяне были настолько довольны своим состоянием земледельцев, насколько недовольны своим подчиненным положением. Когда этим людям дана была свобода, сеньоры[15], оставаясь собственниками земель, уступали пашенные участки под условием платежа, значительного тогда, но весьма умеренного для нашего времени. Таким образом, в то время крестьяне выигрывали от получения свободы, а сеньоры от увеличения дохода. Как раз обратное оказывается в России, где крестьяне в зависимости как от неплодородной почвы, так и неблагоприятного климата весьма недовольны своим состоянием земледельцев и в большинстве случаев довольны своими помещиками. Платеж, который можно будет получить с крестьян за те земли, которые будут им предоставлены, никогда не сравнится с тем доходом, который помещик получает со своих крестьян. Таким образом, мы имеем тут дело с совсем другого рода случаем, и то, что прекрасно удалось во Франции, в России оказывается неисполнимым. Я смею даже утверждать, что если бы крестьянам не была дарована во Франции свобода[16] в то время, ввиду происшедших затем перемен, теперь это бы было невозможным. Не говорю уже об ухудшении сельского хозяйства, на которое плачутся уже и во Франции и которое в России будет значительнее ввиду неплодородия почвы и суровости климата.

За всеми этими размышлениями, которые и так уж не в меру затянулись, позвольте мне, господа, изложить вам мои мысли о средствах, которые, как мне кажется, скорее всего способны предупредить бедствия голода, который нам по-видимому угрожает.

1. Русские, вообще говоря, не прилагают стараний к лучшей обработке своих земель и, пребывая в рабстве у старых обычаев, за грех почитают отступать от них. Незнакомые со всеми частями весьма трудной науки о почвах своей земли, о том, какой навоз требуется для добрения глинистой или песчаной земли, они грубейшим обра-

зом приписывают божескому наказанию бесплодье, которое часто происходит от собственной их беспечности. Другие же, имеющие земли от природы плодородные, довольствуются теми значительными урожаями, которые они получают без удобрений и почти без всякой обработки, не задаваясь целью повысить урожай.

2. Крестьянское сословие в России представляется мне в образе большого озера, на дне которого имеются некоторые родники, но из которого вытекает несколько рек, так что оно не получает от родников своих столько воды, сколько ее теряет через реки, а их вода никогда уже не возвращается обратно, и таким образом мало-помалу самое озеро сведется на нет, тем более что к прежним истокам из него присоединяются еще новые, уносящие и малое количество остающейся еще воды. Посудите сами, господа, как многочисленны эти реки, истекающие из озера крестьянства российского: рекрутские наборы, которые составляют иногда кровопускание в шестьдесят тысяч человек, беглые в Польшу и на Украину, помещики постоянно извлекают оттуда людей для пополнения своих домов и для отдачи в мастерства, многие сами за недостатком земли или соблазненные положением ремесленников или торговцев покидают селения и подражают им. И все эти люди, способные к работе на земле, выходят из состояния земледельцев и вместо помощи становятся им обузой, не производя ничего, но потребляя продукты, плоды труда пахаря. И никогда уже не вернется к сохе тот, кто раз отстал от нее. Таким образом получается два состояния, которые я назову производителями (les pourvoyeues)— это земледельцы — и потребители (les consommateurs) — это люди, занятые другими делами человеческими и потребляющие произведения земледельцев. Оба состояния эти равно умножаются, но первые только путем рождений, с убылью выходящих из этого состояния, потребители же прибывают в числе не по одному только естественному закону размножения, но и путем приезда иноземцев и путем привлечения в свои ряды лиц из числа производителей. И приняв все это во внимание, посудите сами, господа, не будет ли число производителей сведено на нет.

Я не хочу сказать, что крестьянам должны быть запрещены всякого рода занятия помимо земледелия. Россия была бы скоро приведена в бедственное состояние, не имея каменщиков, плотников и прочих ремесленников. Холодный климат России оставляет свободными руки земледельцев в течение шести с лишком месяцев в году,

и отнюдь не следует, чтобы деятельный пахарь проводил половину жизни своей в праздности, которая так сильно вкоренится в душе его, что он не будет иметь прежней бодрости и силы на работу при возвращении благоприятного времени года. Не говоря уже о том, что крестьяне, добывая деньги различными промыслами и принося деньги в свои округи, заставляют деньги обращаться [в стране], а этим поддерживают промышленность, вследствие чего увеличивается доход государя и помещиков. Что касается тех крестьянских промыслов, которыми заниматься можно только летом, то здесь помещики должны обратить внимание на то, чтобы уходили на них лишь члены больших семейств и чтобы из-за занятий промыслами пашня промышленников не запускалась.

Вот, господа, и все, что я имел вам изложить, скорее для того, чтобы показать на каком-нибудь деле мое горячее рвенье к этой империи, чем с мыслью научить чему-либо столь просвещенных людей. Россия, взирающая на вас как на искреннейших друзей своих, не приказа ждет от вас, а совета; и советам вашим конечно последуют в точности все рассудительные люди, а от пользы, которую извлекут они из сего для себя, воспользуются и другие и усвоят себе привычки, которые обратятся на благо России в славу правления нашей монархини, а также вашу.

Докажите же, господа, народам, погруженным в предубеждения, что не всегда старинные обычаи оказываются наилучшими, в особенности касательно земледелия. Обратите их внимание на разность земельных почв, на различные удобрения, необходимые для каждой из них, на различные земледельческие орудия, которые следует употреблять, укажите плодородным областям, что путем улучшений в обработке можно добиться еще высшей урожайности, что урожай зависит и от выбора семян и от подбора почв, пригодных для разных пород семян; изобретайте орудия для ускорения уборки хлеба или познакомьте с теми, которые уже изобретены. Докажите помещикам, что как граждане, верноподданные и изрядные хозяева, они должны поддерживать земледелие и наблюдать за своими крестьянами, чтобы те не презирали этого занятия, столь для всех необходимого. Пусть перестанут они из-за роскоши и сластолюбия или же выгод истощать крестьянство, которое и теперь не так численно, чтобы свободные мастерства могли быть уничтожены в связи с состоянием крестьянства. Пускай помещики постараются населить те селения, в

которых имеется избыток земли, выходцами из селений малоземельных. Впрочем, я уверен, господа, что вы имеете в виду больше способов, чем какие я бы сумел вам назвать. Поэтому, не употребляя во зло ваше терпенье, позвольте мне пожелать вам всевозможных успехов в ваших спасительных предположениях, и пусть придадут они еще больший блеск счастливому царствованию великой императрицы, истинного образца государей, и чтобы вы участвовали в ее славе и сами могли [увидеть] плоды благодетельных ваших стараний. Потомки же наши в роды родов, пользуясь в мире изобилием, могли бы с восторгом благословлять вашу покровительницу и восхищаться счастьем быть вашими соотечественниками.

Вот пожелания мои, с коими имею честь пребыть, господа, вашим покорнейшим слугой L'A. de L. R.

P. S. До сведения моего дошло, что существует в России закон, карающий бесчестие, нанесенное крестьянину, гораздо ниже, чем людей всех прочих состояний[17]. Таким образом, их состояние является самым отверженным. Мне бы казалось, что если бы решились поставить испытанного земледельца выше ремесленника и дворового, то это намного поощрило бы земледелие.

ЗАМЕЧАНИЯ ЩЕРБАТОВА НА БОЛЬШОЙ НАКАЗ ЕКАТЕРИНЫ

Примечание 1. Бог, яко источник всякому благу, во всех наших делах на помощь должен быть призываем; что же возможет важнее быть в течение правления, как установить закон для многочисленного народа и чрез то его счастлива сделать.

Примечание 2. Хотя народы и подвластны скипетру монархов, но люди есть Божии, и Бог, яко создатель, права своего над творением своим никогда не теряет; а государи не есть иное как токмо судии, поставленные для народного благополучия.

Примечание 3. Также мы разумеем Бога совершенно премудра и правосудна, следственно не может быть закон справедлив, естли от Божия закона удаляется.

Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения

1. Примечание*. Нравоучение христианского закона есть толикого совершенства, что кроме святости его оно бы одно должно всех к принятию оного побудить. Правда, и другие веры дают правила нравственных добродетелей, но один христианский закон научает нас любить врагов наших, злобу благодеяниями превозмогать и почитать всех жителей Вселенной своими братьями без различия племен и веры.

2. Примечание**. Сказано «в обществе»; ибо естли представить себе человека, живущего одного в какой пустыне и довольствующего свои нужды самого собой без помощи других, сей конечно не будет тщиться видеть свою пустыню на самом верхе благополучия; ибо быв окружен неодушевленными вещами или животными бессловесными, любовь его ни на кого более окроме себя не простирается, да и та в узких границах его жизни сокращена. Но не то есть естественное со-

* § 1 «Наказа» Екатерины II: «Закон христианский научает нас взаимно делать друг другу добро, сколько возможно».

** § 2 «Наказа» Екатерины II: «Полагая сие законом веры предписанное правило за вкоренившееся или за долженствующее вкорениться в сердцах целого народа, не можем иного кроме сего сделать положения, что всякого честного человека в обществе желание есть или будет, видеть все отечество свое на самой вышней степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия».

стояние человека. Слабость его младенчества, обнаженное его чело ко всем беспокойствиям времен, неимение природных оружей, чем бы нападать и защищаться, делают ему необходимую нужду в помощи других. Узы супружества, связующие любовью сердца, долг признания, зарождение, вскормление и воспитание родителей, свычка и взаимные обязательства, на разных услугах основанные, к братьям, к ближним и друзьям, любовь к своему потомству — все должно произвести любовь и желание благополучия той стране, в которой обитает, ибо, в самом деле, может ли человек счастлив быть, когда зрит страждущих ближних и друзей своих? Может ли ожидать себе от тех какой помощи, когда они сами в несчастии своем ее себе сделать не могут? Итако из всего сего последует, что человек, не наруша всех сих обязательств, не может не желать благополучия и спокойствия отечеству своему.

3. Примечание*. Понеже мы взаимствуем друг от друга помощь для нашего благосостояния и спокойствия, то чтобы от сограждан наших получить такую помощь, надлежит, чтобы они были в таком состоянии блаженства и спокойства, чтобы могли нам оную подать. А как ничто более не спомоществует спокойствию обще всех граждан и каждого особливо, как установленные мудрые законы, из чего следует, что всякий, любя сам себя и ища своего благополучия, должен любить своих сограждан и желать их видеть в таком состоянии, чтобы были в состоянии надлежащую ему помощь подать. А как благосостояние граждан зависит от мудрости законов, которыми управляются, то желание их благосостояния не может отделиться от желания видеть их мудрыми законами управляемы.

5. Примечание**. Что касается до нравственных законов, то сии, кажется, должны быть повсюду одинаковы, ибо естество везде равно вопиет: «не делай другому, чего себе не хочешь». Господин Монтескиу в книге своей «О разуме законов», книга XVIII, глава 8, говорит: «Законы имеют великое сношение с тем, каким образом народы себе пищу приобретают»[18]. Но на сем и сокращает здесь расположение

---

* § 3 «Наказа» Екатерины II: «А всякого согражданина особо видеть охраняемого законами, которые не утесняли бы его благосостояния, но защищали его ото всех сему правилу противных предприятий».

** § 5 «Наказа» Екатерины II: «Ибо законы, весьма сходственные с естеством, суть те, которых особенное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которого они учреждены...»

законов к расположению народа. Подлинно же есть, что выключаю нравственные правила, которые, как выше сказано, должны быть везде одинаковы, протчие законы должны разнствовать по нравам, климатам, упражнениям и по состоянию страны. Например суровый народ милосердые законы не сдержут. Те учреждения, которые в жарких местах необходимо нужны, лишь затруднительны в холодных будут. Вольность и побуждение к искусствам и самое желание корысти пристойны для торгового народа, а слова и побуждение к чести военному принадлежит, искоренение сластолюбия и роскоши полезно бедным государствам, а богатые без роскоши обнищают.

6. Примечание*. Не можно всю Россию европейской державой назвать, ибо многие ее области в границах Азии вмещены, как например Астраханская и Оренбургская губернии и вся Сибирь.

7. Примечание**. Сия есть мысль господина Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 14. Но сохраняя все почтение к сему знаменитому писателю, кажется можно со справедливостью противуречить сей его мысли, и как мы известнее чужестранного о древних наших обычаях, то можем сказать, что они сходственнее новых с нашим климатом были, ибо долгие и теплые одеяния, малые в комнатах окошки, простая и суровая пища более соответствовали холодному нашему климату, нежели обычаи, перенятые у полуденнейших народов. Правда, многие древние обычаи были к нам принесены либо от покоренных Россией народов, либо от покоривших ее. Но какой есть народ на свете, который бы никогда ни от кого ничего не взаимствовал? Греки многое переняли от египтян, римляне от греков, галлы обычаи свои и язык с римским и с германским смешали, и самые китайцы, толь строгие наблюдатели древних обычаев, естли проникнуть в их древность, конечно, что ни есть от других народов взаимствовали, ибо подобно как приватный человек не чувствительно склоняет свой обычай ко обычаю тех, с кем обращается, так целые народы наконец сходствуют с теми, с коими более общества имеют.

---

* § 6 «Наказа» Екатерины II: «Россия есть Европейская держава».

** § 7 «Наказа» Екатерины II: «Доказательство сему следующее. Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали со климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чуждых областей. Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобности, каких он и сам не ожидал».

Что же споможествовало Петру Великому в толь краткое время, толь великие перемены сделать? Вера, род правления и усердие благородных.

Закон христианский не противен просвещению человеческому — Петр Великий его нашел крепко вкоренившимся в сердце народа, но затемненный многими суевериями, от властолюбия духовного чину происходящими, ибо самый сей духовный чин не довольно был просвещен, чтобы составить предприятия, народ в суеверие ввести и тем бы власть гражданскую захватить. Следственно все, что к переменам обычаев и введению просвещения Петр Великий ни делал, не могло почесться наступлением на закон, и народ не мог под видом защищения веры противоборствовать монаршей власти, но паче повинуясь оной мнил самому закону повиноваться. Доказательство сему следующее, что Петр Великий в предубежденных расколом[19] людях не мог никакой перемены ни в обычаях их учинить, ни просвещения им преподать. Я повторяю, что христианский закон не противен просвещению человеческому, потому что как он на истине основан, то изыскание всякой истины ему полезно, ибо могут ли магометанцы осмеливаться изыскивать о системе света и существе небесных тел, когда принятые от них за освещенные преложения уверяют, что Земля стоит на бычачьем рогу и что архангел Гавриил, снисходя к Магомету крылом своим часть Луны отшиб? Могли ли древние греки совершенное понятие о телах небесных иметь или чинить о них изыскание, когда Солнце богом, а Луну богиней почитали?

Самодержавная и неограниченная власть российских государей, истреблением самых мятежников утвержденная, не оставляла никого, кто бы новым заведениям противиться дерзнул.

Возьмем в пример военные установлении. Им прежде учрежденные стрельцы противиться могли; но оные уже прежде были истреблены или толь ослаблены, что покушение их лишь скорейшую на них погибель навлекло. Истребление сего воинства подает нам случай и о том упомянуть, что к истреблению их способствовало, и как лишению стольких граждан никто не сопротивлялся. Начальное учреждение сих войск были опричники[20], которые царь Иоанн Васильевич[21] учредил и употреблял ко исполнению всех своих суровостей, толь ненавидимое начало учинило, что никто из благородных в оном служить не хотел, так что сие сочиняло две стороны: сторона благородных, служащих с своих поместий и презирающих стрель-

цов, и сторона стрелецкая, ненавидящая за сие дворян. Отчего, когда стрельцы своими преступлениями учинились достойны казни, тогда благородные ко истреблению сего им ненавидимого воинства всеми силами способствовали. А тогда же, имея еще в свежей памяти опустошения России от поляков и шведов, для пользы отечества согласились оставить свое право поместной службы, дабы в порядочно учрежденные полки вступить[22]. Вот какие обстоятельства спомоществовали предприятиям Петра Великого, которые все основывались на политических притчинах, а не от действия климата произошли.

9. Примечание*. Чтобы великое государство требовало необходимо самодержавной власти, сие есть проблема, еще принадлежащая к решению. Более же о сем в примечании на следующую статью.

10. Примечание**. Мысль сия взята из книги господина Монтескиу «О разуме законов», книга VIII, глава 19. Не могу я согласиться в справедливости сего мнения. Правда, ежели мы себе представим государя трудолюбивого и презирающего свои удовольствии для пользы подданных, которого бы все указы и повеления основаны на совершенной мудрости и правосудии были, то б конечно самодержавие такого могло означенные в сей мысли пользы принести. Но таково бы самовластие приятнее было, нежель самая республиканская вольность. Но редко бывают таковые государи, а паче где не достоинства, но единое право рождения воздвиг их на престол, и для того, когда такой государь не по установленным законам, но по своим своенравиям управляет, сие именуется деспотичество, что малое разделение с гнусным тиранством имеет. Не произведет оно и того, чтоб скорость в решениях была, ибо любовная страсть, охота и другие забавы, отнимая у него время, и более еще республиканского замедления приключат, да когда и решение его воспоследует, можно ль надеяться, чтоб оно было сходственно с истинными пользами государства и чтоб его здравый рассудок, а не страсть какая произвела. Ибо человек, не дающий никому отчету в своих делах,

---

* § 9 «Наказа» Екатерины II: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно со пространством столь великого государства».

** § 10 Наказа Екатерины II: «Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медлéние, отдаленностию мест причиняемое».

легко ввергается в страсти и слушает не тех, кто его противоречием на истинной путь наставляет, но тех, кто бесчестной лестью вкрался к нему в любовь. Такового поступку и вредных его следствий Равоам[23] пример нам представляет.

В республиках, напротив того, хотя, кажется, в рассуждениях время и пропадает, но в самом деле правители, не смея предпочесть веселий их должности, награждают то неусыпными трудами, что в рассуждениях теряют, а хотя бы какая и мешкотность воспоследовала, и сия не довольно ли награждается тем, что не страстные, но мудрые и сходственные с обстоятельством дел, решений предприятий последуют. Римская республика пример нам ясный представляет. Она, не взирая на свое пространство, не токмо правила отдаленными странами, содержала в тишине и спокойстве вновь покоренные народы, но еще ежедневно и области свои расширяла. Учинились императоры в Риме. Пока и при них Сенат остатки власти своей сохранял, Римская империя страшна была вселенной, но с падением власти сенатской, т. е. тогда, когда власть императоров неограничена стала и вместо мудрых советов советам льстецов стали последовать, сия сильная империя слабыми народами разрушена стала.

11. Примечание*. Зри примечание на статью 10.

12. Примечание**. Где властвует один, хотя бы то было и в таком государстве, в коем власть монаршая была законами стеснена, и тут часто государи позволяют себе нарушение законам, кои наипаче в тех местах, в которых единая воля государская законом служит и где он отчету в своих поступках никому не отдает. Тогда можно сказать, хотя он и один, но переменными своими своенравиями толико умножается, что никто не может уверить, чтобы через час он в одинаких мыслях был. Там законы токмо имя носят, но вся сила правления в едином изволении часто несправедливом и переменчивом монаршем состоит. Подданные, видя законы бессильны, не от них своего благополучия ожидают, но взгляд государский решит о их счастии и несчастии. Напротив того, в республиканском правлении хотя многие правители суть, но сами оные, быв должны отчет в поступке сво-

---

* § 11 Наказа Екатерины II: «Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно».

** § 12 Наказа Екатерины II: «Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим».

ем давать, принуждены оный направлять по разуму установленных законов, отчего и происходит, что при сих множестве правителей, однако не им, но единому закону повинуются.

13. Примечание*. Не может быть другого предмету, окроме сего ни в каком правлении, ибо, говорит Руссо[24]: понеже великие правители первоначально были избранны народами для утверждения их благополучия, то во учинении с сими избранными правителями договора между уступленных прав народ не мог свою естественную вольность уступить, яко вещь такую, без которой его благополучие никак соделаться не может. А если бы, последует сей писатель, и нашелся такой неосторожный народ, который бы свою естественную вольность уступил, то должно его почитать яко безумного, от которого никакой договор силы не имеет. Но должно здесь рассмотреть, соответствует ли самодержавная власть такому первенствующему договору. И сие мне кажется сумнению подвергнуто, ибо можно ли тут надеяться на сохранение естественной вольности, где власть законодательная и исполнительная в единой особе сообщена, которая, не быв подвергнута никаким законам, по своим изволениям, часто от своенравий и страстей происходящим, пременяет права и законы и содержит подданных в таком состоянии, что они ни один час не могут быть уверены не токмо в сохранении своих имений, но и самой жизни?

14. Примечание**. По вышепредложенным примечаниям видно, которое — республиканское или монаршическое — правление к концу сему достигает.

15. Примечание***. Таковые главности господин Монтескиу в книге «О разуме законов», книга V, глава 9, предполагает монаршическому, а не самодержавному правлению. Однако и в сем случае кажется, что слава более действует над республиканцами, нежели над теми, которые под монаршическим правлением живут. Из самых древних обык-

---

* § 13 Наказа Екатерины II: «Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направити к получению самого большого ото всех добра».

** § 14 Наказа Екатерины II: «И так правление, к сему концу достигающее лучше прочих и при том естественную вольность меньше других ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствует с намерениями, в разумных тварях предполагаемыми, и соответствует концу, на который в учреждении гражданских обществ взирают неотступно».

*** § 15 Наказа Екатерины II: «Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и государя».

новений видим, что из дерну сложенный или дубовый венец больше римлян к подвигам за отечество побуждал, нежели великие, корыстные награждения в монархии то могли учинить, а в Венеции и ныне за государственные чины жалования не получают. И в самом деле, кажется, что в республиках слава должна более граждан побуждать, ибо вся честь и слава, упадая на общество республиканское, каждый особо себя участником оной считает. Господин Монтескиу и сам, является, признал сию истину, ибо к чести, которую он за главность сего правления полагает, прилагает многие вещи, клонящиеся к обогащению и усиливанию благородных, яко тех, кои могут сие правительство подкрепить. Но чтоб единая слава в сем правительстве действовала, а паче в самодержавном, сие мне кажется совсем невозможно, ибо может ли человек охотно пожертвовать себя за то, в пользе чего он участия себе никакого не ожидает, и может ли иногда и не зная своего государя, чтобы ему единому славу приобрести, жизнь свою к опасности подвергать? Заключим, что в монаршическом правлении надежда «награждений и любочестие побуждает людей к службе, а в самодержавной единый страх».

16. Примечание*. В примечании на 15 статью сказано: которое правление сохраняет естественную вольность человеку, которая, повторяю, конечно, под единоначальством не может сохраниться. Да и в самой сей статье сказано, что сей разум вольности тоже может произвести, как и самая вольность. Следственно сей разум не есть вольность, и потому он по крайней мере маска вольности, и может статься, что люди, прельщенные сею маскою, сначала подумая, что они вольны и будут все то делать, что дух вольности вселяет, но как никакая прелесть долго пребывать не может, вскоре узря, что они лишь тщетный вид имели, в вящее порабощение впадут.

18. Примечание**. Монтескиу, книга II, глава 4. Но он прилагает: *«сиречь того где один правит по основательным законам»*. Отложение же сего слова оказует желание к неограниченной деспотической власти, а где есть деспотичество, тут не могут быть законы тверды, ни

* § 16 Наказа Екатерины II: «Но от сея славы происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который в державах сих может произвести столько же великих дел и столько споспешествовать благополучию подданных, как и самая вольность».

** § 18 Наказа Екатерины II: «Власти средние, подчиненные, и зависящие от верховной, составляют существо правления».

власти средние, подчиненные, более взирающие на изволение деспота, нежель на законы, быть верные хранители оным.

19. Примечание*. Монтескиу, тут же. Но все сие сей писатель предполагает в монархии, где государь обязан править по основательным законам государства, и тогда, давая иль утверждая с согласия правительств сделанные законы, есть действительно источник всякой государственной и гражданской власти; но и сам обязан становится повиноваться им установленному закону. Но сие не в таких державах, где государь себя почитает быть превыше закону. Тут правда, что вся власть от него единого истекает, но не всегда оная растворена на сем правосудии, коего ради первоначально народы вольность свою уступили. И тако часто оная клонится к нарушению первенственного сего договора.

20. Примечание**. Слова господина Монтескиу, книга II, глава 4, «О разуме законов». В самом деле, не может государь всех дел судить, ибо коликое бы он прилежание ни имел, но за множеством их не мог всем своим подданным правосудие учинить. Приложим к сему убыток и беспокойство, каковое бы сии претерпели, естли бы ради всяких своих дел принуждены были из отдаленных мест на суд пред государя приезжать. Сего ради правительства подчиненные суть необходимо нужны, дабы по разным делам и местам скорейший суд и расправу народу делать. Остается токмо в сем случае государю: 1) стараться колико возможно ясными и справедливыми законами оные снабдить, 2) избирать для посажения в оные людей честных и просвещенных и 3) наблюдать за самыми оными, чтобы они во зло власть свою не употребили. Ибо в самом деле, колико бы государь мудр и милосерд ни был, но не может он своей особой ни сотой части сделать добра, колико подчиненные судии зла произведут.

21. Примечание***. Премудрость и великодушие Петра Великого ни в чем столько не видны, как в том, что Генеральным своим регла-

---

* § 19 Наказа Екатерины II: «Сказано МНОЮ: власти средние, подчиненные, и зависящие от верховной: в самой вещи государь есть источник всякие государственные и гражданские власти».

** § 20 Наказа Екатерины II: «Законы, основание державы составляющие, предполагают малые протоки, сиречь правительства, чрез которые изливается власть Государева».

*** § 21 Наказа Екатерины II: «Законы, сим правительствам дозволяющие представлять, что такой-то указ противен Уложению, что он вреден, темен, что

ментом[25] позволил Сенату противу его указов предложения делать, и в его время князь Яков Феодорович Долгоруков[26] часто брал смелость воли монаршей спорить. И хотя то же правило и ныне царствующей государыней не токмо для Сената, но и для всех коллегий подтверждено и распространено, но со времен Петра Великого не видно, чтоб Сенат когда на именные указы представление делал. Отчего же сие происходит? Оттого ли, что государи в ошибки не впадают? Сие невозможно, ибо, быв люди, есть подвержены к слабостям человеческим. Или оттого, что сенаторы или не видят пороков или, и видя их, не смеют противуречить? В сем обоем состоит вина государская, зачем в первое правительство государства определять непросвещенных или нетвердых людей. В самом же деле мне кажется, что государи, оставляя пребывать сей закон, не желают видеть исполнение по нем и вследствие сего таких и людей в Сенат сажают, боясь, чтобы твердые своими представлениями не нарушили их власть, что они бунтом почитают, хотя бы в самом деле сие было сохранение пользы государства и умножение славы монарха, а неисполнение сего обеим сим неизбежной вред приключает.

23. Примечание*. Сии суть слова господина Монтескиу в книге «О разуме законов», книга II, глава 4. Но сей именитый писатель сие говорит о таком правительстве, где единый управляет по основательным законам, а не о таком, где самовластие его пределов не имеет, о коем правительстве самый же сей писатель и в сей же главе тако изъясняется: «В государствах деспотических (самовластных), где нет основательных законов, тут нет и хранилища законов». И в самом деле, какие тут законы правительство может сохранять, когда они есть так же непостоянны, как мысли и своенравие ее правителя? Однако ни в Наказе, ни в Обряде Уложенной комиссии[27] нигде не сказано, чтобы основательные законы государства сделать; что бы однако, казалось, долженствовало быть началом всего учреждения. Следственно и Наказ сей к деспотическому правлению ведет.

нельзя по оному исполнить; и определяющие наперед, каким указам должно повиноваться, и как по оным надлежит чинить исполнение; сии законы — несомненно суть делающие твердым и неподвижным установление всякого государства».

* В § 23 Наказа Екатерины II говорится о «хранилище» законов: «Сие хранилище инде не может быть нигде, как в государственных правительствах, которые народу извещают вновь сделанные и возобновляют забвению преданные законы».

24. Примечание*. Сии правительства, принимая законы от государя, рассматривают оные прилежно и имеют право представлять, когда в них сыщут, что они противны Уложению и прочая, как выше сего в главе III, в 21 статье сказано. Примечание. Зри примечание на 23 статью.

26. Примечание**. Наименование Сената, яко представляющее нам воображение о римском того же имени правительстве, подает нам о нем мысль важнее, нежели он есть. Но в самом деле, не имея власти законодательной, а исполнительную весьма стесненную, мало силы имеет, ибо во всяких делах немного сумнительных подает доклады к государю, а государь, не посоветовав с корпусом Сената, но по одним словам генерал-прокурора дает свои раболепно принимаемые Сенатом решения. Следственно когда ни имеет власти истолковать закон, ни предложение на именной указ сделать, то тщетно имя хранилища закона ему давать, которого он токмо маску носит, как то обыкновенно во всех деспотических правительствах бывает, что судии не суть хранители законов, но исполнители воли деспота.

27. Примечание***. Выше уже примечено, что дух деспотической власти производит то, что Сенат никогда не дерзает власть сию в действие производить, а как деспотическая власть не тем одним вредна, что государь по своим прихотям, а не по законам поступает, но и тем, что в таком правлении и протчие все правители над подчиненными своими то ж деспотичество исполнять желают, отчего происходит, что хотя в России коллегии и имеют власть представлять Сенату, но строщась от него наказания, никогда не осмеливаются то сделать; следственно и сие право, нужное к сохранению законов, без действия остается.

28. Примечание****. Объяснение сие о хранилище законов является предполагать, яко бы был какой закон, установленный для со-

---

* § 24 Наказа Екатерины II: «Сии правительства, принимая законы от государя, рассматривают оные прилежно и имеют право представлять, когда в них сыщут, что они противны Уложению и прочая, как выше сего в главе III в 21 статье сказано».

** § 26 Наказа Екатерины II: «В России Сенат есть хранилище законов».

*** § 27 Наказа Екатерины II: «Другие правительства долженствуют и могут представлять с тою же силою Сенату и самому государю, как выше упомянуто».

**** § 28 Наказа Екатерины II: «Однако ежели кто спросит, что есть хранилище законов? На сие ответствую: законов хранилище есть особливое наставление,

хранения других законов и порядка правосудия, каков действительно и есть Генеральный регламент, обнародованный Петром Великим. Но как никакой закон не может для сего довольно силен быть, естли не подкреплен действующим правительством, того ради и здесь в статье 26 сие и сказано о Сенате. Следственно сия статья с выше означенной противуречие имеет; ибо в той хранилищем законов названо правительство, а здесь закон.

29. Примечание*. Означенные действия в сей статье принадлежат к законам, а не к тем установлениям, которые названы здесь хранилищем законов, которые токмо порядок суда и права судебных мест и судей учреждают.

30. Примечание**. Не обрядом или регламентом оправдываются осуждения, но всеобщими законами.

32. Примечание***. Слова господина Монтескиу «О разуме законов», книга XXI, глава 20. Хотя означенный писатель слова сии к другой притчине прилагает, но так же они суть приличны и к сей, а можно сказать, что разум их в себе вмещает всю важность и всю пользу, каковую мы от нравственных правил получили: то есть что человек не может быть твердо счастлив, естли счастье его не сопряжено и с общим благополучием. Но как таковое правило не всякому внимательно, то установляемые на преступников законом наказания удерживают его страсти и, так можно сказать, неволей его к благополучию его ведут.

которому последуя вышеозначенные места, учрежденные для того, чтобы попечением их наблюдаема была воля государева сходственно с законами, во основание положенными и с государственным установлением, обязаны поступать в отправлении своего звания по предписанному там порядка образу».

* § 29 Наказа Екатерины II: «Сии наставления возбраняют народу презирать указы государевы, не опасаяся за то никакого наказания, но купно и охранять его от желания самопроизвольных и от непреклонных прихотей».

** § 30 Наказа Екатерины II: «Ибо, с одной стороны, сими наставлениями оправдаются осуждения, на преступающих законы уготованные, а с другой стороны, ими же утверждается быть правильным отрицание то, чтобы вместить противные государственному благочинию законы в число прочих, уже принятых, или чтоб поступать по оным в отправлении правосудия и общих всего народа дел».

*** § 32 Наказа Екатерины II: «Великое благополучие для человека быть в таких обстоятельствах, что, когда страсти его вперяют в него мысли быть злым, он, однако, считает себе за полезнее не быть злым».

34. Примечание*. Ничего справедливее нет сего положения, что касается до сохранения чести и имения гражданина; но что касается до наказаний, надлежит в сем различие сделать. Например взятие под стражу, телесное наказание и подобные сокрушают благородного, но подлый сего не страшится. Недавно бывшей пример сие больше доказует: Пушкины, быв изобличены в подделании фальшивых ассигнаций[28], меньше страшились смерти, нежели телесного наказания, и когда к лишению дворянства были осуждены, тогда стенание их идучи на эшафот доказывало, колико чувствительно было сие наказание. Но в самое время сего печального позорища многие подлецы дивились малого наказания, почитая сие ни за что. Следственно то, что поражало сих преступников благородных, и наказанием бы не было для подлых людей. Следующая статья является сие подобным образом изъяснять.

35. Примечание**. Следственно сие и касается токмо для роздавательного правосудия, а не до наказания.

38. Примечание***. Законы не обуздывают вольность человеческую в добре, но токмо в таких вещах, которые клонятся к разрушению общества. Например, естли бы каждый имел право оружием обиду свою отмщать, то бы беспрестанно друг против друга вооружались, во всегдашней недоверенности жили и наконец бы общество к разрушению довели.

39. Примечание****. Сии суть слова господина Монтескиу «О разуме законов», книга XI, глава 6. Надлежит к сему прибавить, чтобы подданный и от монаршей власти несправедливости не претерпел; ибо

---

* § 34 Наказа Екатерины II: «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам».

** § 35 Наказа Екатерины II: «Сие равенство требует хорошего установления, которое воспрещало бы богатым удручать меньшее их стяжание имеющих и обращать себе в собственную пользу чины и звания, порученные им только как правительствующим особам государства».

*** § 38 Наказа Екатерины II: «Надобно в уме себе точно и ясно представить, что есть вольность? Вольность есть право все то делать, что законы дозволяют; и, если бы где какой гражданин мог делать законами запрещаемое, там бы уже больше вольности не было; ибо и другие имели бы равным образом сию власть».

**** § 39 Наказа Екатерины II: «Государственная вольность во гражданине есть спокойство духа происходящее от мнения, что всяк из них собственною наслаждается безопасностию; и, чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов».

тщетно будет наслаждаться безопасностью от ровных себе, когда кто могущее всех и может сию его безопасность нарушить. И таковы суть мнения господина Монтескиу. «Когда, — говорит он, — в единой особе или в едином корпусе судей законодательная власть со исполнительной соединена, тут нету вольности, ибо можно опасаться, чтоб тот же монарх иль тот же Сенат не сделал мучительских законов, дабы их мучительски исполнять и протчее. И потом таковые могут общим своим изволением опустошать государство; и яко имеющие власть судить, могут истребить каждого гражданина особливыми своими изволениями».

42. Примечание*. Разные есть степени нарушения должности: единые, разрушающие спокойство граждан, должны законными наказаниями истребляться; другие же причиняющие соблазн и повреждения нравов чрез презрение предупредиться должны. О сих сочинитель «Системы натуры»[29] стр. 162, тако говорит: «Дабы человек был добродетельный, надлежит, чтоб он находил себе пользу последовать добродетели. Надлежало бы для сего, чтобы воспитание дало ему справедливые воображения, чтоб всеобщее мнение и пример показали ему добродетель, яко единую притчину, достойнейшей почтения, чтоб правление ее верно награждало, чтоб слава существовала всегда с ней, чтоб пороки всегда в презрении были и пр.» Из чего следует, что хотя не все пороки должны быть преступлениями почитаемы, и яко таковые законами наказуемы, но все по мере важности их по крайней мере некоего презрения достойны. Таковой поступок в правительстве произведет добрые нравы и через самое сие и законы непоколебимы учинит.

(43) 44. Примечание**. Страдание сие будет бесплодно, естли основательные законы не утвердят безопасность государства; и пока власть законодательная и исполнительная в одной особе пребудет.

---

* § 42 Наказа Екатерины II: «Все действия, ничего такого в себе не заключающие, нимало не подлежат законам, которые не с иным намерением установлены, как только чтобы сделать самое большее спокойствие и пользу людям, под сими законами живущим».

** § 43 Наказа Екатерины II: «Для нерушимого сохранения законов надлежало бы, чтоб они были так хороши и так наполнены всеми способами к достижению самого большого для людей блага ведущими, чтобы всяк несомненно был уверен, что он ради собственной своей пользы должен сохранить нерушимыми сии законы». § 44: «И сие то есть самый высочайший степень совершенства, которого достигнуть стараться должно».

51. Примечание. Точные слова господина Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 4*. Сие есть неоспоримо, что вера, климат, законы и обычаи господствуют над человеком. Из чего и следует, что те законы токмо будут непоколебимо исполняемы, где чистое веры нравоучение обуздает неприличные движения страстей, где наглым образом они не будут насиловать расположение и нужды от климату происходящие, где они, поправя нравы, учинят то, что преступление закону и без судебного наказания презрением сограждан наказано будет. Дикие народы, имея весьма мало нужд, без судебных обрядов и без писанных законов последуют токмо тому, чему природа их научает, и тщатся приобрести себе те выгоды или избегнуть от неудобностей, производимых климатом. Хотя из древних лет китайцы имели своих законодателей и мудрых философов, давших им законы и нравственные наставления, и китайцы толь самым испытанием изведав полезность оных, что чрез самое воспитание стараются юношам их в сердце вложить, отчего и происходит, что обычаи толь великую силу взяли, что они уже вместо законов сим мудрым народом управляют. Противное сему видно в Японии, где суровый и неснабженный наставлениями народ лишь тиранскими наказаниями в границах должности своей удержан может быть. Ликург[30], отняв все естественные удовольствия, на краткое время ввел такие законы, что жизнь народа его нравы могли устроевать; но вскоре узря вящие удовольствия, желание лучшего спокойства прервало нравами и законами поставленные оплоты, и народ со нравами и законы позабыл. В Риме хотя бедность и в почтении была, но не нравы составляли основание правительства, а уставленные законы, подкрепляемые примерами древних именитых мужей; но как беспрестанные несогласия между народа и Сената к частым пременам законов притчину подавало, а уже древние строгие нравы их не подкрепляя, то вскоре повреждение законов и нравов к падению республику привели.

55. Примечание**. Сие все взято из Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 9. Остается токмо приметить, что не все от климату,

---

* В 4 главе XIX книги Монтескье «О разуме законов» говорится о законах в отношении к основным началам, составляющим общий дух, нравы и обычаи народов.

** § 55 Наказа Екатерины II: «Характер китайцев другого состава, который совсем противен ишпанскому характеру. Жизнь их ненадежная причиною [по свойству климата и земли], что они имеют проворство, почти непонятное,

действие верности ишпанцов и неверности китайцев происходит, но кажется мне, что ишпанцы в древние времена весьма вольный и почти дикий [народ], не имея поврежденных нравов, через самое сие толикую верность показывал. Но когда по разным пременам Ишпания почти под деспотическое правление впала, ненадежность их в собственности своей и побуждает дозволять чужестранным народам под именем своим в Америку торговать, куда самоличный торг всем чужестранным запрещен. Та же притчина деспотичества другое действие в Китае производит, ибо китайцы, не весьма приятно принимая чужестранцев и всякий желая по ненадежной своей жизни скорее пользоваться удовольствием богатства, за стыд себе не почитают всякие обманы употреблять. Таким образом, неограниченная власть везде лишь вред и повреждение нравов производит.

56. Примечание*. Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 2.

57. Примечание**. Монтескиу, тут же, книга XIX, глава 5. Сие есть толь неоспоримая истинна, что каждый, мню, собственным своим испытанием оную изведал; и тако чувствия каждого особо человека, сложенные в общество, правило сие утверждают.

58. Примечание***. Не могут хорошие законы быть, естли они не на нравах основаны и нравственными добродетелями не подкрепляются, что, кажется, и самая сия статья гласит. Но уже через 5 лет

и желание прибытка столь безмерное, что ни один торгующий народ себя им не может вверить. Сия изведанная неверность сохранила им торг японский. Ни один европейский купец не осмелился в сей торг вступить под их именем, хотя бы и очень легко можно сие сделать чрез приморские их области».

* § 56 Наказа Екатерины II: «Предложенное МНОЮ здесь не для того сказано, чтобы хотя на малую черту сократить бесконечное расстояние, находящееся между пороками и добродетелями. Боже сохрани! Мое намерение было только показать, что не все политические пороки суть пороки моральные и что не все пороки моральные суть политические пороки. Сие непременно должно знать, дабы воздержаться от узаконений, с общим народа умствованием не уместных».

** § 57 Наказа Екатерины II: «Законоположение должно применять к народному умствованию. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно, и следуя природной нашей склонности».

*** § 58 Наказа Екатерины II: «Для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приуготовить. Но чтоб сие не служило отговоркою, что нельзя становить и самого полезнейшего дела; ибо если умы к тому еще не приуготовлены, так примите на себя труд приуготовить оные, и тем самым вы уже много сделаете».

по издании сего Наказа старались ли истребить пороки и ободрить добродетели? Поправились ли наши нравы? Не видно сего нимало. Но напротив кажется, что ежечасно мы в бездну пороков снисходим. Из чего единого и должно заключить, что означенная мысль в сей статье или не чистосердечна, или не имеет довольно твердости, чтобы ее в действо произвесть. Следственно и надежда о поправлении нашего состояния через мудрые законы есть весьма подвержена сумнению.

59. Примечание*. Но дабы сии нравы и обычаи вогнездились в сердцах народа, надлежит, чтобы правительство неусыпным оком бдило награждать добродетели и укрощать пороки, ибо в самом деле путь добродетели есть жесток. Возьмем пример придворного, когда единый, любя отечество и государя, не отверзает уст своих на лесть, лжу и клевету, когда пред недостойными временщиками колено не приклоняет, когда последует единым стезям добродетели, хочет служить, а не угождать, и лишенный защитников в бедности и в презрении оставлен пребывает. С другой страны, когда другой, жертвуя все своему честолюбию, не помышляя о добродетели и о должности гражданина, льстя своему государю, утверждает его пороки, соплетает ков на ближнего, пред временщиками раболепно трусит и, одним словом, коего все слова суть ложь, все мысли — злоба и дела — преступления, и таковой богатством, силой и честью одарен. То кто, зря сии примеры, осмелится быть добродетелен, ибо мало таких сыщется, которые бы были добродетели для ее самое со исключением своей пользы. Сие же можно положить и к другим состояниям людей. То как тут можно народу добродетельну быть, где пороки выгоды пред добродетелью имеют?

60. Примечание**. Слова господина Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 14. Пример сему мы ясней видим: запрещено вывозить богатые парчи указом, а обычай настоит их носить, из чего и

---

* § 59 Наказа Екатерины II: «Законы суть особенные и точные установления законоположника, а нравы и обычаи суть установления всего вообще народа».

** § 60 Наказа Екатерины II: «Итак, когда надобно сделать перемену в народе великую к великому оного добру, надлежит законами то исправлять, что учреждено законами, и то переменять обычаями, что обычаями введено. Весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями».

происходит, что их тайно провозят и все, публично противуборствуя закону, носят. Тако всегда бывает закон презрен, когда он обычаями не подкреплен; но в воле монаршей состоит примером своим ввести и обычаи. Когда же что определить законам, а обычаем то не тщится утвердить, то сие доказует его неосторожность.

62. Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 8.

63. Примечание*. Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 14. Весьма есть справедливо сие положение, ибо в самом деле, чего ради налагается наказание? Двух родов оные суть: иль оставляющие жизнь человеку и таковые, делая ему возмездие за его преступление, отвращают и его самого в подобное впадать и в пример другим служить. Иль отнимающие самую жизнь у человека, и в таком случае государство хотя с сожалением лишается своего сына, но в том находит необходимую себе нужду, дабы погублением единого многих сохранить. Всегда же благоучрежденное правительство, взирая на слабость человеческую, старается наказания уменьшить и токмо по самой необходимости их налагает. Следственно не слепое самовластие их должно производить, но самое начальное основание обществ, то есть чтоб предохранить безопасность каждого. И как люди свою вольность уступили для общей пользы, все то, что хотя блага обществу не приключает, но и не делает ему никакого вреда, под законы не подлежит, ибо при первенствующем основании обществ люди не могли уступить свою вольность, как токмо в том, что к разрушению вольности клониться может.

65. Примечание**. Разные есть роды нравственных наставлений: единые предписывают точно правилы, которым должно последовать, и нарушение их виной или преступлением почитается. Другие же, клонящиеся к высочайшей добродетели, которые не всякий может исполнить, суть правилы совета, и неисполнение их виной не почитается. Ибо как по слабости человеческой не всякий может до высочайшей добродетели достигнуть, то б законы, превосходящие меру, во благом делая предписании вместо советов о таких делах, учини-

* § 63 Наказа Екатерины II: «Словом сказать: всякое наказание, которое не по необходимости налагается, есть тиранское. Закон не происходит единственно от власти; вещи между добрыми и злыми средние, по своему естеству, не подлежат законам».

** § 65 Наказа Екатерины II: «Законы, преходящие меру во благом, бывают причиною, что рождается оттуда зло безмерное».

лись бы притчиной великому злу, потому чтоб мало бы было людей, которые б могли их точно исполнить.

67. Монтескиу «О разуме законов», книга XXII, глава 22.

73. Примечание*. Монтескиу «О разуме законов», книга XII, глава 4. Положенное сим писателем правило, что наказания не должны производить от прихоти законоположника и что должны оные от свойства каждого преступления вывожены быть, хотя есть весьма справедливо, но могло бы подать притчину к следующему вопросу: неисчетное есть число преступлений и вин как в самом действии, так и в обстоятельствах их. То можно ли на все на оные сделать различные наказания, выводя из своего правила, чтоб по крайней мере единые весьма не ожесточить, а других не облегчить? Сего ради писатель показует, что он в такую подробность входить не намерен и разделяет преступления на четыре рода.

75. Примечание**. Статья 74 взята из книги «О разуме законов» господина Монтескиу, книга XII, глава 4, но приложение 75 статьи, вводя гражданские наказания, испровергает полезность положения 74 статьи. И в сем случае лучше бы всего последовать мысли господина Монтескиу, которая означенные слова в 74 статье тако объясняет: «В вещах, возмущающих спокойство или безопасность государства, скрытые дела принадлежат до человеческого правосудия. Но те, которые суть противу божества, тут, где нет общенародного действия, тут нет притчины гражданского преступления. И все сие тогда происходит между человека и Бога, который знает меру и время своих мщений. Естли же, смешивая вещи, судья так же будет изыскивать

---

* § 73 Наказа Екатерины II: «Наказания, чинимые за оные (т. е. преступления против закона или веры, нравов, тишины и спокойствия, безопасности граждан), должны быть производимы из особливого каждому преступлению роду свойства».

** § 74 Наказа Екатерины II: «Между преступлениями, касающимися до закона или веры, Я не полагаю никаких других, кроме стремящихся прямо против закона, каковы суть прямые и явные святотатства. Ибо преступления, которые смущают упражнение в законе, носят на себе свойство преступлений, нарушающих спокойствие или безопасность граждан, в число которых оные и относить должно. Чтобы наказание за вышеописанные святотатства производимо было из свойства самой вещи, то должно оное состоять в лишении всех выгод, законом нам даруемых, как-то: изгнание из храмов, исключение из собрания верных на время или навсегда, удаление от их присутствия». § 75 Наказа Екатерины II: «В обыкновении же есть употребление и гражданских наказаний».

тайные святотатства, то распространит инквизицию на такой род деяний, где она не нужна, разрушит вольность граждан, вооружа противу их усердия робких и смелых душ.

Зло сие произошло от сего воображения, что должно отмстить Божество. Но должно почитать Божество, а не мстить его никогда». И в самом деле, когда народы уступили свою вольность для безопасности своей, когда подвергали себя наказаниям, естли разрушат общее спокойствие, тогда обещались ничего противу общества не делать и не предпринимать, а не обещались и не могли того учинить, [чтобы] самую мысль свою невольну сделать.

79. Примечание. Сии статьи 74, 75, 76, 77, 78 и 79 взяты из книги Монтескиу «О разуме законов», книга XII, глава 4.

83. Примечание*. Все сие сказано очень хорошо, но не одни законы суть потребны для вложения добрых нравов. В республике строгость главных правителей и законы против роскоши сие исполнить могут, а в монархии пример двора более силы может законов иметь. Карл I, король английский[31], любил женский пол, и весь его двор наполнен волокитами был. Генрих IV, король французский[32], был чистосердечен и имел счастье и в сане королевском иметь верных друзей. Можно заключить одним словом, что ни у какова народа законы к развращению общества и нравов не клонятся, но нигде они силы иметь не будут, естли сам государь пример добродетели не подаст, ибо в сем последнем случае самые злые в угодность государю добродетельны будут стараться учиниться. Но в таком государстве, где открытым неприятелям бо́льшим под видом порядка судебного меньшие в жертву придаются, где знает государь о злых качествах его советников, прельстясь токмо некоторой их остротой, довольствуясь их называть «нужное зло», не токмо поверенности своей от них не отнимают, но и предпочитают их тем, в честности тех, кои сами уверены, — в таком государстве, говорю я, могут ли законы довольно быть сильны, чтобы против толь злого примера нравы поправить?

91. Примечание. Статьи 85 и следующие до сей (т. е. до 91) взяты из господина Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 12.

---

* § 83 Наказа Екатерины II: «В сих областях (т. е. в областях с «умеренным правлением») не столько потщатся наказывать преступления, как предупреждать оные, и приложить должно более старания к тому, чтобы вселить узаконениями добрые нравы в граждан, нежели привести дух их в уныние казнями».

92. Примечание*. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 13. Ничто толь не доказует, колико воспитание детей должно сходствовать с умоначертанием правления. Воспитание детей у японцев есть весьма кротко, а правительство сурово. Что ж из сего истекает? Японцы, в младенчестве не терпя никакого огорчения, когда в совершенной возраст войдут, то и малое, что толико их озлобляет, что естли не могут отмщения себе получить, то сами себя умерщвляют. Человек, в обществе живущий, не может избавить себя от некоих огорчений, и следственно должен в младых летах запастись терпением. Я не говорю, чтобы должно было выгнать все чувствия из сердца человеческого, но не должно же его совсем нетерпеливым сделать, ибо всякая крайность худа, а умеренность есть предел премудрости.

93. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 13.

95. Примечание**. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 14. Упоминаемый закон в статье 95 есть тот, каковой во употреблении во Англии и подлинно есть, что в сей земле гораздо меньше смертоубийцев, нежели во Франции, где за малейшее воровство вешают. Часто человек в воровство впадает по нужде или по нечаянному случаю и тогда, когда ж зрит уж неизбежну свою казнь, становится, можно сказать, отчаянный и иногда, дабы скрыть свои грабительства и воровство, для безопасности своей жизнь других жертвует, а иногда и отчаянием побужден над другими заранее смерть свою отмщает.

96. Примечание***. Положение сей статьи есть весьма справедливо, ибо естли преступление есть такой важности, что без великого

* § 92 Наказа Екатерины II: «В повестях пишут о воспитании детском у японцев, что с детьми надлежит поступать со кротостию для того, что от наказания в сердце их вселяется ожесточение: так же, что и с рабами не должно обходиться весьма сурово, ибо они тотчас к обороне приступают. Примечая душу, долженствующую обитать и царствовать в домашнем правлении, не могли ли они рассуждениями дойти и до той, которую надлежало влить также и в правление государственное и гражданское?»

** § 95 Наказа Екатерины II: «Есть государства, где разбойники смертного убийства не делают для того, что воры, грабительствующие только, могут надеяться, что их пошлют в дальние поселения; а смертноубийцы сего ожидать не могут ни под каким видом».

*** § 96 Наказа Екатерины II: «Хорошие законы самой точной средины держатся: они не всегда денежное налагают наказание и не всегда также подвергают и наказанию телесному законопреступников.

Все наказания, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить».

наказания удовлетворить за безопасность общества не можно, то лутче у такого жизнь отнять, нежель, изуродовав тело, принудить и тогда, когда спокоится, беспрестанное наказание чувствовать. Ибо наказание налагается не с тем точно всегда, чтоб преступление наказать, но чтоб проходящим примером отвратить других от подобных преступлений и самого преступника на путь правый возвратить. Итак, когда он раскаялся, то мучительно есть, чтоб наказания его еще пребывало. Во Франции клеймят людей на спине за воровство и в сем клеймении следуют они старому обычаю, а на закрытом месте учиненное, оставляет ему еще способы к добродетели возвратиться. В России Алексей Данилович Татищев[33], человек жестокий, в бытность свою в генерал-полицмейстерах клеймил воров на щеках и на лбу, из чего произошло, что многие, быв с таковым знаком и [не] находя убежища, принуждены были разбойниками и душегубцами сделаться.

98. Примечание*. Учреждение Сената и коллегии есть весьма полезное дело, но полезнее бы оно было, естли [бы] от власти Сената, хотя несовершенного, не отревали многие правительства, ибо каждое частное правительство частно о вещах рассуждает, а Сенат рассуждает соображa о них с общей пользой. Что ж касается до переноса дел к государю, коль оный ни труден есть, однако, яко показующий соединение законодательной со исполнительной властью и следственно деспотичество, то лутче чтоб такого переносу не было, а естли бы просьба была на Сенат, то с прибавлением членов, в коем бы числе были выбранные сторон истца и ответчика сие дело последним решением окончено было.

103. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава I.

104. Примечание**. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 1. Сие положение есть весьма справедливо, ибо как в единоначальных правлениях по наследству престол государям достается в напомятование заслуг их предков, то по самой сей притчине не может

---

* § 98 Наказа Екатерины II: «Власть судейская состоит в одном исполнении законов, и то для того, чтобы сомнения не было о свободе и безопасности граждан».

** § 104 Наказа Екатерины II: «Различие чинов, поколения, состояния людей, установленное в единоначальном правлении, влечет за собою часто многие разделения в существе имения; а законы, относимые к установлению сей державы, могут умножить еще число сих разделений».

наследственный государь, не разруша сам своего права, отказать, чтоб и благородные по заслугам предков своих некоторых прав и преимуществ не получали. Нарушение же сего всегда со временем ко вреду государства обращается. Петр Великий, дав право дворянства офицерам, которое в себе содержит право покупать деревни, сделал, что многие выслужившиеся, не имевши сходственных с их новым состоянием мыслей, жадничая к имениям, в воровство и в лихоимство впали, дворянские роды обнищали, и, не имев довольного имения, дабы пристойным образом детей своих воспитать, ежечасно уподляются[34]. И тако произведенный, входя в дворянское достоинство с подлыми их прежнего состояния мыслями, в презрении остаются, а старые дворяне, чрез бедность уподляясь, ту же часть приемлют, — и обои исчезают. Также Петр Великий, желая искусство ввести в свою империю, позволил фабрикантам и заводчикам покупать к их фабрикам и заводам деревни[35]. Что из сего произошло? Многие фабриканты держут только фабрики для виду, а имеют деревни, чтоб пользоваться с них помещичьими доходами. Работники на фабрике, быв худо заплачены, не тщатся в совершенстве мастерство свое познать, и искусствы в невольничьих руках чрез 70 лет весьма мало успех имеют. Тако, повторяю, смешение состояний не может не ко вреду общества обратиться.

107. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 2.

112. Примечание*. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 1. То правда, что самые обряды судебные служат к сохранению и вольности гражданской, дабы судья, быв принужден по обрядам ко многим рассмотрениям и медленностям, поспешным определением правого не обвинил и имел время обо всем порядочно размыслить. Но не должно однако таковые обряды до крайности простирать так, как в России оно делается, где множества письма, могущего весьма сократиться, великое замедление в делах производит, а чрез то правый челобитчик страждет и часто, не дождавшись конца своего дела, разорен умирает.

---

* § 112 Наказа Екатерины II: «Испытывая прилежно судебные обряды, без сомнения, вы сыщете в них много трудностей, представив себе те, какие имеет гражданин, когда ищет судом, чтоб отдали ему имение его или чтобы сделали ему удовольствие во причиненной обиде; но, сообразив оные с вольностию и безопасностию граждан, часто приметите, что их очень мало; и увидите, что труды, проести и волокиты, также и самые в судах опасности, — не что иное суть, как дань, которую каждый гражданин платит за свою вольность».

115. Монтескиу «О разуме законов», книга VII, глава 2.

116. Примечание*. Для сего весьма бы полезно было, дабы учредить корпус стряпчих, которым бы и цену с дел определить, ибо поныне принуждены платить за дела весьма дорого, да и те, кому платят, часто челобитчиков продают.

121. Примечание. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 17. Сие разумеется, естли объявление свидетелей есть совершенно согласно между собой и со обстоятельствами дела, ибо в противном случае не можно на свидетелей утвердиться и для того сперва судья должен рассмотреть обстоятельства дела, сличить по существовании свидетелей с оными и между собой, и когда все сие найдет согласно, тогда и верить.

122. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 17.

123**. Примечание. Взято из Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 17. Упоминаемый народ, который отметает пытку, суть агличане, но после времен сего писателя, а паче после издания книги «О проступках и наказаниях» многие другие народы ее отметать стали[36]. Обещанное изъяснение гляди статья 194.

124. Примечание***. Сей предлог оставлен без решения, но мнение мое на сие есть такое: понеже уже все уверены, что чрез пытку истины сыскать не можно, то для чего же и в сем случае человека пытать? Надлежит его наказать за его упрямство, что он себя ни винным, ни невинным [не] признает, и возложить на него за упрямство умеренное наказание по важности дел. Сие воспрепятствует другим упрямиться в суде отвечать, а чрез то самое сие подаст способ к лехчайшему изысканию.

---

* § 116 Наказа Екатерины II: «Ответчика должно слушать не только для узнания дела, в котором его обвиняют, но и для того еще, чтоб он себя защищал. Он должен или сам себя защищать, или выбрать кого для своего защищения».

** § 123 Наказа Екатерины II: «Употребление пытки противно здравому естественному рассуждению: само человечество вопиет против оной и требует, чтоб она была вовсе уничтожена. Мы видим теперь народ, гражданскими учреждениями весьма прославившийся, который оную отметает, не чувствуя оттуда никакого худого следствия: чего ради она не нужна по своему естеству МЫ ниже сего пространнее о сем изъяснимся».

*** § 124 Наказа Екатерины II: «Есть законы, кои не дозволяют пытати, кроме только в тех случаях, когда ответчик не хочет признать себя ни виноватым, ниже невинным».

126. Примечание*. Монтескиу «О разуме законов», книга XI, глава 6. Сие есть столь справедливое правило, что достойно быть ежечасно пред очами у всякого народа.

127. Монтескиу «О разуме законов», книга XI, глава 6.

129. Монтескиу «О разуме законов», книга XI, глава 6.

130. Примечание**. Сей обычай исполняется в Англии, где так жюри оканчивают таким образом решительный приговор. Но я сумневаюсь, не имеет ли сие обыкновение чего варварского, взаимственного от грубых обычаев, в которые Европа была погружена. Правда, сие помощствует к скорому окончанию дел, но можно ли чрез голод сделать, чтоб право рассуждали, и не странно ли принуждать сим самым голодом не соглашающихся между собою судей противу совести своей согласиться. Однако и сей обычай может быть иногда с пользою употреблен; но то токмо в таком случае, когда замедление их принудит государственного опекуна к сей крайности прибегнуть.

131. Примечание***. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 4, Таковой обычай предполагает неясность законов, ибо где законы ясны, тут нет нужды судиям между собою соглашаться, а должны токмо последовать законам, коего они токмо исполнители суть. Правда, ежели когда случится, что есть на одно дело разные законы, тогда милосердейший всегда строжайшему должен быть предпочтен, ибо разум человеческий есть толико слаб, что нередко в судах люди ошибаются. То лутше виновного меньше наказать, нежели безвинного наказать строго.

132. Примечание****. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 4. Сей обычай римлян, яко они и сами после признали, был ко-

* § 126 Наказа Екатерины II: «Надлежит, чтоб судимые в великих чинах с согласия законов избирали себе судей или по крайней мере могли бы отрешить из них толикое число, чтоб оставшиеся казались быть в суде по выбору судимых преступников».

** § 130 Наказа Екатерины II: «Следуют разные образы, коими делаются приговоры. В некоторых землях запирают судей и не дают им ни пить, ни есть до тех пор, покамест единогласно не будет окончен приговор».

*** § 131 Наказа Екатерины II: «Есть царства единоначальные, где судьи поступают наподобие производящих суд третейский. Они рассуждают вместе; сообщают друг другу свои мысли; соглашаются между собою; умеряют мнение свое, чтобы сделать оное сходственным со мнением другого, и ищут соглашать голоса».

**** § 132 Наказа Екатерины II: «Римляне не приговаривали по иску, кроме означенного точно — без прибавки и убавки и без всякого умерения оного».

нечно несправедлив, ибо не челобитчик должен устанавливать число иску, но закон. Следственно он нам не что иное показует, как то: с коликим трудом все народы из невежества выбивались.

133. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 4.

134. Примечание*. В российских законах и положено, [с] судных дел пошлины по 10 со 100 в первом суде, а в случае переносу пошлина сия удвояется, сверх того положены происти и волокиты по 36 рублёв на год в пользу оправленного по делу. Кажется, что сие положение есть мало, ибо нет такова дела, которое бы правому человеку не более бы 36 рублей в год убытку и хлопот приключило. Итако казалось бы лутче, естли бы вместо проистей и волокит положены были некоторые проценты в пользу правого, и сие бы многих от ябеды и от волокит дело отвратило. С другой стороны, по земляным делам пошлины в России положены толь малы, что сие самое может быть подает притчину к толь великому числу дел.

135. Монтескиу «О разуме законов», книга XI, глава 136, тоже.

139. Примечание**. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 8. При Петре Великом учреждены для сего фискалы, но сии хотя были люди публичные, но принуждены наконец их были оставить. Кой же наипаче может вред произойти от такого человека, который будет тайно доносить, ибо должность есть толь зазорна, что ни один честный человек в нее не пойдет, а бесчестный более вреда, нежели пользы сделает. Что ж в таком случае делать, дабы истребить многое зло, которое, невзирая на законы, вкрадывается в правительство и с коего намного и законов не можно сделать? Кажется, что римский

* § 134 Наказа Екатерины II: «За приклепный иск истец лишается иска. Надлежит и на ответчика налагать пеню, если не признал точно, чем он должен, дабы сим сохранить с обеих сторон добрую совесть».

** § 139 Наказа Екатерины II: «В некоторых государствах король, будучи возведен на престол для того, чтобы законы во всех державы его странах были исполняемы, по установлению закона государственного во всяком правительстве, сажает чиновного человека ради гонения преступлений именем самого короля: отчего звание доносителей в тех землях неизвестно; а ежели когда на сего народного мстителя подозревают, что он употребляет во зло должность, ему порученную, тогда принудят его объявить имя своего доносчика. Сей чин, в обществе установленный, бдит о благосостоянии граждан; тот производит дело, а они спокойны. У нас Петр Великий предписал прокурорам изыскивать и производить все безгласные дела: если бы к сему прибавить еще чин или особу, вышеописанною должностью обязанную, то б и у нас менее известны были доносчики».

обычай и для сего был весьма способен, то есть, что знатнейшие люди республики публично пред народом преступников донашивали, но сие весьма, похвально в республиканском, а не в монаршиском правлении. Однако можно позволить, чтоб пред правительство приватные люди ко злоупотреблению доносили, но с тем, что как немаловажные, так часто повторяемые доносы навлекают бесчестие на того, кто оные чинит, и подвергают наконец его к обнародованию, что он человек, любящий доносы, и чтоб его все опасались, а через самое сие и доверенности себе лишился.

140. Примечание*. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 17. Но должно для сего, чтоб состояние судей было учинено такое, чтоб им и покуситься не должно было ни к каким взяткам, ибо, конечно, тот виновнее, который берет для удовольствования своего сластолюбия или корыстолюбия, нежели тот, который токмо берет для своего дневного пропитания. Итак по крайней мере сие дневное пропитание должно ему правительство приобрести и тогда уже строго требовать, чтоб он ничего не брал. Петр Великий сперва повелел судьям брать некоторую пошлину с дел. Мудрый закон, который награждал судью по мере как он трудится. Но не знаю зачем, во время же Петра Великого он и отменен стал, а оставлены судии столичных городов и губернаторы на весьма малом жаловании, а воеводы и никакого не получают, то как бедным людям возможно было прожить, чтобы чего не брать? Сие произвело, что зачали сперва брать для естественной своей нужды, но как [к] взяткам привыкли и потеряли стыд принимать посулы, то вскоре надлежащие границы умеренности преступили, и стали уже не судии, а грабители государства. Ныне царствующая государыня, дабы уврачевать сие зло, определила всем жалование гораздо больше прежнего. Сие несколько отвратило от больших мздоимств. Однако привыкшие люди ко взяткам иль взятки продолжают еще брать, или зная, что не по мере своего труда заплачены, ничего не делают, а правосудие час от часу претерпевает.

---

* § 140 Наказа Екатерины II: «Достойный хулы сей закон Римский, который дозволял судьям брать малые подарки, лишь бы они во весь год не больше как до ста ефимков простиралися. Те, которым ничего не дают, не желают ничего; а которым дают мало, те желают тотчас немного поболее, и потом много. Сверх сего гораздо легче доказать тому, который, будучи должен не брать ничего, возьмет ничто, нежели тому, который возьмет больше, когда ему меньше взять надлежало, и который всегда сыщет на сие виды, извинения, причины и представления, удобно защитить его могущие».

141. Примечание*. Всякая опись имения на государя может произвести многие злоупотребления, ибо нередко временщики, желая присвоить себе чье имение, налагают на него вины оскорбления величества. Многие сему печальные примеры бывали при римских цесарях, где корыстолюбие самих императоров и временщиков много безвинных людей погубило.

177. Примечание**. Надлежит примечать, для чего виновный не соответствует, подлинно ли от неимения довольных притчин ко оправданию или от робости; и в таковом случае должность судии состоит не токмо его ободрить, но и внушить ему все то, что к оправданию может служить, ибо жизнь гражданина должна так драгоценна почитаться, что не можно иметь довольно предосторожности, дабы судию от опасного обвинения предохранить.

179. Примечание***. Подлинно, что проворнейшее изыскание преступлений весьма способствует к верному образу познания. Преступник, приведенный и тотчас со всей строгостью расспрашиванный, не столько может своего преступления утаить, как естли дадут ему время на размышление.

---

* § 141 Наказа Екатерины II: «Между римскими законами есть, который запрещает описывать имение на государя, кроме в случае оскорбления Величества, и то в самом высшем степени сего преступления. Нередко сходствовало бы со благоразумием следовать силе сего Закона и определить, чтобы в некоторых только преступлениях описывано было имение на Государя, также не надлежало бы описывать на Государя других, кроме приобретенных, имений».

** § 177 Наказа Екатерины II: «Что ж касается до несовершенных доказательств, то надлежит быть их числу весьма великому для составления совершенного доказательства: сиречь надобно, чтоб соединение всех таких доказательств исключало возможность к показанию невинности обвиняемого, хотя каждое порознь доказательство оные и не исключает. Прибавим к сему и то, что несовершенные доказательства, на которые обвиняемый не ответствует ничего, что бы довольно было к его оправданию, хотя невинность его и должна бы ему подать средства к ответу, становятся в таком случае уже совершенными».

*** § 179 Наказа Екатерины II: «В изыскании доказательств преступления надлежит иметь проворство и способность; чтоб вывесть из сих изысканий окончательное положение, надобно иметь точность и ясность мыслей; но, чтобы судить по окончательному сему положению, не требуется больше ничего, как простое здравое рассуждение, которое вернейшим будет предводителем, нежели все знание судьи, приобыкшего находить везде виноватых».

182. Примечание*. В разных правлениях взяли разные осторожности, дабы суд правый сохранить: оттуда произошло установление собраний мудрейших и добродетельнейших мужей, оттуда законы и наука законов. Во Франции парламентские собрания, сочиненные из лутчих людей государства, не могли еще происходящих от страстей неправосудий упредить. Агличане, наученные испытанием и ревнивые к своей вольности, не токмо определили, чтоб каждого равный ему судил, но, опасаясь и тут страстей людских, позволили обвиняемому некоторое число судей своих за подозрением отрешать. И сие кажется, колико возможно по человечеству, предупреждает неправосудия, ибо обвиненный оставляет токмо тех судей, на коих справедливость надеяться может. Петр Великий также видел нужду отрешать судей за каким подозрением, но притчины, коих ради представлять позволил в подозрение, в толь узкие границы вместил, что сие мало в пользу обвиняемых служит. Сии притчины суть: естли судья с обвиняемым имеет какое приказное дело; естли судья ближний свойственник или родственник противной стороне; яко бы не можно было иметь злодеем судью, не имея с ним приказного дела иль будто единые узы свойства или родства связывали людей. И тако лутче всего последовать аглинскому обычаю, то есть позволить каждому отрешать некоторое число судей, и не спрашивая о причинах подозрения.

183. Примечание**. Сие толь полезно, что в Монголии, где деспотичество до вышней степени достигло, мучительство тамошних государей тем одним удерживается, что всякие у них суды судят публично пред народом. «Коль не велико мучительство здешних странах, говорит один писатель, однако царь и вельможи выслушивают все дела и, давая определения на площади пред народом, стыдятся явные неправосудия делать».

---

* § 182 Наказа Екатерины II: «Тако ж и то еще справедливо, чтобы обвиняемый мог отрешить некоторое число из своих судей, на которых он имеет подозрение. Где обвиняемый пользуется сим правом, там виноватый казаться будет, что он сам себя осуждает».

** § 183 Наказа Екатерины II: «Приговоры судей должны быть народу ведомы, так как и доказательства преступлений, чтобы всяк из граждан мог сказать, что он живет под защитою законов; мысль, которая подает гражданам ободрение и которая больше всех угодна и выгодна самодержавному правителю, на истинную свою пользу прямо взирающему».

186. Примечание*. Таковое свидетельство токмо в пользу осужденного приняться может, ибо правило каждого судьи должно быть, чтоб, не делая послабления, оправдать обвиняемого, а не стараться сыскивать способов его виновным сделать. Ибо довольно есть слабости в разуме человеческом, которая самую безвинность затмевает и погубляет иногда людей; и тако лутче тысяча виновных без наказания оставить, нежели одного безвинного погубить.

210. Примечание**. Сие не подвержено никакому сомнению, что везде тут, где бесчеловечнейшие наказания есть, тут суровее народ становится и доходит даже до презрения обыкновенной казни. Мы зрим тому пример в диких американских народах: колико они не показывают бесчеловечества над взятыми ими пленными, толь более они с нечувствительной твердостью суровость их мучителей терпением своим тщатся преодолевать. Но что касается до смертной казни, за главное правило себе должно поставить, что наказание не чинится единственно возмездие за преступление, но также для показания примеру, дабы через сие и других от подобного зла отвратить. И тако умалчивая то, что кровь каждого напрасно убиенного пред Господом отмщение вопиет; убиец, обагрив руки свои в крови невинной, изъявя не человеческое, но зверское сердце, лишив отечество

---

* § 186 Наказа Екатерины II: «Есть люди, которые почитают между злоупотреблениями слов вкравшимися и сильно уже вкоренившимися в житейских делах, достойным примечания то мнение, которое привело законодавцев уничтожить свидетельство человека виноватого, приговором уже осужденного».

** § 210 Наказа Екатерины II: «Опыты свидетельствуют, что частое употребление казней никогда людей не сделало лучшими. Чего для если я докажу, что в обыкновенном состоянии общества смерть гражданина ни полезна, ни нужна, то я преодолею восстающих против человечества. Я здесь говорю: в обыкновенном общества состоянии; ибо смерть гражданина может в одном только случае быть потребна, сиречь, когда он, лишен будучи вольности, имеет еще способ и силу, могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не может нигде иметь места, кроме когда народ теряет или возвращает свою вольность, или во время безначалия, когда самые беспорядки заступают место законов. А при спокойном царствовании законов и под образом правления, соединенными всего народа желаниями утвержденными, в государстве, противу внешних неприятелей защищенном, и внутри поддерживаемом крепкими подпорами, то есть силою своею и вкоренившимся мнением во гражданах, где вся власть в руках самодержца, — в таком государстве не может в том быть никакой нужды, чтоб отнимать жизнь у гражданина. Двадцать лет государствования Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ подают отцам народов пример к подражанию изящнейший, нежели самые блистательные завоевания».

гражданина, не должен ли пролитием своей крови пример другим показать, дабы от подобного воздержались? Может быть на сие будут мне ответствовать, что есть другие казни, которые наказанием убийцу могут служить и употребя его в тяжкую работу пример другим подадут, а остаток дней его послужит еще к пользе отечества. Я не знаю, такое изобретение не вящее [ли] самой смерти есть наказание, ибо, с одной стороны, он чрез сие осужден бывает к долговременному терпению, так что всякий час его жизни ничто иное есть, как мучение, чинящее ему ненавидеть жизнь, а не приобретающий ему смерти, а с другой — зрящие ево жива не воображают себе тяготы его жизни, не толь сим примером устрашаются да и сам [он] редко в покаяние приходит, а напротив того, ежечасно ищет, как бы побегом спастись, а беглый каторжный и поневоле для пропитания своего принужден в преступление впасть. Царствование императрицы Елизаветы Петровны конечно достойно удивления, ибо, не взирая на милосердие ее, что казнь смертная стала отменена[37], воровство и смертоубийство гораздо реже в России стали; но окромя сего милосердия многие другие притчины тому способствовали. И тако я заключаю, что конечно казнь смертная должна быть весьма редка, дабы не осуровить народ, но совсем не должна отмениться, дабы через сие оный в страхе содержать. Законодателю же остается положить, какие суть те преступления, за которые смертную казнь налагать надобно.

224. Примечание*. Не довольно, чтоб все места зависели от законов, но также чтоб от единого какого главного правительства они зависели, которое, имея общее сведение о состоянии всего государства, старается, чтобы действия разных мест к одному концу клонились.

235. Примечание**. Монтескиу «О разуме законов», книга XIII, глава 8, говоря о неспособности неумеренной пошлины, прилагает:

---

* § 224 Наказа Екатерины II: «Во всем, сколь ни пространно, государстве не надлежит быть никакому месту, которое бы от законов не зависело».

** § 235 Наказа Екатерины II: «Тайный провоз товаров есть сущее воровство у государства.

Сие преступление начало свое взяло из самого закона: ибо чем больше пошлины и чем больше получается прибытка от тайно провозимых товаров, следовательно, тем сильнее бывает искушение, которое еще вяще умножается удобностию оное исполнить, когда окружность заставами стрегомая есть великого пространства и когда товар, запрещенный или обложенный пошлинами, есть мал количеством. Утрата запрещенных товаров и тех, которые с ними вместе везут, есть весьма правосудна. Такое представление заслуживает

«тайный провоз в сем случае, быв весьма прибылен, естественное и требуемое правым рассудком наказание недовольно становится для остановления оного, тем более, что сей товар есть обыкновенно малой цены, и так должно иметь прибежище к странно-безумным наказаниям и подобный тем, кои налагаются за высочайшие преступления. Весь размер преступления разрушается, люди, которых не можно злыми почитать, наказуются яко наивеличайшие злодеи, что есть совсем противно расположению умеренного правления».

Из сего следует, что не можно иного наказания наложить на провозившего тайно товары, как токмо лишения его самых тех товаров и которые с ними везет.

240. Примечание. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 9.

242. Примечание*. Сие весьма хорошо, ибо в самом деле, естли законодатель, пораженный напрасными сумнениями, самые такие дела восхочет запретить, которые больших ни худых ни хороших следствий иметь не может, то самым тем стеснит волю гражданску, побудит их сии посредственные дела тайно делать и чрез то самое приучит к преступлению и презрению законов.

243. Примечание**. Ничего справедливее быть не может, как сие: что не может тут закон силы иметь, где взирают более на лиц, нежели на дела, и где за то наказывается бедный беззащитный человек, что вельможа бесстыдно и без страху закона явно делает. Общим образом можно сказать, что всякий народ склонен к подражанию: вельможи подражают царям, и простой народ подражает вельможам. То когда сии последние начнут презирать закон, какого уже почтения требовать от народу, и меч правосудия не должен ли остановиться к наказанию беззащитного бедного человека, когда он вельмож начальников злу пощажает?

важные наказания, как то суть тюрьма и лицеимство сходственное с естеством преступления. Тюрьма для тайно провозящего товары не должна быть та же, которая и для смертноубийцы или разбойника, по большим дорогам промышляющего; и самое приличное наказание кажется быть работа виноватого, выложенная и постановленная в ту цену, которою он таможню обмануть хотел».

* § 242 Наказа Екатерины II: «Когда запретим многие действия, слывущие у нравоучителей средними, то тем не удержим преступлений, могущих от того воспоследовать, но произведем чрез то еще новые».

** § 243 Наказа Екатерины II: «Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтоб законы меньше благодетельствовали разным между гражданами чинам, нежели всякому особо гражданину».

245. Примечание*. Потому что, естли люди спознают пользу добродетели и гнусность порока, то сами собой к первому склонятся, и [ко] второму отбегут.

253. Примечание**. Потому что всякое приведение в неволю есть мучительство, а всякое деяние мучительское приумножает мучительство мучителя.

256. Примечание***. Не можно быть премудрее сего узаконения, ибо человек, забывший долг человечества и мучащий своих подданных, действительно безумным должен почитаться и яко с таковым надлежит с ним поступать. Но как в Российской империи связь между подданных и их господ есть такая, что малейшее разрушение оной может несказанный вред произвести, что уже после бывшим примерами и доказуется, то правительство лутче хотело некоторые малые неудобствы без наказания оставить, нежели подать причину к бунтам и ослушаниям крестьянским.

259. Сей закон афинский**** показывает человеколюбие и просвещение сего народа; ничто же более не изъявляет нам суровости римлян, как их законы в рассуждении их невольников, ибо тщетно будет представить чрез политические законы: кто суров в едином, тот милосерд в другом.

260. Примечание*****. Монтескиу «О разуме законов», книга XV, глава 18. Из самых исторических господин Монтескиу почерпнул сие правило. Но естли, как опыты показали, от великого освобождения рабов вредно повсюда, оно еще вреднее может быть в России потому: служащий в доме господина своего и видящий, что чужестранным

---

* § 245 Наказа Екатерины II: «Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми».

** § 253 Наказа Екатерины II: «Следовательно, и избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю, разве крайняя необходимость к учинению того привлечет, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной; однако и та едва не весьма ли редко бывает».

*** § 256 Наказа Екатерины II: «ПЕТР ПЕРВЫЙ узаконил в 1722 году, чтобы безумные и подданных своих мучащие были под смотрением опекунов. По первой статье сего указа чинится исполнение, а последняя для чего без действа осталася, не известно».

**** В § 259 Наказа Екатерины II говорится: «У афинян строго наказывали того, кто с рабом поступал свирепо».

***** В § 260 Наказа Екатерины II говорится: «Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных».

и свободным более платят, побуждается на жизнь своего помещика. Земледелец, зная, что во всех других промыслах с меньшим трудом, нежели земледелие, может себе лутчее пропитание сыскать, оставляет свое поле. Одним словом, всякого состояния рабы почитают тут везде лутче, где их нет, выйдут из своих пределов и в смущение государство приведут. Не для того я сие говорю, чтоб совсем запретить рабам давать свободу, но чтоб то было плоды его услуг и усердия, и на таком основании, чтоб по освобождении своем тот освобожденный был вмещен в такое состояние, в котором бы сам бы счастлив был и полезнее государству был.

261. Примечание*. Собственности у рабов быть не может, естли она не сообщена с свободой, ибо как может тот свое имение защитить, кто не имеет власти защитить своим телом, а о неудобностях свободы выше показано.

267. Монтескиу, книга XIV, глава 2.

268. Примечание**. Учиненное запрещение Моисеем, чтоб с прокаженными не сообщаться, есть явный знак мудрости того законодателя; ибо в жарких климатах, в которых он жил, болезни гораздо прилипчивее, нежели в холодных. Однако и в самых холодных коль бы полезно было, естли бы возможно было правительству сделать такие учреждения, которые бы больных в прилипчивых болезнях от других отделяли, но если польза рода человеческого от сего есть очевидна, толь исполнение сопряжено с непреодолимыми трудностями, если сие отлучение не основано на правилах веры. Так оно было у народа иудейского. Однако в рассуждении трудности не должно оставлять помышлять такое учреждение сделать.

269. Примечание***. Сей новозаведенный образ дворянами получать доходы есть притчина самые необходимости, ибо сия есть неоспори-

---

* § 261 Наказа Екатерины II: «Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества».

** В § 267 Наказа Екатерины II речь идет о заразных болезнях: «Прибавьте к сему и то, что двести лет прошло, как незнаемая предкам болезнь перешла к северу из Америки и устремилася на пагубу природы человеческой. Сия болезнь распространяет печальные и погибельные следствия во многих провинциях. Надлежит попечение иметь о здравии граждан: чего ради разумно бы было пресечь сея болезни сообщение чрез законы». § 268: «Моисеевы [законы] могут к сему служить примером».

*** § 269 Наказа Екатерины II: «Кажется еще, что новозаведенный способ от дворян — сбирать свои доходы — в России уменьшает народ и земледелие. Все

мая истина, что пахотная деревня с хорошим присмотром дает более прибыли помещику, нежели оброчная, но как помещики за службой государевой или стараясь воспитать детей отлучены от своих домов, то сего ради и принуждены деревни на оброк положить, которые им по крайней мере дают верный доход, ибо за отлучки помещикова земля, хуже нанавозенная, еще хуже выпаханная, почти пользы не приносит. Вместо что она отдана в руки крестьянские, каждый для себя ее удобривая и обрабатывая, содержит ее в добром состоянии и лутчей урожай приобретает, так что нет ни одной оброчной деревни, где б крестьяне не токмо уменьшили, но не размножили свою пашню.

270. Примечание*. Сие положение мысленно весьма изрядно, но по исполнению может многие трудности иметь, как с стороны помещика, так с стороны крестьян, потому что собирать с них хлебом весь оброк, то в плодоносные годы им будет весьма лехко, а помещику убыточно, а в худые им тяжело, но прибыльно помещику, окроме что произойдут многие недомеры в даче худого хлеба и проч. И тако лутче собирать оброки такой вещью, которая знаком всему служит, то есть деньгами. Однако ж сие не освобождает помещика от попечения стараться, чтоб земледелие не упущено было в деревнях, яко то наблюдая, чтоб все пахотные земли были запаханы, не позволяя крестьянам переселяться в города и пользоваться городскими ремеслами, не отпускать никого в работы, если земля не будет запахана и проч.

273. Монтескиу «О разуме законов», книга XVIII, глава 10 и книга XXIII, глава 14.

274. Монтескиу «О разуме законов», книга XXIII, глава 10.

276. Примечание**. Монтескиу «О разуме законов», книга XXIII, глава 11. Все сие клонится к вольности крестьянской, однако все сие

деревни почти на оброке. Хозяева, не быв вовсе или мало в деревнях своих, обложат каждую душу по рублю, по два и даже до пяти рублей, несмотря на то, каким способом их крестьяне достают сии деньги».

* § 270 Наказа Екатерины II: «Весьма бы нужно было предписать помещикам законом, чтоб они с большим рассмотрением располагали свои поборы, и те бы поборы брали, которые менее мужика отлучают от его дому и семейства. Тем бы распространилось больше земледелие и число бы народа в государстве умножилось».

** § 276 Наказа Екатерины II: «Где люди не для иного чего убоги, как только, что живут под тяжкими законами и земли свои почитают не столько за основание к содержанию своему, как за подлог к удручению, в таких местах народ не размножается: они сами для себя не имеют пропитания, так как

есть такая трудная проблема, что вряд ли в России можно было исполнить.

277. Примечание*. Монтескиу «О разуме законов», книга XXIII, глава 11. Сие есть самая труднейшая часть политики государственной, чтоб в положение податей не весьма отяготить подданных. Ибо безмерное отягощение подданных приводит их в некоторое ослабление, так что привыкшие жить в крайней нужде уже отчаивают лутче состояние их сделать. С другой стороны, и малые положенные подати, приводя народ в обленчивость и следственно бедность, те же злые действия производят. В России помещики собственным своим прибытием принуждены нужный размер в сем наблюдать, налагая на промышленных крестьян более, а на других менее, а иногда и уступая оброки всех в трудолюбии и благосостоянии содержать. Но корона меры сему не подает, ибо везде государственные крестьяне ровно оброчены и так в промышленных уездах яко то в Ярославле, Костроме, Суздале и пр. могут с легкостью наложенный на них оброк платить, но в Бежецком, в Устижском, Железнопольском, Белозерском, Олонецком и многих других, где ни земля плодородие не имеет, ни крестьяне промысла, крестьяне от одних податей в разорение приходят.

281. Монтескиу «О разуме законов», книга XXIII, глава 21.

282. Примечание**. Давание место крестьянам старосты или выборного по причине многодетия их не есть способ ко умножению народа в России, потому что крестьяне не с великой охотой такие

им можно подумать от оного уделить еще своему потомству? Они не могут сами в своих болезнях надлежащим пользоваться присмотром, так как же им можно воспитывать твари, находящиеся в беспрерывной болезни, то есть во младенчестве? Они закапывают в землю деньги свои, боясь пустить оные в обращение; боятся богатыми казаться; боятся, чтоб богатство не навлекло на них гонения и притеснений».

* § 277 Наказа Екатерины II: «Многие, пользуясь удобностию говорить, но не будучи в силах испытать в тонкость о том, о чем говорят, сказывают: чем в большем подданные живут убожестве, тем многочисленнее их семьи. Так же и то: чем большие на них наложены дани, тем больше приходят они в состояние платить оные; сии суть два мудрования, которые всегда пагубу наносили и всегда будут причинять погибель самодержавным государствам».

** § 282 Наказа Екатерины II: «В некоторых областях определены законами выгоды женатым. Как то например: там старосты и выборные в деревнях должны быть выбраны из женатых — неженатый и бездетный не может быть ни хожатым за делом, и в деревенском суде сидеть не может. У которого более детей, тот сидит в том суде в большом месте. Тот мужик, у которого более пяти сыновей, не платит уже никаких податей».

должности на себя принимают, понеже от домашних их упражнений отрывает. Но весьма бы полезно было, чтоб помещики в своих деревнях уменьшили оброк с тех, кои много детей имеют, и паче облегчили таковых, кои имеют детей малолетних, коих они едва с тягостью питать могут, а умножили бы на таковых, которые лет до двадцати пяти бывают холостые, или на самых девок, кои лет до двадцати замуж не выходят. Сие бы побудило супружество, а супружество естественное умножение народа произведет.

289. Примечание*. Что касается до позволенного родства вступать в браки, в России последуют установления вмещенным так называемой Кормчей книгой, которая ничто иное есть, как пространная выписка римских христианских цесарей законов[38]. А как самые оные законы сперва основались ни на Священном писании положениях, но на древних римских законах и обычаях, так что до Феодосия Первого[39] двоюродные могли между собою сочетоваться. Но как после того многие греческие императоры, предавшись под власть монахам, сии их довели, что толико различия в родстве и запрещения бракосочетания узаконили, что сие действие, нужное роду человеческому, учинилось трудной наукой: духовное родство, сватовство, побочное свойство, все сие запрещенное делает, что и ученейшие худо понимают, кому на ком можно позволить жениться, а духовной чин, сие в свою пользу употребляя, отягощает народ, а паче приходские деревенские священники. И тако весьма бы полезно было, естли б, взяв единые соборные правила и изъясня их кружками, прибить во всякой церкви, дабы всякий мог видеть, кому на ком можно сочетоваться.

290. Примечание**. Сие узаконение для малолюдных областей весьма полезно. Однако, что касается до незаконных рожденных, то в сем случае весьма строго должно поступать, потому что стыд, привязанный к их рождению, делает, что всегда между прочими гражданами презрительны будут; и введение их в общие правы гражданские не может не произвести неудовольствия между прочими законорож-

* § 289 Наказа Екатерины II: «В рассуждении браков весьма бы нужно и важно было сделать единожды известное и ясное положение, в каком степени родства брак дозволен и в каком родства степени брак запрещен».

** § 290 Наказа Екатерины II: «Есть области, в которых закон (в случае недостатка в жителях) делает гражданами чужестранных или незаконно рожденных, или которые родились только от матери-гражданки; но когда они таким образом получат довольное число народа, то уже больше не делают сего».

денными гражданами. В России заведенные сиропитательные домы, воспитанникам которых даны великие преимущества[40], когда они вышедши пойдут в число граждан и сие произведет крайнее неудовольствие и озлобление между народа.

291. Монтескиу «О разуме законов», книга XXIII, глава 17.

292. Примечание*. Весьма бы полезно было, если бы мнение Петра Великого с Естляндией и Финляндией исполнено было.

295. Примечание**. Рабство иль неволю двояким образом должно различать: было у римлян, ныне у турков и татар раб или невольник получает только нужное пропитание и одежду от своего господина, и все, что ни выработает, в пользу господина обращается, таковой конечно не может с таким тщанием работать, как бы имел собственность. Но в России рабство не на таком основании. Российские крестьяне хотя есть рабы своим господам, хотя земля, обработанная ими, принадлежит их помещикам, хотя они имеют права и на имение их, но собственной своей пользой побуждены, никто имение и земли своих крестьян не отнимает, и крестьяне до нынешних времян и не чувствовали, что сие не собственное их было, а втвержение таких мыслей произвело различные бунты, яко ныне пугачевский, и убивство великого числа помещиков от своих крестьян, чрез что они ясно показали, что они более никакой свободы недостойны, и что всякое разрушение древней власти помещичей над крестьянами может великое разорение и гибель государству принести.

297. Монтескиу «О разуме законов», книга XIV, глава 6.

298. Монтескиу «О разуме законов», книга XIV, глава 8.

299, 300 и 301. Монтескиу «О разуме законов», книга XIV, глава 9.

302. Примечание***. Здесь сделать сего не можно, потому что крестьяне грамоте не знают. Но полезно бы было, естли бы экономическое собрание прибивало к церквам печатанные листы о земледелии.

304. Монтескиу «О создании законов», книга XIX, глава 9.

---

* § 292 Наказа Екатерины II: «Есть народы, которые, завоевав другие страны, соединяются браком с завоеванными; чрез что два великие намерения исполняют: утверждение себе завоеванного народа и умножение своего».

** § 295 Наказа Екатерины II: «Не может земледельство процветать тут, где никто не имеет ничего собственного».

*** § 302 Наказа Екатерины II: «Есть страны, где во всяком погосте есть книги, правительством изданные о земледелии, из которых каждый крестьянин может в своих недоумениях пользоваться наставлениями».

305. Примечание*. Начни презирать гордых, гордые перестанут гордиться.

Примечание на 306, 307, 308, 309 и 310 — Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 9; 312 и 313 — книга XIV, глава 6; 314 — книга XXIII, глава 16; 318 — книга XXI, слава 16; 319 и 320 — книга XX, глава 13; 321 — книга XX, глава 12; 322, 323 — книга XX, глава 13; 324 — книга XX, глава 7; 325 — книга X, глава 8; 326 — книга XX, глава 8; 328 — книга XX, глава 9; 329 — книга XX, глава 10; 330 — книга XX, глава 21 и 22; 332 — книга XX, глава 19; 333 — книга XX, глава 20 и 334 — книга XX, глава 15, Монтескиу «О разуме законов».

335. Примечание**. Монтескиу «О разуме законов», книга XX, глава 16. Сей закон может иметь двоякий вид: первое, что он подлинно сохраняет кредит между торгующих, а с другой стороны делает детей неповинных участниками вины их отцов и лишает общества пользоваться службами, которые бы сии могли ему воздать. Мне бы казалось, что можно сделать такой закон, который обе сии пользы сохранит, а именно: естли сын доказывает, что он не в состоянии заплатить долгов отца своего, то бы ему не за заплату их не воспрещало[сь бы] за долгами отца своего в правление входить; но ежели он имеет достаток и не хочет сделать, то, яко нерадивый о чести отца своего, должен быть лишен от части имения отца своего.

336. Примечание***. Монтескиу «О разуме законов», книга XX, глава 17. Естли сие и могло делать некоторый вред торговле, но, обязы-

---

* § 305 Наказа Екатерины II: «Народы, в лености утопающие, обыкновенно бывают горды. Можно бы действие обратить против причины, производящей оное, и истребить леность гордостью».

** § 335 Наказа Екатерины II: «Женевский закон весьма похвален, который исключает от правления и ото входа в великий совет детей тех людей, которые жили или которые умерли не уплатя долгов, если они не удовольствуют заимодавцев за долги отцов своих. Действие сего закона производит доверенность для купцов, для правительства и для самого города. Собственная каждого в том городе человека верность имеет еще там силу общей всего народа верности».

*** § 336 Наказа Екатерины II: «Родияне еще далее в сем поступили. У них сын не мог избыть от уплаты долгов за своего отца и отказавшись от наследства по нем. Родийский закон дан обществу, основанному на торговле; ради чего мнится, что самое естество торговли требовало придать к сему закону следующее ограничение: чтоб долги, нажитые отцом после того, как сын начал сам торговать, не касалися до имения, сим последним приобретенного, и не пожирали бы оного. Купец всегда должен знать свои обязательства и вести себя в каждое время по состоянию своего стяжания.

вая сыновей толь великому соучастию о деле родителей их, влагало им особливое почтение, а самое сие делало благополучие государству.

337, 338 и 339. Монтескиу «О разуме законов», книга XX, глава 19.

340. Примечание*. Несправедливость сих прав являющее корыстолюбие довольно известно; однако тот чужестранец, живший в котором государстве, пользовался всеми выгодами его правления, приобрел многие имения, кажется после смерти своей оные выпустить не учиня некоторой заплаты тому государству, яко в некоторых положено, чтобы десятую оставлять. Сие положение весьма полезно для России, где множество торгующих и ремесленников обогащаются.

341. Монтескиу «О разуме законов», книга XXII, глава 2.

342. Примечание**. Монтескиу «О разуме законов», книга XXII, глава 3. Российская торговля много вреда от перемены монеты восчувствовала. При Петре Великом рубли крестовики были равны старинным голландским ефимкам и в курсе до 60 и более штивров считались. Однако и Петр Великий сам убавил свою монету, и убавкой оной и курс убавился. При императрице Анне Иоанновне еще монета убавку претерпела, а при нынешней государыне рубль не более 72 копеек стоит, и курс токмо 35 штивров, а редко до 40 доходит. Те безумные политики, кои советуют убавлять цену монет, не понимают, что сие есть род побора, положенного на народ, который по большой части в пользу чужестранных обращается. Например естли б у нас рубли о сю пору были крестовики и продал бы купец товары на тысячу рублей голландских денег, то должен взять 60 тысяч штивров, вместо что на нынешние рубли возьмет 30 или 40 тысяч. На что скажем, что по мере уменьшения денег цена това-

---

* § 340 Наказа Екатерины II: «Право, присвояющее государю наследство над имением чужестранца, в областях его умершего, когда у сего наследник есть; так же право, присвояющее государю или подданным весь груз корабля, у берегов сокрушившегося; весьма неблагоразумны и бесчеловечны».

** § 342 Наказа Екатерины II: «Проба золота, серебра и меди в монете, также выпечатание и внутренняя цена монеты, должны остаться всегда в установленном однажды положении, и не надобно от того отступать ни для какой причины; ибо всякая перемена в монете повреждает государственный кредит. Ничто так должно быть не подвержено перемене, как та вещь, которая есть общею мерою всего. Купечество само собою весьма неизвестно; и так увеличилося бы еще зло присовокуплением новой неизвестности к той, которая на естестве вещи основана».

ров умножается. Сие рождает два другие зла: первое — государь переделкой монеты и уменьшением цены не богатее становится, ибо принужден за все дороже платить, и самым сим предмет операции нарушается, а второе — купцы чужестранные не меньше воспользуются сей первой переменой.

360. Примечание*. Можно к сему приложить, что оно есть подпора престолу и государству.

Крестьяне или нижний род людей по малости своего имущества мало могут чувствовать перемены, случившиеся в государстве, и как в победителе, так и в похитителе равных себе находит защитников, как в законном своем государе имел. Купцы, упражняющиеся в торге, можно сказать, есть граждане целого света. Они мало взирают, какое благополучие и слава государству воспоследует, лишь бы торг их не упал и прибытку своего лишены бы не были. Взятые примеры из истории народов нам показуют, что все те области, которые купечествующими гражданами были управляемы, не могли долго власти своего могущества сохранить. Карфаген упал, употребляя вместо народных наемные войска и прилежа более к купечеству, нежели сохранить свою власть. Соединенные сим провинции ослабевают тем, что часто пользы своей торговли предпочитают пользе государства. Но дворянство, быв основано на чести, от славы и пользы государственной свою пользу и славу взаимствуют, славится славой государства, услугами своими себе могущество и прибыток получаемый и тем ему делаются пользы государственные неразличны с собственными своими. Понеже от престола оно взаимствует свое главное блистание и от престола свое благосостояние ожидает, то пребывает верно к своему законному государю и готово за него пожертвовать все. Российское дворянство может более всех сие доказало: оно прежде учреждения регулярных войск с поместий на своем коште служило и освободило Россию от ига татарского, во время смущения российских истребило похитителей и самозванцев и изгнало из недр России чуждые народы, хотящие его разорить. Во время бунтов кровью своей запечатлело верность к Петру Великому и во все правления, не требуя себе особливых выгод и привилегий, неотменное усердие к славе отечества

---

* § 360 Наказа Екатерины II: «Дворянство есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены».

показывало. Во утверждении того, что я обще о дворянстве сказал, можно видеть [у] Монтескиу, колико сей мудрый муж почитал дворянство нужно для монархии, и Гюм, «славный политик и философ», в своих «Опытах нравоучительных и политических»[41] трудов его, том 6, стр. 150, говорит: «польза дворянства, иже есть истинная подпора монархии, естественно должна иметь предпочтение над пользой народной».

374. Примечание*. Из сего последуют два разные обстоятельства: 1) понеже дворянин по самому рождению своему превышает все другие чины государственные и имеет более открытый путь ко учинению услуг отечеству своему, следственно сии при рождении данные ему права и должен он употребить ко услугам своего отечества; 2) а и самые государи не меньше обязаны давать таким благородным способ к показанию их верности и усердия; ибо, с одной стороны, благородный видел в доме своем и в предках своих примеры любви к отечеству и государю, которые побуждают его стезям их последовать, желает собственно своей славы и благоденствия, к чему рождением путь его уже открыт, и стыдится не быть равным или подобным своим предкам; наконец старается, чтоб имя его и память его дел приложилась и на потомстве его, и таковые мысли благородные, хотя славолюбием рождаемы, обязуют государя изливать награждения на достойных, благородных, ибо, награждая единого, показуют свое напамятование на службу его предков, воспламеняют собственное его усердие и побуждают потомков сравняться с предками своими и тем род великих людей и верных сынов отечества беспрерывен в государстве остается.

375. Примечание**. Во всем Наказе по забвению, ли или по несправедливой системе некоторых государей привести дворянство в бедность (чего я не чаю) о полезных или прибыточных правах дворянства не поминается. Однако для благородных родов оно весьма нужно, дабы достаток оных соответствовал блистанию их рождения,

* § 374 Наказа Екатерины II: «Похвала и слава, особливо тому роду, который между предками своими считает более таких людей, кои украшены были добродетелями, честию, заслугою, верностию и любовию ко своему отечеству, следовательно, и к государю».

** § 375 Наказа Екатерины II: «Преимущества же дворянские должны все основаны быть на вышеписанных начальных правилах, составляющих существо дворянского звания».

ибо ничто так не уподляет сердце человеческое, как бедность. Благородные же в России употребляют свой достаток: 1) на воспитание и на учение детей своих, чтоб сделать годными отечеству, 2) на прибавление для своего житья к малому жалованию, которое все чины в России получают и 3) для умножения великолепия двора. Естли в сем случае они в некое сластолюбие впадают, то и самой сей порок их в пользу государства обращается, ибо один сей род в России спомоществует скорому обращению денег, побуждает ремеслы и художества и употреблением своим чужестранных вещей спомоществует торговле.

400. Примечание*. Что касается цехов, то не должно об них судить по теперешнему их состоянию, которое действительно стесняет искусствы, ибо быв оные узаконении сделаны в то время, когда Европа не была просвещенна, то и оные чувствуют варварство тогдашних времен. Но ежели не обучась каждому позволить работать, то от сего сами собою искусства упадут, и тщетно на сие сказать, что дурное не будут покупать, ибо всегда найдутся такие, которые на дешевое кидаться будут. Из чего я заключаю, что отнять все злоупотребления, происходящие от цеховых мастеров, установления цехов есть нужно для заведения и содержания в добром состоянии ремесел.

412. Монтескиу «О разуме законов», книга V, глава 5.

417. Монтескиу «О разуме законов», книга V, глава 5.

423. Примечание**. В числе сих ненужных законов можно положить большую часть законов, клонящихся до сластолюбия и роскоши, и хотя я весьма отдален быть защитником роскоши и сластолюбия, но не могу однако без удивления видеть в некоторых государствах обнародованные законы против роскоши, тогда, когда примерами почти тщатся ее побуждать и строгое наблюдение, как кому ездить и что кому носить тогда, когда главнейшие законы без правосудия остаются.

---

* § 400 Наказа Екатерины II: «О цеховых мастерствах и установлении цехов для мастерств по городам еще состоит великий спор: лучше ли иметь цехи по городам или без них быть, и что из сих положений более спопешествует рукоделиям и ремеслам».

** § 423 Наказа Екатерины II: «Понеже ничто так не наносит ослабления законам, как возможность коварством избегнуть от оных. Так же и ненужные законы умаляют почтение к нужным».

427. Примечание*. Сие весьма хорошее бы было расположение, чтобы предупредить разорение родов чрез разделы, но что больше в сем видим полезности, то более трудности предстают, ибо за что лишить меньших детей надлежащего им участия в имении отца их. Но чего не можно сделать о всех, но можно для некоторых знатнейших родов сделать, дабы сохранить хотя некоторое число фамилий в благосостоянии. Мне кажется, что для сего лучше, чтоб правительство определило некоторое преимущество в чинах и в жалованье меньшим детям тех знатных родов, а запретило бы разделять недвижимое имение: сие бы побудило самые сии знатные роды делать отечеству услугу, а и другие бы, желая бы, достигнуть до такого ж благосостояния, усиливались с вящей пользой услужить отечеству.

428. Примечание**. Монтескиу «О разуме законов», книга XVIII, глава 25. То правда, что еще малолетнего членом общества почитать не можно, однако не меньше он должен приготовляться быть таковым: сего ради правительство приемлет об нем попечение, как для способов для вложения пристойных гражданину мыслей, так для сохранения его жизни и имения.

434. Примечание***. Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 24. Я не могу на сие никак согласиться, что и родственник более сделан в пользу порученных ему в опеку, нежели мать, ибо правда, что женщина не может толь строгова наблюдения о своем младенце иметь, но что от слабости женской в ней недостает, то материнской любовью награждается; и тако дабы обое сие согласить, кажется мне

---

* § 427 Наказа Екатерины II: «Раздел по душам, как доныне делывалось, вреден земледелию, тягость причиняет в сборах и приводит последних раздельщиков в нищету; а разделение наследия до некоторой части сходственнее с сохранением всех сих главных правил и с прибылью общественною и собственною каждого».

** § 428 Наказа Екатерины II: «Недоросль до указных возраста лет есть член семьи домашней, а не член общества. Итак, полезно сделать учреждение об опекунстве, как например

§ 429. 1) Для детей, оставшихся после смерти отцовской в летах возраста несовершенного, когда им имения их в полную власть поручить еще не можно ради той опасности, чтоб они по незрелому своему рассудку не разорилися. § 430. Так 2) и для безумных или лишившихся ума.

§ 431. Не меньше же 3) и тому подобных».

*** § 434 Наказа Екатерины II: «Законы, поручающие опеку матери, больше смотрят на сохранение оставшегося сироты; а вверяющие оную ближнему наследнику — уважают больше сохранение имения».

лутчее учреждения есть: чтоб всегда матери давать над лицом и имением ее сына опеку, приставливая при том кого из родственников быть советником ей.

435. Примечание*. Монтескиу «О разуме законов», тож. Но есть ли народ, который бы не имел поврежденных нравов, и на что бы законы, естли всякий последовал истинной добродетели?

Примечание на 437 и 438**. Монтескиу «О разуме законов», книга IX, глава 24. Сей закон римский и готский весьма полезен был для упреждения поисков корыстолюбивых мачех, желающих лишить детей первого ложа достояния их.

470. Примечание***. Монтескиу «О разуме законов», книга XII, глава 7. Некто из князей на представлении, подписанном императором, из неосторожности поставил какой-то знак: заключили из сего, что он должного почтения не оказал богдохану. И сие учинило всему сего князя поколению ужасное гонение.

477. Примечание.

---

* § 435 Наказа Екатерины II: «У народов, испорченные имеющих нравы, законодавцы опеку над сиротою вручили матери; а у тех, где законы должны иметь упование на нравы граждан, дают опеку наследнику имения, а иногда и обоим».

** В §§ 437 и 438 говорится о римских и готских законах, о браках и дарении имущества.

*** В § 470 говорится о китайских законах, присуждающих к смертной казни преступников, уличенных в неоказании почтения государю.

ПРОЕКТ О НАРОДНОМ ИЗУЧЕНИИ

Всемилостивейшая государыня!

Всем известные попечения Вашего Императорского Величества о всем том, что может благополучие и просвещение народу вашему прибрести, подает мне смелость по долгом размышлении мысли мои о всеобщем воспитании и вкоренении добродетельных мыслей в народе повергнуть к стопам наипросвещеннейшей монархини света.

Тщетно было бы представлять всю полезность, каковую все области пространной врученной Вам от Бога Империи, чрез всеобщее вящее просвещение могут получить. Сия есть истина неоспоримая, которую и доказывать не нужно. Но судя по всем великим Вашего Императорского Величества делам, уповательно, что Божеское Провидение оставило Вам всеять просвещение и добронравие в коснеющие в невежестве народы.

Народное просвещение всегда снисходит с высшей степени до нижней. Когда Европа была в невежестве погружена, тогда духовный чин, быв более других чинов изучен, был во все важнейшие дела употребляем и просвещение свое на прочие чины государственные разливал. Благородные, завидуя великой силе, власти и богатству духовного чина, стали сами стараться свой разум просветить, сим подражали купцы и мещане, и мало-помалу просвещение и до самой нижней степени людей проникло.

Тако, не удаляясь от показанных естеством и самим примером других народов испытанных стезей, почитаю я, Всемилостивейшая Государыня, что для всеобщего просвещения народного надлежит начать просвещать духовный чин, дабы оный от пастырей своих духовных обще с чистейшими правилами веры и чистейшие основания добродетели, благонравия и нужного повиновения к властям научился. Колико кажется сие общее предложение ни есть неоспоримо, но по мере полезностей его и трудности, являющиеся непреоборимыми встречаются, ибо трудно найти довольно изученных в священном писании и знании нравственных правил духовно-служителей, дабы наполнить все места церковные в толь пространной империи, а которые и есть, тех трудно согласить идти в селения священники ради малого им дохода, не позволяющего им иметь надлежащее благосостояние. Соединение же приходов, с одной стороны, может роптание народное произвести, а с другой, во многих местах и неудобно есть

ради отдаленности селений. Но все трудности сии, коль они велики ни являются, не могли меня, Всемилостивейшая Государыня, отвратить дерзко обратить мой взор на сию часть, ободряясь токмо тем, что мудрые Ваши установления могут все сии трудности отвратить и тем усердием побужден, какое во мне рождает искренняя моя обязанность к толь великой самодержице, дерзаю мысли мои на сие предложить.

Учрежденные и ободренные Вашим Императорским Величеством по епархиям семинарии[42], хотя великое число воспитывают юношей, но я, Всемилостивейшая Государыня, весьма сомнителен, чтобы размерное число по их количеству достойных духовнослужителей из них выходило, ибо в оных семинариях, во-первых, учат латинскому языку, потом — диалектике и всем частям философии и наконец богословию, а не всякий имеет способность все сие, как толь трудный язык, так и науки, требующие великого остроумия, изучить, из чего и происходит по слову евангельскому: много есть званых, но мало избранных. И можно сказать, что те, которые преуспеют в сих науках, выходят преученые, а которые не успеют, те почти в совершенном неведении остаются; счастливы, ежели еще не приобщат обыкновенную гордость полуученых к малому своему понятию, как то почти обыкновенно случается. Я осмелюсь еще спросить, что таковые ученые способны ли быть определены для научения простого народа, требующего приличного наставления, с родом своей жизни и пространства своих воображений, и мудрствования таких ученых латинщиков о Божьем и ангельском веществе не нанесут ли и вреда, быв преданы, так сказать, на рассуждение грубых и непросвещенных разумов? Какие же священники для просвещения сельских жителей потребны? Такие, которые бы 1. К должному по их сану благочинию приобщали знание с надлежащими остановками внятно для народа читать. 2. Знали бы краткий катехизм для понятия нужнейших таинств веры и церковных преданий. 3. Имели бы довольное понятие о священной и церковной истории, как для лутчего разумения самими ими Священного писания Ветхого и Нового завета, так при случае истолкования его народу и показания положений разных соборов и возвращения церкви посреде гонения на нее. 4. Чтоб выучены были правилам нравоучительным, основанным на словах священного писания всех главнейших к общежитию поступков.

Таковые священнослужители, изучась всему вышепоказанному на собственном своем языке, с одной стороны будут все довольное иметь, не токмо для просвещения своего разума, но и для побуждения любопытства, знания, и тогда же узнав правила добродетели, благочиннее будут и могут давать довольные наставления поселянам. А с другой стороны, не возгордясь высокой наукой, самое их снисходительство послужит к просвещению народа, и они возмогут довольствоваться и малыми доходами, каковые в сельских церквах священники имеют.

Однако сие мое предложение не должно принять, яко бы я хотел осмеять или в презрение привести науку латинского и греческого языков, также диалектики, философии и богословия. Я весьма сии знания почитаю, но зная их и трудность нахожу, что не многие в оных могут предуспеть, и такие особливо отличившиеся достоинствами и просвещениями своими люди, конечно, должны яко светильники церковные употребиться ко освещению и правлению церкви Божьей, где их велеречие, просвещение, быстрое проницание и глубокое Божественных вещей познание с вящей пользой может на пространном позорище употребиться, нежель если стеснить их к правлению нескольких сотен поселян.

Сих ради причин осмеливаюсь предложить Вашему Императорскому Величеству, не угодно ли будет учинить семинариям повеление: 1. Чтоб число должных в оных находиться воспитанников всегда полно было. 2. Чтоб взирая по остроте разума воспитанников, оных разделили на две части, единых последуя до ныне пребывающему в науках расположению, которое ныне во многих семинариях весьма в лучший порядок приведено, нежели прежде было, [одни] определялись бы для учения греческого, латинского и других древних языков, также всех частей философии и богословия, а другие, в коих меньше надежды видно, учились бы по нарочно сочиненным для них книгам выше предложенному нужному для сельских священников и таковые бы в лучшие сельские приходы, ежели не во все и распределялись.

Сим, Всемилостивейшая Государыня, уже некоторое нужное просвещение проникнет на нижнюю часть народа Вашего. Но надлежит к тому и сие приложить, что не должно полагаться на то единое, что таковые священники, быв в семинариях обучены, более напоминания того чему учились, не требуют, а должно, чтоб не токмо они сами, но и прочие каждый мог нужным познания закона и основательных

правил добродетели научиться. Сего ради 1. не повелено ли будет напечатать выше прописанные книги, которые служили к научению их, и оные не токмо по всем церквам раздать повелеть, но с самою малою прибылью и желающим их купить продавать, дабы каждый полезными обретающимися в них наставлениями пользоваться мог; 2. сверх сего весьма бы полезно было если тем наипросвещеннейшим из сановников российской церкви сочинены были проповеди на все те дни, в которые наиболее крестьяне ходят в церкви, яко на все воскресенья Великого поста, на праздники Рождества Христова, Нового года, Богоявления и другие, в которых бы равно убегая от длинности доказательств и велеречия, дабы первым не ослабить внимание, а вторым снисходя на простоту тех, кого намерены поучать, единственно бы им нравоучительные наставления, основанные на словах Священного писания, были преподаваны, влагались бы им тем мысли богобоязия, справедливости, повиновения законам и начальникам и побуждались бы к трудолюбию так, чтоб каждое духовное такое слово заключало единую из таких приличных к общежитию человеческому должностей и таковые бы проповеди, быв разосланы по всем церквам, священниками в назначенные дни были бы читаны. Таковые поучения, проповедуемые во храме Божьем, утвержденные словами самого Господа Иисуса Христа или примерами угодников, кажется не могут без некоего действия остаться и самым сим исполнится предписанное Вашим Императорским Величеством правило в Наказе Комиссии о сочинении проекта нового Уложенья статья[43].

Теперь приступаю я к труднейшей вещи, то есть ко умножению доходов священникам и следственно к соединению приходов. Я уже, Всемилостивейшая Государыня, в начале сего Всеподданнейшего моего предложения имел честь сказать, колико сие трудно и опасно, чтобы не произвело ропота народного; но да позволится мне, Августейшая Монархиня, некоторые вопросы учинить. 1. Полезно ли чрез просвещенный духовный чин разлиять просвещение на народ? 2. Для сего намерения должно ли священнические доходы умножить, ибо определенная им по Межевой инструкции[44] земля, хотя отяготительна отмежеванием ее поселянам, не составляет еще довольного дохода священнослужителям и имеет еще то неудобство, что принуждает самих священников земледельцами быть. Итак уповаю, никто не может мне на сие отречительно ответствовать, то я и заключаю, что если

чего ради каких неудобностей вдруг исполнить не можно, то тихим и всегда непременным последованием единого намерения не трудно во многие годы к окончанию привести. Но прежде приступления говорить о способах, как до сего достигнуть, за нужное я почитаю представить изображение разных приходов.

Разные есть состояния приходских сельских церквей, по разности оных строения содержания, по обширности страны и немногонародия и по случайным причинам. 1. Есть церкви из набожности построенные в толикой близости от других церквей, что действительно отнимают приход от тех, и тем и сами скудны остаются и другие в оскудение приводят. Другие, которые к сему же роду можно причислить, суть погосты на пустых землях построенные, в которых почти обыкновенно служба Божья с малым рачением отправляется, при сих, а паче в Украинских провинциях, обыкновенно бывает великое число церковнослужителей, скрывающихся сверх штату, и священники, не изученные ни правилам веры, ни нравственным добродетелям, от отца сыну прелагая, яко наследство, церковь Божью, а притом стараясь сколько можно обогатиться, делают великие нападки на поселян и чрез самое сие чинят им ненавидим закон, приобретая ненависть на его служителей и чрез сие яко понуждают оных кидаться в расколы, производят корчемством винную продажу и часто пристани воровские содержат, что все им удобно учинить, яко поселенным на пустых местах и никого не имеющим над собой надзирательми. 2. Есть на разном содержании церкви, коих священно- и церковнослужители довольствуются данной им и отмежеванной ныне землей, и упражняясь сами в хлебопашестве и скотоводстве, мало радят о благонравии своего стада и о благолепии церковном, даже и самые необходимые потребы, когда в работную пору они священника от работы его отлучают, с трудностью могут исполнять, и таковые, прямо сказать, не суть священники земледельствующие, но суть земледельцы священствующие для своей токмо корысти. Другие суть на руги[45] от их помещиков, и сии хотя некоторой частью своими землями владеют и иногда если не сами работают, то надсматривают над работниками, однако имея верный от руги доход, несколько более к своей должности прилежат. 3. Есть приходы, каковых много в Московской губернии, которые до пятисот душ мужеска пола имеют — что с женским до тысячи учинит — и сие на толь малом расстоянии, что могут и еще прибавление снести. Напротиву же того в Воронежской и Белгород-

ской губерниях часто случается, что и двести душ разделены на таком расстоянии, что в иную деревню священнику верст десять ехать надлежит. 4. Есть приходские деревенские церкви весьма богатые какою явленною иконою, куда бывает часто великое стечение народа, и сие заменяет и малость прихода их. Другие же села богатые, имея частые ярмонки, о которых также от стечения народа, как священники, так и церковь пользуются. Наконец еще есть по излишней набожности богатых крестьян построенные церкви в одном селе, где бы довольно было одной быть, тут и другая построена токмо для того, что богатые крестьяне, желая приобрести моление за себя, яко за основателей храма, в самом деле другого должное благолепие разрушают.

Такое есть действительное состояние разных приходов деревенских в России. Давно уже усмотрено было, что такое умножение церквей ни к славе Божьей, ни к наставлению поселян не служит, и для того не токмо указами, но и самой присягой архиерейской учинено запрещение их более не умножать без нужды. Но разные снисхождения и прикрытые набожием обманы до совершенно строгого исполнения сие не допустили, а хотя бы и в точности сие было исполнено, оно бы не более послужило, как токмо остановить умножение церквей, а не помогло бы сделать приходы достаточными для содержания с довольным достатком благовейных и благочинных священников. Итако, дабы достигнуть до желаемого просвещения народа, я осмелюсь повторить: необходимо нужно, Всемилостивейшая Государыня, просветить духовный чин и дать ему достаточное содержание, а сие инако не вижу способов сделать, как введя выше предложенный мною порядок в науке и учиня приходы довольно многочисленны их соединением для приобретения священникам довольного содержания. К способам учинить сие соединение теперь приступаю.

I. Надлежит сделать росписи всем приходским деревенским церквам с означением 1) в каком расстоянии от них другие приходские церкви, 2) сколько в приходе душ мужеска и женска полу, 3) в каком они расстоянии от церкви и к которой стороне, 4) погост ли или в селе построенная церковь, 5) каменная или деревянная, 6) на каком содержании священно- и церковнослужители, 7) нет ли к которым из сих церквей особливого стечения народу, по причине ли чудотворного образа, или торгов и ярмонков, и 8) нет ли в которой кладбища окружных и приходских тут помещиков.

II. Имея такие обстоятельные росписи, епископы по своим епархиям могут учинить рассмотрение, состоящее 1) в том, чтобы в тех местах, где частые селения находятся, учинить приходы не менее 500 душ. 2) Имея себе в правило, чтоб никакое селение далее пяти верст от церкви не было, назначить в тайне, которые церкви должно упразднить. 3) Но если где селения весьма редки, яко в некоторых местах Новгородской, Воронежской и других губерний, то уже по сей нужде, хотя бы и 100 душ и менее у церкви осталось, не должно ее упразднить, ибо не должно подвергать жителей быть лишенными нужных христианских потреб. 4) Где сколько бы душ ни было, но ежели есть какое стечение народа к церкви, по причине ли чудотворного образа или торгов и ярмонков и как священники, так и церковь довольный от того доход получают, таковые, яко не от одного прихода довольствующиеся, должны оставлены быть. 5) В расположении которые церкви должно упразднить и соединить приходы, надлежит на руге обретающуюся церковь содержанной на пашне предпочтить; состоящую в каком селении погосту, каменную деревянной и ту, где дворянские роды погребены той, где таких кладбищ нет. 6) Все сие расположение должно быть сделано толь тайно, чтобы совсем о сем поселяне известия не имели, дабы не подлинное им рассказание, увеличивающее всегда вещи, и не понятие самих причин ропоту и огорчения не произвело, тем наипаче опасного, что оно вид законный будет иметь. 7) Никогда вдруг многих церквей в ближнем расстоянии не упразднять в скорые годы без всякой нужды и когда разве прихожане сами пожелают сего, но стараться по разным частям епархии и в разных уездах сие по малу в исполнение приводить, ибо толь великое и противное народному предубеждению дело не может быть с поспешением исполняемо, но самой тихостью и продолжением правление покажет и мудрость, и твердость своих намерений.

При многих церквах положены по два священника и дьяконы, то о таковых церквах не лучше ли, Всемилостивейшая Государыня, будет учинить рассмотрение, где совершенной нужды нет, тут оставить одного священника, а дьяконов и везде в селах не иметь, разве только где на особливое свое содержание прихожане его взять пожелают в прибавок к дьячковому положенному доходу, оставя их токмо для городов. Вместо же дьяконов определять по одному лишнему дьячку, с предписанием ему, дабы его должность была желающих учиться

грамоте бесплатежно учить и в азбуках при обыкновенных молитвах напечатать десять заповедей и некоторые нравоучительные правила из Священного писания, которые бы уча, юноши тогда же добродетельными и нужными гражданину наставлениями душу свою питали. Дьячки же сии, получая доход от церкви по чину своему, то есть меньше дьякона, умножат еще доход для содержания благовейного священника.

Такие мои мысли, Всемилостивейшая Государыня, что касается до просвещения низшей степени народа чрез духовный чин, но как милосердие Вашего Императорского Величества не меньше простирается и на градских жителей, коим просвещение не инако, как чрез заведение школ можно преподать, то и о сем, яко входящем в предмет сего сочинения, дерзну мысли мои предложить и тем более со смелостью, что и должность чина моего, как то означено в инструкции Герольдмейстера, к тому меня побуждает.

Сие просвещение, Всемилостивейшая Государыня, ничем иным вкорениться не может, как токмо заведением школ и вложением любопытства употреблять разум свой к приобретению полезных сведений. Желательно было бы, если бы живущее вокруг городов дворянство и мещане, совокупно согласясь, таковые училища каждые во градах своих с довольными доходами завели. Но как по ныне еще такого заведения окроме Вышнего Волочка не сделано, то остается, Всемилостивейшая Государыня, матерним Вашего Императорского Величества попечением, семена сии просвещения и благонравия в сердца подданных Ваших всеять. Я мню, Августейшая Монархиня, что не должно еще при нынешнем состоянии России, что огромное повсюду зачинать, дабы чрез то не сделать отягощения казне, без великой пользы, и для того сокращаюсь токмо на самые меньшие установления, которые бы, всеяв просвещение, дух отечестволюбия, благонравия и любопытства, могли быть начатком и великого. Итако разделяю таковые училища на две степени.

Училища первой степени должны быть установлены в губернских городах, где должно иметь учителей одного для русского языка и грамматики — оного с жалованьем по сто рублёв. Одного для немецкого языка весьма нужного для России по причине многих областей Вашего Императорского Величества, употребляющих сей язык, с жалованьем по полтораста рублёв. Одного из духовного чина для тол-

кования катехизиса с жалованьем по пятидесяти рублёв. Одного для научения арифметики и первых частей геометрии и тригонометрии с жалованьем по сто рублёв. Одного для научения истории и географии с жалованьем по сто рублёв, итого 500 рублёв.

Второй степени училища должны учредиться в провинциальных городах. В них также один учитель должен быть для научения российского языка и арифметики, с жалованьем по сто рублёв, один из духовного чина для толкования катехизиса и правил веры с жалованьем по 50 рублёв и один для научения истории и географии с жалованьем по 100 рублёв. Всего 250 рублёв.

Для сих училищ должно дать дома от тех городов, где они уставлены будут, в коих сии учителя ежели похотят и жить должны. И все, как благородные, так купцы и мещане имели бы право в них учиться, с платежем с каждого человека в год по 24 рубли, из которых 14 должны отдаться учителям, а по 10 рублёв с каждого человека собираться в казну, откудова их отдавать в банки, и происходящая сумма от сих должна быть определяема по рассмотрении или на увеличивание заведенных уже училищ или на заведение в других городах.

Но как есть множество таких дворян и мещан, которые не в состоянии и сего малого числа денег на заплату для научения своих детей заплатить, и бедность их должна елико возможно милосердием Вашего Величества облегчиться, дабы и из сих полезных слуг отечеству получить пользу, просветя их разум достаточным образом, то не угодно ли будет, Всемилостивейшая Государыня, при сем такое положение сделать, чтобы во всех сих училищах, когда будут 9 человек юношей благородных, платящих за свою науку, чтобы десятый неимущий без платежа принимался. Также ежели будут и 9 мещан, то бы десятый без платежа принимался. И хотя сия есть и малая в самом деле помощь, но лучше, Всемилостивейшая Государыня, как по ныне, окроме милосердно Вашим Величеством учиненных учреждений Кадетских корпусов[46] и Академии художеств[47], никакого в местах их жилищ [училища] не имели.

Хотя является, что просвещение, преподанное каждому человеку, толико есть полезно, что оно уже без всякого другого возмездия есть довольное награждение за убытки, которые он для сего претерпел, но зная, Всемилостивейшая Государыня, расположение мыслей народных, не уповаю, чтоб и сей убыток отдаленные от больших горо-

дов дворяне восхотели понести, если им видимые и ощутительные по их грубым мыслям пользы не будет. Того ради не повелите ли, Всемилостивейшая Государыня, чтоб таковые, обучившиеся в провинциальных училищах и могущие доказать, что не напрасно время свое потеряли, а притом имеющие засвидетельствование от их начальников (о коих ниже помянется), были в полевые полки приниманы в подпрапорщики, а таковые же, учившиеся в губернских школах, приниманы были в те же полки кадетами на сержантском жалованье и предпочтительно бы пред другими произвождены были в офицеры. Сим, Всемилостивейшая Государыня, никакое не нарушится прежнее учреждение, а откроется способ бедным дворянам к просвещению и к показанию услуг отечеству и своей милосердой Монархине.

Сии училища должны быть под присмотром ежегодно выбираемых двух человек от дворянства и одного из купечества, которые хотя не во весь год, но по крайней мере в разные месяцы по несколько недель должны сами в том городе присутствовать и наблюдать, как за хорошим поступком учителей, так и за прилежным и порядочным преподаванием наставлений в предписанных науках, и они должны давать засвидетельствования о науке и о хорошем поведении тех, которые в школах будут учиться.

Губернаторы тех губерний, в которых таковые училища будут учреждены, должны быть защитники и попечители как губернских, так и провинциальных тех губерний училищ.

Если таковые заведения будут учреждены, то несомнительно, Всемилостивейшая Государыня, что народ Вашего Императорского Величества всю полезность, происходящую от оных, восчувствует. И тако, ежели кто восхочет некоторое число денег дать для умножения обще всех школ или особливо какой школы, таковые бы деньги принимать и употреблять на назначенное ими определение, с означением в ведомостях похвальным образом имени того, кто таковое полезное дело сделает.

Сии мои всеподданнические мысли беру смелость повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества с приложением росписи местам, где таковые школы на первый случай могут завестись и со исчислением суммы денег, потребной на сие. Приими, Великая Государыня, сие мое дерзновение, яко знак искреннего усердия пребывающего со глубочайшим благоговением.

Роспись губернским и провинциальным городам, где губернии надлежит учредить школы:

Губернии

Москва: есть университет и школы.
Санктпетербург: есть кадетские корпуса и другие училища.
Новгород [потребно] .... 1050 р.
Киев: есть академия
Белгород .... 1050 р.
Воронеж.. 1050 р.
Смоленск... 1050 р.
Город Архангельск: надлежит учредить школу
для купечества, ибо дворян там нет....................... 1050 р.
Казань: есть гимназия.
Нижний Новгород... 1050 р.
Астрахань: школа учреждена.
Оренбург: за отдаленностью и за малым числом жителей
еще школы не нужно заводить кроме той, которая есть
для гварнизону.
Тобольск: школа есть, но должно поправить............... 1050 р.
Иркутск .... 1050 р.
Харьков: школа есть.
Псков.. 1050 р.
Могилев: чаю, что школы есть, также римские католики
учатся от своего духовенства.
Азов: ради нового заведения еще в школе нужд нет.
Лифляндские города школы свои имеют.

Провинции

Переславль Рязанский....................................550 р.
Кострома..550 р.
Юрьев...550 р.
Владимир..550 р.
Суздаль...550 р.
Переславль Залеский.....................................550 р.
Тула ....550 р.
Калуга ....550 р.
Ярославль ....550 р.

Углич.......................................550 р.
Олонец: ради малого селения школы не надобно.
Тверь.......................................550 р.
Белоозеро...................................550 р.
Севск.......................................550 р.
Орел..550 р.
Елец..550 р.
Тамбов......................................550 р.
Шацк..550 р.
Вологда.....................................550 р.
Великий Устюг...............................550 р.
Галич.......................................550 р.
Свияжск: по близости к Казани нужд в школе нет.
Пенза.......................................550 р.
Симбирск....................................550 р.
Вятка.......................................550 р.
Пермь: за малостью дворянства и купечества нужд в школе нет.
Алатор......................................550 р.
Арзамас.....................................550 р.
Исецкая провинция: за малостью дворянства и купцов ныне нужд в школе нет.
Уфимская провинция: за малостью дворянства и купечества ныне нужд в школе нет.
Енисейск: за неимением дворянства и малостью купечества в школе ныне нужды нет.
Якутск: за отдаленностью мест ныне завести школы трудно.
Новороссийская губерния с ее провинциями требует особливого о школах рассмотрения, смотря по состоянию оных мест.
Ахтырка.....................................550 р.
Сумы..550 р.
Острогожск..................................550 р.
Великие Луки................................550 р.
Бахмут......................................550 р.

Итого всего рублёв..........................25 950 р.

ПИСЬМА М. М. ЩЕРБАТОВА К СЫНУ ДМИТРИЮ

М. М. Щербатов – Д. М. Щербатову[48]

[*1775 г.*]

Мой дорогой сын!

Сразу по приезде г-на Брайко[49] в Москву, я берусь за перо, чтобы писать вам, не только с тем, чтобы сообщить вам о состоянии нашей семьи, но и с тем, чтобы дать вам отеческие предостережения. Вам слишком хорошо известна, мой дорогой сын, моя любовь к моим детям и забота, которую я проявляю, чтобы обеспечить им достойное образование, насколько мои занятия могли позволить мне прибавить обязанности советчика к обязанностям отца. Вы знаете, мой сын, отказывался ли я когда-нибудь от этого, но когда обремененный делами, которые касаются управления государством, когда каждое мгновение моей жизни предназначено нынешнему служению моей императрице, я подумал, что так как я прежде гражданин, а потом уже отец, я должен отдать предпочтение этим [первым] обязанностям; но чтобы также не пренебрегать вашим образованием, я принял решение удалить вас из моего дома и передать вас в руки, достойные дать вам подходящее воспитание. Вы более счастливы, мой сын, чем я даже смел бы надеяться. Г-н Вернер[50] пожелал взять на себя заботу о вас. Его письмо, все, что мне сказал г-н Брайко и то, что я слышу [о нем] от других, меня в том убеждает. Таким образом, мой дорогой сын, начав столь счастливо, постарайтесь сделаться достойным этого [начала]: что все то, чем вы обязаны вашим родителям за ваше рождение, за их прежние заботы о вашем здоровье и нынешние о вашем образовании и продвижении в свете, относится теперь к г-ну Вернеру и его достойной супруге, ибо знайте, мой сын, что ваше уважение и ваша признательность по отношению к нему должны быть безграничны, именно этим вы докажете, что ваше сердце достойно вашего рождения и что добродетель в вас растет с годами, а ведь нет ни качества, ни занятия, которое могло бы возместить недостаток добрых чувств, и добродетельный пастух с добрыми чувствами лучше, чем сын того, кто восседает на троне, но лишенный добродетелей, как сказал один из наших поэтов. Но не говоря более в общем о ваших обязанностях по отношению к г-ну Вернеру, скажу кое о чем особо: ваше уваже-

ние и ваша покорность по отношению к нему и госпоже его супруге должны быть совершенными, ваша искренность должна им показывать в одно и то же время вашу преданность и доверие и, наконец, не делайте ничего сколько-нибудь важного — даже не покидайте дома — без их позволения. Подобным поведением вы постепенно заслужите привязанность этих людей, которая выразится для вас в полезных наставлениях, последствие которых вы будете чувствовать до конца ваших дней и которые, сделав мне добродетельного сына, принесут мне утешение в старости.

Вот, мой дорогой сын, что я хочу вам сказать о поведении, которого вы должны придерживаться в доме, где остаетесь, впрочем, я хочу поговорить с вами еще и о ваших занятиях. Вы знаете, мой сын, насколько немецкий язык необходим в России. Несколько областей, которые составляют часть нашей обширной империи, говорят на этом языке. Наше соседство с немецкими землями, различные отношения, которые мы имеем с этим кельтским народом, обязывают вас к этому. Вы находитесь в городе, где общий для всех язык немецкий, так что постарайтесь приложить усилия к тому, чтобы выучиться поскорее с тем, чтобы быть в состоянии слушать лекции господ профессоров. Г-н Вернер извещает меня о том, что он отдаст вас обучаться privatissime[51] инженерной науке к г-ну Дуалье, у вас есть склонность к этой науке и даже уже кое-какие познания в ней; итак, постарайтесь не только сохранить то, что вы приобрели, но и приобрести еще, чтобы сделаться более полезным вашему отечеству и быть достойным вашего имени. Но чтобы воспользоваться с бóльшим преимуществом наставлениями г-на Дуалье, не ограничивайтесь временем, которое он отводит для вашего учения, старайтесь размышлять над всеми проблемами, которые он перед вами поставит, наблюдайте все метафизические связи этих проблем, их ход, причины, которые позволили открыть различные особенности фигур, это научит вас верно мыслить, видеть причины по их действию в вещах, где другие, кто не размышлял, ничего не заметят, и подобная привычка размышлять распространится на все действия до конца ваших дней. Вы знаете, мой сын, что лишь достигнув 35-летнего возраста я начал занятия математикой, и с тех пор эта наука привлекательностью истины и очевидностью доказательств составляет прелесть моего досуга. Не думайте, мой сын, что ваши собственные размышления не смогут открыть вам ничего нового, но знайте, что в различных математиче-

ских фигурах и в различных преобразованиях алгебраических расчетов с каждым шагом вы будете находить следствия уже доказанных истин, которые учитель ваш не объяснил и которые не нуждаются в объяснении из-за легкости их обнаружения, но которые, тем не менее, доставляют много удовольствия тому, кто их открывает или полагает, что открыл. Я мог бы привести вам несколько примеров, но, так как то, что я вам пишу, это не математический трактат, я оставляю вам самому убедиться в том, о чем я вам сказал.

Чтение исторических книг, о которых вам хочет сообщить г-н Вернер, весьма необходимо, старайтесь, мой сын, наблюдать все прекрасные деяния, которые вы найдете в истории и извлекать из этого для себя урок и наблюдать, как ужас дурных действий не смог быть стерт с течением нескольких столетий и что бесчестие тех, кто имел несчастье...[52]

М. М. Щербатов – Д. М. Щербатову

11 июня 1775[53]

Мой дорогой сын.

Я получил ваше письмо, подписанное 2/13 мая, за которое благодарю вас, хотя я не слишком доволен ни вашим стилем, ни вашей французской орфографией. Именно поэтому я советую вам как друг и как отец заняться чтением хороших французских авторов и постараться создать свой собственный стиль по этим образцам. Что касается орфографии, я могу быть только удивлен тем, что вы так мало ее знаете, так как несмотря на характер аббата де Л'Иля[54], надо отдать ему должное, грамматикой он владеет в совершенстве, и вас он постарался ей обучить. 5 лет, мой сын, которые вы провели за постоянными занятиями французским языком, должны были дать вам немного больше познаний в этом языке, который в настоящее время так распространен в Европе, а следовательно, необходим как для общения, так и для образования, так как большое число хороших авторов писали на этом языке. Сейчас, когда вы достигаете разумного возраста, постарайтесь возместить то, что вы потеряли от безрассудства юности. Не из пустого зуда иметь ученых детей я все время повторяю вам, что вы должны прилагать все возможное усердие к учению, но оттого, что я совершенно убежден в том, что человек, не имеющий хорошего образования, не может быть ни добродетелен,

ни полезен отечеству, ни, наконец, счастлив. Относительно первого скажу вам в немногих словах, что это аксиома, что мы не можем любить того, чего не знаем, а тот, кто не знает, что такое добродетель и в каких случаях каковы ее различные виды, будет действовать только по инстинкту, и его действия, хотя зачастую предпринятые с самыми добрыми намерениями, будут, тем не менее, иметь совершенно противный вид и результат. Но я буду говорить с вами об одной из главных добродетелей гражданина, которой является любовь к отечеству, для которого мы должны жертвовать собою, и тем более, не обязаны ли мы использовать несколько лет нашей молодости, чтобы сделаться полезными стране, которая дала нам рождение, тем более, что все, что мы сделаем в этих обстоятельствах, может служить только к нашему благу.

Говоря с вами о любви к Отечеству, следует принять в расчет 1) обязанности, которые мы имеем по отношению к нему, 2) примеры великих людей и 3) пользу, которая бывает от этого нам самим.

Если человек станет рассматривать себя с момента своего рождения, он увидит, что рожден как самое ничтожное создание: без силы, без разума, без одежды и т. д. Законы страны, где он рожден, заранее позаботились о существовании его родителей, которые в состоянии обеспечить ему первое питание; он защищен законами против любого рода насилия и, наконец, его слабое детство питается и одевается в продукты его страны, или в то, что его страна получает по обмену продуктами, а когда он начинает расти и достигает юности, это самое отечество, по-прежнему внимательное к заботам о своих детях, предоставляет человеку различные средства к существованию и служению ему. Следуя различным состояниям людей, [ибо] одни предназначены для того, чтобы возделывать землю и питаться ее продуктами и питать других, другие — чтобы зарабатывать на жизнь различными ремеслами и обеспечивать удобства своим соотечественникам; кто-то предназначен к торговле, чтобы совершать обмен товарами их страны и других стран и обеспечивать этим изобилие своей стране и различные удобства своим согражданам, и, наконец, иные предназначены ее защищать или управлять ею. Каждое из этих занятий защищено законами, каждый класс людей имеет свои привилегии и прерогативы, и обеспечивает преимущества другим, сам пользуется определенными преимуществами; прибавьте к этому связи, которые мы имеем с нашими родителями через обязательства, которые мы

получили в юности, дружеские отношения, которые мы завязываем, имущество, которым мы владеем, — все это, — начиная с раннего детства, которому отечество и его дети обеспечили первое питание, с нашей молодости, когда оно нам предложило различные способы быть ему полезными, с нашей зрелости, когда мы вступаем в обязанности граждан и получаем награду и преимущества, относящиеся к положению, которое мы заняли, и нашей старости, которой оно обеспечивает спокойный отдых, — обязывает быть привязанными к нему, и справедливой признательностью возвращать ему блага, которые оно нам дает.

Многие великие люди так чувствовали эти обязанности, что во всех случаях, когда это было необходимо, они ни минуты не колебались пожертвовать жизнью ради него. Возьмем в пример Фемистокла[55], который, хотя и был изгнан из своей страны по навету, не захотел, тем не менее, помочь персидскому царю завоевать Грецию, и предпочел добровольную смерть всему процветанию, в котором он жил в своем прибежище. 300 спартанцев со своим царем Леонидом[56], не колеблясь, пожертвовали собой ради спасения Греции. Сократ[57], будучи несправедливо осужден, не захотел бежать и преступить законы его отечества, отец и сын Деции[58] сами предали себя богам манам[59], чтобы добыть преимущество своему отечеству; Регул[60] в плену у карфагенян предпочел умереть от наказания тирана, чем дать дурной совет римскому сенату и обрести в награду свободу. Фамилия Фабиев числом 300 человек, среди домашних раздоров пожертвовала собой ради спасения своей страны[61]. Но, не ища славных примеров у народов и во временах отдаленных, бросим взгляд на нашу собственную страну, которая, возможно, являет нам свои, отечественные добродетели и героические действия, совершенные не одним человеком, но целыми обществами; мы увидим князя Пожарского, который из места его убежища собрал войска и спас Москву, а с ней и Россию от рук поляков, которые уже стали было ее хозяевами[62]. Шуйский с цветом боярства освободил Россию от ига узурпатора и самозванца расстриги[63]. Вся знать помогла Петру Великому подавить мятежи и истребить стрельцов — воинства беспокойного и всегда готового взбунтоваться.

Итак, видно, что мы должны в качестве благодарности и долга, засвидетельствованного столькими великими людьми, любить Отечество. Но кроме того, если эта любовь соединена с просвещенным

духом, сколь великое благо она доставляет нам самим: во-первых, мы испытываем сладостное удовлетворение от того, что мы не бесполезный груз на земле, и можем исчислять наши дни делами; отечество, со своей стороны, чинами и благами, которые оно нам дает, или средствами быть ему более полезными, дает нам уважение в мире и поощряет саму нашу любовь, или предоставляет нам случай иметь больше достатка в жизни, вознаграждает за нашу службу и ободряет других подражать нам.

Примените к себе, мой сын, эти максимы, и знайте, какое небо дало вам рождение в семье, которая на протяжении нескольких веков представляет вам предков, славных своим служением отечеству, и законы вашей страны, сохраняя вам положение выше обычного, в момент вашего рождения уже предложили вам первый способ стремиться ко всем самым уважаемым чинам. Именно сейчас вам следовать дорогой, которую отечество предлагает вам для вашего счастья, просвещайте ваш дух всеми знаниями, необходимыми и полезными человеку благородного происхождения, украшайте ваше сердце всеми добродетелями христианина, и вы будете счастливы — тем более счастливы, что заслужите быть таковым, а иначе, вместе с позором для ваших родителей, ожидайте лишь несчастий, которых вы сами будете создателем из-за того, что не захотели следовать советам нежного отца, который желает вам только добра. Прощайте, мой дорогой сын, будьте здоровы, я молю Бога о вашем благополучии и о просвещении вашего ума и сердца. Мой сын, ваш любящий отец Михаил кн. Щербатово.

Москва, 11 июня 1775.

М. М. Щербатов – Д. М. Щербатову

28 апреля/9 мая[64]

Мой дорогой сын.

Я получил ваше письмо от 3/14 апреля, за которое я вас благодарю тем более, что как этим письмом, так и чувством, которое вы выразили, читая мое предыдущее письмо, вы явили сердце, достойное вашего происхождения. Я могу быть только очарован успехами, которые вы сделали в немецком языке, который столь необходим русскому дворянину, но я бы хотел, мой сын, чтобы вы занялись этим с еще большим рвением, не тяготясь ни трудностью произношения, ни

всеми прочими препятствиями, которые встречаются при изучении языков, т. к. знайте, что нет розы без шипов и что эти страдания будут вознаграждены сторицей, когда преодолеешь любую подобную трудность; и в самом деле, могли бы люди уважать знание языков и наук, если бы его можно было достичь без труда и усталости. Я приведу вам еще один довод, который должен побудить вас к этим занятиям: это военная служба. Вы прекрасно знаете, что мы живем в стране, которая граничит с несколькими другими странами, где этот язык преобладает, что в некоторых наших губерниях говорят на этом языке, что правительство поощряет эти занятия. Итак, будучи обязанным часто разговаривать с людьми, которые не понимают никакого другого языка, кроме этого, судите, можете ли вы понимать всю силу приказов, которые вам дадут на этом языке ваши командиры, или давать их вашим подчиненным самому не зная их. Я знаю, что вы любите военную службу, и что от природы склонный к этому благородному искусству с юных лет, вы показали большую склонность к обращению с оружием, но знайте, мой сын, что хорошему офицеру недостаточно быть храбрым и уметь выполнять перемещения полка, ибо так как военное искусство — не что иное как смелость, подчиненная правилу, чтобы добиться победы малого числа над большим и чтобы прийти к необходимому знанию этого средства, нужно, мой сын, не только основательное знание тактики, положения страны на местности, но к этому следует присоединить много чтения с серьезными размышлениями для того, чтобы всегда помнить, что делали великие люди в различных положениях, в которых они оказывались. Страна, где вы живете, являет славный пример того, что может сделать учение, когда его приложишь к искусству войны. Покойный прусский король[65] оставил довольно большую армию, выученную более для парада, чем для войны, и пока учения войск занимали старого короля, его сын Фридрих[66], правящий король, занимался изучением этого, и, разумеется, видя его все время занятым учением, никто не мог подумать тогда, что этот молодой принц станет реформатором в военном искусстве и грозой Европы. Но нет, в то время как одни учились машинально, юный герой делал свои наблюдения над искусством войны, которыми он пользовался со столь великим преимуществом против своих врагов. Он реформировал свои войска, дал новый устав, создал новую тактику и, наконец, он послужит примером и соперником всем воинам, которых создал свет. Вы видите на этом примере, сколь необ-

ходимо учение даже для технического обеспечения искусства войны, я уже не говорю об искусстве атаковать и оборонять крепости, об искусстве бомбардировать, об артиллерийской науке, о науке укреплять города, — все это само по себе суть науки. Не думайте, мой сын, что люди, которыми командуют, — автоматы, которые, по крайней мере, на одной или многих пружинах делают движения, нет, это люди, способные на различные страсти: ужас, сдержанность, доверие и недоверие, любовь, стремление к славе, робость. Поэтому, когда командуешь людьми, речь идет о том, чтобы завоевать их доверие и то уважение, которое является плодом величайших достоинств и способностей. Итак, знайте, мой сын, что без учения нельзя приобрести ни одного, ни другого, и что знание человеческого сердца, которое можно приобрести лишь постоянными занятиями историей, совершенно необходимо любому, кто полагает посвятить себя какому бы то ни было управлению. Но я чуть было не забыл вам сказать о первом принципе военного человека, который заключается в том, что тот, кто не умеет подчиняться, никогда не сумеет командовать. Итак, упражняйтесь в повиновении господину Вернеру и его почтенной супруге, — повиновении тем более приятном, что все то, что они вам ни предпишут, — вам на благо. Знайте и будьте уверены, мой дорогой сын, что все, что я вижу по письмам господина Вернера, вполне убеждает меня в том, что вы очень и очень счастливы, что попали в такие хорошие руки. Так дорожите им, уважайте его и подчиняйтесь его приказам, как приказам отца, и я не сомневаюсь в том, что вы сделаете честь вашему имени. Заканчивая это письмо, извещаю вас о том, что вы сделаны сержантом[67] и, если ваше поведение будет одобрено господином Вернером, а ваши успехи будут отвечать моим пожеланиям, я постараюсь сделать что-то еще для вашего продвижения [по службе]. Прощайте, мой дорогой сын, предаю вас в покровительство Божие и остаюсь ваш любящий отец Михаил кн. Щербатово.

Москва, 28 апреля/9 мая

М. М. Щербатов – Д. М. Щербатову

16 февраля 1781 г.[68]

Князь Дмитрий Михайлович.

На прошедших почтах я за недосугами моими не мог к тебе писать, да и письмо твое получил я с вторнишной почты, в котором ты

ничего к матери твоей не писал, что очень непохвально. Пожалуй, впредь будь осторожен, чтоб сию должность всегда тебе соблюсти, ибо рождение и попечение материнское, конечно, достойно возмездия почтением от детей их. Противное же покажет знак неблагодарности, достойное омерзения в рассуждении чужих не токмо в рассуждении родителей своих. Все дела наши суть взаимственны, ибо слабость нашего состояния делает, что всякий в помощи другого нужду имеет. Сия общественная связь сохраняется благодарностию, то есть равным воздаянием, что от кого получил, иль что получить желаешь. Дети родителям должны благодарностию за вскормление и воспитание свое, и для того, чтоб сохранить родительскую любовь, которая предупредила всякие заслуги их. Гражданин отечеству должен благодарностию за то, что в оном живет под защищением законов и пользуется разными выгодами. Отечество же должно благодарностию гражданину за то, что умножает ему силу и в нужде ему служит. Друг другу, родственник родственнику должны благодарностию за то, что взаимствованием услуги друг другу делают, или каких ожидают. Наконец слуга господину своему должен благодарностию за то, что он его содержит и защищает, а господин слуге за его оказуемые и ожидаемые от него службу. Такая есть связь рода человеческого и такая есть нужда в сей добродетели, которую, Боже сохрани, чтоб ты не имел.

Брат твой князь Николай Васильевич[69] третьего дня в Москву приехали. Они мне сказывали о ласковом приеме, который тебе все сделали, остается таперь тебе собственным твоим поступком приобретать дружбу и почтение от тех людей. И пожалуй уведомляй меня каждую почту, где ты у больших будешь чаще, дабы я своею благодарностию старался подкрепить самый поступок твой. При сем прилагаю к тебе ассигнацию на сто рублёв, то есть на март и на апрель месяцы.

Я не имею известия, окончит ли со мной контракт аглинской министр, а ежели не окончит, то марта 1-го числа прими мой дом, и до найму другим, сам можешь в него переехать жить во флигеле, а описи и контракт подлинные находятся у Григорья Леонтьевича, который, думаю, в сем случае не откажет тебе помочь учинить[70]. И я есть доброжелательный отец твой князь Михайло Щербатово.

Москва, февраля 16 дня 1781 года

Письмо мое Григорью Леонтьевичу, пожалуй, скорее отдай[71].

РАССМОТРЕНИЕ О ПОРОКАХ И САМОВЛАСТИИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Беседа. Соплетать хвалы своим государям несть дело охулительное, лишь бы оные были основаны на истине, и искреннее бы усердие, а не лесть и похлебство перо писателя и песнь певца направляли, ибо часто хвала добродетели толико же имеет силы над благорожденными душами, как и самое охуление противных пороков. Два чувствия наиболее действуют в человеке: любовь и ненависть, то чего ради не возбудить первое из сих хвалою тех добродетелей, каковые монарх в сердце своем ощущает? Естественно есть, кто возлюбит единое, тот противное возненавидит; следственно справедливая похвала утверждает и вкореняет в сердцах живущих государей обретающиеся добродетели, а тем самым истребляет противные пороки.

Правда, что добродетель сама с собою несет свою награду, а потому хвалы иль воздаяния ей кажутся не нужны. Но войдем мы в слабость человеческую: сии властители народов, сидящие на престолах, силою, властию, почтением, повиновением, пышностью и славою окруженные, суть те же человеки. Равные в них находятся страсти и слабости, как и в других, естли и не более, по мере могущества удовольствовать оные; то снизойдем ко оным, и да будут внушать благие цари хвалы, от истины происходящие, хвалы, коих само сердце их истину ощущает.

Не токмо живые таковым образом должны быть похвалены, но да воздастся долг нашей благодарности и умершим за оказанные им благодеяния, ибо в самом деле, чем мы воздадим тем, кои ничего уже от нас не требуют, как торжественным изъявлением нашей благодарности и проповеданием их добродетелей. Не токмо сие есть нужно, но и полезно, яко есть исполнение и всякой должности, ибо потомство и наследники их, вкушая хвалы их предков, к тем же добродетелям побуждаются и той же славы достойными себя учинить тщатся. Титус[72], Траян[73] и Марк Аврелий[74], коих имена в вечную память и в подражание монархам преданы, уповаю, более произвели мудрых и милосердых монархов, нежели все даваемые наставления разными мудрецами. Александр[75] плачет о великих победах отца своего Филиппа[76]; Цесарь, читая житие Александрово, к славе побуждается и Елизавета Титу подражает[77].

Таковые суть действия истинных похвал. Воззрим теперь, что льстивые производят. Лесть, вышедшая из ада, скрывая маской добродетели мерзкое свое лицо, оного есть начальница. Не взирает она в похвалах своих на истину, ни на прямую добродетель, но по страстям и по низости из пороков добродетели составляет: хвалит слабость, называя ее милосердием, жестокость называет нужной строгостью, захватчивость над своими соседьми, опустошающую страны и губящую напрасно людей, — геройством, лицемерство и притворство — мудростью и прочее. Она не стыдится, льстя, царей Богу их уподоблять, и должный фимиам единому вышнему существу — пред ними возжигает. Несть, не добродетель, ни признание к сему ее побуждают, но подлость и собственные какие виды. Она пред Калигулой[78] и Домицианом[79] воскурила жертвы на алтарях и подлыми своими хвалами истребила последние остатки добродетели в сердцах их. Вредоносные свои поступки и доныне продолжает: восхваляет царские пороки, преобращая их в добродетели, самих их заставляет думать, якобы они их имели. Поля Соединенных Провинций[80], поля части Германии, поля Фландрии и части Франции, вы — свидетели, колико таковые несправедливые хвалы привели в надменность дух Людовика XIV-го[81], и коликой кровью оная бразды ваши оросила! Пол веку уж протекло, как кровавые сии войны кипели, а еще Франция чувствует вредные плоды тщетной славой прельстившегося своего короля. Естли мы рассмотрим слабости человеческие, то не удивимся, како такими несправедливыми хвалами могут цари земные прельщаться. Естественно есть человеку иметь более мысли о себе, нежели чего, может быть, он стоит. Сие, кажется есть знак великого начала нашей души, но начала, поврежденного страстьми, а потому, обольщая самолюбие, легко подадут льстецы причину любящему хвалы владыке мнить, что он есть таков, каковым они его ему самому, внутренно смеясь, для пользы своей представляют. Нерон[82] мнил быть искуснее в стихотворстве Омира[83], и в том уверения от многих имел. И тако обращаю к вам мой глас, о владыки земные, возведенные на высшую степень могущества человеческого, хранитеся сих пристрастных похвал, яко не токмо заражающих вас в жизни, но и по смерти не престающих бесчестить память вашу!

С другой стороны, не похвально есть делать не токмо несправедливые своим монархам, но и самые справедливые охуления, которые должны быть изглаголены с такой умеренностью, чтобы елико можно менее чести сидящего на престоле повреждали. История единая,

направляемая самой истиной, имеет право с равной смелостью похвалять знатные деяния и добродетели царей земных и охулять их пороки, дабы предать в память потомству, чему должно подражать и от чего удаляться, учинить достойное и славное бессмертие благим и наказание злым царям. Но и та, говорю я, не инако может сие делать, как быв ведома строгой истиной, и где бы никакие страсти примешаться не могли.

Довольно, является, изъявил я мои мысли о хвале и охулении государей, но, приступая к самому предмету моего труда, не дерзну я слабым моим пером описывать великие дела и достойные похвалы Петра Великого. Величайший к сему надлежит иметь разум, и подвиг бы мой сей был более к уменьшению его славы, нежели ко умножению оной. Гласят его хвалы флот, воинства им заведенные, грады построенные, крепости укрепленные, многие области покоренные, просвещенный народ науками и искусствами, учрежденная торговля, по кратковременности введенные законы. Гласят чужестранные народы, удивляющиеся, как в толь краткое время, трудами его самого и всеянными семенами им, могла Россия из слабости в силу, из неустройства в устройство и из невежества в просвещение дойти. Звучные победы, которые увенчали лаврами главы его наследников, суть плоды его трудов, и славу его проповедают, всегда ими его, яко основателя, с именами тех соединяя. Гласят его хвалу сердца российского народа, ибо хотя миновался тот род, который имел счастье при толь великом государе жить, но и потомки того, верные слуги отечества, с восхищением воспоминают его великие дела, и к мертвому толико любви и усердия являют, яко бы действительно он жив был, и могли бы воздаяние от него за усердие свое ожидать. Свидетели мне суть Невские брега, град им, во имя его созданный, какие чувствия тогда судии, воины, граждане и все прочие, стекшиеся на позорище[84] открытия его изваянного образа ощутили[85]. Не славно ли сему Ирою, когда все потомки бывших при нем подданных, по протечении полувека узря его бездушное изваяние, на славу его сооруженное, яко монарху, яко отцу и яко просветителю, ясные оказания своего усердия и благодарности принесли. И можно сказать, что слава есть Петра Великого яко некоторая великая река, которая что более удаляется от своего начала, то пространнее становится. Тако уже память моя [не] застигнет, когда излишне угождая ли, или по каким другим причинам (ибо не можно подумать, чтоб кто преемник Петра Великого его не любил) монарха сего Петром Первым именовали, но само собою,

без указу и без повеления имя Великого превозмогло, и дети наши в юности своей едва ли и знают, кто был Петр Первый, но имя Петра Великого, купно с благодарностью и с удивлением, в сердцах их напечатлено.

Могу ли я после сего дерзнуть какие хулы на сего монарха изречи? Могу ли данное мне им просвещение, яко некоторый изменник похищенное оружие, противу давшего мне во вред ему обратить. Однако, прости мне, великая душа, естли не для охуления твоего, но для защищения твоего имени, осмелюсь твои пороки изъяснить, дабы показать, коль их добродетели превосходили, а самым тем поразить те неблагодарные сердца, которые, забыв твои благодеяния, забыв твои услуги к отечеству, дерзают многие хулы на тебя изблевывать. Колико ни есть мое почтение к тебе, но не затмит оно во мне справедливости, и я потщусь испросить от Клии[86] то златое перо, коим на наикрепчайших мраморах, под надзиранием истины, она дела монархов изображает. Утверждаюсь паче в дерзком моем предприятии, ибо душа твоя, быв одеяна тленной одеждой, часто жестокие истины от подданных своих вкушала, то коль наипаче, когда сия между бесплотными, изреченные мною истины тебе непротивны будут.

Глаголят противники сего великого монарха: он был строг непомерно, любил казни и пролитие крови и, не разбирая ни роду, ни чинов, уподлял себя биением окружающих его. Он сына своего смерти предал. Он в любострастие и в роскошь ввергался. Он самовластие до крайности распростирал.

Се ваши хулы! Рассмотрим же непристрастным оком все сии пороки, от коих не могу отречись, чтоб много ли иль мало их в нем не было, но рассмотрим, сообразя с обстоятельствами времен, как в рассуждении тогдашнего умоначертания россиян, в рассуждении тогдашних обстоятельств и нравов, так и в рассуждении намерений Петра Великого, и может статься, мы увидим, что не все сии пороки в нем врожденные и вкорененные были, что ко многим, являющимся ныне нам порочными поступкам, был он побежден обстоятельствами, что некоторые тогда и пороками не считались, что некоторые от тогдашних грубых нравов и от воспитания произошли, а наконец есть и такие, коими сей Великий Государь платил дань человечеству. Пороки тем виднее в нем, что они, быв сопряжены с великими добродетелями и делами, яко на высоте поставленные, явнее становятся. Но как в каждом порок есть порок, то и в сем благодетеле России он свойства своего не переменяет, а токмо несколько заглаживается великими.

Россия, не очень давно освободившаяся от раздоров и бунтов, сохраняла еще ту жестокость, которая от междоусобий рождается. Казни смертные, пытки, убийства были обыкновенны в России. Петр Великий при таковом умоначертании воспитан был и насилу начал познавать сам себя, се новые бунты в России возгорелись. Самая жизнь юного государя к опасности подвергнута была в первый бунт Стрелецкий, и младые его очи, начинающие с рассудком вокруг себя обозревать, зрили льющуюся кровь своих родственников и верных слуг: Нарышкиных, Матвеева, Языкова и других[87]. Остаток времени его младенчества в таковых же страхах и кровавых позорищах было препровождено. То сие и самому мягкосердному человеку не вложит ли некоторую суровость и среди токов крови принужденный жити человек не приучит ли себя без трепету на них взирать? Увы! Се есть судьба рода человеческого, что привычка многое над ним действие имеет. В Америке без жалости жертвовали людей, в Вавилоне и в Дафнисе прелюбодеяние добродетелью почиталось, а в Индии и ныне суровство к себе самому и отвратительное изнурение святостью считается. То не сумнительно есть, что таковые обстоятельства вложили в сердце младого государя некоторый дух суровости, который, примешавшись к твердому его желанию уставить правосудие, к горячему побуждению докончить им начатое полезное, иногда мог из меры выходить. Воззрим на умоначертание и на состояние России. Вельможи и весь народ погружен был в суеверие и все другие народы толь погаными считал, что за грех почитал с кем неединоверцем иметь какое сообщение, не токмо чтобы хотеть что полезное для отечества от них перенять. Бояре были горды, суеверны, несообщительны; местничество хотя было уничтожено, но в сердцах их пребывало в своей силе, по коему не привязанные по древнему родству с государями, или по знатности роду преимущество имели, но происшедшие случаем не токмо сами над знатнейшими себя начальствовали, но предпочтение сие и потомству своему прелагали, купно с наследием, превышать не токмо другие роды, но и с незнанием дела государственные исполнять. Леность, увальчивость, привязанность к домам крепко вкоренились, а загрубелость и привязанность ко всем старым обычаям яко естественное положение в них учинилось. Не было порядочных войск, но земские собирались худо вооруженные, еще хуже устроенные, да и те никогда все не собирались. Хотя и были стрельцы, недавно заведенные, но сии, из земских людей набранные и родами ведущиеся, при начале своем имели все пороки турецких яны-

чар, не имев их храбрости. Так как и они были сварливы, беспокойны и неповиновенны начальникам своим, вступя в торги и промыслы, так как и янычары, не имели уже никакого попечения о должности по званию своему. Одним словом, неустроенные сии войска не были страшны неприятелям, но опасны были государям.

Не было в России наук, и не токмо побуждения, но паче было отвращение что познать, ибо познание сие надлежало почерпнуть от чужестранных народов, а народ наш и их самих, их языки и все от них происходящее, нечистым и богопротивным почитал. Искусства и рукоделия не в лучшем были состоянии, не было ни фабрик, ни ремесел, а что и было, и то находилось в крайнем несовершенстве.

Не было ни внутренней, ни внешней торговли. Внутренней от того, что не было довольного истребления вещей, ибо каждый от своих произведений жил; и не было ремесел, ибо не знали и не могли хотеть многих вещей, которые Петром Великим введены и нужны учинились. А внешней от того, что никаких обстоятельств чужестранных не знали, и не было портов, окроме города Архангельского, которым, яко господа, равно как и торговлей, англичане владели.

Наконец, доходы государственные толь были малы, что едва ли восходили до миллиона, да и прибавить их, по малому обращению денег и по недостатку торговли, не на кого было.

При таковых обстоятельствах возможно ли было льстить себя, яко некоторые ныне мудрствуют, чтоб Россия, хотя не толь скоро, однако бы не весьма поздно и не претерпев ущерба, если бы Петр Великий и не употребил самовластия, могла достигнуть не токмо до такого состояния, в каком ныне ее зрим, но и в вящшее добротой. Кто воззрит на вышеписанное беспристрастное начертание, тот ясно увидит, чтобы надлежало многим векам протечи прежде, нежели бы Россия могла отвергнуть свои предубеждения, получить надлежащее в военных делах устройство, просветиться науками и установить торговлю, да и то при таких обстоятельствах, если бы государи всегда тому способствовали, и соседи бы ее не воспрещали ее возвеличению.

Сказав таким образом общие обстоятельства, для вящшего испровержения большей части охулений, возлагаемых на Петра Великого, и дабы показать, что самая истина перо мое направляет, забываю на сей час его ко мне благодеяния, которые чрез просвещение, введенное им, я ощущаю, и вступаю к подробному показанию его пороков. Дабы сохранить некоим образом времяисчислительный порядок в оных, начну я с бунта Стрелецкого[88]. Когда по утишении оного

стрельцы уже были взяты под стражу, когда темницы наполнились сими преступниками, покушающимися на жизнь законного своего государя, тогда, по сугубом прежних их бунтов прощении, младый, строгий, в суровстве и среди излияния крови воспитанный самодержавный государь, не употребил азиатского самовластия, чтобы без суда их истребить, но определил верных бояр исследовать их дела, а как все они, кроме малого числа, нашлись виновными, то и смерти без пощады всех и осудил. Они были единые казнены на площади, и не токмо палачи, но и сам государь и бояре многие, государем быв принуждены, им головы рубили. Другие были повешены на городских зубцах, а некоторые на зубцах стен Девичья монастыря и самих окошках келей, куда была заключена царевна Софья[89], сестра Петра Великого, начальница всех сих возмущений. Множество охулительных жестокостей и многое похвалы достойное я в сем ужасном начертании обретаю, но дабы не причли мне в мерзкую лесть, что в оправдание скажу, я потщусь, не закрывая все, что ужасное нахожу изъяснить. Семь тысяч человек вдруг смерти предаются. Сам монарх обагряет недостойным себе деянием священные руки кровью подданных своих и среди палачей зрится. Знатнейшие бояре, к тому же принужденные, дрожащими руками то же исполняют, огорчеваются, что толь мерзкую должность принуждены исполнять, а вкушающих смерть мученье усугубляется. Сестра, хотя преступница, но есть сестра, дщерь царя Алексея Михайловича[90], не токмо строго заключена в Девичьем монастыре, но принуждена, можно сказать, жить среди мертвецов, ежечасно должна мучиться взиранием на них и обонять смрад, от их тел происходящий.

Сие, думаю, изображение не покажется никому лестным. Но воззрим, что в казни сей стрелецкой было похвальное и простительное, и что от чего происходило. Сказал я, что мог и единым своим приказанием повелеть без суда умертвить всех стрельцов, но и в сем случае был произведен толь справедливый суд, что хотя мало могущие оправдаться были от смертной казни освобождены, и не токмо освобождены, но некоторые начальники их, участвующие в сем бунте, когда начали изъявлять свою верность государю, награждения получили, яко то были два брата Толстых[91], которые, наконец, загладили свое во младости преступление и наконец подпорами отечеству и верными подданными государя своего были. Взирая на состояние стрельцов, на частые их повторяемые бунты, не мог младой государь никогда ожидать, чтобы их беспокойствами власть его не была по-

колебима, а паче имея уже намерение учинить во всех частях в государстве, а особливо в военном расположении (что бы их чувствительнейшее огорчило) великие перемены, не мог надеяться до сего достигнуть, пока хотя малое число сих беспокойных людей в живых останется, чего ради и решился на толь суровое дело. Признаюсь, что труднее оправдать деяния самого государя, бывшего среди палачей, казнящего своими руками своих подданных и знатных бояр к тому принуждающего. Но какую мы жестокость ни припишем сему монарху, разум у него отнять не можем, а естли мы оставим ему сие, то и не можем подумать, чтобы к такому деянию он без политической какой причины приступил. Сокрыты от нас и тогдашним молчанием, и временем сии царские тайны, но потщимся догадками до сего достигнуть. Голицын[92], Толстые, Хованский[93] были соучастники сим бунтам: то не имел ли еще некоего подозрения государь и на других бояр, которых сим поступком восхотел учинить собственно их особами участниками сей казни и руки их обмочить в крови сих преступников, дабы остающимся неведомым их соучастникам живым на сих бояр сумнение подать? Не хотел ни по выбору к сему жестокому делу употребить, дабы те явно не открыты были, что есть на них сумнение. Сего ради без разбору и другим то же велел исполнять, а дабы самой жестокой сей должностью и никого не огорчить, сам бесчестное для себя на себя отчасти дело приял.

Все сие оправдание, я признаюсь, что есть весьма слабо, в рассуждении оказанной жестокости, но отнесем при том сие к тем суровым временам, отнесем к худому воспитанию, отнесем ко привычке к крови и узрим, что то, что теперь наистрожайший тиран в Европе постыдится учинить, то тогда в России могло простительно казаться, в России, где и должность палача не была бесчестна, и где и наказанный палачом мог опять в чины и в должности выходить.

Не могу я никаким образом оправдать вышепоказанный поступок, учиненный им с сестрой его царевной Софьей. Нельзя ее оправдать, чтобы она не была преступница противу вышней власти, чтобы она не была злодейка брату своему и государю, чтобы не она была причиной множества пролиянной крови, как во время бунта, так и после бунтов в наказание за оные. Но она была его сестра, ему однокровная, заключение ее отнимало у нее все способы ухищрения свои ко возмущению употреблять, но надлежало ль жизнь ее тягостнее смерти сделать? Надлежало ль и видением и обонянием мертвых тел, при

засыпании, при возбуждении и во все время ее пребывания, ее тихим, но мучительным образом терзать? Признаемся всем, что жесток был Петр Великий, но возложим отчасти сию жестокость на время, в которое он родился, на обстоятельства и на образ, коим он воспитан был.

Говоря о оказанной жестокости им с его сестрой, прилично здесь сказать о жестокости его с его сыном. Сына, рожденного от крови своей, строгостями своими принудил к бегству; возвратя, повелел его судить, истязать его и, ежели то правда, яко последнего подданного, казнить. Се есть жестокость, имеющая мало примеров в истории.

Но дабы судить о вещах с той справедливостью, каковую должны мы воздавать монархам и монархам, облагодетельствующим нас, надлежит не по первому воззрению суды свои располагать, но войти во все обстоятельства дела. Царевич Алексей Петрович[94] был человек невеликого разума, тайный противник всем изволениям и учреждениям своего родителя и привязанный твердо к старым обычаям. Напротиву того, Петр Великий, ощущая уже пользу своих установлений, видя, что уже успехи увенчивают его труды, не словами, но делом любитель своего отечества и блаженства своего народа, для коего он толико раз к опасности подвергался, яко в самом своем письме к сему сыну своему изъясняется, зрил в нем наигоршего неприятеля, какого он и отечество могут иметь, зрил в нем нарушителя всех его учреждений, подпертого всеми теми, которые еще любили древние обычаи, а таковых множество было. Долго старался он его к мыслям своим обратить, вложить в него чувствия, что подвиги его суть полезны, но, не имея успеха в сем, отрешил его от наследия. Но самое сие и показывало ему, что сей способ несть доволен для утверждения его учреждений и блага отечества, ибо имея и духовный чин, и множество бояр единомышленниками себе, какое бы отречение могло после смерти его воспретить на престол возвести? Какая бы толь твердая темница могла его так удержать, чтоб врата ее не разрушены были? А возведение его не токмо угрожало ввержением России в прежнее ее непросвещение и слабость, но еще и междоусобной войной! Решился, яко до крайности простирающий все свои страсти, каковые он имел и к отечеству своему, непреоборимым образом, осуждением его на смерть, а может быть, и казнью сию опасность прекратить. Страшный пример, зримый токмо нами в Июнии Бруте, пример, показующий жестокость обычая, но главности его не суть хулительны[95].

Сказал уже я выше о обвинении, что Петр Великий, не разбирая ни роду, ни чинов, бивал приближающих к нему. Не может сие в наших обычаях, им же введенных, не странно показаться, и многие из нас, конечно, восхотят скорее смертную казнь претерпеть, нежели жить после палок или плетей, хотя бы сие наказание и священными руками и под очами Божия Помазанника было учинено. Всякий век имеет свои нравы, а век тот, который застал Петр Великий и с воспитанными в коем людьми жил, был таков, что побои не инако как по болезни почитали, не считая их себе в бесчестие, хотя бы те и катскими руками были учинены. Колико находим мы в Разрядных книгах, что иного, высекши плетьми, отсылали к тому головой, с кем местничился, или иного за какое неисполнение приводили под виселицу и били чрез катские руки по щекам. Имен я их не поминаю, дабы не сделать огорчение потомкам их, но все, которые хотя мало знание имеют в Российских древностях, в истине сей согласятся. А однако сии тогда наказания не бесчестили, и они по прежнему в чины и в должности употреблялись. То удивительно ли есть, что Петр Великий, последуя горячему своему обычаю, и когда [имел дело] с такого воспитания людьми, сам воспитанию своему уступал? Они сами, претерпевшие такие наказания, свидетели мне суть, ибо мне еще удалось многих из них знать: был ли хотя один, который бы за сии побои пожаловался на Петра Великого, или бы устыдился об оных сказать, или бы имел какое озлобление на него, но всех паче видел я исполненных любовью к нему и благодарностью, а сие и доказует, что сей поступок не в порок особе Петра Великого должно приписать, но в порок умоначертанию тогдашнего времени. Не довольно сего. Те, которые толь во укоризну Петру Великому сей поступок проглашают, рассмотрели ли, кого он таким образом наказывал? Или тех, коих из праха возвел на великие степени, или младых людей, часто исполненных пороками, да и сим обоим часто сии наказания заменялись, вместо жесточайших наказаний, которые бы они по закону заслуживали. Но вельможи сановитые, яко князь Яков Федорович Долгорукий, часто с грубостью ему противуречащий, Борис Петрович Шереметев[96], князь Михайло Михайлович[97] и князь Дмитрий Михайлович[98] Голицыны, многажды противящиеся его изволениям, никогда такого наказания не претерпели. И тако лучше удивитесь, охулители Петра Великого, мужа нравом горячего, воспитанного в таком веке, в коем побои, учиненные вельможе, за бесчестье не считались, что он с терпеньем снес от князя Долгорукова разодрание подписанного им протокола, что

не наказал за неподписание Шереметевым суда Царевича, и сказавшего ему в ответ: «Служить своим государем, а не судить его кровь моя есть должность», не послушавшего его при взятье Шлюсембурга князя Голицына, учинящего ответ: «Несть в твоей воле, но в воле Божьей есть», исправившего мысли государевы князя Дмитрия Михайловича Голицына, принудившего превосходной доброты сочинением Камер-коллежского регламента уничтожить тот, что сам Петр Великий начертал. Яко человеку, все сие не могло ему прискорбия не нанести, но, яко герой, уступая свою пользу пользе государства, видя искренность сердец изящных сих своих слуг, не токмо чем их наказал, но паче милостями осыпал.

Крепость телесная и горячая кровь чинила его любострастна. Колико сие ни есть естественное побуждение, колико ни есть монархов, которые оной не стыдятся, но я не могу ее не почесть пороком, от которого желательно было бы, чтобы сей великий муж воздержался, тем наипаче, что ни обычаи, ни пример его страны в сем его оправдать не могут. И может быть, что он свершил расположение свое к сей страсти путешествиями своими в чужие края и примерами, которые он там видел и слышал. Но со всем тем думаю, что любострастие его не имело такой силы над ним, если бы в первой своей супруге нашел себе сотоварища и достойную особу, но, не имея сего, неудивительно есть, что, возненавидя ее, сам в любострастие ввергнулся. Но воззрим и в сем случае на его поступок: узрим ли мы, чтоб сия страсть, которая толь многими овладела, которая Геркулеса заставила прясть у Омфалы[99], которая Помпея[100] и Антония[101] погубила, когда-нибудь отвлекла его от трудолюбия, должности или правосудия? Он довольствовал свою плоть, но никогда душа его побеждена не была. Карл XII[102] толь боялся сей страсти, что даже видеть женский пол страшился, вместо что Петр Великий среди телесных удовольствий, владычествовал над нею. На сие, может статься, могут мне ответствовать, что он Екатерину[103], из низкого состояния пленницу, учиняя сперва своей любимицей, возвел наконец быть своею супругою, и сие есть знак, что по крайней мере в сем случае страсть его победила. Остановитесь и рассмотрите: во-первых, для сей Екатерины, яко любимицы иль яко супруги, упустил ли что Петр Великий? Сделал ли для нее какое неправосудие? И думаю, что злодеи его мне скажут: «Нет!» Известно каждому, что страсти в нас действуют сильнее тогда, когда хотения наши неудовольствованы. Сей причины Петру Великому не настояло, ибо он беспрепятственно ею владел, и Екатерина, кто

ее знал, не толь была честолюбива, чтобы и могла хотеть быть его супругою. Что ж его побудило к такому великому ей награждению? Первое, признание за все, ею понесенные с ним труды и за благие советы, которые она ему в опасном случае при Пруте подала[104], что и сам он объявлял. Второе, мне кажется, была и политическая причина. Петр Великий от первого брака имел единого сына — царевича Алексея, которого уже усмотрел быть неудобна к приятию Российского престола и к содержанию начатых им дел. От сей же Екатерины имел уже двух дочерей[105], видел уже себя начинающего ослабевать, не знал, будет ли иметь толь достойную и повиновенную супругу как сия, а от сей зрил уже и потомство, то супружеством своим и признанием законными рожденных детей хотел утвердить престол свой, а самым сим и могущее междоусобие случиться после смерти его упредить. Если таковые были намерения Петра Великого, яко сие есть весьма вероятно, то истинно я в поступке сем ничего охулительного не нахожу. Ибо, когда государи, его предки, на многих незнатных женивались и не зная внутренних их расположений, то чего ради Петру Великому не вступить было в брак не токмо с тою, которой добродетели ему были известны, к которой имел причину благодарности, и чрез что мог утвердить безопасность престола своего и спокойство России?

Никто Петра Великого в неумеренной склонности к пьянству не обвиняет, но находят в нем достойно охуления, как оно действительно и есть, что он никогда на пиршествах, снисходя в равенство к подданным своим, сам излишнее пивал и других паивал. Первое показует невоздержанность, а другое охулительное самовластие. Но не одинождь я предложил правило, что есть разные времена и суть разные нравы и обычаи, взирая на которое и должно не только такового великого мужа, но и приватного человека судить. А сии самые нравы и были таковые не токмо в России, но почти и во всех местах, где сей государь для просвещения своего народа путешествовал. Везде во время веселий и пиршеств, лишнее пивали, чиня сие яко знак удовольствия. То можно ли, яко непростительное дело, охулить сие в сем государе, когда подражал он в том всей Европы тогдашним обычаям, с тою особенностью, что низлагал с себя и пышность царскую, и снисходил к подданным своим, с ними, не яко их монарх, но яко равный, веселился, подавая им способ в сем случае все истины ему говорить и дружески с ним обходиться? И конечно, естли всякое упивание есть зло, но чинимое им нисхождение, можно сказать, некоим

образом сие зло исправляет. А сверх того сие не толь его занимало, чтобы хотя малую остановку в делах приключить могло, яко свидетельствуют то превыше, кажется, сил человеческих исполненные им дела. К тому же, может статься, что он в сем поступке и сугубый имел предмет, познавал в пьянстве враждующих между собою вельможей, а чрез самое сие брал свои осторожности, чтобы не быть обмануту наветами единых на других. И небезызвестно ему было, что много еще было таких, которые о старых обычаях сожалели, и многие были ему недоброхотны, то сим способом и мысли их он тщился познавать и остерегаться от поставляемых ему мрежей. И сие, может статься, была причина, что не токмо знатнейших бояр некоим родом самовластья упиваться принуждал, но иногда и женщин поил. Жестокое дело, но по обстоятельствам, может быть, тогдашним, необходимо ему было.

Наконец, обвинение его в неумеренном самовластье вид истины имеет. Он переменил все порядки, принудил одеваться инако, нежель прежде был обычай, принудил выбрить бороды, наложил налоги, записал дворян в службу, не по срокам, но навсегда. Взяв детей, послал учиться разным наукам и мастерствам. Вот сильные знаки самовластья. Но да воззрят охуляющие в сем Петра Великого, те, кои от самовластья сего получили и самое то довольное просвещение, чтобы самовластье сие охулять. Возмог ли [бы] Петр Великий достигнуть до намеряемых им поправлений без оказанья самовластья? Отменным образцом сшитое платье хотя ничего не знаменует, но оно отнимало различие между россиянами и чужестранными, которые нужны ему были, а коих российский народ ненавидел. Бритие бород так же чинило россиян сходственных на другие изученные европейские народы и отнимало у них предубеждение, яко бы все, не имеющие бород, погани были, а к тому же и истребляло род ереси антропоморфитов[106], которая по незнанию вкоренена была. Не мог он ввести порядок, не сделав некоторые знатные перемены во всем правительстве. Не мог он распространить торговли без приобретения портов, а приобретение портов не мог получить без войны, а потому порядочные войска для защищения государства и для приобретения стран необходимо нужны были, а порядочные войска не могли завестись, естли останется земская служба, по малым срокам располагаемая, естли бы дворяне не вступали с нижних чинов в службу и тем чрез собственное свое испытание не приобретали в ней нужное искусство, не имели бы порядочного за заслуги или по старшинству произвождения, и не обязаны бы были служить всегда, а не посрочно. Произведение войны

и сооружение флота требуют денег; их всегда было мало. Коммерция почти ничего не приносила и, невзирая на всю умеренность в собственном житье сего государя, он почти всегда в них нужду ощущал: то умножение денежных налогов совершенно нужно было, разумея чрез сие сей великий государь, что хотя обстоятельства государства требовали сей тягости народа, тогда почти несносной для него, но, предвидя, что размножение торговли, заведение мануфактур и ремесел и умножение обращения денег наконец сии налоги не тягостны учинят, что в самом деле и исполнилось. Надлежало ввести просвещение в России: то чем лучше можно было его ввести, как посылкой благородных юношей для научения не токмо наукам, военному искусству, но и самим ремеслам, показуя, что несть ничего подлого, что к пользе отечества может послужить. И простерший сам монарх к скипетру рожденные в работу руки, не мог ли требовать, чтоб подданные ему подражали? Все сие он учинил самовластным образом, не спрашивая совету ни от кого. Да от кого ему было его и спрашивать? Предложить ли учинить перемены в правлении убежденным людям в его пользе и пользующимся непорядками оного, да не чувствующим польз, которые могут произойти? Предложить ли ему сообщение с чужестранными народами тем, которые за грех сие считали? Предложить ли наложение податей тем, которые самый малый налог за несносную тягость почитали, а пользы не предвидели? Предложить ли учреждение порядочных войск тем, которые тем лишались многих своих прав, подвергались во многие труды и лишались подданных своих, которых должны были в рекруты отдавать? Предложить ли посылку юношей в чужие края, когда отцы и матери не токмо сему противны были неумеренной привязанностью к детям своим, [но] и самому суеверию, думая, яко бы осквернятся пребыванием не с единоверными, тому противны были? Итако не с кем было Петру Великому советовать. То имел он право по великим своим расположениям и по мудрому предвидению, самовластно то повелевать?

Но воззрим на Петра Великого в других делах, где не настояла такая нужда. Учинил ли он в решении дел, которые сам решил, по какому пристрастию кому несправедливость? Не равно ли последнего подданного с наилюбимыми своими вельможами судил? Не вкушал ли он при решении дел грубые, ему учиненные противоречия, и не соглашался ли всегда на истину, не гневаясь на грубость? Когда учинил ощутительны полезные свои установления, не дал ли Сенату указ,

не принимать самих его повелений, когда противны государственной пользе они будут или противоречительны другим законам? Не советовал ли он всегда с своим Сенатом и не побуждал ли ему самую истину говорить? Понеже никто всех сих справедливостей откинуть не может, а потому и ясно есть, что нужда его заставляла быть деспотом, но в сердце он имел расположение и, можно сказать, влиянное познание взаимственных обязательств государя с подданными.

Се слабое мое перо кратко начертало пороки и добродетели сего добродетеля России. Направляемо быв истиной, по силе своей изобразило его пороки и проступки, с показанием, колико он к оным обстоятельствами, умоначертанием, обычаями того времени и воспитанием был побужден. Теперь остается мне в заключение сего оправдать и себя в том, что, может быть, некоторые мне скажут, что я есть защитник деспотичества иль самовластия, и что по предложенным мною правилам и каждый монарх может сказать, что он такие же имеет благие виды и подобные же ему обстоятельства настоять употреблять самовластие и его употребить.

Несть мое намерение побуждать владык света к забвению взаимной связи между престола и граждан и влагать в них мысли, усугубляющие злосчастье рода человеческого. Но сим не охуляю я Петра Великого в его самовластии, ибо может ли кто ныне государь в Европе иметь такие обстоятельства, какие имел сей монарх?

Итако, тот государь, который помыслит употреблять такое самовластье, да размыслит прежде, нашел ли он народ свой без просвещения и загрубелый в своих обычаях и, по несправедливому воображению своему о вере, противляющийся всякому просвещению? Был ли подвергнут от юности своей к разным беспокойствам, ухищрениям и бунтам, которые все силой разума своего превозмог? Испытал ли все состояния сам собой и обозрел ли без пышности, но с прилежанием, почти все части своего государства? Подверг ли себя ко многим трудам и опасностям для любви к отечеству своему? Снизошел ли в состояние своих подданных, законами являясь им строгий государь, обхождениями же — друг? Вкушал ли без гнева грубые ему учиненные противоречия и всегда ли готов был истину слушать?

Естли кто сие исполнил, то, имея такие расположения, может без охуления употреблять самовластие. Но кто все сие исполнил?

ПРИМЕРНОЕ ВРЕМЯИСЧИСЛИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ,

во сколько бы лет, при благополучнейших обстоятельствах, могла Россия сама собою, без самовластия ПЕТРА ВЕЛИКОГО, дойти до того состояния, в котором она ныне есть в рассуждении просвещения и славы

Состояние России до Петра Великого. Российский народ даже до бесноверия был привязан к вере, считал всех других исповеданий христиан погаными. Сему пример, что за бесчестье и за грех считали, естли кто у немцев в слободе побывал[107]. Был суеверен: доказательство сему, что наипросвещеннейший муж тогда в России, князь Василий Васильевич Голицын, гадателей призывал и на месяц смотрел о познании судьбы своей; начинал подвергнут был духовному чину, ибо за то, что Никон[108] патриарх противуборствовал царю Алексею Михайловичу[109], его святым почитали.

Не имел никакого просвещения, но многие знатные бояре и грамоте не знали.

Гордость и надменность бояр была безмерная, и дворяне у них в знакомцах и прислужниках жили. Дворяне служили с поместий, да и те не все по нарядам в назначенное место приезжали. Служа же без жалованья, не могли ни вне государства долго службу продолжать, ни внутри государства быть долго отдалены от домов своих, чего ради и предписывалось им служить по срокам.

Местничество было в 1682 году уничтожено[110], но порядок не заведен, ибо в бояре и в окольничие производились, но по прежнему, по знатности родов, а не по заслугам, яко свидетельствуют многие родословные, что из стольников жаловали прямо в бояре, и многие младые люди великие чины имели, яко князь Иван Юрьевич Трубецкой[111], менее двадцати лет боярином был, а сим и поручались важнейшие дела государства.

Торговли ни внутренней, ни внешней не было, ибо которая и была, та за слабостью своей недостойна была сим именем называться; потому что не было рукоделий, весьма мало было истребление вещей, не было ни знания в чужестранной торговле, ни портов; ибо единый был порт город Архангельской, да и тот, окроме положения своего на северном краю России, неудобности входу в Двину и весьма длинно-

го пути, обходя Норвегию, почти весь во власти англичан был, которые сею торговлею владели.

Недостаток торговли и истребления вещей производил недостаток денег и остановку в обращении их.

Не было ни фабрик, ни рукоделий, и простейшие вещи получали от чужестранных.

Были правительства, с изрядною мыслию устроенные, яко Палата золотая, Разрядная палата, Земский приказ, Разбойный приказ, Холопий приказ, судные Владимирский и Московский приказы и прочие, но они ни регламентов, ни порядков не имели, ни формы суда и прочего, но все по обычаям исполнялось. Законы хотя сочинением Уложения[112] и новоуказных статей были, но не было никакого порядка к приведению во исполнение их.

Не было сухопутного порядочного войска. Главная сила государства состояла в дворянах, служащих с поместий, которые от Разряда наряжались; но никогда ни все, ни на срок в назначенное место не приезжали, да которые и съедутся, ни хорошего вооружения, ни порядку и устройства не имели, да и служа на своем иждивении, прежде времени разъезжались. Были заведены стрельцы, но и тех едва ли было десять тысяч человек. Войска неустроенные, неповиновенные своим начальникам, вступавшие в торги и промыслы и не радящие о своей должности. Всякое учение воинское им трудно казалось, поход несносен был, а неприятеля страшились; лишь опасны были смутным своим обычаем престолу и своим начальникам.

Не было флота. Тщился царь Алексей Михайлович, построя суда на Волге, явить российский флот на Каспийском море. Созданный фрегат Орел, чужестранными мастерами, претерпел несчастие, и намерение сие оставлено было. Ясное доказательство, коль противна всякая новость была россиянам.

Не было крепостей и не знали их укреплять, но высокие башни и стены составляли все укрепление градов, укрепление от малого числа пушечных ударов могущее рассыпаться. Не знали и не воображали пользу низких укреплений и перекрестного выстрела.

Были пушки, но пушки таковые, каковым должно было быть у непросвещенного народа, то есть не в меру вылитые, длинны, толсты, великожерлисты, лафеты того хуже, и совсем почти неудобны ни к возке, ни к скорому стрелянию.

Обильная Россия в разных крушцах ни злата, ни серебра, ни меди, ни железа своего не имела, но принуждена была даже до железа получать из Швеции, ибо не было ни знающих крушцы, ни умеющих их искапывать, ставливать и отделять.

Исчисление. Се есть отчасти состояние России до исправления Петром Великим.

В 1682 году заведена была в Иконоспасском монастыре Академия, где учили по латински, по гречески и философию Аристотелеву[113].

Положим мы, чтобы сие училище имело весь могущий себя изобразить успех, то и тут надлежало, чтобы по крайней мере, прошло два рода прежде, нежели бы могли россияне познать пользу науки и иметь отвращение от невежества. И тако бы и сию знатную перемену, чтобы ста два человек было латинщиков и знающих древнюю философию, не можно бы было зрить прежде 60 лет, ибо пока с прежними убеждениями в живых первый род обретался, сего было ожидать не можно, а и второй род еще бы тому противен был, а я соглашаюсь со всеми времяисчислениями, полагая на каждый род 30 лет.

Но чему бы в сей Академии научились? Научились бы языкам греческому и латинскому, философии Аристотелевой[114], его категориям, тонким и часто непонятным рассуждениям Платона, и Богословии, разумели бы всех лучших писателей афинских, цветущего Рима и Святых Отцов. Но познали ль бы новые откровения, учиненные новыми? Познали ль бы новую систему света, изобретения в физике, химии и математике? Нет, полагая паче себе правилом не сообщаться не с единоверными, утверждаясь еще более в сей ненависти, что и первенствующая Церковь всякое сообщение с еретиками и раздирателями Церкви запрещала, то или яко бы отдаленная от других частей света земля должна была сама все изыскивать, или бы превозмочь ненависть свою к чужестранным и с ними в сообщение войти. На первое бы надлежало многие тысячи лет, да и то бы невозможно было без путешествий, то сколько же бы времени надлежало употребить для преодоления ненависти к чужестранным? И полагаю на сие, по крайней мере, три рода человеческие, то есть 90 лет, и тем паче утверждаюсь в своих мыслях, что хотя царь Иоанн Васильевич, желая ввести некоторое просвещение, чужестранных призывал, хотя Годунов[115] и вящшия к тому старания употреблял и даже посылал россий-

ских юношей учиться в чужие края, однако ни науки, ни искусства ни малейшего успеха не имели, ни ненависть к чужестранным нимало не убавилась.

Достигши до некоторого просвещения и познания, также приучась иметь сообщение с чужестранными народами, надлежало входить в познания вновь изобретенных наук, изучиться военному искусству, литью пушек, военной и гражданской архитектуре. Но тут новые бы препятствия встретились: первое, гордость российского дворянства, и поныне еще и самым деспотичеством неукрощенная, не позволила бы им согласиться чужестранных людей незнаемых, а часто и самих незнатных, начальниками себе иметь, то как же сему было научиться путешествиями? Привязанность к семьям своим и к домам, а и малые доходы их деревень, совокупленные с пышностью российского дворянства, сего бы не позволили, а тако бы надлежало новую привычку для сего делать, для которой, по крайней мере, я полагаю еще тридцать лет. Но что бы и тогда они научились? Познали бы состояние войск чужестранных, не примеривая их расположение с расположением России, приехали бы в отечество свое, начали делать все по чужестранному и все некстати, не боояся быть охуляему яко чужестранные, а чрез то бы все худо и наделали, яко и ныне видим сему примеры, что часто, не зная состояния России, хотят переменять на чужестранные обычаи, и делают дурно. В пример сему можно предложить. Российская армия никогда почти никакою нуждою не остановится, нет ли у нее хлебов, сами солдаты жнут, молотят, мелют и пекут хлебы. Напротив того, цесарская армия должна иметь все приготовленное, и ежели случится, что у нее пекарей отобьют, она, среди обильной страны, голодом умирает. Однако хотели сие в российской армии завести, и презрев способности, в неудобности ввергнуться. А по сему я заключаю, что весьма полезнее, чтоб не природные, изучася, делали какое вновь заведение, но призванные чужестранные, ибо хотя они внутренних обстоятельств и не знают, но, быв направляемы знающими, не имея ни родовой связи, ни защищения, а паче завистников, с вящшею осторожностью все делать могут.

Но как бы по желанию, чтоб россияне сами, изучаясь, чинили все поправления и заведения, колебалось бы оно, по крайней мере, прежде, нежели что могло быть заведено, тридцать лет. Да и то бы едва могло быть когда, без самовластия, сделано в рассуждении армии, по причине должных налогов и взятья рекрут.

Но пусть все сие бы исполнилось: надлежало предпринимать войну, для получения портов. То пускай бы она была и во всем успешна. Война, заключение мира, посылка для научения мореплаванию, и прочее для заведения флота еще бы тридцать лет требовало.

Я уже не говорю о фабриках и рукоделиях, о торговле, которой и ныне у нас нет, о рудокопательном искусстве, которое у нас есть на весьма дурном положении, сколько бы еще для сего всего лет надлежало, дабы привести все сие и в такое состояние, в каком оно ныне обретается, а и без сего по вышеписанному исчислению, от зачала Спасской Академии надлежало бы протечи 210 годам, следственно, Россия бы еще начала входить в то состояние, в каком она есть, еще и не прославив себя, около 1892 года, да и то считая, что в течение бы сего великого времени, не было никакого помешательства ни внутреннего, ни внешнего.

А кто возможет поручиться, чтобы в сие время не было таких в ней государей, которые неблагоразумно принятыми мерами нарушили бы то, что два или три предка их заводили, и поступком бы сим продлили еще время ее просвещения? Кто мне поручится, чтоб в сие время царствующие государи в Швеции Карл XII[116] и в Пруссии Фридрих II[117], знатные части оной себе не покорили? То б когда исполнилось сие просвещение и где б была ныне приобретенная его слава?

А сие с прилежанием рассмотря, не судите о времени, как бы сама Россия, собственным народа своего побуждением, могла до хорошего состояния дойти, потому что она ныне есть, но судите, сообразя с древним ее состоянием и с предубеждениями, и рассматривайте по степеням, во сколько времени какую болезнь могла она излечить; иль судите паче собственно по себе, коль и над вами, частными, предубеждения действуют, над вами, просвещенными Петром Великим. То коль они суть трудны ко истреблению в народе, и отложа сии наши тщетные мысли, паче воздайте хвалу и благодарение Петру Великому, что хотя много после смерти его дел повреждали, но учиненное им основание и слабости, и зависти, и тщетному самолюбию, и развратности воспротивляется, и что сей монарх, в гробнице заключенный, еще побеждает своих врагов и прославляет Россию.

О ПОЛЬЗЕ НАУКИ

Взглянув на неисчетное число тварей, окружающих нас, на разные их сношения между собой, на непрерывную цепь пребывания оных и обратя свой взор на род человеческий, приметя разные уставленные правления, тысячи искусств, изобретенных для нашего спокойствия, и наконец взглянув на самого себя, человек зрит себя быть естество слабое, лишенное одеяния, не могущее само собой ни пропитания себе сыскать, ни защититься от нападающих на него диких зверей, ни бегством спастись от опасности.

Колико в нем величества и подлости!

Видит однако себя пребывающего со многими спокойствиями на свете, знает себя быть рожденного от родителей, подобных ему, но цепь начала рода его теряется, так как равно сокрыты от него начала всех изобретений, которые из слабейшей на свете твари учинили его сильнейшей, и свойства вещей.

Такое единое размышление о окружающих нас вещах и о самих себе не есть ли довольно сильная причина для побуждения нас к любопытству, дабы могли мы сами собой узнать о действующих над нами причинах и, оставя род скотского естественного побуждения, могли бы, рассудком направляемы, учреждать наши дела и с вящей способностью приобретать себе и другим, с кем имеем обязательства, пользу.

Тщетно бы человек, одаренный острейшим понятием, своим единым размышлением старался достигнуть до познания вещей, — слабый его рассудок на каждой ступени будет спотыкаться, а вещи в уме его совсем противной истине будут вид иметь, так что, преходя из заблуждения в заблуждение, рассудок его в них будет потоплен. Раскроем историю света, и в ней мы узрим сему примеры. Единые народы, взирая на блистание дневного светила, и чувствуя действия его благодетельных лучей, почли его быть образом божества, или и самим божеством. Вскоре к сему, невежеством их сотворенному божеству другое тело <...> и получающее свою светлость от лучей первого, то есть Луну, божеством же почли, а потом и звезды в сиклит богов присоединили, — и сие произвело веру Сабинов[118] [Сабеистов?], толь распространившуюся в древние времена по лицу земному. Не буду я уже говорить о введенном теми же заблуждениями многобожии, и что в прочем просвещенные народы имя богов не токмо небесным

светилам, но людям жившим между ими, и коих могилы их знаемы были, скотам презрительным, яко кошкам, крокодилам и другим, но и самым растениям имя и свойства божества приписали, и дрожали пред тем, что или в хлевах их находится, или сад их рождает. Но воззрим на самых греческих мудрецов, коих быстрый разум, стараясь проникать в таинства природы, казался бы должен был их предохранить от всякого заблуждения.

Фалес Милетский[119] приписывал начало всех вещей воде, и что наконец они в воду обратятся. Гераклит[120] же огонь первой главностью всех вещей полагал. Анаксимен[121] то же приписывал воздуху, которого движение вечным почитал, и полагал землю быть плоску. Солнце же считал быть равно величиной Пелопонезу. Анаксимандр[122] говорил, что есть неисчетное множество светов, которые из неисповедимости вышли, что звезды суть составлены из воздуха и огня, которые их сферами увлекаются в течении их, и что сии сферы суть боги, а земля поставлена посреди Вселенной. Епикур[123], говоря, что вся Вселенная составлена из материи и пустоты, приписывал материи движение, и составление всех вещей на нечаянность возлагал. Наконец общее мнение почти всех философов и многих народов в почитании бога душой света, и якобы божество во всех вещах находится, чему последовал и Спиноза[124], — которое мнение толь искусно в смех было обращено господином... [Pierre Bayle?] в его словаре критическом и историческом, — доказует, колико все древние малое понятие как о первом составе Вселенной, так и о других физических мудрствованиях имели.

Я с некоторым прискорбием нахожу себя принужденна упомянуть, по причине слабости человеческого разума в его изысканиях, о муже достойном всегдашнего почтения; о муже, который первый силой своего рассудка дерзнул школьную философию испровергнуть; который, науча нас сумневаться и искать доказательств, открыл нам путь к истине. По сему единому описанию каждый, думаю, узнает, что я о Декарте[125] хочу говорить. Сей самой силой своего рассудка не мог предвидеть неудобность изобретенных им вихрей, которые, естли бы они в существе были, единый против другого действуя, самым бы сим движением своим все паки в беспорядок привели.

Толикая есть слабость человеческого рассудка, что, естли хотя мало отдалится от вещей, им осязаемых, из заблуждения в заблуждение ввергается, то как возможно человеку льстить себя достигнуть

единой силой своего рассудка до понятия вышних вещей. Правда, предлагаемые мною примеры лишь токмо ошибки тех мудрецов доказуют. Но, следуя стезям природы по испытаниям, и имея себе в проводники преданное нам Декартом правило: всему не доверять и всему искать доказательства математического, — науки самой всей на истине и доказательствах основанной, — самые ошибки тех именитых мужей могут нам послужить к снисканию истины. Ибо не должны мы, видя сии их заблуждения в вышних вещах, иметь презрение к сим в прочем достойным почтения мужьям, потому что начала наук есть всегда трудны, и первые изобретенные проблемы математические Пифагором[126] и Фалесом, которым ныне при первых основаниях сей науки юношей учат, конечно им многого труда стоили: «пути, которые мы легчайшими находим, были высечены из дикого камня, и первые удары для просечения конечно не без труда были». И подлинно: «есть некоторый рок в шествии наук, которые еще толь тихо шествуют; надлежит, чтобы все лживое, все несовместное, все ненужное истощилось прежде, нежели достигнут до чего подлинного и на правилах основанного; надлежит, чтоб неисчетное число людей ошиблись, дабы другие престали ошибаться».

Посему извиняем древних в учиненных ими ошибках, яко происходящих от самого существа науки, и которыми самыми воспользовались новые мудрецы. Рожер Бакон[127] еще прежде возобновления в Европе наук приметил уже о многих вещах, которые должно искать, и которые без изыскания остаются. Согражданин его Невтон[128], просвещен введенною в философию математикой, вскоре великие откровения учинил, — он определил течение светил, положил пределы тягости тел. Галилей[129] показал строение Вселенной, Торичелли[130], его ученик, изъяснил давление атмосферы, Кеплер[131] дал правило исчислять расстояние, обращение и величину небесных тел, Гюгенс[132] разные силы движения доказал, Мариотт[133] — силу воды, и Бойль[134] — силу и упругость воздуха. Все сии ученые, учинившие толь великие откровения, не единым своим размышлением до сего достигли. Младость их была посвящена к наукам, чтение их древних и новых писателей сообщено было с глубоким размышлением, взирание их на все окружающие их вещи сопрягалось с недоверчивостью и с любопытным изысканием, стопы их в трудных таких изысканиях были направляемы или математикой, или чрез разные ими же изобретенные орудия испытания. Мысли их по учиненным в мале опытам добира-

лись до великого. Познали, где разум человеческий может достигнуть и где должен остановиться, и Невтон сказал, что он видит притяжение тел, но причину сему доказать не может.

Все сии великие мужи и множество других как древних, так и новых, не сократились, изыскивая причины действий, оные на общий состав Вселенной обращать, но мудрость, руководствующая их, отвлекши их от зрелища небесных тел, учинила, что те же их изыскания и испытания, учиненные для великих причин, обратились на малые, но полезные обществу человеческому. Оттуда произошло изобретение и приведение в совершенство толь великого числа полезных искусств. Единое, нечаянным случаем найденное, свойство песку претворяться в стекло старались в искусство, основанное на правилах, обратить, и собакой нечаянно замаранная кровью единой рыбы пасть подает случай к сысканию драгоценнейшей краски, чем прославились и обогатились финикийские града. Железо, толь полезное и вредное роду человеческому, которое по необходимой нужде в близкие времена от начала оного было в работу употребляемо, уже с вящей легостью из недр земли вынимается, а вскоре и другие металлы открываются и предаются в руки смертных. Познается, что сложение многих ниток, переплетенное другими, может спокойную одежду составить, и орудия к тому изобретаются, которые, час от часу приходя в совершенство, даже до роскоши соткание довели. По познанию упругости тел новью бранные орудия вымышляют, которые, вместе с великими громадами бросая страх и смерть, принуждают храбрых сопротивников искусству и науке уступить. Архимед[135] защищает свое отечество, и он единый с помощью науки стоит противу непобедимых римских войск. Другие самые преграды, естеством положенные, то есть моря, делают служить к соединению народов света. На легком и умеренном по жидкости вод здании, в коем единая доска пловца от смерти отделяет, научают преплывать пространства морей, искусно расположенными ветрилами разные дыхания ветров в пользу употребляют, и самые противные — для доведения корабля к желаемому пристанищу. Изобретенное потом свойство магнита более просвещения сей науке придало, и более в совершенство науку мореплавания привело. Тогда же для строения огромных зданий, для подъятия тяжелых тел, другие искусство свое употребили, и творения рук человеческих почти превзошли природу, яко между прочими единый писатель о Венеции говорит:

«Среди Адриатического залива народ героев совокупляется и пременяет в мирное убежище непостоянную стихию. Множеством мостов рассеянные острова соединяет и заплотами обуздывает океан. Путешественник, зря сие со брегов, в изумлении становится, видя украшенные мрамором выходящие тут стены, где прежде плавали корабли».

Но в силах ли единый человек исчислить все пользы, которые нам искусства, направляемые наукой, приобрели? Единое каждого воззрение на себя, окружающих его вещей, покажет ему, коликое число рук работало для одежды, пропитания, а все сие должно было некоим искусством соделываться, каждое же искусство долженствовало долгим временем и частым повторяемым испытанием и наукой доведено быть до той степени, в которой мы его зрим. Теряется ум наш в едином соглядании сем, и не возможем мы их ни исчислить, ни орудий их наименовать, — то как же можем единым своим размышлением достигнуть до познания многого? Как же должны мы употреблять младые и средние наши лета к прочитанию и размышлению о всем том, что древними и новыми изобретено, и, побуждаясь любопытством, пристойным существу человеческому, не должны ли мы равное старание приложить о изобретении чего нового или о приведении в лучшее совершенство того, что уже изобретено? Ибо не будем льстить себя: хотя много веков протекло, хотя много труда, бдения и попечений достойными, прежде нас жившими, мужиями было употреблено, много еще осталось не откровенно, и все почти может в лучшее совершенство быть приведено.

Оставя искусства, которые нам толикую внешнюю пользу приносят, рассмотрим то, что касается до направления нас в поступках наших, и во всяких делах общежития человеческого.

Пределы жизни нашей суть кратки и редко мы видим, чтобы человек до ста лет доживал, да и из сего времени должно исключить лета его младенчества, в которые без примечания видит случающиеся дела, — то может ли он достигнуть собственным своим испытанием до познания разных превращений человеческих сердец, проникнуть причины движений их и потому направить свои поступки как к приобретению добра, так ко отвращению зла? Коль трудно почитается проникнуть глубину сердца единого человека в расположении его приватных дел, то коль наипаче труднее сие есть в сложенных обстоятельствах дел сообщества, где многие причины, стекаясь вместе,

разные виды делам дают и разными образами действовать людей понуждают. Несть, не токмо обыкновенный век человеческий недостаточен для сего, но ниже бы век Мафусаила[136] доволен был! Приложим еще, что малый круг, который его окружает, — почему и малое число дел до него может достигнуть — стесняет некоторым образом самое течение его жизни и испытаний.

Но естли человек, последуя существу своей природы, восхочет жизнь свою учинить длиннее, нежели природой она ему положена, естли хочет расширить круг стесняющий его, и разумом своим пренестись во все времена и во все страны, — да соответствует прилежание его желаниям. Творец наш дал все к тому [нрзб.] нам остается им воспользоваться.

Откроем истории света, — в них мы узрим начало народов, как они доходили до вышней степени силы и могущества, и какие были причины падения их; увидим мужей, пожертвовавших все, что есть человеку драгоценнее, для славы отечества своего, иль для сохранения безвредну свою добродетель. Фемистокл[137], Александр и множество других научат нас искусству, как народы побеждать и как побежденных сохранять под властью своей. Аристид[138] — как жертвовать честолюбие свое пользе отечества. Декий[139] и Фабий[140] пример нам подадут истинной гражданской любви к стране, в которой родились. Цицерон[141] — искусно до конца доводить труднейшие дела. Катон[142] — как с непоколебимой твердостью стоять противу упорствующих на пагубу отечества <...> Титус, Траян и Марк Аврелий представят стечение многих достойных подражания добродетелей.

Мне должно ли в сем случае помянуть о вас, содевающих стыд природе человеческой, о вас, властители народов, которые не пастырями его, но волками быть самовольно восхотели, которые, похитя вольность народную, первое свое преступление множеством других утвердить хотели? Упомяну о вас, но то для предания в вечное омерзение ваши имена, и дабы, видя ваши душевные беспокойствия, каждый чтущий сие мог понять, что ни вышняя власть, ни успехи в делах не могут без истинной добродетели благополучия человеческого устроить. Денис, тиран Сиракузский[143], представляет нам пример всех беспокойств, коликие мучитель должен претерпевать, — он сам признался, что его состояние было такое, что он почитал себя всегда, сидящего посреди пиршеств и веселий, — под висящим над его главой на едином тонком власу мечом. Другие злобные мучители,

истребляя всех, которые им сумнительны казались, не могли однако избежать от достойного наказания их бесчеловечеств.

Тако узря в истории разные примеры удовольствий, которые приобретает добродетель, и беспокойств, навлекаемых пороками, и рассмотрев начало и следствия единых и других, не будет ли тот, который со вниманием сие читал и делал размышления, гораздо более привязан к добродетели и отдален от пороку, нежели тот, который единым своим умствованием желает до всего достигнуть. Не более ли из тысячи примеров, представленных в истории, может каждый из посредственных рассудком научиться, как управлять разные народы, нежели и быстрый разум имеющий человек, но единственно по тому и поступающий, не имея в прочем ни примеров, ни науки? Не лутче ли любящий и знающий войну, сделавший размышления о древних и новых обращениях оной, будет поступать, нежели тот, который, зная токмо строй и разные движения воинств, все захочет от собственного своего разума почерпнуть? Нет, конечно подражатель Епаминондаса[144], Александра и Евгения будет иметь преимущество, и презритель науки, обще с вредом отечества своего, достойный себе стыд вовеки заслужить.

Чтоб более не продолжаться, я то же скажу о всех частях правительства государственного, что несчастлива та страна, где невеждам оное препоручено, ибо несть ни единой части оного, которая бы не требовала особливого внимания и рассмотрения, основанного на расположении сердца человеческого и на прежде бывших примерах. Но что я говорю о толь важной причине, которая замыкает в себе благополучие или несчастие бесчисленного числа людей, — поступок каждого, касающийся до собственного его лица, может ли без познания прежде бывших приключений и многих наук хорошо направлен быть? Не выходя в вышние степени, воззрим на тех людей, которые менее от природы удалились, то есть на земледельцев. Естли бы прежде жившими их людьми не изобретен был способ землю обрабатывать, естли бы не выдуманы были орудия для оного, естли бы ткание не было приведено в то совершенство, в котором оно есть, то мог ли бы земледелец сыскать себе пищу и пропитать других, мог ли бы он приобрести себе одежду? Однако воззрим на самое сие нужнейшее искусство роду человеческому и с удивлением узрим, колико оно, быв предано в руки невежд, до малого совершенства дошло. Слепо последуя токмо тому, что погруженные в невежество же отцы

их исполняли, — по сю пору в большей части света, без всякого размышления удобряют землю, пашут и хлеб собирают, не рассматривая ни разности времен и воздуха растворения, ни свойства земли, и не изыскивая себе лучших способов для облегчения работы и умножения плодородия. Нынешний век знатен будет в истории света тем, что наимудрейшие мужья, оставя вышние мудрствования, к полезному роду человеческому свои мысли обратили. Ни знатность рода, ни именитость в свете чинами и науками не возбранили достойным мужиям, любящим пользу рода человеческого, мысли свои на нужные искусства обратить. [нрзб.] изъяснил нам пользу и удобность распахивания земель; [нрзб.] о удобрении оных описал; Дюгамель[145] изыскательный разум свой ко множеству предметов обратил, — земледелие и разные нужные искусства, описанные им, приобретут всегдашнюю пользу роду человеческому, и учинят ему сравняться с тем, который толь достойно имя друга людей заслужил. Ушаков, о умножении хлеба описав, дал понятие своим одноземцам, колико труд и прилежание могут изобильствие земли преумножить. И еще единый из наших сограждан, среди множества дел, которыми он обременен, не презрил о птичьем дворе дать нам описание. Тако искусства и домостроительства, прешед от невежд к просвещенным людям, обещают всему человечеству достойные по трудам достойных сих мужей плоды. И к сему не могу я умолчать о едином обычае Филадельфии, аглинского в Америке селения, где повелено, чтобы каждый гражданин какому ни есть мастерству был изучен, дабы в случае нужды мог сам своими трудами пропитание себе сыскать. А к тому, естли все нужные искусства просвещенными и хорошо воспитанными людьми будут исполняемы, то до коликого совершенства они могут достигнуть! И тако, из всего вышеписанного я заключаю, что, понеже человек есть рожден для взаимственной помощи другим, подобным себе, а притом жизнь его толь кратка и круг его испытания толь мал, что все то, что может он собственным своим испытанием или рассудком познать, есть атом в сравнении Вселенной, то первое заставляет его употреблять все свои старания для сыскания способов быть наиполезнейшей в свете тварью, а второе, — с размышлением стараться познавать все, что прежде его и в других краях света было изобретено, никогда не возгоржаясь, яко бы уже довольные познания приобрел, ибо должен он всегда то помнить, что наука пространна, а век короток.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НЕУДОБСТВАХ В РОССИИ ДАТЬ СВОБОДУ КРЕСТЬЯНАМ И СЛУЖИТЕЛЯМ, ИЛИ СДЕЛАТЬ СОБСТВЕННОСТЬ ИМЕНИЙ

С 1766 года, то есть с того времени, как прислана была задача в Вольное экономическое общество, состоящая: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел собственностью землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?», мы можем положить эпоху расторжения связи, многие века пребывающей между крестьянами и их владетелями.

Колико во умеренных словах сия задача ни была изъяснена, и единственно яко вопрос предложена, но подала случай к разглагольствию, ко вмешанию мыслей мятежных и к неподвластию.

В бывшей 1767, 1768 и 1769 годах Комиссии о сочинении Уложения неосторожно предлагаемые мнения от господ депутатов, а паче от Коробьина[146], всеяли паче сию заразу в сердца низких людей, тут находящихся депутатами, и тщетно весьма разумное на задачу учинил решение Беардье де Ла Бей[147], тщетно многими лучшими сынами Отечества совсем испровержено было мнение г. Коробьина: упившиеся сердца лестным ядом сим не могли вкусить представляемого им лекарства, и дух неподданства и разврата в грубые и несмысленные души вкоренился, заражающийся от разных несправедливых слухов и от разглагольствий крестьянских, однодворческих, старых служб и других низких чинов депутатов, которые, по разъезде своем, семена сии злые и в отдаленнейшие области России распростерли.

Еще прежде роспуска сей Комиссии, а только по нескольких месяцах после означенной задачи, 1767 год учинился примечателен в России убиением многого числа господ от их подданных, а по роспуске депутатов и вящшее зло произошло, присоединением почти всех крестьян, которым только малейший случай был, ко врагу Отечества и Государя, к самозванцу Емельке Пугачеву[148], не токмо в некоторых провинциях, но в немалой части нашего пространного Отечества. Разрушилась верность к государю, полилась кровь гражданская, опустошились грады и селения, и тысяча семей дворянских, верных сынов отечества, коих предков кровь текла для распространения и успокоения оного, в тех самых странах, которые они скипетру российскому покорили, мучительной и поносной смертью истреблены

стали. Невинная их кровь от руки злодеев, прежде облагодетельствованных ими, пролиенная, текла ручьями. Трупы их, растерзанные, не погребенные, предались в снедь диким зверям и хищным птицам. Жены и дщери их впали на поругание злодеев. Се зрели мы, се зрели мы победоносное российское оружие, упоенное кровью врагов России и христианских, против единоплеменников своих обращенное, точащее, можно сказать, собственную свою кровь. Недавно прошедшее время после сего зла у нас еще в свежей памяти находится, и, может быть, поздние историки не будут и ведать того, что зараза сия, дух бунта тщетной надежды и неподданства не токмо был в тех, которые явными злодействами развратность свою оказали, но и почти во всех других крестьянах, которые токмо ожидали случая подобные же преступления чинить.

Таковое почти, можно сказать, всеобщее преступление, кажется долженствовало бы, если бы они и право имели к вольности и собственности, на немалое время их оного лишить, и если бы не были рабами, предать их в рабство, дондеже искоренятся злые семена из сердца их.

Но, не входя в мысли правительства, ни в упущенное им наказание, потщуся я о вольности и собственности крестьян и дворовых рассмотреть, разделяя сей труд на четыре части: 1-е, рассматривая, можно ли вольными крестьян учинить? 2-е, можно ли им дать собственность земель? 3-е, можно ли свободу дать дворовым? 4-е, какой собственно для них самих из всего сего вред произойдет?

Часть первая
МОЖНО ЛИ ВОЛЬНЫМИ КРЕСТЬЯН СДЕЛАТЬ?

Сия часть естественно должна разделиться на следующие отделения: 1) на объяснение вольных людей; 2) на неудобность, происходящую от их переходов как в рассуждении государства, так и самих их; 3) в рассуждении умоначертания или характера народного; 4) в рассуждении редкости поселений; 5) в рассуждении разности климатов; 6) в рассуждении умножения народа; 7) в рассуждении правительства; 8) в рассуждении сбора доходов и рекрутских наборов; 9) в рассуждении земледелия и ремесел.

И приступая к сему: 1. Что такое дать свободу крестьянам? Не то ли, чтобы позволить им, по их благоизобретению, с места на место

переходить, и жить тут, или за тем, где и за кем они похотят, с обязанностью платить за места жилища их, за кем они будут жить, некоторую подать; одним словом, сделать их такими, каковы до сего 1785 года были цыгане?

2. Неудобность, которая от таковых переходов может произойти, думаю, каждому ощутительная есть, ибо ремесло крестьянское, то есть, ремесло земледелия, есть не такое, которое бы во всяком месте, всегда и вдруг можно начать. Потребен крестьянину дом, потребен ему сарай для скотины, потребно ему удобрить землю, потребно ему удобрить самые луга, которые у нас по большей части уже задернели и довольного плода не приносят, потребно ему вырастить или сохранить лес: все таковые обстоятельства, все таковые трудные работы, возможет ли крестьянин предприять и окончить, хотя бы на десять лет контрактом обязывался с тем, куда придет жить? А если бы он и возмог сие сделать, то при исходе времени его договора, когда он еще остается в неподлинности, продолжит ли он свое житье в том месте, или нет, будет ли он иметь все нужное попечение о сохранении в добром состоянии дома, пашни, лугов и лесов, которые в участке у него были, а сим самым нерачением не навлечет ли он убытку для будущего владетеля сего участка и убытку самому государству и самому себе? Ибо естли десять тысяч домов крестьянских такое упущение сделают, то хотя и по десятине пашни положить в поле на каждый дом, по десятине леса и по десятине сенных покосов, придет сего пятьдесят тысяч десятин пашни и луга, считая время упущения и время удобрения, меньше пяти лет исправиться не могут, а лесам и двадцать лет мало. То если и пять лет положить, государство каждый год должно будет терять с двух сот пятидесяти тысяч десятин знатную часть своего дохода, не считая сколько в праздности между переходом и населения крестьян пустых земель будет оставаться.

Мы уже ясный пример сему в Малороссийских провинциях зрили, где, при всем благорастворенном воздухе, при всем обильстве и доброте земли, переходящие крестьяне нигде прямого домоводства, ни земледелия не завели, но, уведав о выставленном где знаке для поселения и о данных годах льготы, толпами туда прибегали, состроив себе срубы, без удобрения пахали землю, без рачения исполняли прочие земледелия, мысля, что по прошествии четырех или пяти свободных лет, запрягши своих волов, куда в другое место для такого ж

нерачения на свободные ж лета переселятся. И сии провинции, снабженные от Господа благорастворением воздуха и тучностью земли, сии провинции, единые, могущие бы пропитать две России, всегда только могли себе одним пропитание приобрести, и хотя в 1784 году переход малороссиян и накрепко запрещен[149], но леность и нерачивость еще в них осталась, и сумнительно, чтобы до перемены сего рода, или двух, малороссийские крестьяне считали, чтобы участок, ими обрабатываемый, им и детям их долженствовал пропитание давать. Привычка же к трудолюбию есть тягостна, а леность скоро вкорениться может. Мне, может быть, на сие возразят, что великороссийские крестьяне весьма привязаны суть, как они называют, к своему попелищу, и потому не толь легко оставят гробы отцов их, свои селения и места прежние жилищ их. Я сему спорить не намерен, но сколько есть между крестьян легкомысленных, которые, льстясь лучшего себе состояния, сие могут учинить, а скитание и сих не приключит ли ущербу государству? Не говорю уже я о причинах, могущих побудить и нелегкомысленных, то есть, превосходство климата, тучность земли и другие выгоды.

В 1783 году мы видели сему примеры, когда от развратных посельщиков были подговоры крестьянам переселиться в Новороссийские губернии: тогда толпами оные бежали, и лишь строгостью правительства остановлены быть могли.

3. В рассуждении умоначертания или характера народного, отложа воспитание, которое грубостью своею в российских крестьянах жестокость производит, естли мы возьмем в рассуждение физическое положение страны нашей, то узрим, что холодный климат, возбраняющий действия транспирации, а проницательным своим воздухом сжимающий наши жилы, побуждает нас к приятию более пищи, нежели в полуденных климатах, а сие производит многокровие и делает более характеры наши сангвиническими[150]. Довольно же всем известно, что сангвинический характер есть характер наглый и стремительный в предприятиях своих, которые без дальнего размышления и начинают, а естли по роду жизни, о чем ниже помянем, примешается к оному и флегма, то сие ничего более не произведет, как должайшее настояние суровости и злопамятства.

Тысячи примеров сему можно представить драк, не токмо лица с лицом, но селения против селения и толпы против толпы убийств, и за долго прошедшие досады мщения. По сему известному характе-

ру да рассудит каждый, легко ли таковых поселян, учиняя их свободными, общими законами сдержать?

Я выше говорил о флегматическом характере, оный в нас производится от застоя движения крови в зимние месяцы и от недостатка движения тела, также от самых топленных покоев, в коих густота воздуха приводит в ослабление наши члены, к лености и к увальчивости нас склонными чинить: при свободе же крестьян не умножатся ли сии характеристические пороки? Ибо и те, у коих они будут по контрактам жить, желая их приласкать, дабы вдруг его толпами не покинули, строгостью и принуждением истреблять сего не будут, а таковая обленчивость колико ущербу в произведении в целом государстве произведет! Некоторые французские писатели, исчисляя, колико от запрещения работать в праздничные дни и воскресные земледельцам убытков Франция терпит, нашли, что сие восходит до многих миллионов, то кольми и паче, когда российский народ, по ослаблении над ними начальства, впадет в беспрерывную леность, ибо точно примечено, где менее с крестьян берут оброка, то есть менее им побуждения промышлять себе прибыль, там они беднее становятся и более впадают в леность.

4. При таких нравственных пороках, происходящих от самого климата, и надлежит, чтобы крепчайшие были поставлены преграды для удержания оных. А сему самому не токмо настоящее немногонародие нашего отечества, ежегодно рекрутскими наборами и другими притчинами умножаемое, но и самый климат препятствует, ибо чтоб возбранить разбой и грабежи в такой стране, где селения суть весьма редки, а склонность впасть в такие преступления сильна, надлежит иметь исправную земскую полицию, беспрестанные по дорогам разъезды и в пустых и отдаленных от жилищ местах беспрестанные караулы. То да вопиющие о вольности крестьянской, слабоумно мудрствующие, да сочтут, что сие должно стоить содержание и в состоянии ли государство и народ поднять тягость сию? Может быть, мне возразят, что преумножение народа, или расселяя великие деревни на малые, можно почти миновать сей полиции и безопасность народную сделать. Но на сие я ответствую, что хотя подлинно в Российской империи народ, невзирая на все препятствия, весьма умножается, но еще далеко до того, чтобы возмочь надеяться видеть скоро довольно частые селения по дорогам, чтоб безопасность путей составить. Да хотя бы и до того мы достигли, хотя бы люди у нас родились, как

в дождливый год грибы, то и тогда сие невозможно, и может случиться недостаток земель, нечастость селений, ибо вообще полагая свойство наших земель и долгое продолжение наших зим, требующее значущее количества сена для содержания скота и леса для топки покоев, также взирая на великое число болот и омшарников, меньше положить одиннадцати десятин на работную душу не можно, считая шесть десятин в трех полях пашни, две десятины лугов, две десятины леса, десятина на неудобные места, придет пятьсот пятьдесят десятин на сто душ, да по сорока сажень длиннику и по сорока поперечника, для каждого двора населений считая во ста душах двадцать пять дворов, итого учинит 1 360 000 сажень. То ежели бы сии все квадратно расположить, и тут придет между селения и селения две версты с половиной; прибавь к сему, что многие селения требуют больше земли, я положил самую необходимость, неудобных земель положил мало, рек, озер и дорог совсем не положил, следственно придет более сего расстояния, требующего же полиции.

Расселение жителей, легко сказать, но трудно исполнить, ибо не везде можно деревню поселить, где захочется, но где к тому удобность места есть: сиречь вода удобная, для пашни и лугов земля, а к тому ж малые деревни, если по малости своих полей, удобны для удобрения земель, с другой стороны делают уменьшение земледелия, ибо для деревни двухсот душ довольно трех пастухов для скотины, а для деревни ста пятидесяти и двадцати пяти меньше двух обойтись нельзя, то сколько чрез сие одно пастушество лишних людей от земледелия отнимется, что составляет главное богатство Российской Империи?

Еще я сам себе делаю возражение: со времен царствования императрицы Елизаветы Петровны гораздо уменьшились повсюду разбои, но, размышляя о причине сего, я более утверждаюсь в совершенной нужде не давать свободы крестьянам, ибо не от того они уменьшились, что уменьшились наказания, — чудное предположение, яко бы можно пожар унять тем, что огонь не заливать, — но уменьшились они от того, что учинилась слабее отставка: дворяне, прежде не жившие в своих деревнях, учинились поселянами в оных, прекратили наглости и разбои не только в своих деревнях, но и в окружных, где могли, собственными своими особами, нанося страх злодеям, где ж не могли, побуждая правительства, со всем тем жаром, каковой собственная опасность производит, им помощь учинить. А правитель-

ства, коль развратны некоторые ни были, не могли в справедливых их требованиях отказа учинить, а от сего злодейства и разбои уменьшились, и ясно зрим теперь, что везде, где более дворян живет, там меньше сих злодейств.

Так каждый помещик, стараясь о собственных своих крестьянах, пользу и государству приобретает, а может ли он толикое старание о вольных употребить, которых, напротив того, принужден будет обольщать, чтоб они от него не разошлись, иль новых пришедших развратных людей и силы его задержать не будет. Одним словом он будет чувствовать, что они не его. Кто же может чувствование, каковое мы о собственности своей имеем, другой заменить?

5. Не меньше таковой свободе сопротивляется разность климатов Российской Империи. Довольно всем известно, что единые страны оной претерпевают великую стужу, и в оных, в течение большей части года, натура является быть мертва. Страны сии покрыты лесами, нужным дарованием природы для согрения жителей сих хладных стран. Земля, лишенная в течение большей части года благоподательных лучей солнечных, ни влаги, ни плодоносия такого, как в полуденных странах, не имеет. Все, что рождается, есть плоды трудов и пота человеческого. Но, невзирая на сие, по естественным ли или политическим обстоятельствам, страны сии суть наиболее населенны. Напротив того, полуденные области Российской империи, снабженные всеми благоподательными лучами солнца, одарены умеренностью климата, тучностью земель и произведением, чрез самую природу, множеством вкусных овощей. Там от множества семян пригибаются колоссы жатвы, там тучная трава, с малым трудом земледельца наполняет его сарай, и в зиму еще оставшееся паству скотам оставляет. Там многочисленные стада покрывают зеленеющиеся луга, и в зиму почти не требуя прикрышки, пищей и одеждой снабжают своих владельцев без труда им. Там вкусные плоды отягощают древеса, рассеяны в лугах и на лесах по травам, и поля покрывают. Там множество рыб наполняют реки и озера, и яко ожидают малого труда ловителя, чтоб в снесть ему предаться.

Сие есть краткое изображение естественных состояний различных в России областей, и с первого взгляда, казалось бы, что сама природа призывает, да оставят люди северные места, и да придут вкушать дарование ее в полуденных странах. Но самая древнейшая история и испытание нам доказывает, что всегда полуденные кли-

маты были смертоносны для переселившихся в оные северных народов. Не отлагая в дальние времена, воззрим токмо на чинимые в наши времена поселения круг Астрахани и Саратова, и узрим, что едва треть от переселившихся туда могла от смерти спастись. Малонародие же в России довольно в сем ощутительно, чтобы нам не презирать, оставя человеколюбие, толиким числом нужных сограждан и, прельстив себя надеждой обильно населить полуденные обильные провинции Империи, самую середку или сердце ее не ослабить, не получа и там всего желаемого успеха.

Таковые рассуждения, могущие только чрез известие о старобытных и нынешних отдаленных обстоятельствах, знаемые токмо некоторого рода людям, не могут вселиться в разумы простых земледельцев, часто оплакивающих потеряние своего труда от непогод климата, редко получающие довольное мздовоздаяние от выпахавшихся и неплодородных своих земель с слезами вместе пот льющего, видя тяжкий свой труд в сенокосе, худо награждаемый, и скотину, сочиняющую его богатство и дающую пропитание малолетним его детям, безвременно от гладу помирающую. Таковые обстоятельства, могущие часто его в отчаяние привести, и сравнение его состояния с состоянием полуденных стран земледельцев, не побудят ли его оставить гробы отцов своих, оставить неблагодарную землю, над коей толико трудился и, не зная опасности и смерти, в которой, чрез переселение в другой климат, подвергается жилище свое туда перенести, ослабить тем сердце государственное, дабы в тех странах больше могил умножить?

Наполнен наш век множеством противоречий. Деспоты человеческие проповедуют, яко бы единое с другим совместно было. Сии мне и рекут: се польза есть ощутительна, чтоб населить благорастворенные климаты и тучные земли, и учинить блаженно состояние тех самых людей, коих состояние ты толь несчастливо представил, а смерть есть неподлинность, и не лучше ли человеку к самой смерти себя подвергнуть, нежели вечно в страдании пребывать? Ответствую: Несть. Не человеколюбие вас к таким словам побуждает, но мысли к приобретению вашего прибытка. И те недальновидны, ибо правда, что представил я худое состояние земледельца в северных климатах, но не сказал я, чтоб с голоду помирали, а как по большей части самые злые могут благо производить, то сия самая нужда побуждает их ходить в разные работы. Не северных ли стран крестьяне извоза-

ми своими спомоществуют во всех строеньях, служащих ко украшению градов, к спокойствию народному и к самой пышности? Правда, они труд вящей против полуденных поднимают, но наконец богатее становятся, а человек соделан для труда, следственно размышления мои не суть противу человеколюбия, но чтоб трудом не наскучил, и леностью быв побужден, не искал человек спокойной себе жизни в полуденных климатах, себя бы к напрасной смерти не подвергал, не ослаблял бы сердце государственное, и не лишал бы государство нужной помощи его, однако не говорю я, чтоб не должно постараться населить полуденные провинции, но и без свободы крестьян довольно к тому способов есть.

После всех сих размышлений, основанных на естестве вещей, не за бесполезное я почитаю историческое повествование предложить, в каком состоянии у нас крестьяне издревле были, и чего ради они рабами учинены. По древнейшим, остающимся нам памятникам российских законов, находим мы в законах Ярослава[151] и Изяслава[152] имя *смердов*, что я почитаю быть не иное, как рабов. В Судебнике[153] же царя Ивана Васильевича сказано о некоторых, как они могут переселяться из места в место, о других же сказано, яко о холопях, что ежели кто в плену быв и выдет из плена, то уже не принадлежит более государю, то есть господину своему. Из сего и должно заключить, что они были рабы и пленом или волей господской токмо могли рабства избавиться. Самое древнее именование сел, деревень, починков, волостей и слобод показует разные правы тогдашних поселян. Село происходит от поселения, деревня от древосечи, где в лесах новые поселены, починок от начала учинившегося поселения, волость от владения или власти, в чьей она состояла, и может быть были некоторые права, приложенные к сему, слобода, уповательно от свободы жителей; и хотя по злоупотреблению может быть право сие и другие захватили, но по самому знаменованию именований видно, что оно единым слободам принадлежало. По покорении же Казани царем Иваном Васильевичем вскоре усмотрено было, что великое число жителей, привлеченные обильством тех стран, туда переселялись, а как сие ослабляло внутренность государства, то переход сей стал запрещен и крестьяне рабами учинились.

6. В рассуждении умножения народа. Как бы малы переходы крестьянские ни были, однако, понеже доказано, что они могут быть, исключая вышесказанное истребление народа от разности климатов,

малолетние дети, надежда государственная, не подвергнутся ли к явной погибели во время сих переходов?

И между самых тех, которые переходить с места на место за благо не рассудят, уменьшение народа от другой причины последует. Все те, которые с прилежанием наблюдают добрый порядок в своих деревнях, довольно приметили, что отцы неохотно выдают дочерей своих, держа их, яко работниц, для своего прибытку, и лишь токмо господское побуждение принуждает их оных выдавать, побуждение, клонящееся к общему благу государства. А без сего бы побуждения колико бы во всякой деревне нашлось девок и молодых вдов, не вышедших замуж, и холостых, и вдовых неженатых, а тем бы коликое уменьшение народа приключилось. Дворцовые и экономические крестьяне пример ясный нам сему представляют. В них во всякой почти деревне можно сыскать множество холостых и вдовых неженатых, а девок, так же и молодых вдов, не вышедших в замужество и не исполняющих долга человечества в размножении народа. Се суть новый род монахов, с той токмо разностью, что те посвятили себя к службе Божьей, а сии себя посвящают к развратной жизни.

Может быть на сие мне скажут, что хвала моя понуждению к супружествам есть тщетна, ибо сама природа довольно каждого побуждает. Те, которые изрекут сие, кажется мне, не входили в состояние нынешнего человека, а чтобы узрели, колико мы искусны были загладить в нас черты природы, а если непреоборимая склонность к соединению двух полов тут и не затушилась, то часто исполняется она преступлением, или с погублением младенца, едва открывшего глаза на свет, или с прелюбодеянием, развращающим узы супружества. И тако умножение народа претерпевает, а нравы развратные становятся.

Да не возразят мне примером чуждых государств, где крестьяне вольны и многонародие велико. Мне легко на сие ответствовать, что разность причин разность в действии производит. Страны, могущие предложиться мне в пример, суть все малой обширности, разности в климатах в оных нет, строение дорого, земли заселены, а потому и переходов нет. Следственно, свобода переходить есть мнимая, а остается свобода крестьянину судиться с господином и последнюю рубаху на ябеду издержать. А господину, имея нижний суд над крестьянами, не яко отцу своих детей смирять и защищать, но, оставя благонравие, как пиявицы высасывать их кровь. Но если при сих случаях переход где и учинится, расстояния суть близки и клима-

ты не разственны, и потому ни младенцы, ни взрослые от перехода терпеть не могут.

Все политические исчислители, по многотрудным изысканиям о многонародии государств, согласно объявляют, что обыкновенно в полуденных странах более родится женщин, а в северных мужчин. Следственно, если там и нет принуждения к бракам, однако все еще мужчины могут довольно себе жен сыскать, да и мысли законные, вложенные более в тех крестьян, возбраняют родителям дочерей своих от супружества удерживать и к греховному падению подвергать. Однако те же политические исчислители и тут жалуются на недовольное размножение народа, приписуя то ко многим разным причинам, хотя кажется, главнейшая есть, что многие не хотя, или не могши завести дома, за лучшее почитают в развратности жить, нежели чрез потомство свое увенчать свою кровь. Мы же, жители северных стран, по испытанию своему уже видим, что у нас более родится мужчин, нежели женщин, следственно, если крестьяне будут свободны, и не может быть принуждения от господ к бракам, то колико мужчин и женщин останутся век в незамужестве и, следственно, колико должно уменьшиться народа.

Между исчислителей о умножении рода человеческого господин Вистон[154] считает, что в обыкновенном течении природы, считая в том числе и разные ущербы, которые род человеческий претерпевает, он во сто в двадцать лет удвояется. Мы же по бывшим ревизиям приметили, что всякие двадцать лет пятая часть у нас народу умножается, следственно, в восемьдесят лет многонародие в России должно удвоится. То должны ли мы, презревши сие преимущество, происходящее от рода правление знатного числа наших крестьян, ввергнуться не токмо в ту опасность, чтоб род человеческий во сто двадцать лет у нас удвоялся, но чтоб и более к сему время надлежало?

7. Несть ни единого благоучрежденного государства, где бы не приносил народ жалобу на продолжение дел, да и в самом деле невозможно, чтобы в рассуждении справок, выписок и определений, не было великого продолжения. В делах, где должна вся истина открыта быть и где судья не по собственным своим рассуждениям, но по совершенному познанию дела, ко обстоятельствам коего приложа приличные законы, должен решение учинить, а промедления такие не могут быть не разорительны и не тяжки судящимся. Сие есть худо, но худо неизбежимое. Для сыскания прямой истины и для обеспе-

чения каждого о себе и о стяжении своем, если таковую тягость другие благоустроенные в Европе государства чувствуют, идеже законы многими веками утвержденные, порядок правительств непременный учинил, что оное все почти уже преданием от деда к сыну и ко внуку прилагается, коих малое пространство, долговременно и порядочно веденные записки все справки облегчают, идеже судьи, изученные ежегодно, не передеваются из воинов в судью, а из судьи в воина, кои почитают свое звание, любят посредственную власть, чтобы, в случае нападения на них какого вельможи, не токмо против оного, но и противу самого монарха их справедливость защитить, где многие отличные твердостью дела корпусами, а не личные, прославляют навсегда благое учреждение тех правительств, и народ к поверенности оным привлекают, я говорю, и там стенят челобитчики от продолжения дел.

Не есть мое намерение осуждать образ правительства Отечества моего, но каждый узрит, имеем ли мы все те выгоды, о коих про чужестранных и не помянул. Очевиднее ж есть всего, что пространство империи Российской полагает естественное и непреоборимое препятствие в скором исполнении дел за долговременными справками у нас, где судьи гораздо не столь изучены законам, как бы надлежало, и тщетно они умножены повсюду: дела великое замедление имеют. Тщетно реестры их число большое представляют, естли войти в подробное рассмотрение, то найдем, что лишь ничего не знаменующие дела выходят. Дела же, касающиеся до состояний людских, в рассуждении их личности, или стяжания, многие годы нерешимы остаются. Прибавить к сему можно частые перемены законов и обряды правительства, так что и прилежнейшие судьи должны определять большую часть своего времени учиться понимать новые законы и обряды, и тем наипаче народ сим затрудняется, не имея почти никакого праотеческого в законах приложения.

Когда все сии обстоятельства мешают скорому течению дел, тогда когда единые дворяне и купцы имеют право судиться, а сие все не составит в государстве двух миллионов душ, но ежели к сему прибавится еще миллионов двенадцать в право быть лично сужденным, да и двенадцать миллионов людей грубых, непросвещенных, не знающих закона и упрямством желающих все перемочь, колико затруднятся сим все судебные места? Колико претерпит земледелие, от коего во грады и в Приказы отвлекутся земледельцы? Колико претерпят сами

они разоренья, не токмо отлучением от земледелия и их промыслов, но от самого житья градского и от убытков, необходимых в приказных делах? Естли бы возможно было и то учинить, чтоб взятков не было, чья будет единая польза от их свободы? Восстанут неразумные, обрадовавшиеся оной, зарастет земля терние́м, могущая питать и обогатить отечество. Потом полученное их стяжание прейдет в руки или ненасытным судьям, или к коварным стряпчим, к ябеде их побуждающим, и лестное, но суемысленное, таковое узаконение оставит Россию немного в лучшем состоянии, в каком была она по нашествии Батыя[155].

Я уже не говорю о сохранении безопасности путей и о всех трудностях, какие правительство в предупреждении разбоев, убийств, грабежей и татств будет иметь, естли частные помещичьи ослабятся начальства, ибо о сем уже выше помянул.

8. Трудность, которая произойдет от свободы крестьянской в рассуждении сбора доходов и собрания рекрут, есть очевидна, ибо в России весьма премудро положены доходы с душ, яко удобнейшие к переписи и могущие более равенства в расположении сохранить. Мудрое, повторяю я, учреждение, которое за самой простотой своей нам нечувствительно является, а верные всегда доходы приносит государству. Свобода же крестьянская разрушит сие мудрое положение и произведет всегдашние недоборы в доходах, ибо не можно тут быть верности с доходов душ, где народ будет подобен приливу и отливу морскому, беспрестанно прибавляться и убавляться. Пусть учредят ежегодные подавания сказок, пусть учредят брание паспортов, с назначением в которую губернию кто переселяется: самый назначенный срок перехода, как он и в Судебнике царя Ивана Васильевича учрежден был после осеннего Георгиева дня[156], оставит множество земли непаханой, ибо намерившийся переходить крестьянин, конечно, не восхочет запахать и засеять то озимое поле, которое ему не собирать. А естли б и узаконено было сию пашню и сев ему исправить, будет ли он с толиким тщанием о сем трудиться, как бы он пахал и сеял для себя? А от сего произойдет недостаток хлеба, который естли не точно произведет ущерб доходов, то дороговизной своей умножит расходы государственные. Ежегодная перепись не без затруднения есть помещикам и поселянам, ибо переписка сказок, отметки о выбывших, езда о подании их, тягость и убыток нам наносит. Да и сами правительства ежегодным принятием сказок, рассмотрением

их, рапортами в вышнее правительство и расположением доходов будут отягчены. Правительства, говорю я, которые и без сей, ныне наложенные на них должности, едва исправить могут. Взятие переходящим крестьянам паспортов нанесет им убытки и затруднения, а давание оных и сообщения в те губернии, куда они переселяются, приключит великую тягость правительству. Да к тому ж часто может случиться, что они пространствуют многое время и ко времени новой переписи в те губернии не явятся, а сие и произведет ущерб доходов.

Естли ж положить доходы с земли, учиняя как французы называют Cadastre или Камеральное описание доброты земли, то платеж будет неравный, расчисляя оный по доброте земли, да и нельзя оного сделать, в рассуждении, что многие деревни имеют весьма излишние дачи, с которых и никакой прибыли не получают, а что не дает дохода, то не может и к платежу подвергнуто быть. Переход крестьян с места на место, оставляя многие земли в пустоте, произведет недоимки, ибо в самом деле, где правительство от обделывания земли руки отнимает, с того места, которое законами опустошено, не может со справедливостью доход себе требовать. Сверх того представим мы себе плодородные провинции, яко Венев, Михайлов, Даньков и Елец: там крестьяне, собирая обильную жатву с тучных земель своих, удовольствуются своим хлебом, держат множество скотин и, не имея нужды, в промыслы и ремесла не вступают. Но естли случится, как уже многажды и бывало, года два или три, где неурожай хлеба, то в совершенную бедность приходят, и могут ли они тогда по мере доброты земли их, излишнюю противу других наложенную на них подать заплатить? Бедность и превозможет все усилия правительств, а казна с ущербом доходов останется. К тому ж, собираемая подать с душ, по мере умножения рода человеческого, при всякой переписи умножается, а положение земель непременно должно пребывать.

Таковые суть неудобности, кои могут произойти от положения подати на земли, но я все сие говорю, если б возможно было во всей пространной Российской империи верное камеральное описание земель сделать, о чем весьма сомневаюсь, ибо и опыты неверность таковую доказывают, как мне многажды удалось видеть по камеральным описаниям, чинимым при межевании.

Приступаю теперича к тому, что касается до рекрутских наборов. Пространство Российской империи весьма препятствует содержать в

совершенном порядке армию, ибо часто многочисленность российских сил единственно на бумаге состоит, а действительно полки едва батальоны составляют, а сие происходит от дальности расстояния мест, а от того от трудности доставлять в полки рекрут. Когда сие есть при рабстве крестьян и при непозволенном им переходе с места на место, то коль при свободе их трудность наборов рекрутских умножится, а самое сие колико ослабит армию. Возрадуются тогда враги России, видя, что не их оружием, не пролиянною их кровию, но сама Россия суемудрием своим недры свои растерзала, и что ниже твердые основания, положенные Петром Великим, возросшего сего колосса и устрашающего Европу, спасти от падения не могли.

9. Просвещенные люди во всех европейских государствах жалуются на нерачение земледельцев в возделывании их земли. Тщетно изобретенные разумными людьми орудия спомоществовали бы ко облегчению пашни и ко умножению хлебородия, тщетно испытания, учиненные о удобрении, о обрабатывании земли, о сеянии семян и о снятии жатвы, превосходную полезность пред старыми обычаями оказуют. Крестьянин упрям последовать преданиям своих праотцев, не тщится таковые полезные откровения себе в пользу употребить. Сие зло (ибо так я его называю) более еще в российских крестьянах вкоренено, нежели где инде. Затверделый в своих обычаях, за тягость себе наш крестьянин считает, естли его принуждают переменить свои орудия для пашни земли, но дурно составленной сохой не пашет, а поскребает землю, бороною или суководней, еще хуже сохи сделанной, не разбивает комья, а только их переворачивает и тягостью оных мешает самим семенам выходить. О неурожае же хлеба, который у нас и нигде почти довольно не родится, обвиняет Бога и несчастие свое, ниже хотя внимать, что леность и нерачение его суть тому притчина. Скажет ли кто ему, что в нелутчих, но хорошо уделанных землях сама пятнадцать родится, он либо не поверит, либо скажет: Божья воля, а не потщится сам трудами своими до такого ж изобилия достигнуть. Не знает он ни различия земель, какой земле какие семена вверять, не умеет он ни сделать умножение себе навоза, ни без растери его на свои полосы привести, ни по свойству земли разделять на возы, а дальние полосы и навозить ленится. Окопать свои поля, спустить каналами воду из лугов, осушить болотные места и воспользоваться доброй землей, которая от согнивших болотных трав тут наросла, ему мучительным и напрасным трудом кажется. Распашкой удобрить

задерневшие свои луга и доброй травой засеять их, ему есть вещь непонятная. В областях Российской империи, где черная и жирная земля спомоществует плодородию, но выпахавшись уже она единый черный цвет без соков и солей оказует, многие помещики, с крайним огорчением своих крестьян, старались унавоживаньем силу ее возобновить, и обильную жатву в награду за их попечение получили. Крестьянин, свидетель сему, не чтится, однако, подражать господину своему и унавоживаньем своей земли подобное же обильство получить, но лучше хочет он от накопившегося навоза на дворе его дом с места на место перенести, нежели вывозить навоз на поле. Одним словом, нерачивость наших земледельцев о самом первом их труде, то есть земледелии, есть неудобопостижима, и можно сказать, что нечаянность есть божество, иже присутствует при крестьян наших земледелии.

Другое их домостройство есть не в лучшем состоянии: телеги их тяжелы и к возке неудобны, прясть жены их не умеют, и хотя скорее бы могли на самопрядках прясть, но упрямство их предпочитает длиннейший труд скорейшему, и они за кужелем и за гребнем прясть продолжают. Сновать кросна они не умеют, и лутче предпочитают верст пятнадцать взад и вперед обходить, и в неделю кросна основать, нежели, сидя на одном месте, десять кросна в один день основать. Сие не происходит от дороговизны орудия, ибо оные самой безделицы стоят, и лишняя бы их цена успехом в работе в один год была заплачена, а уменьшение труда все бы в барыше осталось. Итак, сему есть причина упрямство и нерачение.

Я уже почти говорить не хочу о малом их рачении о скотоводстве, ибо подлинно странно покажется, что крестьянка не знает время ни запустить корову, ни выдоить ее порядочно, ни сделать сливки и масло. Они все делают, но все дурно.

Если ж они свободны будут, кто им даст всему сему наставление, кто с ропотом от них возможет их принудить к излишним, но полезным им трудам, толь им противными являющимся, и не останутся ли они в вечном невежестве и нерачении, не приумножая никак своего искусства, тогда как государство, по обстоятельствам времени, принуждено расходы свои умножать?

Мне остается токмо говорить в сей части о ремеслах крестьянских. Несть, может быть, на свете народа, который бы, исключая нужду, каковую крестьяне имеют в детях своих, более к ним привязан

был. Взятие детей их к господам их для отдачи в какое ремесло, хотя с тем, что к ним по выучке возвратятся, весьма их огорчает, а самое сие, при свободе крестьянской, не остановит ли нужного распространения ремесел, и те, которые есть, не останутся ли в сем постыдном несовершенстве, в каком находятся ныне? Я заключаю сию часть тем, что я сравниваю наших крестьян, по малому их просвещению, с быстрым младенцем, которого еще должно водить на помочах. Опущение ж его на свободу произведет ему убои, увечье, а может быть и погибель, к сожалению самих родителей, которые, не испытав силы чада своего, толь вредную ему свободу дали.

Часть вторая
МОЖНО ЛИ ОТДАТЬ КРЕСТЬЯНАМ В СОБСТВЕННОСТЬ ЗЕМЛИ?

С первого взгляда является некоторая полезность отдать крестьянам в собственность земли, ибо, казалось бы, естественно, что каждый, рача о своей собственности, приложит более попечения сей участок свой, который должен достаться ему и потомству, лутче обделать и удобрить. Но, входя в подробное рассмотрение, нахожу я многие неудобности и в самом сем положении: 1-е, не токмо затруднительное, но можно сказать неудобовозможное разграничение всех таковых участков, 2-е, невозможность и вред, чтоб сии участки навсегда за одними родами оставались, 3-е, соединение продажей или закладами таковых многих участков за единого, от чего большая часть народа во оскудение придет и многонародие чувствительно уменьшится, 4-е, затруднение правительства от могущих последовать дел по всем сим участкам, 5-е, драки, ссоры и убийства, которые от сего произойдут.

1. Кто имеет собственность, тот предполагает известное количество, ибо сама собственность не иное что есть, как отделенный известный участок от общего всего. А посему, учиняя собственность земель крестьянам, надлежит им каждому такой отдел верный учинить. Как отдел сей учинить? Межевать ли сие полями к каждому обществу? Сие не будет уже отделение каждому его собственности, но собственность целого общества, а самым сим не токмо не достигнут до сего предмета, чтобы каждый, зная свой участок, зная, что он владеет и что потомству его от него положится, более старался

его удобрять, но произведутся ссоры, драки и убийства. Межевать ли каждого участка все дачи особливо каждому к единому месту? Сие невозможно, ибо почти не можно сыскать, чтобы пашня, леса и луга вместе так могли сойтиться, чтобы каждому особливо участок составить, а сверх того каждый из сих участков, разделенный на три поля, учинит, что нигде выгону скотине не будет и от потрав также ссоры и драки произойдут. Итак, остается один способ: делать каждому участку в каждом поле, в лугах и в лесах особливое на каждый участок размежевание, а по сему и придет, что каждый участок по крайней мере в пяти разных местах должен обмежеван быть, ибо могут случиться различные дачи, а именно: пашня в полях и на пустошах, луга при реках, поемные на суходолах, на пустошах в болотах, леса дровяные и строенные, следственно, иной участок и в десяти местах межеван должен быть. То представим мы себе, какое великое затруднение нанесет сие правительству, чтоб все участки таковым образом размежевать? Коликое на сие время и число денег потребно? Каковой убыток ни Корона, ни народ поднять не могут без крайнего отягощения, и посему считаю я такое положение совершенно невозможным.

2-е. Положим, что правительство сие, почти не возможное, межеванье и может ко окончанию привести: еще от самого сего другие трудности и неудобности в рассуждении государственной пользы произойдут. Земля остается навсегда в едином положении, в рассуждении ее пространства, а род человеческий не равным образом прибавляется и убавляется: единые семьи умножаются, другие исчезают. То возьмем мы размножение сих семей. Пусть крестьянин получит себе отдельный участок, семья его чрез время размножится, дом, содержащий четыре или пять душ, чрез пятьдесят или чрез сто лет будет иметь двадцать или тридцать душ, и тот участок, который мог вначале его довольствовать, уж ему совершенно недостаточен станет, разделится он на дробнейшие участки и дом его в разоренье придет. Пусть мне на сие скажут, что может он тогда покупать земли у других или ее нанимать, но, дабы покупать землю, надлежит иметь ему достаток, а он, прежде нежели возмог получать прибыток от взросших детей своих, воспитывая их в малолетстве, разорился, а разделы сих участков еще на дробнейшие части ссоры и брани и смертоубийства произведут, тем наипаче и преступнее, что они между ближних родственников будут. Наем земли хотя и удобнее, но сей наем есть вре-

менной, и крестьянин, нанявши землю, будет более чувствовать неспособность свою над нею, нежели как ныне чувствует, а самим сим и не достигается до предмета, чтоб каждый собственный свой участок лучше удобрял, иже есть единый предмет, который бы мог побудить к раздаче [в] собственность крестьянам.

Другой случай: есть земли, за уменьшением семей, или от исчезания их, у какого крестьянина будут лишние против того, чтоб он своей семьей обработать мог, соединятся многие участки во единое, крестьянин обогатится количеством земли, но земледелие его в лучшее ли состояние придет? Всем известно, что крестьяне наши столько жадны к земле, колико они суть не знающи в земледелии. Радуясь великому количеству находящихся во владении его земли, он, не соизмеряя ни с числом своей скотины, ни с удобностью мест, ни с числом своих работников, сам с семьей своей или принаняв батраков, все захочет обделать, обделает, но только так, что и последний сок из земли вытянет, и разве единую солому в возмездие за труд сей получит, так как некоторые из них и говорят, что и для соломы одной излишнюю землю пахать должно. А в самом деле от самого сего польза государственная претерпит, и пространные области государства, исполненные удобными к земледелию полями, не прибыльнее будут пустых степей.

Правило домостроителей при нынешнем состоянии вещей (а кто есть из помещиков не домостроитель? поелику сие его благосостояние составляет) из времени до времени рассматривать земли владения крестьян их, семьянистых оными снабжать, а отрезывать у тех, которые не в силах их обработать, чтобы земля впусте или с малым урожаем не оставалась. Сие не нарушает их собственно, потому что семьянистый и любящий земледелие крестьянин не токмо уверен сохранить свой участок, но еще и получить преумножение оного, а не семьянистый, ничего того не теряет, что обработать может, но токмо то, до чего руки его дойтить не могут. Естли таковой от сего чувствует какое огорчение, то огорчение его подобно лаю собаки, которая, лежа на сене, сама не ест и другим не дает. А сверх чего имеют попечение добрые домостроители принуждать, в случае недостатка земли у крестьян их, покупать им земли, принуждать их осушать болота, раскапывать леса и кустарники, дабы снабдить их довольной землей, и от всего сего приумножения пахотной земли государство немалую прибыль получает.

Таковые есть распоряжения каждого помещика. Я не спорю, что не все с равным попечением сие исполняют, но иной более, иной меньше к сему общему концу благосостояния крестьянского, составляющего собственное его благосостояние, стремится и, конечно, с лучшим успехом, нежели бы как сие предать на собственное попечение грубых, несмысленных и захватчивых наших крестьян.

Исторический пример докажет нам, какую пользу от сего расположения Россия получила. Всегда немногонародная сия страна, еще многонародие свое уменьшила от нашествия татар и литовцев и от бывших многих язв, которые великое число селений опустошили и при царе Алексее Михайловиче большая часть ее земель покровенна была лесами, пахатные ее земли обложены были податью, называемой сошное письмо[157], с пахатных ее земель дворяне служили службу, а леса бесполезны оставались. При посылке писцов, пахатные земли с точностью описывались, а леса по сказкам давались, почти кто что попросил. Помещики, учиняясь владетелями лесов и пользуясь запрещением перехода крестьян, леса сии распахали, негодные и болотные места преобратили в богатоносящую жатву поля, и нынешнее состояние России доказует, колико она приобрела чрез выше означенные узаконения, так что, может статься, умножение земледелия излишнее истребление нужных лесов в России учинило, многонародие же только увеличилось, что, окроме многого числа вновь поселенных деревень, где мы находим два, три двора прежде было, ныне пятьдесят и более есть.

3-е. Самое соединение таких участков, которые при таковом положении желательно есть, ибо те, кои соединят таковые участки, будут более в состоянии понесть убытки земледелия, землю свою лучше удобрят, лучше обделают и лучшую заведут скотину. С другой стороны вредно есть, ибо соединяя многие участки, единой учинится владетель и привязанный к земле, а другие, не имея земли, останутся бобылями и, не имея ни дому, ни основания, принуждены будут к тому в батраки идти, а самое сие нарушит их благосостояние, сделает помешательство бракам, а чрез то нанесет вред и многонародию.

Примеры таковаго расположения представляют нам поселившиеся на реке Эльбе крестьяне, которых голендарями называют. Там один крестьянин имеет немалые пашни, многочисленное скотоводство. Он богат, но несколько десятков человек, служащих у него в работниках, ничего не имеют. В батраки за бедностью не вступают, а от

сего и размножение народа терпит. Но там самое состояние земли принуждает сие зло терпеть, ибо, быв поселены в низких и поемных местах, принуждены ограждать поля свои заплотами, а сии заплоты, естли бы не многочисленные были дворы, естли бы крестьяне хозяева не имели многого числа работников, не могли бы содержаны быть, и округа сия, из блата и из недр водных извлеченная, паки бы в первобытное ее состояние возвратилась. То восхочем ли мы, не имея подобные нужды, подобное зло у себя вкоренить?

Есть еще другая неудобность, происходящая от излишне в селениях разбогатевших крестьян. Сие есть ссуда деньгами и хлебом бедным, не токмо с великими процентами, но и с обязанием еще несколько дней работать на себя, а чрез самое сие недостаточные час от часу более в бедность приходят и, задолжав совершенными работами у богатых, бедными становятся, не имея уже никакого способа к поправлению своему. Устюжская область и часть Олонецкой губернии нам государственных крестьян примером сему представляют. Там зажиточные крестьяне, задав хлеб и деньги недостаточным, наконец приводят их в то состояние, что, выдавая им ежегодно семена, обязывают их собственную их землю обрабатывать и все произведения ее, как хлеб, сено и солому, половину им отдавать, что половщики называются; следственно, делают их совершенно своими подданными и вечно данниками, платящими такую подать, каковую ни один помещик с своих крестьян не собирает. То по всему сему ясно есть, что такое положение не умножит сумму благополучия народного, но обратится на пользу малого числа частных людей, ко вреду же величайшего числа и самого государства. Ибо польза государственная не в том состоит, чтоб некоторое только число богачей в нем было, а прочие б в бедности стенали, но в том, чтоб сокровищи его, поколику возможно, равнее были разделены.

4-е. Тщетно нынешними учреждениями умножены судебные места и судьи, и уменьшено число людей подсудных к тем местам. Если с прилежностью рассмотреть, то, невзирая на сии учреждения, найдется, что дела с довольною мешкотностью идут, да и быть инако не можно. Я уже не говорю о том, что законы российские не приведены в единообразную систему, что судьи не учась, не зная ни грамматики, ни логики, и большая часть не имея довольно здравого рассудка, не могут противоречивые законы соображать, ибо человек прежде никогда не мыслящий о законах, севши на седалище суждения, раз-

ве чрез вдохновение искусен в законах будет? Итако, не касаясь до сего коренного зла, всеми видимого, всеми ощущаемого, но не привлекающего на себя внимания, сам обряд, учрежденный Петром Великим, есть великой длинности, ибо сей премудрый государь самым сим многописьменным обрядом все злоупотребление тщился предупредить, к тому ж пространство не токмо Российской империи, но и самых ее губерний, а паче те, при которых есть области, естественное замедление в делах приключает. Когда оно толь необходимо есть, когда оно разорительно челобитчикам и при таком случае, когда единые дворяне, купцы, мещане и селения обществом по гражданским делам судятся в учрежденных присутственных местах, то если каждая семья крестьянская по своему особливому участку будет судиться, и число подсудимых удесятерится, или более, то коль затрудятся все присутственные места, колико естественно замешкание учинится в делах. Упрямые и непросвещенные крестьяне за малую, мнимую, учиненную им обиду, пойдут тягаться в город, проживут свой достаток и земледелие оставят. Поля необработанные, дороговизна хлеба, нищета крестьянская, недоимка в податях и обогащение вредных стряпчих и подьячих будут единые плоды такого учреждения, и долговременный памятник суемудрия того века, в который такое узаконение учинится.

Дабы самые мои размышления примером подтвердить, мы видим оный в однодворцах, которые, по участкам их, имеют право особенно гражданским судом быть между собой суждены, что же от сего затруждены, большая часть самих от ябеды приведены в разорение, или добронравнейшие от ябедников и наглецов совершенно угнетаемы суть.

5-е. Коль ни велико сие зло, однако еще может быть больше. Весьма известен грубый и запальчивый нрав наших крестьян, то счастливо еще, естли одной ябедой и хождением в приказах они разорятся, но весьма известно, коль крестьяне привязаны к своей земле и к своим участкам, а от сего малейшие перекосы, перепашки, потравы и захвачения единым у другого такового участка произведут ссоры, драки и смертоубийства. Возопиет пролитая кровь убиенных людей, что такое учреждение не собственность их сохраняет, но есть причина погибели их. Изувеченные, вознимая поврежденные свои члены, возопиют, что оных более к пользе отечеству и пропитанию своему употребить не могут, а к тому начавшиеся следствия по убийствам

и дракам, забрание виноватых и свидетелей, и все селение к конечному разорению приведут.

Часть третья
МОЖНО ЛИ СВОБОДУ ДАТЬ ДВОРОВЫМ ЛЮДЯМ?

Входя во исследование о том, что можно ли дать свободу всем дворовым людям, надлежит рассмотреть: 1-е. Какое их состояние было до состоявшегося указа 1775-го года[158], и какое после сего указа? Какой был предмет сего указа и исполнением оного достижено ль до сего предмета? 2-е. Приобретет ли государство какую пользу от сей свободы? 3-е. Не приумножится ль чрез сие развратность нравов и беспорядков? 4-е. Не отяготительно ль будет самим им и другим чинам в государстве? 5-е. Не приведет ли сие в разорение и упадок множество дворов дворянских, и не разорит ли частное домостроительство, которое всеобщее благо и пользу государству составляет и сходно ль сие будет с правосудием, долженствующим быть основанием каждого благоучрежденного правления?

1-е. Со времен Петра Великого, когда кабальные люди стали отрешены и все дворовые стали вписаны в подушный оклад, узаконения были оных следующие: каждый помещик имел право при жизни своей, или по духовной, давать свободу своим людям, кому похотел. Но с другой стороны, сии освобожденные люди в течение полугода должны были избрать себе состояние, какое пожелают, в купцы ли, в мещане ль, в цехи ль, в военную ль, или в гражданскую службу записаться, или наконец по вольному избранию своему к другому помещику с указным утверждением в вечное холопство идти. Таковое узаконение, не исключая ни единой степени, давало каждому свободу избирать свое состояние, и престарелый неграмотный и неремесленный, не могущий быть ни купцом, ни мастеровым, ни воином, ни подьячим, идучи по вольному своему избранию в вечное холопство к господину, не страшился от бедности, глада и стужи погибнуть; празднолюбец находил побуждение себе к работе и развратный обуздание страстям своим. Но чрез публикованный Манифест в 1775 году сия свобода, избирать себе помещиков, стала отнята. Я теперь вопрошаю: умножена ль чрез сие свобода дворовых людей? Мне кажется тут, где часть отрезана, то не есть уже целое. Может быть на сие мне скажут, что сия часть отрезанная есть часть вредная самим им, яко зараженн-

ная гангреной подлости и духа рабства. Но ответствую: сия часть их не вредила, а служила им способом, за недостатком других, соделать свое и детей своих благосостояние, и отрезанная называемая сия вредная часть не осталась ли в духах человеческих? А потому отрезание ее разрушает токмо целость, а заразительные соки еще внутри тела остаются. Не одинаковы суть виды и различные понятия и силы человеческие: единые порядочным своим поступком, бережливостью и склонностью к расчислениям удобны производить торговлю, другие искусством и склонностью к рукоделиям удобны быть ремесленники, многие по знанию грамоты и по искусству писать в приказные люди годятся. Наконец, иные, имея силу телесную, могут с пользой к военной службе быть употреблены, но те, которые ни единого из сих дарования не имеют, те, которые сами при старости лет отягощены малолетними детьми, могут ли в свободе пропитание себе сыскать? А таковых и большая часть находится, а посему и видно есть, что таковое узаконение не приумножило свободы и благосостояния отпущенных на волю людей, но паче уменьшило. Сие естественно и ведет нас к исследованию, какой был действительный предмет сего узаконения? Я выше уже доказал, что оное благосостояние сих людей уменьшает, то следовательно и остается нам догадываться о едином предмете, иже составляет основание политическое всех ныне правлений государств: сие есть, чтоб получать излишний доход с сих уволенных людей. Однако ясные уже опыты доказали, что и сей предмет без исполнения остался, ибо доходы государственные не увеличились, а умножились только злоупотребления, хотя противу положения закона, но происходящие от самого человеколюбия. Самые сии люди имели прибежище к разным правительствам и к разным начальствам служб не для того, чтоб чрез оные быв определены в какую службу, полезную государству и оную исполнять, но только для того, чтоб, получа имя и потом отставку, без всякой платы государству, пользоваться всеми выгодами государства, не неся ни единой тягости. Другие ниже являясь куда, век свой в праздности, в распутстве и, переходя из места в место, многих обманывая, препровождают, не делая никакой пользы короне, а токмо в тягость прямым и добрым гражданам, которые за них от ревизии до ревизии все тягости податей и рекрутства несут. Наполнилось государство безграмотными регистраторами и канцеляристами, никогда не видавшими полков и команд вахмистрами и сержантами; дома дворянские лишились по-

лезных людей, а государство приобрело род людей, выгодами граждан пользующихся, но ничего ему не воздающих. Но говоря о таких, которые и никакого звания себе не приобрели, легко ли правительству, при возобновлении ревизии, всех таковых сыскать и положить в должный оклад платить государству? И конечно многие тысячи таковых найдутся, которые, яко между капель дождевых, пронырившая, останутся они и потомство их в течение множества годов неплательщиками государству, а токмо в тягость протчим плательщикам. А по всему сему ясно видно, что ниже в рассуждении денежного дохода, с разрушением многой полезности частных людей, сие узаконение до желаемого предмета достигнуть не могло.

2-е. Испытание над единой частью показует нам неудобности, каковые естественно должны воспоследовать, если всеобщую свободу дворовым людям дать. Не буду я повторять то, что я выше сказал, что находящиеся в рабстве при старости и в болезнях, помощь, убежище и пропитание у помещика себе находят, что малолетний воспитывается и изучается, что ленивый побуждается к трудолюбию, а развратный нравами наказуется и удерживается от вредных обществу страстей его. Но за должность себе почитаю по вышеписанному предложению изъяснить: принесет ли сие пользу и государству, ибо частные выгоды общественной пользе должны пожертвованы быть. А дабы видеть, какая из сего польза произойдет, надлежит рассмотреть, в какие чины государства могут вступать таковые освобожденные, и какую пользу могут приобрести. Из сих чинов в первые поставлю я купечество, которое своей торговлей, спомоществуя обращению денег в государстве, выпуская нужные чужестранным народам товары, животворительным своим духом подкрепляет и оживотворяет земледелие, рукоделие и всякое трудолюбие в государстве. Но имя купечества и торговли хотя всем известно, но тонкости и пространство знания в сем упражнении малое число из сих самых торгующих знают, ибо, Боже мя сохрани, почитать того истинным купцом, который откупами, или другими воровствами, знатный достаток приобрел, или того, который, пользуясь защищением какого вельможи, подрядами с короной, грабя и обманывая ее, обогатился. Но того я купцом лишь считаю, который свято содержит свое слово во внутренней торговле, знает время купить и продать товары, знает, где купить и где распродать, знает пути водяные и сухопутные, издержки на оные, и расположения свои не на удаче, но на расчислениях

утверждает. Для внешней торговли — того, который верностью своего слова приобрел себе кредит вне государства, который знает исчисление разных курсов, как через векселя свои, посылая их в разные места, и по обычаям выгод в платеже тех мест, получить себе пользу, который знает, откуда и когда выписать какие товары, и куда и когда товары отечества своего отправить; искусен в разобрании доброты их, знает меры и весы чужестранные, обычаи наддачи; известен о путях и о провозах дешевейших и о разных пошлинах, которые где взимаются. Все таковые знания требуют человека из млада научавшегося оным, а к тому и довольного капитала, яко нужного орудия для приведения во исполнение сих знаний. В новоосвобожденных людях, не готовившихся к сему, можем ли мы найти таковые знания, имеют ли они довольные капиталы? А естли которые бы и имели капиталы, то разве управители или приказчики, наворовавшие у господ своих, с тем же духом воровства и хищничества, без основательных знаний торговли, вступят в купечество, и токмо приумножат число воров, которые обесславили уже купечество российское, и делают, что чужестранные, торгуя, всегда лишнее на товары свои приписывают, боясь нарушения их веры и зловредного банкротства. Судебные места суть сему свидетели, колико чужестранные в потере своих денег имеют требования на российских купцов, колико именных указов о взыскании таких сумм, от которых они не справедливыми причинами, но ябедой, продолжением дел и другими способами умеют избавляться, ко вреду российского купечества и торговли, и к отягощению покупающих чужестранные товары. И восхотим ли ныне мы, ко уврачеванию известного нам зла, подобным же злом умножа не купцов, но хищников, прибавить?

Со времен царя Алексея Михайловича Россия, быв беспрестанно подвергнута к применению законов и учреждений, нам разные примеры, от чего должно остерегаться, представляет. До царя Алексея Михайловича, и в начале его царствования, были у нас купцы, гостиная сотня, суконная сотня и другие. Они почтены были двором, усердны были к отечеству и верность слова их святым почиталась. Царь Алексей Михайлович, желая размножить торговлю и купечество в своем государстве, некоторые слободы в купечество вместил: умножилось купечество, а уменьшилось почтение к нему. Петр Великий, имеющим некоторый капитал, позволил в купечество входить и множество крестьян в оной записались. Оные не знающи, хищны и

развратны, развратили добрую веру в купечество, и данные им права, преимущества и награждения ничего к пользе их не послужили; даваемые им шпаги, знак отличности дворянина и воина, казались быть секущим орудием, ко усечению совести их. Раздоры, вражды, взаимственные друг другу разорения, хищничество и вероломство, самому сословию купечества жестокий вред нанесли: и со справедливостью они часто в своих челобитных купечество разрушенной храминой называют. Но разрушена она самим их невежеством и развратностью; то не умножением невежд невежество исправляют, ни развратность умножением развращенных людей.

Естли положить второе, то, что войдут в военную службу, то на сие можно сказать, что воспитанные в господских домах люди, конечно, без верной надежды знатных себе выгод, в военную службу не пойдут. Итако, когда узнаны будут каким полковником, что они парукмахеры, камердинеры или другие какие удобные к домашней службы, то запишутся в полки, получат немедленно чины, а служить будут не государю, а полковникам, а чрез сие служба государева не токмо не умножится, но потерпит, а злоупотребление возрастет.

Третий я чин почитаю приказной, куда грамотные могут вступать, но с довольным ли то знанием законов и приказных обрядов? Пускай то будет в простые писари, но естли нужда сей чин очень умножит, и сия армия подьячих и канцеляристов не довольно ли многочисленна, дабы детьми своими нужные места комплектовать? А умножение приказных служителей сверх определенного числа неизбежный вред наносит, ибо уменьшая жалованье у комплектных, дают его закомплектному, чрез что обои в крайней нужде и нищете становятся и, голодом побуждены, ко взяткам побуждаются, с которой привычкой восходят в чины, и корыстолюбие свое умножают, к стенанию и к разорению народа.

Наконец, единое состояние, в котором таковые освобожденные люди могут пользу принести, есть умножение ремесленников в градах. Но при сем должно рассмотреть: 1-е. Не произойдут ли от сего какие злоупотребления? 2-е. Все ли достойные ремесленники запишутся? 3-е. Сходно ли сие с правосудием будет? 4-е. Не приключит ли сие отягощения самым градским жителям и расстройку самим с великими издержками, учиненным государственным учреждениям. 5-е. Не сделает ли сие крайнего отягощения владельцам и подрыва фабрикам?

1-е. Испытание нам само доказует, колико и в нынешнее время, когда еще малая часть людей освобожденных есть, находится записанных в разные цехи таковых, которые совсем не знают искусства по знанию своему. Парукмахеры и бритовщики толпу народа составляют, а волос причесать и парика сделать некому; а хотя из великого числа некоторое число бритовщиков и есть, но едва ли есть, кто б умел бритву выточить. Пусть на сие мне скажут, что учреждение цехов, в коих показывать будут каждый свое мастерство, злоупотребление сие упредит, но я на сие ответствую: надзиратели цехов будут люди, а где есть люди, тут есть злоупотребление, а единая токмо разность от сего произойдет, что ныне, от ослабления старых законов и старобытностью сие зло есть терпимо, а тогда всякое такое злоупотребление утвердится деянием законным.

2-е. Много людей имя ремесленников у нас носят, но мало есть таких, которые бы ремесло звания своего достаточно знали. Естли избирать токмо таковых, которые совершенно его знают, подвергнувши сперва их к строгому испытанию, то едва ли найдется из тысячи один, который бы достоин был имя мастера: естли без разбора записывать, то не токмо сие в совершенство не приведет ремесла, но паче учинит падение их. Но пусть таковые немастера будут в работниках и в подмастерьях записаны. Учиним мы себе мысленное исчисление о числе тех, которые будут мастерами и достойны сего имя, и о числе тех, которые могут подмастерьями и работниками у них быть; то найдем тех толь малое число, а вторых толь великое, что едва ли могут и мест для работы себе сыскать, а сие самое учинит, что по размеру великого числа ищущих себе мест, цена их весьма уменьшится. Те, которые будут употреблены, едва себе дневное пропитание будут приобретать, а множество других и без пропитания будут странствовать. Напротиву же того, в рассуждении малого числа мастеров, цена на все рукомеслы, ко отягощению других частей народа, весьма возвысится.

3-е. Правосудие есть основание государств, которому, равно последний подданный и государь подвергается, ибо каждый равно имеет над собой вышнего судью, то есть Бога, и со справедливостью псалмопевцев и пророк вопиет: *Боже, суд твой цареви даждь и правду твою сыну цареву*. Но правосудно ли сие будет, когда какой владелец, употребя немалое иждивение, попечение и пребывая в долгом ожидании, когда получил уже себе желанное, и мнит вкушать плоды трудов своих, лишится вдруг изученных им людей? И таковое узако-

нение хотя неточными словами, не довольно ли ясно прогласит: «Отвергните добродетель признания и благодарности, исполните души ваши люблением одних самих себя, поприте долг к воспитавшим и изучившим вас, и будьте добрые граждане, ежели можете!»

4-е. Все на свете имеет свой размер, а потому и число мастеровых в городе должно быть соразмерно с числом жителей и достатка их. Не можно, чтоб в Понтуазе столько могло быть мастеровых, сколько должно находиться в Париже, ни в Новгороде столько, сколько должно быть в Петербурге. Российские ж города не токмо суть пустые от купечества, но паче излишне им изобилуют. Свидетельствуется сие, что несть почти ни одного города, который бы имел довольно торгов и промыслов, дабы упразднить и дать пропитание всему купечеству своему, то не лутче ли постараться обратить мысли недостаточных купцов к ремеслам и искусствам и приобрести им достаточное и честное пропитание, нежели, введением великого числа разных мастеровых из свободных людей, и сей путь к благосостоянию купечества градов пресечь? Прибавим еще к тому, с великой пышностью и издежками учрежденная Академия художеств и Сиропитательный дом должны, по учреждениям своим от времени до времени художников и ремесленников выпускать[159]. Но естли, по числу жителей и по достатку их, наполнится все ремесленниками освобожденными, то где сии люди исполнение ремесел своих найтить могут? И тако и в самом сем положении обратится сие ко вреду общества, к особому вреду купечества и к бесполезности, с великими издержками учиненными, государственных учреждений, показуя при том, что предметы правительства никакой порядочной системы не имели, и что разные учреждения единое другому противоборствуют и друг друга разрушают.

5-е. Я выше уже сказал, коль неправосудно есть лишить владельца плодов его издержек и попечения, коль огорчительно и затруднительно будет лишить сельского жителя нужных мастеровых для всегдашнего домашнего употребления и принудить его сшить ли кафтан, покрыть ли шубу, сделать ли сапоги или башмаки, пятьдесят или шестьдесят верст в город ехать. Но что к тому потерпят фабрики, где многими годами, многими трудами и многим иждивением малое число искусных мастеров изучены, которые в движении все собранное рукоделие содержат. Дай им свободу, отойдут они от прежних своих владельцев, порядочно и давно учрежденная фабрика рушится,

капитал пропадет, ремесло исчезнет и фабрикант разорится. Поедут они к другому (ибо не исполняя своего ремесла, пропитания иметь не могут), но другой имеет ли такой капитал, имеет ли такое заведение, и имеет ли такой учрежденный порядок, а без сего произведенная ими польза весьма будет мала, а учиненный вред весьма велик. И тако все труды и попечения в рассуждении рукомесл Великого Петра в ничто обратятся, начинающиеся процветать ремесла на множество лет падут, и те самые товары, которыми мы ныне своими пользуемся, будут привозиться из чужих краев, что тем вреднее ныне будет, что сластолюбие и роскошь гораздо ныне более умножились, нежели до заведения сих фабрик были.

Да не возразят мне на сие примером других государств, где ремесленники суть вольны, а фабрики процветают. Я на сие кратко буду ответствовать: там ремесленников больше, нежели фабрик, а здесь больше фабрик, нежели искусных ремесленников.

Часть четвертая
КАКОЙ СОБСТВЕННО ДЛЯ НИХ САМИХ ИЗО ВСЕГО СЕГО ВРЕД ПРОИЗОЙДЕТ?

Хотя четвертая сия часть не может иного содержать, окроме повторения того, что выше сказано, однако за нужное я почитаю, соединя в краткое изображение рассеянные по причине пространства сего труда неудобности, каковые могут от свободы произойтить, для самих рабов представить.

Дание свободы крестьянам не подвергнет ли их частно под суд законный, где любовь собственности, каковая действует в помещиках, иметь силы не может, где развратность и корыстолюбие судей к излишней строгости и к разорению их подвергнет, где продолжение приказного обряда и отдаление самих судебных мест, отнимет у них много драгоценного времени, которое бы они могли употребить для составления своего благосостояния? Пусть благоразумные крестьяне не покусятся к прехождению из места в место, то сии ничего и не выиграют свободой, ибо у них отнимется имя, а рабство останется. Но легкомысленных, каковых большая часть и есть, легкомыслие, кое основано на свойстве природы человеческой, более пользующейся надеждою ожидаемого блага, нежели веселящейся о настоящем своем блаженстве, сии, ища своего благоденствия и пользуясь свободой

из места в место, надеждой и распутством влечены будут преходить, нигде порядочного себе домостройства не учредят, везде чужды, везде иностранны, в надежде сыскать благоденствие, действительно всю тягость нищеты и несчастия рода человеческого будут претерпевать. Времена климатов подвергнут их к неизбежной гибели, а тягость пути прекратит безвременно жизнь младенцев их, погибающих от хлада и беспокойства, затворятся навек очи их от едва знаемого им солнечного света, и, повергнутые на распутьях телеса их, омоченные слезами материнскими, возопиют на небо и на давшего им такую свободу, которая единственно к гибели их обратилась.

Приложим к сему желание своего благосостояния, которое равно над всеми состояниями действует, то помещики их, желая сохранить себе подданных, будут стараться их разными образами одолжать, самыми долгами их навечно закабалять, и обратят сию свободу в ничто, тем с вящей тягостью, что приложат свои старания не дать им способов и выплатиться. Скажут мне на сие, что сие есть злоупотребление. Правда, но оно такое, которое запретить не возможно, ибо, отняв власть у помещиков, для закабаления крестьян, разными образами их себя одолжат, отнимется власть и в мыслях благодетельных им ссуду делать. Крестьяне же во всех своих промыслах имеют нужду в защищении и подпоре от своих помещиков, а кто может принудить их, и какие можно предписать пространные законы, которые бы объяснили, без всякого упущения все то, что к подпоре и защищению крестьянина помещик должен делать, как то, чему его собственность и желание благосостояния своего и их научает?

Естли дать в собственность земли, благо ли сие? И не одно ли сие имя, а не самое действие есть? И ныне крестьяне обще селениями таковой собственности не имеют ли? А имя сие и разделение на участки не произведет ли, что единый счастливее и достаточнее многие участки к себе соединит, а другие без земли и без всякого пропитания останутся и рабами равным себе будут? Драки и убийства, происходящие от захвачения участков, не обагрят ли кровью граждан землю, определенную от Бога для питания их? Наконец суды и приказные дела отвлекут крестьянина от его упражнения и иссосут последнюю кровь и существо его. Се есть блаженство, о коем суемудрецы днесь помышляют.

Касательно до дворовых людей, не лучше ли есть их состояние служить с верностью господам своим, претерпевать нужное исправ-

ление пороков своих, получать пропитание и награду за услуги свои, и быть беспечным в помощи и убежище, в болезнях и при старости своей, нежели ввергнуться на неподлинную надежду мнимого блага: в военном ли состоянии пойтить на все труды, на раны и на смерть, не знав конца течения своего, на приказном ли состоянии, где при малом жалованье, иль с нуждой век свой проживать, иль, ввергнувшись в богопротивные взятки, всегда дрожать законным образом быть наказану, или, без знания и капитала, вступить в трудный промысел купечества, и в предмет себе иметь или от налогов собратства их, или от незнания в торгах, быть разорену и идти умножать число жителей мрачных магистратских тюрем; в состоянии мастеровых людей, коих, по вышеписанному, число толь должно умножиться, что две трети без пропитания должны оставаться?

Дух неподданства и свободы, заразивший сердца людей наших, делает, что они, взирая на малое число тех, которые свободой благосостояние свое соделали, думают и себе таковое ж найтить. Но да рассмотрят они, сколько вместо одного счастливого, несчастных и без пропитания находятся. Да понесут без ропота тягость служения своего, взирая, что и в других состояних не меньше тягости и беспокойств другого рода люди подъемлят, с той токмо разностью, что конец видов их есть гораздо не подлиннее, нежели конец видов служителей господских. Да вопросят они у всех вышеписанного состояния людей и войдут во все их обстоятельства, то найдут, что всякий тот, что по имени своему состояние то несет, имеет многие неудовольствия, и истина сия тем есть ощутительнее, что все роды людей в государстве, не исключая и дворян, претерпели ущерб в своем благосостоянии, единые токмо служители господские лучшим содержанием и кротостью господ оное увеличили.

Заключение

Дабы не могло быть предубеждения от самого моего состояния на все то, что я выше сказал, за нужное почитаю объяснить права дворянские на земли и людей владения их, и что люди не суть в таком жестоком рабстве, как многие себе изображают.

Начиная с земель: оные суть или на промен данные за волости пришедшим в подданство удельным князем российским, или в награду выезжим, или за службы, оказанные государству, а наконец, в

1714 году, Петр Великий изящнейшим благодеянием и все поместья в вотчины дворянам пожаловал, что императрицей Анной Иоанновной было подтверждено[160]. Писцовые книги, жалованные и ввозные грамоты, великое число законов, утверждают собственность земель. Касательно же до людей, хотя при царе Иоанне Васильевиче некоторые крестьяне и были вольны, но в древнейшие времена под именем смердов находим мы рабов. Царь Иоанн Васильевич Судебником своим вольность сию сократил, а наконец Уложением царя Алексея Михайловича, главами о крестьянском суде и о холопах, сия вольность совсем стала отнята, а сверх того переписи дворовые, а потом подушные, жалованные грамоты на вотчины с людьми и с крестьянами, решение дел самими государями, указы о взыскании за беглых и прочие узаконения, собственность оных владельцам утвердили. Сверх того взимаемые пошлины за продажу земель и деревень, в числе коих последних цена наиболее за души полагается, по частому прехождению имений из рук в руки, учинила, что естли прямо рассмотреть, все сии недвижимые имения стали, окроме учиненных заслуг и излияния крови, куплены ценой денег от короны, а посему и не можно считать, чтобы они коронное владение составляли, а токмо как составляющие участки целого государства, долженствующие спомоществовать ко благу общества. Платимые же пошлины при справке деревень не суть знак несобственности владетелей, но знак единственно подданства, чему видим мы примеры в чужих государствах, где во владении поместий непременных, при перемене владетеля, оный присягу государю и государству учиняет, некоторую дань в знак подданства платит, без всякого нарушения совершенной собственности своей.

Показав таким образом собственность недвижимых имений с живущими на них людьми, я оставляю на рассуждение всякого благоразумного человека, иль лучше сказать на рассуждение каждого того, в ком сластолюбие, лесть, подлости и пристрастия не все чувствия человечества затушили, справедливо ли будет кровью, службой, трудом и деньгами приобретенную собственность у владельцев, составляющих полезнейшую часть граждан государства, отнять и нарушить тем, не говорю основательные права Российского государства (ибо их нет), но основательные права естественного правосудия, те самые права, на коих все общества основаны суть?

Мне остается токмо сказать, что подданные наши не суть в таком рабстве, как многие думают. Власть над жизнью их и власть изувечить

у владельцев отнята. Обязаны владельцы платить выти за разбой, грабежи, кражи и наглости, и за владение земель, учиненное их крестьянами, а сие самое обязует помещиков наблюдать о их благонравии. Такое земское благочиние, конечно, гораздо исправнее, яко на собственной пользе основанное, может быть, нежели б благочиние государством уставленное и исправляемое государевыми приставами. Обязаны владельцы, в случае государственных недоимок на их подданных, платить своими деньгами, во время неурожая прокармливать своих крестьян, и во всякое время не допускать их по миру шататься. А сие понуждает владельцев иметь попечение о своих подданных, ибо колико бы кто бесчеловечен не был, естли крестьян своих доведет до крайней нищеты, а от того последуют воровства и грабежи, незаплачение податей и принуждение их с женами и с детьми питать, то по верному счету найдется, что более должен будет на все сие в деревню обратить, нежели самим тиранством получить может.

И тако остается нам желать, чтобы, не вымышляя боле новых узаконений, старались сии выше помянутые в точности исполнять, для пользы сего великого числа людей, трудами своими полезных государству, и для обуздания безумных и самих себе злодеев, помещиков. А к тому да распространившееся просвещение разумов и чистое нравоучение, да укротят нравы и смягчат сердца помещиков, ибо естли, по разлитии просвещения и нравоучения в Европе, не видим уже мы ни Христернов, ни таковых государей, каков был Людвиг Первой на десять[161], когда Азия и Африка позорище бесчеловечья представляют, а Европа среди благоустройства и милосердия покоится, когда просвещение проникло в самую сераль турецкого императора[162], и Порта Оттоманская не толь щедра стала в рассылании удавок своим визирям. То естли, говорю я, просвещение и нравоучение воздействовали над такими лицами, которые, к несчастью нашему, не подвластны ни чему себя почитают, естли во врата, хранимые самовластьем, распутством, гордостью, лестным честолюбием и лестью они проникли, и сердца сих властителей света могли умягчить, то как не умягчат они сердца подданных, претерпевающих все нужды звания своего и по собственным своим чувствиям, ощущающих чувствия и нужды низших себе?

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗЕМЛЮ ОФИРСКУЮ Г-НА С... ШВЕДСКОГО ДВОРЯНИНА

Книга первая
ОТ ПОЕЗДА ИЗ ПОНДИШЕРИ ДО ВРЕМЕНИ, КАК СТАЛСЯ В ЗЕМЛЕ ОФИРСКОЙ

Глава I, служащая предисловием

Наполнены уже все вивлиофики множеством путешествий, а сего ради и являлось бы весьма напрасно оные изданием новых книг умножать, чтоб может статься, быв смешена со столь многими другими, и не удостоена была быть прочитанной. Но я не мог однако воздержаться, чтобы не предложить свету того, что я видел и чему научился в такой стране, в которой, колико мне известно, никто не бывал, или, по крайней мере, о которой никто никакого не токмо описания, но ни даже упоминовения не учинил, да до которой и достигнуть трудно, а еще труднее все то познать, что по особливому мне счастью удалось уведать.

При чтении сих первых слов моего сочинения, да не подумают здесь найти великие чудеса, в рассуждении естественного состояния, чудных зверей, птиц, гадов и прочее — богатства, кои бы могли привлечь европейское корыстолюбие, ибо хотя оно и есть, но тот народ, о котором я описываю, никогда не согласится вступить в торговлю, и сам, не имея нужды в наших произведениях, ни своих (к нам не посылает), чтобы не приучить нас, не взирая на великие трудности к ним доезжать, учредить свое плавание в их страну. Не для того сие, чтобы сей народ не был сообщителен и человеколюбив, но по некоим политическим причинам, о которых в течение сего путешествия помянется, неохотно чужестранных приемлет.

А дабы первое учинить показание о сей стране, она, яко лежащая близ полюса антарктического, есть страна холодная и совсем сходственная на европейские северные страны, даже что те же в ней находятся растения, те же звери и прочее, а есть токмо некоторая разность в водяных птицах, которых уже естествоописатели, яко о живущих близ полюса антарктического, описание учинили. И тако, с

сей стороны любопытства не заслуживает. Но если чем она достойна примечания — сие есть: мудрым учрежденным правлением, в коем власть государская соображается с пользою народною, вельможи имеют право со всей приличной смелостью мысли свои монарху представлять, ласкательство прогнано от царского двора и истина имеет в оный невозбранный вход, в коем законы соделаны общим народным согласием и еще беспрестанным наблюдением и исправлением в лучшее состояние приводит. Правительств немного и немногочисленно, но и дел мало, ибо внушенная из детства в каждого добродетель и зачатия их не допускает, в коем вельможи не пышные, не сластолюбивые, искусные, трудолюбивые, похвальное честолюбие имеют соделать счастливыми подчиненных им людей. Остаток же народа, трудолюбивый и добродетельный, чтит во-первых, добродетель, потом закон, а после царя и вельмож. То если желание познать таковое счастливое правление, которому бы желательно, чтоб называющие себя просвещенными европейские народы подражали, возбудит чье любопытство, то льщу себя, что тот будет иметь причину по прочтении сего путешествия довольным остаться. По крайней мере я приложил мое старание, во время четырехлетней бытности моей в сей стране, елико можно все спознать и здесь то предложить.

Глава II. История сего путешественника

Обыкновенно путешественники начинают свое рассказание причинами и местами отъезда их в отдаленные страны, а для сего и я необходимым себе почитаю учинить повествование о моей истории.

Я родился в Швеции от господина С..., человека, имеющего многие отличные достоинства и бывшего употреблена во многие знатные дела. Мать же моя была рожденная баронесса Р., которой я на десятом году от рождения моего лишился. Родитель мой, от знатной фамилии происходящий, имел знатный достаток, но мать моя была весьма небогата, и все имения их стояли в провинции Скани. С самой юности моей родитель мой весьма старался меня изучить разным наукам, и я от девяти лет до семнадцатилетнего моего возраста препроводил в Упсалском университете, где не щажено было ничего для научения меня всему тому, что может просветить мой разум, и я осмелюсь сказать в мою похвалу, что успехами моего учения никогда ни родите-

лю моему, ни наставникам моим не подавал причин ни к малейшему огорчению. Меня особливо вела склонность к познанию математики и прав, в чем я довольно преуспел.

Уже приспевало то время, когда родитель мой намерен был отправить меня путешествовать во Францию и чтобы там принять службу, ибо сие есть обычай в Швеции, утвержденный на трактатах: что служившие во Франции, теми же чинами принимаются в шведскую службу. Во Франции же по политическим причинам, охотно шведов в службу принимают и дают им чины превосходные, и уже чрез друзей своих, родитель мой предупредительно писал о принятии меня, и мне чин капитана артиллерии обещан был.

При таковых обстоятельствах, когда все являлось мне счастливую судьбину предвещать, вдруг разрушилось все мое счастье следующим образом: известно было всей Европе, в каком замешательстве правление шведское находилось от двух партий — «шапки» и «шляпы»[163]. Власть королевская была приведена в ничто, во всех рассуждениях о делах государственных не польза отечества, но внушения тех держав, на которые сии партии опирались, действовали и под видом содержания вольности народа шведского, «шапки» в анархию Швецию привели. Родитель же мой был противной партии, не яко однако желающий разрушить вольность своего отечества и ввести деспотичество, но желал, чтобы благоучрежденное правление сходственно с пользой государственной было утверждено. Многие наилучшие сыны отечества, наиразумнейшие и наименитейшие в государстве вошли в умышление исправить форму правления, к коим родитель мой присоединился. Умышление противной и сильнейшей стороной было узнано, сии умыслители были пойманы, суждены и казнены. Родитель же мой, находящийся тогда для посещения меня в Упсале, уведав о сем и предвидя всю опасность настоящего своего положения, немедленно взяв меня, скрывая свое имя, уехал вон из государства. Он, отсутственный, был осужден, собственные его имения конфискованы, а на имение матери моей наложен был секвестр. Я несколько времени, в необыкновенной мне нужде, принужден был странствовать с родителем моим в Германии, сокрывая повсюду свое имя, а наконец, приехав во Францию, явился родитель мой министру, который и прежде, в бытность его во Франции, был ему знаком. Он был изрядно принят, и дан ему был пансион. Я же, как по знакомости родителя моего [с] министром, так и по прежде бывшим рекомен-

дациям, хотя не мог быть вдруг определен в капитаны артиллерии, ради политических видов, но на девятнадцатом году был определен в кадеты, а через год пожалован в капитаны артиллерии.

Вскоре после сего, то есть в 1761 году, на двадцать же первом году от рождения моего, я лишился моего родителя, который не толь от старости лет или от болезней, коль от огорчения изгнания его из отечества скончался в Париже. Друзья мои мне советовали тогда писать в Швецию о возвращении мне материнского имения, и сие я учинил по возвращении; сие тянулось два года. Правда, тогда же ко мне писали свойственники и друзья отца моего, что могу я отеческие имения возвратить, ежели приеду в Швецию. Но я, довольствуясь малым имением, которое получил после матери моей, не хотел туда ехать, где память родителя моего была предана осуждению, и тако, препоруча полученное мной имение в правленье моим ближним родственникам, которые самой своей щедростью и во время самого нашего несчастья нас не оставляли, получая с сего имения доходы, продолжал пребывание свое во Франции в службе артиллерийского корпуса.

Колико ни могу я похвалиться учтивством и благосклонностью того народа, среди которого я жил, и благоволениями моих начальников, по лишении моего родителя, и изображение, что я есть яко изгнанник из отечества моего, влагало в сердце мое такое огорчение, которое в самой наружности моей являлось. А сего ради, когда в 1765 году определено было послать войска во французские селения в Восточной Индии, тогда я охотой просился туда быть послан, и в сем я и возгнездившемуся внутри сердца моего огорчению и моему непомерному любопытству. И тако в сем году, на двадцать первом же от моего рождения, я в Индию отправился.

Прибыв туда, как в Пондишери, так и в разных других французских селениях, равным же образом по даваемым мне комиссиям, пребывал одиннадцать лет, и между тем, не малое время на Коромандельских берегах, где я имел случай спознаться и подружиться с единым знатным брамином Паднапаба, который по особливому ко мне благоволению, изучил меня священному их языку, называемому санскрит.

В 1774 году, когда я уже был на тридцать шестом году от моего рождения, получено было приятное для меня известие, что нынешний шведский король Густав III[164], разруша все партии, толико лет раздирающие Швецию, приобрел себе пристойную королю власть, без нарушения прав и вольности Швеции, которая, по учению монар-

хического правления более, нежели прежде в Швеции процветает. А понеже самое желание таковой перемены было причиной несчастий родителя моего и моих, то я немедленно приял намерение проситься о возвращении в Европу и оттуда намерение взял ехать в Швецию, просить о восстановлении памяти родителя моего и о возвращении мне его имений. По одиннадцатилетнем пребывании в сих отдаленных от Европы местах, не можно было мне сего отказать. Я был отпущен, и на фрегате «Надежда», на коем был капитан г-н Б., в исходе ноября месяца сего самого года, из Пондишери отправился в Европу.

Декабря 12 числа, уже по исчислению нашему, считали мы себя быть близ мыса Доброй Надежды, когда сделалась вдруг превеликая и необыкновенная в сих местах буря. Ветер был со стороны северной, которому никакое искусство мореплавателей сопротивляться не могло, и мы были, посреди беспрерывно продолжающегося мрака и при сильном дыхании ветра, несены на полдень к полюсу антарктическому. По шестидневном беспрестанном страдании, среди сильных валов морских, в которые мы потеряли две свои мачты, когда уже корабль, разбитый и поврежденный, во многих местах впускал в себя воду, и уже мы иного окроме смерти не ожидали, вдруг буря утишилась. Декабря 19 числа, блистающее солнце оказалось, и остался токмо посредственный прохладный ветерок, несущий нас к полудню. Конечно, вдруг такая перемена долженствовала в нас произвести совершенную радость, но мы и при утишении бури зрили себя в такой же опасности, какую и в самую бурю ощущали, то есть что поврежденный от биения вод корабль наш повсюдова воду впускал, и все помпы, которыми действовали беспрестанно, не могли не только достигнуть сделать уменьшение влияния воды, но паче она умножалась, и следственно ежеминутно мы должны были ожидать, что корабль наш потопит. Однако капитан, г-н Б., взял высоту и нашел, что мы были в $58^1/_2$ градусах полуденной широты, то есть в таком месте, куда еще, колико известно, ни один европейский корабль не проникал, ради великих льдов, окружающих антарктический полюс, и считалось невозможным туда проникнуть. Но к удивлению нашему мы их тогда, окроме малых льдинок, не видали.

В таком мы были состоянии, когда новая опасность нам стала угрожать, то есть, что часть корабельных служителей взбунтовалась и прияла намерение, сколько их поместиться могут на находящемся боте на корабле, уехать. Сие возмущение произвело некоторое ослаб-

ление в работе, ибо единые, неповинующиеся своим начальникам, спускали бот, накладывали припасы, другие старались их до сего не допустить, а работа выливки воды ослабевала и корабль водой наполнялся.

Тогда г-н Б. старался их увещевать к пребыванию на корабле, представляя отдаленность от всех мест знаемых, куда бы им пристать, дальность мореплавания и должность, которой они обязаны друг другу, что отъездом своим в конечную погибель всех сотоварищей своих приведут. Напротив того, по видению некоторых морских птиц, которые обыкновенно не в дальнем расстоянии от берега живут, он надеялся найти какую землю. Если же и в сем ошибается, то конечно огромные льды, окружающие Антарктический полюс, не могут быть далеко, то он может хотя к какой льдине пристать и сделать исправление корабля, а тогда и все спастися могут. В случае же неудачи всего сего, предлагал им взять еще на себя терпение на сутки, ибо он предвидит, что с выливанием воды толикое время еще корабль не потонет, и когда в сие время никакой надежды на спасение не получат, то могут, севши на бот и привязав сделанный из досок корабельных плот, все к единой части для спасения своего себя подвергнуть. Но он говорил не слушающим его слов, и уже многие стали сходить на бот, а другие им сопротивлялись, и едва еще при сем случае кровопролитие не произошло, когда вдруг один матрос, сидящий на последней нашей мачте, закричал, что он видит несколько лодок и, кажется, что вдали и земля ему видна.

Каждый может себе представить, коликую сие перемену во всех нас произвело. Мы зрили себя погибающих, а тут надежда к жизни обновилась, неповиновение перестало и все с усердием кинулись выливать воду, которая в бывший беспорядок в корабле натекла, а капитан и другие побежали на мачту и смотря в трубу, удовольствие и удивление их паче умножилось, примечая, что не только видят землю, но землю населенную и вид града имеющую. А между тем, к вящему нашему ободрению, ветер немного усилился, и корабль был весьма скоро несен к желаемому пристанищу. Уже мы с самого корабля начинали видеть землю и чрез трубу усматривали постренный хороший град, — тут, где мы только думали льды или по крайней мере пустую землю или населенную варварскими народами обрести. Мы мало почти давали вероятия очам нашим, когда еще новое обстоятельство нас удивило: сие есть, что узрили мы из-за единого мыса вы-

шедшие два великие гребные судна, которые, как мы после увидали, были строением своим смешение морской архитектуры индейских народов и европейской, имели мачты и паруса, и снабженные великим числом людей, которые к нам прямо шли. Сие удивление, однако, смешано было с некоторой опасностью, ибо хотя по всему, что мы зрили и могли надеяться найти тут народ изученный и в обществе живущий, который и не мог варварским быть, но состояние наше было такое, что нам возвратиться было не можно, и хоть бы и к каннибалам в руки попались, должны были на сие решиться.

Однако корабль наш, имея скорый ход по ветру, а и те плыли на парусах навстречу нам, мы вскоре сблизились. Но как мы уже спускали бот, чтобы ехать на те суда просить о приятии нас, узрили, что и от них плыла к нам большая лодка, на которой было восемь человек гребцов. И сидел в ней единый человек, держащий нечто густое, зеленое, которое по приближении к нам мы усмотрели, что сие было связанные сосновые или еловые ветви. Лодка сия к нам без всякого страха приблизилась, и как мы все прибежали к тому борту, чтобы ее видеть, и уже можно легко было слышать произносимые слова с оной, тогда начальник, встав и простирая к нам руку с сим пуком зелени, зачал говорить санскритским языком. Довольно всем, уповаю, известно, что в Индии сей язык считается священным, и знатные брамины, которые его знают, не обучают тому никого из чужестранных, но я выше сказал, что по особливой дружбе ко мне одного брамина оному научился, и тако я был единый на нашем корабле, который мог его разуметь.

Речь его к нам была следующая: «Кто бы вы ни были, но видим по состоянию вашего корабля, что вы имеете нужду в помощи, примите ту, которую от искренности сердца мы вам, яко подобным себе, представляем, и будьте уверены, что никогда наисильнейшие наши попечения не могут сравняться с горячим желанием, каковое мы имеем вам благодеяния наши оказать».

Я истинно скажу, что радость и удивление на несколько минут привели в онемелость уста наши; однако ответствовано ему было через меня со всеми изъяснениями нашей благодарности и с показанием нужды нашей. А между тем временем он пристал к нашему кораблю и взошел на оный. Сей был человек лет тридцати, взрачный собой, имеющий бороду выбритую. Голова его была покровенна серой с малыми полями, но высокой шляпой, одежду имел из белого

сукна длинную, подпоясанную ремнем, на котором висел не очень длинный, но широкий тесак, а за поясом был заткнут нож. На груди у него был черной шерстью вышит якорь, наверху которого кедровая шишка — желтым гарусом.

По первых приветствиях, в коих он много учтивства показал, мы хотели его подчивать, но он ничего кроме воды пить не стал, говоря, что у них есть запрещение пить все то, что может пьянство произвести, и сам попросил кусок хлеба, [вместо] которого мы ему подали морских сухарей. Он один разломил, подал нам, говоря, что преломление хлеба и скушание его у них за клятву доброго согласия и союза почитается.

Мы, можно сказать, о всем что видели, были яко в изумлении. Мы думали, что человечество и учтивость в одной Европе пребывают, но нашли в таком народе, который казался быть отдален от всего обитаемого света, более прямого любомудрия, нежели вообразить себе могли. Однако между тем, как мы чинили такие размышления, сей бывший у нас офицер на корабль свой приехал, и мы узрили вскоре оба корабля, приближающиеся к нам и немалое число лодок, наполненных людьми, ехавших к нам. Сие паки нас в некоторое сомнение привело, которое, однако, вскоре кончилось, ибо первая лодка, которая пристала к нашему кораблю, была лодка начальника сих кораблей, который вшедши к нам на корабль, первое сказал нам приветствие, что не распростираясь в напрасных учтивствах на словах, лучше самым действом оказать свое благоволение, а как он чрез посланного прежде от него офицера уведал о худобе нашего корабля, то повелел немалому числу своих людей ехать на наш корабль, которые бы постарались скорее выливать воду, освободя тем и наших людей от столь тяжкой работы, которую они, конечно, толь немалое время претерпевают, и дать им приличное, по долговременному путешествию успокоение. И к тому же, чтобы и излишние вещи нам выгрузить на его корабли, дабы наш тем легче был. Он же ради унявшегося ветра повелит привязать наш корабль к его судам и буксировать в порт. Мы не могли иного учинить, как совершенным признанием приносить ему благодарности, и действие словам его последовало, но с такой точностью, что хотя и повелено было нашим офицерам смотреть за выливанием воды, но они токмо что смотрели, не имея нужды побуждать, ибо работа с таким усердием и тщанием производилась, что и наши, спасающие себя от потопления, более усердия

не показывали. Одним словом, мы нашли в последнем из них такие знаки человеколюбия и благоволения, что каждый из нас сему удивлялся и мы считали, [что как бы] не к незнаемой земле приближались, но к земле отечества нашего, и не неведомый народ зрим, но братий и родственников.

Между тем временем позван был начальник в каюту нашу, мы его подчивали сколько могли индейскими закусками и винами, и при отъезде его хотели его подарить часами и бриллиантовым большим перстнем, но он точно так же с ним поступил, как и прежде посланный от него, однако со всей учтивостью. Званы мы были им на его корабль.

Когда мы приехали на его корабль, то с удивлением увидели на оном пушки, которые были поставлены на верхнем деке и покрыты, дабы они невидимы были. Однако мы им были со всею возможною учтивостью и, можно сказать, родственнической лаской, приняты: он подчивал нас разными закусками и родом чая из разных трав сделанным. Тут в первый раз он спросил нас, какого мы народа и какая была причина нашего путешествия.

Мы, не отстав от обычая европейцев выхвалять силу и могущество своих государей перед народами, которых мы варварами считаем, с великолепными изъяснениями сказывали ему, что мы суть подданные короля французского, наисильнейшего и богатейшей страны государя в свете, что предки его еще учинили завоевание на брегах индийских, весьма отдаленных от его страны, учредили город Пондишери, где производится великая торговля и получаются великие богатства, откудова мы, возвращаясь во Францию, в сии места ужасной бурей были занесены.

На сие подумав несколько, начальник Офирский нам ответствовал: «Простите мне, что я с тою искренностию, которая составляет главнейшее умоначертание народа отечества моего, вам на все ваши слова скажу: мне кажется видеть [можно] некоторое противоречие в ваших словах. Вы называете государя своего властителем наибогатейшей страны в свете, но если то так, зачем же делать завоевания в отдаленных местах [от] своей державы, и посылать подвергаться подданных своих к толиким опасностям, чтоб новые богатства получить, когда земля его собой богата есть. По нашему мнению, все богатства суть относительны. И тако я не могу усомниться в речении вашем, что отечество ваше есть богато само собой. Но конечно оно

бедно в рассуждении разных нужд, коим оно подвергнуто, а без того бы и не было нужды ни дальние приобретения делать, ни толиким опасностям подвергать народ свой. Я не мог удержаться, чтоб не изрещи вам своих мыслей. Но прекратим о сем наш разговор, ибо каждая страна имеет свои обычаи, с коими она и должна остаться, если их полезнейшими находит. Но вы теперь у нас гости; хотите ли возвратиться на ваш корабль и на нем доехать в пристанище наше, или за лучшее рассудите остаться здесь на корабле, где менее для вас опасности есть, а более будете иметь спокойствия?» И как выбрали возвратиться на свой корабль, то им и были отпущены и он нас до самого бота провожал. Все сие происходило в течение 19 числа декабря месяца; и мы уже поздно поехали с корабля офирского начальника и, нашед уже наш корабль облегченный и людей офирских беспрестанно работающих для вылития воды, не видя никакой опасности, легли спать.

Однако все сие он делал с великою поспешностию, прося нас, чтобы дозволили ему смотреть наш корабль, дабы он мог начальнику своему о нашем состоянии донести. Мы не могли ему в сем отказать, и он, не спрося нас о нации нашей, ни о причине нашего путешествия, по осмотре корабля поспешал ехать с уверением, что мы вскоре увидим действие его обещаний в подаянии нам помощи. И как мы хотели его подарить несколькими блистательных цветов суквами и индейскими парчами, то он их не принял, говоря, что лучший дар и лучшее удовольствие, каковое мы могли сделать им, есть, что подали способ оказать им свое человеколюбие. И, сказав сие, поехал.

Глава III. Приезд писателя в Офирское пристанище, город Перегаб

Мы были тогда в самое то время года, когда в сих странах суть должайшие дни, а тому мало соснувши, когда мы в четвертом часу проснулись, то уже зрили себя входящих в единую великую реку и видели пред собой на обеих сторонах сию реку [и] построенный град с великолепными зданиями. Приметили мы однако, что многие из сих зданий были токмо одни развалины. Любопытство наше не могло довольно удовольствоваться воззрением на все и вопрошением находящихся на корабле нашем офицеров, и от них мы уведали, что страна, к которой мы приближались, имела общее наименование

Офирской империи, град и пристанище, в которое входим, назывался Перегаб, а река Пегия.

Между тем как мы делали наши вопросы, корабль наш достиг в пространную, соделанную руками человеческими, гавань, отверстие которой имело два укрепления, снабженные пушками, а в оной мы увидели немалое число парусных и гребных великих судов. Корабль наш был прикреплен к берегу, и вскоре приехал к нам один офицер звать нас на берег к тому самому начальнику, который был на тех судах, которые нас встретили. Мы немедленно поехали с судна нашего и нашли его стоящего на берегу. Он, по первых приветствиях, звал нас к себе обедать, и уже род карет, сделанных на подобие наших фурманов, однако с малыми стеклами, каждая запряженная двумя быками, стояли на берегу и мы, четыре человека офицеров корабля и я, поехали в дом его, который находился близ гавани.

Дом его был весьма посредственной величины и ничего великолепного не представлял. Встречены мы были на крыльце женой его, женщиной молодой и прекрасной собой, которая одета была в белом камлотовом платье, голова ее была повязана родом вязаной ленты пунсового цвета, и волосы ее черные, косами сплетенные, лежали по плечам ее. Она с великим обрадованием приняла своего супруга и уведав от него о нас, сделала нам многие учтивости. Мы были ею введены в комнаты, которые не имели никаких излишних украшений. Стены были подмазаны алебастром, столы и стулья из простого дерева, но удивило меня то, что я видел поставленных несколько малых зеркал. И тут пришли еще три человека морских офицеров, находящихся под его начальством, яко самые их мундиры белые показывали.

Через час по приезде званы мы были к столу. Он накрыт в одной большой комнате. Скатерть была простая, лежали тарелки, ножи, вилки и ложки, так как по-европейски, восседали на стульях. Сервиз был жестяной, и хотя все с великою чистотою, но и с великою простотою было. Кушанья было очень мало, ибо хотя нас было и десять человек за столом, но оно состояло в большой чаше похлебки, с курицей и с травами сваренной, в блюде говядине с земляными яблоками[165], блюде рыбы вареной, в жареной дичи, пирожном, сделанном с медом, молоке и яйцах. Пили мы в зеленых стеклянных больших сосудах воду, а потом мы подчиваны были разными напитками: пересиженной водой из сосновых шишек с медом, водой из черной смородины

и единым питьем густым, о котором мы уведали после, что оно было сделано из проса, на подобие нашего пива.

После стола вошли мы в прежнюю комнату. Там нашли мы землянику, клубнику, чернику и морошку, сот меда и патоку в горшках, с которой тамошние все сии ягоды ели.

Во время продолжения стола, приметил я в прекрасной нашей хозяйке великую скромность, и хотя я сидел возле нее, хотя она мне показывала внимание учтивства, однако мало спрашивала об обычаях нашей страны, а также, казалось, удивлялась, что я был уже в таких летах не женат, и что капитан наш оставил свою супругу.

Вскоре после стола начальник сей, наш хозяин, который был капитан корабельный и именовался *Ганго*, сказал нам, что завтрашний день мы должны предстать Адмиралтейскому правлению, и тогда мы получим повеление о починке нашего корабля, и определены нам будут квартиры, а между тем временем он предоставляет в квартиру свой дом, где хотя нам и тесно будет, но однако уповает, что мы спокойнее можем препроводить сутки, нежели на корабле. Мы его благодарили за его учтивство и он нас отвел в две комнаты, где мы нашли и постели.

На завтра в седьмом часу по нашим часам, хозяин наш пришел нас взять, чтобы вести в правление Адмиралтейства. Дом, где сие правительство имело свое присутствие, был старинный, но великолепной архитектуры и великой пространности. Он был возле самой единой крепости, обнесенной земляным валом, где все магазейны и работы адмиралтейские производились. Мы были с береговой стороны приведены к сему дому и, взошед на великолепную марморовую лестницу, были ведены разными покоями даже до места присутствия. Тут, при отворении нам дверей, введены мы были в присутственную комнату, где мы нашли поставленный позлащенный трон и обращенные кресла. Возле сих кресел на приступке трона другие — и возле них стул, на котором сидел единый не старый человек — не много одаль от стола. Сей был, как мы после уведали, поверенный главного начальника морских дел, или генерал-адмирала, ибо сей в правлении сем не всегда присутствует, но обретается в столице при императоре, а чрез поверенного своего получает известия о всем происходящем и предложения свои дает. Потом за столом, как после же нам сказали, сидели два миага, то есть адмирала, два мамиага, то есть вице-адмиралы, каласнар, или начальник морской артиллерии, калагир,

или строитель и снабдитель кораблей, казкола, или казначей и колатедер, или начальник тутошнего порта. Все они были в белом платье, имея разные знаки на грудях, изъявляющие их чины. Адмиралы, дабы употребить европейские именования, имели черной шерсти вышитый якорь с тремя в кругу сосновыми шишками, все в тройном кругу из красной шерсти и золота. Вице-адмиралы и другие [имели] такие же знаки, но токмо с двумя кругами. Начальник порта, иже был четвертого класса, как мы после узнали, имел такое же изображение и один круг простой, но поверенный генерал-адмирала имел на груди на кресте положенные два якоря без прибавления сосновых шишек и в одном красном кругу, и сие было нам истолковано, что понеже он был генерал-адмиральский поверенный, то токмо его знак и носит, без прибавления сосновых шишек, иже есть герб государственный; имеет же вкруг сего знака один круг в показание которого он класса по собственной своей службе.

Как скоро мы были введены, то все сии присутствующие, из коих многие уже были престарелых лет, встав, учтиво нам поклонились и на поставленные стулья повелели нам сесть. По кратких минутах начальник порта именем всего присутствия нам следующее говорил: «Правительство здешнее, получа вчерашний день донесение от начальника кораблей, который вас встретил в крайней опасности находящихся среди моря, определило для изъявления человеколюбия правления нашего и незнаемым нам народам, из всех государственных припасов и нашими работниками корабль ваш починить как можно наискорее и, снабдя вас всем нужным для дальнего путешествия, отпустить немедленно, дабы великие льды мореплавание ваше не учинили опасным. И препоручило сие исполнение мне, но как архитектура вашего корабля есть отличная от нашей, то вам токмо надлежит определить своих приставов, которые бы делали указания нашим работникам. Что же касается собственно до ваших особ и до всех подчиненных вам, то примите предложение нашего страннолриимствия, состоящего, чтобы жить вам в разных домах наших граждан, довольствуясь всем от них, и вы конечно найдете в оных всевозможное спокойствие и удовольствия, какие они приобрести вам могут».

Выслушав таковую речь, чрез меня, яко единого знающего санскритский язык, коим в сей земле говорили, мы все принесли наше благодарение. А тогда начальник порта, обратясь к г-ну Б., нашему капитану, говорил, что как ему препоручено иметь попечение о по-

чинке корабля, то имея частую нужду с ним объясняться, он и просит, чтобы он принял его предложение жить в его доме. Г-н Б. с благодарностью сие приемля, просил токмо, чтобы позволено было и мне, могущему служить переводчиком, с ним жить, на что также колатедер охотно согласился. А по сем мы были отпущены из сего присутствия и вышли вместе с прежним нашим хозяином и колатедером.

Тут в другой комнате все прочие офицеры были другими прошены жить в их домах, и мы просили дозволения заехать в дом нашего первого хозяина, принести ему благодарение за все его учтивости, и тако к нему поехали, с обещанием быть оттуда на пристанищи, дабы купно с колатедером учредить о немедленной починке корабля.

Приехавши мы в дом прежнего нашего хозяина, приносили ему и супруге его благодарение за все их оказанные к нам учтивства, и ими поручик наш г-н С. удержан был жить в их доме.

Оттудова мы пошли на пристанище, где уже начальник порта нас дожидался. Он вскоре с капитаном нашим распорядил все для починки нашего корабля и уже при нас зачали выгружать достальное из корабля, дабы его ввести [в док] для починки. Тогда прислан был к нам один офицер от первого адмирала звать нас к нему обедать и таковые, как прежде я помянул, были присланы колесницы, куда с колатедером и поехали.

Дом его стоял на едином рукаве реки Пеги, немалой пространности, но внутренность его совсем была проста и только чисто подмазана штукатурой. Приняты мы были им с великим учтивством и, по кратких разговорах, обращающихся о некоторых приключениях мореплавания и о корабельной военной и купеческой архитектуре, званы мы были к столу. Хотя повсюду видна была совершенная чистота, но нигде роскоши не было, сервиз его был глиняный, испещренный разными красками. Ели мы хороших мяс, но малое число и просто приправленных, вин, кроме разных вод и единого соделанного из проса, никаких других не было. За столом была весьма нехорошая музыка, составленная из рода круглых и прямых труб, из флейт многоствольных, каковы были древние, из рода барабанов и висячих со струнами треугольников, по коим, бив палочкой, играли. Но можно сказать лучшее украшение стола составляла его особа. Он был человек за семьдесят лет, но еще бодр и здоров, разговоры его были приятны, и он между важных дел искусно мешал дела веселые, приятно рассказывал случившиеся с ним вещи, и между прочим, что

он еще был в молодых летах, когда в едином походе для прикрытия ловителей китов, видел одно судно среди льдов, носящее такой точно флаг как наш. Что сие судно было так стеснено льдами, равно как и его, что хотя и в близости он находился, но помощь подать не мог и с сожалением видел его погибель. По сем полюбопытствовал знать, чего ради у нас так много флагов на кораблях. И как мы ему сказали, что сие было для учинения сигналов, то он весьма удивлялся, похвалял выдумку сию европейцев и просил, чтобы мы дали ему описание, как делать сии сигналы, с усмешкою сказав, что сие чаятельно не таинство государственное и что они не уповают никогда сие искусство в действо противу нас употребить.

В самое сие время вбежал офирский морской офицер, сказывая, что матросы наши на берегу завели драку и что они, вооружась смертоносными оружиями, поражают. Как сие было сказано вслух, то я тоже, взяв позволение у капитана, просил, чтобы мы были отпущены для унятия своих. На сие получа дозволение, я сказал капитану, и мы спешили к сей драке, и подлинно нашли, что уже наши с палашами и с топорами дерутся с офицерами, которые не толь стараются их поражать, как защищаться. Мы, хотя видели своих пьяных, однако с обнаженными шпагами, кидались в опаснейшие места и наглейших тщались унять. Но может статься, в буйственном состоянии наших матросов, мы бы в сем и не успели, если бы на сие время не поспешил офирский отряд, состоящий в тысяче человек, имеющий весьма длинные копья, который вскоре наших окружа и наклоняя концы, начал стесняться так, что ни через копья ни поражать, [ни] защищаться не могши, наши все бывшие в драке, в числе сорока человек, принуждены были кинуть оружие и сдаться пленными, к чему и мы их побуждали. Пленные сии были отведены в темницу, а мы спешили к адмиралу стараться наших извинить и испросить им пощаду, но уже никого в доме его не застали, ибо адмирал и все начальники адмиральские были на сей драке и оттуда прямо поехали в адмиралтейское присутствие, и вскоре нас настиг единый офицер, повелевающий нам туда идти.

По вшествии в присутственную горницу, мы нашли всех имеющих вид огорченный, которые с прискорбием нам говорили о бывшем приключении, объявляя, что единый из офицеров был убит. А как законы их всякое уголовное дело повелевают без всякого мешкания исследовать, то они, собравшись в тот самый час, уже определили судей.

Но понеже они имеют дело с чужестранными, то хотят, чтобы и мы присутствовали в сем суждении и чтобы мы дали по совести им знать, какие суть наши законы зачинщикам беспорядков, дабы офицерские с нашими согласся, учинить наказание виновным. Окончили они свою речь, благодаря нас за все старания, какие мы оказали, с опасностью себе, унять сей беспорядок.

Мы тотчас были введены в другую комнату, где уже судьи, часть в белых платьях — о коих я уже сказал, что то были мундиры морские — и часть в голубых, о коих мы после сведали, что то были судьи гражданские, нас ожидали. По вшествии в сию комнату, мы вместе с ними за стол были посажены, и немедленно словесно рапортовал морской офицер, представя свидетелей, что драка сия произошла от некоих вольных поступков единого матроса, которые он учинил в рассуждении жены одного мещанина из стекшихся видеть чужестранных, что сей мещанин, видя сию наглость, хотел отвести сего матроса, но тогда же получил удар с показанием более наглости, и как он хотел еще его оттолкнуть, то другие вступились и началась драка, в которых один из перегабских жителей был топором умерщвлен, и некоторые переранены. По сем были приведены связанные и скованные наши матросы, которых мы усмотрели быть пьяными, однако и от оных довольно уведали, что при выгрузке корабля они, нашедши горячие и другие вина, перепились пьяны. Мы, видя их в таком состоянии, просили, чтобы дали им срок до завтра, дабы сии весьма отягченные пьянством, могли порядочно ответствовать. Нам показалось, что судьи изъявляли свое удивление о сем их состоянии, и как я истолковал силу сих напитков, то они на требование наше согласились, с удивлением, однако, спрашивая, зачем мы имеем толь ядовитые вещи? Я ответствовал, что они не суть ядовиты и напротив, что много пользы приносят от умеренного их употребления, но излишество причиняет такой беспорядок. С терпением выслушав, единый старый муж ответствовал мне, что из всех моих слов он понимает, что со всею их полезностью, они не суть необходимы человеку, а по вреду происходящему, он никогда себе не представит, чтоб и единочасный, происходящий от них вред, не превосходил многих лет полезность, получаемую от сих напитков.

На завтра мы в шесть часов по утру опять собрались в ту же судебную палату. Виновные наши и свидетели были представлены пред судей, учинены им были допросы, а нашим я переводчиком был, и

хотя сие так долго продолжалось, что уже время обеду наступило, но мы не пошли домой обедать, а приготовлен нам всем был стол в самом том доме. После обеда потребовано было от нас, чтобы мы сказали, какие суть наши законы о подобных убийцах. Мы — истинно сказать — хотя сохранить наших людей, сказали, что таковые от нечаянно происшедшей ссоры учинившие убийство осуждаются на год в работу. А после сего единый из судей разогнул книгу законов, в которой читал следующие законы:

1) Каждый, умышленно учинивший смертоубивство да накажется смертью, и четвертая часть его имения да отдастся оставшимся после убитого.

2) Если кто неумышленно в какой драке, или другим случаем умертвит человека, и сие в первый раз, да осудится на три года в работу, и из имения его возьмется толико, колико сей убиенный мог бы прибытку дому своему принести в три года, но токмо чтоб сие не превосходило четвертой части имения убиенного.

Следует длинная роспись, за кого сколько платить:

За мещанина шесть фунтов чистого золота.

3) По прошествии года, приставы у таких осужденных в работу должны уведомить правительство, коликое кто показывает раскаяние в учиненном убийстве, и потому правительство может уменьшить время работы или совсем освободить.

4) Ежели учинится драка, между многими и многими, и в той однако убиец будет известен, учинить с ним то же наказание, а возмездие дому убиенного учинить с зачинщика драки и с убийцы — две трети, а третья треть — со всех бывших в сей драке.

5) Зачинщик драки, ежели он и убиец, должен быть осужден на пять лет в работу и прежде двух лет освобождение не получает. Платит же две трети в удовлетворение дома убиенного.

6) Ежели зачинщик драки не есть убиец — осуждается на два года в работу и прежде года свободы не получает; платит одну треть в удовлетворение виновного.

7) Ежели в слушании драки неизвестно будет, кто есть убиец, то зачинщик драки осуждается на два года в работу и прежде года свободы не получает, платит треть в удовлетворение дому убиенного, а прочее располагается на всех бывших в драке.

8) Из всех бывших в драке, хотя бы никто точно убийцем найден не был, по жребию, десятый человек осуждается на год в работу: про-

чие же на месяц и платят детально на начинщика драки по положению в удовлетворение дома убиенного.

По следствию же и нашлось, что хотя зачинщик сей драки и известен был, но не он учинил убийство и не найдено было кто точно убил офирского гражданина, почему зачинщик и осужден был на два года в работу. Из прочих же десятый человек на год в работу, а прочие на месяц, с платежом шести фунтов золота — почему и повелено было заключить определение.

Мы таковым повелением, яко громовым ударом были поражены, ибо сие отнимало у нас надежду возвратиться сей год в отечество наше. Я, иже по знанию моему санскритского языка всегда был употребляем чинить изъяснения, с общего согласия всех наших офицеров представлял судьям следующее: «Мы слышим ваше определение и справедливость оного оспаривать не можем, но случается, что и самая строгая справедливость несет с собой некоторый род жестокости, яко и есть сие определение, винные справедливо и милосердо, по законам вашим наказуются. Но вспомните, вы нас спасли от потопления, со всем возможным человеколюбием прияли в пристанище ваше. Мы были в самое время начала сей драки у ваших начальников. Приемлем самих вас в свидетели, что мы своей жизни не щадили для унятия сей драки, то будем лишением способа, обещанного вами — отнятием у нас лучших и искусных людей наказаны длинным опозданием возвратиться в отечество наше, и сего ради и просим о отменении сего определения, дабы тем исполнилось учиненное вами нам обещание».

Единый из старших судей с усмешкой, но однако с важным видом ответствовал нам: «Когда вы толь чувствуете странноприимственный поступок нашего народа, то мы имеем причину от вас надеяться, что вы и предадите судьбу свою и исполнение учиненного обещания нам, и уповая, что добросердечие офирского народа и доброта его законов не подаст вам причины жаловаться. Но да исполнятся законы положений, ибо если для вас учинимся неверны нашим законам, то какую можете веру к словам нашим иметь?»

Сим окончил он свою речь, и вскоре определение было готово, которое по прочтении всеми ими было подписано. Требовали они, чтобы и мы его подписали; и мы не смея раздражить судей, во власти коих находимся, также его подписали и уже за полночь вышли из собрания, дабы идти в свои квартиры. А судьи тут еще остались, и на

завтра велено нам было в седьмом часу по утру быть паки в сие присутствие.

Возвращаясь в нашу квартиру с начальником порта, мы показали наше удивление о толь долгом присутствии в судебной палате. И он нам на сие ответствовал, что сие есть узаконение их страны, что как скоро какое уголовное дело дойдет к суждению, которые весьма редко случаются, что судьи должны от утра до полночи не выходить из присутствия, разве остановка будет за справками или за сысканием свидетелей, или винных, и тогда, хотя бы в полночь сие случилось, немедленно судьи собираются и продолжают дело.

На завтра в седьмом часу мы паки приехали в судебную палату — нашли судей и всех наших взятых под стражу связанных. Признаться должно, что состояние их тронуло нас до слез, и как не останавливаясь введены мы были в судебную палату, то уже не нашли мы такой ласки, какую прежде видели. Но президент, сухо нам поклоняясь, повелел единому из предстоящих тут в синем платье офицеру, носящему на груди знак меча, ввести винных для наказания, говоря, что и нам должно туда же следовать.

Мы родом некоторой церемонии последовали виновным, которые были взведены на высокое для сего уготованное место. Прочтено было определение осуждения их. Принесен был сосуд для кинутия жребия десятому, коим по году быть в работе. Оный был кинут, и уже приступили стражи взять каждого отвести в места наказания их, когда вдруг раздался весь народ и мы узрили председателя с двумя судьями, приехавшими к сему месту. Все остановились и пленных наших, во ожидании нового повеления, не повели.

Председатель, прошедши мимо нас, повелел нам за собой следовать на возвышенное место и там, вынув бумагу, отдал читать секретарю, которая была следующая: (ибо нам тогда же копия была отдана).

«Лета 1704, возобновления Офирской империи, месяца четвертого долгоденного, 10-го числа, по случившейся драке между служителями корабля короля французского, называемого “Надежда”, который был спасен от потопления офирскими морскими стражами и гражданами города Перегаб, и по следствию, учиненному в самый тот день и на завтра нашлось, что Генрих Флер, матрос сего корабля, был зачинщик оной, а 39 человек других к нему пристали, и неизвестно кем убит до смерти единый гражданин офирский, именем Занигор, ремеслом хлебник.

22 числа месяца, в полночь, подписано было определение, по точным узаконениям Офирской империи, которые в том определении прописаны, учинить им наказание, а именно: зачинщику — отослать его на два года; из прочих от девяти десятого по жребию на год, а остальные на месяц в работу, и должны они заплатить в пользу дома убиенного шесть фунтов чистого золота: треть зачинщик и две трети прочие, ежели сие не превосходит четверти их имения. Сие определение во время третьей стражи перед народом было чинено и к исполнению приступлено, окроме взыскания удовлетворения. И как еще офирский закон повелевает не оскорблять пришельцев, а учинивших преступление высылать вон из земли, того ради сии осужденные от работы избавляются, ибо и без того по починке их корабля, они должны страну сию оставить. Но дабы они не приключили и еще какого беспорядка, отдать их в единый особливый дом под стражу и никуда не выпускать, разве потребует капитан их для нужд починки корабля, то и в сем случае отпускать их под стражей. Что же касается до платежа шести фунтов золота, в удовлетворение дома убиенного, то сие яко возмездие приватной семьи, упуститься не может и оное взыскать по точным словам прав, и расписку от получившего его сына, представить в суд.

Драка сия произошла, как сами офицеры объявили, от повреждения разума сих виновных, происшедшего от пития некоего их страны напитка. Достойны бы наказания были и офицеры, что, имея на корабле своем толь ядовитую вещь, ее не охраняли. Но как они, по всему видно, искренно объявили, что у них [нет] обычая блюсти сию вещь, но она у них свободна каждому пить, сколько кто хочет, и сказывают якобы здоровье приносила, да и самый их поступок изъявил в усердии их деяния драки, то в сем они не виноваты, но виден дурной обычай их страны, который и учинил оных соделать нечаянную такую неосторожность, а сего ради сие им прощается, а только повелевается, чтобы впредь, с великим тщанием, в бытность свою в сей стране, хранили сей вредный напиток, дабы и еще какого беспорядка не приключилось, в противном случае они, яко первая причина происшедшего зла, ответствовать будут».

Сим окончилось сие наказание и мы, принесши благодарение за оказанное милосердие, спешили поскорей все находившееся у нас вино отдать в магазейны офирские хранить, дабы за него и за пьянство не ответствовать. Подлежащее золото немедленно дому убиен-

ного заплатили и расписку, засвидетельствованную бывшим офицером при исполнении и нашим хозяином, отнесли в суд.

По сем отъехали мы в дом нашего хозяина, где с обыкновенной лаской и учтивством с нами поступано было.

После обеда прислан к нам был офицер в черном платье от генерал-губернатора, который чин у них называется яги-яг, звать нас к себе.

Мы, предводительствуемые хозяином нашим, капитаном над портом, к нему поехали. Дом его был среди города — пространное здание, но без всякого великолепия, также и внутренность его, имеющая множество комнат, никаких украшений, окроме белых стен и чистоты не представляла и единого портрета, на доске написанного, каковы и у всех в домах.

Сей яги-яг был человек уже весьма старых лет, но еще довольно бодр, имел на себе черное платье и золотую цепь на шее, на которой висела четвероугольная медаль с изображением трех сосновых шишек. Он принял нас посреди комнаты весьма учтиво, говоря, чтобы мы извинили его в том, что он сделал нам труд званием к себе, но в том он токмо изъявил уважение к чужестранным. Мы с своей стороны извинялись, что не могли прежде изъявить ему нашего почтения за известными, конечно, ему обстоятельствами. Он извинение наше благоприятно принял, звал нас в завтрашний день обедать и всегда тогда, когда мы можем иметь свободное время.

Так мы были от толь почтенного мужа приняты и были еще у многих начальников, о коих я уже не хочу входить в подробности, довольствуясь сказать, что ни единого дня не проходило, чтобы мы не были куда званы обедать. А утро и около вечера время офицеры наши корабельные употребляли для надзирания починки корабля, которая с крайним поспешанием офирскими жителями, под указанием наших офицеров, исполнялась. Я же, не зная кораблестроительной архитектуры, употреблял время обзирать град и все, что в нем находилось любопытного.

Глава IV. Описание града Перегаба, веры офирцев и некоторых обычаев и искусств

В самый тот день, как мы представлены были генерал-губернатору, вечером говорил я нашему хозяину, капитану над портом, что я бы

весьма желал видеть град и все, что в нем есть достойное любопытства. Он на сие мне сказал, что сие состоит в моей воле и что он охотно желал сам везде меня водить, но, быв обязан по должности своей делами, исполнить сего не может, а для сего даст мне одного офицера, хотя молодого человека, но весьма разумного, который потщится мне показать все достойное примечания в сем городе и дать мне некоторое просвещение, впрочем не отрекаясь, и сам по вечерам мне сделает изъяснения о сомнениях, какие я могу иметь.

Я самое утро завтрашнего сего дня употребил рассматривать многие заведения в сем граде. Видел тут учрежденную Академию наук, исполненную собранием великого числа натуральных вещей, слышал тут от находящихся профессоров, что главное установление сей Академии состоит — иметь попечение о изыскании полезных вещей для Офирской империи, яко способы разные травы переделывать в краски или в род льна, или пеньки и прочее; в сыскании как лучше сплавливать и очищать минералы, во изыскании разных машин, чтобы облегчить труд человеческий. Ученики разных состояний во множестве в разные классы стекаются, которым и словами и опытами показывают сии науки и самых неученых основаниям оных тщатся научить, отчего неудачи в мастерствах их происходят. Видел биржу, где продают разные товары и произведения рыбной ловли, ибо чужестранных купцов тут нет. Видел верфь, соделанную, как они называют, для купеческих кораблей, на самом же деле для кораблей, употребляемых для рыбной ловли. Веден потом был в литейный дом, где видел, как у них льются пушки, в чем никакой разности с европейскими в способе литься не нашел, но в препорции пушек, которые обще более имеют калиберы, длиннее и толстостеннее европейских, и еще нашел то примечательного, что мастер, получая за литье пушки, получает токмо за ту, которая совсем исправно вылита, где же хотя малая найдется неисправность, пушка переливается и мастер платежа не получает. Близ литейного дома находится арсенал небольшой, но хорошо отстроенный, и все в совершенном в нем порядке. По проходе из разных мест в другие, ко удивлению моему, видел я множество развалин и многие пустые места, которые показывали, что прежде сей город гораздо многонароднее и пространнее был. Не успел я тогда спросить о причине сего у моего вожатого, предоставляя требовать о сем изъяснении у капитана над портом, моего хозяина. А как уже час обеда наступал, то спешил я идти к генерал-губернатору, куда

я был зван, где уже нашел многочисленное собрание. Я был им весьма ласково принят. Он меня, посадя возле себя, о многих обстоятельствах нашей страны и тех мест, где я путешествовал, расспрашивал, и между тем временем пошли мы за стол, который был также простой, как и прочие, и кушанье было на толстых блюдах фаянсовых. Я также сидел возле генерал-губернатора, по левую сторону другим, уступя место нашему капитану, который сидел первым, а по правую сторону сидели чиновники Офирской земли, в том числе были и вышепомянутые адмиралы. Между разговоров упомянул я, что я сегодня имел любопытство смотреть достойные примечания вещи во граде. Генерал-губернатор тогда мне сказал, что о сем известен, ибо от самого приезду нашего он уже дал повеление, что если мы будем иметь сие любопытство, чтобы нас потщили б удовольствовать. «Но, — продолжал он, — я не буду вас спрашивать, что вы видели и как вам что показалось, ибо и учтивство чужестранного не позволит вам все, что вы нашли достойное охуления, сказать, да и не можете, не знавши обстоятельств, ни положения вещей, справедливо о сем судить. Но не могли вы, подъезжая к сему граду, и хотя сегодня полем, не приметить множества развалин, а сие и может подать вам, яко чужестранному, худые заключения о нашем правительстве учинить. И так я за должность себе считаю кратко рассказать вам историю сего града и думаю, что самые сии развалины привлекут ваше почтение к правительству нашему.

Земля сия не плодородная, покрытая прежде лесами, едва могущими расти, болотистая, уступок, можно сказать, моря, находилась во владении единого народа дысвы, который и ныне недалеко отсюда граничит с нами. Между древними нашими великими государями, был единый, именуемый Перега. Сей нашел государство свое непросвещенное и погруженное в варварство. Он первый учредил у нас порядочное правление, он учредил познание наук и военного искусства. Тогда еще мы [не] производили торговлю с разными народами. Хотел он [их в] оную страну свою привлечь, но не имел пристанищ. Сего ради начал войну с дысвами, [и] по многих переменах счастья, покорил многие их области и во время самой войны град сей во имя свое создал.

Невзирая на отдаление сего места от всех других частей его империи, на неплодоносность страны, на близость к врагам нашим и на трудность привоза всех вещей, оставя средоточное положение в

империи древней свой столицы града Квамо, учредил здесь свое жилище. Вельможи ему последовали, коммерция зачалась и вскоре сей град из болота, противу чаяния и *противу естества вещей*, возвеличился. Наследники его, также возлюбя сей град, украсили его огромными зданиями, берег крепким камнем обделали, протоки соделали порядочными и также камнем одели, завели училища, воздвигли здания, разные удивительной великолепности, создали увеселительные дома, болота осушили, леса вырубили и произвели, можно сказать, *превыше естества*. Вельможи, жившие при них, им подражали [и] истощали также свое имение. Многие тысячи народу погибли в сих работах и несчетные сокровища издержаны были. Но соделанного не возвратить, и сожалетельно бы было попирать плоды многих трудов, цену стольких жизней человеческих и многих сокровищей, хотя и самое содержание града, где учинялось усилие природе, многого стоило. Но тогда же примечены были следующие злы. 1) Государи наши, быв отдалены от средоточного положения своей империи, знание о внутренних обстоятельствах оной потеряли. 2) Хотя град Квамо и оставлен был, по древности его и положению, [сие] учиняло, что всегда стечение лучшей и знатнейшей части народа в оном было, а сии, не видев как род своих государей, любовь и повиновение к ним потеряли. 3) Вельможи, жившие при государях, быв отдалены от своих деревень, позабыли состояние земской жизни, а потому потеряли и познание, что может тягостно быть народу, и оный налогами стали угнетать. 4) Быв сами сосредоточены у двора, единый оный отечеством своим стали почитать, истребя из сердца своего все чувства об общем благе. 5) Отдаление же других стран чинило, что и вопль народный не доходил до сей столицы. 6) Древние примеры добродетели старобытных наших великих людей, купно с забвением тех мест, где они подвизались, из памяти вышли, не были уже побуждением и примером их потомков и 7) Близость к вражеским границам. От сего народ страдал, государство истощевалось, престол был поколеблен и многие по возмущениям оный похищали. Бунты были частые и достигло до той великой перемены, которым отечество наше было обновлено. Мне долго вам рассказывать о сем великом и счастливом переменении: превеликий наш государь Сабакола взошел на Офирский престол. Он, хотя видел все злы, которым есть причина сей град, но не хотя при первом случае огорчить знатную часть вельмож, имеющих дома и селения вокруг сего града, располагал попере-

менно свое житие: в сем граде и в древней столице Квамо, расстоянием отсюда в осьмидесяти лим*. Колико позволили его доходы и бережливость, покупал у вельможей дома, так что они не чувствительно лишались привязанности к сему граду. Разным чинам определил для житья дома из сих купленных. Дал многие преимущества тем заводам, которых работа дороже стоит, яко особливой доброте всякого вооружения, драгоценные ковры, служащие токмо к украшению и великолепию царских домов — или кому от императора в дар дадутся; делание фарфора и другой драгоценной глиняной посуды, тканье лучших штофов и шитье разных украшений и другим подобным, и раздал на исполнение не токмо многие купленные дома, но многие и из своих, как городских, так и загородных домов, и наконец умирая, в присутствии совета, наследнику своему дал немалую тетрадь, что, по мнению его, к направлению государства исполнить надлежит, в которой между прочим было написано». Тут он, встав сам из-за стола, вышел в другую комнату и, вошед с книгой, следующее прочел: «Между прочим по вышеписанным причинам ясно мною усмотрено, что пребывание офирских государей во граде Перегабе есть вредно всему государству, но жалея потерянных трудов и надивления, а паче имея нужду в сем граде для морского пристанища, не должно без призрения его покидать. А дабы от непребывания в оном императорского двора сей град не пришел совсем в упадок, я, уже скупя многие дома, учредил тут разные фабрики, дал преимущества купцам и мореходцам, учредил тут пребывание Адмиралтейской коллегии. Советую поступать на тех же правилах мало-помалу, посторонними способами от двора снабжать сей град. Когда не тягостно будет великому числу приватных людей, желательно чтобы казна облегчила и каждому тягость. Пребывание императорского двора совсем перенести в древний столичный град, оставляя токмо чрез три года на несколько месяцев государям посещать сей град».

Закрыв книгу, продолжал: «По сим заветам сего великого государя и поныне исполняется, в течение 1700 лет. И хотя подлинно многие заведения учинены, хотя довольно людей, привязанных к разным должностям и к купечеству, здесь во граде обитают, но все сие не может заменить пышность и великолепие сластолюбивого двора, а от сего и видно много развалин и пустых мест в сем граде. Но можно ска-

* Лим — мера долготы, вмещается их десять в градусе.

зать, что оный самый доказал, что каждая развалина была причиной многим великим зданиям внутри государства, и каждая пустота была причиной населения, плодородия и блаженства великих областей».

Я удивлялся красноречию сего почтенного мужа, и причина сия, распространяясь, подала повод к разговору о строении городов, и он с великою мудростью доказывал, что власть монарша не соделывает города, но физическое или политическое положение мест, или особливые обстоятельства. Либо, говорил он, где уже завелись великие селения и требующие окроме земского управления, управления гражданского, либо где есть мастерства и рукоделия, либо где есть торги или пристанища, сии места токмо требуют учреждения городами. Прилагая, что общим образом его мнение есть согласное и с самыми главностями узаконений земли Офирской, что [где] множество городов, там польза и вред государственный, ибо где есть стечение разного состояния людей, тут есть и большое повреждение нравов, и переименованные земледельцы в мещане, отставя от их главного промысла, развращаясь нравами, впадая в обманчивость и оставляя земледелие, более вреда, нежели пользы государству приносят. Не побудит, продолжал он, торговлю многое число названных мещанами и впадших в роскошь людей, но побудит ее сельская жизнь, воздержанность и трудолюбие, которые конечно несравнительно менее, невзирая на все учреждения, в городах находятся, нежели в деревнях. А токмо надлежит иметь города в таком расстоянии единый от другого, чтобы в два или три дня мог земледелец доехать для продания плодов его трудов. А ежели и в сем расстоянии совершенно удобных мест и нужных к составлению градов нет, то, учредя торги и ярмарки, довольное спокойствие жителям деревенским можно сделать, ибо коли бы часто таковые торги и ярмарки ни были, сие большого вреда не произведет, а паче будет способствовать ко внутреннему обращению торговли.

Таковые наши разговоры продолжались во все время стола, и после несколько времени. А после, откланявшись, я пошел с моим проводником паки смотреть разные заведения. Был в некоторых училищах, яко морском, математическом, Академии художеств и на фабриках: яко часовой, математических инструментов и других, где все нашел — исключая разности наших обычаев с офирскими — весьма хорошо устроено по размеру знания и просвещения их, яко народа, не имеющего искреннего сообщения ни с каким другим.

Хотя и все сие обозрение я в единое место вместил, но в самом деле я несколько дней употребил для того. В единый из сих дней, проходя великую одну улицу, среди соделанной небольшой площади, узрил я круглое здание, отличное своим великолепием от всех прочих, которые общим образом с великою простотою построены, и возле сего здания нашел я немалое число обоего пола народа, иных входящих, а других исходящих. Вопросил я провожатого моего о сем здании, и он мне ответствовал, что сие есть храм Божий. Любопытствовал я в него войти и спрашивал, позволяется ли сие чужестранным? Мой вопрос, казалось, удивил моего проводника, и он мне ответствовал: «Вышнее Естество, создавшее Вселенную, которому все должны поклонение свое приносить, не отщетит ни единого человека. Тайности же никакой в их молении нет, то для чего, если я имею любопытство, не войти в сей храм»? И мы немедленно в него вошли.

Я нашел в нем немалое число людей, ожидающих начала молитвы и тихо между собою разглагольствующих, а некоторые еще входили, другие же выходили. Сие еще побудило меня спросить о причине сего. Вожатый мой мне ответствовал, что ежедневно у них молитва начинается в начале четвертой утренней стражи*, что три раза молитва их начинается с перемежками, а потому выходящие суть те, которые уже моление свое принесли, а входящие те, которые еще пришли молиться. Услышали мы тогда глас трубный, и провожатый мой сказал, что сие есть возглашение для уведомления народа, что вскоре молитва начнется.

Во ожидании начатия молитвы осматривал я здание сего храма. Он был построен из дикого камня, имея в середке яко окружение столбами в два ряда поставленными, на коих утверждались купола. По середке, на возвышенном месте и на богатом пьедестале, стояло солнце, или лучше сказать, круг, имея середку серебряную, лучи же златые. На серебряном кругу голубой финифтью была изображена цифирная литера, знаменующая единакость, а кругом круга надпись: *превечный, всемогущий, всевидящий, правосудный, всеустрояй, всемилуяй, везде присутствуяй*. Солнце сие соделано на обе стороны, так что с обеих сторон окружающему народу слова сии видимы были.

---

*Офирцы начинают день свой с полуночи и считают не часами, а стражами, каждая в три часа, разделяя их на четыре утренних и на четыре после полуденных.

Наконец увидал я человека, в длинном белом платье, имеющего род нагрудника, на коем находилось выкованное такое же солнце, какое я выше описал. На голове у него была повязка голубого цвета, на коей были вышиты слова, о коих после узнал, что были самые те же, именование совершенств Божьих, о коих выше упомянул, что находились на поставленном на пьедестале солнце. Сей, вошед на возвышенное место, сказал: «*Вознесите мысли свои к Вышнему*». А потом, став на колени, с частым преклонением читал молитву, и все бывшие тут в глубоком молчании и с потупленными очами, также стоя на коленях и с преклонением на землю, приносили молитву в молчании. Молитва сия не долее двух минут продолжалась, когда встал священник, обратясь к народу сказал: «*Да услышана будет молитва ваша пред Господом*», и после сего начали расходиться. Вышли и мы из храма, но насилу мы отошли несколько сажень, как узрили единого человека, поспешающего к нам. Сей был единый из служителей священника, который послан был от него звать нас к себе обедать, извинялся, что сам он не пришел нас звать, ибо занят был ожиданием совершить третью молитву. Мы не могли отречься от его звания, а во ожидании обеденного часу, посещали еще некоторые полезные устроения. Весьма я хотел быть известен о вере и об обрядах оной и для того намерен был вопрошать о сем провожатого, но как уже позван был к священнику, то оставил мои вопросы, надеясь более от него сведения получить.

Нетерпеливость моя уведать что ни есть о сей вере была толь велика, что я часто понуждал моего провожатого идти в дом священника, и так как скоро он рассчел, что оный мог уже возвратиться в дом свой, повел меня к нему. Дом его был неподалеку от храма, посредственной величины, просто и чисто, по обыкновению офирскому, убран. Он встретил нас в первой комнате и благодарил за наше пришествие к нему по его зову, ввел в гостиную свою комнату, посадил нас на стульях и сам сел против нас. Сей был человек лет пятидесяти, росту взрачного и имел вид кроткий. Одежда его была так как на офицерах полиции и самого того же цвету, то есть синего, и имел тот же знак на груди своей с тою различностью, что наверху меча малое солнце было изображено с цифрой один. Сие первое и побудило мое любопытство спросить, что я вижу на нем платье и знак офицера полицейского? На сие он мне сказал, что он и есть, а как приметил паче во мне удивление, то сказал мне, что понеже, что

полиция у них есть для сохранения нравов, то из граждан и выбираются те, которых они достойнейшими и добродетельнейшими почитают, в главные надзиратели частей по три человека, которые тогда же определяются быть священниками единого Бога. Сие подало мне повод его спросить, разве никакие особливые науки не требуются для исполнения священнической должности? Тогда уже священник показал мне удивление, говоря: «И какой ей особливой быть? Не все ли по чудесам творение мы видим и ощущаем естество Божие, прочтение малого числа молитв не есть вещь трудная, которой бы, окроме знания читать, учиться было должно, а правила нравственные законами предписать». Я, извинясь ему о своем вопросе, яко человек, который судит по обычаям страны своего отечества, вопрошал его о вере их и о обрядах оной. На сие мне ответствовал священник: «Я весьма скоро могу ваше любопытство удовольствовать. Мы люди, а потому суть твари одаренные рассудком, и следственно взираем на небеса, устройство разных светил, их разные пути. Взирая на землю, плодородие ее, испытание, что ника[ка]я травка без семени не родится; взирая на животных и видя их одаренных разными способами приобретать себе жизнь, укрываться от гонящих их, сыскивать себе убежище во время зимы и безопасное место для сохранения детей своих, и все, в таком порядке и устройстве расположенное, показало нам, что сие конечно происходит от единой, всесильной и премудрой руки, а потому мы и заключили со справедливостью, что есть невидимое нами Всевышнее Естество, которое все создало, все устрояет и все содержит. Ибо естли бы были разные какие могущие чинить создания существа, то б не было в разных творениях такого согласия, и могла бы быть какая между ими распря, а сие бы и показывало их несовершенность, а потому и бессильны учинить такие создания. Следственно, не может быть, как токмо один началом всего. Не может Он быть не вечен, ибо если бы что могло Его разрушить, то бы Его сильнее было, а потому и не был бы Он всемогущен, яко является чрез творения свои, но яко все соделавший, следственно и всемогущ есть. Если бы какое познание было причастно сему Естеству, то бы мог многие учинить ошибки, чтобы весьма уже совершенство Его отнимало, а потому и есть всеведущий. Коль имеет такие совершенства и паче могущество, то правосудие ему должно быть неотдельно. Создавый все — единый. Кто же может кроме Его единого все устроить, чтобы всеведение Его с правосудием было согласно? А как собственное наше чувствие по-

казует нам, коль мы и все твари ежедневно ощущаем его милосердие, то и справедливо мы заключаем, что Он все милует, а всеведение его заставляет нас мнить, что Он везде присутствует, ибо везде сие видимо и везде сила и могущество его является.

Се есть основание нашего закона, мы кроме сего, единого Бога не имеем, какому иному не покланяемся и нравственные наши правила заимствуем от Его совершенств. Но как никто Бога не видал, то древние избрали наивеликолепнейшее Его творение, то есть солнце, коим изображают Божество, однако с начертанием Его совершенств, дабы не мог кто подумать, якобы мы истуканному или солнцу покланяемся. Поелику мы чувствуем Его благодеяния, благодарность наша обязует нас Его любить; поелику Он милосерд, мы должны являть милосердие всем, кому можем, и поелику Он правосуден, должны и мы быть правосудны.

Взирая на разные приключения жизни человеческой и быв убеждены в правосудии Божьем, считаем мы быть души человеческие бессмертны, считаем воздаяние за добрые дела и наказание за злые.

Жертв мы никаких не приносим, ибо лучшая жертва толь вышнему существу есть сердце чистое, а для сего каждый офирянин имеет должность, под опасением немалой пени, кто бы он ни был, придти единожды в неделю в храм Божий и Ему краткую молитву принести, а сего ради, соблюдая спокойствие каждого, и определено у нас каждый день три молитвы, а в день Божий* семь раз у нас чинится сия молитва, начиная от конца второй стражи, и в третью поутру четыре раза, да после полудни во вторую стражу трижды.

Молитвы наши весьма кратки, яко вы и сами видели, и их весьма немного, а именно: 1) ежедневные, 2) на рождение младенца, 3) на бракосочетание и 4) на погребение. А при возобновлении года, они более составляют знаки благодарности, и просьбы наши состоят токмо в том, чтобы Он нам помог быть достойными себя и исполнять Его волю, впрочем предаемся на Его милосердие.

Священные наши служители, как я уже сказал, избираются из тех во всякой части города (ибо каждая часть имеет свой храм), которых добродетельнейших изберут, в каждую часть по три человека, которые по очереди исправляют молитву во храме, наблюдают о правах гражданских, и о всем, что касается до тягостей народа. Прочие же

* Соответствует нашему воскресенью.

должности исправляются другими определенными офицерами; многие из них и другие места имеют, яко я имею честь быть начальником вышнего земского суда. Три священника еженедельно один раз собираются к старшему в дом, где рассуждают о всем, что до правов или до тягости народной касается, и мы тут все подвластны единому в каждом граде, который и обще главное начальство над полицией имеет. Но однако не может он ничего определить для тягости народной без собрания нас с каждой части по одному, а в важных вещах и всех, и тут мы не токмо такие вещи вновь устанавляем, но имеем и попечение о исполнении их, истребовав наперед согласие главного правительства, которое в Квамо. И наконец мы все подвластны единому главному священнику, то есть *цыгою,* который выбирается из всех священников с подтверждением императора, при коем для тягостей народных от всякой области находится единый для советов и для удержания его самовластия».

Я не мог не удивиться мудрости сей веры и мудрости установления, а для сего и просил его, дабы он мне позволил прочесть их молитвы, на что он охотно согласился, не токмо дать мне у себя в доме их прочесть, но и себе взять — и вынес мне маленькую книжицу.

Между тем временем стол был собран, мы пошли за стол, и истинно скажу, что хотя бы многое мое хождение сегодня, могло меня побудить к желанию насытиться, но я почти позабыл еду, расспрашивая моего хозяина о многом, как касающемся до веры их, так и до полицейских установлений и других. Причины наших разговоров были такие, что не могли их не длинными учинить, и многое в них было такое, которое и не заслуживает большого любопытства, а иное пространное впредь я опишу, когда буду говорить о их установлениях. Но вот что я нашел достойное любопытства. Вопрошал я его, чем их храмы содержатся? Он сказал на сие, что они большого содержания не требуют, окроме освещения на малое время во время зимы и случающейся починки. И на сие жители части города, где обретается тот храм, дают по изволению своему, полагая сие в поставленный ящик, который в каждую четверть года растворяется. Половина берется на содержание храма, а другая отдается в учрежденную богадельню, для увечных и неисцелимо больных. И всегда сей суммы толь много бывает, что лишнее остается. Я вопросил: есть ли караул у храмов, он сказал, что его нет, и не было никогда примера, чтобы храм обокраден был, хотя он и всегда растворен. Но однако, продолжал он, что не

бывало, то может случиться, то ради предупреждения преступления становится близко храмов полицейский караул для бдения о целости их. Вопрошал я его: какой он получает доход от храма? Усмехнувшись, он мне на сие отвечал: что весь его доход состоит в чести пред народом приносить мольбы Вышнему, и что сия есть должность каждого человека, то какому и доходу за сие быть? Что же касается должности моей по полиции, то также и она мне дохода не дает, ибо: первое, она весьма не трудна, а второе, она есть такая, которая защищает жителей от всякого притеснения, то и в сем случае одной довольно чести. Вопрошал я его о браках, в каком родстве позволены они, и нет ли у них многожения или наложниц? Священник мне на сие ответствовал, что браки у них не есть дело, касающееся до веры, но до гражданских законов, а благословение, чинимое бракам в храме, есть токмо дабы оные учинить тверже и непоколебимее. Родство же в браках запрещается: отцу на дочери, сыну на матери, племяннику на тетке и брату на сестре — от одного ли они отца и матери, или одного отца, или одной матери. И сие все основано на почтении, каковым должны дети к родителям своим и к дядям и теткам, также на единокровии и на пребывании в едином доме, отчего позволение братьям жениться на сестрах своих многий бы разврат в нравах произвело. Многожения не токмо у них нет, но и наикрепко запрещено, ибо было бы оно противно размножению рода человеческого, яко отнимающее у бедных жен, чтобы присвоить к богатым. А наложниц они и не знают. И ежели бы кто случился найден [и] имеет явно наложницу, то презрением от всех наказан будет и храм Божий ему затворится, яко такому человеку, который нарушил данное обещание во храме его. Вопросил я, сколько раз можно человеку вступать в брак? На сие мне ответствовал: колико раз безженство его ему позволит. Но вдовый не инако может вступить в брак, как по прошествии года кончины его супруги, то же и жена. И имеющий детей должен при трех человеках родственников своих, прежде вступления в другой брак, определить состояние первого брака своим детям, дав не менее трети своего имения, дабы они от мачехи и от рожденных после не претерпели. Вопрошал я, есть ли у них разводы? Ответствовал: конечно есть, да и не быть не можно ради спокойствия домов. И хотя, продолжал он, каждый не спросясь никого, может с супругой своей развестись, но как скоро учинится, то главные начальники частей, уведав, дают о сем знать главному над полицией городской,

и тех частей главные начальники, иже есть и священники, где оные жительство имеют, с градским начальником благочиния, иже есть и первосвященник того города, призывают мужа и жену, вопрошают их о причине развода и увещевают, оставя злобу их, паки в единое сожитие сойтиться. Если же увещания не послужат, то рассматриваются дела, и, обвиня виноватого, доносят о сем в главный трибунал благочестия, где присутствует великий первосвященник всего государства, от всякой области присланные от благочиния священники и другие добродетельнейшие особы, где по рассмотрении сего дела обыкновенно определяется следующее: виноватый из них, ежели то муж, если он имеет какие чины или должности, оных лишается. Имение, кто бы виноват ни был, отнимается из владения его и отдается опекунам, которые должны его содержать, и наконец отнимается власть над служителями чинить им всякое телесное наказание без воли опекунов. Запрещается ему быть ни в каких государственных и приватных собраниях, яко по случаю супружеств, рождения младенца или погребения бываемых. Ибо, продолжал он, офирские законы почитают, что тот, кто не мог и в супружественном состоянии спокойно прожить с тою особою, которой на век обязался, не может ни хороший правитель быть государства, ни добрый хозяин дома, и страшатся, чтобы пребывание их в собраниях приватных худым примером не воздействовало на нравы других; и подобное же чинится, ежели жена найдется виновата.

Окончив таким образом мои вопросы о том, что мне казалось принадлежать до веры, я просил у него позволения сделать некоторые вопросы касательно до полиции или благочестия, и как по испрошении оного учинил ему разные вопросы, то он мне на все следующим образом отвечал: «У нас благочиние и полиция разделяется на двое, хотя вообще между собою суть связаны; и первое составляет первую степень оной, а вторая — вторую. Я уже вам несколько изъяснил по причине разводов о должности благочиния; а сверх того каждый публичный любодей и любодеица наказуются запрещением входить в храмы Божьи, сообщается о сем в вышнее правительство, и они имеющие должности теряют и пока пребывают не покаявшись — их никуда не определяют, и дети их отнимаются от воспитания, дабы они худым своим примером не повредили их нравы». Пресек я его речь вскричанием: коль сие есть строгое установление! С умереннейшим видом ответствовал мне священник: «Если вы размыслите, оно

ни мало вам строго не покажется. Я сказал вам, что токмо публичные любодеицы сим наказуются, следственно предписаны им такие наказания за приключаемый ими соблазн. Не может правительство наказывать тайные поступки, но неприлично же, чтобы благоучрежденное правительство терпело распутность нравов и соблазн. Делай что хочешь в тайне, ему в том наказания нет, но не приключай соблазна, ибо лутчая сила и лутчее блаженство государства основано есть на добрых нравах. Увы! Древнии истории наши повествуют нам, что было и у нас такое повреждение нравов, что почтенные старики, имея важные препоручения тогда, как уже природное побуждение в них исчезло — еще роскошь в них осталась — публично содержали распутных женщин; они собеседовали им в собраниях; дети их едва ли от них рожденные получали благородство; женщины престарелые, платя деньги, явно молодых любовников имели. Чрез пример таких людей стыд отовсюду был изгнан, нравы повредились, произошло во всех чинах и состояниях расстройка; государство было при краю падения своего, ежели бы счастливое пременение не обновило Офирскую империю». Я принужден был на сие согласиться. И он последовал: «Богохульники у нас наказуются, яко безумные; ибо кто не чувствует естества Божия по видимым ему тварям, тот инако как безумным не счесться не может. А для того лишается он всех должностей, имение его и он сам отдается под опеку, и дети от воспитания его отъемлются, предоставляя сродникам излечить его болезнь. Но ежели таковой безумный будет, ходя повсюду, хулы на Бога возлагать, то дабы не нашел он каких слабых людей, как бы могли им заражены быть, то дом его определяется ему темницею с запрещением никуда не выходить, дондеже исправится и принесет публичное признание в безумии своем.

Каждый разврат нравов, яко явное непочтение к родителям своим, сварливость, жестокие поступки с подданными своими, мотовство, излишняя роскошь унимается благочинными, возлагая на них токмо такое наказание, которое бы отняло у них способы недобрые поступки, вредные им самим и обществу, производить.

Сии суть возложенные дела на главных частных начальников полиции, которые особливо *санкреи* (благочинные) называются. Протчие должности полициии состоят в следующих частях: 1) попечение о здоровье жителей, 2) о их безопасности, 3) о спокойствии и 4) о освещении.

1) Попечение о здоровье состоит в следующем: в каждой части находится один пристав, который наблюдает, чтобы все продаваемые вещи для жизни человеческой были продаваны не испорченными и здоровыми, и ежели что усмотрится им, то печатает то место, где сия продажа происходит и уведомляет о сем главного начальника полиции, который в самый тот час посылает с ним двух офицеров, двух лекарей и двух уже выбранных для сего мещан, и сии должны осмотреть доброту вещей, и чтобы — не менее пяти из семи — учинили засвидетельствование о худобе их, то они немедленно истребляются. Если же мнения учинятся несогласны, то вещи сии приносятся пред большой трибунал о здравии народном учрежденный, где присутствует главный правитель того города полиции, четыре искусных лекаря и выбранные от граждан каждой степени по два человека, и тут сие дело решится с наложением еще малой пени на того, кто таковые вещи продавал, и с означением его имени в списках, дабы впредь за ним прилежнее наблюдать.

Может, хотя бы и все были согласны из первых осмотрщиков на истребление сих вещей, хозяин оных требует суда Большого трибунала, представя вещи пред него, а тогда ежели найдется виновен, не токмо вещи истребляются, и он положит двойную пеню, но также и сам на неделю заключается в темницу, и сии самые поврежденные вещи даются ему в пропитание; ибо кто хотел вредить другим, да повредится сам первый теми самыми вещами. Но ежели напротив того, осмотрщики найдутся виноваты, то лишаются своих мест, и возлагается на них пеня. Все сие однако должно быть исполнено не более как в течение четырех стражей. Что же лишнее время пройдет, то полиция, смотря по качеству вещей, яко сие описано в законах, платит сужденному человеку за каждую излишнюю стражу по сему делу.

Тот же частный пристав для здоровья с лекарем должен ежедневно осмотреть всю свою часть, и хоть никто не принужден взять такого или такого лекаря, но лечится от кого хочет, но частный должен каждого больного видеть и Главному трибуналу учинить донесение. Если же найдутся какие заразительные болезни, то трибунал посылает другой осмотр и берет уже нужные осторожности.

Понеже воздух и вода суть главные вещи для жизни человеческой, то тот же частный пристав имеет попечение, дабы, как на улицах, так и в домах была чистота и ничего такого не было, что может воздух заражать, имея для сего работников, которым повелевает все очищать;

также наблюдает, чтобы в реку никакой нечистоты не кидали и чтобы кладези были чисты. Позволяется ему, ежели случится встретиться с бочкою, едущей за водой или везомой с водою, ее осмотреть и если найдет в ней дурной запах, велеть ее вычистить самому тому, кто ее везет.

2) Для безопасности жителей соделаны у нас следующие учреждения: грады наши разделены на части по числу жителей, части же на число покоев неравным образом, смотря по домам великих и богатых господ, дома которых, род жизни и благопристойность требует, чтобы имели лишние и пустые покои по десяти в жребии, а такие дома, где и когда и много в одном покое живут, те по двадцать в жребии. Всякий жребий должен иметь денного и ночного сторожа перед воротами своими... Каждый полдень единый офицер в каждой части собирает известия и списки поименные, кто именно и на какой страже будет, кои и должны ответствовать за безопасность улиц. Они вооружены гораздо долгими палками с маленьким копьецом и с крюком, имея повышенные два или три колокольчика. И если случится, что должно ему унять какой беспорядок, о чем каждому точное наставление дано, или кого изловить, то может он зацепить его крюком, а самое движение произведет бренчание. Тогда все ближние, не только действительно находящиеся на страже, но и те, которые токмо вписаны в стражевые в сей день, должны бежать ему помогать. Сверх сего находится на концах каждой улицы караул, составленный из военных людей в числе четырех человек. В построенной караульне, каковые вы видели, которые также способствуют унятию каждого беспорядка, и они имеют пред собою поставленный тулумбас, по которому ударяют разными образы по разным случаям. Сии караульные содержатся половина от короны, а другая на иждивении жителей. Еженедельно выбирают в каждой улице по четыре человека из жителей, которые каждый должен по два раза везде пройти для осмотрения стражи, а коронный уличный офицер обходит два раза.

В случае пожару, окроме что каждая часть имеет особливый дом, где хранятся разные орудия, удобные к отнятию пожара, а люди умеющие ими действовать при них жительство имеют; оставя токмо по единому стражу у каждых ворот и на концах улицы караулы, все должны с предписанными орудиями явиться к пожарному офицеру. Также не токмо все другие коронные офицеры, но также и *санкреи* (окроме единого из каждой части очередного для службы Божьей на тот день) все сии приемлют от пожарного офицера или от начальника благо-

чиния и полиции некоторое число людей для старания унять запаление. И главная в сем состоит должность от пожарных офицеров, которые в сем случае, яко более искусные в сем люди, должны тщание свое употреблять, и по окончании каждого пожара все благочинные и полицейские офицеры, кроме пожарных, собираются к главному начальнику города, объявляют, какие кто видел знаки усердия в пожарных офицерах и служителях, то за сие иногда почетные, а иногда и денежные даются награждения; усмотренные же нерачивыми три раза — исключаются от их должности.

Я едва не позабыл вам изъяснить, каким образом в великих наших градах чинятся знаки о пожаре. Первое, как усмотрится пожар уличными стражами, то зачинают особливым образом бить в кимвал полицейский той части. Дом, где лежат пожарные орудия, немедленно тому же соответствует и на спицах поднимается, ежели то днем, флаг, а ежели то ночью, определенное число фонарей. Тогда на сей великой башне со шпицом (указуя и на единую высокую башню) немедленно такой же знак поднимается с выстрелением положенного числа пушек. Тогда уже и во всех домах, принадлежащих к полиции, бьют четверть часа в кимвалы, и знаки поднимаются, и отвсюду уже в известное место спешат определенные люди, расписанные по частям, которые для помощи которой части назначены для унятия пожара.

3) В спокойствии жителей разумеем мы, чтобы мостовые были исправны, чтобы не было грязи и чтобы поборами на содержание полиции и постоями не были отягчены, а сие следующим образом исполняется:

Улицы мостить и чинить предоставлено каждому хозяину дома перед своим двором, а токмо частные приставы ежедневно осматривают оные, и хотя где мало повреждений найдется, то велят исправлять, ибо никому не трудно камень или два положить для починки, хотя бы то и каждый день было, или свезти воз грязи; а когда худоба умножится или грязь накопится, то сие может трудность и убыток сделать. Однако из сего исключается после зимы бываемое чищение, которое полиция или обретающимися под наказанием людьми, или наймом вычищает, не касаясь до жителей. Касательно же до поборов на содержание полиции и до постоев, колико ни есть введен обычай у нас страннолриимства и многие охотно гостей принимают, к тому же винные люди у нас имеют свои дома, но случается, что переходя в городах стоят, и бывает, что не все странноприимство обретают,

то должно их, или для сего, или для удобности стояния расписывать по домам. А как и сие есть тягость, то от каждой части ежемесячно санкрии вместе с главным полиции собираются и расписывают дома, если нужда случится для постоев, не обходя ни единого гражданина, а каждые три месяца расписывают сборы на содержание полиции.

4) Долгота и темнота ночей в нашей стране, а от сего везде ночное бывает беспокойство и самая опасность чинит, что есть твердое узаконение, чтобы через десять «лисов»* был поставлен и содержан жителями, каждым противу своего дома, фонарь с освещением, и офицеры полицейские токмо о сем смотрение имеют, ходя с вечера с рогом, и давая оным знак, чтоб зажигали и чрез каждую стражу, чтобы подновляли масло.

Сверх сего строение домов, в силу учиненных предписаний, для спокойствия города и для безопасности, зависит от полиции; а делание печей, — яко наиболее подающих причин к пожарам, ни один гражданин не может делать или починивать печи или трубы без надзирания определенного в каждой части печника, которому от граждан и малая плата с числа печей производится. А более уже он брать под опасением вечной работы ничего не может; к тому же, ежели его неосмотрением сделается печь или труба так дурно, что сие подаст причину к запалению, то сей печник за сие наказуется определением в вечную тягостную работу. Они же получают и сбор, положенный с печей, и содержат трубочистов, которые должны в предписанное время вычистить трубы, так что, платя малое, каждый гражданин с каждой печи, уже не имеет нужды печися о сей важной должности полицейской, что воистину некоторые малостью починивают, в самом же деле от сего и сам приватный человек может разориться и другим разорение приключить. Еще же пожарный полицейский офицер имеет должность наблюдать, чтобы во время летнее на крышке каждого строения, смотря по пространности оного, был один или многие чаны всегда полны воды, и при каждом бы фонаре, или колодезь, или по крайней мере стоял чан с водою.

В сем, государь мой — последовал он — состоит все, что я могу кратко об учреждениях нашей полиции сказать, ибо конечно не все вам изъяснил, потому что сия часть требует великих подробностей,

* Лис содержит в себе десять футов французских, и так десять лисов составит 16 сажень с половиною французских.

которая у нас и есть, а дабы и более иметь на все подробные узаконения, то, что кем найдется недостаточно, то представляется сперва в общее того города полицейское собрание, и оно требует узаконения от законодательного трибунала».

Сия речь его толь долго продолжалась, что мы несколько более просидели за столом, нежели надлежало, и так, встав из-за стола, не долго побыв, все бывшие тут гости разошлись, ибо сие есть обычай в земле Офирской, чтобы после обеда долго хозяина не беспокоить, но дать ему время для отдохновения.

Глава V. Перевод молитв офирских

Возвратясь домой я спешил прочесть малую книжку, данную мне, молитв, которые приносят Богу в земле Офирской. Краткость их и содержание, есть таковое, что никак их сократить не можно, а для сего я и предлагаю им точный перевод с санскритского языка.

Книга до веры принадлежащих обрядов и молитв Единому Всевышнему Офирского народа

Когда родится младенец мужеска ли, или женска пола, он да несется в храм Всевышнего, как угодно его родителям, но не позже девятого дня. Там его санкрей приемлет от рук родительских и, приподняв горе, говорит следующую молитву:

«Боже единый, превечный, всемогущий, всеведущий, правосудный, всеустрояй, всемилуяй, везде присутствуяй! Создавай все мудростью и силою своею, и из всех тварей живущих благороднейшую тварь человека, яко да познает Тебя по делам рук Твоих, да взирая на них, восхвалит Тя, и, чувствуя Твои благодеяния, принесет Тебе свою благодарность. Понимая же и правосудие Твое, да устрашится оного. Се вновь, по поставленным Тобою природе законам, рожденная Твоя тварь, начинающая взирать на всемогущие дела Твои и ощущать милосердие Твое, предчувственные знаки величества Твоего, от земного долу, пред Тебя, яко повсюду присутствующему, приносится, да покрыем ее Твоею благодатью, да устроим о нем яко же изволиши и да обратишь очи, чувства и душу его на познание, хваление и благоугождение Тебе, всех сущих Владыке».

По сем, нарекая имя младенцу, отдает родителям или принесшим его во храм.

Обряд бракосочетания

Родители или родственники, не менее с каждой стороны трех, приводят жениха и невесту, и поставляют жениха на правую сторону, а невесту, покровенную покрывалом, на левую сторону, одаль от возвышения и символа Божия.

Священник, сшед с возвышенного места и став посреди их, глаголет следующую молитву:

«Боже единый, превечный, всемогущий, всеведущий, правосудный, всеустрояй, всемилуяй, везде присутствуяй! Се предстает в доле земном, пред горний престол Твой, чета, различенных Тобою при сотворении, полов для сочетания их навеки. Просвети их разум и душу, да возмогут взаимственно вечную клятву о любви и сожитии взаимственно друг другу учинить».

Потом глаголет к жениху: «охотой ли, из любви и для всегдашнего сожития поемлешь сию деву?»

Жених ответствует: «во истину охотой, из любви и для всегдашнего сожития с нею, ее поемлю».

Обратясь к невесте, священник вопрошает: «охотно ли, из любви и для всегдашнего сожития вступаешь в брак с сим юношей или мужем?»

Невеста ответствует: «воистину охотою, из любви и для всегдашнего сожития вступаю в брак с сим юношей или мужем».

Тогда священник снимает с нее покрывало, ведет их обоих к возвышенному месту, пред символ Божества и, поставляя их на колени, глаголет: «Когда такое есть ваше согласие учинить клятву пред Всевышним и мстителем всякие неправды Богом, иже зрит внутренность сердец ваших, и от коего правосудия и всемогущества ничто укрыться не может» и продолжает:

«Мы, представшие юноша или муж (имярек) и дева или жена (имярекина) клянемся пред Богом, единым, превечным, всемогущим, всеведущим, правосудным всеустрояющим, всемилующим, везде присутствующим что, вступая в брак между собою, друг другу взаимственно обещаем любовь, верность, снисхождение, общее о всем попечение, что души и тела и имения наши соединяем на веки, да ни скорбь, ни болезнь, ниже какие другие несчастья нас не разделят. И просим Всевышнего, да поможет нам (тут да преклонятся) исполнить сие, пред горним его престолом учиненное, наше взаимственное обещание».

По сем священник их поднимает и, положа их руку в руку, говорит следующую молитву:

«Боже, единый, превечный, всемогущий, всеведущий, правосудный, всеустрояющий, всемилующий, везде присутствующий, приими сию клятву от сей четы и благостью своею даждь им силу и мочь исполнити ее, и благослови их Твоей щедротой, да в благодарности они и потомство их восхвалят Тебя Всевышнего и учини с ними по неизмеримым щедротам Твоим яко же весть».

А по сем сам священник, новобрачные и все присутствующее покланяются на землю пред символом Божества, и, восстав, священник говорит:

«Да исполнится клятва их и молитва наша».

По сем записывает священник день, имена и состояние людей венчающихся, а бывшие тут не менее трех человек под сею запискою подписываются.

Обряд молитвы при погребении

Когда кто умрет, то по измыении тела его, и одев его, положа в гроб, несут ко храму, но не прежде исхода второго дня. По принесении пред двери храма, выходит священник и, отверзив двери, глаголет с коленопреклонением следующую молитву, во время которой все присутствующие, поклонясь, на земле должны лежать:

«Боже единый, превечный, всемогущий, всеведущий, правосудный, всеустрояй, всемилуяй, везде присутствуяй. Се пред двери тленного храма Твоего приносится труп твари Твоей, которую Ты понятием и смыслом пред прочими одарил, яко да познает по творениям Твоим величество Твое и восхвалит Тя. Толь изящное дарование ясно показует нам, что не на краткое время и не на единую суету сея жизни создал Ты такую тварь, а правосудие Твое и более нам доказует, что предоставил еси бессмертной души человеческой воздаяние за благие дела и наказание за злые. Приими душу и сего (или сей) умершего и сотвори с ней по неизмеримой милости Твоей, ибо кто есть человек, который бы мог достойно прославить имя Твое и возблагодарить за все благодеяния Твои».

По сем священник и все присутствующие восстают, и священник, обратясь к присутствующим, глаголет: «да исполнится пред благим Богом молитва наша».

Обряд молитвы при возобновлении года

С полуночи начинается сия молитва и отправляется в первую, во вторую и третью стражи утренней, в каждую по дважды, и в послеполденную первую стражу единожды.

По дании знака обновления года, чрез трубы, кимвалы, священник, пообождав мало, дабы дать время собраться народу, выходит и, став на возвышенном месте, у самого символа Божества, стоя на коленях и с преклонением на землю, говорит следующую молитву, с обыкновенным началом: «вознесите мысли ваши к Вышнему».

«Боже единый, превечный, всемогущий, всеведущий, правосудный, всеустрояй, всемилуяй, везде присутствуяй. Неизсчетны суть Твои благости и щедроты. Твоею сильною и милосердою рукою устроена сия вселенная, Твоею силою обращаются в небеси лученосные тела, приводящие светлость и темноту, зной и хлад. Се по превечным законам, уставленным премудростью Твоею, зрим бывшее в отдалении от нас дневное светило, коего лученосное блистание Тебя изображает, елико тварь может его изображать, паки возвратится к нам и купно с продолжением дней произвести теплоту, благорастворение воздуха, произращение от земли. Благодарим Тебя, всесильный и милосердый Боже, яко сподобил нас прейти под защищением милости Твоей прошедший год.

Сподоби, Боже единый, превечный, всемогущий, всеведущий, правосудный, всеустрояй, всемилуяй, везде присутствуяй, да и наступивший сей год в угодности Тебе и под защищением всесильные, купно и милосердые Твоей десницы, препроводим; устрой о нас яко же веси по милосердию Твоему».

Восстав, отпускает собрание обыкновенным возгласом: «да услышана будет молитва наша пред Господом».

Обряд ежедневной молитвы

По изречении обыкновенного начала: «вознесите мысли ваши к Вышнему»:

«Боже единый, превечный, веемогущий, всеведущий, правосудный, всеустрояй, везде присутствуяй. Сотворивый день и денные светила для освещения нашего во время трудов наших, нощь для успокоения нашего, укрепивый небо звездами, освещающими нас во время самой темноты, землю и растения на ней, питающие нас, разные скоты и жи-

вотные для разных польз и стихии, способствующие жизни, как животным, так и не животным тварям, и наконец человека, с довольным просвещением и понятием, дабы по чудным делам Твоим познавал Тебя всемогущего и милосердого Бога, чтоб прославлял и благодарил Тебя, чтоб полагал всю свою надежду на Твои щедроты и страшился правосудия Твоего. К [подножию] высоконепостижимого Твоего престола мы — деяние рук Твоих — прибегаем, благодарим Тебя, яко Тобою, созданы, Тобою одушевлены, Тобою научены, Тобою пищу и одеяние получаем. В милостях Твоих зрим свое блаженство, в гневе же Твоем настоящую и вечную гибель. Обрати наши души и сердца, да достойно возможем призывать величество Твое, хвалить и благословлять Твое всемогущество, и устрой о нас яко веси по благости Твоей».

Сию молитву священник говорит, стоя на коленях с преклонением до земли, и то же все присутствующие чинят.

А потом восстав, изрекает обыкновенные отпустительные словеса: «Да услышана будет молитва наша пред Господом».

Глава VI. Разговор писателя с санкреем

Я, самый тот день, как получил книжицу, употребил всю ночь для прочтения и переведения ее на французский язык, а писал втрое. Около десятого часу пошел ее возвратить давшему мне санкрею. Тем наипаче спешил я сие сделать, что любопытство мое требовало иметь некоторые изъяснения.

По приходе моем к нему я с обыкновенным благоволением офирскому народу был принят, и, вручив ему с благодарением книгу, просил его о дозволении потребовать некоторые изъяснения на мои сомнения, и как он мне сие дозволил, то первый мой вопрос состоял:

«Я примечаю, что вся ваша вера основана на одном видимом величестве деяний Божьих, то желал я знать, от кого вы ее получили?»

Ответствовал он мне на сие: «Вопрос ваш меня удивляет тем, что вы мне его делаете и такой, в котором и ответ на него замыкается. Вы говорите, что вера наша основана на одном видимом величестве деяний Божьих, следственно сии самые деяния, видимые в его творениях и показуют нам Естество Божье, и Его величество, а чувствуемое нами изливаемое его милосердие показует нам щедроты его, и я не знаю, можно ли яснее быть сей проповеди, и какой благоразумный человек не будет чувствителен и внятелен к оной».

Говорил я: «Признаюсь в справедливости вашего предложения, что каждый благоразумный человек должен воззрением на твари познать, что есть вышнее Естество, но желал бы я знать, кто был первый в вашем народе, который мог разумом своим до сей высокой истины достигнуть и потомству ее преложить в закон».

Ответствовал санкрей: «О сем мы никакого сведения не имеем, и покрыто все сие темнотой времен. Но справедливо есть думать, что первые жители земли, взирая на творение и на устройство природы и на самих животных, коих видя, ни единого самого малейшего могущего самому собою произвестись, то и заключили чрез сие, что все, еже мы зрим, и сами мы суть творение рук Всевышнего Естества, и с чего о всемогуществе Его и о протчем заключили, и сие свое учение предали потомству, которое яко истина очевидна, всеми зримая, не имела нужды в подтверждении и до ныне у нас пребывает. Я не могу оспорить, что может быть первые сотворенные Богом люди и имели некоторые яснейшие о сем непосредственно от самого Бога откровения, по крайней мере благость Божья сие думать заставляет. Но сие преложение кому и как оно учинено до нас не дошло, а мы, взирая на все твари, и без другого откровения совестью своею принуждены верить естеству всевышнего Бога, имеющего все совершенства. Повествуют наши древние летописцы, что, в отдаленные от сих времена, приезжали некоторые чужестранцы в нашу страну, которые нам — хотя не обстоятельно — сказывали о сотворении света и человека; о чем — уверяли они — что имеют записки верные, чрез откровение самим Богом учиненные. Мы не отринули повествование их, однако не рассудили его принять, держась проповеди вернейшей книги, начертанной перстом самого Бога, то есть Его творений, которое нам довольно естествование Божье показует. Сказывают, что уверяли они нас и во многих чудесах, учиненных для их народа; мы также не отвергли сего и конечно уверены, что создавший все может чудеса делать. Считаем особливо счастливым сей народ, который удостоился особливой милости и знаки Божьего всемогущества видел, но для нас считаем чудеса не нужны, потому что в творениях ежечасно каждому представляются».

Второй мой вопрос состоял: «Чего ради у них толь мало молитв и толь кратки, и чего ради не нашел я в них поблагодарений за ниспосылаемые Богом особливые блага, ни прошений во время великих несчастий»?

Ответствовал санкрей: «Мне кажется, что их у нас весьма довольно, ибо поелику Бог есть всевидящий, то зачем длинные молитвы делать, и краткая молитва, с сокрушенным сердцем учиненная, довольно есть ему приятна, и не во многоглаголании, но в истинном чувствовании духа состоит приятная молитва Богу. Счастливы бы мы были, если бы и краткие сии молитвы могли мы с довольным усердием изрещи, не отягощая разума и тело человеческое многоглаголанием и не приводя его в уныние во время моленья. Мы у него ничего не просим, ибо чего нам у него просить, почитая его шедрого к нам отца, и что все ему известно, следственно благость его побудит Его к милосердию нам, а по всеведению лучше знает Он, нежели мы сами, что нам нужно. Особливо ни за что не благодарим, для того, что и не знаем в видимых нам его благодеяний не обратится ли что ко злу нашему, и все благодеяния особливые не почитаем свыше, которые Он ежедневно на нас ниспосылает, а токмо за все ежедневно хвалим и прославляем Его, в чем включается естественно и за благополучные нам бываемые приключения. Нет, государь мой, — последовал он, — мы не дерзаем вышнее и всевидящее Существо научать, что есть на пользу нам, ни победы, ни богатство, иже суть случайные вещи, почитать, якобы любили усилие Божье в благодеянии к нам. Почувствуем во всем Его благодеяния и в самых скорбях наших Ему благодарность приносим».

Третий мой вопрос состоял: «В каких степенях вера их позволяет супружество, ибо хотя вы прежде, говорил я, о сем мне сказывали, но желал бы я знать более с подробностью?»

Ответствовал санкрей: «В рассуждении законов богослужения мы не имеем никакого предания, запрещающего какой бы то ни было брак, но гражданские законы для сохранения благонравия следующее учредили: отец или мать, дед или бабка с происходящими от них совокупиться браком не могут, ибо таковой бы брак, естественно предполагающий неравенство лет, был противен самому естественному положению и также по почтению, которое дети должны иметь к их родителям, не совместен он в таком плотском соединении, где есть равенство. Так же по самым сим причинам, ни мачеха за пасынка вытти, ни вотчим на падчерице жениться не могут. Единый муж двух сестер, единую после другой, понять не может, ни единая жена за двух братьев выттить, для того что близость родства, учиняя частое и близкое обращение, могла бы подать причину ко многим пре-

ступлениям, и равным образом ни родные, ни двоюродные братья, сестры, дядья и тетки совокупляться между собою не могут. Если же кто против сего узаконения преступит, таковой наказуется лишением всего общества со другими гражданами, имение его отдается под опеку его родственникам с даванием ему самого нужного. Лишается он имени, которое носил и называется *беспрозвальный*, не погребается во граде или близ града, но в пустом лесу, и никакого знака над могилою его не делают, а дети его, от такого брака происшедшие, никаких прав, окроме нижних граждан, иметь не могут, ибо законными они не почитаются. Однако законы наши, милосердуя и к самым преступникам, дают им способ от тягости сего наказания избавиться: сие есть оставить ту жену, которую, преступя законы благочиния, поял, предстать пред главное судилище благочиния, и просить о дании ему способа загладить свой проступок. Судбище, иногда взирая на род его проступка, посылает его в отдаленные нашей империи области, где он без всякого чина должен своею особою оказать услуги отечеству в предписанное число лет, которое никогда более двенадцати не определяется. И когда он, как своими заслугами, какие возможно ему соделать, [так] и самым нравственным своим поведением заслужит в урочное число лет порок свой, то он в прежнее свое состояние возвращается. Равным образом и жена может просить о способах заслужить проступок свой, и сия определяется в больницы и в училища, где она трудами и добрым поведением своим должна проступок свой заслужить. Но взирая на слабость женскую, таковым более семи лет удовлетворения не определяется, и тогда она входит в прежние свои права, но не в прежнее запрещенное супружество».

«Но дети их, — вопрошал я, — по сему удовлетворению получают ли себе какую выгоду?»

«Никакой, — ответствовал он мне, — они остаются беззаконнорожденные и в самой нижней степени жителей государства».

«Но умилосердись, — вскричал я, — чем винны несчастные младенцы, что их родители сделали беззаконный брак, чтобы их навсегда несчастными сделать?»

«Мы их виновными и не почитаем, — ответствовал санкрей, — ниже налагаем на них какое наказание, ибо, рожденные беззаконно, в какую их степень ввести? В родительскую ли? Ежели они выше последней степени, то учинит ли в них воздаяние преступлению? Учинит ли обиду тому состоянию людей, которые в законном рождении

в сей степени родились? Следственно и нет тут наказания, где ничего не отнимается. Сии родились вне закона, следственно и не под защищением оного, а потому по строгости бы и последней степени недостойны, но наши законы, милосердуя к их состоянию, вмещают их в нижнюю самую степень граждан, а потому и полагают под защищение законов, и тако не токмо что отнимают у них, но паче дарствуют. Однако если родители их суть вольны и они остаются вольными, а потому имеют право достигать до всех чинов и до всякого счастья, ибо собственно им сие рождение бесчестия не приключает, и всякий упрек, учиненный им, наказывается, ибо они не виноваты, как они рождены, а что получат, то не ради беззаконного рождения своего, но по личным своим достоинствам, яко некоторые у нас и есть, которые даже до чину колагир (полководителей) достигли».

Еще вопрос мой ему был: в молитвах ваших приметил я, что при молении над мертвым телом упоминаете о его душе, следственно вы и признаете бессмертие ее. Чрез кого вы сей догмат получили, и признаете ли вы награждение благом и наказание злом.

«Я уже единожды вам сказывал, — ответствовал санкрей, — что основание веры нашей ни от каких откровений или преданий происходит, но от самого размышления и очевидного зрения вещей, а потому понеже по творениям познали мы Бога всемогущего и правосудного, из всех тварей человека единого, одаренного особливым понятием, могущим проницанием своим приближаться к вышнему естеству. А наконец, рассматривая случаи жизни человеческой и часто обретая, что добродетель терпит, а порок торжествует, не могли мы из сего не заключить, чтобы Бог всемогущий не мог сотворить души бессмертной и чтобы его смотрение и сила оканчивалась токмо над тленными телами, а к тому же бы Его правосудие не воздало за добродетели утесненные, и не наказало бы пороки. Сии есть причины основания нашей веры о бессмертии души, и к тому же правительство из времени до времени посылает избранных людей для изведывания о разных искусствах, а сии возвратясь нас уверяют, что повсюду признают вышнее существо и бессмертие души. Правда, что из повествий их мы видим, что все сии важные воображения суть за тайны множествами нелепых и неприличных Божеству басней, которые мы с презрением отметаем, но как тогда же основание есть сходственно с нашим понятием и чему мы верим, то паче утверждаемся общим уверением народов земли в заключениях наших».

Наконец последний я учинил ему вопрос: есть ли у них проповеди и поучения?

На сие он ответствовал мне: «Конечно есть, но не везде и не всегда. Есть в каждом граде некоторые храмы, в которых в определенные дни оные читаются. Они состоят в доказательствах, чрез видимые нами творения естества, всемогущества и милосердия Божия, во изъяснении совершенств, которые сие вышнее естество должно иметь, и в рассуждении всемогущества и правосудия, равно как и по преимущественным дарованиям доказуется бессмертие души, а взимая от совершенств же Божьих, яко Он есть благ и правосуден, то все сии благие и правосудные дела не могут ему неприятны быть, из чего и сочиняется нравственное учение, в котором позволяется вмещать изящные поступки отличных добродетелью наших предков, но никогда живых. Таковые беседы не позволено каждому по своему изволению делать и читать, но всякий, кто таковую сочинит, может ее послать в главное судбище благочиния, которое, рассмотря, позволит ее читать, однако с тем, что того места благочиние должно рассмотреть — согласны ли его нравы с учением его и ежели не согласны, то хотя яко нравоучительное сочинение оно и обращается между народа, но не может быть в храме читано, ибо мы почитаем, что добрые нравы самого того, кто соделывает нравственное поучение, весьма помогают к действию, какое оно над сердцами слушателей производит».

Сим кончились мои вопросы, и они подали причину к довольно длинному разговору о христианской вере. Я сему санкрею доказывал о сотворении мира, о падении человека, о приуготовлении пророчествами и знаками воплощения Господа Иисуса Христа, наконец о воплощении Его, о страдании и воскресении.

Рассказание мое, которое довольно длинно было, привело в задумчивость санкрея. А по немногом времени молчания, он ответствовал мне: «Все, что вы сказали о сотворении света, есть вероятно, единое токмо меня удивляет, что Бог, могущий единою своею волею в единый миг [мог] все сотворить, употребил, однако, шесть дней на окончание творения. Нам ли бренным естествам рассуждать, для чего так, а не так Бог делал, а посему если вы имеете верные преложения, как вы меня уверяете, то и сомневаться о сем не можно. Падение человека имеет подлинно многое в себе непонятного, но я думаю, что в самом деле ему быть надлежало, ибо взирая купно на

совершенства и недостатки сей твари, из коих первыми подлинно она почти к Божеству приближается, а последними и хуже скотов является, должно заключить, что конечно какая ни есть великая перемена в его состоянии произошла. Касательно же до искупления его кровью и смертью Сына Божия, коль сие мне непонятно ни является — да и сами вы признаетесь, что сия статья веры, а не рассуждения, но я считаю, что сие совершенную благость Божью изъявляет, а из всего сего и заключаю, что вера наша не весьма различна с вашей, ибо мы также единого Бога как и вы почитаем, признаем Его единого всемогущим строителем и правителем всего видимого и невидимого. От Него единого и Его щедрости всего, даже и исправления души и сердца нашего ожидаем. Приемлем бессмертие души, воздаяние благим и наказание злым от правосудия Его, и все те же нравственные правила, которые вы приемлете, дабы учинить угодное сему вышнему Естеству. Правда, что все сие у нас происходит от единого токмо понятия, которое нам единое видение тварей подает. Вы же напротив имеете, как сказываете, и несомненные откровения. Счастливы вы есть перед нами, и конечно должно полагать, что утвержденная на таких основаниях ваша добродетель должна быть всеобщая и совершенная; а знатно не угодно Богу было нам оные учинить, а потому, пребывая в нашей, неоспоримыми свидетельствами всею природой утвержденной вере, остается нам токмо искать ближе сообщиться с Богом, ожидая, когда ему угодно будет Самому нам откровение учинить».

Сим окончился наш довольно длинный разговор, и я от него пошел паки посещать разные места града.

Глава VII. Каким образом остался сочинитель в земле Офирской

Между сим временем починка нашего корабля с великим поспешением продолжалась. Правда, что он был в таком состоянии, что едва не весь его переделать надлежало, но великое прилежание и число данных работников толь велико было, что уже второго числа генваря он был готов, а третьего начали его нагружать, полагая наш отъезд шестого или седьмого генваря. Уже мы начали прощаться с теми, которые нас так обласкали, когда генваря третьего числа по возвращении моем от санкрея, я вдруг почувствовал [к] вечеру вели-

кую боль в голове, которая у меня перерывной дрожью во всю ночь продолжалась. При наступлении утра зачал я чувствовать жар, однако еще в силах был встать с постели в пятом часу, но с девятого часу началась у меня опухоль, которая через два часа распространилась на все мое тело с превеликим жаром и бредом. Хозяйка дома, за отсутствием ее супруга по его должности, уведав о моей болезни, послала немедленно сказать своему супругу, бывшему на порте, который сказал о сем нашему капитану. Немедленно лекарь наш ко мне пришел, но при первом осмотрении меня, ибо пульс за великой опухолью не можно было ощупать, а видя опухоль багрово-черноватy, заключил, что уже во всем теле моем начался антонов огонь, а потому присутственной тут хозяйке дома и нашему поручику, пришедшему меня посетить, объявил, что он сей болезни прямо не понимал за скоростью ее действия, но токмо в том может уверить, что я жив остаться не могу. Тогда хозяйка дома, как после я о всем узнал, зная, что таковые болезни у них случаются, послала за двумя офирскими докторами. Все сие продолжалось до двенадцати часов. Между тем временем хозяин дома возвратился, и наши все офицеры пришли меня посетить. Также пришли и доктора офирские, которые, нашед меня в памяти, яко в сей болезни всегда бывают около полудни несколько часов, и я принужден был слышать из уст нашего лекаря осуждение мое на смерть, и что уже во всей крови моей распространился антонов огонь, о чем я докторам офирским пересказал. Они, усмехнувшись, сказали, что они не удивляются суждению нашего лекаря, ибо подлинно болезнь сия такие признаки имеет, о которой он судит, может статься, не знавши ее, потому что особливые по климатам болезни есть, но что у них в стране сия болезнь есть известная, и она опасной не считается, а токмо несколько продолжительна, ибо бывает она не менее месяца, да и после несет за собою слабость немалое время, и заключили, что они уверяют в излечении моем. А только приложили, что ехать мне из их страны не можно, ибо не токмо пребывание на корабле, но если и близко воде меня приближить, болезнь моя смертной и неизлечимой учинится.

Колико меня ни обрадовало слышание, что я могу от сей болезни выздороветь, толико меня опечалило, что я должен остаться в сей отдаленной стране без всякой надежды возвращения в Европу. И сие мне толь чувствительно было, что решился с подвержением в неизбежной смерти ехать.

Хозяин мой, капитан над портом, быв свидетель всему сему, ничего не говорил. Но на завтра также в полдень, когда капитан нашего корабля, который вместе со мною жил и меня окроме крайней нужды не оставлял, и доктора офирские были у меня, вдруг я увидел вшедшего ко мне генерал-губернатора. Сей почтенный муж, услыша о моем состоянии и о приятом мною намерении ехать, пришел меня посетить. По изъявлении сожаления своего о приключившейся мне болезни, он говорил, что ему известно уже чрез моего хозяина о решении докторов и о моем намерении, что он вчерашний день повелел всем докторам собраться чрезвычайно и сим докторам сделать изъяснение о моей болезни. И все собрание о состоянии моем, яко о известной и часто бываемой в их странах болезни, подтвердило мнение сих докторов. Правда, приложил он, «Я вхожу в ваше состояние, что любовь к отечеству побуждает каждого человека стараться возвратиться в оное, а паче по толь долговременной отлучке, как я слышал о вас. С другой же стороны, оставаясь в такой земле, которая есть вам незнакома, в таком отдалении и за такими преградами, что едва ли вы мните и иметь надежду, ежели вы останетесь, когда возвратиться. Но самая наша любовь к отечеству должна быть подчинена правилам мудрости, и если бы хотя малая была надежда возмочь вам снести море, то, похваляя ваше намерение, не предприял бы я увещевать вас, чтобы вы остались. Но как сия болезнь есть в нашей стране весьма обыкновенная и все доктора уверяют, по неисчетному множеству опытам, что ни один не токмо от пребывания на воде, но ниже от приближения жив не оставался, то отъезд ваш не послужит вам возвратиться в ваше отечество, но доведет вас к смерти. С другой стороны рассудите, в какой земле вы останетесь, не в той ли, в которой, льстим себе, что наш поступок доказал вам, коль мы тщимся чужестранных угощать, а потому и не без надежды, чтобы вам возвратиться, ибо мы иногда и сами свои корабли в ваши моря посылаем, и они нам не незнакомы. Правда, что не всегда великие льды, покрывающие наши моря, сие позволяют, но, по долговременном примечании, нам известно, что и два года сряду мы можем в море ваше выходить, а никогда не случалось препятствия более двух лет, а посему как возможно будет, вы можете быть уверены, что вас на мыс Байдагебур* отвезут, откуда вы можете в отечество ваше возвратиться. В прочем

* Мыс Доброй Надежды.

будьте уверены, что вы найдете во всех нас, имя офирских граждан носящих, искренних друзей и попечительнейших о вас родственников».

К сим увещательным с сильным убеждением словам приложил просьбу свою хозяин мой, начальник над портом, которую он мне с слезами изъяснил, а к тому и самый наш капитан кавалер С... уговаривал меня остаться и не подвергать себя к неизбежной смерти, так что я уже, начиная чувствовать пришествие облегчительных моих часов — а уже жар во мне зачал возобновляться — поспешил свое согласие на сие дать. И тотчас генерал-губернатор, вышедши на час в другую комнату, по нескольких минутах вошел и отдал мне обязательство от главного правительства сего града, что по выздоровлении моем он, генерал-губернатор, иль кто будет его преемник, обязуются в удобное для мореплавания время отвести меня на мыс Байдагебур. Я признаюсь, что такое учиненное мне от правительства обязательство много меня успокоило, показуя мне хотя вдали надежду возвратиться в мое отечество.

Отъезд моих сотоварищей не замешкался, ибо они шестого числа генваря месяца после полудни, в провожании нескольких судов офирских, отправились из порта Перегаб, и, прошед уже благополучно опасные от льдов места, чрез письмо свое о благополучном своем путешествии меня уведомляли, хваля и благодаря народ офирский за все оказанные к ним благодеяния и за снабжение, какое они при самом своем отшествии получили, и прося меня, чтобы я по выздоровлении своем изъяснил искреннее их признание.

Но прежде нежели поступить далее, за нужное я почитаю, для показания политики сей страны, упомянуть какие товары офирцами были у нас куплены. Оные состояли все в механических нужных вещах, а именно: двои аглинские карманные горизонтальные часы: одни простые, а другие с секундами, одни столовые часы, двое солнечные: одни горизонтальные, а другие сферические, телескоп, долонова труба, четверть циркуля для наблюдений, феодорит, ватерпас медный на ножках, компас, математическая полная готовальня, компас висячий, заливательная труба, некоторые лекарские инструменты, атлас земной и карты морские, за которые, как я слышал, дорогую цену заплатили, давая втрое, нежели чего попросили. И я после все сии вещи видел, розданные в их академии художеств лучшим мастерам, с образца которых они должны были под смотрением лутчих

в механике и других профессоров делать, а также, выспросив употребление их, а многое уже объяснение и я по выздоровлении своем дал. Оные были напечатаны и вместе с ними продаваны. Тако сей народ не чужестранных к себе привлекает, но, не щадя издержек, все что может от них сведения получить, старается присвоить себе.

Однако я остался в Перегабе, пользуясь, можно сказать, яко от ближних родственников, попечением моего хозяина и его супруги, и быв посещаем ежедневно двумя докторами. Также и первые первосановники сего города мне давали нередко посещения; даже как моя болезнь начала убавляться, что не прежде воспоследовало, как с первого февраля. Но тогда я почувствовал такую слабость, что никаким членом тронуться не мог. Однако сие не долго продолжалось, и я к седьмому февраля мог уже вставать с постели.

Тогда увидал я, что в следующем месяце будет в сей город для бываемого чрез три года посещения, император офирский. По сему случаю вопрошал я хозяина моего, начальника порта, что конечно приезд их государя наводит им много попечения, дабы изготовиться его принять? На сие мне он ответствовал, что отнюдь ни малой заботы о сем никто не имеет, и что единое беспокойство их будет состоять, что генерал-губернатор выедет на границу врученной ему области императора встретить, а потом земские правители, располагаясь по два, будут встречать его по два на каждой станции. При въезде в город начальник благочиния со всеми полицейскими офицерами его встретит, а наконец все прочие во дворце. Но, говорил ему, разве не должно вам для приезду государева соделать поправление дорог, строений и некоторый лучший вид городам дать? Засмеялся мой хозяин, говоря: «На что это? Дороги не для одного государя, но и для подданных, а ежели бы мы их для него поправляли, то бы сим показали ему лучшее состояние дорог и мостов, нежели они есть, и сим бы скрыли от него тягость народную. Какие нам строения поправлять, они по состоянию каждого гражданина должны исправны быть. Коронные же и без того должны быть в хорошем состоянии; то понудительное исправление первых была бы тягость гражданам, противная уставлению чина монарша, долженствующего разливать ездой своей милосердие, а не тягость приключать, а поправление коронных строений показывало бы неисправность тех, кому они поручены, а все бы сие клонилось к обману государя, чего мы имеем за правило себе никогда не делать. Да к тому же по благости Божьей мы

имеем таких государей и правителей, которых толь грубым образом обмануть не можно».

Но по крайней мере, — сказал я, — вы приготовляете на пути быков, или каких других скотов, для езды государевой? И сего нет, ответствовал начальник над портом, ибо таковое бы постановление повозок было тягостно народу. На всех дорогах у нас по станциям есть известное число лошадей и быков. Император наш обыкновенно на своих лошадях ездит, также и весь двор его, а чего разве недостанет, то с платежом берут из определенных мест.

Услыша именование лошадей, которых я во граде Перегаб не видал, спросил я его, разве у них лошади есть? Конечно, ответствовал он мне, но они у нас во градах не употребляются, ибо в прежние, сказывают, времена употребление их произвело великую роскошь и щегольство в народе, а сего ради законом и запрещено было их употреблять в городах, окроме императора и ближних князей к престолу. А употребляются они в войсках для конных воинов и начальников и по дорогам для скорой езды.

Я признаюсь, что все слова его меня удивляли. Находил я во всем, что видел и что слышал, такой порядок, что ежечасно умножалось мое хорошее мнение о правительстве сей империи.

Глава VIII. Как писатель приобретает себе любовь и почтение, и как спознался с Агибе

Однако слабость моя ежедневно умалялась, и через неделю я уже стал в состоянии читать и чертить, к чему всегда великую имел охоту. Сотоварищи мои, при отъезде своем, оставили мне все вещи, мне принадлежащие, между которыми были многие математические, артиллерийские, инженерные науки книги, также книги военного искусства и физические; инструменты математические и несколько для экспериментальной физики машин.

Скука и уединение мое — ибо хозяин мой, окроме что много был занят должностью своею, хотя ежедневно меня посещал, однако по слабости моей не хотел меня долго беспокоить — принудили меня в книгах искать себе удовольствия. Я уже выше сказал, что я из младости своей любил математические науки, а притом быв и в службе артиллерийским офицером, то, проходя артиллерию г-на Леблона[166], рассудилось мне и пропорцию пушек и других огнестрельных ору-

дий вспомнить. А сего ради, взяв готовальню мою с математическими инструментами, начал я чертить пушку с ее лафетом. Уже я совсем отделывал сию пушку, когда, пришед ко мне, хозяин мой увидел сие необыкновенное начертание, лежащее на столе моем. Он, посмотря его, тотчас понял, что сие есть пушка, но поставление ее на таковой лафет ему было незнакомо, ибо у них и все пушки на морских лафетах поставлялись. Он с любопытством спросил меня о сем начертании, яко человек, который и сам прилежал к познанию сей науки. Я ему истолковал о составлении лафета и разных размерах оным в рассуждении величины пушек, так и о размерах разных пушек, и какие способы были употреблены для сыскания их, показывая ему их разные рисунки в книге. Вдруг усмотрел я его удивление, когда увидел он мортиру[167], которых они не знали. Я истолковал ему действие оной, ее размеры, начинку бомбы и прочее. Сие подало нам причину продолжать далее разговор. Я ему с показанием планов и профилей рассказывал о укреплении наших городов, каким образом их атаковать, как делают подкопы, и какое их действие; также рассказывал ему с показанием планов о устроении наших войск, как учреждают походы и как делают укрепленные лагери, что все его весьма удивило, и он признался, что едва ли может разум человеческий далее достигнуть, давая великие похвалы европейским народам.

После сего разговора, не токмо он стал чаще меня посещать, но также и первосановники офирские, яко адмиралы, генерал-губернатор, которые часто обращали свои разговоры на сии причины, и я ясно мог приметить, что если человеколюбие сперва обращало ко мне сердце офирцев, тогда уже и надежда, что я могу несколько полезен быть их царству, их паче приклонила ко мне.

Уже я начал гораздо оправляться от моей болезни, когда в конце февраля месяца приехал к хозяину моему из Квамо гость. Сей был человек росту взрачного, имеющий волосы седые, и хотя уже ему был семидесятый год, однако сохранял и бодрость и веселый нрав, а только хромал на одну ногу. Носил он платье белое, на груди знак — сосновые шишки, златом вышиты, и платье его по краям также малое златое украшение имело. На шляпе его, распущенной на тулье, также сосновая шишка золотом была вышита. Я по спрошении у хозяина моего уведал, что сей почтенный муж был единый из наименитейших вельмож государства, что имя его было Кагиаи, а титул — ибо прямо сказать он чину не имел — *агибе*, то есть просто первоклассный,

и что он был родной дядя хозяину моему, начальнику над портом, брат отца его; что нося на себе особливую милость императора, коего он воспитывал, император звал его с собой ехать посетить город Перегаб, и он за старостью своей, не могши ехать с государем, приехал спокойнейшим образом наперед.

Я любопытствовал спросить, что также сие было, *агибге*, то есть первоклассный, и мне хозяин мой сделал следующее истолкновение: «У нас нет обычая, чтобы достигшие до первых двух степеней люди могли совсем оставить службу, но в престарелых летах они берут успокоение, то есть, что требуют не исправлять более должностей, и сие им позволяется. Однако они, хотя сложат с себя должность, но числятся при тех местах, имеют то же жалованье, те же почести тех мест, в коих они были, и также *скрифта*, или секретаря, который ему доставляет краткие выписки из текущих дел. И так они при успокоении своем все те же сведения получают, какие имели быв в должностях, а когда случатся какие трудные обстоятельства, в рассуждении ль всего государства или частно по делам, в коих они обращались, то их тогда токмо призывают для совету. Ибо — приложил он — государство не может отречись дать успокоение долго служащим в важных должностях ему людям, но не может же и лишить себя их споможения в советах по знанию, какое они по долгом пребывани у должностей получили. А к тому, не имея уже более собственных видов, они гораздо смелее и тверже для пользы отечества могут говорить. А и самые те места, где они прежде были, быв должны сообщать им выписки текущих дел, не осмеливаются что несправедливого соделать, но пребывают всегда в осторожности.

Сей же Кагиаи Бая Агибе — последовал он — в юности своей служил в войсках и многие знаки храбрости оказал, где уже и чин третьей степени полководца имел, и был жестоко ранен в одной битве, как самое его хромание показует. Учинясь не в состоянии служить в войсках, был определен в судбище о разных учреждениях, где, прошед все судейские чины, наконец был оному председатель. Препоручено также ему было на некое время и судбище уголовных дел, а после определен был в генерал-губернаторы страны Чиркаго, пограничной с диким и бесчеловечным народом улуиты, где он три года сию должность с похвалою исполнял. Достоинства его были толь велики, что, все сии должности он исполнял, достигши токмо до сорока пяти лет своего возраста. А в сие время покойному наше-

му императору Драиму надлежало избрать воспитателя достигшему до седмилетнего возраста сыну своему Абраю, ныне царствующему императору, и по общему мнению всего совета и Вышнего хранения законов правительства был избран он в сию важную должность, которая приносит с собой у нас Бей Агибве, сиречь второстепенный, три другие, а именно: заседание в Верховном совете, заседание в Вышнем правительстве хранения законов и заседание, или, если есть праздное место, председание в академии. Он все сии наложенные на него должности к удовольствию государя-родителя, вельмож, народа и своего воспитанника исполнил, и пробыв тринадцать лет воспитателем наследника престола был пожалован в Бая-Агибе, то есть первостепенным министром, и потом уже, при нынешнем императоре, десять лет в управлении должностей, взял увольнение, и ныне, как я вам уже сказал, имеет титул и все преимущества Агибе».

С удовольствием я выслушал рассказание о происхождении сего почтенного мужа, а самое сие рассказание подало мне любопытство учинить ему следующие вопросы: первое, что он мне сказал, что он из военных был определен в гражданскую службу, то, как не учась прав, мог человек так службу переменять? На сие ответствовал он мне, что у них нет ни единого гражданина, которого бы в школах не учили правам и законам их страны; ибо — приложил — не естественно есть гражданину жить в каком государстве, не зная его узаконений, сиречь того, по чем он должен направлять поступки свои, и что во всяком случае его от всякой опасности защищает, ибо — последовал он — возможно ли почесть человеку в преступление, если он и не знает, что оно есть, то как наказывать за преступление закона человека, который его не знает и которого его не тщались обучить? А посему, если граждане не знают законов долженствующих быть правилом их поступка, то и законы теряют справедливость наказывать за преступления противу их. Вздохнул я, слыша сие, подумав: знать, что в Европе находят сие естественно, где разве тысячная часть токмо знает свои права и законы страны, под которыми они живут. Но — продолжал я — второй вопрос: что он мне сказывал, что дядя его должен был пройти все судейские места, дабы быть председателем судбища разных учреждений. Признаваясь, что я нахожу весьма несправедливо, чтобы человека заслужившего уже знатный чин, заставить в новом роде службы сызнова в чины происходить. На сие ответствовал мне хозяин мой: «Он заслуженных его чинов не потерял, но должен был,

переменя род службы, начать заседать в нижнем месте того судбища, куда был определен, дабы более в тонкость все обращение законов и весь обряд понять, ибо такое есть установление нашей страны, что человек, переменяя род службы, коликого бы достоинства ни был, должен начать в нижнем чине служить в той службе, которую вновь примет. Правда, что там уже он чины, или лучше сказать места, получает не по старшинству, но как скоро усмотрено будет его достоинство, так скоро и из самого нижнего места заседания вдруг, ежели место есть, председателем чинится, яко и с дядей моим было, который из третьей степени полководцев был посажен на степень судьи девятой степени, но через год, быв одобрен тут своими начальниками и сотоварищами, был определен прямо в председатели, то есть в ту же третью степень, которой он был. Правда, что может быть дядя мой меньше многих имел нужду в испытании сем, ибо он всем известный был человек своим прилежанием ко всяким познаниям, в числе коих и о законах отечества своего вмещалось. И многие уже испытанные судьи ему сущу в младых летах, в трудных делах с ним спрашивались и всегда советы его за полезные принимали. Но не отрекся он в сем случае исполнить повеленное законами для лучшего порядка государства и для испытания тех, коим вручается залог правосудия».

Третий мой вопрос ему состоял, что мне кажется весьма несовместно отяготить такими должностями, как он мне сказывал, то есть заседанием в верховном совете, в вышнем правлении хранения законов и председательством в академии, такого человека, который весь должен быть занят воспитанием порфирородного своего воспитанника. На сие он мне отвечал, что он мое возражение весьма справедливым находит, поелику я говорю, не знавши как при таковой порученной ему главной должности все прочие облегчены, а именно: что таковой воспитатель получает токмо сведения о всем происходящем, как в Верховном совете, так и в главном правительстве хранения законов, не имея должности всегда тут быть и дела подписывать. Однако если когда находит удобное время, то в оных присутствует и сие для того, чтобы, имев способы знать о всех обстоятельствах, нуждах и происходимых делах в государстве, он мог бы благопристойным образом к скипетру рожденному своему воспитаннику ясное и справедливое понятие о них учинить. Что же касается до председательства его в главной академии, сие есть больше почетное имя, нежели должность,

ибо академия управляется всегда другим определенным надзирателем, а председатель токмо получает о всем происходящем сведения и чрез сие имеет случай спознать лучше ученых людей академии, дабы их употребить к научению своего воспитанника. Я весьма доволен был сими объяснениями, а между тем временем Агибе, вышедший во время нашего разговора, опять в комнату вошел. Хозяин мой представил меня ему, изъясняя случай нашего приезда и причину, что я остался в земле Офирской, прибавляя, что он с своей стороны, хотя я у него и более двух месяцев живу, не может умолчать, что находит весьма хорошее расположение моего сердца и великую чистоту нравов. Он на сие с довольной лаской ответствовал: что уже он известен о нашем прибытии и особливо о мне, и за удовольствие себе считает мне всякие услуги показать и способствовать колико может с своей стороны учинить пребывание мое в их стране не скучно и спокойно, и он сделал мне приветствие меня обняв. Я же, как уже имел наставление от моего хозяина, поцеловал его в правое плечо, а он меня поцеловал в щеку, ибо такой есть обычаи земли Офирской, что ровные друг друга целуют в щеку, а нижний вышних в правое плечо. Самого императора целуют в левую грудь, а напротиву того, вышние целуют нижних в щеку, а император целует в лоб.

Сей почтенный муж приехал поутру, и тот день из почтенья к нему никто не приезжал, окроме генерал-губернатора, поверенного от генерал-адмирала и начальника благочиния, которые уже на вечер приехали и учинили ему донесения о губернии, о городе и о флоте, и назавтра также никто по утру не был, понеже сие есть правило в земле Офирской поутру посещениями не беспокоить, почитая сие время посвященное для дел, и тако токмо имеющие крайние нужды поутру приезжают.

На завтра генерал-губернатор, поверенный генерал-адмирала, адмиралы, и главный над благочинием, были званы обедать к Агибе, так же и я был к столу его приглашен.

Я нашел уже сей стол великолепнее, нежели все столы, которые я в земле Офирской видел, ибо хотя правда он не имел сего сластолюбия, какое у нас в Европе примечается. Яства были все простые, из мяс и разных огородных овощей, но число их было более, и все подавано на серебре. Также питии были из благовоннейших трав и лучших ягод соделаны, и закуски были подаваны на позолоченных серебряных тарелках и в таких же чашах. Стол не весьма долго про-

должался, но был, можно сказать, улучшен приятными и разумными разговорами Агибе.

Когда по окончании стола все разошлись и я отошел к себе в комнату, тогда по некоем времени пришел ко мне хозяин мой, который часто меня посещал, обращая по большей части разговоры свои о разных науках, в которых он видел, что я некоторое знание имел. Между таковых разговоров, как и сам я имел великое любопытство узнать о разных обычаях офирской страны, изъявил я ему свое удивление о примеченном мною более нежели у всех великолепии в столе Агибе, и заключал я, что он достаточнее других. На сие мне хозяин мой ответствовал, что он ничего не имеет, ибо все свои родительские имения отдал своим сыновьям, и говорил про себя, что он достаточнее его, но что в житье их никак ни богатство, ни убожество не участвует, а живут — каждый служащий на определенном от короны жалованье, которое так рассчитывается, чтобы на весь прожиток его и с семьей его было, и не токмо на прожиток, но даже и дома служащим даются; а ежели кто имеет свой дом и в нем жить пожелает, тот за дом свой получает положенный платеж. Все сие так рассчислено, что каждому положены правила, как ему жить, какое носить платье, сколько иметь пространный дом, сколько иметь служителей, по сколько блюд на столе, какие напитки, даже содержание скота, дров и освещения положено в цену. Дается посуда из казны по чинам: единым жестяная, другим глиняная, а первоклассным серебряная, и определенное число денег на поправку, и посему каждый должен жить как ему предписано. Правда, что у нас нет узаконения, которое бы запрещало лучше жить, но обычай есть у нас, что лучшее житье в сравнении своего чина за бесчестье и за развратность нравов считается. А понеже не всегда одинаковая цена бывает вещам, то в каждый год делают справочные цены и по тому жалованье располагают, так что каждый может жить, не касаясь до собственных своих доходов, которые употребляют для воспитания своих детей, для умножения своего домоводства и для строения в деревнях своих. А когда кто отстанет от службы, если не такого чину, чтобы жалованье и в отставке получать, тот может спокойно препроводить дни свои накопленными им от ней сбереженными деньгами с его имений во время службы. Стыдно бы было правительству, — приложил он, — если бы служащие ему и свое должны были проживать и, при старости лет своих, от самой службы учиниться в нищете.

Но я его вопрошал, что если сие так надлежит, чтобы великие были доходы государственные, дабы на толикие издержки довольным быть? И просил его, дабы он мне объяснил порядок, как при отставке и кому продолжают жалованье.

На сие он мне отвечал следующими словами: «Дабы удовольствовать ваше любопытство, я зачну по порядку о раздаянии жалованья в нашем правлении вам рассказывать. Первое, я уже вам сказывал, что жалованье всем служащим определено таким образом, чтобы они могли по состоянию своему жить, и самое житье их во всем предписано. А как правительство наше не токмо самим тем, которые действительно служат определяет жалованье, но также и семьям их, и единому чину неравное производится, и в случае отлучки служащего по службе дается ему токмо то жалованье, которое следует на его особу, а достальное семье его производится, ибо правило есть нашего правительства, что кто ему служит, тот не должен издержкой своих собственных имений разоряться, ибо сама его отлучка от дома довольно и без того ему ущерб приносит, а к тому не должно, чтобы отлучкой служащего семья его претерпела нужду. Второе, все чины у нас разделяются на четырнадцать степеней, которые по разным обстоятельствам имеют разные преимущества. Нижние четыре, если возьмут увольнение, не получают более никакого жалованья, разве в таковых случаях, если кто с усердием тридцать лет прослужил и не удалялся от походов против неприятеля, или откомандирован на дальние границы, а к тому не имеет ничего собственного. Такому по смерть пятая часть ему токмо принадлежащего жалованья производится. Кто в службе против неприятеля получил такие раны, которые его увечным учинили, тот получает половинное, по смерть, принадлежащее ему жалованье. Кто из сих убит от неприятеля, того семья пять лет полное жалованье, какое он в последний год своей жизни и с семьей своей имел, получает. Высшие сих четыре степени, ежели оставят службу, выслужа не менее пятнадцати лет с исправностью, получают пятую часть на их особу определенного жалованья. Ежели же получил в службе раны, приведшие его во всегдашнее увечье, таковой по смерть получает половину принадлежащего ему жалованья, а если кто убит, то также как и нижние степени, семья его пять лет получает полное жалованье. После сих следуют еще две степени, кои имеют начальство над полками (в сравнении наших чинов полковники и бригадиры). Сии, если выслужат с усердием двадцать лет, при отстав-

ке получают четвертую часть жалованья; если же изувечен кто в службе, или умрет, то тем же правом пользуются, как и нижние степени. По сем следуют две степени полководителей. Сии, не счисляя лет их службы, ежели возьмут отставку, получают треть принадлежащего их особе жалованья; ежели же изувечены в службе, получают две трети всего полного жалованья, а впрочем в случае смерти имеют их семьи тоже награждение, как о нижних степенях я вам сказал. Что же касается до вышних двух степеней, я уже сказывал, что по нашим законам они никогда от службы совсем не увольняются, а потому и все полное жалованье свое до конца жизни получают, а в случае их убиения неприятелями, семья их получает такое же полное жалованье семь лет.

А сим распорядком несть нижнего чина, который бы окроме почестей, привязанных к чинам, не имел в предмете собственное свое благосостояние, отчего можно сказать, что хотя у нас и совершенная дана свобода каждому служить и не служить, но как каждый в службе счастье свое находит, то редко видно, чтобы кто без крайних причин оставлял службу.

С первого взгляда подлинно кажется, что на такие издержки потребны великие суммы, которые бы могли отяготить народ, но если вы более узнаете о образе нашего правительства, то сами признаетесь, что они тягостны быть не могут, ибо: 1) все, как в военной, так и в гражданской службе находящееся люди с толикою точностью предписанные им должности исполняют, а народ в толь хорошем у нас состоянии, что первые нигде ни малейшего притеснения никому не делают, а вторые суть весьма в состоянии положенное на них платить, 2) все сии жалования для житья — не для сластолюбия — умеренные положены, 3) войска наши нам весьма мало стоят, ибо они все суть поселенные; 4) чинов у нас немного, ибо где каждый тщится должности свои исполнять, тут и один за многих делает».

Сей ответ, которым я был доволен, подал мне множество причин соделать разные вопросы, но я, сохраняя некоторые до другого времени, сократился его вопрошать с удивлением: что разве в статской службе служащие люди имеют те же чины, как и военные? На сие не с меньшим удивлением ответствовал он мне: «да как сему инако быть? И разве у вас есть в сем какое различие»? Не мог уже я сокрыть от него, чтобы не сказать, что в Европе в иных местах они совсем сходных с военными чинов не имеют и никак с ними не считаются, а в других статские чины моложе считаются, ибо у нас везде военная служба

статской предпочтена. На сие мне хозяин мой, со всем учтивством, обычным Офирскому народу, сказал, что по сему видно, что мы более любим завоевания, нежели внутреннее благосостояние народа, без чего и завоеваний делать не можно, ниже границ сохранить, он последовал: «У нас, хотя именования по разным службам суть разные и разное по службам делается производство, но чины равно разделены на четырнадцать степеней и каждая степень каждой службы есть между собой равны, равное и жалованье им. Да и в самом деле, приложил он, возможно ли одну службу унизить перед другой, ибо не все ли они клонятся к благу государства? Воин охраняет границы, дерется с неприятелем, но все сие исполняет внутренней силой государства, а когда она исчезнет, то тщетна его будет храбрость без могущества, а посему воздающий правосудие внутри государства, печащийся о благосостоянии народном, есть столько же полезен и нужен как воин. Правда, что воин подвергается к трудам, ранам и смерти, но и судья, прямо прилежащий к своей должности, не равно ли изнуряет свое тело бдением и трудами, и у нас множество есть примеров, что служащие в войсках сохраняли крепкое здоровье, а пошедши в статскую службу его изнурили, и многие сократили свою жизнь».

Таким образом окончился наш довольно длинный разговор, ибо уже приближался час, в который Агибе будет принимать чиненые ему посещения, ибо в земле Офирской не яко в европейских странах, где часто видны толпы народа, многие часы ждущие выхода вельможи, которого может быть и не увидят. В сей земле, если и последний гражданин будет ждать долго вельможи, то уже себе за оскорбление примет, а посему каждый располагает по своим делам время и часы, когда он может, как людей за делами, так и из почтения к нему приходящих принимать, и о сем постановляется записка в сенях и приказывается привротнику. Исключаются однако из сего такие, которые имеют нетерпящую время нужду, то не токмо в дневные часы, но и во всякое время сна должны вскоре быть допущены, хотя бы с разбуждением вельможи. Прочие же в назначенные часы приходят, в которые как скоро наступит тот час, вельможа должен оставить все свои упражнения и выйтить к приходящим к нему, дабы никто пришедший в назначенный час нимало не дожидался. И тако они соглашают нужное время для успокоения своего, и для посвящения к делам с нужным уважением, которое должны сохранить к своим согражданам. У Агибе было назначено время к принятию желающих его ви-

деть (я говорю по нашему образу считать часы) шестой, седьмой и осьмой часы. Подлинно в сие время почти весь город для принесения ему почтения собрался. Я видел тут, как учтиво вельможи в Офире всех приходящих к ним принимают. Было более трехсот человек, которые в разные времена перебывали у Агибе, ни единого он без некоего приветствия не отпустил. Пока было место, всякий с ним сидел, а как число людей умножилось, то хотя он был уже престарелых лет, хотя от полученной раны хромал, однако когда не мог всех посадить, опершись на трость стоял, и сие продолжал около двух часов, даже как минули часы его приема, тогда он, откланявшись, пошел во внутренние покои, и все разошлись.

По сем чрез находящегося при нем офицера, которых *зундиак* называют, позван я был вместе с хозяином моим в его спальню. Когда я вошел, то он, встав со стула, говорил, что назначил вечерние часы яко гостю его племянника и человеку, о коем он много слышал, дабы иметь спокойнее со мною разговор и свести знакомство. Я благодарил его за его благоволение, и он посадил меня возле себя, изъявил мне любопытство слышать от меня о обстоятельствах Европы. Вопросы его обращались познать о разных царствах, о их связи между собой, о взаимственных их пользах и разных их правлениях, о верах, о законах, о военном искусстве, о уступлении градов и прочее. Он единственно мне делал вопросы, не чиня ни похвал, ни охуления ничему, ибо, как я после уведал, сие было правило в Офирской империи, ничего у чужестранных ни хвалить, ни хулить, а токмо показал он мне удивление, что как единой быв веры люди, имея себе веры одинакие предания, могут толико различествовать между собою. А потом, обратя речь свою на слышанное им знание мое артиллерии, военной архитектуры и в военном искусстве, просил меня, чтобы я сии вещи по самым рисункам и по книгам своим постарался ему изъяснить, и как я показал мою готовность, то он обещал меня посетить, говоря, что книги хотят, чтоб их искали, а не самим им любителей искать.

Глава IX. Продолжение знакомства писателя с Агибе и описание Офирского царства

Сей разговор наш продолжался гораздо поздно, и я, отужинав с ним, с моим хозяином, и с супругою его, в его перед-спальне, пошел к себе. На завтра же по утру, он, обославшись со мной, могу ли я

его принять, пришел ко мне и с племянником своим. (Сей день был единый, который я во всю мою бытность видел, что он к должности своей не пошел в порт.) По первым приветствиям изъяснил он мне свое желание видеть рисунки нашей артиллерии, крепостей и планы наших военных обращений. Я немедленно стал ему казать оные, находящиеся в моих книгах, истолковывая ему все с подробностью, и самые причины которые подали причину к разным изобретениям. Почтенный сей муж казался мне весьма всем быть доволен, и я могу отдать ему честь, что мне немного труда стоило сделать ему уразуметь толкуемое мною, ибо глубокое знание, каковое он имел в математике и многих частях физики, а паче быстрый его разум, можно сказать, упреждал самые мои изъяснения. Во время самого нашего разговора, из многих свертков карт, которые у меня на столе лежали, одна упала наземь, и как я ее поднял, тогда Агибе полюбопытствовал спросить меня — какой сие есть сверток. Я ему сказал, что сие — всеобщая карта вселенной. Он любопытствовал ее видеть. Когда я ее разогнул перед ним, тогда он не изъявил мне удивления, что в двух кругах карта изображена, ни о градусах, ни о равноденственной черте, ни о зодиаке, ни о меридианах, ни о всем, что принадлежало к физическому и астрономическому начертанию, но любопытно меня спрашивал о разных странах: во первых, европейских, а потом азиатских, африканских и американских, на что я давал ему изъяснения. Но обратя свои взоры к полуденному полюсу, улыбнувшись сказал, что конечно в сем пустом месте надлежало быть нашей стране, но за незнанием оной сие место пустым оставлено. Я ему сказал, что сие есть так, и он на сие ответствовал мне, что не надлежит, чтобы я мнил, якобы я в маленькую землицу приехал, а для познания моего пришлет ко мне карту страны Офирской. Я его за сие благодарил, и мы пошли по сем в большие комнаты, где ожидаемы были некоторые званые обедать, которые вскоре зачали съезжаться.

Причина разговоров Агибе между прочим была о том, что он видел у меня планов, похвалял искусство европейцев, требуя еще некоторых изъяснений от меня, а как по окончании стола все разъехались, и я пошел в свою комнату, тогда находящийся при нем офицер принес мне от Агибе карту земли Офирской.

Карта сия была сделана по довольно большому размеру, была величиною около девяти футов длины и пяти ширины, выгравирована очень хорошо, с означением параллельных и меридиальных линий,

из коих первый меридианал они счисляют от града Квамо — столицы империи по прожекции от поля, токмо бумага была гораздо желтовата и груба, ибо я после уведал, что они делают бумагу из пеньки, а из алленых (льняных) тряпок делать ее не умеют. У карты сей были оставлены великие поля, на которых была пропись, содержащая: 1) имена губерний, с описанием их качеств, многонародия, доходов и управления, 2) имена столичных городов губерний, 3) имена всех городов, также и мест, где есть правительства, с означением их положений по градусам, 4) пристанища и ярмарки. А понеже сия пропись есть довольной пространности и в самом деле полезна для офирцев, дабы им знать политическое состояние своей страны, то я буду довольствоваться сокращенно описание карты и выписку из сей прописи здесь предложить.

Офирская страна простирается от 60 градуса южной широты до южного полюса, и по нашему исчислению, считая первый меридианал от острова Тенерифа, от 5 градуса до 85 градуса долготы. Прилегают к нему четыре моря: 1) Ефиопский океан; 2) нам незнаемое, которое они Болио называют, и иже есть почти великий залив того же океана; 3) Чекариа, иже есть море от самого полюса происходящее, и 4) Зиндео, которое такое, что как великое озеро. Граничит она с народами: на севере дысвы, народом не многолюдным, но храбрым, с пиурами на северо-востоке — сильным королевством, и с палями, единой республикой довольно сильной по естественному положению, но ослабленной царствующими в ней неустройствами, и на западе с тагиими, сильным диким и бесчеловечным народом.

Разделяется сия империя на пятнадцать областей, коим суть следующие имена, с их кратким описанием:

I. Квамо, генерал-губернаторство, в коей находится столичный город того же имени, имеет 3 миллиона жителей мужеска полу, доходов в нее 4 миллиона фиеров*, имеет протекающие великие судоходные реки, яко Кваму, Голву, Кияву и другие. Земля ее не весьма плодоносна, однако награждает довольно прилежание, имеет довольно лесов и земли без оскудения.

II. Агиара, столичный город того же имени, жителей имеет 400 тысяч душ мужеска полу, доходов один миллион фиеров. Имеет

* Фиер — серебряная монета, ценой каждая по качеству своему семь с половиной ливров французских.

протекающие реки: Унидву и Гую, и другие. Земля ее весьма неплодородна, но по близости к морю, имея великие реки, изобильна рыбами, исполнена лесами, болотами и занимает великое пространство земли.

III. Мамиело, генерал-губернаторство, столичный град того же имени. В ней миллион жителей мужеска полу, доход 1 миллион и 500 тысяч фиеров, имеет протекающие великие реки: Предну и Быу; посредственного плодородия, имеет множество лесов и земли оскудения.

IV. Габиновия, град столичный того же имени, в ней жителей мужеска полу 300 тысяч душ, дохода с нее один миллион 200 фиеров; протекающие в ней реки: Холбо, Гуя и Негия, и многие великие озера, из коих знатнейшее Голган. Дохода с нее 400 тысяч фиеров; земля ее не плодоносна, наполнена великими лесами и болотами и земель имеет гораздо превосходящее число в сравнении жителей.

V. Перегабская, генерал-губернаторство, столичный город Перегаб, имеет жителей 200 тысяч мужеска полу, доходу с нее 400 [тысяч] фиеров. Реки протекающие в ней — Негия, Бия и другие. Земля совсем не плодоносна, наполнена лесами и болотами, и гораздо ее более, нежели требовало бы число жителей.

V. Гарибия, стольный град того же имени, жителей имеет один миллион и сто тысяч, доходов с нее 5 миллионов фиеров; протекающие в ней реки — Паскла, Бозия. Земля весьма плодоносная и не только питает со изобильством своих жителей, но также множество хлеба посылает и в другие области. Земель имеет весьма довольно и несколько излишних по числу жителей, лесов имеет мало.

VI. Вариаж, стольный город того же имени, жителей в ней 800 тысяч, дохода 4 миллиона фиеров; протекающие в ней великие реки: Бозиа, Ордиабан и Ордиаман; весьма плодоносна и преобильна землями, лесов имеет мало.

VII. Офироманская, генерал-губернаторство, столичный город Евки, жителей в ней один миллион, доходов 6 миллионов; реки протекающие в ней — Предна и Миздна. Весьма плодоносна и обильна скотом; земель имеет превеликое изобильство, лесов мало.

VIII. Женигибы, стольный град того же имени, жителей 400 тысяч, дохода 3 миллиона фиеров, имеет протекающие реки Голву и Кияву. Земля довольно плодородна и ее без большей излишности довольно, к тому же имеет довольно и лесов.

IX. Занга, стольный город того же имени, жителей в ней 300 тысяч душ мужеска пола, дохода с нее 1 миллион и 500 тысяч фиеров; протекающие в ней великие реки — Голва, Кална и другие. Весьма плодоносна, имеет множество земель и лесов.

X. Сигиогая, стольный город того же имени, жителей в ней 150 тысяч мужеска пола душ, доходу в ней 700 тысяч фиеров; протекающая в ней одна великая река Голва, которая подает способ жителям великое богатство ловлением рыбы получать. Земель хотя великое множество и пространностью своей она равняется с наинаселеннейшими, но весьма мало плодоносных, чего ради и получает хлеб из других мест.

XI. Ефонбиаг, стольной город того же имени, жителей в губернии 200 тысяч мужеска пола, дохода с нее кроме рудников 350 тысяч фиеров; реки большие протекающие в ней — Аким, Ябла, Киян. Земля местами в единых местах весьма плодородна, в других же покрыта неплодными, наполненными минералами землями, лесами и болотами, а земель толь много, чтобы и впятеро могла быть населеннее.

XII. Олботская, стольный город того же имени, жителей в ней 150 тысяч мужеска пола душ, дохода окроме рудников и других промыслов 200 [тысяч] фиеров; протекающие реки суть: Олбот, Био, Ширка и другие; довольно плодородная по своей земле, которой толь много, что более нежели в десятую может народу содержать, а часть ее и совсем за хладностью неудобна ни в поселении, ни к земледелию. Лесов, болот и озер в ней множество.

XIII. Куикрецкая губерния имеет стольный град того же имени, жителей в ней 150 тысяч мужеска пола душ, доходов с нее окроме рудников 200 тысяч фиеров; реки протекающие в ней главнейшие: Аепла, Инесна, Ятелона и другие. Земля в некоих местах довольно плодородна, но в других неудобна ни к какому населению и к земледелию, но сие награждается великими промыслами разных зверей и обильной рыбной ловлей. Число земель также есть весьма превосходно числу жителей, и находится довольно лесов.

XIV. Яарикс, генерал-губернаторство, коей стольный град того же имени, жителей имеет 1 миллион 300 тысяч, дохода с нее семь миллионов фиеров; главные ее реки суть: Адин и Онвара. Земля хотя сама собой и не весьма плодоносна, но крайним попечением жителей не токмо коих собственную нужду родит, но даже часть отпускает в другие области. Ремесла и торговля более в сей губернии цветут, нежели

в других; земель хотя весьма довольно, но излишности нет также и лесов только столько, что для нужды потребно жителям.

XV. Бросыва, генерал-губернаторство, столичный город того же имени, имеет жителей 170 тысяч, дохода с нее 100 (тысяч) фиеров; большие реки протекавшие чрез нее суть: Менку, Гарба и другие, также в ней часть весьма рыбного и великого озера Гоалда; земля весьма неплодоносна, и вся пашня расположена между великих гор и болот, и хотя земли в ней и весьма довольно, но она почти вся занята неплодными горами, великими болотами и лесами.

Всего во всех губерниях жителей мужеска пола душ 11 070 000 миллионов.

Доход с них 36 000 000 фиеров.

За сим следует роспись всех городов и имеющих суды селений, также главных пристанищ с показанием их градусов долготы и широты.

По прилежном рассмотрении сей карты и прочтении прописи, многие возымел я сомнения, о которых желал я у хозяина моего изъяснения потребовать, ибо казалось мне неприлично утруждать Агибе.

Глава X. Разговор писателя в объяснение Офирской страны и политического положения сей земли, также и о древности земли Офирской

Через два дня по получении мною карты, поутру сей почтенный старец пришел меня посетить. Поговоря несколько о разных европейских науках, сам он меня вопросил, как мне показалась карта, им мне подаренная, и не навела ли она какого мне сомнения своей прописью? Я, похваляя карту, как и действительно должно было ее похвалить, не мог сокрыть, чтобы не изъявить некоторые вещи, которые меня в рассуждении политического положения земли Офирской в удивление привели. Агибе с приятным видом просил меня, чтобы я ему открыл мои сомнения, ибо, говорил он, сие не токмо он [не] примет за противное, но даже за весьма себе приятное, понеже и самое есть правило земли Офирской — терпеть охуления на правительство, их собирать и по сему стараться делать исправления. «Ибо, в самом деле — он приложил — как со временем я могу узнать, хотя законы офирские и деланы с наивеличайшими осторожностями, но не может ли случиться, что кто еще в сем найдет пороки, или полезнейшее

изобретет, а первое подаст правительству причины к размышлению, а второе учинит и способ к поправлению. Сохрани нас, Боже! вскричал он, чтобы мы мнили, якобы в головы токмо некоторого числа людей, в чинах находящихся, Бог поместил весь разум, ограбя всех прочих людей от того».

Я, быв ободрен такими его уверениями, предложил ему мои сомнения в рассуждении политического состояния государства. Оные состояли: 1) чего ради толь неровный учинен раздел губерний по числу жителей, что в иной губернии до трех миллионов, а в другой 150 тысяч их считается? 2) чего ради правление сих губерний состоит единое под генерал-губернатором, а другие под губернаторами? 3) чего ради многие учреждены правительства не в городах, но по деревням? 4) что доход также не равен по числу жителей с губернии положен?

Почтенный старик, видя у меня стоящую чернилицу, ничего мне не отвечая, вопросы мои записал на бумаге, а потом зачал говорить: «Я записал ваши вопросы, ибо быв уже семидесяти лет, чувствуя память мою ослабевающу, но чтобы мне чего не позабыть и порядочно ответствовать вам.

Легко мне ваши сомнения решить, которые не суть сокрыты от правительства, но все сие учинено на основании глубокого размышления, и я думаю, что если вам расскажу всему причины, то вы не токмо не будете сему удивляться, но напротив того похвалите наши учреждения.

А по сем приступаю учинять вам требуемые изъяснения. Первый ваш вопрос состоял: чего ради толь неровный учинен раздел губерний по числу жителей, что в иной губернии до трех миллионов, а в другой 150 тысяч их считается? Сему есть разные причины, и первая: взираемо было на многонародие страны, ибо где тесно жители поселены, следственно и приезд в судебные места ближе, тут и единое судебное место может более число людьми управлять. К тому ж не могло б много в весьма населенной стране соделываться стольких и преступлений, как в странне не населенной. Воззрите вы на карту и увидите, что все сии губернии, где великое есть поселенье, есть гораздо не толь пространны, как где малое число народу обретается. Вторая: взираемо было в расположении губерний и на самое умоначертание народов: где пространные земли и народ беспокоен, тут меньше число на губернии полагалось, а где народ спокойней, тут

и большее число меньшим числом правительств управляться может, яко губерния Офироманская, где у нас народ особливо тихого расположения, и хотя много числа народа и пространна землями, однако в ней менее беспокойств и преступлений содевается. Третья: те губернии, которые наполнены лесами и другими местами удобными сокрыть преступления, также положено, чтоб менее имели народа, ибо уповаю, что вы согласитесь в общих наших правилах состоящих, что числа судей без нужды умножать не должно, и что надлежит стараться, чтобы и судебные места не весьма были между собою отдалены. Но что касается до губернии Квамо, сия имеет, в рассуждении ее великого многонародия, особливое правило. Город Квамо, столица сей губернии и всей империи, столица и пребывание государей офирских, быв и местоположением своим среди империи, имеет окроме учрежденных многих судебных мест и стечение знатнейших людей государства, которые и жительство в деревнях своих в округе сего града имеют, также земля есть весьма населена, а все сие и служит к содержанию доброго порядка. А сверх сего сия единая губерния, содержав себе близь четверти государства и быв, можно сказать, управляема под очами государевыми и главнейших людей государства, дает вся по всей империи пример, и в случае бы какого возмущения, где в отдаленном месте, одной силой сей губернии можно возмущение унять. Противное сему единожды у нас воспоследовало, когда императрица Арапитеа, разделя сию губернию, лишилась сей помощи; отдаленные области взбунтовались, она в разделенных губерниях тщетно тщилась собрать довольное число войск. Или разномыслия их колебали, или во время собраться не могли — и она лишилась престола и жизни в заплату за ее беспорядочные деяния и учреждения.

Второй вопрос ваш состоит: чего ради правление губерний состоит единых под генерал-губернаторами, а других под губернаторами. Взгляните на карту, и оная вам покажет, что все те губернии, которые находятся под главным начальством генерал-губернаторов, суть губернии пограничные и сии генерал-губернаторы суть обще и начальники тут расположенных войск. Не думайте же, чтобы генерал-губернаторы имели большую власть в гражданском правлении; их власть велика во всем том, что касается до военного, но в гражданском, они токмо понудители к скорейшему исполнению дел и предохранители всяких явных неустройств. Власть же гражданская, так как и в других губерниях возложена на губернатора. Генерал же губер-

наторы содержат в хорошем состоянии границу, имеют попечение о благоустройстве войск и по чину своему генерал-губернаторскому, гражданской власти сему предмету способствовать повелевают. Впрочем они есть уже назначенные начальники, которые в случае войны против того неприятеля действовать должны. И тако не занимаются у нас вожди войск многими другими делами окроме военных, ибо в самом деле немного в государстве и родится таких людей, кои бы довольные для сего качества имели, и правосудие им не вверяется, ибо хотя и все мы обязаны знать законы, но, не учась приложением их и нужным обрядам, никто исполнителем их быть не может.

Третий ваш вопрос состоит: "чего ради многие у нас учреждены правительства не в городах, но по деревням?" На сие бы я мог кратко вам ответствовать, что стольких городов нет. Но как, уповаю, и самим вам сия причина есть ощутительна, то я потщусь вам причину изъяснить. Правительства учреждаются для жителей страны, а потому и должны они тако быть расположены, чтобы каждому удобно было к оным прибегнуть, чего ради каждому такому нижнему правительству и приписать округи. Но как не везде в таковых округах нашлись города, то и в самых деревнях их учредили, ибо в самом деле, не наименование города, не сословие жителей градских, но учрежденное правительство управляет делами, и тем еще с вящею удобностью, что градские дела и упражнения не отнимают у судей времени дела земские исполнять. Читал я в наших древних памятниках, что в единое время хотели таковые места городами учинить. Сие не произвело никакой другой пользы окроме приведения в распутство судей и отнятия жителей от земледелия, дабы их разоренными и развратными мещанами учинить, а городов достойных сего именования не завели, ибо и подлинно не от воли государя или правительства зависит соделать город, но надлежит для сего удобность места, стечение народа и самый достаток жителей. По счастью вскоре сии неудобности были усмотрены, переименованные деревни в города опять деревнями большая часть осталась и, поневоле в касты купецкую и мещанскую вошедшие крестьяне, с радостью и с пользой себе и государству к орашению полей возвратились.

Четвертый ваш вопрос состоит: что доход расположен не по числу жителей в губерниях? Простите мне, если сей вопрос ваш меня удивляет, ибо кажется сему инако и быть не можно, потому что неплодородные где земли, где нет промыслов, отдаление от столичных

и торговых городов и пр., там могут ли жители толь много платить как тут, где все сии удобности есть? Доход у нас не инако положен, как по прилежному рассмотрению, что житель может сам получить, и чтобы он сам, имея едва пропитание, еще налогами не отягощался. А как многие места могут и удобрения получать, то каждые двадцать лет оклады переменяются, но однако весьма с малой прибавкой, дабы не отнять и побуждения удобрять земли и заводить новые прибыли, и даже до того, что если при самом окладе кто десять лет не пользовался какими новыми заведениями, тому дается право оными воспользоваться, а после платеж производить. А сим образом подданные никогда сверх силы своей не платят, старательные получают себе прибыток, а казна государственная частое умножение доходов».

Сим кончил почтенный сей муж изъяснение на мои вопросы. Я, видя, что он толь охотно в разглагольствие вступает, просил его позволить ему еще единый вопрос учинить, а как он мне дозволил, то я ему учинил следующий: именование вашей страны неизвестно есть нашим народами, и мы имеем известие, по нашим священным книгам, что от единого царя земли Иудейской, именем Соломона, отличного своею премудростью, ходили корабли в землю Офирскую и привозили злато, слоновые кости и разных редких птиц, которых мы ныне обретаем в ближайших к равноденственной линии местах. Скажите мне, имеете ли вы какие памятники о сем путешествии, и самая ли сия есть та земля Офирская, о которой наши священные книги поминают? И если то та, есть ли у вас ныне сии птицы, яко павлины, попугаи и слоны, чтобы сим кораблям возможно было довольствовать оные?

На сие он мне ответствовал: «Земля наша есть самая та, о которой ваши священные книги поминают, и мы находим в древних наших летописцах, что за... лет[168] до бывшего у нас применения, из единой земли, называемой *Иуда*, или *Пластина*, от царя Соломона приходили корабли, употребляя более двух лет на путешествие свое, привозили к нам многие вещи и получали от нас многое, а паче золото, ибо тогда у нас торг с чужестранными не токмо позволен, но и побуждаем был, и богатые наши золотые рудники, не по мере нужды, но по жадности к корысти обрабатывались в академии нашей, и ныне хранятся некоторые их писания, писанные на кожах, которые доказуют приезд таких чужестранных. Правда, ни слонов ни птиц таких у нас нет и не бывало, но как путешествие сих кораблей было через жегомый пояс

земли, то могли они, брав оттуда их привозить, а как путешествие сих кораблей кончалось в нашей земле, то может статься, что и все сие считалось, якобы из земли Офирской было привезено».

Тогда пришел в мою комнату обретающийся офицер при Агибе сказать ему, что наступает уже первая после полденная стража, то есть первый час по полудни, час назначенный для приема людей, и он, взяв меня с собою, пошел в свои комнаты для приятия гостей.

Глава XI. Приезд в Перегаб Офирского Императора, описание его двора и представление писателя ему

Наконец марта 10 числа, по нашему счислению, прибыл в Перегаб император. Я был любопытен видеть его встречу и для того спрашивался у хозяина своего — могу ли я идти ее видеть? Он не токмо мне сказал, что сие зависит в моей воле, но и отвел меня в дом одного своего приятеля, мимо которого император должен въезжать в город, где я вместе с супругою его смотрел сего въезду, который ничего особливого не имел, окроме что род кареты его, где он сидел сам, была богатее обыкновенных, то есть, что была покрыта позлащенными кожами, и все кожи были подняты, так что он всеми видим был. Сия карета, ибо так я ее именую, была влечена осьми небольшими лошадьми и окружена была генерал-губернатором перегабским, начальником благочиния и полицейскими офицерами верхами на лошадях (ибо токмо в таковых случаях позволялось в городе лошадей употреблять приватным людям). Стекшееся множество народу, в молчании везде, на проезде ему кланялись с приложением руки к сердцу, и он им всем соответствовал.

На завтрашний день приезда императора Агибе мне сказал, что он имеет повеление представить меня пред него, и я, сев с ним в его повозку в одиннадцатом часу поутру, поехали во дворец. Дом сей соделан весь из мрамора, все окошки имеют переплеты медные и позлащенные. Но стены ничем окроме позлащенных подсвечников и множества картин, или лучше сказать портретов, не украшены. Подъезжая еще к сему императорскому дому, Агибе мне сказывал, что сие было здание еще древних офирских государей, что и самая худая архитектура доказывала, и что самое множество позлащения, которое я внутри увижу, был остаток их роскоши. Предупредил меня он и о самих портретах, которыми стены убраны были, говоря, что сии

суть изображения отличавшихся добродетелью их прежних государей, вельмож, военачальников и самых приватных людей, на которых имена, время жития их и кратко добродетели их были подписаны, ибо, продолжал он, чем лучше украсить дом государев, как тем, что всегда его должности и добродетель ему воспоминает. Довольно, невзирая на обуздание нашими законами — продолжал он — по его власти имеет он множество случаев соделать преступления, то и избрали за лучшее, чтобы и самые стены и украшения его дому всегда проповедовали ему добродетель.

В конце третьей утренней стражи, по нашему в одиннадцать часов, отворены нам были двери в комнату аудиенции императора. Он стоял возле великолепного трона из яшм, агатов и хрусталей соделанного, на златотканном ковре, и тут первых двух степеней люди пошли к нему, целуя его в левую часть груди, а он их целовал в лоб, а потом Агибе отошедши, подвел меня, и я, по наставлению его, то же в левую часть груди его поцеловал, и также был им поцелован в лоб. Потом пошли другие степени, третьей и четвертой; его также в тоже место целовали, но он уже их не целовал в лоб, но токмо возлагал им руку свою на голову. За сими следовали шестой, седьмой, осьмой и девятой степени, которые его целовали в то же место и в колено, и он на них возлагал руку свою. Прочие же целовали его все в то же место и в колено, без возложения его руки.

Сей государь, которого называют Самолин (думаю по повреждении индейского языка Заморин, то есть император), именовался Абрай, был тридцати двух лет, взрачного виду, черноволос и смугл, впрочем имел лицо весьма приятное и веселое. Одеяние его состояло: на голове некая шляпа высокая с малыми полями, цветом белая, на коей по черной ленте были положены жемчуги; на теле имел такое же одеяние, как и на прочих его подданных, окроме, что верхнее было фиолетового цвета суконное, а нижнее платье было белое. И как верхнее, так и нижнее узором наподобие узлов золотых узким галуном уложено по краям. На шее у него висела златая цепь с четвероугольной медалью, такая же, как на генерал-губернаторе и на Агибе я видел.

По продолжении часа, что к нему подданные подходили, ибо не всем был позволен приезд сей день во дворец, но по частям. Когда уже все престали подходить, тогда Самолин пошел в комнаты, и, ко удивлению моему, обходя всех первых степеней, подходил и гово-

рил со многими нижних степеней людьми. Сие продолжалось полчаса, когда он поклонясь отошел в свои комнаты и тотчас от баиари, то есть гоф-маршала двора присланы были служители, носящие зеленое платье с фиолетовой опушкой и имеющие на грудях сосновую шишку белую, звать некоторых к столу. В числе сих званых первый был Агибе, и тако я поехал из дворца с хозяином моим, его племянником.

Все, что ни видел я, возбуждало мое любопытство, а для того как едучи, так и приехав к нему в дом, чинил я ему разные вопросы, состоящие, первое: чего ради я не приметил никакого караула у дворца их государя. На сие мне хозяин мой ответствовал, что они не считают, чтобы могла быть нужда в карауле, а может быть вред, ибо государь должен быть храним не вооруженными, обретающимися вокруг его людьми, но любовью народной. Если же сего не будет, то никакая стража спасти государя не может, но будет и сама способствующая гибели его. Да даже от сего может произойти следующее: государь, быв окружен стражей, почтет не толь нужну себе любовь народную, и, не имея опасности, может ввергнуться в таковые поступки, которые ему самому и государству вред нанесут. Вместо что не имев стражи, он всегда старается в любови народной ее себе сыскать. Но — еще последовал он — настоит здесь вопрос, кого определить в стражи для хранения государя, единых ли непременных, или чтобы все воинство переменялось? Если учинить непременных, то сии благодеяниями Государя склонены, не будут граждане, но робкие рабы и исполнители воли государевой; власть его, не основанная на любви и на правосудии, но [на] самовластии и мучительстве возвеличится, он будет страшиться своей стражи, а силой ее страшен всем другим учинится; и твердость духа, добродетель и законная свобода истребятся. Самые сии стражи, коих конечно должно будет отличить и усилить со временем, могут получить такое могущество, что неосновательные законы и непорядок наследства, коих хотение будет государей на престол возводить и низводить. Наконец, если одним войскам дать право сие охранять своего государя, то сие произведет неудовольствие в других войсках, из таких же граждан сочиненное. Ежели же всем по очереди — то сие весьма затруднительно будет ради привожения их из дальних мест государства. Второй мой вопрос состоял: «Чего ради Самолин, прияв почтение от первых особ своего государства, не удостоил ни единому сделать приветствия, но пошел даже в другие комнаты искать

нижних степеней своих подданных, дабы разглагольствиями своими тех приласкать?» Хозяин мой мне на сие ответствовал, что сие самое, которое я являюсь охулять, если уведаю о причинах сего установления обрядов их двора, конечно заслужит мою похвалу. Продолжал он: обряд двора нашего Самолина состоит, что пять дней в неделю он имеет стол для своих подданных, взимая на отдохновение себе два дня, в которые обедает один, или кого заблагорассудит пригласить, который обычай даже и до всех вельмож простирается. В сии назначенные дни стол Самолинов состоит из 27 человек, то есть первой степени один, второй один, третьей степени два, четвертой степени три, пятой, шестой, седьмой и девятой степени каждой по четыре, которые поочередно зовутся, а посему, что выше степень в рассуждении их малого числа, то чаще тот имеет честь обедать с государем. Также и по вечерам пять дней в неделю первые четыре степени имеют вход к государю, из сих два же дни тоже позволение имеют пятая, шестая и седьмая степень, а наконец осьмая и девятая — один день. Из пяти же дней один и для всех позволено приезжать ко двору, но сие уже такое почти собрание, как и сегодняшнее, и оно есть публичное, то государь, приглашая к себе обедать и в приватные собрания, не токмо сперва с вельможами, но и с другими дружески разговаривает и оказывает им свое благоволение, стараясь притом и проникать их умоначертания и расположения их мыслей, но в таковых публичных собраниях, где государь, можно сказать, народу себя являет. Если бы он токмо с первочиновными разговаривал, то бы сие было яко знак, что не сыщет о чем с нижними и говорить, или бы казало род застенчивости или презрения, никогда бы нижних чинов люди не удостоились слышать глас своего государя, никогда бы он не мог познать служащих ему подданных, из коих многие и в важнейшие чины могут произойти. Слеп бы он был в рассуждении орудий, употребляемых им для исполнения дел и должен бы был во всем полагаться на тех, которые его окружают. Се есть причина — чего ради наши государи в публичных собраниях всегда и тщатся говорить с нижними чинами.

Воздавши достойную похвалу толь дальновидным установлениям, еще я его вопрошал, что меня удивляет то, что я не вижу, чтобы их императора окружали его придворные. Есть ли они и как многочислен двор? На сие он мне усмехнувшись ответствовал: он весьма мал и весьма велик, а видя мое удивление — продолжал: я сие являющееся противоречие вам изъясню. Подлинно двор нашего императора

в том, что касается до точно привязанных ко двору, весьма мал, ибо он состоит из следующих особ: в дворецком, имеющем попечение о столе императора и о снабжении всем нужным двор, который есть третьего классу, в конюшем четвертого классу, в четырех придворных, которых мы *аза* называем, двух четвертого классу и двух пятого класса, в ловчем шестого класса. Сии суть самые те, которых мы видели в зеленых верхних платьях, с фиолетовой опушкой и с золотым галуном по опушке, и белым нижним платьем. У них на груди вышиты желтым гарусом малые сосновые шишки. Сверх сих имеет император наш двадцати семи при дворе ему служащих, погодно, братых из трех служб, а именно из сухопутной военной, морской и гражданской, из каждой по девяти и в каждых девяти трое пятой, трое шестой и трое седьмой степени, которые ежегодно по избрании начальников присылаются ко двору. Сей есть способ сысканный, дабы не отяготить государство многим жалованьем придворных, учинить государю великолепие и доставить ему способ уже заслуживших некоторые чины людей короче узнать. Сии суть те, которых вы видели в разных мундирах, имеющих на зеленой повязке с фиолетовыми каймами вышитую сосновую желтую шишку на правой руке, иже есть знак службы их у двора, который они сменясь покидают. Еще при императоре находятся два его собственных секретаря, которых вы видели, носящих белое верхнее и нижнее платье с опушкою фиолетовой как у *азав* и с испещрением нижнего сосновыми шишками вышитыми желтым гарусом и с перевязками на правой руке, как избранные из разных служб, о коих я говорил, носят.

Наконец я его вопросил: чего ради при въезде императора не видел я никакого воскликновения от народа? На сие он мне ответствовал, что сие бы было тщетные знаки усердия, ибо хотя в земле Офирской и общее имеют попечение о воспитании юношества как мужеского полу, так и женского, но кажется им, что общим образом нигде народ не может быть довольно просвещен, а потому показуемые бы знаки радости и усердия от народа в самом деле ничего не значили, а могли бы некоим государям вложить мысли гордости и предубеждения, якобы они весьма любимы народом, что может вредные следствия произвести, а к тому не находят они нужды такими восклицаниями обеспокоить ушеса своих государей.

Приехав мы в его дом, отобедали и после обеда вскоре прибыл и Агибе, который мне следующее говорил: «Самолин, быв извещен

о ваших хороших поступках, которые вы во время бытности своей в нашей стране оказали, и в разных полезных сведениях, которые вы имеете, воздавая сам чужестранцу достойное почтение за оные, вас, как вы могли приметить, приял яко третьей степени своего подданного и сегодня соблаговолил мне изъясниться, что он весьма желает вас короче узнать». Я благодарил за оказанное мне уважение от императора и за все благодеяния, каковые я восчувствовал в бытность мою в земле Офирской.

Глава XII. Писатель более учиняется знаком императору, и призвание его ехать в столицу империи

Чрез три дня после сего приехал ко мне единый из придворных служителей мне объявить, что угодно Самолину, чтобы я назавтра был к нему к обеденному кушанью, а как тогда же и Агибе был зван к столу, то я в обыкновенное время с ним поехал во дворец. В двенадцать часов ровно по моим часам Самолин вышел и, учиня некоторое приветствие Агибе и другим вельможам, по сем говорил очень ласково со мною, расспрашивая меня о стране моего рождения и о разных моих путешествиях, о нравах и обычаях разных народов; о всем елико возмог я старался удовольствовать его любопытство. Говоря с ним я давал ему титул: блистательный в добродетели, иже есть единый, который он приемлет. В час после полудни мы пошли за стол, и я был посажен насупротив Самолина.

Стол Самолина состоял из 27 особ, по степеням званых, как я выше помянул, и двора его дворецкий — два *база*, два *синкреза*, чины соответствующее нашим адъютантам, один от сухопутных, а другой от морских войск, два *аиа* и два его секретаря, и того считая с ним было за столом 35 человек, что есть, как я после узнал, обыкновенное число людей, бывающих у стола государева.

Самолин во время стола много со мной разговаривал, расспрашивая меня о нашей артиллерии, о строении крепостей, о учреждении войск и о их вооружении. Разговор сей так продолжался, что уже он и после стола последуем был, и наконец он мне говорил, что как он весьма доволен моими ответами и слышит от меня много весьма достойного внимания, то и желает во время тех дней, в которые он не выходит, чтобы я ему более о сем изъяснил и показал бы ему книги, о которых он слышал, что я их имею при себе, дабы по самым рисун-

кам ему вещи понятнее были, о чем обещал чрез Агиба мне объявить, и позволил наконец мне ежедневно, когда выходы бывают, быть по вечерам во дворце.

На завтрашний день, поутру прислан ко мне был один из придворных офицеров, который привез ко мне довольное количество разных шерстяных парчей, несколько мехов песцовых и белых и черных и мешок денег, содержащий в себе на нашу монету до пяти тысяч ливров. Я тот же день, помню сие было день выхода императорского, за сей подарок его благодарил целованием в левую грудь и простым поклоном.

Наконец по нескольких дней поутру сказал мне Агибе, чтобы я изготовился после полудни в пять часов ехать к императору с моими книгами. В назначенный час поехал я с Агибом и с приготовленными моими книгами, которые, по приезде ко дворцу, отдал нести одному из служителей Агиба, а потом они были несены за мною одним придворным служителем в кабинет Самолина. Вошедши в сей кабинет, нашли мы тут генерал-адмирала, генерала от артиллерии и генерал-губернатора сей губернии.

В назначенный точно час, то есть ровно в пять часов, император из спальни своей вышел, и по кратких приветствиях находящимся тут, севши за поставленный тут большой круглый стол, приказал мне сесть возле себя и казать ему принесенные книги. Прочие же сели вокруг стола. Я начал показанием артиллерии Леблоновой, и тогда вставши подошел к стулу моему генерал от артиллерии. И должен я признаться, что никогда в столь жестоком экзамене не бывал, ибо никакая малейшая безделица пропущена не была, на что бы изъяснения и доказательства не востребовали, яко о причине толстоты и длины пушек, о заряде их, для чего пороху вполовину противу ядра полагается, о самых карнизах и ушах пушечных, о толстоте фигуре, о ковке и весе лафетов, о отдаче пушек и прочее. Но когда увидали мортиры, орудия им незнаемые, то более еще любопытство их умножилось, и вопросы их еще мелочнее были — должен был я им доказывать о всем, что касается до сложения мортиры, о разных пропорциях оных, о их лафетах, о действии мортир, о инструменте всеобщем и прочее. Даже как пришли сказать нам, что стол готов, и мы все за маленьким столом императора имели честь обедать. А после обеда император, подошед ко мне, говорил, что он весьма всеми моими изъяснениями доволен и желает, чтобы каждый вторник и субботу, то есть в те дни,

в которые он не выходит, я приезжал в его кабинет для окончания моих объяснений.

Сие я верно исполнял, и касающееся как до артиллерии, так до вооружения войск, до тактики, до строенья крепостей, их атаки и защищения, сколько я мог кратко изъяснил.

Все сие продолжалось до 15 числа марта по нашему исчислению, а тогда Агибе, с которым я жил в одном доме, зачал проситься ехать наперед императора в Квамо, ибо по старости его лет и по припадкам его болезненным, не мог он поднять тягости зимнего пути и звал меня с собою и дабы я согласился там и жить в его доме. Охотно я сие предложение принял, и он, получа от императора позволенье и откланявшись ему, также и я, отправились мы в путь марта 25 числа, едучи в закрытых колясках и на быках, так что по нашему исчисленью едва могли по осьми лье пути в день сделать.

Книга вторая
ОТЪЕЗД ПИСАТЕЛЯ В КВАМО И ЕГО ПРЕБЫВАНИЕ ТАМ

Глава I. Путешествие писателя в город Квамо и то, что им примечено на пути о поселенных полках и училищах

В первый день мы, отъехав четыре лье, приехали ночевать в единый развалившийся замок, который видно, что был весьма великолепного здания, ибо позлащения еще на некоторых стенах остаются. Жалел я, что позднее время дня не дозволяло мне тотчас идти удовольствовать мое любопытство, но Агибе мне сказал, что он назавтра не рано поедет, и так я могу иметь время его рассмотреть, продолжая однако: «Не удивляйтесь развалинам сего великолепного замка. Сие не токмо показует какое нерачение правления, но паче его мудрость, что лучше хотело пожертвовать многие великолепные здания, но твердое благополучие сделать государству. И я думаю, что вы уже о причине подобных же развалин в городе Перегабе слышали о причинах, побудивших из оного пребывание государево перенести в древнюю столицу государства Квамо. Сии самые причины привели в запустение и сей великолепный замок, который был увеселительный дом живущих в Перегабе государей и назывался Сисео. Можно сказать, что все сокровища империи были истощены для умножения

его великолепия, но истощены с ущербом других частей государства, да и самое сие великолепие не нужно учинилось, когда жилище государей стало перенесено в древнюю столицу. А дабы совсем не потерять великие тут положенные иждивения, то заведена тут фабрика лучшего фаянса, дабы по дороговизне здешних мест могла хорошей работой соразмерна продажа посуды быть, и оставлены сады и некоторые рощи, которые от фабрики сей вместо найма зданий содержатся для гулянья приезжающих из Перегаба. Но как фабрика не может ни всех великих зданий занять, ниже в состоянии все содержать, то большая часть в развалины превратилась».

Назавтра я весьма рано пошел смотреть сей фабрики и развалин великолепных зданий и подлинно нашел, что хотя более пятисот человек были упражнены в делании весьма хорошего фаянса, которые все и жилища свои тут имели, но еще большая часть зданий пуста оставалась, хотя огромность оных, остатки позлащения, великие камни и много кусков разных марморов — редкого в сей стране — показывали великую пышность, но сколько я мог приметить, все было без вкуса и без хорошей архитектуры строено. Что наиболее меня удивило, что хотя самое сие место было на горе, но вода из дальних мест водоводом была приведена и сочиняет немалой величины озеро. Любопытствовал я видеть и сады. Они, правда сказать, не весьма в хорошем содержании и суть более рощи, нежели прямо сады. Может быть сие от древности произошло, но пространство их и величина деревьев достойна внимания. Смотрел я самую фаянсовую фабрику, о которой, колико знание мое постигает, скажу, что вещество очень хорошо, но в обработке, ни в образе сосудов ни в живописи, или резьбе, я не видал совершенства. Правда, что приметя мое неудовольствие, смотритель сей фабрики мне сказал, что они имеют узаконение, чтобы не весьма стараться о резьбе и живописи, но токмо о доброте вещества, ибо сие истощение искусства знатных художеств может учинить дороговизну посуды и произвести роскошь, а фаянс не на то делается, чтобы роскошь умножать, но чтобы дать нужные для спокойства и удовольствия жизни человеческой сосуды. Что же касается до образа их сосудов, то хотя они мне и не полюбились, но вкус зависит от народа и употребления. Может статься, и офирец бы то же сказал о наших лучших сосудах Севрской фабрики.

Однако спешил я возвратиться к Агибу, у которого нашел уже запряженных быков, и изготовленный завтрак, состоящий из холодных

мяс, вареном сыре и молоке, и так, позавтракав, поехали мы в путь свой. По переезде около двух лье французских, приехали мы в одно селение, весьма изрядно построенное, где между множества маленьких домов были некоторые весьма изрядные дома и противу обычая сих стран некоторые и каменные. Самые жители имели бороды выбритые, так же противу обычая крестьян той страны. Я думал, что сие есть какой город. По каждой стороне сего селения находился караул и в самых улицах многие лавки. Любопытствовал я спросить, какой сей есть град, ибо в имеющейся у меня карте я не находил, чтоб толь близко от Перегаба какой город находился. «Нет, ответствовал мне Агибе, сие не град, но военных людей Перегабского полка поселение, и я намерен здесь обедать, у одного моего приятеля, начальника сего полка». Уже в самое сие время мы и подъехали к крыльцу одного изрядного каменного дома, где сам хозяин и немалое число офицеров, коих можно было познать по их синим платьям, встретили Агиба. Мы были введены в комнаты, которые также, как и обыкновенно офирские, не имели никаких украшений. Агибе сделал приветствие хозяину и хозяйке, обоим уже людям не молодых лет, также всем офицерам, из которых были многие, которые под начальством его служили, а по сем некоторые разошлись и званы мы были к столу, за которым, по узаконению офирскому, число гостей по степеням чинов находилось десять человек. Кушанье было поставлено на железном луженом сервизе и состояло из простых мяс, токмо с травами изготовленных, и напитки таковые же, как я выше упомянул. После стола по офирскому обычаю все пошли отдыхать. Я же, желая удовольствовать мое любопытство, пошел смотреть сего селения. Нашел я тут порядок, чистоту и знаки довольствия, которые едва ли и в лучших европейских городах так всеобщие есть. Нашел в лавках продаваемое все, что для пропитания человеческого принадлежит, то есть разные хлеба в зернах и печеные, мяса, птицы, дичь, огородные разные овощи и оставшиеся от лета плоды, яблоки и груши. Касательно до рукоделий: сукны, полотна, сапоги, башмаки, рукавицы, шляпы, пуговицы и прочее, и все сие по большей части продавано было или престарелыми солдатами, или женами их. Полюбопытствовал я взглянуть на задние части дворов. Там увидел я великие клади хлеба, а и самое поле все было покрыто копнами, ибо в сие время хлеб уже сожинался. Однако, взглянув на часы, спешил возвратиться на мою квартиру к Агибу, где я его нашел окруженна тутошними офицера-

ми и многими старыми солдатами, которые с ним служили, и здесь, уведав его приезд, пришли знаки своего почтения оказать. Он всех их приветствовал, воспоминал некоторых из них их службы, говоря, чтобы они и детям своим то же усердие к отечеству, храбрость и повиновение, какое они сами имели, внушали, и что меня наиболее удивило состояло, что он большую часть сих стариков по именам знал.

Наконец мы выехали из сего места уже не рано, но как дорога весьма хороша, небо было чисто и было полнолуние, то мы не опасались, прихватя часть и самой ночи, ехать.

Когда сели мы в нашу повозку, то вскоре почтенный старик вопросил меня: как я сие селение нахожу? Я искренно ему ответствовал, что оно мне кажется весьма довольно и спокойно для солдат, но что у нас таких селений нет, для того, что все у нас солдаты суть вольно набираемы на сроки, незнающие и нехотящие прилежать к земледелию, а единственно токмо упражнены к познанию их воинской должности, а чрез самое сие, яко во все время своей службы сей единый имеют предмет и до лучшего познания оные достигают.

Агиб, который приметил мою похвалу наших учреждений, паки меня вопросил: имеют ли они какое имение яко граждане, ибо — приложил — солдатское есть ничто? Я признался ему, что не имеют. Паки вопросил: во сколько лет они входят в солдаты? Ответствовал я: что не прежде как двадцати лет. Еще третий он учинил вопрос: из каких людей у нас набираются солдаты и взирают ли на их добрые нравы? Я ответствовал: изо всяких и никак на нравы не взирают. А тогда он, усмехнувшись, мне следующее говорил: «Я приметя, что являетесь, превозвышая ваши учреждения, охулять наши, сделал вам три вопроса, а самые ответы ваши мне и показали, что мне кажутся ваши учреждения о военных людях хуже наших. Ваши воины ничего не имеют и тако одним жалованьем день до дня живут, следственно не имея ни дому, ни привязанности к собственности они, можно сказать, отрезанные люди от государства. А потому, по естественному положению человека, могут покуситься искать себе лучшего состояния, не взирая на пользу государства, следственно и можете ли вы понадеяться на верность их? Они бьются со врагами яко настроенные машины с тою храбростью или запальчивостью, какое или порядок военный или ярость битвы влагает, а не с тою твердостью, каковую должен иметь гражданин, защищая отечество свое и собственность свою. Солдаты ваши входят в сие звание, вы сказали, около двадцати лет, следственно

с сего только времени и должности сей службы начинают познавать, не приготовленными ни мало ни в рассуждении расположения их мыслей: коль честно воину храбро сражаться со врагами отечества и коль полезно ему исполнять весь порядок военной дисциплины. Не привыкли они и не обучались ни стрелянию из ружья, ни действию копьем, ни мечем, но всему среди службы и других упражнений, приняв уже сие звание, должны обучаться. Не приобыкли они ни к доброму устроению, ни к ровному шагу, ни к обращениям, а уже в зрелых летах должны себе сию привычку делать. Принимаете вы в сие звание защитников государства людей вам незнаемых, а может статься, и поврежденных нравов; то, ничего не имея, быв без всякой собственной привязанности к государству, без знания, привычки, а может статься и без добрых нравов, могут ли они быть толь храбрые, искусные и верные отечеству воины, как те, которые все сие имеют? Может статься, что доброта устроения вашего, о котором вы мне рассказывали и которого я и рисунки у вас видел, сим неудобствам помогает, но, рассудите, если бы при вашем устроении и все прочее было соединено, то не учинились ли бы ваши воины совсем непобедимы?»

Я должен был ему признаться в истине его заключения, а как я приметил, что ему не противно было, чтобы я его о многом в рассуждении состояния их империи расспрашивал, то я его и спросил, какое есть учреждение и порядок в рассуждении сих поселений военных людей, и как земледельческая жизнь может быть соглашена с военной службой?

На сие он мне отвечал: «Охотно я потщусь вопрос ваш полным изъяснением о всем ответствовать; и тем наипаче, что тихая езда сие позволяет, а быв в таких разглагольствиях, и дорога нам покажется короче.

Я начинаю, первое, с того: границы наши все верно измерены, но по пристойностям у нас построены крепости и снабжены довольными гварнизонами и всякими съестными припасами на два года, а воинскими для сильнейшего сопротивления, какое возможно себе представить. Сверх того, располагая по силе и могуществу наших соседей, к каждой границе имеем мы особливое воинство, довольное для безопасной защиты страны, вооруженное и изготовленное так, как удобнее противу того народа действовать. Сии войска у нас следующие: на границах дысвы противу срапуки, колипе противу утрики, противу дыбипака, противу запаркоцяда, противу циитыл-

ка и наконец внутренние, могущие во все страны помощь подать. Посему вы и видите, что у нас есть двоякие войска, единые неподвижные гварнизоны в городах, а другие полевые. Гварнизоны у нас сочинены довольные по нужде городов. Первое их установление было, как видно по нашим летописцам и древним узаконениям, из солдат раненых или выслуживших урочные лета. Но как сии, жив в городах, поженились, стали иметь детей, то уже детьми их стали комплектоваться, и чрез течение многих веков толико умножились, что ныне великие селения составляют. Правда, что число военнослужащих не прибавилось, а токмо что из молодых людей комплектуются, но и другие, хотя они еще солдатами не называются, но должны носить все одинакие особливые им платья и с детства, начав с двенадцати лет начинают их единожды в неделю обучать ружьем, а как достигнут в степень совершенного возраста, который у нас для гварнизонов полагается семнадцать лет, то окроме, что каждую неделю они должны учиться ружьем, но и каждый год весною и осенью собираются по две недели в лагерь, где их всем военным обращениям обучают, и сие продолжается до шестидесяти лет. Ружья для сего имеют в магазейнах и каждый начальник сотни имеет у себя тех, которые к сотне его по происшествию принадлежат. В лагере же начальник гварнизона их обучает. Еще для воспитания их учреждены школы, в которых не токмо грамоте, но и разным грубым и умножающим силу ремеслам обучаются. И в школах сих они становятся на часы, ходят дозором и прочие должности яко солдаты исправляют, а чрез сие привыкают ко всем обращениям военной службы, и когда учинится убылое место в комплекте, то уже совсем изученные вписываются, токмо надевают на них мундиры, и они уже добрые солдаты суть. Смотрение за сими гварнизонами есть у нас строжайшее, ибо не токмо начальники городов наблюдают, чтобы дети гварнизонных солдат не пропадали и весь бы порядок был наблюдаем, но ежегодно определяются и надзиратели, которые объезжают гварнизоны и в самые малейшие подробности в рассмотрение их входят. Сии гварнизоны толико ныне умножились, что у всякого города есть великие слободы, которые сими детьми населены. Промышляя разными ремеслами — ибо по большей части они все ремесленники — составляют пользу городу и сами весьма зажиточно живут. И уже несколько тому лет, как правительство, рассматривая великое число сих привязанных людей для комплектования гварнизонов и их благосостояния, положило на них

очень малую подать, которая однако нашлась так велика, что самые ее гварнизоны содержатся. Из сих мы окроме крайней нужды не берем никого в полевую службу, а токмо находятся в наших летописцах два случая, в которые государство, быв отягощено жестокой войной, некоторое число из сих употребило в полевую армию.

Касательно до полевых наших войск, я уже вам сказал, что у нас войска по положении наших соседей разделены. Земля наша пространна, а потому и довольно нашлось пустых земель, дабы везде по пристойности политического положения полки поселить, а правда читал я в древних записках, что некоторые пустые земли и у приватных людей были куплены. До учинения сего поселения, войска наши комплектовались взимаемыми с народа людьми, и бывшие частые войны, и неженитьба солдат, принужденных странствовать и в мирное время по государству с переменою климатов, в крайнее изнурение привели народ. Усмотрено было сие зло нашими разумными предками, и для отвращения сего зла, по разным распределениям войск, каждые к той стороне, где в случае нужды им должно действовать, были поселены с такими учреждениями: на каждый полк отведены были не токмо довольные, но и излишние земли. Полки наши, состоящие в двенадцати ротах сотенных с мушкетами и двумя пушками, были разделены селениями их на роты, и каждая рота под начальством своих офицеров, составляла селение, а как роты наши были только по сто человек, то умножены они были до ста двадцати человек. Каждому солдату дана была меньше обыкновенного хлебопахаря — однако довольная — земля, которую они обязаны стали обделывать. Треть же из каждой роты, переменяясь погодно, производит солдатскую службу, а и все должны каждый год собираться на три недели и обучаться военным обращениям, а во все время, в каждый месяц два раза. Служащим по очереди позволено отдавать их землю в наймы другим, которым для сего и неполная дана. Не токмо позволено, но и повелено в полках иметь приличные мастерства, но больше грубые, яко плотничье, столярное, кузнечное, шляпное, сапожное и подобные. С начала учреждения они три года получали все жалованье и провианты, и комплектовались взимаемыми людьми с народа, но чрез три года сие жалованье и провиант были отменены, оставлена токмо трети, которая производит военную службу, а другим на токмо месяц, то есть считая то время, когда они в ученье военных обращений упразднены. Что же касается до комплектования их взимаемыми людьми

с народа, то как тогда же учреждено было, что каждый отставленный солдат, по выслужении урочных лет, не токмо должен в селение его полка возвратиться, но и в самую ту роту. Детей от них весьма умножилось, и учреждено, что, окроме крайней нужды — от двух сыновей у отца брать одного, от трех одного, от четырех двух в солдаты. А сим способом служащие, или лучше сказать записные солдат роты у нас ни часу некомплектованы не бывают, ибо как скоро один выбудет, так скоро из той же роты детей солдатских другой берется. Желали наши предки и то учинить, чтобы отвратить всякое злоупотребление в начальниках соделать их благосостояние и побудить службу. А сего ради мы имеем в каждом полку четырех начальников, то есть первый и главный, называемый *байрат*, второй его наместник, *байрат-кого*, третий *мамьят*, который исполняет повеление байрата, и четвертый *мамьят-кого*, его товарищ. Каждый из сих имеет свою сотню или роту в полку, а чрез сие других начальников рот уменьшается, чрез что государство жалованье сохраняет, и начальников рот, *бараев*, быв меньше, скорее им достается в вышние чины. К тому же начальник полка и его наместник, так же все начальники рот, имеют в поселении полков определенные земли, которые служащие солдаты и дети их должны обрабатывать. Земли сии расположены так, чтобы на начальника полка не более двух дней весь полк в году работал. Чтобы на его наместника не более двух дней половина полка работала, а [на] начальника роты не более двух дней рота работала. И два начальника не токмо сим правом пользуются в рассуждении полка, но и в рассуждении роты, яко они начальники и рот. Все сие стечение учиняется, что они самих солдат и их детей, окроме должности по службе, но и по самому собственному своему прибытку, считают таковыми, которые им самим пользу приносят, а потому и весьма стараются о размножении подчиненных своих, так что ныне есть роты, которые имеют по двести и по триста человек, готовых вступить в службу, если нужда потребуется. Главное правило нашего правления есть из самых страстей и слабостей человеческих извлекать пользу государству, что в сем случае, как вы видели, и исполнено повелением: определенное время работать всем военным поселянам на их начальников. А дабы какое злоупотребление не было учинено, то взяты следующие осторожности, которые за нужное почитаю вам сделать приметить. Главный начальник полка, всегда при оном находящийся, наблюдает о благосостоянии рот; ротные начальни-

ки, а паче мамьят и мамьят-кого, которые суть ближе чинами к первым начальникам, имеют право остановить какие злоупотребления в рассуждении полка учиненные, а паче в отягощении военных поселян, ибо сие отягощение не может и им самим тягостей не нанести. А к тому по два раза посылаемые надзиратели с такой строгостью и точностью изыскивают, нет ли каких злоупотреблений, что едва они укрыться могут, и за малейшее укрывшее сие подвергаются лишения чина и чести. Самые надзиратели, если они не учинят прилежного изыскания, а после то откроется, яко нерачивые и учинившие похлебство, судятся. Впрочем не думаю, чтобы мне нужно было входить в подробность изъяснять вам все пользы, происходящие от такого поселения полков, ибо они есть очевидны. Однако я их кратко исчислю: 1) поселенные полки так размножились, что, уже более трехсот лет, мы не знаем, чтобы с народа брать людей для укомплектования полков; 2) благосостояние военных людей соделано, ибо они все живут с довольным достатком; 3) не несмышленые и не незнаемые входят в должность солдатскую, но такие, которые с самой юности своей привыкали к военным обращениям, коим действие оружием, устроение, повиновение и нужное воину честолюбие почти природны учинились; 4) не могут сии люди нехрабры и неверны быть, ибо окроме внушенья им сих добродетелей от сосцов матерей их, они все имеют собственность и сражаются со врагами обще, яко искусные воины, верные граждане и защищающие свое имение; 5) все государство от умножения их ремесел и земледелия пользу получает; 6) в случае какого внутреннего беспокойства государственный враг везде находит укрепленные места, ибо, чаю, вы приметили, что то селение, которое мы проехали, окружено валом, а наконец 7) хотя прилагаются у нас все попечения, дабы злоупотреблений не было, и хотя строгие учреждены наказания преступникам, и хотя можно довольно похвалиться, что добрые нравы в нашем государстве толико же действуют над народом как самые законы, однако могут случиться злоупотребления в раздаче жалованья и съестных припасов солдатам, или неусмотрение в лечении их во время болезней. А как наши солдаты имеют собственность и достаток, то почти ни один не выходит в поход, чтобы не имел с собою некоего числа денег, которые в случае нужды на необходимость употребляет, и, поверьте мне, что часто таковой их малый достаток помоществует к спасению жизни многих».

Сим сей почтенный муж окончил свою речь, и мы тихою ездою продолжали путь свой, даже как на третий день, около полудни, приехали в единый великий град, окруженный высокими бойницами, с пушками на оных и с глубоким водяным рвом. Врата были железные, и ведущий к оным подъемный мост чрез ров еще был защищен поставленными пушками.

Понеже я не хотел беспокоить Агиба моим вопросом во ожидании, что мы скоро приедем на квартиру, то токмо его вопросил о имени сего города, и он мне сказал, что сие есть Габановия, столичный град губернии сего имени. Мы вскоре после сего приехали на изготовленную нам квартиру, где уже нашли нескольких из начальников града, ожидающих Агиба. По первым приветствиям вышел Агиб, и я хотел идти смотреть город, но как он, выходя из повозки, людям своим сказал, что он намерен в сем граде ночевать, то я и почел за лучшее после обеда идти удовольствовать мое любопытство. А как между тем временем вышедший офицер, находящийся у Агиба, звал остаться некоторых из пришедших тут городских начальников, то я рассудил за лучшее употребить сие время — сделать знакомство с ними. Сии начальники были: губернатор города, чин который они именуют *преай*, начальник гварнизону *кадир* и некоторые другие, но обще сие были начальные судьи града.

Дом, где мы остановились, был гостиница. Здание довольно пространное, ничем не убранное окроме подмазки, и все нужные токмо находящиеся тут вещи совершенной простоты были. Мы заняли токмо четыре комнаты, а и в других также находились стояльцы, ибо дорога сия есть весьма проезжая, да и в самый город многие приезжают.

Отдохнув с полчаса, вышел Агиб, и уже приспело время обеда. Седши за стол, Агиб расспрашивал губернатора о единых вновь деланных укреплениях, какой они имеют успех. Сей случай подал мне [повод] его вопросить: что разве сей город подвержен какой опасности от неприятелей, что вижу его огражденного толь высокими стенами и глубоким рвом, и слышу, что еще новые укрепления делают. «Нет, ответствовал мне Агиб, он не более подвержен неприятельскому нападению, как и прочие внутренние грады государства. Но сие есть у нас политическое правило, чтобы в самой нутренности иметь в каждой губернии один или два города укрепленных; а в сей губернии окроме пограничных находится он один. Правило сие основано на сих двух главных причинах. Первая: в каком благополучии государство ни на-

ходится, хотя оно у нас двойным рядом крепостями ограждено, но не можно на неподлинность дел человеческих полагаться; то в случае какого несчастья, ежели неприятель войдет во внутренность страны, если нигде не будет укрепленных городов, то уже без сопротивления неприятель будет свои успехи простирать, а государство лишится способа и времени защищаться и новые войска набрать. Вторая: хотя уже тому тысяча пятьсот лет миновало, как в Офирской империи ни малейшего бунта и междоусобия не было, но чего не было, а что в естестве не невозможно, то может случиться, то тогда, ежели нет внутри укрепленных градов, каждое возмущение гибелью государству может угрожать, и весьма трудно его будет унять. Вместо того, что укрепленные и снабженные войсками грады, не токмо сии злы, но и самое покушение, наводя страх, предупреждают».

После обеда спешил я сделать обозрение городу, и начальник войск, по обыкновенному учтивству офирского народа, предлагал мне сотовариществовать. Я поспешил первое на великом озере [в] порт, где видел множество проходящих и множество выгрузившихся судов с хлебом, пенькой, железом и прочее. И казалось мне: тут торговля толико жива и цветуща, как в лучших купеческих наших городах. Я видел тут множество купцов: иные сгружают свои товары, иные дают наставление судам, идущим в Перегаб, иные нагружают лес и доски для отпуску, наконец иные продают свои товары или покупают; и все сие с такою скоростью делается, что как скоро кто какой торг заключил, тотчас в лежащую в едином зале откровенную книгу под стражей единого писца записывал, и сие, как меня уверяли, было уже всегда верно исполнено. Потом посещал я укрепления градские, которые нашел на подобие старинных наших городов созданные: стены высокие толстые и с бойницами, окруженные глубоким рвом, и в некоторых частях оного находится вода. Проходя по улицам, видел: первое, рынок наполненный всякими рыбами, тут близ ловящимися живыми, солеными и сухими, и видел множество вывесок всякой железной работы, также столярных мастеров. Я несколько удивился великому числу сего рода ремесленников в сем граде, но вожатый мой сказал, что понеже страна сия имела некоторые рудники железные, а еще более получая привозимое железо на судах, также понеже сия страна есть обильная лесами, то множество находится столяров и других древоделателей, которые, производя свои рукоделия, отправляют оные в разные другие города, или где меньше лесов или

меньше искусников, или они за какими другими обстоятельствами дороже становятся и правительство, по разным состояниям городов, такие ремесла и промысла побуждает. Многие во граде сем находятся училища, яко для солдатских детей, для мещан, для купцов и наконец для дворян, и я надеялся что лучшее видеть, просил, чтобы меня ввели в училище дворянское. Я встречен был главным надзирателем оного, и увидел я тут более трехсот человек юношей. Единые учились грамоте, другие арифметике и первым основаниям геометрии, иные рисовать, а другие наконец нравам их страны. Пересмотря их классы, каждый под начальством единого учителя, введен я был на пространный двор, и многие юноши пошли за нами. Тут по разным местам расположенные игры, но все таковые, которые могут силу и проворство умножить, яко род кеглей, которые шарами сбивают; сделанные цели на стене, в которые мечут метательные копья, другие сделанные окошки круглые, куда шарами попадают; поставленные на высоте знаки, которые броском камнями сбивают. И юноши сии с особливым проворством и искусством, в играх сих упражнялись. Оттуда я был введен в единую великую залу, где также уже юноши были и производили по гласу труб и барабанов разные танцы с великими прыганиями, и представляющие род битвы.

Сим окончились разные учения и экзерсиции денные сего юношества, но после сего они, быв все собраны, должны были в глубоком молчании выслушать следующую беседу, говоренную, как я после узнал, единым из старших учителей и о коего доброте нравов наиболее уверены были.

«Се мы, любезное юношество, при благости Всевышнего, окончили исполнение наших должностей сего дня, служащих к просвещению разума вашего и к подкреплению вашего тела. Подите теперь вкушать покой, который, по благости же Вышнего, ночной мрак нам приобретает. Но прежде нежели сон отяготит ваши очи и чувства ваши в некое онемение придут, размыслите о всех ваших поступках вашего дня и старайтесь, ежели что благо сегодня учинили, завтрашний день еще что превыше соделать, если же что худо, от того воздержаться. В обоих сих случаях призывая помощь Всевышнего, чтоб иль более процветать в добродетелях и дарованиях, иль получить Его вспомоществование отстать от ваших пороков, относя однако все ваши добродетели к благодеянию сотворившего вас, без него же ничего человек не может».

По сем, кликнув по именам, похвалил некоторых, или за отличные знаки благосердия, других же, назвав именами, охулил за их поступки, с таковым прибавлением, что понеже три тайные и два пред малым числом его собратий учиненные ему увещания ничего в нем не воздействовали, то принужден ему при всем обществе укоризну учинить.

По сем единые юноши под предводительством своих учителей пошли в одну сторону, а другие так же почти каждый имея при себе кого зрелых лет человека, пошли в другую сторону. Любопытствовал я спросить о сем, и на сие мне начальник училищ ответствовал, что те, которые с их учителями пошли, суть те, которые и живут в сем училище, а которые пошли под надзиранием других суть те, которые токмо приходят учиться, прибавляя, что сие окроме некоторых каждому на волю отдается: жить ли в училище, или приходить токмо учиться. Но токмо они все должны обедать в училище, дабы время переходами не терять, и не могут быть инако приняты, что либо сами родители, или кто от них приставленный человек не молодых лет и хорошего поведения должен их привести и отвести.

По сем главный начальник училищ, который близ сего училища жил, звал меня к себе. Я очень рад был его приглашению, ибо находил чрез сие способ более узнать о учреждении училищ в сей стране.

По приходе моем в его дом, как естественно учтивость требовала, чтобы я его поблагодарил за показание мне сего училища, также бы и похвалил, то сие и подало мне способ спросить о учреждении училищ в их стране. Учтивый хозяин мне ответствовал, что он с охотою любопытство мое удовольствует и тем паче считает, что он сие учинить может, что, быв не малое время в главных академиях, потом частным надзирателем училищ, ныне уже двенадцатый год находится главным надзирателем всех училищ сей губернии.

«Офирское правление, говорил он, особливое имеет прилежание о воспитании юношества, которое есть у нас изучить человека, и самым просвещением его разума учинить ему познать и возлюбить добродетель, прилагая при том старание, чтобы и самые поступки граждан были сходственны с преподанным им учением в их юности. Сего ради и учреждены у нас училища не токмо в знатных городах, но и в самых деревнях следующим образом: всякая та округа сельских жителей, где есть храм, там и учреждено училище и определен единый при службе храма находящийся отличной добродетели муж,

который дает наставление юношеству. Сии училища не простираются до каких высоких наук, а токмо учат юношей читать, писать и два катихизма, единый нравственный, а другой законный, дабы каждый знал, что каждому человеку позволено или запрещено в его естественном и гражданском состоянии так же делать исчисления на счетах. Каждый поселянский сын, достигши до пяти лет, должен во всякую неделю ходить в сие училище по три дня на целый день в зимние месяцы. Платежа они за сие никакого не производят, окроме, что каждый пришедший должен иметь с собою кусок хлеба и что ни есть из корней, что их обед составляет. Ежели же кто достаточнее принесет что и лучшее с собой, то должен, хотя по малому кусочку, разделить всем своим собратьям и сим к благоподательству приобучается. Приходят они из каждой деревни под надзиранием какого престарелого мужа, который также их и отводит по домам. На содержание школ сих определяется самый малый сбор со всех поселян, который, как на сию школу, так и на женскую, о которой после вам скажу, не более приходит двух пелгов*, которые деньги употребляются на книги, на трости для письма и на бумагу, а сверх того многие на содержание и самовольно дают. Сие учение им продолжается до двенадцати лет возраста их. В каждом же таком селении, где есть храм, находится другое училище для женщин. К сему определяется единый престарелый муж, который бы имел у себя жену не молодых лет, и обои бы известной добродетели были. В сие училище также ходят и потом же днем молодые девы, также начиная свое учение с пяти лет, а оканчивая в двенадцать лет. Все в училище сем на таких же правилах происходит как и в мужеских, а токмо еще прибавляется, что тут же они в праздные часы употребляются прясть и ткать, и сие полотно и пряжа продается в пользу училища.

В каждом малом городе у нас есть четыре разных училища: единое для мещан и купцов мужеска пола, другое для женска пола, третье для дворян мужеска пола и четвертое для дворянок. Учреждение их состоит: каждый мещанин или купец, у которого есть дети мужеска пола, могущие учиться, платит одиннадцать ропов** и посылает детей своих с кушаньем на обед, но если кто хочет, чтобы дети его и жили в училище, таковой платит пятьдесят пять руп за каждого. Сие есть общее

* На французские деньги две с половиной копейки.

** Сие составляет на французские деньги пятьдесят пять ливров.

у нас правило, что никакой юноша без надзирателя в школу придти и из школы выдтить не может, а дабы и сие труда не составило, то в каждой части города выбирают или нанимают немолодого и добрых нравов человека, которого провожатым к юношам определяют, и тоже и с девицами делают, избирая для них таковых же похвальных качеств женщин. Колико правительство ни старается, дабы каждого в благосостояние привести, но как сего невозможно, а потребно есть, чтобы каждому дать просвещение, то учреждено, что всегда, когда девять платят по учреждению, десятый приемлется без всякой платы, как в число приходящих учиться, так и в число живущих в училищах. Обще ученики и ученицы в обоих полов училищ еще окроме науки грамоте и прочего обучаются в определенные между наукой часы мужеский пол точить, делать столярную работу и подобное, смотря по обстоятельствам, а женский пол прясть, ткать, вязать, шить и прочее. Сработанные ими вещи продаются невысокими ценами, и деньги употребляются на содержание училищ.

По сем в каждом городе есть подобные же училища для благородных, которые совсем на том же основании учреждены, окроме что каждый приходящий учиться платит двадцать две рупы, а живущий 110 руп, и сверх прежде сказанных мною вещей обучают их рисовать, арифметике, первые правила геометрии, плясать и действовать оружием. Но как предполагаем мы, что дворянину незачем торопиться оставить училища, то для сего и время их учения продолжаем до пятнадцати лет, сиречь до самого того времени, как он может уже в службу государственную быть употреблен.

Из сих мужеска полу выбираем и прежде назначенного времени, острых и памятных, и благонравнейших, которых с позволения родителей, хотя бы и не достигли до пятнадцатилетнего их возраста, определяются в губернские училища, и они с самого того времени уже считаются в службе государства, и яко служащие, по мере их успехов, получают чины, а определенное от казны жалованье им отдается на содержание школы. В оных учат окроме подтверждения того, что в нижних школах учились, продолжают геометрию, учат военную и гражданскую архитектуру, артиллерию, историю, географию и часть некоторую физики. В сих школах шесть дней преподают науки, но не всем. Например те, которые учатся математике, истории, географии и другим наукам, которые в губернских училищах токмо преподаются, те учатся три дня, употребляя другие три дня учить тех, которые

первым основаниям наук учатся, имея еще надзирателя. Первое, для того, чтобы прилежно учили, а второе, если где не могут еще ясно истолковать, могли б и сами помощь от искуснейших людей получить. Учение сие их продолжается до семнадцати лет, а тогда по науке и благонравию своему некоторые распределяются в разные должности, в военную или гражданскую службу, однако под присмотр старших начальников, которые должны за них ответствовать, до двадцатидвухлетнего их возраста, чтобы сохранена была чистота их нравов и чтобы они в изученных знаниях предуспевали. Которые же показывают отличную охоту и склонность к высшим наукам, тех отсылают в разные устроенные академии, где они, получая чины яко служащие, продолжают свои науки, состоящие в высшей математике, физике, химии и астрономии. Учителя в губернских школах — иногда из мещан — присылаются из академии и иногда берутся из губернских мещанских школ. Девицы в губернском городе также имеют и на таком же основании учрежденные школы, где однако их сверх городских школ не учат более ничему, как токмо арифметике, первым основаниям геометрии, рисовать, шить гарусами и цветить, и несколько домоводству.

Также учреждены у нас школы для мещанских детей, точно на том же основании, как и для дворян, окроме что их наиболее стараются обучать арифметическим исчислениям; в географии включены некоторые статьи, касающиеся до разных отраслей торговли. Також-де дают им некоторое понятие о торговле. Сим юноши не прежде семнадцати лет выходят из сего училища и по разным местам, по желаниям их, распределяются. Единые идут в купечество и в мастерства, другие определяются в писцы в судебные места, под надзирание старших, некоторые остаются тут и становятся под надзиранием старших сами учителями, откудова они, дабы вновь входящим очищать места, берутся в дворянское училище в учителя же, а другие, но не прежде двадцати семи лет, отпускаются в учителя в дома, кто хочет своих детей дома воспитывать. А наконец прилежнейшие и остроумнейшие отсылаются в академии для учения вышних наук, так как благородные.

Такое же есть училище и для женщин, и в нем учат, окроме арифметике, основании геометрии и другим приличным их полу наукам, еще разным мастерствам и домоводству, и они тут должны быть до семнадцати лет.

Я позабыл вам сказать, что во всех сих училищах каждый день оставляется полчаса на преподавание и толкование нравственных правил.

Хотя у нас нет никакого никому понуждения, чтобы детей своих отдавать учить в сии училища, но каждый может их воспитывать, если имеет достаток в своем доме, но со всем тем ни единый юноша, достигший в надлежащие лета быть в училище, не может быть в него не записан, и хотя он и не имеет обязанности ходить в него учиться, но каждый месяц должны все они явиться в училище со своими учителями и быть свидетельствованы в их успехах, почему и пользуются всеми теми правами, каковые учащиеся в училищах пользуются. Ибо с единой стороны правительство рассуждая, что никто лучше нравственных наставлений и призрения никто не может соделать, как родители для их чад, однако не отдает совсем на их волю иметь ли или не иметь попечения, а к тому же, понеже в домашнем учении несть такого побуждения, каковое находится в училищах, то дабы и сие содержать, ежемесячное свидетельство юношам им ту же пользу приносит, якобы они учились и в училищах, побуждая их честолюбие не токмо сравняться с теми, но и превзойти. Самые учителя, боясь славу имени своего потерять и не прослыть нерачивыми, прилагают все свои старания как возможно лучше врученное им юношество обучать. Учителя сии у нас для учения юношества не могут быть взяты другие, как те, которые окончили некоторые науки в наших учрежденных училищах и сами несколько времени других учили, которые притом и добрыми нравами отличились; и беспрестанно имеют взирание училища, чтобы таковые, которые от недобрых нравов развратились, были усмирены, не употреблялись бы в учители, даже как после смирены несколькими годами исправление их засвидетельствовано будет.

Таковые учреждения произвели у нас еще сию пользу, что как многие чадолюбивые родители не хотят отдать в училище детей своих, достаток же их не позволяет им всех учителей иметь — да едва ли бы и можно было их сыскать — то многие дома сложась составят содержание учителям, и дети вместе обучаются, так что иногда и в какой деревне можно найтить таковое самовольное составленное училище, где даже для губернских школ определенные науки преподаются, а в губернских городах такие, где академические учения. Однако правительство за всеми такими училищами наблюдает, а в отдаленных

местах по крайней мере единожды в год их должно посетить, а в городах и каждые два месяца, наблюдая чтобы везде благонравие наблюдалось и чтобы везде по данной методе обучаемо было; ибо у нас не полагается на самопроизволение учителя какую методу в преподавании наук преподавать, но каждый должен следовать той, которая одобрена ученейшими людьми государства и предписана училищам. Не стесняется сим разум учителей, ибо если кто изобретет лучшую методу, может ее послать в академию в Квамо — там она рассматривается, и он конечно чрез три луны получает ответ — либо причины ее отвержения, либо одобрения оной. Повелением повсюду по оной обучать он получает знатное награждение. И ныне к нам прислана метода учения истории, которую сочинил единый городовой учитель, и она на рассмотрении опробована была академией.

Окроме сих училищ имеем мы еще училища в каждом полку, которые вы, чаю, видели, как они у нас поселены. В сих училищах, установленных для солдатских детей, дают все те наставления, каковые определены для сельских училищ, с прибавлением, что их учат катехизм о военных обращениях и о некоем роде тактики.

Наконец имеем мы многие академии, где и вышние науки преподаются, но как вы ныне едете в самое то место, где наилучше можете о установлениях оных узнать, то я своим рассказанием не буду вас утруждать». А тогда, сняв со стола, подарил мне две маленькие книжки, содержащие нравоучительный катехизизм и катехизизм гражданский, которые яко весьма короткие я здесь переведя ниже предложу.

По некоим кратким разговорам я спешил возвратиться к Агибу, которого уже застал за столом. Он меня приятно спрашивал о всем, что я видел, и хотел мысли мои слышать о сих учреждениях, во изъяснении которых не преминул я ему искренне похвалить, и мне он казался быть сим доволен, а после отошел в свою комнату отдыхать, дабы назавтра ранее нам поехать.

Глава II. Катехизизмы, нравственный и гражданский, которым учат юношей в Офирской империи

Хотя и положено было нам завтра ехать рано, однако я не только подаренные мне маленькие книжки катехизизмы нравственный и гражданский прочел, но, взяв перо, зачал их переводить. Большую часть ночи я в сем упражнении препроводил, так что назавтра, когда

время пришло ехать, меня разбудили, и я другие ночи, где мы ночевали, в сем переводе упражнялся, так что в самом пути их окончил и здесь по обещанию моему предлагаю.

Катехизизм нравственный Офирской империи, которому каждый юноша, какого бы он состояния ни был, должен изучиться, дабы во всю жизнь свою по верным правилам нравственной науки поступать.

Часть I. Должности человека относительные к вышнему Естеству и самому себе

1. Ничто из ничего быть не может. Подумай, и ты увидишь сам сию истину, что каждая вещь имеет свою причину и начало; следственно и составление вселенной, и самое твое естествование должно иметь свою причину и начало, и сие есть Бог.

2. Во храме ты видел надписание, которое изъявляет главные силы и свойства Божьи; сии суть: единый, превечный, всемогущий, всевидящий, правосудный, всеустрояй, всемилуяй, вездеприсутствуяй. Сии именования суть такие, что едва ли возможет смертный человек изобрести что более для изъявления всесовершенного существа.

3. Понеже ничто не из чего происходит, а все от Создателя, то следственно, что мы пищу одежду и все прочее от Бога получаем, а потому и должны мы его всегда благодарить и все угодное ему делать.

4. Соделание угодное сему вышнему Естеству составляет самую нашу пользу и блаженство, ибо, побуждая Его благодеяния к нам, мы час от часу более оных получаем и блаженнее становимся.

5. Напротив того, никакая власть не может нас сохранить от Его гнева и наказания, ибо Он всемогущ есть.

6. Не можем мы укрыть никакого нашего деяния от Него, ниже самых наших помышлений, яко Он всевидящий, а потому, имея всех наших деяний в свидетели толь вышнее Естество, и должны деяния и мысли наши располагать тако, чтобы мы ни в чем не могли перед ним постыдиться.

7. Мы должны во всех наших деяниях и мыслях остерегаться от всякого неправосудия и всегда то делать и желать другим, что бы желали и соделывали для себя. Взимая, однако, в основание, чтобы что не было к отягощению других, ибо каждый человек есть гражданин

мира и не должен ничего со вредом других себе желать, дабы тем не прогневить правосудия Божия, коему мы должны подражать.

8. Самые свойства Божии научают нас иметь попечение, ибо сие всевышнее Естество, хотя все устрояет, но тем и дает побуждение человеку трудолюбием и добрыми делами устроять свое благосостояние, споспешествуя оным; напротиву же того ленивые противятся Его воле.

9. Ежеминутно чувствуя на себе милости вышнего Естества, коему не можем мы по слабости своей часто супротивное не соделать, то сие самое и должно нам примером служить — быть милосердым к подобным себе.

10. Понеже справедливость есть неотдельное свойство вышнего Естества, следственно не может ложь Ему быть приятна, и сего ради блюдися лжи, яко сильнейшего порока.

11. Не для роскоши и обжорства мы созданы, но ради исполнения наших должностей; а роскошь занимает наши мысли, отводит нас от полезных упражнений, наводит нам не нужные нужды и развращает сердце; обжорство же омрачает разум и вредит здоровью, то сего ради от сих страстей, яко вредных себе и обществу, должно убегать.

12. Ты есть человек, и какими бы преимуществами счастье тебя при рождении ни одарило, но не выступаешь из роду человеческого, а потому если бы ты и первый был степенью на свете, знай: что поелику [ты] человек — последний человек тебе ровен. Равным образом, если ты последний человек на свете — наивеличайший царь тебе ровен по человечеству, ибо равно вы родились, равные вам суть естественные нужды, равно болите, равно и умираете, а потому не презирай никого, в какой бы ты степени ни был. Поблагодари Бога, давшего тебе излишнего, а всех нижних себе почитай братьями по человечеству.

13. Равным образом, если ты одарен и особливыми от Бога дарованиями, благодари Его за Его милости, и относи их не себе, но щедротам Его, без коих бы ты ничего не мог. Меньше же имеющих дарований не презирай, ибо, рассуди сам, между совершенств человеческих и совершенств Божьих есть неизмеримый промежек. Но между совершенств человеческих находится лестница или степени. Ежели бы ты и на высочайшей степени стоял, а если самого нижайшего презришь и восхочешь унизить, то сим унижаешь и всю лестницу, а потому и самого себя. И тако старайся более научить несмышленого, наставить неразумного, а не презирай его.

14. Не думай, чтобы со всеми твоими дарованиями, какие бы ты ни имел, мог все познать и все предвидеть: сие не дано природе человеческой, а потому принимай благоприятно советы, которые тебе и с меньшими дарованиями человек будет подавать; размысли о них и не стыдись не токмо им последовать, но и признаться, от кого ты сие благодеяние получил.

15. Терпеливо сноси противоречия, ибо какая есть причина тебе сердиться за противоречие? Если право тебе кто противоречит, ты должен еще того благодарить, что он тебя просвещает; если же не право, то более должен ты сожалеть о его заблуждении, нежели сердиться.

16. Убегай тщеславия, яко могущего тебя ввести во многие проступки и старайся себя излечить от сего зла. Взирая прилежно на себя, то конечно найдем толико в себе слабостей, что конечно не будем иметь причины тщеславия иметь.

17. Будь склонен извинять пороки твоего ближнего, не осуждая его, и воззри прилежно на себя; то, нашед и в себе их множество, имей то же снисхождение к другому, в каком нужда тебе самому настоит.

18. Удержи язык твой от всякой непристойности и от изречения того, что должно тебе таить, ибо откровением своих тайн ты подвергаешь помешать успеху своих предприятий, а откровением чужих тайн соделываешься тому изменником и причиняешь ему вред.

19. Воздержись от озлобления и от мщения, ибо сие повреждает твое сердце, и рассуди: что ты себе позволяешь, то должен ты позволить и другому. Если ты будешь озлобление и мщение против других иметь, могут и они противу тебя тоже иметь, и следственно достойно себя подвергаешь ко многим злам.

20. Размышляй прилежно о всем, что хочешь предприимать, ибо скорые и неразмышленые дела редко хороши бывают, и чтобы тебе не навлечь чрез сие таких дел на себя, о которых ты будешь тужить.

21. Если, по размышлении, найдешь какое дело худо — не делай его; если и только сомнительно — воздержись, ибо зачем тебе и в сомнение — не соделал ли ты что худое, подвергаться.

22. Относи всеблагие твои деяния к милосердию вышнего Естества, а худые к твоей слабости. За первые благодари Его, а о вторых проси, чтобы дал тебе помощь воздержаться.

23. Не завидуй ни чьему счастью, ибо в самом деле зависть твоя лишь тебе единому соделает вред. К тому же, что ты, чтобы возмог

некоим образом охулять ниспосылаемые дары Божьи? Старайся сам им достоин учиниться, а не завистью своею иначе себя отдалять.

24. Прилагай свое попечение каждый вечер размышлять о содеянном тобой; суди себя яко строгий судья, и благодари Бога, что содеял хорошее, остерегайся же и проси его, чтобы дал тебе силу воздержаться, что содеял худое.

Часть II. Должности человека относительно к обществу

1. Слабость рождения и младенческих твоих лет, и повсечасные твои нужды в помощи других тебе доказуют, что ты рожден для общества, что без общества жить не можешь, что ты силен и блажен лишь в общественной жизни становишься.

2. В каком бы ты состоянии ни был, не думай, чтобы ты был властелин или раб общества, но все есть взаимственно. Царь без народа есть тщетное имя, и невольник напротив того еще многих имеет, которые трудятся о снабжении его нужд.

3. Чем более общественные узы связуются, тем благополучнее человек становится.

4. А потому благодарность и почтение к родителям, давшим тебе жизнь, питающим тебя во младости твоей, снабдевающим твои нужды, должны занимать первое место твоих общественных должностей. Если ты будешь отец или мать, не восхочешь ли ты благодарности, любви, почтения и призрения от детей твоих? Начни же соделывать то сам чего желаешь и приобрети право сего требовать.

5. Единая кровь от единых родителей преданная, текущая в жилах твоих братий и сестер, заставляет тебя иметь любовь и уважение к ним. Ты должен сею любовью из почтения самому к себе, из почтения к родителям своим, по воспоминанию вашего вместе воспитания, по единоимянству вашему и по надежде всегда от них взаимственную любовь и услуги иметь.

6. Распростирай по сем по самым тем же причинам любовь свою и почтение к дальнейшим твоим родственникам, не токмо старшим летами, от коих можешь помощь и наставление получить, но и старшим степенью, что ты хотя не для них делаешь, так делаешь из почтения к родителям, ибо кто равен есть степенью с родителями твоими, то почитая его, относишь почтение к самым тем, от кого ты жизнь получил.

7. По сем люби своих сограждан всякого состояния, высших и нижних, ибо от сословия гражданского составляется государство, и с согласием оно содержится, и в нем вящие тебя пекутся о важных вещах твоего благосостояния, а и нижние трудами своими многие спокойства тебе приобретают.

8. Почитай старших себя, ибо в почтении старых найдешь многому научиться, если бы и разум их меньше быстроты твоей был, но испытание их чинит, что они должны над тобой иметь преимущество. А к тому подумай, что воздаваемое тобою почтение престарелым людям, когда сам достигнешь старости, тебе от других заплотится.

9. Ты живешь; родители и предки твои жили или живут; они тебе дали рождение, малое или большое состояние тебе приготовляют. Ты обучаешься; ни глад, ни холод, ни хищные звери, ни злодеи-человеки жизни твоей не отняли. Кому ты за все сие обязан? Отечеству, которое бдило о тебе, когда ты еще был в слабости младенчества, которое, во время ночного твоего успокоения, есть страж твой, и которое о всяком благе твоем печется. То не должен ли ты его любить и усердием твоим к его службе показать твою признательность. Ибо будь уверен, что всякое благо, которое ты с пользой отечества имеешь, есть долговременно и преходящее на самое потомство твое, до дальнейших родов. Всякая же та польза, которую ты с нарушением пользы его можешь получить, есть недолговременна — никогда на потомство не преходит, а мало которые и на конец жизни своей им пользуются.

10. Чтобы любить отечество — не можно чтобы не любить своих сограждан, ибо самое отечество не в одних землях, водах, лесах и болотах состоит, но и в жителях в нем, а сего ради, елика сила твоя есть, старайся помогать твоим согражданам. Да не отречется никто своим состоянием, ибо несть состояния такого, в котором бы не можно было пользу согражданам своим приносить. Если ты будешь вельможа — пекись о счастье народном; ежели ты судья — воздавай беспристрастно правосудие; если ты воин — защищай с бесстрашием смерти отечество и сограждан; если ты земледелец — приложи попечение твое обделывать землю, пропитай себя, свое семейство, излишним учиняй довольство твоим согражданам; если ты купец — произведи со справедливостью торг доставлением вещей, также обращением монеты составляй пользу всем чинам; если ты ремеслен-

ник, употребляй твои труды к лучшему искусству для удовольствия имеющих в нем нужду, и прочее.

11. Кто любит свое отечество, тот любит его и закон. Будь твердый последователь оных, положи себе в предмет никогда от них не отступать и размысли, что если все по законам исполняется, то каждый, в том числе и ты, имеет верное правило, по коему поступать. Но если законы ослабеют, то ничья жизнь, ни имение не могут быть безопасны. Не надейся, если ты силой или каким случаем ослабишь для себя законы; в другое время тоже ослабление законов воздействует над тобой, и ты сам претерпишь то же зло, которое другим ослаблением законов учинил.

12. Любление отечества и законов предполагает любление порядка, а порядок требует начальников и подчиненных, а потому: какого бы ты состояния ни был, если ты под начальством, люби и почитай твоих начальников, ибо сии суть предпоставлены для устроения твоей безопасности и блаженства; сии избраны яко достойнейшие и более сведения имеющие, а потому и сим уже преимуществуют над тобою. Ежели ты начальник, то знай, что начальство тебе дано не для тебя, но для ради подчиненных тебе. Ты пользуешься выгодами пред другими, употреби же лишний труд для соделания спокойства и блаженства подчиненных тебе; не возгордись величеством твоего сана, ибо и сан тебе дан для пользы общества и от общества, то как ты можешь, общим или части того, что тебя возвысило, презирать? Не великоумствуй, думая, что разум и испытание твое учиняют тебя не иметь нужды ни в советах, ни в представлениях. Сколько бы ты ни имел дарований, сколько бы ты трудолюбия ни прилагал — всего тебе познать не можно, ни разумы другие твоим разумом не загашены; а для сего не токмо благоприятно принимай, но и ищи советов: они часто тебе в многотруднейших вещах помогут, и самое приятие их соделает честь, как сердцу, так и разуму твоему. Сердцу — что толь оно хорошо расположено, что советы не отвергаешь; а разуму — что умеешь разбирать хорошие с худыми, и первыми пользоваться, ибо знай: что не меньше делаешь чести принять и исполнить хороший совет, как самому изобретателем быть.

13. Беги роскоши и будь трудолюбив, ибо первое отягчает разум, ослабляет крепость духа, приводит в разорение дом и повреждает здоровье, а напротиву того второе сопротивляется всем сим злам и возвышает человека.

14. Будь скромен и молчалив в делах и в обхождении. Всякая наглость в человеке чинит его почитать, яко бы он требовал предпочтение пред другими, а сие самое делает его ненавидима, ибо редко кто другому в разуме хочет уступить, редко кто чтоб много знал, а чем кто совершенно не знает — утвердительно говорить не должно, а кто сие будет рассуждать, тот не может быть не многоглаголив.

15. Храни вверенные тебе таинства; если то государственные, то открытие их тебя соделывает врагом отечества и изменником; если вверенные тебе от кого постороннего, то делает тебя вредным ему и не достойным впредь никакой доверенности, а в обоих случаях безумным болтуном.

16. За удовольствие почитай соделать кому благодеяние, ибо для общества человек родился, и самому ему благодеяния других нужны быть могут.

17. Не хвастайся благодеяниями, учиненными тобой, сам являй благодарность, кто тебе их соделал, а не требуй от других благодарности себе. Не гордость и пышность должны быть побуждением к соделанию благодеяний, но желание утвердить наипаче узы общества — то чем тебе и хвастаться, что ты сделал какое благодеяние? Ибо соделал токмо свою должность, и разве толь самое исполнение твоей должности тебе в диковинку, что и сам ты тому дивишься, а посему хвастовство твое ничего более не знаменует, как худое расположение твоего сердца. Когда благодаришь ты за соделанное собою тебе благодеяние, тогда возвратным образом хочешь и слабых побудить исполнять сей долг, связующий людей, и достоин хвалы, ибо елико можешь к благотворению побуждаешь. Но сделал ты благодеяние и требуешь благодарности, то тем показуешь, что ни красота добродетели, ни чувствуемая тобою нужная связь людей, ни мягкосердие твое к содеянию доброго дела тебя побудили, но род прибытка, который ты хотел иметь; ты учинился продавцом того, что естество и добродетель продавать запрещают, а жалобой твоей, потеряв товар, потерял и должную цену за него.

18. Однако как в благодеяниях, так и во всех твоих поступках, да будет справедливость — непременное правило, направляющее поступок твой. Будь справедлив не токмо в рассуждении твоих друзей, но и в рассуждении самих твоих злодеев. В рассуждении твоих друзей: для того, что ты тем наиболее их поверенность и почтение приобретешь, а в рассуждении неприятелей: что ты тем превозможешь их злобу.

Если ты соделаешь какую несправедливость другим для угождения друзей твоих, то самые твои друзья могут подумать, что ты и им какую несправедливость можешь соделать, для тех кого более любишь; и наконец не хочешь ты, чтобы тебе кто сделал несправедливость, не делай и сам ее другим.

19. Не будь корыстолюбив. Разные состояния разных издержек требуют. Если состояние твое есть знатное, то довольствуйся тем, что ты законно можешь приобрести, а тем заслужа доверенность и почтение от всех, еще улучшишь свое состояние, не ввергаясь в корыстолюбие. Если бы и не имел довольного достатка, чтобы по твоему состоянию жить, уменьши твое житье, ибо лучше сохранить душу здраву и сделать себя почтительным, нежели в пышности и самолюбии жить. Ежели твое состояние есть низкое, то старайся своими трудами приобрести себе довольное для житья, не кидаясь на излишнюю корысть, потому что, если приметят тебя корыстолюбивым, все тебя будут опасаться, и ты и последние способы к прожитку твоему потеряешь.

20. Храни свое слово; глагол нам дан для того, чтобы объяснять свои мысли, а потому и должны слова наши с сердцем нашим соглашаться, но когда ты не будешь хранить своего слова, вещания твои будут тщетные звуки, коим никто не поверит.

21. Повинуйся законам; все законы составлены для пользы общества, они ту безопасность охраняют, следственно и нужны каждому. Но если ты сам им не повинуешься, возможешь ли требовать, чтобы они тебя защищали, ибо ты первый право требовать их защищения нарушил, а без защищения их, что ты в обществе будешь?

22. Ни в шутке, ни для нужды — не лги, ибо вещания наши должны быть согласны с нашими мыслями, а когда приметят в тебе ложь, никто тебе не будет верить, и ты с дарованием глагола, яко нем останешься.

23. Почитай вельмож и правителей государства, ибо те бдят о безопасности его и твоей, но не простирай твоего почтения до раболепности, ибо ничто не может более самих их повредить, как раболепность окружающих их; а потому ты с тягостью и с пороком, будешь един из содевателей как из защитников злодеями государственными учинить — а как ты составляешь часть государства, следственно долго ли коротко — и твоими.

24. Не будь скуп в твоих знаниях, но охотно их сообщай другим, ибо ты сам от других знания твои получил. Заплати же долг, которым

тебя другие одолжили и долг тебе безубыточный, ибо, сообщая твои знания другим, ты ничего не теряешь.

25. Будь ревнив к твоим правам, но без упрямства. Не уступай их по напрасну, ибо сие разрушает основание государства, но когда, по основательным правам империи будет рассуждаемо и найдется, что должно их благу общему пожертвовать, не скорби, хотя бы тебе собственно и тягостно было, ибо конечно сия тягость есть гораздо легче, нежели та, которую ты претерпишь в общем разрушении отечества.

26. Почитай и люби своего государя, но чтобы почтение и любовь твоя к нему состояла не в тщетном раболепстве и не в надежде получать от него награждение, но в благе, которое ты от него всему обществу ожидаешь, в уверении твоем, что он всегда склонен делать добро, подчинять желания свои установленным законам и внушать истину, ибо откудова бы его власть ни происходила, во всяком случае он имеет первое обязательство быть полезен обществу, которым правит.

27. Люби твое семейство, но не такою любовью, чтобы все пожертвовать ему. Ты можешь часть твоего времени, имения и трудов употребить к его благосостоянию, но не труды чужие и не благо государства, ибо первое есть твое, а второе не твое.

28. Старайся воспитывать твоих детей на правилах благонравия; не укрывай от себя их пороки, не кажи отмены одним пред другими, дабы и не сделать их худыми, когда ты хочешь их сделать лучшими, и не сделать их врагами между собою, к отягощению старости твоей и с повреждением их нравов.

29. Одним словом, при всяком случае помни, что ты человек и гражданин, а потому елико человек, во всяком случае помощь других тебе потребна, старайся же и сам полезен быть другим; а поелику гражданин — все твое благоденствие состоит от соединения общества, то воздавай ему за все блага, которые от него получаешь.

Катихизм законов

1. Дабы человеку жить в обществе, должно ему иметь правила почему поступать, без чего ежеминутно подвергнется к ошибкам. Сии правила суть законы той страны, в которой он живет. Старайся познать оные.

2. Не могут инако хорошие законы быть сочинены, как с воздаянием за добрые дела и с наказанием за злые, то зная, что закон добром и худом почитает, старайся получить воздаяние и избежать наказаний.

3. Не жалуйся на видимую тебе иногда тягость законов, ибо законодатели могли иметь такие виды при сочинении их, а лишь бы закон удобен был ко исполнению, то уже он не труден становится.

4. Понеже каждая минута жизни нашей и каждая ощущаемая нами вещь показует бытие вышнего Естества и Его к нам благодеяния, то не токмо по правилам, преданным нам от предков наших, должен ты иметь почтение к Нему, но также и по законам гражданским, опасаясь за богохулие быть содержан яко безумный, а за рассевание богохульных глаголов, яко бешеный быть заключен.

5. По Боге мы должны к родителям нашим иметь почтение: за рождение, за презрение в нашем младенствии и за воспитание. Нарушивший же сию священную должность почитается безумным и недостоин становится ни владеть своим имением, ни жениться, ни женатый воспитывать своих детей.

6. Соединение обществ не могло быть без начальника, и первый образец думам должно отцы родов сему начальству показали, а поелику власть родительская и невозможность жить без начальника в обществе от самого естества человеческого происходит, то должны мы сию власть, яко от Бога происходящую, почитать. А сего ради люби, почитай и будь верен своему государю, однако всегда зависимо от государства, и знай, что учиненное тобою покушение на его жизнь, или на какой вред здоровью его, наказуемо смертной казнью, а всякое ругательство ему — заключением на три года.

7. Сказано, что любовь, почтение и верность твоя к государю должны быть зависимы от государства, то есть от сношения государя с государством, и потому и самая первая твоя любовь и верность должна быть государству, и знай, что всякое дело, которое ты соделаешь в измену и к явному вреду государства, наказуется не токмо смертной казнью, но и самым лишением тела твоего погребения и затмением имя твоего, которое потомки и единоплеменные твои должны будут переменить, яко носящее им стыд.

8. А сего ради будь осторожен в вещаниях твоих пред государем, искренен в твоих советах и знай, что каждый, слышавший от тебя что противное пользе и благу государства, имеет право влечи тебя пред вышнее судище, и ты по важности лжи или неискренности совета наказание претерпишь, но самое меньшее — отлучение от царского двора на немалое время, а может сие и до самого всенародного тебе бесчестья дойтить.

9. Страшись и перед вельможами что подобное учинить, ибо и они суть правители государства, и в справедливых их мнениях зависит благо оного, то и им обман учиненный или неискренно данный совет может вред государству нанести, а потому и к подобному же прежнему наказанию тебя подвергнуть.

10. Остерегайся, чтобы не умертвить человека, ибо ты сам собою никому жизни дать не можешь, то не должен ее по страсти какой и отнимать, и знай, что за умышленное убийство ты должен жизнью своей заплатить, а и за самое неумышленное без строгого наказания не останешься.

11. Остерегайся всякой драки, чтобы не быть тебе зачинщиком или соучастником, окроме разве для разъему, или для спасения слабого, весьма сильными одолеваемого. В противном же случае, ты, по мере содеянного тобою вреда, претерпишь наказание.

12. Всякое воровство и похищение да будет тебе омерзительно, и стремись, что за каждое такое дело ты должен будешь воздать вдвое и еще претерпишь наказание. В случае же невозможности твоей заплату учинить, ты должен будешь тяжкою работою сие заработать, хотя бы она и по конец жизни твоей продолжалась.

13. Не захватывай ни у кого тебе не принадлежащего, быв уверен, что законы не оставят тому возмездие учинить, состоящее по размерности вещей вдвое что ты сделал убытку с тебя взыщут и тебя еще, яко захватчивого человека, пред народом укорят, а по повторении и вящие тебе учинят наказанья.

14. Требующему от тебя помощи не откажи, если то тебе без тягости возможно, ибо законы наши определяют: если ты с ущербом и тягостью себе помощь учинил, хвалою и даваемыми преимуществами тебя почесть; если же возмог, но помочи не учинил, то не токмо при каждом таковом твоем поступке учинить тебе воспоминание о должности твоей человека и гражданина, но и записать сие во всех тех местах, где имя твое находится, яко немилосердого человека, что во всех твоих делах вред тебе будет наносить.

15. Держи свято твое условие, с кем бы ты его ни заключил, ибо если ты судом принужден будешь оное исполнить, то сие исполнение навлечет тебе убыток, который ты должен будешь обидимому и для пользы бедных излишний заплатить; и при других условиях будут объявлять тем, с кем ты заключаешь, чтобы они осторожнее с тобою поступали.

16. Не вчиняй никаких тяжебных дел без рассмотрения и без пристрастья, внушая даваемые тебе советы от миротворного судбища, ибо, вошедши в дело по нерассмотрении или по какому пристрастию, не токмо ты претерпишь убыток от обвинения тебя, но и пеню заплатишь, что не послушал даваемых тебе наставлений.

17. Во всех куплях твоих и продажах, где требуются приказные деяния, убегай, чтобы не принуждать ничего двоесмысленного, темного и излишнего, наполненного многословием написать; ибо знай, что если ты по сему будешь иметь какое притязание с твоей стороны, то разум написанных слов, поелику возможно будет толковать в пользу ответчика, а хотя бы ты и оправдан был, за учение сего заплатишь пеню.

18. Не будь жесток к твоим рабам; служащих тебе не оставь без довольного пропитания и одежды. Живущих на твоих землях не отяготи излишними податьми и работою, и не оскорби их жестокими наказаниями; ибо правительство на все сие имеет присмотр и обличенного тебя в таковых беспорядках лишит управления твоих имений.

19. Ежели для кого что делаешь, соделывай то с таким тщанием, чтобы тот жаловаться на тебя не мог; в противном случае, не токмо принужден будешь то переделать, но и пеню заплатишь. Равным образом не лиши и делателя мзды его, ибо и делатель в справедливости своей чрез правительство принудит тебя себя удовольствовать и со излихвой за время его ожидания и ходьбы.

20. Дели имение детям своим по законам, не давая преимущества одному пред другим, распределяя каждую твою дочь в половину противу твоего сына, ибо тщетно сие ты учинишь — законы то переделают.

21. Не тщись разумными подложными укреплениями учинить обмана законам, ибо если сие найдется, не токмо закон испровергнет твои вымыслы, но и о тебе обнародует, что ты есть тот, который обманом положение закона разрушить хотел.

22. Старайся познавать законы твоего отечества, коль они многочисленные ни есть, дабы самому по неведению не впасть в проступок, и дабы другим не дать воспользоваться неведением твоим.

Глава III. Продолжение пути в Квамо и приезд во град Тервек

На завтра мы продолжали свое путешествие, проезжали несколько градов и поселений воинских людей, где ничего особливо примеча-

тельного я не видал, окроме школ в городах, о коих несколько выше упомянул, и учреждений в поселениях, описанных мной выше же; но по пяти дней тихого путешествия приехали мы в город Тервек. Под градом сим протекает великая река Голва, но в сем месте она еще не получила ни великой широты, ни глубины, ради близости к своей вершине, однако уже есть судоходна. Град сей не губерния, а сказывают, что прежде тут было губернское правление. Пространством он не велик и жители его не богаты. Мы, переехав великий деревянный мост, ехали еще гораздо далеко городом и за город, на французскую меру около полумили, к единому старому приятелю Агиба, который близ города сего имел деревни и коему обещал Агиб на возвратном своем пути заехать. Проезжая сей град, весьма я удивился видеть множество пустых мест, заваленных развалинами каменного строения, видеть дома низкие, которые по строению своему ясно являли, что они были соделаны из высоких, а иные были и такие, что половина дома унижена и в ней живут люди, а другая высокая часть развалинами остается.

Не мог я удержаться не вопросить Агиба, что конечно сей град претерпел какое разорение, что вижу я его толь многим числом развалин наполненным. «Нет, — ответствовал мне Агиб, — он нынче в лучшем состоянии, нежели был тогда, когда все сии здания были возвышены и когда развалин сих не было». Приметил он мое удивление и последовал следующими словами: «Я думаю, что во время вашего путешествия вы могли приметить, что хотя богатства и роскоши в народе нет, но нет и бедности, то чего же бы ради сему граду отличну быть от других бедностью своих жителей? Вы, думаю, согласитесь со мною, что не великолепные здания и не тщетная пышность благосостояние народное составляют, но умеренность и довольствие в естественно нужных вещах. Пышность нужды умножает и при обильстве чинит народ бедным, а сие самое в сем граде и было, когда он почитался наилучше устроенным в нашей империи. Я думаю за полезное рассказать вам историю сего града. Единый из наших древних государей, именуемый Кастар, был властолюбив, честолюбив, роскошен и пышен, с присоединением совершенного незнания о обстоятельствах государства. Он любил строения, мня несправедливо, что кучи камней, складенные искусством зодчих и каменщиков в порядок приведенные, невзирая на тягость народа, вечную ему соделают славу. Проезжая часто из Перегаба, где он жи-

тельство имел, в Квамо, местоположение сего града ему полюбилось, и он вздумал из него великолепный град соорудить. Невзирая ни на способы к промыслам, ни на достаток жителей — ибо всего сего не доставало и близость града Квамо отнимала способы мелочного торгу — повелел из стяжания коронного всем каменные дома строить, одолжая тех, кому таковые дома были построены, в несколько лет издержки сии заплатить. Строители более угождая воли государской, нежели взирая на состояние жителей, строили для каждого дома, превосходящие достаток их для содержанья оных, да и в самом деле хотели сделать град великолепный; а могло ли тут быть великолепье, где царствует бедность, могли ли тут быть палаты в два или три жилья возвышенные, где по состоянию жителей надлежало быть хижинам? Тщетно граждане плакали и вопияли. По неволе им дома построили, учиня их и более должными по разным злоупотреблениям, нежели и самые дома стоили. Заставили их в них жить, отапливать, принудили по срокам деньги платить и в пущее разоренье граждан привели. Тщетно после учредили тут губернию, наполнили судьями сей град. Малая, происходящая прибыль сим гражданам не могла заменить убытки содержанья самих сих домов и, не взирая на все принуждения, дома уже тогда без крышек, без окончин не починены оставались и уже стали развалины представлять. По счастью сего града вскоре последовала счастливая перемена в нашем правлении, великим Сабаколом причиненная: оставили людям искать своего спокойствия по мере своего достатка. Унизились сии зданья и пышностью престали казать более достатка, нежели они есть. От сего, правда, что здания пришли в упадок, но люди лучшее состояние себе получили; а посему и не согласитесь ли вы со мною, что сей град, представляющий ныне по большей части развалины, есть благополучнее, нежели он прежде был, когда сии здания, возвышенные деспотичеством, тщетным славолюбием и безумием, в целости пребывали».

Принужден я был искренно на то согласиться, и он последовал: «Не подумайте, чтоб один сей град в нашей империи в таком состоянии был; если вы будете иметь время поездить по Офирской империи, то множество найдете таких, иже суть памятники безумного царствования и тщетной пышности Кастара. Он подлинно построенными везде зданьями приобрел себе славу, но славу разорителя народа и безумного правителя».

С таковыми разговорами доехали мы до деревни того друга Агибова, где он имел намерение отдохновение иметь. Подъезжая к дому, въехали в аллею, насажденную рябинами в два ряда, которая нас привела к весьма посредственному домику, в два этажа соделанному, самой простой архитектуры. Тут на крыльце встретил нас единый почтенный старик, покрытый сединами, но окроме, что имел одну ногу на деревянице, являющийся сохранять довольную бодрость и ради сего увечья был поддерживаем единой средних лет прекрасной женщиной. Тут же нас встречала еще единая весьма престарелая женщина, поддерживаемая двумя женщинами, единою середних лет, а другою еще в младых летах, блистающей всеми красотами, каковые природа может произвести — и видел еще несколько прекрасных девиц и несколько младых обоего пола детей. Агиб был принят с великою ласкою от всей сей семьи, но я приметил, что он при ласке своей показывал почтение к престарелому мужу и к его супруге, сей престарелой женщине, о которой я упомянул. Он, облобызав их всех, представил меня, сказывая кратко мою историю, и похваляя мои достоинства и сведения во многих нужных науках. Я тотчас был всей сей почтенной семьей обласкан. А Агиб мне говорил: сей почтенный муж, в коего дом я вас привез, был друг отца моего, я под ним первые лета моей молодости служил, он меня наставлял в юности моей, и я сохраняю навсегда память как дружбы его с моим родителем, так и собственно за оказанные мне благодеяния. Да — обернувшись к нему говорил — если я имею какие достоинства, которые меня учинили быть годну к службе отечества моего, не обинуясь скажу, что первые семена оных от вас я получил. Старик улыбнувшись сказал: по крайней мере добрая земля вам принадлежит. После таких взаимственных приветствий введены мы были в комнаты, где чистота и простота соделывали все украшения. Там вскоре мы сели за стол, который с такою же простотою был изготовлен. Во время стола два почтенные старика разговаривали много между собою, напоминая знатные бывшие деяния. А по самых их разговорах я познал, что сей престарелый муж назывался Бадиос-воса, был знатного рода, быв еще не с большим тридцати лет, имел начальство над полком, но в бывшем едином сражении был весь изранен, грудь его была пробита копьем, голова изрублена, нога также проколота, которую у него и отрезали, и за сими он ранами принужден был просить увольнения. Не мог же за частыми болезнями его головы принять на себя и

гражданскую службу, а для сего, отдалясь от столицы, препровождал уже шестьдесят тому лет жизнь свою в сей своей деревне. Окружающие его женщины, та, которая поддерживала его, была его внука, дочь дочери его, в супружестве за единым военачальником, который был тогда в отсутствии, а две, поддерживающие его супругу, также были его внуки, единая в супружестве за одним начальником полка, а другая его правнука, еще девой. Младые же дети также иные были его или внучаты или правнучаты, и все они приехали около сего времени посетить своего родоначальника.

По окончании стола оба старика пошли каждый в свои комнаты, а я несколько остался со старшею его внукой, от которой чрез разговоры узнал, что супруг ее и сестры ее были в отдаленных областях империи, и что престарелая чета, в доме которых я находился, лишились всех детей своих, хотя и многочисленное имели потомство, а токмо остаются им внучата и правнучата, из коих, указав на двух юношей, сказывала, что сии были сыновья внука почтенного старца, который ныне вместе с ее супругом находится в войсках в единой отдаленной области. Она много меня расспрашивала о наших обычаях, а паче о обхождении женщин и их удовольствиях и о упражнениях, и как выговорил я, что не прилагают у нас большого попечения их изучить, и притом слыша, что их жизнь по большей части проходит в праздности и искании удовольствий, не могла удержаться, чтобы не оказать своего сожаления, что толь великая часть рода человеческого у нас к невежеству осуждена, что лишены они способов в уединении, если когда непреоборимые обстоятельства их к тому принудят, найтить самим в себе удовольствие, и что при воспитании детей своих во всех наставлениях принуждены полагаться на наемных. Не подумайте, государь мой, продолжала она, чтобы женщины офирские инако были составлены как и ваши; мы также в молодости любим веселье, украшения и прочее. Даваемые нам наставления нам тягостны кажутся. Я сие и по собственному моему испытанию говорю, но коль юности моей неудовольствия мне стали сугубо заплачены, когда разум мой получил зрелость свою от лет, когда приятности младости стали увядать, когда, вступя в супружество, должна была принять правление на себя дома, когда по тем же обстоятельствам не малую часть жизни моей должна препровождать в уединении, и наконец, когда должна стала прилагать мои попечения о воспитании детей моих. Тогда то я узнала, колико просвещение спомоществует спокойствию жизни.

Я удивился ее словам, разуму и произношению, но она, не принимая токмо как с холодным видом мои похвалы, предлагала мне — не хочу ли я, пользуясь хорошим временем, видеть сады и другие заведения родителя ее. Охотно я с таким хорошим товарищем согласился, и она вышед на час, привела с собою свою прекрасную дочь, которую я видел поддерживающую супругу нашего почтенного хозяина, и вместе мы трое пошли сперва в сад.

Сад был не просторен, не было в нем ни прямых дорог, ни шпалер, но деревья были посажены как случилось и узенькие дорожки перевивались между плодовитых деревьев. Назвал бы я сей сад английским, если бы тут было все сие собрано — неплодовитые для единой красы и роскоши посаженные деревья, были бы тут и луга стриженные, которые коврами называют, и все что англичане, а у них вся Европа, изыкшая наиполезнейшие вещи портить, переняв у китайцев, которые по многонародию страны и недостатку земли полезное соделывают. Тут не было ничего такого: деревья и кусты насажденные представляли рощу, взаимствующую токмо красоту свою от доброты деревьев и кустов и от хорошего их содержания. Под деревьями по большей части находился луг, служащий для снятия сена. Узкие протоптаны дорожки были не для того, чтобы кружась почти с одного места не сойти, но чтобы, не топтав травы, доходить до деревьев. В некоторых местах были пустые места, где разные овощи на грядах были насажены. Небольшой протекающий ручеек извивался в сем саду. Ничем он был не обделан, но как природа его соделала, так он меж камней и по песку тек с тихим журчаньем, имея некоторые бочешки, служащие для взимания воды, поливать. Ни развалин, ни храмов пустых, некстати соделанных, ни горок не было. Но было одно соделано возвышение, которого скат падал к северу, и на сем скате были посажены вишневые деревья для скорейшего поспевания. Находились тут некоторые роды беседок или шалашей, на четырех столбах соделанных, с простыми лавками для отдохновения и дабы укрыться от дождя садовникам. Другие были со стенами для сохранения плодов и ради иногда отдохновения гуляющим, а все токмо для самой нужды построенные. Она подчивала тут меня оставшимися еще на деревьях яблоками, грушами и сливами. Хотя плоды сии все в сравнении наших были легки, но я нашел в них весьма хороший вкус. Ходя тако по саду, достигли мы к густому непроходимому насаждению, на полуденной стороне, учиненному из елей и кедров, которые толь тесно были насажены,

что на несколько сажень ширины непроницаемую стену составляли. Сие, яко приятная моя предводительница мне сказывала, было сделано для сохранения сада от хладных и вредных полуденных ветров. За садом мы вошли в пространное загорождение, где стояло множество скирдов хлеба; тут были сушильни для сушения оного, близко сараи для сохранения мякины, две ветряные мельницы и житницы. Мы от сего места аллеей, насажденной рябинами, пошли к дому. Тут увидел я единое здание, вокруг которого было немалое число народу обоих полов. Вопросив о сем у моей проводницы, она мне сказала, что се есть дом приказчика деревни, а толпа народа — те бедные, которые в сей день (ибо один назначен день в неделе) получают жалованье и хлеб на пропитание себе. Любопытство мое весьма было побуждено спросить, какие сие люди и какой образ сей раздачи? Она мне говорила, что всем меня охотно удовольствует. «Три рода суть сих людей. Единые суть дряхлые и престарелые, другие одинокие, но многосемьянистые, или многосемьянистые вдовы. Третьи суть сироты и престарелые, могущие еще некоторые работы соделывать. Отец мой, быв не богат, определил некоторое число денег и хлеба для помощи бедных, разделяя сие по разным степеням. Из оных первые дряхлые и престарелые получают, не требуя от них никакого возмездия. Вторые — одинокие, но многосемьянистые и многосемьянистые же вдовы должны и с детьми своими исполнять некоторые легкие работы, яко женщины прясть лен, пеньку и волну, полоть в огороде. За все они довольную и сверх труда их плату получают. Третьи — сироты и престарелые, могущие также некоторые работы исполнять, также к сим работам определяются, или стеречь в саду или что легкое, с довольной же платой, чтобы не токмо им пропитание было, но чтобы и оставалось, ибо, приложила она, правило нашей земли, которому и родитель мой последует есть, что несть то благодеяние, что может человека в обленчивость привести». Я не мог не похвалить сего разумного и человеколюбивого учреждения, но она мне холодным образом сказала, что сие большой чести отцу ее не делает, ибо редкая есть деревня, где бы подобное благодеяние не исполнялось. Правда, что на сие несть никакого учреждения государственного, но обычай из давних лет толь вкоренился, что почтут недостойным общества того помещика, который много ли или мало таковых благодеяний не творит; и сие учиняет, что во всей пространной империи офирской несть никого нищего, и ча-

сто самые желающие делать благодеяния не могут сыскать нужных, кому бы оное содевать.

Причина сия довела меня говорить о учреждении наших гошпиталей, сиротских домов и домов для отставных. С сими разговорами мы продолжали наше гуляние, мимоходом зашли на конский, скотский и овечий дворы хозяина, где видел я все в порядке, но ничего особливо примечательного тут не было, и наконец возвратились мы в дом, где уже нашли наших престарелых мужей сидящих, так как и вся семья, вокруг очага. А дабы сие показать что такое, яко от обычаев зависящее, у офирцев в комнате приемной, смотря по пространству оной делается очаг с отверстиями на все стороны, на котором они возгнетают огонь, а в зимнее или осеннее время, какое тогда было, часто вокруг сего огня сидят. Как скоро мы вошли в сию комнату, хозяин, встав, меня обласкал, подчивал меня садиться возле себя, повелел мне подать из благовонных трав сделанного питья и пенял своей внуке, что она меня замучила, водя, тогда когда надлежало бы взять успокоение. Я ему изъяснялся, что не токмо гулянье сие за труд себе считаю, но, напротиву того, оно мне великое удовольствие приключило, и что я благодарю любезную его внуку за труд, который она приняла меня водить, хвалил его сад, учреждение о бедных и прочее. После сего приятная моя предводительница говорила: «Я весьма сожалею, ежели гуляньем навела вам труд, но примечая из вас удовольствие в том, его я более для вас нежели для себя продолжала. А как и вы сами чистосердечно сказали, что сие вам труда не сделало, то я еще осмелюсь понахалиться и вам новый труд сделать. Он состоит, чтобы вы окончили рассказание ваше, которое вы зачали о благоподательных учреждениях, которые у вас соделаны, что уповаю как любезный дед мой, так и все прочие, охотно восхотят выслушать». Почтенный старик приложил к тому свою просьбу, и я начал им подробно рассказывать о всех гофшпиталях, которые видал я в Париже, а именно что называется Отель Дьё, или Божий дом; о гофшпитале слепых, о гофшпитале неизлечимо больных, о сиропитательном доме и наконец и о доме отставных.

С вниманием выслушав мои слова, Бадиос мне говорил следующее: «Не могу я воздать довольной хвалы тем добродетельным приватным людям и царям, которые толь полезные и человеколюбивые учреждения соделали, но каждая страна имеет свои обстоятельства и положения, а потому многое из сих несть удобно ко исполнению

в нашей стране, а другие есть и не нужны. Позвольте мне, продолжал он, во-первых подивиться, что я вижу из рассказаний ваших, что большая часть сих заведений обращаются в пользу городов, а о сельских жителях мало приемлется попечения, ибо, рассудите, как больного, в немалом расстоянии находящегося, вести в называемую вами больницу Божий дом, не подвергши его, а паче в нашем холодном климате, к смерти? Как из дальнего расстояния в нашем климате, нести младенца в сиропитательный дом? Всегдашнее пребывание во граде, да и в столичном, великого числа отставных не причиняет ли жителям дороговизны и им уменьшения содержания, и еще может статься можно найтить некоторые затруднения. Но я не с тем зачал говорить, чтобы охулять сии учрежденья. Да воздастся напротиву того достойная хвала и вечная память, да пребудет сих благодетельных учредителей, хотя и могли они ошибки соделать как по самой слабости человеческой, так и по стечению обстоятельств.

Что же касается до нашей империи, я вам расскажу, какие на сии предложенные вами случаи для благодетельства человекам соделаны учреждения. Мы нигде таких огромных больниц не имеем, как сказываете вы, какие у вас учреждены, а которые и есть, в те не очень больных, коих болезни следствий иметь не могут, ни тех, которые могут иметь призрение в своих домах, без платежа не принимают. И тако, первое в каждом городе, смотря по величеству его, учреждены больницы, в которые принимают людей на следующих основаниях: каждая часть города имеет своего лекаря, который имеет должность ежедневно осмотреть все дома, находящиеся в его части. Из сих он назначает таких, которые или тяжко занемогли, или имеют начало болезни, могущую иметь следствие, и из сих таковых, которые дома не могут иметь призрения. О сих немедленно главного лекаря больницы уведомляет, который тотчас приезжает сам или кого присылает осмотреть сих больных и могущих быть везенных в больницу, туда отвозят, а понеже жестокость нашего климата есть такая, что иногда и перевезение сих больных опасно для жизни становится, то для таковых определяются смотрители из больниц, даже как могут быть туда без опасности отвезены, и частный лекарь их лечит так, как и других лечить обязан, без всякой платы, ибо содержание его дано и труд заплачен от государства. Подобное сему у нас и исполняется в деревнях, — всякий буион (стан) имеет своего лекаря, который еженедельно делает подобные же осмотры и надлежащих в больницу, учрежденную где в селении буиона, отсылает. Недалеко и от моей деревни есть

такая учрежденная больница, и я весьма желал, чтобы ее перевести к себе, ибо считал бы за богоугодное дело о страждущих в болезнях приложить мое попечение, но как у нас добронравие свыше всего почитается, то хозяин той деревни, хотя человек и молодой, мне в том спорил, не хотя уступить более двухсот лет в доме его пребывающее право надзирать сию больницу и благодеяния равным себе делить, и самым сим приобрел похвалу от всех. Простите мне, если я истину вам скажу, что у вас из одной гофшпитали напрасно две соделаны, то есть, одна неизлечимо больных, а другая слепых. Мне кажется и лишение зрения человеку есть жестокая болезнь. У нас нет никакой такой гофшпитали, но редкий из нас, помещиков, находится, который бы не старался взять к себе на содержание какого увечного или неизлечимо больного, которых со всем возможным попечением содержат. Разделенные сии люди на множество желающих их взять, не токмо тягости государству не делают, но, уповаю, лучше содержаны и побуждают к благонравию. Старость лет моих побуждает меня более к благодетельству, нежели кого другого, и я насилу мог сыскать двух человек увечных и больных, которых яко детей своих содержу; толь у нас стараются сим бедным призрение дать. Домов для отставных офицеров и солдат у нас нет, ибо, по узаконениям каждый, выслужа надлежащее число лет или получа рану, имеет часть или и полное свое жалованье, так как и я по ране моей получаю, и следственно, имеют свое благосостояние и свободу. А солдаты с жалованьем же отходят в поселенные свои полки и там до конца жизни своей проживают. Я не знаю, покажутся ли вам наши обычаи, но я думаю, что вы уже могли приметить, что у нас много нравы действуют, а потому и нет нужды правительству законами предписывать или делать какие учреждения».

Я признаюсь, что бывши рожден и воспитан в Европе, живши во Франции и привыкши почитать, что все просвещение лишь у нас находится, каждая вещь, что я видел и все, что я слышал, меня в удивление приводило и жалел я о заблуждении наших европейцев, что они себя толь высоко пред другими возвышают. Здесь видел я простую природу и здравый рассудок, доведший их до такой степени познания гражданских нравственных правил и до точного исполнения их, что они во всем наиученейшие европейские народы превышают. Следствие рассказания о моем путешествии еще более сии истины докажет. Я же возвращаюсь к продолжению моего путешествия.

Мы пробыли у Бадиоса два дня. В третий день поутру Агиб, простясь со слезами с Бадиосом, считая оба по старости их лет сие свое свидание последним в их жизни, поехал в путь свой, а мы, по четырехдневном продолжении пути нашего, приехали в Квамо — столичный город империи Офирской.

Глава IV. Приезд писателя в Квамо, описание сего столичного города и некоторых учреждений

Не доезжая еще около двух миль до Квамо, начали нам оказываться великолепные верхи башен сего города, которые единые были позлащенные, другие же разными красками расписаны; множество каменных зданий, белеющихся среди великого числа деревянных, тем самым великолепнее являлись. Сей град был построен в единой долине, от которой пологие возвышения во все стороны на довольное пространство простирались, а сие чинило, что он со всех сих высот весьма изрядно видим был и в некоторых местах более нежели на две лье французские. Сквозь него не весьма большая, однако судоходная, река Квамо протекала и некоторые другие небольшие речки, но вода особливо в реке Квамо была отменной доброты и самая нужная рыба в ней жила. Я первый раз, когда пошел обзирать сию реку, удивился великому употребленному иждивлению для обделывания камнем всех ее берегов, но мне на сие сказали, что сия самая река, которой я хвалю чистоту воды, и которая есть наиздоровейшая, была та, которую в прежние времена достаточные люди мерзили пить и часто она болезни производила. По долгом претерпении сего града от скудости воды, наконец признано было, по легости воды и по нужной рыбе, живущей в ней, что сия река естественно имеет воду весьма хорошую, но она повредилась от малого попечения о чистоте ее и от согниения великого числа леса, пригоняемого по ней, как для строения, так и для топки в сем холодном климате. А тогда брега реки оделали камнем, определили место для стояния плотов ниже города, да и тут ископали яко пруд в берегах, куда лес заводить, дабы стержень воды всегда чист оставался, и река учинилась столь чиста и вода толь приятна, как я ее вижу, а также и другие реки были обделаны камнем, и вычищены их болотистые дны, везде по улицам были покопаны колодези, ибо взимание воды из единых рек за дальностью тягостно гражданам по великому пространству было.

Вместил я сие здесь немного прежде, ибо говоря единожды о сей реке, уже вторично возвращаться к сему не хотел, а теперь продолжаю повестие нашего путешествия. Агиб нарочно велел немного остановиться, чтобы дать мне насытить взоры мои на великолепия сего града и обозреть прекрасные окружности его, а наконец мы приехали в оный около вечера, по нашему счету апреля 10 числа.

Наконец мы въехали в город Квамо, который есть смешение огромных каменных домов, множества деревянных и великого числа хижин. В проезде нашем по улицам видел я множество построенных лавок, единых особливо, другие под домами, а иные яко род шалашей, и везде в оных торговля нужными вещьми производилась. Тако мы, проехав многие улицы, наконец достигли до дому Агибова.

Сей дом был великолепный, по обычаю царства Офирского, ибо в нем токмо считается в великолепие величина дома, понеже никакого не терпят внешнего архитектуры излишнего украшения, но единая простота и симметрия оное составляет. На крыльце мы были встречены сыном его, человеком, имеющим более сорока лет и уже употребленным на сей год в военный совет с чином бей-каги, иже есть третьей степени в государстве, также супругою его и детьми, и некоторыми другими ближними его родственниками. По вшествии в палаты, нашел я все такой же простоты, как видел в Перегабе, а единая чистота и хорошее расположение составляло все великолепие сего дома.

Я после уведал, что самый сей дом, был не его, но коронный, в котором он жил по чину своему, а сын его бей-каги жил в той же улице в своем доме. Агиб мне тотчас велел отвести в своем доме пространные комнаты, куда я и ушел и, чувствуя великую усталость, извинился нейтить ужинать.

Коль путешествие наше ни было спокойно, но оно ли, или холодный воздух, который уже весьма мне, привыкшему человеку жить в жарких климатах, учинили, что я на завтра не в состоянии был выдти удовольствовать свое любопытство смотреть города, но пробыл почти в постели до полудня, а тогда пошел я к столу к Агибу, который уже известен был о худом моем здоровье. Он наиласкательнейшим образом меня спрашивал о моем здоровье, и как я ему сказал, что я чувствовал некоторое беспокойство, но оно прошло. Он показал свое удовольствие, представил меня своему сыну, о котором я сказал, что он в тот год находился в военном совете. Настоящая же его служба была в артиллерии, яко я мог приметить из самого его платья, которое было верхнее черного цвета, с белым под низом платьем и

на груди вышита была пушка, между трех сосновых шишек — так же и его супруге, которая была дочь байдара-коло, то есть хранителя законов. Они оба меня весьма приветствовали, и так пришло время обеда, я с ними сел за стол. Вдруг Агиб, усмехнувшись, мне сказал, что он позабыл важнейшее обо мне приказать, то есть, что зная мое любопытство осмотреть город, определить мне повозку, в которой ездить, и тот же час приказал, чтобы одна всегда готовая к повелениям моим была.

Однако я, тот день чувствуя в себе слабость, не пошел смотреть города и сие мне подало случай ознакомиться со многими и получить лучшие удобности все видеть, ибо как я выше сказал, что из почтения учиненные посещения в земле Офирской бывают после полуден в назначенный час.

В назначенный час великое число знатнейших особ города съехались к Агибу. Тут были байдар-коло, хранитель законов, тесть сына Агибова, генерал-губернатор города, председатель военного совета, советники хранилища законов, и множество других, которых всех с великою ласкою Агиб принял и представил меня им, прося им спомоществовать мне, удовольствовать мое любопытство, и к удивлению моему услышал я от генерал-губернатора, что он уже получил повеление от императора, чтобы старался мне показать все то, что есть достойное любопытства, или что я видеть возжелаю, и, оборотясь ко мне, сказал, что он уже изготовил человека, который будет ходить и ездить повсюдова со мной для показания и на завтрашний день явится ко мне поутру, дабы быть в моих повелениях. Я весьма его благодарил, и как сей, так и все другие, коим я был представлен, звали меня к себе обедать, когда я удобное время без беспокойства себе найду. Я подлинно определял завтрашний день ехать смотреть город и других достопамятных находящихся вещей, но Агиб тот вечер мне сказал, что он намерен назавтра ехать во дворец и представить меня императрице и ее детям, а для сего и советовал еще день погодить для удовольствия моего любопытства.

Глава V. Представление писателя пред императрицу и ее детей

На завтрашний день, переговоря с присланным ко мне офицером от генерал-губернатора о достойных любопытства вещах в городе Квамо, остальную часть утра препроводил я с Агибом, с ним вместе

отобедал, и он, по малом успокоении после обеда, прислал меня к себе звать, чтобы ехать во дворец к императрице, которая обыкновенно по нашему счислению в пять часов выходит.

Поехал я с Агибом во дворец, который был построен в средине самого города, на берегу реки Квамо, окружен он был высокими каменными стенами с бойницами. Самый же двор был пространное здание или, лучше сказать, собрание разных зданий, единых от других отделенных разными архитектурами и разной величины построенных. При въезде же находился великолепный храм, где обыкновенно офирские императоры приемлют корону и делают присягу народу своему. Приметил я несколько возвышенных зданий между непорядочной сей кучей палат, и как спросил я Агиба о них, он мне ответствовал, что сии были молитвенные храмы, ибо император офирский, его супруга и дети имеют обязанность ежедневно ходить для моления в храм, то, для спокойствия их, оные внутри дворца, единый для императора, другой для императрицы, един для детей их мужеска пола, другой для женска, единый для братьев императора и единый для сестер созданы, которые каждые он мне указывал верхи. Не мог я не удивиться пространству строений дворца, и на сие Агиб мне сказал, что он не токмо пространен, но и тесен, ибо тут окроме, что император с своими детьми и братья императорские жительство имеют, но также есть места и для всех государственных присутственных мест, и для самого арсенала, который он мне указал, ибо мы в сие время мимо его ехали, а потом указывал мне разные присутственные места, яко трибуналы искусств, рудокопства, домостройства, земель и межеванья, доходов и торговли, уголовных дел, воинский, чужестранных дел, государственного благочиния, вышнего хранилища законов и наконец вышний совет. В таковых разговорах мы достигли до крыльца дворцового.

Сие крыльцо строение древних государей той еще династии, которая царствовала прежде бывшего пренесения столицы в город Перегаб, было состроено из великих камней весьма пространно. Ступени его были медные и по перилам разные худо сделанные статуи из меди и позлащенные стояли. Одним словом, оно было великолепно своею величиною и употребленными припасами, ничего прельстительного в себе не имело. К сему крыльцу мы подъехали, к которому токмо первые две степени чиновников имеют право подъезжать.

Вошедши на сие крыльцо, вошли мы в палаты, построенные новейшей архитектурой, но самой простой, и в оных не нашел я, как и снаружи, никаких украшений. Нашли мы тут не малое собрание мужчин и женщин, ожидающих выхода императрицы, которая точно по нашим часам и вышла. Сия была младая женщина, не более как двадцати пяти лет, росту больше малого нежели среднего, становита, и лицом хотя не красавица, однако имела великое приятство, распущенные, переплетенные златыми шнурами черных волос, косы, и власы главы паче ее белизну умножали. На голове у ней был убор из тонкого полотна соделанный, с сшитым златом, фиолетовым и зеленым цветом. Верхняя ее одежда была из камлоту[169] фиолетового с опушкой зеленой и шитым волоченым золотом узлами, а нижняя также камлотовая зеленая с подобным же шитьем. Сии одежды толь плотно на ней сидели, что весь ее хороший стан был виден, но грудь и руки по самые длани были закрыты одеждой. На шее у нее находилось ожерелье из малахитов и перл, и зеленый цвет малахитов белизну шеи ее возвышал.

Когда она вышла, то сперва женский пол к ней подходил, наблюдая точно такой же обряд, как мною описано, что употребляют мужчины в рассуждении императора, а потом мужчины, подходя, токмо поклонением изъявляют ей свое почтение, и она, единственно на первые две степени руку свою налагает, прочим же ответствует поклоном.

Я был представлен ей от Агиба, и она с приятным лицом мне поклонилась, а после, оказав разговорами своими свое уважение к первосановникам, подошла ко мне, милостиво меня спрашивая, не скучаю ли я житьем моим в их стране и не противен ли мне климат оной, а потом несколько меня расспрашивала и о обычаях нашей страны. Я на все елико мог более в угодность ей ответствовал, а потом она подошла ко многим женщинам, говорила приятно с ними и в семь часов, откланявшись, отошла в свои покои.

Агиб меня взявши, повел в другие комнаты. Там, вошедши, велел о себе сказать, и тотчас вышел дядька, или гофмейстер детей императорских. Сей был человек лет пятидесяти, носящий на себе все те должности, о которых я выше помянул, что имел Агиб, когда имел такую же должность. Происхождение его хотя было не весьма знатной природы, как я после уведал, но достоинства его то заменяли, чего у него недоставало в рождении. Он, по первым приветствиям своим Агибу и мне, когда я ему представлен был, ввел нас в комнату младых

князей, из которых один был по седьмому году, а другой пяти лет. Я нашел комнату их устлану картами, множество разных моделей и инструментов повсюдова стояли, и также в некоторых местах были на стенах прибиты доски, на коих большими литерами начертаны были разные нравоучения, из коих я несколько помню.

1. Строгость и власть делают рабов, а правосудие и милосердие привлекают сердца.

2. Не народ для царей, но цари для народа, ибо прежде нежели были цари был народ.

3. Похвала всегда портит государей, однако она нужна для побуждения их к добродетели, а потому ни отметать ее не должно, ни излишне в нее вдаваться, размышления собственно о себе учинить распознать, что есть искренняя похвала и что нет.

4. Лесть есть наижесточайший яд для государей, а льстецы должны быть почтены, яко погубляющие их душу и славу.

5. Лучше одной деревни сделать благополучие, нежели завоевание целого государства.

6. Слава победителя оглушает уши, а добродетели правосудного монарха на многие веки услаждают души.

7. Цари не бывают ни ремесленниками, ни купцами, ни стряпчими и не ощущают многих нужд, которые их подданные чувствуют, а потому и неудобны суть сами сочинять законы.

8. Царь должен сам первый законам страны своей повиноваться, ибо по законам он и царь; а разрушая их власть, разрушает и подчинение подданных к себе.

9. Когда царь благонравен, благонравны будут и подданные его, кои все любят ему подражать.

10. Когда царь дает великую власть подданному, то власти сану и любви народной к себе убавляет и по большей части приводит в расстройку государство.

11. Когда царь искренности не имеет, приметя сие, не будут к нему подданные иметь. Он один многих тысяч людей не обманет, а многие тысячи часто найдут удобный случай его обмануть.

12. Добродетели царские суть как лучи солнечные — все оживляют, а пороки, яко зараза, истребляют все.

Я был представлен сим князьям, и воспитник их рассказал им отчасти мои приключения, и подведши к карте, показал им место, говоря: сии назначенные нами неведомые места есть страны, откуда он

приехал, а сии дале есть место его отечества. А по сем они, несколько поговоря со мною, любопытно меня о многом спрашивали, а наконец как наступило по моим часам восемь часов, то они с воспитником своим пошли к их родительнице, я же с Агибом поехал из дворца.

Глава VI. История Бомбей-Горы, Бей-агиба, воспитника царских детей

Как мы сели с Агибом в колесницу, он, помолчав немного, сказал: «Воистину сей муж Бомбей-Гора достоин своего звания, и не тщетно счастье возвело его в сию степень». Сие подало мне случай спросить о его возглашении. Агиб на сие ответствовал: «Вы не удивитесь моему возглашению, когда уведаете всю историю сего почтенного мужа. Но как езда наша не близка, то я могу в удовольствие вашего любопытства ее вам рассказать.

Во-первых, надлежит вам сказать, что хотя сие несть у нас основательное право, чтобы окроме знатных родов людей в воспитники к царским детям не определять, однако гораздо более тысячи лет окроме таковых никогда не определяли, а находили достойнейших людей из знатных родов для сего важного служения. Но сей Бомбей-Гора, хотя от благородного рода родился, но есть не из знатных родов, но из тех родов, которые у нас в четвертой степени благородства считаются, то есть таких, коих дед удостоен был быть принят за его достоинства в сословие благородных. Отец его в разных предприятиях своих для изыскания многих вещей чрез химию пришел в разорение и оставил его младенцем с его матерью и с другим юнейшим братом в совершенной бедности. Он, по неизвестному вам нашему обычаю, был записан в школу, в число тех юношей, которые за недостатком своего достатка на содержании школы живут, и тут окроме что добронравием, прилежанием, понятностью и памятью пред всеми отличался, во время самого своего обеда, даваемой ему части, как она ни была умеренна, не доедал и даваемый хлеб для завтрака оставлял, чтобы давать его своей матери и брату на пропитание. Сего не довольно, понеже у нас в училищах учат также разным ремеслам. Бомбей-Гора вскоре изучился хорошо точить и, отнимая от спокойствия своего ночные часы, с позволения начальников точил многие вещи, отсылал их к матери своей, для пропитания ее. Наконец начальники, видя его великим бдением и трудом изнуряема, рассудили,

похваляя однако его подвиг, увещевать его о сохранении его здоровья. На сие Бомбей-Гора ответствовал: “Еще я долг не заплатил трудов бдения и попечения, каковые мать моя обо мне в младенчестве имела, а вы мне говорите о спокойствии моем! Ради Вышнего, позвольте мне трудиться для пропитания ее. Если сие наносит вред моему здоровью, если сие мне приключит и смерть, могу ли я иметь лучше причину то и другое потерять, как для родившей меня, которая ныне находится в нищете?” И тако начальники, с удивлением о расположениях добродетельного его сердца, позволили ему ночные часы для пропитания матери своей употреблять.

Толь отличная добродетель не могла не привлечь к себе все сердца знающих его. В сем училище был начальником единый старый и добродетельный муж, который имел изрядное имение, но ни родственников, ни свойственников у него никого не было. Сей по обряду законов наших, учиня объявление и засвидетельствование о своем безродии, отдал ему при смерти своей все свое имение, изъявляя в своей записи, что воздает сей долг добродетели Бомбей-Горы. Вдруг состояние его переменилось и он, воздав долг слезами своими благодетелю своему, прияв имение, отдал его своей матери на пропитание, оставя токмо для себя толико, сколько надлежало, дабы платить надлежащую цену в училище, хотя и тут от училища ему представлено было, чтоб он ничего не платил, ибо его добродетель и пример суть наидрагоценнейшая заплата для училища, но он, с унижением принимая такое одобрение, отрекся сим пользоваться, сказав, что он в тягость училищу быть не хочет ни лишить другого бедного на место его правом неимущества пользоваться; и сие привлекло к нему новое почтение.

Между тем временем достиг и брат Аид-Гора до таких лет, в которые надлежало ему войтить в училище, и как он вошел, тогда Бомбей-Гора учинился его дядькою, наставником и учителем, употребляя все свои праздные часы, чтобы всякую ему помощь и просвещение подать. Труды его были не тщетны, ибо и сей имел великие дарования к наукам, но при сих похвальных качествах имел и пороки, и между прочими единый из главнейших был, что он был непослушлив и резов до крайности. По девятилетнем пребывании сего последнего в школе, когда он уже достиг до четырнадцати лет, а Бомбей-Гора был уже девятнадцати лет, и достоинства его были таковы, что по общему согласию учителей и начальников губернской школы, он послан был

для осмотра некоторых нижних училищ. И во время его отлучки учинилось несчастье его брату, которое подало ему причину еще свою добродетель явить. Сей Аид-Гора быв чрезмерно резов, с некоторыми другими юношами укрался на башню, которая над домом построена, для примечания небесных тел. Там он, резвясь, уронил на крышку из окошка свою шляпу и, думая ее достать, вывесился из окошка, но тело его перетянуло и он с высоты оной упал. Все тело его, бившись о крышку и стены летя вниз, учинилась единая рана. Голова его была испереломана, грудь расшибена, обе ноги и рука переломлены и, одним словом, он обезображенный мертв упал. На вопль юношей сбежались все надзиратели, нашли в нем малую живность, призвали немедленно врачей и с немалым трудом возвратили ему дыхание. Чрез три дня после сего приехал Бомбей-Гора. Изобразить себе не можно, как велико было его огорчение, видя брата своего в толь жалком состоянии. Он денно и нощно при нем был, помогал хожатым его успокаивать и перевязывать, и наконец с помощью врачей опасность о жизни его миновалась, и раны его были исцелены, но он остался хром на обе ноги; переломленная левая рука худо могла действовать, на груди стал расти горб и к беспрестанным головным болям подвержен стал. Сие излечение, как вы можете себе представить, не малое время продолжалось, а между тем временем и мать его умерла. Бомбей-Гора получил чрез сие обратно данное им ей имение, но он, видя брата своего в таком состоянии, отдал все ему и, препоруча его в правление опекунов, ниже оставил себе и той части, которую прежде оставил для платежа за учение свое, ибо, быв тогда на двадцатом году возраста своего, оставил училище, с достойными добродетели и качеств его одобрениями и вошел в военную службу, где уже получил для содержания своего жалованье.

Пребывание его в военной службе также было знаменито, как отличен был поступок его в училище. Мы имели тогда войну с народом...[170], весьма многолюдным и храбрым. Хотя Бомбей-Гора и был определен токмо в четвертую на десять степень, то есть в нижние офицеры, который чин у нас называется муньяк, однако во все продолжение кампании являл неутрудимую прилежность, великое трудолюбие, беспримерное попечение о подчиненных ему воинах, совершенное повиновение к своим начальникам, превыспренную храбрость и отличное человеколюбие к побежденным. Трижды он во время разных сражений получил засвидетельствование (от начальников равных

себе и от нижних) превышающей храбрости, искусства и особливые добродетели, каковые у нас свидетельства собранием войск даются, которые в покровенный ящик вмещают малые записки. И он толь великое имел почтение, что два раза не нашлась ни одна записка, которая бы его не одобрила, а мало которые бы и то сказали, что, не имея точного знания, ни о нем, ни о делах его, ничего сказать не могут, а посему он не по старшинству и получил три чина, ибо без такого свидетельства никто у нас не по старшинству производиться не может. И так в две кампании достиг уже он быть бареем, а притом понеже у нас обычай есть, что воины грабительств для себя не делают, но по разбитии неприятеля, или по взятии града, вся корысть сносится вместе и разделяется между всех воинов и по чинам, а к тому вольно воинам, кому особливо отличившемуся от общества в дар некоторую часть дать. Бомбей-Гора окроме участия корысти, еще четыре раза за храбрость свою таковые дары от полка своего получил, а все сие и учинило его состояние гораздо лучше и приобретши ему довольное иждивление.

Байрат того полка, в котором он находился, человек знатного рода и богатый, имел единую дочь, прекрасную собою. Уже во время самой войны, он обратил очи свои на него, чтобы его учинить своим зятем. А как, по двух годах счастливой войны заключено было перемирие на два года, и полки в их жилища возвратились, тогда предложено ему было супружество от байрата. Бомбей-Гора уже довольно часто бывал в доме у своего начальника, знал сию прекрасную деву, сердце его красотою ее было тронуто, и примечал, что он ей не противен был, то на предложение о сем супружестве согласие свое дал, так как и ее согласие получил. Все уже изготовлялось к брачному торжеству, когда вместе с ним вышедший из училища юноша, искренний его друг и достойный его и также оказавши толь много добрых дел, что был бареем, хотя и после его пожалован, за несколько дней его свадьбы пришел к нему, бледен, дрожащ, ослаблен и являющий все знаки отчаянного человека. Бомбей-Гора удивлен видеть в краткое время в своем друге такую перемену, с горячностью его спрашивает о причине видимой на лице его печали. Сей, иже назывался Тодин-Кул, дрожа ему говорил следующие слова: "ты знаешь, что с самых юных лет нас дружба неразрывными узами соединила, во всех твоих подвигах, я признаюсь, более был провождаем дружбою и примером твоим, последовал тебе, и часть славы твоей на меня упадала; не единожды ты

телом своим меня от вражеских ударов защитил. Я дружбу твою совершенным себе счастьем считаю и приемлю участие во всех твоих удовольствиях, но состояние мое есть то, что я должен оставить сии места и службу, ехать, скрыться в пустыню и умереть. Я пришел к тебе проститься. Воспомяни — сказал тяжко вздохнув — ты друга своего, когда о смерти его услышишь".

Поражен подобно громовому удару Бомбей-Гора кидается в объятья своего друга, просит сказать ему причину своего огорчения, который, по долгом сопротивлении, наконец следующее ему говорил: "Ты знаешь, что ради моих ран, я был отпущен прежде полка в сие обиталище. Приехав, я часто посещал супругу нашего байрата, видел ее прекрасную дщерь, в нее влюбился и осмелился чувствия мои ей изъяснить. На сие она мне ответствовала, что она за противность себе не возьмет, если я буду просить ее у родителей в супружество себе, но без воли их ничего обещать не может, привыкши из юности подчинять самые движения сердца ее воли их. Я бежал с поспешением к ее матери, которая мне и родственница была, просил ее о дозволении соединиться с происшедшей от нее девой. На сие мать мне ответствовала, что брак сей ей будет приятен, если только супруг ее согласится. В сей лестной надежде я пребывал до вашего приезда. Приезд ваш все обстоятельства переменил. Вскоре я узрил сию деву обещанную тебе. Ты не знал моей страсти, ты вскоре будешь ее супруг. Желаю искренно тебе всякого блага, а я, вчерась [к] вечеру взяв у байрата позволение, сейчас отъезжаю".

Бомбей-Гора чувствительно был тронут сими словами, он сам ощущал страсть к сей девице, но любил своего друга, и предстало ему две крайности: или любовницу или друга потерять. Трепещущ сам несколько промолчал, но взяв геройское намерение страсть свою победить, просил токмо друга своего, чтобы он последний знак преданности своей ему сделал, то есть, чтобы до вечера обождал своим отъездом, на что сей и согласился. Бомбей-Гора немедленно пошел к своей невесте, и хотя она и удивилась толь раннему его приходу, однако его приняла. Он, с ней разговаривая, якобы шутя, сказал ей о всем, что слышал от своего друга и о взятом им намерении. Она ему призналась о всем бывшем и наконец с негодованием сказала, что он весьма несправедливо делает, что шутит отчаянием и несчастьем своего друга. Сего Бомбей-Гора и ожидал. На сие он, уверив ее в искренней своей любви, просил ее, чтобы она открытно ему сказала —

к кому из них она более имеет преклонности, ибо он без воли ее пожертвовать любовью своею не может, а если самым сим возможет и его умножить удовольствие, то для счастья двух толь любезных ему особ готов любовью своею пожертвовать. Невеста его ответствовала ему следующими словами: что она во всем повиновенна воле родителей ее, что же касается до сердечных ее чувствований, то признается, что она почитает все достоинства Бомбей-Гора, но должайшее ли знакомство или что ни есть особливое преклоняет ее более к Тодин-Кулу, не для того, чтобы она ощущала в себе непобедимую страсть, но более токмо преклонности своей. Насилу она сии слова выговорила с испущением вздоха, вошла мать в ту комнату. Бомбей-Гора, изъясняя ей все бывшее и сказав, что он любовью своей намерен сей чете пожертвовать, став на колени, просил, чтобы она сама согласилась свою прекрасную дочь с другом его соединить. По некоем оказании оскорбления, сия на просьбу его согласилась, пошла из комнаты, а ей трепещущ последовал и Бомбей-Гора в комнаты ее супруга, коему имел нечто по военной должности донести. Противу обычая нашей страны, он долго его дожидался, и вдруг растворилась дверь и он, яко изумленный, вбежал, укорял его в презрении его дочери, в неблагодарности к нему и наконец в несдержании своего слова. Бомбей-Гора, не принося ему оправдания, хотя весьма смущен сам был, сказал, что сие есть дело между их приватное, а он пришел ему говорить о деле, касающемся до его роты. Несть у нас в обычае, чтобы всякое движение не унялось, когда должно соделывать свою должность, и тако байрат принужден был выслушать его предложение, дать на него решение и довольна его отпустить по сему делу; но сделался за отказ дочери его совершенным его злодеем.

Продолжалось несколько времени, пока байрат дал свое соизволение на брак дочери своей за Тодин-Кула, но как он находил и в сем великие достоинства, а к тому и весьма знатную породу, то наконец согласился, однако с тем, чтобы он никакого знакомства с Бомбей-Горой не имел, к чему он и сам согласие свое не токмо дал, но и принуждал своего друга, говоря, что искренняя дружба не в частом свидании состоит, но в чувствиях сердечных. Байрат узнает его справедливость, и сам наконец повелит зятю своему, коего лишает друга, сокровище сие паки сыскать.

Хотя краткое время между отказом и браком сим протекло, однако Бомбей-Гора имел уже многие причины чувствовать огорчение от

озлобленного байрата, который не токмо выискивал все способы его беспокоить, но и к начальникам писал, что Бомбей-Гора, возгорженный некоторыми учиненными им храбрыми делами, разрушает все повиновение и устройство в полку, и конечно, если бы не погубил его, ибо сие у нас весьма трудно, но по крайней мере учинил бы ему многое беспокойство следствием, ибо у нас весьма трудно или, паче сказать, почти невозможно безвинного осудить. Если бы известная его добродетель не учинила некоторую остановку в послании произвести следствие, а между тем временем получено было известие, что во время самой зимы утрики учинили впадение в Офирские границы. Немедленно полк весь выступил, и Бомбей-Гора, быв подвергаем к вящей опасности, с одной своей сотней послан был вперед. Он повиновался, пошел, и вскоре бегущая толпа от меча неприятельского, которую он воинами своими прикрыл, а за ними гонящиеся неприятели на него с стремлением напали и окружили его. Немалое время он сему превосходному числу сопротивлялся, и хотя слышна была стрельба в полку, однако не поспешил байрат ему помогать, даже как зять его Бомбей, приступя к нему с другими офицерами, принудил его наспех послать помощь, которую взяв, бомбей летел помогать другу своему, но приближение и самой сей помощи, а паче храбрость Бомбей-Гора обратила уже неприятелей в бегство.

И новое позорище открылось Бомбей-Гору показать свою добродетель. Он собрал спасенных им поселян и других, дал им все, что имел и отпустил дале внутрь земли и между сими приметил он единую престарелую жену с младой девой, которая, между прочими предстоя перед ним и услыша его именовать, вдруг яко изумленная кинулась в объятья его, с рыданием сказывая, что она Багия. Сия Багия была жена знатного рода и в супружестве же за знатного родом человеком, который в войне был убиен — жила немалое время в Квамо для воспитания своих сыновей, которые или померли в младых летах, или побиты на войне, и оставалась единая у нее дочь. Во время пребывания своего в Квамо, она была друг матери Бомбей-Гора и хотя сама была не богата, однако елико можно снабжала Бомбей-Гора и жилище свое в Квамо по дружбе матери его продолжала; знала еще его младенцем, а как сей друг ее скончалась, то с дочерью своею отъехала в маленькие свои деревеньки, где спокойно пребывала, даже как сие нападение утриков лишило ее вдруг людей, кои ими были избиты, селения, которое было сожжено, и всего имения. Каждый,

в жалком состоянии находящийся человек, имел право на благодеяния Бомбей-Гора, то коль Багия сия, заслужа от него, которую он познал, облобызал ее, припомнил ее благодеяния и послал ее жить в доме его в полку и пользоваться всем, что он имеет. Учредя тако, учинил о всем донесение байрату, не показуя ни малого огорчения за оставление его без помочи.

Продолжающаяся война к новым знакам храбрости, искусства и великодушия ему причину подала. Случилось, что воинство наше стояло близ единой великой реки, которую надлежало переходить, а для сего был послан тот полк, в котором находился Бомбей-Гора для соделания мостов. Байрат, пришедши к реке для занятия другого берега, придав ему другую роту, отправил за реку, яко он по ненависти своей к нему имел обычай всегда в опаснейшие места его подвергать. Бомбей-Гора, перешед реку, занял единое высокое с некоторыми заразами место. Но насилу он мог тут расположиться, как вдруг великая толпа неприятелей на него напала. Вышина места учиняла, что воинство видело опасность, к коей сей храбрый муж подвергнут был. Байрат, хотя стоял на самом берегу и имел удобный случай чинить ему помощь, однако недвижим оставался. Даже как присланное к нему повеление от главного предводителя понудило его на лодках на помощь к нему перевозиться, и хотя все воины стремились поспешать, но он напротиву того под видом сохранения порядка их стремление остановлял. Однако не толь была велика его мешкотность, коль велика храбрость Бомбей-Гора, который места своего не уступил и мог дождаться идущей помощи, которой однако не дождавшись, неприятели побежали. Однако он в сем сражении несколько получил ран.

Все воинство известно было, что не было в байрате недостатка в храбрости, ибо он во многих случаях ее показал, а посему и справедливо заключили, что он сего достойного мужа и с ним воинов ненависти своей пожертвовать хотел. Все противу его вопияли и требовали его наказания, которое долженствовало по законам состоять в лишении чести. Пред очами всего воинства происходило деяние, пред очами оного надлежало и суждению быть. И тако на третий день, как все воинство переправилось через реку, учинено было собрание, и байрат пред суд был призван. Предстал он трепещущий, все офицеры, все простые солдаты, все свидетельствовали на него, что он довольной поспешности не учинил и подвергал к погибели Бомбей-Гора со всеми находящимися при нем. Сей несчастный муж,

дрожащ, ничего не мог ответствовать, и зять его Тодин-Кул едиными своими слезами тщился жалость привлечь, когда вдруг раздались воины и узрили Бомбей-Гора, двумя его служителями ведомого. Все думали, что он идет приобщить свою жалобу на байрата, но напротиву того, он, став пред начальников, стал его оправдывать, представлял трудность перехода, опасность, чтобы не подвергнуть по частям и весь полк к погублению — и противность ветра, трудность всхода на берег, и наконец, открыв свои раны, говорил, чтобы они долженствовали заставить его прежде всех жалобу приносить, но, видя такие обстоятельства, которые могли его не допустить подать скорой помощи, не токмо просит отмщение себе, но паче преклоняет колена свои и излиянной своей кровью просит, да сохранится сей храбрый муж для пользы отечества и для показания вящих впредь ему услуг.

Все воинство было удивлено таким великодушием, и воины вдруг вскричали: тебе, Бомбей-Гора, мы даруем честь сего мужа, ты два великих дела соделал, сохранил без помощи, где бы казалось невозможно, нам нужное место и предавшего тебя — или по крайней мере что имело такой вид, ибо мы словам твоим верим — от поносного наказания. И сие суждение и начальники подтвердили. Бомбей-Гора принес свое благодарение воинству, а в байрате сие толикую чувствительность произвело, что он упал в обморок и был отведен в его палатку.

Однако в продолжающемся собрании воинов все единогласно возопили, что они купно все были свидетели его храбрости и искусства и великодушия, то не надлежит, чтобы толь отличные качества душевные остались без награждения, а сего ради и просили начальники, чтобы он ему дал чин мамьет-кола, и сии с радостью на сие согласились. Но Бомбей-Гора, приступя к начальникам и учиня благодарение воинам, говорил: что соделал я — есть ничто иное как исполнение моей должности, а потому и должен токмо должного воздаяния требовать. Правда, законы наши позволяют, что в нижние чины по общему одобрению воинства и без очереди производить, но о чине мамьет-кола такого положения нет, а к тому же хотя запрещения и нет, но почти не видим мы примеров, чтобы сверх комплекта кто был произведен, а ныне, вы хотите, обошедши двух старших меня, и сверх комплекта произвести! За доброе желание ваше не могу вам не быть благодарен, но позвольте мне сего вашего благодеяния не принять, ибо если я имею какую добродетель, то должен я ее соблюсти, а будет ли в сем какое соблюдение, если по причине меня нарушится закон

и обычай и победа моя, или лучше сказать, отпор, учиненный неприятелю, не учинится победой над законами и обычаями, под сенью которых мы уже толикое время благополучны живем.

Все принуждены были потупившись замолчать, быв исполнены сугубым его великодушием, и он яко победоносец, не токмо над врагами, но и над своими страстями. Там новое позорище ему предстало. Сие есть байрат, ожидавший его в палатке, который как скоро он вошел, пал пред ним на колени, благодаря его за свое спасение и извиняясь в грубостях своих. Бомбей-Гора, поднявши его, обнял, говоря, что он единого возмездия себе требует, чтобы все прежнее неприятное было забыто.

Во время продолжения сей кампании, Бомбей-Гора еще многие знатные дела оказал, но, быв наконец смертельно поранен, принужден был ехать в полк свой лечиться. Он, приехав туда, нашел там Багию с ее дочерью, которые во время его болезни возможную помощь ему подавали. Во время сие имел он случай спознать обычаи и расположение мыслей дочери сей Багии, которая называлась Бавияла. Она есть не токмо хороша, но более дурна, однако имеет глаза быстрые, показующие ее разум и нечто приятное в лице, изъявляющее доброту ее нравов. Разговоры ее и поступки были благопристойны, но приятны, чувствования добродетельного сердца ее повсюду оказывались, и она о всех почти вещах мыслила справедливо. Таковые качества не могли не тронуть сердце Бомбей-Гора, который более любил красоту душевную, нежели телесную. Но продолжающаяся война возбраняла ему помышлять о супружестве и потому открыть мысли свои сей деве и ее матери. Но два обстоятельства его вдруг преклонили. Первое, когда уже начал он приходить в крепость, тогда Багия принесла ему счеты издержанного ею; хотя он не хотел их принять, но она его принудила, а принявши лишь взглянул — увидел великий остаток от доходов и такой, что почти Багия ничего не издержала. Принужденным он нашел себя пенять ей, что она не хотела воспользоваться тем, что он ей дал и приять знаки его благодарности за многие учиненные его благодеяния его матери и самому ему во время младенчества его. Багия на сие ответствовала, что она, привыкши жить в бедности, не имела нужды брать более. Не меньше однако благодарна она за оказанное им в их несчастье благосердие, а что она за лучшее почла употребить труд дочери своей для удовольствия своих нужд, нежели тратить его доходы, которые остатки у нее верно хра-

нятся, и он может сейчас их принять. Бомбей-Гора хотел сие подарить сей почтенной женщине, но она твердо отказалась, и он принужден был принять сии деньги, хотя и с огорчением. Труды, которые Багия подняла, во время его болезни, ее весьма изнурили, так что и она впала в жестокую болезнь. Тут он воздавал ей тем же попечением, какое она имела об нем, и имел случай видеть привязанность, искреннюю любовь и попечение дочери ее. А по всему сему и решился стараться соединить судьбу свою с сею добродетельною девою. По облегчении матери сказал он о своем намерении Бавиале, которая ему ответствовала, что она не скрывает то, что она имеет совершенное почтение к нему и счастливой бы себя считала соединить век свой с ним, но что, первое, сие зависит от воли матери ее, в которой она уверена, что она на сие не согласится, да и она о сем ее будет просить, ибо, быв в совершенной бедности, должна она желать себе подобного и жениха, и он, сам быв не богат, лишь токмо ее отяготит, тогда когда богатейшие девы, рожденные от родителей, которые знатные чины имеют, за счастье себе почтут быть супругами его. Удивлен был Бомбей-Гора, что все женщины его в великодушии побеждают. Однако, зная уже мысли Бавиалы, по выздоровлении ее матери, просил у нее дочь ее себе в супруги. Сия всеми теми же причинами, каковые представляла дочь, опровергала его требования. Принужден был Бомбей-Гора пасть на колени к ней и просить ее согласия, но когда уже колебалась мать, тогда вошла Бавиала, и сказав, что она совершенную чувствует к нему любовь, однако, падши на колени пред матерью своей, просила ее на сие супружество не соизволять, дабы чрез сие не соделать какого ущерба и несчастья Бомбей-Гора. Не мало надлежало слез и просьбы, дабы великодушие сих двух жен победить, но как наконец испросил соизволение матери и дочери, то по кратких днях вступил с сею девою в супружество, соделал свое и ее счастье, в котором и ныне с лишком двадцать пять лет в союзе, основанном на взаимственном почтении, в совершенном согласии живет.

Бомбей-Гора возвратился к воинству, где продолжал знатные свои дела, повсюду оружию его победа последовала. Не единожды он был и в нижних чинах единственной причиной одержанных побед, так что, идучи по степеням, наконец достиг быть на место убитого байрата того полка, где он находился сам байратом. Сей байрат, хотя просьбой Бомбей-Горы и был оправдан, но толь дурное учинили о нем все заключение, что можно сказать везде он кидался в неприя-

тельские войска, не славы и победы себе, но смерти ища. Война сия толь долго продолжалась, что он достиг уже чина бей-мансо, то есть четвертой степени. Неприятели заключили перемирие, войска были с границ отведены, а оставлен он был с немногим числом полков для хранения границ. Перемирие сие лишь был хищный обман со стороны наших неприятелей, ибо как скоро войска отступили от границ, они, собравшись тайно в великих силах, под начальством лучших своих вождей, напали на наши границы. Но ни нечаянное нападение, ни превышающее число войск, ни искусство их вождей не остановило Бомбей-Гора. Он немедленно противу их выступил, защитил границы и наконец, толь искусно противу их действуя, не токмо отогнал от Офирских областей, но вступил в их страну, учинил в ней опустошения, единый из их крепких градов взял и захватил другие выгодные места, откудова страна их к нападениям нашим подвергнута стала. Посланные на помощь к нему войска нашли уже его победителем, а успехи его толь были быстры, что почти в одно время получены были известия о впадении неприятельском, о их поражении и о знатных успехах. Можно сказать, что сии знатные деяния и захваченные им выгодные места сию войну, более десяти лет продолжающуюся, прекратили, ибо, видя уже землю свою откровенну набегам нашим и чувствуя тяжкие поражения, стали мира просить, который с ними чрез самого сего Бомбей-Гора, посланного с другими послами, по советам его и был заключен.

По заключении сего мира, призван он был с прочими начальниками ко двору. Тут покойный император наш Браим принял его со всем уважением, какого достоин он был своими заслугами и добродетелью, и по первом приветствии ему сказал: "Ты знатную часть моей провинции Офироманской сохранил, оказал многие услуги отечеству, явил свои добрые нравы. Рассматривая с советом моим все твои изящные дела, определил учинить тебя от себя и от отечества награждение, яко памятник твоих заслуг, побуждение другим тебе подражать" — и тогда же вручил ему грамоту на великие лежащие в Офирской губернии деревни.

Оказывал к нему император великое почтение и милость, но не долго она продолжалась, ибо чрез два года случились там обстоятельства, что народ соделал некоторые озлобления Офирской империи. Покойный император Браим любил войну и военную славу, желал же и некоторые области от сего народа к империи своей присоединить.

Обычай у нас есть, что хотя император с единым своим советом может предпринимать всякую войну в защищение государства, но для наступательной он должен собрать совет, не токмо из членов хранилища законов, но также и всех обретающихся в столице четырех первых степеней людей. Бомбей-Гора случился тогда быть в столице, следственно он был призван на совет. Предложено было о начатке сей войны и о пользах, каковые Офирская империя получит. Единые тут бывшие в совете были увлечены изволением императора, другие же были прельщены доказуемыми пользами, так что все на сие согласились. Единый Бомбей-Гора, хотя последний был в совете, учиня извинение, что он осмеливается мнение старших себе и искуснейших оспорить, предложил толь ясно пользы мира и злоключения войны, несправедливость сей, вновь предприемлемой за некоторые наглости, происшедшие от приватных беспорядочных людей, и не только пользу, но вред, который может произойти от приобщения тех областей, на которые льстятся, дороговизны содержания в отдаленных местах войск, говоря (сии слова в памяти моей навсегда останутся, ибо и я между прочими тут был): Не расширение областей составляют силу царств, но многонародие и доброе внутреннее управление. Еще много у нас мест не заселенных, еще во многих местах земля ожидает труда человеческого, чтобы сторичный плод принести. Еще у нас есть подвластные народы, требующие привести их в лучшее состояние, то не лучше ли исправить сии внутренности, нежели безнужной войной подвергать народ гибели и желать покорить или страны пустые, которые трудно будет и охранять, или народы, отличные во всем от нас, которые и чрез несколько сот лет не приимут духа отечественного Офирской империи и будут под именем подданных наших тайные нам враги. Наконец предложил он послать туда посольство, стараться прекратить все несогласия. Колико предложения сии ни были противны императору, но как большая часть совета на сие согласились, то и он принужден был согласие свое дать, и сам Бомбей-Гора противу же изволения императорского был избран в сие посольство. Он туда поехал, все требованные удовольствия получил, утвердил мир и возвратился в Квамо. Но император толь был за сие огорчен, что едва мог самое благопристойное по его сану ему приветствие делать. Бомбей-Гора, привязанный к отечеству, а не ко двору, сим ни мало не огорчился, и смеясь часто говаривал, что он храбростью то не почитает, кто умеет токмо сражаться, но не смеет

говорить, а прямая храбрость и великодушие должны простираться равно в битве и в совете. Но как и должность его влекла быть при войсках в его провинции, куда он и отъехал, где пребыл до кончины императорской.

По взошествии на престол нынешнего императора, пожалован он был в кола-канги: иже есть третья степень чинов государственных. Чувствуя, что достоинствами своими должен себе гражданин счастье соделывать, а не исканьем, не торопился он приехать ко двору возблагодарить за полученный им чин, но нечаянное обстоятельство принудило его ехать ко Двору. Сие состояло — я уже сказал вам — что император его пожаловал знатными деревнями в той провинции, где полки его обретались и которую он спас от вражеского нападения. Сия провинция много претерпевала от разных налогов и от нескольких злоупотреблений, необходимо вкрадывающихся в отдаленные области. У нас обычай есть, что каждые три года собираются чины каждой провинции для рассуждения о своих пользах и тягостях. Сии собрались, избрали его от себя посланным ехать в главное правительство принести свою жалобу. Он, приехав, предстал сему правительству; истек из уст его обильный источник сладости и ученья. Представил он состояние сей провинции, изъяснил ее недостатки, какие пользы можно от поправления получить, упомянул законы, прямой разум их и намерение, и просил о исправлении. Все слышащие удивлялись толикому во всех частях знанию в военном человеке; просьбы его были приняты и потом точно решения учинены.

Уже он намерен был возвратиться, когда ходатай той провинции, избираемый на три же года, которые у нас, при вышнем правительстве находятся, претерпел в деревнях своих многие убытки, просил дозволения от провинции и от правительства отъехать для поправления своих дел, а вместо себя, с позволения же своих собратий, представил Бомбей-Гора. Принужден был остаться, девять месяцев в правительстве заседал, хотя решения и не давал, но в сомнительных делах, когда его вопрошали, ответы его были такие, что всегда на оные решения последовали. По возвращения же настоящего ходатая и он отъехал в свою провинцию.

Оказав таким образом во всех частях свое великодушие, храбрость, искусство, когда чрез несколько времени достигло время, то есть при пятилетнем возрасте старшего сына императора, избирать ему воспитника. Обыкновенно сие чинится в собрании совета перво-

го правительства и первостепенных людей государства. Обычай у нас всегда есть от знатных родов рожденных другим предпочитать. Однако в сем случае, взирая на его изящные достоинства, Бомбей-Гора был единогласно к общему удовольствию всех избран и должность свою достойным образом со мнением, какое о нем имели, исполняет».

Сим рассказание его окончилось. Между тем приехали в дом сына его, где он с должным подобострастием был принят, также и я, как им, так и супругою его обласкан был.

Глава VII. О супружествах императоров Офирской земли

По некоим разговорам, в коих касалось до императрицы, вопрошал я о ее роде и какого она государя дочь. Агиб мне сказал, что из самого моего вопроса понимает, что у нас обычай есть, чтобы жениться нашим государям на ровных себе дщерях других государей, как ему, что сие и во многих других странах ведется. Но пожалуй скажи, продолжал он, какой есть ваш предмет заставлять ваших государей предавать сердце свое незнакомой ему деве, к которой он никаких чувств не имеет, и водить чужестранок в свое государство, которые часто по могуществу своему над супругом могут иметь некоторое влияние в самое правление, чужестранок, которые ни обычаев, ни нравов ваших, а может быть часто и языка вашего не знают? Я ему ответствовал на сие, что многие есть причины, основанные на глубокой политике для ведения сего обычая, 1) чтоб чрез сие твердейшими узами союзы между государств утвердить; 2) получить некоторые наследия, если не приобщением земель к государству, то по крайней мере, для возведения на те престолы кого из дома того государя; 3) чтобы не усилить союзом некоторые роды, которые по родству своему с государями, могут мучителями народными учиниться.

Терпеливо выслушав мои слова, Агиб сказал: «Я признаюсь, что во всем сказанном вами есть некоторые виды полезности, но не самая польза; а для сего отриньте вы сие предубеждение, которое часто в стране своей наидобродетельнейших людей ослепляет, и внушите мои рассуждения, которые я не в охуление вашей страны, но в рассуждениях буду говорить».

Охотно я ему сие обещал, и он продолжал свою беседу: «Я, первое, не нахожу, чтобы между государями союзы брачными узами и родством могли утвердиться, ибо государство не женится, но государь,

а государь должен блюсти пользу государственную, — то ежели он в предосуждение государства будет по супружествам и по личным обязательствам сохранять союзы, не может то полезное быть. А если положительное состояние государств взаимственно того требует, то и без брачных союзов оное согласие навсегда может быть. Прибавьте к сему, что хотя мы может быть некоторое ощущение по крови и чувствуем, но утверждается оно нашей свычкой. Ни сын родителя, ни родитель сына, когда они друг друга не видали, любить не могут, ибо то бы было любить изобразительное себе естество; подобным образом и самая разлучка, если не разрывает узы дружбы и кровного союза, то по крайней мере весьма их ослабляет, а потому и все сии обязательства разрушаются. Следственно таковые супружества ни в политическом, ни в физическом положении ничего полезного не приносят. Второе, говорите вы о наследиях, каковые может государство от таких брачных союзов приобрести, но, во-первых, сие не может не редко быть, а второе, и сии наследия по большей части кровью и войною, разорительной тому государству, которое его достает, получают и тако в тягость самому народу обращается. Приложите к тому, что государь, имея отеческие владения, родившись в том царстве, привыкши к тем законам, его порядочно управляет, но он приобретает другое наследие, где более или меньше его власть стеснена. Если более, то силою своего природного государства восхочет подобные же законы установить, а если менее, то силою того восхочет в отеческом своем наследии распространить свою власть; а из сего произойдет утеснение, нарушение праотеческих прав, пристрастие к которому из сих двух народов, а все к несчастью государства и к раздорам обратится. А притом ежели иметь в предмете от сих союзов получить наследие, то самое государство подвергается быть наследием чужестранного государя, не знающего ни обычаев, ни законов, ни нравов народа и всегда более привязанного к отчинам своим, между которыми воспитан, нежели коими будет владеть. На третье — не нахожу я никакой опасности в возвышении родственников той, на которой государь женится, ибо ежели он один, то не бывают ли примеры, что государь имеет таковую преклонность к кому из своих подданных, что яко родственника своего почитает, возводит его в вышние достоинства, богатит и бóльшую часть власти своей ему уступает. Ежели их много, то самое стечение их противных польз не могут учинить их соединенных, и возвы-

шение их токмо видимое будет. Но они по самому свойству получат вышние места, по свойству своему будут обогащены. Но какой от сего вред, что свои соотчичи возвышаются; не возвышают ли у вас и без свойства? Что свои соотчичи богатятся? Не богатятся ли и без свойства? И не лучше ли, чтобы свои соотчичи и возвышались и богатились, нежели все сие падет, но токмо на приезжающих пожинать, идеже не сеяли, чужестранных, но чтобы и туда деньги богатить тех посылали. Но сверх того, каковы бы они ни были, они уже по свойству привязаны к особе государской, а не к его сану; они по близости крови ограждены — без крайних преступлений — от какого жестокого падения, то в случае заблуждения государя, кто смелее может истинные его пользы представлять? Избранные ли временщики, которые токмо для пользы своей служат, или свойственники государевы, которых самая польза с благосостоянием государства соединена?

Приложите наконец к тому, что сан государский есть пышен, велик; роскошь и удовольствие по-видимому ему последуют. Но все сие не иное что, как возмездие наложенным на него должностям, которые суть весьма трудные, и среди сего видимого другими благополучия едва ли он его ощущает от множества попечений и забот, если хочет исполнять свою должность. Что же остается соделать главным возмездием государя, которое бы и при сих его заботах ему чувствительно было? Не есть ли дание свободы ему поять себе в супруги ту, к которой сердце его наиболее горячности ощущает, осчастливить любезную себе и осчастливить себя и соделать себе навечно друга и утешителем в своих заботах, вместо, чтоб принудить своего государя поневоле сердце свое незнаемой отдавать, наказать его иметь навеки сожитие с той, к кому ни сердце не привязано, ни нравы с кем несходны, заставливать его в незнаемую влюбляться и веселиться таким супружеством, которое ему вечное огорчение обещает».

Умолк сей старый муж, я же, ничего не отвечая, признание мое глубоким поклоном ему изъявил, а не смел ему сказать, что государи наши в объятьях любовниц находят то удовольствие, каковое он желал бы иметь от супруги, ибо конечно бы Агиб еще длинной речью пример развратности нравов охулил, показал бы, что обыкновенно такие мешаются в дела государственные, все повреждают, возводят свою родню и любимцев, и расстраивают и разоряют государство, чему увы! многие примеры в Европе у нас видны.

Однако наконец, по сим долгим разговорам, он мне сказал, что государь их женат на единой деве знатного рода Наиев, который по обыкновению их страны произведен в баи с его семейством, что родитель их императрицы умер, а остался у нее один брат, который ныне с чином Агиба присутствует в правительстве хранилища законов.

Остальную мы часть вечера препроводили в веселых разговорах, даже как отужинав, поехал я с Агибом в его дом.

Глава VIII. Назначение знатных мест города и обозрение писателем их

Назавтра определенный офицер явился ко мне поутру и принес мне роспись, что есть любопытнейшего в сем городе. Оный состоял:

1). Палата памятная.
2). Вышнее правительство хранения законов.
3). Арсенал, или оружейная.
4). Литейный дом.
5). Фабрика оружия.
6). Палата памятная[171].
7). Казна государственная.
8). Государственная палата доходов.
9). Государственная палата уголовных дел.
10). Государственная палата суда о всякого рода имениях.
11). Государственная палата домоводства и земледелия.
12). Государственная палата мореплавания.
13). Государственная палата торговли.
14). Государственная палата воинская.
15). Государственная палата дел с чуждыми народами.
16). Государственное благочиние.
17). Суд губернии Квамо.
18). Частное благочиние города и губернии Квамо.
19). Государственный купецкий суд.
20). Академия наук.
21). Академия артиллерии, инженерства и архитектуры.
22). Академия художеств.
23). Академия наук мореплавательных.
24). Академия свободных наук.

25). Шесть училищ.
26). Училище механических ремесел.
27). Общее судище купецких дел.
28). Судище купецких дел по губернии Квамо.
29). Палата рассмотрительная законов.
30). Погребалище вне города.
31). Гульбище народное.
32). Два загородные дома императорские.
33). Тюрьмы.

Я уже его ожидал и он, подавая мне сию роспись, сказал, что она сочинена не по порядку мест, но по тому как удобнее в оные ездить и советовал мне, как уже время поздно становится, ехать прежде всего осмотреть погребалище, гульбище народное и два императорские дома вне города. Я совету его последовал и, повидаясь с Агибом, поехал с ним.

Погребалище

Приехали мы расстоянием от города около французской лье к единому весьма пространному месту, составляющему четвероугольник, коего каждый бок имел по видимому пол-лье французские, окруженному каменными стенами. Вход в сей четвероугольник был едиными вратами, которые нам стражем, имеющим жилище у сих врат, были отворены. В середке сего пространства находилось пространное четвероугольное с куполою здание. Прежде нежели войтить в сие окружение, любопытствовал я спросить о сем здании, по середке находящемся, и вождь мой мне ответствовал, что сие было погребалище государей. Но как я приметил, что находятся многие знаки на могилах, в память поставленные, то я его спросил: а во всем пространстве сем кто погребается? На сие он мне отвечал, что тут погребаются дворяне, в какой бы службе и состоянии ни были, купцы и мещане. Но спросил я, где же погребаются военные люди и крестьяне? На сие он ответствовал, что военные люди у них все поселенные, а потому и погребаются в своих селениях, а крестьяне в их деревнях, где везде соделаны такие же погребательные места. Самые, говорил он, офицеры, которые, быв в своем поселенном полку, умрут и если не восхотят велеть тело свое нести в город, погребаются в полковых погребалищах, и дворяне, умирающие в своих деревнях, также погребаются между крестьян своих и имеют право соделать для погре-

бения своего рода здание. Говорил притом, что и во всяком городе у них учреждены подобные погребалища, и соделано место особливое для погребения начальников града.

По сем вошли мы в сие пространство. Я жаден был видеть поставленные памятники и для того спешил подойтить к единому, который мне огромнее показался, мня найтить памятник или министра или военачальника, но, к удивлению моему, на марморовом великолепном столбе, поддерживающем от времени уже поврежденную поясную статую, нашел я следующую надпись:

«В 960 году восстановления империи здесь положен города Квамо мещанин Бундлай, искусством столяр. Он был человек добрых нравов, верен в своем слове, никогда в мастерстве своем не имел на себя жалобы, детей своих научил тому же ремеслу, и изобрел делать ветреные мельницы. Правительство, уважая в нем гражданские добродетели и полезное изобретение, чрез что много труда убавил у народа, чтобы молоть в ручные жернова, поставило ему сей памятник в 990 году».

Возле него лежал простой серый камень. Любопытствовал я и сию надпись прочесть, но коль я удивился когда нашел:

«В 1100 году, здесь положен Буги-Агай-агиб, хранитель законов».

Нашедши я такую разность между столяра и, по нашему назвать, канцлера, весьма удивился.

Приметив мое удивление, вождь мой мне говорил: «Чему вы удивляетесь, что столяр преимущественное имеет надгробное здание и надпись? Смертью все люди равняются, и остается токмо память их дел и польз, которые они обществу оказали. Сей столяр, как вы видите, к полезному изобретению присоединил похвальные гражданские качества, а сей Агиб ничего почти полезного не соделал. Оба они человеки, а потому в памятниках своих и должны пользоваться токмо тем преимуществом, которое независимо от фортуны они по человечеству имели. Вы видите здесь много могил, которые ниже какого камня имеют, и токмо остаток возвышения и трава их означает. Не думайте, чтобы тут все подлые люди были погребены. Тут есть множество сановников государства, которые, не соделав ничего достойного, не удостоились и камня на гробе своем иметь, и телеса их подвержены, когда по прошествии великого числа лет, наполнится сие погребалище — каковых у нас три, и сие уже четвертый раз возобновляется — тогда не имеющие знака разрывают кости

их, тут погребают в углу, где и на том месте вновь погребают. Но что я говорю о подданных, многие государи наши не удостоились иметь надгробных памятников и надписей, яко в сем здании (указуя мне на четвероугольное здание) увидите. Таким образом мы стараемся возбудить в наших гражданах любочестие и по смерти их и учинить, чтобы они не все взирали на настоящее их благосостояние, но и на честь, каковую могут по смерти получить». Но кто, ответствовал я, может так судить мертвых людей? Не примешаются ли тут пристрастия, ради царствующего сына, или в вельможных чинах находящихся потомков; или пристрастие ненависти, быв царем или вельможей, хотя и по справедливости, огорчены?

«Нет, — ответствовал он мне, — по крайней мере у нас взяты удобнейшие по человечеству расположения. Никто у нас по самой своей кончине не имеет надгробного памятника, а по прошествии тридцати лет смерти царя, собираются собрания народные. Они судят о их первых начальниках и о прочих даже до самых нижних. О последних решат, какого памятника достойны, а о вторых, собрав голоса и доказательства, приводят в государственных чинов нарочно для сего учиненное собрание, где сперва судят, во-первых, умершего императора, потом его министров и всех главных начальников, коим и определяют приличные памятники, и тогда говорят похвальные речи на их могилах, освещают их свещами, украшают цветами и другие знаки благодарности над оными творят. Тридцать же лет положенный срок есть таков, что все страсти, ради или противу мертвого утухают, дела их — принесли пользу или нет — испытанием времени ясны становятся, а еще есть довольно свидетелей всех их поступкам. И в следующий год у нас будет собрание для суждения деда нынешнего императора и его министров».

Едучи к царскому погребалищу, быв побуждаем моим любопытством, часто я совращался с пути моего обзирать не только великолепные гробницы, но и самые простые камни. Между великолепных, правда, я нашел многие, созданные в честь первых степеней людей государства, но многие из них были и в честь самых нижних чиновников — в честь купцов и мастеровых людей, а многие были и в честь жен, яко между прочим одна великолепная, из серого камня состроенная, с ее изображением статуею, на которой была следующая надпись:

«1201 года здесь погребена Улоа, добродетельная супруга беймаса (генерал-майора) Кулин-тага. Она была ему верна, благоприятна ко

всем, прилагала попечение о воспитании своих детей. Быв во граде Зилзе с мужем своим, который тогда претерпел вражеское нападение, она все труды и опасности оные с ним разделяла, и наконец, когда два сына и муж ее были убиты на стенах и воины оробели, с мечем в руках прибежала на стены, представляя откровенную свою грудь врагам, возбудила бодрость воинов и град от взятия спасла, и в старых летах скончалась в Квамо».

Возле нее другая гробница, не толь великолепная, на коей токмо медальоном портрет младой жены был изображен с надписью:

«1005 года, здесь погребена Лунива — супруга саноделателя. Красота ее прельстила тогда царствующего императора Рамзи. Сей, быв развратный нравами, повелел ее восхитить для удовольствия своей страсти. Она, видя неизбежную гибель, притворилась согласной на все быть, а просила токмо несколько часов времени удовольствовать его хотение. Получа сие согласие и уединяясь в комнату, имеющимся при ней ножом выколола себе глаз, обрезала нос и губы и все тело свое ужасно исчеркала, а потом, как император пришел, сказала ему: красота моя подвергала меня лишиться чести; я ее наказала. Устыдись и накажи себя за то, к чему ты любострастием своим меня подвергнул. В память толикой добродетели создан ей сей памятник, тогда как император и голыша на гробе своем не имеет».

Были многие и другие подобные во всех частях добродетели, были и самые скудные ради первостепенных людей. Даже, как мы уже быв при всходе в царское погребалище, представилось мне здание из черного мармора соделанное, украшенное резьбой из позлащенной меди. Наверху была статуя в рост человеческий, медная же, позлащенная, а на пьедестале, на досках белого мрамора, позлащенными же медными литерами была изваяна следующая надпись:

«1305 здесь не погребен, ибо пусто место той земли, которое бы удостоено было сокрыть кости великого мужа Агибе, Миноско-дола. Он, когда хищник и мучитель Дамбет (коего имя токмо для проклятия его здесь вмещается) хотел разрушить все благие законы и ввести единое свое хотение за правило в закон, толь твердо ему сопротивлялся, что самых робчайших побуждал сохранить праотеческие законы, к чему испытанная его добродетель, разум, и заслуги отечеству, как в гражданских делах, так и в военных, ему способ подавали. Ввергнутый в темницу согнившей от сырости, потом мучимый, и при самой мучительной казни не отступил от твердости своей и не прельстился

ни на какие лестные обещания. Изрублен тираном на части, тело его было сожжено. По изгнании тирана, в назначенное законами время соделана была ему сия пустая гробница, в память его добродетели — поставлена близ царского погребалища для показания, что таковых честных и добродетельных министров должны они искать».

По сем мы вошли в царское погребалище, и первое, что мне представилось, была медная позлащенная гробница, наподобие высокой пирамиды соделанная, на которой соделаны были разные изваяния. Пьедестал ее был из белого лучшего мрамора, а наверху стояла в рост человеческий великая статуя, о коей уверяли меня, что она была златая. Вокруг нее были поставлены восемь черного мрамора столбов, с медными позлащенными капителями, и сведен был свод, также резьбой внутри испещренный, которая была из позлащенной меди на черном мраморе.

Сия гробница была их славного государя Сабакула. Надпись на пьедестале черного мрамора, златыми врезанными литерами учиненная, была весьма кратка и содержала:

«В 65 году погребен здесь Сабакул, император, тот, который падающую империю возобновил, мудростью своих законов не временное, но вечное счастье соделал, который был снабжен всеми добродетелями и власть свою любил токмо, поелику мог ею счастье подданных своих составлять. Неудобно есть все его деяния здесь описать; воззри на них кратко, на близ стоящей доске, удивись его делам и сожалей, что не имеешь счастье при нем жить. Преемник же его подражает оным».

И подлинно, окруженная украшениями стояла в стороне великая медная доска, где кратко его история была прописана, но я здесь оной не вмещаю, ибо когда буду говорить о учиненной перемене сим Сабакулом, то и сие описание по большей части и еще пространнее вместится. Но хотел я узнать знаменование изваяний, находящихся на пирамиде, и мне было истолковано. На единой стороне, как он защищал права отечества и был сослан императрицей Рихшею. На другой, как он был избран в императоры. На третьей, дает законы. На четвертой, во время нужды государственной, отдает все сокровища короны, дабы прокормить народ. Потом я осматривал другие гробницы. Иные были довольно великолепны, другие же имели простой камень, но ничего чрезмерно отличного я в оных не обретал. Вожатый мой приметил мое удивление и следующее мне говорил:

«Законы наши и учреждения, соделанные великим Сабакулом есть столь хороши, что преемникам его не остается ничего более делать, как по оным поступать. С лишком в 1700 лет не было у нас прямо злых государей, окроме двух, окроме Рамзи и Бомбета, коих ты имена к поруганию их памяти на гробницах видел. Но и те, сверженные с престола, в темнице жизнь свою скончали. Правда, многие не удостоились никакого памятника, но проступки их были не велики, которые они и добродетелью своею не наградили; ибо знайте, что мы судим строже своих государей, нежели приватных людей, и единый закон, без рассмотрения учиненный, который вред нанес государству, если он не награжден великими заслугами, лишает постановления памятника государю. Однако вы видите многие великолепные гробницы, яко Бигая, утвердившего наследство имений; Зингия, введшего распоряжение о полиции; Билтея, простившего великое злоумышление, сочиненное противу его особы; Зиндивея, умножившего земледелие и введшего многие травы и древеса расти в нашей стране; Пилпея, учредившего училища и узаконившего об них; Загатая, победившего многих врагов и законодательством своим приведшего их возлюбить свое покорение; Пингея, учинившего полки поселены; Баагия, утвердившего границы государства; Титея, наказавшего злоупотребление вельмож; Бракола, уставившего порядочно доходы и упустившего многие стесняющие вольность народную и прочих». Подводил меня к сим великолепным гробницам, где я читал имена сих любезных Офирской империи государей, купно и с деяниями их, за что таковые гробницы им были созданы. Находились тут некоторые гробницы и императриц, которые иль любовь к отечеству показали, или укрощали горячность своих супругов или детей, или что славное соделали. Вообще же каждая императрица, коей супруг удостоился соделания памятника, если не была в каком проступке изобличена, получала честь гробницы, хотя не толь великолепной как ее супруг, однако довольной для сделания ей чести памяти. Сим способом, говорил вожатый мой, в самом доме своем и на самом своем ложе имел советника, побуждающего его к пользе государства.

Осмотря сие достойное любопытства погребалище, послали мя в един загородный королевский дом, близ оного стоящий при течении реки Квамо, которая отчасти его окружала. Тут я нашел не весьма пространное здание с простыми украшениями. Простота архитектуры и спокойство комнат составляло все его украшение. Но напротиву

того сады были великой пространности, насаженные плодовитыми деревьями, не порядочными дорогами, но наподобие леса, с малыми дорожками среди деревьев и кустов. Были тут некоторые беседки также простой, но хорошей архитектуры, соделанные для успокоения. И самые находящиеся в сем пространном саду овраги и заразы наполнены были кустами, растущими деревьями, яко такие места, которые множеством нанесенного тут снега во время зимы, при великих стужах, удобнее могли сии деревья сохранить. В единой стране находилась пространная долина, между многих высот вся насажденная молодыми деревьями, о которой вожатый мой мне сказал, что сия была учреждена для удовольствия народного, что понеже сии сады были наполнены лучшими плодоносными деревьями, отбирая молодые, сажали в сию долину и из оной продавали приватным людям дешевыми ценами, дабы могли и те завести подобные деревья. Также в удобных местах, инде копаные, а инде на протоках, были соделаны пространные пруды, наполненные рыбой, из которых также по некоему числу для приватных людей оную продавали. Вожатый мой, приметя во мне некоторое удивление, мне сказал, что се есть обычай Офирской страны, что и сам император, не нанеся себе бесчестья, не может соделать себе какого здания для увеселения, чтобы тогда же не учинил воззрения на пользу народную. Показал он мне стоящие тут великие житницы, которые — уверял — что были наполнены разным хлебом, а с единой высоты показал мне пространные поля, которые были обделаны. А здесь, говорил он, приставлены знающие люди в земледелии. Они над сими полями, часто и с убытком государевой казны, делают разные испытанья в посеве разных хлебов, и по пятилетнем испытании, которым поденную записку обнародуют, берут окружных деревень крестьян на два года учиться их новому изобретению. Из сих житниц, говорил он, выдают за деньги те семена приватным людям, которые требуют частого применения. Сей в долине лес, который вы видите, есть весь составлен из акаций, или горохового дерева, а сие, к полудню лежащее поле, зеленеющееся все насажено земляными яблоками, коего края обсажены патанасами в шесть рядов. И сие есть токмо первое заведение, ибо уже ныне и все крестьяне, переучась и нашедши себе пользу, огороды свои обсаживают акациями и множества садят земляных яблок и патанасов. В расстоянии полу французской мили, на берегу реки, усмотрел я великое четвероугольное низкое здание, о котором любопытствовал я также

спросить, какое оно? Вожатый мой мне ответствовал, что сие был скотный двор, где не токмо для довольствия императорского двора и для удобрения земель содержалась скотина, но также и для продажи за дешевую самую цену приватным людям. Ибо, говорил он, хладность нашего климата чинит, что всякая скотина у нас вскоре мелеет, то чтобы породы содержать, ежегодно из теплейших мест выписывается во многие императорские заводы знатное число такой скотины, которая или самая та, по привычке к нашему климату раздается за дешевую цену приватным людям, или по крайней мере другой род, а не третий, и чрез сие доброта в скотине содержится. А сих ради установлений сей царский дом именуется *пои-катци*, то есть дом полезности. Не редко наши государи приезжают в сие жилище, наслаждаются простой сельской жизнью и очевидные бывают свидетели трудов земледельца, а сие самое и воздерживает их от налогов на то состояние людей, которые со столь великим трудом пропитание другим состояниям людей приобретают.

Подлинно можно бы было, входя во все подробности сего, по-видимому, домашнего домостройства, в самом же деле государственного, многое описывать, ибо тут все расположено в цену, все подвергнуто исчислению и на таком основании служит образцом и училищем частным домоводствам. Но как я есть чужестранный и токмо принужден единые начертания делать, понеже некоторые подробности только удобны к той стране, то оставляю сие и продолжаю описание моего осмотрения.

Уже вечер начинал наступать, и я опасался, что в другой увеселительный дом мне некогда будет ехать, но вождь мой мне сказал, что и самое ночное время не воспрепятствует мне видеть все достойное примечания в том загородном доме, куда мы и поехали.

Сей дом именовался *танги-пои*, то есть *зимняя полезность*, и был расстоянием от первого в полу-французской мили. Когда мы стали к нему подъезжать, увидел я предлинное здание — все освещенно, что весьма меня удивило, и я вопрошал вожатого моего о причине сего освещения с некоим удивлением. Он на сие мне ответствовал, что, когда я увижу сей дом, то и сам причину оного узнаю, а после, едучи обратно в город, он, что подлежит к моему сведению, потщится мне рассказать. Подъехав, увидел я множество стоящих тут разных повозок, а потом вошли мы в пространный дом, который он мне сказывал быть дом жилища императорского. Он в фасаде своей состоял

в пространных сенях, на обеих сторонах по весьма длинных галерей, которые были изрядно освещены, но другие комнаты на другую сторону и великие крылья дома освещены не были, которые были комнаты житья императорского и его семьи, кои мы, со свечами ходя, осматривали, но ничего великолепного и особливо достойного примечания, окроме самой простоты, я не нашел. В сих же двух помянутых мною галереях видел я множество картин, представляющих разные растения, на которых были надписи, которым императором они в Офирскую землю были приобретены. Вожатый мой мне сказал, что сии картины были яко памятники, посвященные тем императорам, которые учинили сии растения знаемы в их стране.

В конце каждой сих галерей находились двери, которыми по нескольким ступеням вниз сходили в пространные оранжереи, по обеим сторонам, и каждая была в пол мили длиной, перегороженная в разные части. Сии были наполнены ананасами, бананами, померанцевыми и лимонными деревьями, кофейными деревьями, персиками, абрикосами и другими, из разных стран Индии привезенными, плодоносными и цветовыми растениями. В великом порядке везде висели фонари, освещающие сии оранжереи, и видел я множество народа ходящего тут. За оранжереями другой ряд были комнаты также освещенные, где каждый мог с своими сотоварищами найтить себе отдохновение, ужин и нужное прохлаждение. Толь великое из разных стран собрание растений меня удивило и толь многочисленное собрание людей всякого состояния. Я с любопытством вопрошал моего вожатого о причине сего учреждения и кто оное учинил.

На сие мне вожатый ответствовал: уже более пятисот лет сие учреждение соделано императором нашим Бузир-Колам, коего вы видели гробницу из черного мрамора, на коей есть и надписание о сем учреждении. Он был государь миролюбивый и милосердый к своим подданным. Попечение его о земледелии, а паче о садах, память его прославило. Сперва самая охота его побудила начать заведение таковых теплиц и с трудом доставать из теплейших мест деревья, а потом, рассуждая, что семь месяцев продолжающаяся зима принуждала всех людей взаперти в комнатах своих находиться, поелику таковая жизнь явным образом приключала повреждение здоровья, учреждено было сие зимнее гулянье, где каждый, заплатя самую безделицу для освещения, может себе удовольствие находить. Я его вопрошал: сколько пла-

тят? Он на сие мне сказал, что бедные платят не более десяти копеек в год, а богатые что хотят, и сие токмо для освещения, а сверх того содержание питья и кушанья особливо откупают, и сего становится довольно для содержания освещением сих зимних гульбищ, куда часто и сам император приезжает.

Я нашел тут многих своих знакомых, с которыми с удовольствием ходил и, дабы мне пользоваться сим гуляньем, зная, что зиму должен буду прожить, дал десять рунов смотрителю, который тотчас поднес мне книгу подписаться и дал мне билет, с которым я всю зиму имел право ездить гулять в сии места.

Поздно уже нам было тогда идти в пространный сад, но как я многажды в нем и после бывал, то здесь его опишу. Он весь был составлен из плодовитых деревьев, непорядочно посаженных, представляющих самую природу. Переплетенные пути вели в разные убежища. В пустых местах были соделаны разные гряды и парники, где посажено было великое число лекарственных трав, а среди самого сада находилась пространная галерея с комнатами, содержащая ботаническую библиотеку. Стены самые ее были убраны картинами, представляющими сии травы с их именованиями и с показанием места, где их найтить в саду или в оранжереях. Сей сад, сказывали мне, назначен для науки ботаники и из него с малым платежом берут те травы, которые в полях и лесах не растут, для употребления в лекарства. Среди самого сада протекал чистый источник, который в нескольких местах был запружен и представлял каскады; также было ископано несколько довольно великих прудов.

В сем состояло все, что я нашел особливо примечательного в сем императорском доме, и мы уже около девяти часов оттуда поехали в город, а как он был ближе кладбища и другого дома увеселительного, то мы в начале десятого часа приехали домой, определя завтрашний день другие места сколько можно посещать.

Глава IX. Продолжение обозрений писателя достойных любопытных вещей в Квамо

Назавтра в семь часов мы поехали видеть поместную палату. Сие составляет великолепное и пространное здание, в единой отдаленной части города находящееся. Окружено оно со всех сторон пространными площадями, на которых посажены в два ряда большие деревья.

Река Квамо у одной стены сего дома протекает, и мы с набережной стороны к нему подъехали.

Как уже предупреждено было от правления меня везде хорошо принимать, то при выходе встречен я был одним судьей, который меня повел по присутственным комнатам. В первую большую мы комнату вошед, увидели стены обиты в большом масштабе сочиненную карту всей Офирской империи, а между окошек, маленькими частными картами губерний и уездов. Посередке стоял большой круглый стол, на котором также лежали карты, несколько книг и циркули, но не нашел я никого в присутствии тут. Сие естественно побудило мое любопытство спросить, что как я вижу присутственную палату, как мне по поставленным стульям видно, но судей тут не обретаю? Вожатый мой — судья, который меня встретил, ответствовал на сие: «Сие есть палата полного собрания всех департаментов сего присутственного места, в которую они токмо тогда собираются, когда случается какое такое дело решить, где случится темнота законов, или такое дело, которое законы и не предвидели. А как естественно весьма должны быть такие дела редки, то и весьма редко собираются в нее, и уже семь лет как не было в ней ни единого собрания». «Следственно, сказал я, она не нужна»! «Простите, господин мой, — ответствовал мне судья, — если и в семьдесят бы лет случилось одиножды в нее собраться, она есть нужна, ибо чем же темные законы или недостаток их решить, когда отменить такое узаконение? А пребывание его требует и места для собрания. Здесь же хранятся общие карты всей империи и книги всех владений». Какие книги? вопросил я. На сие он мне ответствовал: «Не истолковывая вам об оных, вы сами их увидите» — и, подошед к столу, разогнул из одной кучи первую встретившуюся ему книгу. Любопытен я был прочесть ее надписание и видеть ее содержание. Се есть надписание: *Книга алфавитная деревень и земель, губернии Квамо, округа Еринкого с 1600 года, по возобновлении империи.* По сем хотел я видеть ее содержание. Сия книга была расположена по алфавитному порядку. Каждые две страницы открытой книги сочиняли один лист. Полные владения яко волости или села, имеющие приписные деревни и земли, были писаны красными буквами. Которые же приписные те писаны обыкновенными черными с означением к которому главному месту принадлежат. Каждый такой лист был разграфлен во множество граф, и противу каждого из сих было писано, что такое главное место, или деревня, или

землица, в таком году, по такому праву перешла, такая землица была между многих разделена, и сие каждый переход в особливой графе записан. Сие побудило меня спросить, к чему сие служит и какой наблюдется для сего порядок? Ответствовал мне судья: «Все поместные дела не отчего иного происходят, как от спору, кому может принадлежать какое недвижимое имение, а понеже каждое прехождение и разделение землицы записано в сей книге, то и гражданин в единый миг справясь, может иметь сведение о истории своих владений от давнейших лет, ибо сия книга, которую вы видите, есть токмо в прибавление к прежним, потому что за 1200 лет такие у нас продолжаются, а потому все свое право вдруг увидеть может, тем наипаче, что вы видите поставленные номера, которые показуют, где и оригинальные дела в архиве можно сыскать о том имении. Порядок же о записыванье учрежден следующий: каждый, вступая в свое владение, по наследству ли, или по купчей, должен право свое объявить для записания в сию книгу. Но если бы от какого небрежения и не объявил, то округа судья не допустит его вступить во владение того имения, пока им выведен не будет, и немедленно о сем уведомляет сие присутственное место, которое дважды в неделю посылает от себя трех судей, которые по всем объявлениям и репортам вносят сии прехождения в книгу. Те же, которые не рачили объявить своего права для вписания, платят малую пеню с земель и с душ».

Но, государь мой, — говорил я ему, — рассматривая прилежно сию книгу, нашел я, что хотя часто отделенные землицы между многими раздробляются, но селения никогда. Пожалуйста скажите мне о сем, какое право у вас наследства от отца детям и чего ради единые не раздробляются, а другие раздробляются? Охотно ответствовал мне судья: «Право наше о разделе, между детей и других, какие могут быть наследники недвижимых имений, состоит, дабы мне в большую о сем не входить с вами подробность, что мужеский и женский пол может в них наследником быть на таком основании, что всегда женщина получает в половину противу мужчины. Для лучшей ясности представлю я вам некоторые примеры. Если бы, после родителей, осталось два брата и четыре сестры, все имение располагается на восемь частей, из коих каждый брат берет по две части, а сестра по одной. Если кто из детей умрет, то имение его наследует отец и мать вообще, считая однако отцу две части, а матери одну часть, но с тем, что они сего недвижимого имения избыть уже не могут никаким образом: пойдет

оно после их наследникам их. Дети разве женатые, и то со стороны своих жен, или замужние дочери со стороны своих мужей, никакого права к наследию не имеют, но все приходит к родителям на таком же основании, как я вам сказал о восходящих от детей имениях к родителям. Таким образом уже у нас долгое время продолжалось, и все имения без всякого различения подвергнуты были к раздроблению. Пятьсот тому уже лет как правительство, приметив, что такие раздробления приключают ссоры и неудобство в домостройстве, за лучшее рассудило соделать следующие узаконения: всякое, в наследство идущее между многих недвижимое имение, должно быть при едином судье и нескольких поверенных от каждого сонаследника расписано, стараясь елико можно, чтобы имение и их дачи не раздроблять. Если же сего не можно, то и оные раздробить. Каждой части дать выбор наследникам. Если же не согласятся — решить то жеребьем. Но как таковое бы раздробление было вредно государству, то учинится по общему согласию оценка каждой части такового селения и предложится, чтобы кто из имеющих участие другим за прочие части заплатил деньги. Если кто один получит позволение от других, то сие приемлет на себя и дает им обязательство заплатить в десять, а не более как в пятнадцать лет, платя по четыре процента. Если же никто не согласится, то кидается жеребий, отдается поневоле тому, на кого жеребий падет».

Но, государь мой, — говорил я, — сие может произвести великое затруднение, ибо если на кого падет такой жеребий, а он денег не имеет, то чем заплатит он?

«Правительство сие предвидело, — ответствовал он, — и способы учинило; оно положило в каждом городе знатные денежные суммы с тем, чтобы таким помогать. И тако, если кому достанется жеребий заплатить деньги, то тотчас отчислится доход с сих частей, и судья, присутствующий при разделе, даст от имени правительства в обязательство пятнадцать лет положенную цену заплатить, платя уже по три процента на сто за остающуюся сумму. Правительство возьмет в заклад сии части имения и обяжет нового владетеля, чтобы все доходы с оных взносил в судебное место, из которых оставляется два процента на умножение казны, а достальные с тремя процентами на остающиеся деньги отдаются тем, чьи имения куплены. И тако не чувствительно долг выплачивается, и те свое получают».

Не мог я на сие не сказать, что таковое учреждение мне является толь полезно покупающим, толь вредно и разорительно продающим; ибо покупающий, купя, должен считать, что он ничего имения себе не приобрел и ожидает терпеливо пятнадцать лет, когда вдруг его чистое получит. А продающий, получая только по три процента и малую уплату, деньги издержит, а по прошествии пятнадцати лет останется безо всего.

На сие он мне ответствовал, что возражение мое вид справедливости имеет. «Но на сие легко можно отвечать, и первое: получая по три процента, он действительно разве с самою малою убавкою получает тот самый доход, как бы получал с своего имения, и потому в рассуждении доходов ничего не теряет; второе: в рассуждении издержки капитальных денег, то, во-первых, в стране их излишно проживающего человека презирают; что если он в службе, то жалованье его так распределено, что он и без доходов может прожить, и, третье: при всякой выдаче правительство делает увещание, не хочет ли кто оставить сии капитальные деньги в казне, на что большая часть и соглашаются, и следственно, или не имеют случая издержать, или отдав их в правительство и получая доход, по прошествии пятнадцати лет, имеют полную сумму за свое имение, на которую и другое могут прибрести; четвертое: не быв заняты домостройством, более побуждаются к службе, а наконец, пятое: если бы кто от безумия своего и претерпел, то не лучше ли предать их таковых достойной им судьбе, взирать правительству на общее благо и на лучшее благоустройство.

Я, — продолжал он, — вам более скажу, что правительство, усмотря из великого числа бывших дел, по коим были убийства, потравы и разные затруднения в домоводстве, учиня таковое учреждение, о каковом я вам сказывал, усмотрело, что оно может токмо служить впредь не раздроблять селения, но что раздробленные в том же состоянии остаются. Для соединения еще их следующее узаконило: хотя у нас и не часто продаются недвижимые имения, однако они иногда продаются; положено время выкупа оным имениям два года по обнародовании что оно продано. Выкупщики суть ближние родственники продавца, которые, если их много, или сами между собою соглашаются, или кидают жеребий для выкупа, и с ними в таковое же право входит каждый, имеющий участок в том недвижимом имении, хотя бы он и нимало свойственник не был, еще с тем преимуществом,

что государство при каждом выкупе имения берет по три процента с выкупщика, а ежели выкупит соучастник, то ему сия пошлина уступается, чрез что он может всегда родственникам его совыкупщикам дать некоторое воздаяние, дабы самовольно они его до выкупа допустили, и сим способом уже великое число имений прежде раздробленных стали соединены».

Я весьма доволен был всеми сими объяснениями, и он повел меня по присутственным камерам. Первая, в которую он ввел, называлась *гаякамана*, то есть камера доброго совета. Должность ее состояла, что каждое прошение, которое подавалось в сию поместную палату, в который бы оно департамент ни шло, надлежало быть подано в сей департамент доброго совета. Оно, приняв его, назначало день, в который две спорящиеся особы, имея каждый при себе по одному советнику, должны явиться; которые с тремя тут присутствующими судьями рассматривали самое существо дела и давали совет помириться, показывая, кто прав и кто виноват, и если кто большим числом голосов был обвинен и на мир не соглашался, то, по дании трех дней на размышление, тот хотя и мог право свое обыкновенным порядком отыскивать, но должен был малую сумму положить в залог в сие первое место, которая, если он был обвинен, оставалась в оном, а если был оправдан, то ему и с процентами возвращалась. Прошение же его от сего присутствия отсылалось в тот департамент, где оно должно быть суждено.

Я, вошед в сие присутствие, нашел тут трех почтенных мужей, заседающих судьями, и других четырех, которые были просители и их советники, как мне о сем вожатый мой судья сказал. Они, учиня мне учтивство своим приветствием, просили у меня позволения их продолжать дело, ибо притесненный не должен ни часу потерять в своем удовольствии. Я сел у них возле стола на поставленный мне стул. Тут я видел, в какую тонкость они входили в сие дело, как раздробляли все обстоятельства, а наконец, по долгом изъяснении, объявили свое мнение, к которому и два советника согласились. Оправленный, хотя с некоторою уступкою, тотчас согласился, а обвиненный согласиться отрекся и требовал трех дней на размышление, что ему и позволено было. Решение же кратко записалось в журнале. Как скоро сии встали отойтить, то двое из предстоящих тут, подошед, объявили свое согласие на бывшее пред сим за три дня решение, и то было записано в журнал, и повелено было написать между сими спорящимися ми-

ровую запись, которую они, спорящиеся, подписали. Также и суд и советники яко свидетели приложили свои руки, с которой подобный же список был оставлен для архива сего судебного места.

Весьма меня единое зрение во удивление привело. Се есть: что в каждой судейской палате были у стен лестницей сделаны лавки, на которых я видел множество людей обоих полов и даже юношей сидящих. Спросил я о сем у своего вожатого судьи. На сие мне ответствовал он: «Сии суть любопытные слушатели». А потом продолжал: «Хотя воспитание и вкореняет у нас добрые нравы, хотя всякая развратность у нас не токмо законами, но и самым презрением народа наказуется, однако не можно так исправить человека, чтобы они слабости человеческие не имели, а для сего еще премудрым нашим императором Сабакулом было узаконено, чтобы все дела, окроме некоторых тайных государственных, без закрытия пред народом исправлялись. Мне многие старые и добродетельные судьи признавались, что случалось им иногда некоей слабости подвергнуту быть дать мнение свое не по сущей справедливости, но зрением толиких свидетелей удержаны были. К тому же при зрелище толиких сограждан благопристойность более наблюдается, и каждый, хотя себе почтение от сограждан своих заслужит, являет колико можно более прилежности и внимания. Здесь однако зрители не имеют права подать свой голос, но в тех местах, где судят уголовное дело, там каждый токмо в защищение обвиняемого, а не во удручение его судьбы, может из места своего сказать, что он ко оправданию или ко облегчению судьбы его находит, ибо жизнь человеческая есть толь драгоценна, что не можно отнять ни у какого гражданина права стараться спасти ее ближнему своему. И многажды случалось, что не токмо мужья, но самые юные жены подавали таковые советы, которые спасали подвергающихся к жестокому осуждению или по крайней мере облегчали судьбу их. К тому же, как везде у нас находятся таковые зрители, то самым сим не токмо мужья, но и самыя жены и дети с юности своей научаются законам и обрядам судебным и тем самым лучшие и полезнейшие граждане становятся».

Потом я был введен в другие присутствия сего судебного места. Их было три, в коих в каждом судились дела пяти губерний Офирской империи. В сих я ничего более того, что прежде мною примечено было, не видал, а вообще зрил великое прилежание к делам, совершенное благочиние, так что, истину сказать, единое воззрение

почтение привлекало. В каждом из сих присутствий заседало по три судьи, из коих один председательствовал, список дел пред ним лежал на столе, а он, разгнув его, по порядку дело требовал. Если же случалось, что требовал дело не по порядку, то сие не инако, как сказав другим судьям причины, которые требуют скорейшего решения сего дела: яко крайнее притеснение единого из просителей, или видное разорение имений от непризрения, и получа их согласие, оное подать повелевал, а что дело не по порядку представилось и для чего — о сем записывалось обстоятельно в журнале. Однако и в сем случае, как сказывано мне было, закон офирский учинил такие осторожности, что более семи дел миновать не можно. А дабы и сие не учинило тягости другим — ибо всякий челобитчик претерпевает — положено по мере в каждую неделю, таковых не по очереди взятых дел, за каждое дело по два часа лишние присутствовать, а самое сие чинит и судей осторожными легко вырывом дел не брать.

Понеже уже было поздно, то мы спешили возвратиться домой, с тем, чтоб ехать в Вышнее правительство после обеда.

Поспеша отобедать, поехали мы в Вышнее правительство, которое было возле самого дворца, и из покоев государских соделанные переходы — мы с сим местом сообщение имели. Здание сие было великое, хотя не имело великолепия, но самая огромность его и старинное строение некое почтение привлекало. Мы приехали к одному великому крыльцу, где, по данному повелению и по известию, единым из нижних чинов были встречены и без всякого доклада вошли в присутственную комнату (как я уведал после) судейскими дверьми. Комната сия не имела другого украшения на стенах, окроме портретов разных их государей — но не было тут портрета царствующего императора, и в картушах некоторых надписей, изъявляющих человеколюбие. Другие стены имели лавки единые над другой для зрителей, куда особливыми дверьми входили. Посредине комнаты стоял круглый стол, на котором лежало несколько книг, о коих я после узнал, что сие были книги законов, и кругом стояли пять стульев.

Я тут застал двух судей, которые ходили по комнате, не делая ничего во ожидании часа присутствия и своих сотоварищей. Они меня весьма ласково приняли и сказывали мне, что сие заседание разделено на пять департаментов. В первом, в котором я тогда находился, суждены были дела уголовные. Во втором дела, касающиеся до разных учреждений для воспитания народного, до прав и до благо-

чиния. Третий, где все, касающееся до домостроительства, доходов государственных и торговли, рассуждаемо было. Четвертый касательно до укрепления градов, снабжения войск и до дел с окружными народами, рассуждает. Пятый, где судились дела, касающиеся до всякого звания имений. Шестой, в котором рассуждалось о войсках морских и сухопутных: что есть у них одна камера, где они по случающимся нуждам все департаменты собираются, яко в случае, где темен закон, или если случай найдется где его совсем нет, или когда случится делать какое государственное установление, которое должно быть обнародовано, что право их собрания такое надлежит для решения дела, чтобы две трети голосов согласны были. Каждым департаментом правит единый из судей, которого они из среди себя по баллам на год выбирают, и он на тот год первое место занимает. Еще же при каждом департаменте находится единый у них, называемый законник, который наблюдает, чтобы все по законам было решено, и в случае, если бы что не по законам было сделано, то имеет он право подать свое предложение, которое уже в совете императорском рассматривается, и если найдется его предложение справедливо, а судьи на сие на него не согласились, то они платят немедленно пеню. Если же он несправедливо подал предложение, то должен он заплатить пеню и еще просить у них прощения. Разглагольствующий со мною мне показал такого тут ходящего защитника, который был человек старый, покрыт сединами, однако еще бодрый. «Сей, говорил он мне, из юности не токмо учился законам, но и, находясь при каморе около сорока лет, приобрел уже великое знание, а потому другой год как в сию должность стал определен, и никогда у нас окроме как престарелых, испытанных в нравах и знании людей в сей чин не определяют. И ему препоручено и хранение архива, дабы удобнее он мог о всем справиться. В каждом из сих департаментов заседают у нас по шести судей, окроме тех, которые для чести имеют название наших заседателей, яко все главные военачальники, общий распорядитель доходов, управитель дел с окружными народами и пристав детей императорских; присутствующие же решат бывшие дела по числу голосов, то есть, что две трети соделывают решение».

Во время сего нашего разговора другие судьи приезжали и каждый сам приезд свой записывал на лежащей бумаге на столе, а наконец ударил час заседания, и они тотчас сели в свое место. Оставался еще праздный стул, и двери входа судейского были заперты. Через

четверть часа, вдруг услышали мы: стучатся у дверей. Сей был шестой судья, которому тотчас двери отперли. Сей, вошед, вручил придвернику монету рун, а сей, объявя ее председательствующему, положил в стоящий ящик, на котором сделана была дыра для положения денег, подобно как у нас в церквах становятся. Судья себя извинил, что он в назначенный час не бывал, сказывая, что его повозка испортилась, и он отчасти должен был идти пешком, даже как встретясь с одним своим приятелем был довезен. Оправдание его было выслушано и записано в журнал, который он сам подписал, и дело стали чтением продолжать.

Мне после сказывали, что двери входа судей токмо тогда запирают, когда полного числа их нет, дабы приехавший во время заседания не мог не постучась и не заплатя пени войтить. В первый раз он платит рун, во второй два руна, а в третий четыре руна, в четвертый десять рунов, в пятый двадцать рунов; а в шестой уже и не впускается, а на его место требуется другой. Однако каждый раз, когда он так приедет, должен он остаться после других судей и ту часть дела, которую не слыхал, прочесть сам и дать свое мнение. В случае же болезни, если он еще в состоянии решить дела, посылается к нему дело в дом, и он мнение свое на письме присылал, которое в следующее собрание объявлялось. Но если бы случилось быть кому так больну, что он не может и слушать дела, или бы кто выбыл, то на время болезни его или до определения другого берется из земских верховных судей один по баллам, который с прочими тут все дела производит, дабы никогда праздного места не было и дела бы течение свое имели.

Любопытствовал я спросить о сих земских верховных судьях, и мне показали близ большого судейского стола лавку, где девять почтенных мужей заседали. Сии, сказывали мне, были избранные депутатами от губерний, от каждой по пяти, дабы заседать во всех департаментах сего вышнего правительства, а как Офирская империя разделена на пятнадцать губерний, то и приходит их в каждое заседание по девяти. Сие самое и подало причину мне ко многим вопросам, и первый из них состоял: какие люди в сии депутаты выбираются? На сие мне разглагольствующий судья сказывал следующее: «Хотя сие займет несколько времени, однако я с удовольствием хочу вас удовольствовать. Каждый город у нас имеет два правительства, единое государственное, а другое гражданское. В первом заседают токмо определенные люди от короны, а во втором от уезда того города

выбранные трое судей. Первое токмо судит дела уголовные и дела учреждений и доходов, а другое судит дела земские и в случае несогласия сих последних, оба сии судебные места чинят общее заседание. Из троих земских судей каждый год по одному переменяется, дабы всегда два уже были вникшие в дела, и тако в три года каждое земское правительство своих судей переменит. Губернии наши разделяются еще на провинции, то каждый провинциальный город имеет четыре суда. Два первые такие же как и в уездном городе, поелику каждый и провинциальный город имеет свой уезд; и два провинциальных в провинции съезжаются каждые три года по три человека депутатов от дворян выбирают из бывших и хорошо исполняющих свою должность в уездных судах, трех депутатов, которые провинциальный земский суд составляют, и также чрез три года в каждый год по одному переменяются, ибо при каждом выборе уже и назначают тех излишком, кому должно упадшие места заступать. Сии также в три года переменяются. Понеже в губернских городах троякие дела суть, ибо каждый губернский город есть и провинциальный, и каждый город имеет свой уезд, то и находится в губернском городе три суда государственные, как по делам, так и по определению от правительства судей, и три суда земские, то есть: уездный, провинциальный и губернский. И в губернский суд съездом чрез три года депутаты из провинции выбираются, на таком же основании как в провинции и в уездные города по три судьи, из таких, которые уже с похвалою в провинциальных земских судах заседали. А наконец из сих, которые уже и в губернском земском суде имели заседание, выбираются на три года, но уже без перемены по одному, ибо уже считаются довольно навыкшими к делам, из каждой губернии по пяти, которые и заседают по девяти в каждом департаменте.

Когда войдете вы, продолжал он, в третий департамент, где рассуждают о делах торговых, то окроме сих пяти человек дворянских депутатов, найдете вы пятнадцать человек депутатов от купечества, ибо в рассуждении и купечества, яко вмещающего в себе и мастерства, у нас учреждено особливое правление, сходственное тому, как я уже вам сказывал, то есть во всяком уездном городе уездный, купеческий суд. В провинциальном два суда: провинциальный и уездный. В губернском городе три суда: губернский, провинциальный и уездный, в которые, также как дворяне, по три человека избираются, на таком же основании как и дворяне, и наконец из тех, которые уже

с похвалой исполняли во всех сих местах свои должности, выбираются по два человека от каждой губернии для пребывания в столичном городе, которые по жеребию разделяются на двое. Половина заседает в государственном купеческом правлении, и половина в вышнем правлении в третьем департаменте. Но как примечено было, что толь великое число купцов, определенных в судьи, может наносить вред их торговле, то позволено им и мещан разумных и знающих торг и обстоятельства тех мест, где они жительство имеют, выбирать; также и из живущих там и ученых людей, лишь бы сии были тамошние жители, за что они и плату от купечества получают.

Должность депутатов дворянских состоит заседать по несколько человек в каждом департаменте вышнего правительства и наблюдать, чтобы не учинено было какого положения во вред какой губернии, и в сем токмо они и в делах уголовных к вспоможению обвиняющихся имеют свой голос. Но как не в каждом департаменте от всех губерний присутствуют, то чтобы везде предохранить пользу каждой губернии, имеют они особливую комнату, куда каждый день после собрания все собираются, и там каждый объявляет: не было ли чинено каких предложений о постановлениях государственных и, ежели где в департаменте такое несообразное было чинено для какой губернии, то, если тот депутат не присутствует тут, тот имеет право и из другого департамента требовать войтить в тот департамент, где сие положение делается, и, рассмотря дело, дать свое мнение. Что же касается до мещанских депутатов, оные имеют заседание в третьем департаменте и во всех торговых делах имеют свой голос для охранения, чтобы какого вредного положения в рассуждении обще всего государства или и единой губернии, учинено не было».

Второй вопрос мой состоял: кто сочиняет разные собрания сего вышнего правительства? На сие мне разглагольствующий ответствовал: «Двоякие суть члены в нем, единые — всегда присутствующие и другие, которые не всегда присутствуют, но по чинам своим имеют заседание, когда нужда востребует, или когда хотят, токмо государственным делам обще во всех департаментах, а потому они и называются обще баи. Также есть во всех департаментах три сверхчисленные баи, которые также общими баями, поверенными называются, которые ежедневно присутствуют в верхнем совете и равно как и прежние присутствуют в верхнем правительстве, или когда нужда потребует, или когда есть удобное им время по государственным де-

лам. Прочие же баи, яко я, имеем ежедневное присутствие здесь, дабы иметь честь присутствовать в сем вышнем правлении. Наблюдаются следующие обряды. Если случится место праздное, то дается о сем известие депутатам дворянским и депутатам купеческим, присутствующим здесь, и они, каждые особливо собравшись, чрез положение в запечатанный сосуд малых записок с именами, означают свои мнения о достойнейших по мнению их людях, уведомляют о исполнении сего заседателей главного правительства, где тогда присутствуют общие баи и баи сверх-численные. Тогда они все, собравшись в общее собрание, повелевают принести сии сосуды и, распечатав, при самых тех депутатах, выбирают из купеческого одного, а из дворянского двух, которые имеют более голосов, наблюдая, сохранено ли было в оном одобрении положение закона о качествах по таким выборам, а потом, отослав их, кладут сами свои записки о одобряемых ими, и также распечатав сосуд, выбирают на таких же основаниях других. Ежели же случится, что двое имеют равное число одобрений, то рассуждается между ими, кто старей летами и кто более служил — и тот предпочитается. Потом сих шестерых баллотируют баллами и, избрав троих, представляют императору, который единого из трех в сие заседание и именует».

Вопрошал я: какие же качества требуются, дабы удобну быть ко избранию? На сие мне ответствовал бай: «они суть следующие: 1) не может никто быть избран, если ему менее тридцати пяти лет; 2) надлежит, чтобы он службу свою продолжал беспорочно не менее семнадцати лет; 3) чтобы он имел супругу и детей; 4) чтобы всем известен был честный его поступок, или по крайней мере не было бы никакого приказного дела, которое бы на оный подавало сомнение; 5) чтобы прилежность его и знание в службе от его начальников была засвидетельствована; 6) чтобы он прошел нижние степени судейской должности, или бы был депутатом от дворянства в вышнем правительстве три года; 7) чтобы он имел сведения по самому употреблению его в дела, что он имеет сведения о тех делах, в который департамент употребляется; 8) чтобы он по крайней мере был четвертой степени по чинам государственным, то он купно с пожалованием в баи жалуется в третью степень».

Я удивлялся толь хорошим расположениям о сыскании хороших главных судей, но еще мое любопытство не было удовольствовано, и я спрашивал: какие есть сии общие и сверх-численные баи? На сие

мне ответствовал разглагольствующий со мною бай: «баи общие суть те, которые по самым чинам своим в верховном совете и в сем Вышнем правительстве имеют заседание, то есть хранитель законов, и он же и опекун государственный; остерегатель государства, то есть тот, которому препоручены все дела с чужестранными народами; казны хранитель, то есть казначей государственный; домостроитель государственный; всеправитель, который управляет всеми военными делами и имеет председание в Государственном военном правлении; мореначальник, то есть тот, который управляет всеми морскими делами и имеет председание в правлении о мореплавании и — ежели когда есть бай наставник детей императорских, а ежели его нет — то надзиратель наук или председатель Академии. Сии от самых чинов своих получают право заседания в верховном совете и в сем Верховном правительстве. Но как случаются в первом из оных дела тяжебные, то, для лучшего познания в них, выбираются из всех баев девятеро, из которых по избранию своему император троих в совет [определяет], которые уже сверх-численными считаются».

Хотел я его еще вопрошать о причине разности во мнениях и о должности каждого из чиновников, о коих он упомянул, но он прекратил мою речь, звав меня к себе на вечер. Весь сей длинный разговор у нас не прежде заседания продолжался, но отчасти и после заседания. Во время оного заседания слышал я предлагаемое дело и видел совершенное внимание, благопристойность, и в дании каждого голоса справедливое изъяснение законов, сопряженное с человеколюбием о виновном. И тако сие заседание окончилось без всякого противоречия, и я с тем баем поехал к нему в дом.

Не буду я описывать его приема, который не мог быть по обычаю сей страны как весьма ласков, также и образ житья его, а токмо продолжу о продолжении моих вопросов. Я его, во-первых, вопрошал: что как возможно, чтобы при ясных и точных законах могли несогласные мнения случаться? На сие он мне ответствовал, «что понеже все дела человеческие суть подвергнуты к несовершенству, следственно ниже в самом изъяснении никакие законы не могут быть совершенны. К тому могут случиться противоречия, а в иных местах и недостатки, чего ради и учреждено в Офирской империи, что если в Вышнем правительстве [в] каком департаменте по голосам, составляющим более двух третей, дело будет решено в грамматическом разуме или в противоречии, то сие решение, хотя уже

непоколебимо остается, однако отсылается в полное собрание, где тогда присутствуют и все сверх-численные баи и призываются некоторые ученые люди, знающие законы, и они утверждают, как сей закон должно толковать. Сие решение обнародуется и вписывается противу сей статьи в законную книгу, дабы никто впредь не отваживался толковать сие окроме смертной казни, ибо в сем случае и единый может исполнение остановить. Если же будет меньше двух третей на одной стороне, то дело не решено и отсылается в полное собрание и там подобным же образом рассматривается, приемля мнения депутатов и всех призванных ученых людей, но решится токмо по превосходству двух третей голосов баев и в законную книгу вписывается. Но если и в сем собрании согласиться не могут, то учреждается комиссия для истолкования и исправления сего закона на подобие той, каковая была учреждена при сочинении и всего законодательства, состоящая из двадцати человек, кого все сие собрание изберет по баллам. Она разделяется на четыре департамента: первый, который рассматривает закон и причины его постановления и делает выписки из других сходных законов и решений; второй из сего чинит истолкование, сочиняет положительное правило и обнародует, дая время полгода каждому мнение свое объяснить. Третий собирает сии мнения, сличает их с учиненным положением и взносит в четвертый, который, учиня пространное описание, чего ради каких мнений не принято, и входя в обстоятельства закона, чинит положительный закон, который также в полном собрании рассматривается и по числу голосов уже не двух третей и не одних баев, но всех тут призванных утверждается по баллам по превосходящему числу. И уже не позволено тут ни похвалять, ни охулять закон, но каждый кладет балл — принят ли, или не принят такой закон, и если будет не принят, то вторично делает четвертый департамент исправление, и тако до трех раз, всегда соглашаясь колико можно и с народными мнениями. А в четвертый раз, если не будет согласия, то отлагается до трехгодичного собрания, и там он бывает во всех губерниях баллотирован, а вышнее сие правительство, токмо слича все рапорты и число баллов, утверждает его по превосходящему числу оных. Также поступают и в том случае, если случится и недостаток в законе. Но таковые случаи у нас весьма редко случаются и помнится мне, что от время законодательства нашего при великом Сабакуле единожды у нас было».

Второй вопрос мой состоял о помянутых им сверх-численных баях и о должностях их. Он мне на сие ответствовал: «Сии суть следующие: первый — хранитель государственных законов. Сей имеет первое место как в верховном совете, так и во всех других присутственных местах. Он получает жалобы и просьбы отовсюду, где жалуются в замедлении дел, имеет при себе двух собственных искусных в законах советников для помощи ему. Каждое дело, доходящее до государя, он рассматривает, предлагает его государю и изъяснение, какое должно быть положение закона, прилагая свое заключение с доводами, которое, какое бы решение ни было, при деле неотъемлемо остается. В каждом деле, где должно истолковать, объяснить, сообразить или дополнить закон, он в определяемой коммисии председательствует. Одним словом он есть душа всего исполнения по законам. А дабы не мог он употребить во зло своей власти, каждый год он подает вышнему правительству поденную записку всех своих дел, где в полном собрании дела его рассматриваются. На сие определено не более трех недель, в которое время он лишен всей своей власти и снимает все знаки своего чина, и когда получает засвидетельствование о своем поступке, тогда паки в должность свою вступает. Ежели же в чем явится виновен или подозрителен, то немедленно на его место выбирается другой, а он полным собранием верховного совета и вышнего правительства следуем бывает. В чин сей не инако определяются, как такие люди, которые долгое время присутствовали в Вышнем правительстве, из коих выбираются трое по баллам и представляются императору, а он по изволению своему кого хочет из них определяет.

Второй — охранитель внешнего спокойствия; он есть тот, которому препоручены все дела с чужестранными государствами»[172].

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ДВОРЯНСТВЕ

Праздность, в которой я теперь нахожусь, подает мне случай некоторые мои мысли о дворянстве изъяснить.

Все государства света, как древние, так и новые, имели свои дворянства, то есть за услуги предков данные некоторые преимущества некоторым родам. Персы имели, колико нам известно, происходивших от шести убийцев Смердиза[173] мага; римляне их патрикиев[174]; карфагенцы их роды, от коих вожди и правители их велись; самые греческие народные республики имели отличные роды, от каковых Алкивиады, Фемистоклы, Кононы, Эпаминондасы, Аристодемы и другие происходили. Равно новейшие государства все имеют свое дворянство под разными именами известное и разными выгодами пользующееся. И сие кажется так естественно ко всякому правлению, яко служащие в награду добродетели, приобретению достойных к службе отечества мужей и к разделению самих состояний, что самый уезд Балкский, нетерпящий в себе имя дворянина, преложил сие токмо на другое, давая титул мещанина Балкского соделавшим им какие услуги, и прелагая оный на потомство тех. Самая турецкая монархия — монархия, основанная на совершенном самовластии, которая не законами, но наглостью и другими беспорядками содерживается, монархия, где в серале воспитанные младенцы, яко бывшие ближе к императору, по большей части в главные чины происходят, где часто из подлейшего состояния люди, чрез дворские обращения правителями государства становятся. Однако и тут почтение к происходящим от знатных людей сохраняется, и те, которые от известных отцов произошли, *углу* именуются.

Касательно до Российской империи: первобытное положение ее, окроме всех естественных причин к сочинению знатнейшего корпуса благородных спомоществовало. Издревле быв разделена на многие княжеские между сыновей Ярославовых, и при присоединении сих к великому княжению, не могли сии князья, коих предки были венценосны и единоплеменные с великими князьями, преимущества пред другими не сохранить. Соседство России с Литвой, где многочисленное Гедиминово потомство, междуусобиями своими быв истребляемо, отчасти искало между пользами государства и свободой и блаженством нижних чинов убежища в России и было с радостью принято по политическим причинам, яко могущие чрез знаемость

свою в Литве сделать в стране сей замешательства, кои воспрепятствуют нападениям литовцев на Россию, и яко искусные мужи в военных и политических делах, могущие отличные услуги России показать. Россия, быв отчасти окружена татарами, которые прежде ее и покорили, то великие князья не токмо принимали, но и старались призывать к себе разных царевичей и знатных людей татарских с их служителями, дабы иметь храбрых вождей, и татар противу татар в сопротивление поставить. Наконец древние российские государи, примечая многие недостатки в своем государстве, ласковым приемом чужестранных оные наполнить хотели, чем побуждены, многие знатные особы выехали, и как в военных, так в статских и в других делах спомоществовали возвеличению России. И тако можно сказать, что в созидании России основание, части и подпоры ее были ныне наименованные древние российские дворяне.

Но несть предмет мой изъяснить происхождение дворянских родов, но 1-е, показать химеру равности состояний новых философов, 2-е, доказать полезность государств в сохранении дворянского корпуса, 3-е, изыскать колико возможно пропорциональную черту людей, где право дворянское поставлено быть должно.

1-е. Лейбниц[175] во изыскании естественных вещей и самого единого рода не нашел ни одной подобной другой. Многие мудрые люди, рассматривая физиономии человеческие, ни одну другой совершенно подобной не обрели, и понеже есть толь бесконечная разность в наружных чертах тварей, то коль более она может быть во внутренних расположениях человека, а посему, почти неоспоримой истиной можем поставить, что несть ни единого человека совершенно подобного другому во внутренних своих расположениях. А где несть такового подобия, тут нет и равности. Кажется сама природа, предупреждая наши суемудрия и располагая порядок общежития человеческого, разными дарованиями разных людей снабдила, яко мудро распределяя единых быть правителями и начальниками, других добрыми исполнителями, а, наконец, третьих слепыми действующими лицами, ибо чаю никто не скажет, чтобы тот афинец, который потеряв руку, зубами ухватил персидский корабль, был равен Мильтиаду[176], ибо единый имел только запальчивую храбрость, а другой при неустрашимости мудрое и тонкое расположение, един действовал своими членами, коих сила есть ограничена, а другой разумом, вмещающим в себя бесконечность. Все правительства, каковые для

общего жития человеческого устанавливались, подражая сим незагладимым природы, учредили главных начальников, исполнителей и действующие лица повинующихся и потому несть между всякого человека и человека равности. Дикие народы, скитающиеся по пустым лесам, без всякого просвещения, едиными побуждениями природы управляемые, не могут однако и малочисленных своих общежитий учредить, не избрав себе начальника, ибо и они чувствуют, что совершенной равности между человек быть не может. Воззрим на наше рождение, воззрим на слабость нашего младенчества, в которое время от родителей пропитание и помощь получаем, а самое сие и нудит нас, иль лучше сказать, делает нам священнейшим долгом почтение к родителям нашим. Тако же по чувствованию, недостатку испытания, в младых наших летах, мы естественно обязываемся старейших себя уважать. И тако степени лет и родства, при всех равных обстоятельствах, уже мнимое равенство между людей разрушают. Я все вышеписанное говорю, взирая токмо отрешительно от всего другого на природное состояние человека, но если мы еще присовокупим к тому многие прилагательные качества, которые человек в общежитии чрез воспитание и науку приобретает, то сие нам докажет, что не токмо не находится личное равенство между человека и человека, но может оно и потомственное быть.

Приемля за историческое основание себе Священное писание, мы не можем сомневаться, чтобы все мы не от единого нашего праотца Адама и потом от Ноя произошли, и потому все суть братья, и все суть равно благородны. Но вышеозначенное неравное разделение в дарованиях, также и преимущества, присвоенные старшим в родах, вскоре учинили различие между человека и человека. Сии первые получили начальство над равными себе, обязали тех не силой, но учиненными им услугами, и привлекали к себе почтение, так что в некоторых грубых народах поставили в память сих своих благодетелей столпы, кумиры, учредили праздники, напамятования и наконец богами их почли, и жертву им приносили. Дети и внучата сих благодетелей рода человеческого, поступкам предков своих подражая, то ж почтение к себе привлекая, удостоились сыны богов быть именованы, и сие есть начало благородства, ибо не должно думать, чтобы иное кроме благодарности возмогло приклонить людей единого из среди себя самого и потомство его высшим себя сделать.

Почтение, какое к сим первым своим благодетелям имели и к потомкам тех, учинило, что родившиеся в высшем сане из детства своего навыкали познавать нужды народные, владычествовать и управлять равными себе. Народ, почитая их происхождение, с охотой им повиновался, а от сего происходило совершенное согласие, долженствующее быть между начальниками и подчиненными, которое составляло блаженство народов, и дало основание сильным империям.

Все сведения наши мы чрез чувства получаем, ибо в самом деле, чего мы не видали, не слыхали, не обоняли, не вкушали и не осязали, о том и понятия иметь не можем, а все сие чтоб получить чувствование чего бы то ни было, зависит от случая и обстоятельств, ибо дикий американец, питающийся касавой, не будет иметь понятия о произращении ржи, о удобном для нее земледелии, ни о употреблении ее. Ни лапонец о апельсинных деревьях и плодах их. Сказал же Ипократ[177] в своих афоризмах: *наука долга, а жизнь коротка*. Следственно, то состояние людей, в котором скорее можно приобрести себе разные понятия, удобные к разным родам службы государства, есть предпочтительное для пользы оного, а сие состояние и есть потомственное благородство, ибо родившийся человек от благородных родителей, служащих или служивших в разных должностях своему отечеству, окроме превосходного научения, которое попечениями их получает, насматривается, как должно ему обходиться с высшими, с равными и с низшими себя. В беседах родителей своих слышит о прежних приключениях, внимает похвалу добродетели и охуления пороков, чрез разные их разглагольствия научается о состоянии политическом, гражданском и военном своего отечества, слышит разные деяния, питающие его ум и научающие, как ему в разных обстоятельствах поступать. Сообщества его с его родственниками — почтение к старшим себе или обхождение с ровными — те ж ему наставления подают. От первых он научается правилам, а со вторыми исполняет долг сообщества и благопристойности. Я думаю, что некоторые народы, рассуждая, коль много может и от родственников своих юноша взаимствовать, за несовершенно благородных почитают происшедших от тех, которые в неровные браки вступили, страшась, чтоб и малое число не благородных таких родственников чего недостойного прямому благородству юноше не внушили, и единую возможность сему сбыться унижением благородства показали, понеже вся жизнь благородно рожденного юноши должна быть наполнена беспрерывными

наставлениями учением ли, беседой ли, или примером для всеяния в сердце и в разум его тех благих семян, кои должны произвести плод полезный отечеству во время свое.

Учиню ли я после сего сравнения между воспитания благородного и низкорожденного. Каждому, думаю, ощутительно, что всех вышеписанных преимуществ и удобностей низкорожденный иметь не может, а потому и заключаю, что благородство должно быть потомственно.

Разные страсти владычествуют над человеком, но главнейшею считаю я честолюбие, поелику сия страсть есть ничто иное как преобразование самого самолюбия. Сия страсть, побуждающая человека ко всем благородным подвигам, затмевающая в душе его тягость трудов, жестокость болезни и ужас смерти, есть наикрепчайшая подпора государств. Представим же себе благородного и низкорожденного: благородный воспоминает своих предков и считает их заслуги, почитает мертвые тени их, но почти совместником их становится, желая сравняться или превзойти. Их прозвание, которое он носит, ежечасно ему воспоминает, что он должен себе, предкам своим и отечеству, яко некоторый дух беспрестанно ему вопиющий, да сохранит имя невредженно, которое он от благородных родителей получил. Римляне, сей народ, коих мудрое правительство способствовало к учинению их властителями большей части тогда занимаемой вселенной, конечно для такого побуждения учредили при погребении их патрикиев носить образования (т. е. изображения) предков умершего, чтобы сын или ближайший родственник похвальную речь о умершем говорил, да, похваляя того и видя образования того предков купно и своих, научится и побудится подражать того добродетелям, и да будут оные равно как услуги отечеству наследственны в изящнейших родах.

Я должен теперь сказать о низкорожденном: не зрит он и не знает знатных своих предков, не побужден он славой их, не поощрен он именем своим, но он человек, и честолюбие ему сродно. Но какое он честолюбие будет иметь, честолюбие подражательное благородным или почти можно сказать завидливое? Но и то охулить не можно, если он добродетельными стезями к предмету своему пойдет, и достижение удостоивает его сравняться с благородными, но каждый чувствует, что он побудительных причин имеет меньше, а потому и труднее сему быть, государства же не трудные способы должны изыскивать, а легчайшими стараться себя управлять.

2-е. Все части государства должны клониться к единой точке, сие есть к блаженству и силе оного, а как благородные составляют часть оного, а по вышесказанному довольно видно, что более способов к приобретению изящных качеств имеют, а потому должны составлять первый чин государства и с превосходством пред другими полезнее ему быть. Не отступая от вышепоказанных главностей, потщуся я показать, что государства, возвышая и снабжая благородных, сугубую мзду себе приемлют, а) обретая верных, рачивых и способных людей для разных должностей, в) что благородные, наполняя собственными своими иждивениями недостаток даваемого им от государства жалованья, не токмо особами своими служат государству, но и самыми своими имениями и благосостоянием своим оному жертвуют, г) что они спомоществуют введению благонравия и просвещения в народе, распространению художеств и искусств, д) что самая торговля, точащая реки богатства в недра государства, подкрепление от сего сословия получает.

А). То, что я выше сказал в обретении государством верных, попечительных и рачивых слуг и способных к разным делам, требует еще объяснения. Разные должности по разным делам требуют разных людей для составления силы и блаженства государства, 1) предписание законов, хранение оных, исполнение правосудия и введение благоустройства; 2) содержание связи между чуждыми государствами и наблюдение польз во всяких договорах своего; 3) содержание сил государства, как сухопутных, так и морских, и укрепление границ; 4) само земледелие, поелику оно с познанием естества вещей сопряжено, составляет важную должность.

1-е. Я вещи, касающиеся до законов и правосудия, в первых поставил, ибо тщетно гремит слава военная, тщетно побежденные народы лобзают покорившую их руку, когда внутри нет благоустройства и правосудия — непрочны те победы. И силу временную, оказываемую в сем случае, я сравниваю с силой горячки больного человека, который во время своего жара, когда жилы его сильным движением крови наполняются, сильнее здорового является быть, но вскоре упадет и недвижим бывает. Так часто без доброго внутреннего правления прельщают нас звучные победы, но внутренность стенит и ослабевает. Народы покоренные, чувствуя тягость ига своего и быв недовольны правлением, вящими врагами становятся, тем наиболее опаснейшими, что не может правительство всех тех осторожностей

противу их взять, каковые имело тогда, когда они ему чужды были, или силой оружия стараясь сдерживать сии народы, увечняет войну и в вящее ослабление внутренность свою приводит. Достопамятным нам противный пример представляет китайское государство: сие, быв покорено монгольскими народами[178], народами дикими, к грабежу склонными, но добротой законов китайских, благоустройством, введенным в государство, сии самые дикие народы стали покорены, и не побежденные китайцы принуждены учинились законам победителей своих последовать, но победители сами подвергли себя под законы и уставы побежденных.

Такова есть сила доброты законов и благоустройства от исполнения их. Но, дабы сочинить таковые законы, дабы их беспристрастно и точно исполнять, кто удобен может быть к сему: не тот ли, который от сосцов матери своей питался благородно, коему с младенчества внушали в мысли честолюбие, который в предках своих видит примеры, коим должен последовать, который от родителей и от родственников в юности лет своих наслушался о нуждах государства, почерпнул знание от них законов и наконец наукою свой разум просветил, и сие есть благородный.

Да не возразят мне, что наука законов почти должна относиться или тем, которые из детства в университетах прошли все школьные правила, сличали римские с другими законами, проникали все тонкости их, или тем, которые из детства прилежат ко исполнению приказных дел, наизусть выучили уложения и указы, памятуют числа и годы их. Первые достойны уважения, и просвещение, которое они чрез науку получили, может весьма послужить яко общие правила к поданию совета тем, кто, зная при том обстоятельства государства, к частным положениям какой земли сии общие правила может употребить. Да смирится дух его пред ними и гордость его да унизится пред открытые чрез многие века правила.

Что же касается до вторых, то, не отрешая всеми любомудрцами принятые истины, что люди познания свои чрез чувства получают, казалось бы, чтоб сии из детства начатым и долговременным исполнением законов, узнавши их содержание, могли весьма удобны быть к исполнению оных. Но род их воспитания и способ приобретения знания сему препону полагают, ибо в ком не вселено чрезмерное честолюбие с младенчества, могущее превозмочь все другие страсти, тот может, взирая на прибыток, на благосостояния, на виды произ-

водства и возвышения, поползнуться от истины святой отстать, вместо что благородный введен уже самим рождением своим к возвышению, а благородное честолюбие ему толь сродно, как горячность огню и мокрота воде. Понеже я не склоняю свои размышления на какое-нибудь особливое государство, то и видим разными образами, как приобретают познания в законах. Во многих европейских государствах по окончании некоторых наук начинают быть адвокатами или стряпчими, а имя и должность стряпчего есть уже противна, чтоб без чрезвычайности какой он мог совершенно беспристрастным судьей учиниться. Припишем мы ему изящные качества, пусть он будет умен, понятен, прилежен и сообразителен. Пусть одарен будет добродетелями, сострадателен и не корыстолюбив. Но при всех сих изящных качествах и добродетелях уже не может он быть и не честолюбив, а честолюбие его повлечет защищать сумнительные или несправедливые дела. И сие есть семя зла, которому трудно воспрепятствовать, чтобы далеко корни свои не распространило и не произвело действия над стряпчим, сделавшимся судьей. Воззрим на отечество наше: у нас таковые приказные люди, не имев благородного воспитания, ниже знав грамматику и логику, начинают с простых писцов свою службу и производят ее далее. Вся жизнь их употреблена в списывание и напомяновение законов, не оставляя им ни малейшего времени на рассмотрение их. И так становятся весьма памятливы на законы, но не искусные в познании их. Не говорю уже, коль много страстей и пороков, не быв ограждены ни воспитанием, ни наукой, с младенчества приобретают. А потому не достойны суть внити в сии освещенные врата правосудия, ими же входит чист сердцем и непорочен руками. Но как каждое правительство из всяких вещей должно себе стараться пользу приобретать, то и сии люди, да употребятся к напамятованию законов благородным, долженствующим исполнять их, дондеже повторяемыми опытами докажут, что недостаток воспитания и науки награждается в них добрым расположением их сердца и прилежностью.

Тако думаю неоспоримо есть, что меч правосудия тем наипаче страшный, что без защищения подданных поражает, не должен быть иному вверен, как благорожденным, кои от сосцов матери своей питались благородным честолюбием, благородные расположения своего сердца, дражайшее наследие своих предков, благородным воспитанием и наукой утвердили, или тем (ибо не отметаю я достоинства

ни в ком), кои многажды повторяемыми и повторяемыми опытами во всем себя равны благородным учинили.

2-е. Содержание связи между государств, или служба, как мы называем, министерская ни на одной ловкости придворной основана, как многие думают. Она требует глубокого познания силы государств, их способов, их заимственных даже и прежних обязательств, их выгод и польз, равно чуждых, как и своего. И сие называется наука дипломатическая, наука тем труднейшая, что она должна быть приобщена к познаниям, которые чрез путешествия приобретают, к уклонности, приятству обхождения и к самой веселости. Одним словом ко всем ловкостям и пронырствам дворским, каковые для обмана своих государей и благодетелей хитрые придворные употребляют, а потому должно, чтобы глубокая наука пользы, состояний государств и кабинетное упражнение, омрачающее веселый нрав, и путешествия, отнимающие время пребывать в каком упражнении, единое бы другому не помешало. Задача трудная и почти невозможная, если все таковые потребные познания чрез бдение и кабинетный труд приобретать. Но в благородном они не невозможны, ибо наука его начинается с младенчества. Чрез наслышку получает разум его множество познаний, которые бы многолетними трудами и бдением другой должен приобрести, и останется почти кабинетной работе прибавить нечто ко влиянному с младенчества в него знанию и в порядок некоторый расположить. Вежливость, приветство и хорошее обхождение суть не отделимы от благородного воспитания, по роду самого обращения благородных между собой. Я скажу, что самое пронырство и коварство, которое в министерских делах ныне по поврежденной политике нашего века употребляется, ему известнее, чем другого состояния человеку, и коль все сие ни есть противно благородному и добродетельному его воспитанию, но и сие он благороднейшим образом и привлекая к себе более поверенности, яко презрительное, но нужное в рассуждении пользы отечества, орудие употребит.

Приложим к сему, что, невзирая на тщание многих дворов уменьшить почтение к благородству, невзирая на суемудрие нынешнего века сравнить все состояния государства, к чему владыки света окроме своих особ тщания употребляют — яко бы они сами, Переиросом [?] произведенные, были преадамиты — у многих однако дворов имя знатное и старшинство рода заслуживает особливое внимание, и по-

тому и в сей статье я заключаю, что благородный предпочтительнее всякого другого в таковых делах должен быть определен.

3-е. Не одна храбрость в войнах действует, запальчивость обычаев и горячность в крови суть свойственны полуденным народам. Однако неисчетные достоинства персов малым кучкам хорошо устроенным греческих войск никогда сопротивляться не могли. Узкий проход Фермопильский[179], поля Марафонские[180] и берега Саламинские[181] свидетельствуют доброе устроение, порядок и искусство в военном деле греков противу неисчетных перских сил. Пространство Азии и трудности путей прославляют десять тысяч греков, шедших сквозь пространные вражеские земли под предводительством Клеарха[182] и наконец Ксенофонта[183], по разбитии младого Кира[184]. Наконец самое падение Перской империи и завоевание ее Александром Великим[185], начавшим брань сию с сорок тремя тысячами македонцами, числом толь малым в рассуждении Перской империи, что каждый из сатрапов[186] ее мог тройное или четверное число в сопротивление поставить, то коликие долженствовали быть все собранные силы сей империи! Но все они яко о нерушимый камень фаланга македонского сокрушены были. Но самые, наконец, сии греки, победители толь сильных народов и покорители толь обширных стран, превосходящему устроению римлян должны были уступить и подданными их учиниться.

Таковое есть превосходство, каковое и древние народы от благоустройства своих воинств и от искусства воевод приобретали. Но тогда бой был рукопашный, и много победа зависела от храбрости личной. Ныне же по изобретению разных огнестрельных орудиев, хотя храбрость народная и не отрешается, но успехи и победы гораздо более древнего зависят от благоустройства воинств и от мудрости предводителя. Густав Адольф с малым числом воинств привел в трепет Германию[187], а император Фердинанд[188] искусством вождей своих Тилли[189] и Валленштейна[190] мало самовластным Германской империи не учинился.

Наука сия военная толь многие в себе части вмещает, что действительно не токмо должно к ней особливые дарования иметь, но с младенчества учение, наслышку и размышление, ибо ни естественные дарования, ни храбрость, ни испытание не могут совершенно заменить то, что можно приобрести в оной наукой и размышлением. Я говорю о познании земли, где производить войну, о исчислении

маршей, о занятии лагерей, о устроении по разным обстоятельствам и по разным оружиям войск, о выгоднейшем действии разных оружий и о содержании их, о атаке и защищении градов и, наконец, о познании народов, с которыми и противу которых воюешь, так же о содержании доброй дисциплины в войсках.

Не лишен от природы ни единый человек способов приобрести все сии нужные знания и может статься, что между пахарей мы многих бы Александров и Цезарей нашли, но они, родясь с сохой, с сохой и умирают, никогда не подозревая такие дарования иметь, ибо никогда им не было случая, чтоб они открылись, и семена внутри их души бесплодны остаются. То должно ли по сумнению, коль оно справедливо ни есть, с опасностью многие тысяч раз ошибиться Александров, Цесарей и Сципионов[191] у сохи искать? И не долг ли есть всякого правительства искать в том состоянии удобных к службе себе людей, где с вероятностью уповает скорее их найтить? А сия вероятность и обращается на сих благородных.

Содержание морских сил и служба во флотах, хотя по первому взгляду требует не меньше знания, как и сухопутная, ибо соединяет в себе общее и частное познание земледводного глобуса, познание морей, брегов, пристаней, исчисление густоты вод, течений, стремление ветров, познание ветров временных, познание течений планет и звезд, и искусство употреблять орудия и делать нужные исчисления, к тому же и знание механики, дабы действовать толь сложной махиной, каков есть корабль. Не говорю уже я о нужных науках и искусствах для строения корабля, ибо сие составляет особливую часть в содержании морских сил государства, и которая ничем иным не приобретается, как наукой и употреблением.

А самая военная служба на кораблях — единые ль благородные к ней удобны, или все без разбора, кто к оной будет прилежать, приобретет довольные знания наукой ли или испытанием? Агличане могут примером служить для возражения оказанной мной мысли, что во всех службах государства благородные пред другими должны быть предпочтены. Мне скажут, чтоб я взглянул на два сильные морскими силами государства — Англию и Францию. 1-е, где по большей части не дворяне, не столько по науке, коль по испытанию управляют кораблями и 2-е, где благородные с немалым познанием математики, с природной храбростью и воспитанием начальниками кораблей и флота становятся. И которое из сих государств имеет преимущество?

Я не умедливши скажу — Англия, не отступая однако от прежнего моего мнения, что в сем роде службы благородные пред другими должны быть предпочтены. А дабы сие мнение доказать, надлежит рассмотреть, отчего тут, где неблагородные начальствуют, превосходство обретается. Показание состояния сих государств и порядок службы ясно сие докажет.

Великобритания, быв составлена из островов, окруженных морями, простирая свою торговлю во все четыре части света, чрез которую все части ее народа богатятся и благосостояние свое получают, так что невзирая на малую обширность ее стран, она богатейшая в свете учинилась, а дабы побудить сию торговлю, правительство делает побуждение и самому мореплаванию. А само сие и произвело великое число искусных и проворных матросов и испытанием научившихся добрых, но неученых начальников, которые служа на купецких судах, всегда готовы перейти на суда коронные и оружием силу Великобритании умножить. Морские силы Англии начали оказываться с того времени, как при королеве Елизавете[192] английским флотом флот, называемый непобедимый, Филиппа II-го[193] был разбит. Карл I-й[194] и брат его Георгий, имея нужду хранить границы своей державы, оный содержали, а Кромвель[195], именитый своими качествами, равно как и преступлениями, силу Англии как во всем, так и в оном приумножил. Является, якобы некая темная завеса закрывала очи правителей европейских государств, которые толь не рачили о приумножении английских морских сил. Тщетно Рюйтер[196] с голландским флотом показал, что агличане не суть непобедимы на море. Тщетно Людовик XIV[197] во время царствования своего, исполненного великими людьми, в краткое время достиг равняться морскими силами своими с силой Англии, и победы Дестрея кровавые удары агличанам учинили. Но купеческий голландский народ, более стараясь о своих прибытках, духа военного в народе своем не содержал, а французские флоты были с шумом учиненные усилия, которые как молния с треском блеснули и тогда же исчезли, ибо французские морские силы в 1760 году до такой слабости дошли, что насилу имели четырнадцать военных кораблей в сопротивление многочисленному английскому флоту поставить[198]. Флоты же сего последнего народа час от часу возрастали, быв превосходны числом, наполнены испытанными начальниками и искусными и проворными матросами, везде победы одержали. А одержанием сих побед влагалась им в мысль надежда,

и сия бодрость, которая их заставляет мнить, что агличане на море непобедимы суть, и что империя морей им единым принадлежит. Таковое предубеждение, ибо народ по действиям только судит, есть предзнаменование победы и успехов.

Понеже опасности, сопряженные с морскими путешествиями, во время которых беспрестанно с двумя сильными стихиями — воздухом и водой — бороться подобает, где жизнь человеческая единой токмо доской от смерти отдалена, где незнаемость морей, премена климатов, обыкновенные корабельные болезни, недостаток хорошей пищи, пресной воды, сообщение с дикими, кровожаждующими и вероломными народами сии опасности умножают и сокращают жизнь человеческую. Все сие, однако, не возбраняет стремиться на такие путешествия торговым народам для приобретения себе корысти. Я, размышляя о сих опасностях, и о всех беспокойствах, какие они претерпевают, покусился бы их ироями назвать, естли бы не корыстолюбие причиной их подвигов были. А если корыстолюбие побуждает таковые народы к терпению сносить толь великие труды и подвергаться к толь неизбежным опасностям, то кажется со справедливостью можем заключить, что оно может придать и неукротимую храбрость во время боя. Сама история примеры нам сему представляет: в походах португальцев — Гамы[199], Альбукерка[200] — в Восточную Индию и невероятно храбрые ими учиненные деяния в Каликутте и в других странах. А во всех сих случаях корысть действовала над их сердцами. Агличане, быв народ торговый, к той же страсти подвержен есть, и не ироической храбростью, но корыстью подвигнуты и, пользуясь везде превосходящим своим числом противу французов, с упорством сражаются, а не с благородной храбростью, каковая едина есть подпора государству, ибо отними у агличан сие предубеждение, которое в их народе вселено, яко бы агличане превосходство над всеми на море имеют, а сие предубеждение легко отняться может, если придут несчастья, что ежели непостоянными стихиями — водой и воздухом — враги их помогаемые, несколько месяцев над ними победы будут одерживать, падет сия превозносливость и в робость обратится. Отними от агличан надежду корыстей взятием вражеских кораблей, уменьшится дерзость их и охота иттить к бою, следственно и самые их победы, яко на неблагородной храбрости основанные, не могут как токмо толикое время продолжиться, колико им счастье поспешествует. Но как все оное основано толико на

единой тщетной превозносливости и на корыстолюбии, в случае несчастья помощи себе не обретет, ибо единая благородная храбрость не возгоржается победой, корыстью не ослепляется и побежденна не упадает.

Описав, какие причины спомоществовали Англии толь великие преимущества над прочими европейскими державами, а паче над соседственной ей Францией, в морских силах приобрести, воззрим теперь на саму Францию и рассмотрим самые пороки ее управления, которые учинили, что, хотя первые мореплаватели в дальние страны из французов были, — яко жители Сант-Мало первые плавали ко африканским берегам и за Зеленый мыс, а жители Сант-Жан де Люс (S. Jean de Luz) прежде других в северные моря путешествовали, но бывшие междоусобия и слабости правления Франции сим семенам торговли и морским силам произрасти воспрепятствовали. А паче, думаю, дух рыцарства, прешедший от готов, а потом от Гишпании, толь в сердца благородных вкоренился, яко лелеящий честолюбие и чинящий зависеть подвиги их и честь не от воды, ветра и движения махины, но и от личной храбрости, в презрение привел морскую службу, а потому силы морские и могли во Франции возрастать. Тщетно Людовик XIV старался Францию прославить своим флотом, тщетно ко многим победоносным венцам при Еге-Мортеростральный венец приобщил, тщетно Дюге-Троен (Duguai-Trouin) — французский Рюйтер — многими знатными делами прославился. Чрез учреждение классов, то есть записных для службы морской жителей некоих приморских провинций, старался он [Людовик] матросов приумножить. Флоты его не основаны были на пользе торговли, ни на умоначертании народном, а потому и долгого пребывания в их силе иметь не могли.

Война, оконченная 1762-го года, и потеря Канады, научила Францию, что не может она ни колонии свои сохранить, ни защитить свою торговлю без сильных флотов[201]. Она попечении свои к тому определила, благородные, изученные всем нужным наукам для мореплавания, вступили в сей род службы. Но новое зло от самого их честолюбия произошло: служащие на королевских кораблях презирали быть равными с оксильерными, то есть морскими солдатскими офицерами. Сие произвело раздоры, а где раздоры, тут нет порядка. Прибавить еще к сему, что классы, быв худо управляемы, никогда искусными матросами не снабжали французский флот.

Однако в последней, оконченной в 1783-го году, войне Франция[202], невзирая на все вышесказанные неудобности, показала, что может она противу многочисленных, испытанием наученных, ободренных предубеждением превосходности и корыстью побужденных аглинских морских сил сопротивляться. Какие орудия ей послужили после самой слабости ее флотов, если не превзойтить, то по крайней мере несколько сравниваться и держать некое равновесие с аглинским флотом? Наука, честолюбие и усердие благородных, которые с благородной храбростью, презирая равно опасности и корысть, сражались с врагами их отечества и, если не всегда побеждали, но и побеждение свое кровью вражеской обмывали и показали сим мнимым властителям морей, что скипетр над оными лишь слабостью и нерачением других держав в руках их может удержаться.

4-е. Я вел благородного чрез все роды службы государства и лыцу себя, что превосходство в оных его доказал. Но ежели мы возьмем его и в самых домашних упражнениях, воззрим на него в его домоводстве, и тут найдем его превосходно полезным отечеству. Земледелие, яко такое упражнение, которое приобретает человеку нужнейшую вещь для его жизни, то есть вещество пропитания. Колико благородно сие упражнение ни есть по его полезности, однако в самом деле оно остается в руках грубых и непросвещенных. Незнающий человек за ничто почитает ора[ша]ть, пахать, боронить землю, сеять семена и собирать жатву, и думает, что крестьяне наши совершенное в том искусство имеют. Но просвещенный находит тут глубокие и трудные испытания естества, рассмотрение свойства земель, какое удобрение какой земле пристойно, какие семена на какую землю сеять, в какие времена года как удобнее собирать и сохранять их. Сии суть все причины таковые, из которых каждая может занять размышлениями и испытаниями целую жизнь просвещенного человека. И можем ли мы сего ожидать от непросвещенных крестьян, ибо тщетно испытание их велико, но оно не основано на первенствующих правилах. Может ли крестьянин поднять могущие произойти убытки от таковых испытаний? Пример многих европейских стран нас научает, что просвещенные благородные начали делать такие испытания, употребили к тому не малое иждивение и весьма увеличили плодоносие земли. Трудами, иждивением и искусством их бесплодные поля покрылись плодоносной жатвой или тучной сеянной травой. Государства чрез сие получили прибыль, и не малейшая их трудность состояла или и

ныне состоит — привести заматеревших в своих убеждениях земледельцев последовать испытанному примеру их, устроить собственное свое благосостояние, также вспомоществовать благу государства.

В). Дух корыстолюбия, вселившийся от некоего времени во все правительства света, учинил, что главные правители государств за честь себе считают, если могут несколькими цифрами умножить сумму доходов государственных. От того происходят налоги на соль, на вино, на землю, умножение пошлин и налоги на самих благородных. Если бы сии правители рассмотрели, что хотя неточным образом, но все сии налоги наконец на благородных обращаются, яко долженствующих по самому званию своему большие издержки иметь. А посему и в самом сем случае благородные делают спомоществование в доходах государству. Но если воззрим на службы их, на беспокойства, на разлучение с семьей своей, на отлучение от дома своего и на упущение своего домоводства и сравним все сие с жалованьем, которое благородные служащие за службу свою получают, то по верному исчислению найдем, что служащий благородный, сохраняющий благопристойность сана и имени своего, большую часть собственных своих доходов в рассуждении службы проживает. А по сему купец, мастеровой и крестьянин, что от родителей своих получил или что сам приобрел, пользуется тем, яко его есть, не имея нужды по званию своему ничего лишнего делать. Един дворянин ни жизни, ни крови, ни времени спокойного, ни имения своего не имеет, а все он жертвует отечеству.

Г). 1-е. Спомоществует он ко введению благонравия. Все, что выше я сказал о воспитании благородного, все, что я говорил о совершенно свойственном ему честолюбии, которое некоим образом особливо сего рода людям долженствует быть, довольно доказует, что в них должно быть и вящее благонравие, а благонравие сего сословия простирается чрез подаваемый пример и на другие состояния людей государства. И хотя по вышесказанному сие бы более доказательств не требовало, но я еще приложу: благопристойность, происходящая от самого честолюбия или от благородной гордости, долженствующей быть во дворянах, сия благопристойность, никакими государственными законами не предписанная, но толь силу великую над сословием благородных имеющая, что каждое против ее преступление влечет за собой необходимое наказание: презрение и омерзение, а потому и подкрепляет нравственные добродетели, ибо дабы кратким образом

яснее сие учинить, учтивство сопрягает общества и привлекает любовь и приятство, а грубость общества расторгает и отвращает людей от службы. Воздержность сохраняет человека по мере данных ему от Бога дарований быть годну для общества всегда, а пьянство лишает человека его разума, в презрение и омерзение приводит. Для защищения своей чести, благопристойность влечет благородного, робкого человека к смерти, ибо оказание робости делает его презрительным в самих сообщениях, в играх, в забавах, в посещении разных мест — везде благопристойность предписует благородному человеку такие правила, от которых он, не подвергнув себя к всеобщему презрению, отступить не может. Не токмо говорю о таком, который сохраняет в сердце своем чувствие добродетели, но и такой, который развратное сердце имеет, по неволе должен правила благопристойности соблюдать, которые удерживают его от многого соблазна, а сим, хотя видимые знаки добродетели дает. Ибо в самом деле, окромя такого развратного дворянина, коего и самые подлые развратные люди презирают, пойдет ли кто дворянин на кабак или станет ли на кулачном бою к стене. Сие все не стыдно нижнего чина людям, а дворянин, хотя бы во всех сих случаях ничего порочного не учинил, без навлечения на себя стыда сделать того не может, а таковое подвержение его под законы благопристойности не может не вселять благонравия и в нижние чины людей, любящих подражать высшим их.

2-е. Я знаю, что там, где науки корни свои утвердили, без разбора всякого чина люди ко оным прилежат, что Руссо не стыдился быть сын часового мастера, ни Лонгомантан[203], знатный астроном шестого надесять века тем, что он родился от крестьянина. Напротив того более мы находим именитых людей из благородных — Невтон, Лейбниц, Декарт, Гроций[204], Монтескье и Бюффон[205] от благородных рождены, но в тех местах способности приобрести знание гораздо легчайшие суть, нежели у нас. Мы же, можно сказать, родившиеся к наукам с 1700-го года, невзирая, что всему примеры и правила при рождении нашли, чрез 85 лет в сущем младенчестве еще пребываем, хотя и имели единого знатного в науках мужа Михаила Васильевича Ломоносова[206], от низкого состояния людей происшедшего, но пример его не может нам доказать, чтобы благородные и в самом научении не могли взять верх над другими, ибо окроме что можем поставить в стихотворении совместником ему Александра Петровича Сумарокова[207], колико других благородных стихотворениями

своими доказали, что пути, ведущие к струям Иппокрены[208], суть не незнакомы им. Еще в пример скажу: уже более полувека уставленная Академия[209] наук имеет своих воспитанников, где низкого чина люди обучаются. Но да исчислят мне ученых писателей, которые, вышед из оной, процветали. Напротив того, позже Академии наук учрежденный Кадетский корпус, колико достойных людей воспитал[210]. Они не были авторы, ибо к писанию книг не прилежали, но изученную науку употребляли в действие для службы отечеству.

В самом деле, если мы возьмем в рассмотрение воспитание и состояние благородного и низкорожденного человека, то найдем, что с самого своего младенчества благороднорожденный человек более внушений получает, а самым сим более отверзается его разум для понятия труднейших наук.

Но не то есть звание благородного человека, чтоб ему писаниями своими и откровениями прославиться, сие есть упражнение жизни спокойной. Жизнь же благородного есть жизнь действующая, вся употребленная для пользы службы отечества, в которой остается ему только то в действие приводить, что в младости своей изучил. Однако познания, которые благородные имеют и которые они с младенчества приобрели, охота, вселившаяся в них ко всяким наукам, служит к побуждению прочим, как в трудных науках, так и в письменных упражняться, и они суть Меценаты, рождающие Виргилиев[211] и Горациев[212]. Может статься я излишне умножаю мои доказательства, однако не могу удержаться, чтобы единый пример сему не приложить. Всем известно, что в Афинах благороднейшие люди прилежали по самому роду правления к риторскому искусству. Так Периклесы, Алкивиады[213], Никиасы[214], Кимоны[215] и Комоны не менее знатны были своим красноречием, как другими изящными своими делами. И народ, подражатель в высших себе, до такого совершенства извык к красоте слога, что Феофраст[216] искусный, красноречивый писатель, рожденный в Веофии, по единому своему изъяснению узнан был простой женщиной афинской, что он не сего града уроженец.

3-е. Тоже воспитание, дающее просвещение благородным, вселяет в них вкус к живописи, резьбе и архитектуре. Вкус их прелагается и к другим. Учиненные ими собрания картин и резьб служат примером художникам, а строения их побуждают архитектуру и все прочие ремесла, удобные к созиданию.

Д). Благопристойность требует, чтоб благородный оказывал некоторую пышность в своем одеянии и житье, а самое сие побуждает фабрики и распространяет внешнюю торговлю — подкрепление, без коего она быть не может, и делает обращение денег в государстве, отчего и самое земледелие процветает.

Может быть мне скажут на сие, что строения, охота к резьбе и живописи, пышная одежда и житье, суть все вещи, принадлежащие к единой роскоши, а потому и купец и мещанин богатый могут в сем случае равно полезны отечеству быть. Я в сем не спорю, ибо ни у кого не отнял Бог дарования и вкуса, но спорю я в действии и в различности людских состояний, и что какому состоянию пристойно. Состояние благородного сопряжено с славолюбием и, следственно, с некоторой пышностью. Благородный, имея излишний доход, иль должен его проживать, или отдавать в проценты, а не в погребах своих деньги хранить. Первым он побуждает искусства, ремесла и торговлю, а вторым, с прибылью себе, другим нужды удовлетворять. Но честь, слава и имя его не зависели до сего числа от некой определенной суммы и, в бедности с матерью своей живущи, Романов бедностью своей не возбранен был быть на трон российский возведен[217]. Но купец или мещанин все блистание имени своего и всю честь от суммы его торга и от числа капитала заимствует, не считают у него степеней его предков, но число тысяч его капитала. Да и в самом деле, колико если мы возьмем купца, оный торговлей своей есть полезный член государства, яко спомоществующий вывозу произведений оного и тем ободряющий рукоделия, мануфактуры и земледелие, и снабжает государство тем, что в нем недостает, а самым сим умножает богатство государства и благоденствие народа. Но полезность сию не может он производить, как по мере своего капитала, следственно все, что он из оного вынет для удовольствия своего сластолюбия и ненужной охоты, то вынимает частицы, которыми бы он мог быть полезен отечеству, от коего он спокойное житье получил. Я с неудовольствием иногда взираю на строящиеся или построенные великолепные дома откупщиками (ибо мало купцов наших, которые бы без откупов до великого богатства достигли), сими людьми набогатившимися и более не торгующими, коих дома представляют нам долговременный памятник, что было время, в которое могли откупщики, окрадывая казну и высасывая кровь народную, до чрезмерности обогатиться. Одним словом, понеже честь купеческая и польза его государству за-

висит от его капитала, то умеренность во всем и должна ему честь приобретать, а таковая умеренность не весьма способствует к распространению художеств и ремесел.

Можно еще к сему приложить: каждый купец есть гражданин целого света, он по сообщению своей торговли имеет равное действие над купцами отдаленнейших стран так, как и над окружающими его. Трудно человеку сохранить умеренность в охоте своей к художествам и к роскоши, а падение его влечет часто падение множества других живших в разных странах купцов, и наносит ущерб кредиту самого государства. Но если благородный неумеренными своими издержками приведет себя в разоренье, издержки его были полезны государству, они побуждали художества, ремесла и торговлю, а падение его вредно ему токмо самому и разве малому числу людей, а никак вне государства распространиться не может.

III. Третья часть, касающаяся до установления прав дворянских, есть толикой трудности, что едва ли и с глубочайшим познанием градомудрия и закономудрия возможно следовать сей черте, чтоб на которую ни есть сторону не преклониться.

В доказательство сему можно представить примеры разных народов и как единые состояния над другими захватчивости учинили. Поляки, доблестями своими в древние времена возвыся свое отечество, учинили королей себе избираемых, составили законы, клонящиеся наиболее в пользу тех храбрых рыцарей, которые спомоществовали расширять и защищать отечество. Конечно, сии законы с добрым намерением были деланы, но неумеренные преимущества, данные дворянству, ослабили самые законы, в ничто привели власть королевскую, утеснили низкий народ под жестоким игом тех, кои бы должны быть его защитники, и наконец в самую слабость и бессилие отечество свое привели. Германия, хвалящаяся беспримесным происхождением своих благородных, толикое различие в степенях самого благородства положила, что если не физическим образом, то моральным, не токмо нижних степеней людей, но и самых благородных знатное дворянство удручает, а чрез то таланты затмеваются, душа упадает и государство не толь хорошо услужено. Венеция, коего [града] благородные хвалятся от древних римских патрикиев происходить и древность свою считают превыше древности многих самодержавных домов, но сии *нобили* суть в самом деле невольники по строгости законов внутри их града, и тираны — в покоренных

им областях, как того дворянства, так и простого народа. Сие же самое, огорчая тех сердца, уменьшает силу сей республики. С другой стороны в Англии состояние благородных толь смешено с другими состояниями, что почти нечувствительная черта их разделяет. Если не мудреные законы, плоды рек истекшей крови, кои устанавливают власть монаршу, отнимая у оной право делать налоги, стесняют власть у вельмож противоположительной народной властью, и колико с одной стороны правом налагать подати, увеличивают власть народную, толико отнятием власти законодательства оную стесняют, то бы легко могло воспоследовать, чтоб огорчительные их споры в парламенте токами крови упоились. Но однако при всех сих мудрых узаконениях, не зрим мы в аглинском народе сего беспристрастия, некорыстолюбия и благородства, которое отличают те народы, кои умеренно возвысили свое дворянство, но члены их парламента по большей части подкуплены, избрание недостойных не по страстям делается, вожди их не толь славы и благополучия государству ищут как прибытка, народ обще отягощен толико податьми, что почти самый воздух покупать должен. Наконец воззрю ли я теперь на соединенные Нидерландские провинции, где мещанство над благородными преимущество имеет. Несогласия в народе, наступление на законную власть статгальтера[218], возмущения во градах, потеря полезных поселений и стыдное покорство чужим державам — суть плоды порочного их установления и необуздания народной власти.

Если бы я хотел тапере говорить об отечестве моем, то б должен был историю благородства сначала описать, показать оного пороки и захватчивость, смешанную однако с великостью духа и любви к отечеству, показать падение сего великого духа, смешение дворянства и вселение духа неподданства в тех, кои должны высших себя почитать. Воистину вредные предзнаменования, ибо идеже нет повиновения к законам и к высшим, идеже дух неподвластия до крайности доходит, тут колеблется основание государства.

Но сего довольно к показанию несовершенства разума человеческого в рассуждении законодательства. Приступим, однако хотя с трепетом, к описанию приличных прав дворянам и почтимся изыскать сию среднюю черту, где права сего почтенного сословия между властью монаршей и между правами нижних чинов людей должны быть поставлены. А для сего, первое, я почитаю сделать объяснение о разных степенях дворянства, а потом, второе, положить общие правила,

яко данные точки, по коим расположиться должны права дворянские, из коих, наконец, раздробительно почерпнуть краткое изображение самых сих прав. Сила Римской империи, распространившаяся на большую часть тогда знаемого света и покорившая знатную часть Европы, а потом римский язык, приобщенный к обрядам церковным и к вере, купно со многими обычаями владычествовал окроме России во всех частях Европы. Сего ради и должны мы в римских обычаях и в римском языке искать начального происхождения и именований достоинств в роды прелагаемых.

Принц — есть точное латинское именование и знаменует первейшего, так что самые знатнейшие государи титла сего не отвергают. В России подобный сему титлу есть *князь*. Властители российские сие название принимали и преложили его своим потомкам.

Но прежде продолжения далее моих размышлений, потщуся я мнение мое предложить о происхождении самого сего наименования. Персидская империя простиралась до Каспийского моря, откудова мы видим и по нашим летописцам, что многие народы — торки, черные шапки (караколпаки) — в Россию проникали. С пришествием сих народов не невероятно есть, что и древний язык персидский в полуденные части России тогда был занесен, ибо *Кий, Щек* и *Хореев*[219] — имена первых обладателей Киева — суть точно имена восточные. А когда Киев попал под Игореву власть, тогда восточный язык смешался с славенским, и хотя славенский яко владычествующий и превозмог, однако многие слова восточные остались. На древнем же персидском языке *Кий* знаменует властелина, или *держателя*, а местоимение *а* или *я* писывали *язъ*, то от сложения сих слов *кий язъ*, знаменующее: первая часть восточным языком, а вторая славенским *державец я*, могло, по повреждению временами, произойти слово *князь*, происхождение не отдаляющееся от происхождения латинского, знаменующее первенство, ибо одним вещам названия, происходящие от самого свойства тех вещей, по естественному порядку должны одинакие знаменования иметь.

Граф, по-латински comites, по-французски comte, происходит точно от римских обычаев, ибо еще во время Республики были комитеты при преторах для произведения суждений. Императоры увеличили, учредя сии чины при дворе своем, учредя единых судьями царских домов, других судьями градов и судьями на границах, отчего произошли наименования графов, палатинов, бургграфов, маркгра-

фов и других. Но чины сии, колико ни знатны были и колико их многие люди ни добивались, не были потомственны, а уже при падении Римской Западной Империи[220], пользуясь беспорядками феодального (поместного) правления, во время раздоров потомства Карломанова многие, учрежденные токмо правителями, независимыми властителями тех самых мест учинились и потомству своему титлы и владения свои преложили. После пришедшие государи, оказавших им свои услуги, в сии достоинства иль лично жаловали, иль купно учреждая их владения титулом графства и в обоих случаях на потомство сие изъявление своего благоволения, и в память знаменитых им учиненных услуг прелагали, со многими приобщенными к сему имени преимуществами. Петр Великий, подражая чуждых народов обычаям, то же достоинство для побуждения к вящему усердию своих благородных, хотя не с учреждением графств, но личным жалованьем, на потомство простирающимся ввел.

Барон — слово, происходящее от тефтонического или от англосаксонского языка, знаменует *храброго* или смелого человека. Кажется, что таковые люди, известные своей храбростью, употребляемы были биться близ государей или вернейших начальников народа, яко сие же доказывается остатками титлов, сохраненных между благородных Англии: écuyer baronet, сиречь оруженосец баронет. За храбрые подвиги первых по готическому тогдашнему обычаю давались земли с титулованиями баронств, и сперва что личное достоинство составляло, то по сему титулу земель наследственно потомкам учинилось, а как обыкновенно при государях и первейших вельможах народа были оруженосцами и бились близ сих благородные, которые тогда и всю вооруженную конницу (gendarmerie) составляли, то таковые приобретением титула баронского приобретали в тех землях степени возвышения благородства. Но сего не можно сказать в России, ибо хотя Петр Великий и ввел сие достоинство в империю[221], давая его лично и на потомство, не учреждая недвижимых имений баронствами, а российское дворянство, гордясь древностью своего происхождения, гордясь союзами с их монархами, почитая сие выше такого именования, принять оного не хотело. И так Петр Великий и его наследники раздавали токмо оное людям, до того дворянство не имеющим, и сие именование, которое первое свое начало от храбрости имеет, учинилось в России награждением ради статской службы, купцам и прибыльщикам раздаваемое. А по всему сему в России оно

не может преимущество пред дворянством, а паче старшим, иметь, ибо в самом деле роды Кобылиных и Шереметевых — однородцы с Юрьевыми [и] Романовыми, от коего рода произошел царь Михаил Федорович. Род Стрешневых, коего рода была Евдокия Лукьяновна[222], мать царя Алексея Михайловича. Род Нарышкиных, от коего рода была Наталья Кирилловна[223], родившая нам Петра Великого, — не могут, окроме их древности, по свойству своему с государями зрить себя ниже Соловьевых и Черкасовых, ни российские князья, в течение восьми сот лет дающие от рода своего государей российских, им равными себя считать.

Дворянин по-французски называется gentilhomme, то есть хороший человек. Имя хорошего человека, заключая в себе все, то есть как военные, так и гражданские добродетели имеющего человека. В России же имя дворянина происходит от царского двора, при коем они всегда служивали. От сего произошли в древние времена царедворцы и жильцы при дворе государевом. Понеже сие именование есть честное, то честью его достигали. В разных государствах разные предписаны узаконения для достижения сего достоинства. Гордые германцы своим дворянством доныне с трудностью в сии достоинства производили. Во Франции, хотя некоторые чины ознатняют мещан, но надлежит несколько колен, дабы дворянином мог считаться. В Венеции гордые *нобили* в сословие свое никого кроме знатнейших родов не принимают, да и то с великой трудностью, и хотя дважды в сей республике случилось по знатному числу, в так называемую книгу благородных, достаточных людей за деньги вписывать, то есть во время Генуэзской[224] и Кандийской войн[225], когда республика в крайность была приведена. Но такие обстоятельства общим правилом не служат, а дачи знатных сумм от сих вновь вписанных исправили худое состояние республики и показуют, колико почтенно есть имя *нобиля* венецианского.

В России хотя мы точного жалования в дворяне до времен Петра Великого не обретаем, но жалование поместий и верстание в оклады по дворянской службе в самом деле тоже жалованье в дворянское достоинство составляло. Петр Великий, по окончании кровопролитной Шведской войны[226], где он везде присутствовал, где он зрил своими очами изящные услуги, учиненные ему и от неблагороднорожденных, за раны, за подвиги, за подъятые труды и опасности, не токмо произвел их в офицеры, но 1721-го года Табелью своею о рангах[227]

их тогда и до того бывших и детей их, рожденных в офицерстве, пожаловал во дворяне и позволил им просить дипломы на дворянство. И как мудрый государь, яко духом предвидения предусматривая могущее произойти злоупотребление, в той же Табели о рангах сказал, что никто, кроме государя во дворянское достоинство произвести не может.

В самом деле, если воззрим мы на государя, дающего которое из вышеписанных достоинств, то в сем случае некоторым образом равняется он божеству, ибо, поелику возможно в естестве тленных вещей, увечняет свое благодеяние, а к тому градомудрие государства требует умножать награждение и возбуждать великость души. Чины и ордена лично даются и лично проходят, да и не могут иногда без оскорбления других достойных единому даться. Награждение деньгами и деревнями, первое приводит в оскудение казну государства и ко вредному корыстолюбию приучает. Достоинства же баронское, дворянское, графское и княжеское, мудро раздаваемы, составляют наивящее побуждение, яко и на потомство прелагаемы суть. И для того надлежит, чтобы простороженный человек желал для прав и преимуществ получить достоинство барона или дворянина; барон или дворянин, для преумножения тех же преимуществ, — титул графа, а граф — княжеское достоинство, но чтобы сии достоинства степенями и правами различны были и не единое имя составляли, ничего не знаменующее, ибо таковым именем без прав отнимается побуждение их получить, и уподляется благодеяние государства. Изъяснив таким образом о разных степенях именований благородных, остается мне сделать краткое начертание им приличных прав, поелику оные с пользою каждого государства могут согласоваться. Я оные разделяю на разные части, а именно: первое, на почетные, сообщенные к званию; второе, на почетные, полезные в рассуждении службы; третье, на полезные относительно до владения имений.

Первое: почетные права, сообщенные к званию

Я выше сказал, что всякое название степени благородства должно иметь некоторые отличности, дабы оные добиваться каждый имел причину, не уподлилась бы милость государская, и богатодарность монарха во оных пребывала. Сего ради и кажется мне во всяких случаях надлежит различить разные степени благородных преимуще-

ствами, входом и приемом у двора, в правительства, председанием по степеням знатности в собраниях и украшением знатности экипажей, ибо, если князь, граф, дворянин или барон несколько предпочтительно пред своими чинами вход ко двору будет иметь, если также по тому же правилу в присутственных местах они будут с излишним уважением приниматься, если будут председание иметь по степеням их названия, если по тем же степеням разделятся между ими украшение экипажей, — то сие, соединяя с должными утвердиться титулами, гербами и их украшениями, умножит благодарность монаршу, не нанося никому вреда, и побудит каждого к вящему усердию к отечеству и, не щадя ни трудов, ни крови, ни жизни, сих прелагаемых на потомство достоинств добиваться. Сердца не пышностью тщетного имени воспламенятся, но воспламенятся истинным признанием и благодарностью к монарху, и сие войдет в совместничество с тем, что каждый гражданин должен своему отечеству, и оба сии чувствия согласно повлекут человека к верности, к усердию и к подвигам, полезным государю и государству.

Второе: почетные права в рассуждении службы

Я общим правом всего дворянства полагаю быть прежде времени возрасту своего записану в службу, но не в солдаты и не в унтерофицеры, дабы вступая в службу, хотя ее еще и не несет, с чином единого именования с даточным рекрутом, не уподлились мысли благородного. И так чин, в который благородные должны быть записаны, должен иметь именование кадетов. При вступлении же в службу получает он немедленно чин офицерский, с таким по мнению моему различием единожды навсегда, что вступившие в единый год или в единую четверть года, или хотя в единый месяц, по степеням звания благородства своего должны старшинство себе получить.

Третье: полезные права относительно до владения имений

Сие право должно быть одинаково у всех, то есть владеть своими деревнями, оные продавать и покупать, право рубки лесов, рыбных ловель по землям, содержание мельниц, заводов и фабрик из российских произведений, добываний сокровищ, в недрах земли сокрытых

и в дачах владения их находящихся, им исключительно принадлежит. Обще же с другими чинами владение дворами, учинение завещания и торг внутренний и внешний своего урожая произведениями.

Понеже по всему вышеписанному видно, колико дворянское достоинство есть полезно государству, то самое сие, привязывая благосостояние благородного к недвижимым вещам и делает, что каждый сам собой привязан к государству, что бьется он и служит государству, исполняет тем долг отечеству, а тогда же бьется он и служит для себя, сохраняя и защищая участок свой в государстве.

Но не да почтется благородный по числу его достатку, ибо сие произведет мысли корыстолюбия, несовместные ни с пользой государства, ни с именем благородного. Привязав почесть к какому бы то малому достатку ни было, не в силах уже правительства состоит содержать то стремление к корыстолюбию, которое само оно произведет. Цинциннатус[228] был убог, но услуги его Риму знатны. Пахав насилу могущую пропитать его полосу земли, превыше сокровищей *епироцких* учинился[229].

Равным образом да не приобщится право благородного к единым чинам, ибо все права благородного должны обращаться к пользе отечеству, а может ли отечество отвергнуть службу кого из своих сынов, а паче если он несчастлив, болен или увечен, и сих ради причин не мог достаточных чинов получить. Но положим, что леность, порок и нерачение отвели его от воздаяния долга отечества, сие отечество не должно ли, яко чадолюбивая мать, не бесчестием, но самим милосердием возвратить его к должности и из неполезного полезным учинить.

Ко всему вышеписанному мне только остается дополнить, что таковые права, данные благородным, возбуждая их к благородной гордости и к подвигам для отечества, не захватывают однако над правами купечества, ибо сим последним весь чужестранный торг, лавочная и мелочная продажа и все смешанные и единственно сделанные из чужестранных произведений мануфактуры остаются, так как и пристойные ремесла в городах, откупы и подряды, взирая по их свойству, им исключительно, а другие вообще с благородными принадлежат.

О праве крестьянском хотя труднее то сказать, ибо благосостояние их толь связано с благосостоянием их владельцев, как сие я впредь льщусь показать, что всякое расторжение сей связи угрожает падением государству. Но со всем с тем, когда благонравие и благородная

гордость вселятся в сердца дворянские, тогда сии самые, изящными сими добродетелями быв понуждены, не в деньгах и в богатстве считая свое благородство, но в правосудии, добродетелях и честности, учинятся отцы и покровители своих рабов, и мнимое оставляемое самовластие в пользу оных употреблять, тем наипаче, если и у самых развратных новые законы подтверждением прежних законов отнимут власть учинить некоторые явные наглости, яко убийство, пытку и личную продажу, также обяжут их быть их поручителями платежа податей, и чтоб не странствовали в нищете, яко по законам отечества моего сие и предписано есть.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВООБЩЕ

Страсть или побуждение государей и прочих правителей государств увенчать свое имя разными законами — в виде ли, чтоб разлить благодеяние свое на многие роды человеческие и сделать благословенно и прославленно имя свое на многие веки, или самолюбием побуждены желают сего рода славу, яко наиболее пребывающую себе приобрести, — есть почти общие. Не вхожу я в таковые внутренние расположения сердец человеческих и охотно желаю к единым добрым намерениям и к склонности хорошо расположенной души приписать желания новыми законами облагодетельствовать народ.

По вышеписанному довольно видно, что колико есть государей, колико есть вельмож, колико есть правителей республик, колико есть участвующих в сих правительствах, и даже философы, более упражненные в своих кабинетах, нежели известные о гражданских обращениях, все желают законодателями быть, или к законодательству споспешествовать. Но многие ли вникли в те обстоятельства, которые должны быть основанием законов? Взяли ли весь надлежащий труд сообразить политические и гражданские законы с божественными и с естественными? Рассмотрели ли умоначертание народное и расположение страны? Вникнули ль в пребывающие законы, и с какими намерениями они были соделаны и в самые обычаи? И мудро умеют ли соединить пользы народные с пользой государевой и государства?

Все сии суть такие обстоятельства, которые многотрудной работы и много времени требуют. Государь и вельможа, быв заняты другими текущими делами, не могут на все сии пространные обстоятельства довольного внимания дать, а и самые собрания часто ко многим страстям подвержены, от чего и происходит, что многажды законы обнародуются непонятные [самим] судьям, неудобоисполнительные, противуборственные другим, которые пребывают и отяготительные, а от сего иль в неисполнении остаются, или подают способ судьям по изволению своему в суждении дел их прилагать, или отягощают и в ропот народ приводят, и не благом или доброй славой, но несчастьями народными увенчают [такие законы] имя дерзких законодателей, которые, забыв, что должны пред Богом и о малейшем соделанном ими зле строгий отчет дать, и, упоясь самолюбием и лестью окружающих их, мнят единые возмочь обнять сию необъемлемую разумом

единого человека пространность, единые[230] законы сочиняют, предают имя свое в посмеяние, а народ в несчастье ввергают.

Я несмь законодатель, не льщу себя иметь таковые удобности, но есмь простой гражданин, чувствующий и разделяющий народную тягость, прилежавший к познанию законов моего отечества и по собственным моим делам, равно и по употреблению, где я имел честь быть по благости монаршей, имел случай несколько понять о законодательстве моего отечества. Желаю, яко жертвой душевной, доброго гражданина мысли, какие мне встретились, начертать — не для того, чтобы видели они свет, но чтоб, по крайней мере, дети мои со временем узнали о мыслях их отца, исправили бы мои заблуждения и последовали бы тому, что полезное для отечества найдут, а общим бы образом научились тому рвению и усердию, которое меня ежечасно к службе отечества моего побуждает, кое влагает новый жар в охладевшую мою кровь и ослабевшее болезнями тело мое возбуждает.

Сего ради разделяю труд свой на следующие части: 1-е, как должно сочинять законы, 2-е, что они должны быть сходны с Божественными и с естественными, 3-е, что в них должно наблюдать в рассуждении политического состояния государств, 4-е, различить в них состояния людские, 5-е, чтоб были не противоречительны и просты, 6-е, предохранить безопасность личную и имений, 7-е, ничего не налагать, что весьма отяготительно или неудобоисполняемо быть может, 8-е, упредить злоупотребления.

Часть первая. КАК ДОЛЖНО СОЧИНЯТЬ ЗАКОНЫ

Выше я уже несколько помянул, коль неудобно есть единому сочинять законы. Я более здесь осмелюсь утверждать, что не токмо государь, не могущий собственною своею особою вникнуть во все нужды и обстоятельства всех состояний своих подданных, не могущий войтить и познать все подробности, каковые в судебных обрядах случаются и могут многим злоупотреблениям причиной быть, не могущий за течением множества важных других дел, требующих его внимания, иметь довольно времени для размышления и соображения не токмо о всех обстоятельствах, потребных к сочинению какого законодательства, но и о самом слоге, дабы он толь прост и ясен был, чтобы всякому закон был вразумителен. К тому же льстецы, окружающие государя, не осмелятся в сочиненном им самим законе противо-

речить, но, воздевая руки на небо и проливая фальшивые слезы, прогласят: «божественно», «премудро», «преполезно», прельстят добрые мысли государевы, — закон обнародуется, не сходственный ни с Божьими, ни с естественными законами, ни с физическим, ни с политическим положением государства, противоречителен другим законам пребывающим, не дописан в содержании своем и не понятен в слоге. Народ восплачет, добрый судья затрудится, злой найдет причины к злоупотреблению, а государь обесславится.

Ниже приватный человек, могущий знать более обстоятельства разных чинов государства, имеет более времени к соображению всех нужных обстоятельств к сочинению законов, и может найтить более людей, которые бы ему истину сказали и остерегли б его в его заблуждениях. Но как всякий человек подвержен слабостям, то коль сии ни суть сильные подкрепления доброго намерения, разуму и трудолюбию, еще могут быть затмены некоемыми пристрастиями, несведениями, предубеждениями, самолюбием и ошибками, и потому может либо почему впасть в заблуждение, либо отвергнуть добрые советы, либо принять по каким-нибудь из вышеписанных причин, худые, ибо быв един сочинитель закона, един сочиняется и судьей всего того, а поелику есть человек, то не может быть не подвержен и к ошибкам человеческим. Следственно и приватный человек, коликие бы достоинства и способности ни имел, не может с благомудрием быть определен единый для сочинения законов.

Сочинение законов каким обществом есть, конечно, лучшее средство, нежели сочинять кому единому, ибо многие люди, быв собраны вместе, познаниями своими друг другу помогают, удобнее могут учинить все соображения, нужные к составлению закона, страсти тут противоборствуют и самые споры объясняют причину. Но с другой стороны, мы видим, что во всяком собрании кто единый по каким ни есть причинам — по разуму ль, по красноречию ль, или по могуществу, — некоторое превышение имеет, так что мнению его предпочтительно других следуют, и тако из множества становится един. Или, как случается, самолюбие заставляет многих противную истине сторону содержать, наполняя предложения свои пышным велеречием и софистическими доводами, многих на свою сторону преклоняют или бесполезными спорами продолжают напрасно время. Я более скажу, что в рассуждении пространства моего отечества, едва ли не в весьма многочисленном собрании, можно найти довольно людей,

которые бы все обстоятельства сей империи знали, а чтобы учинить многочисленное собрание, то можно ль найти способных и снабженных нужными качествами довольно особ?

Бывшее собрание, можно сказать, чинов государственных в России в 1767 году и в следующие ясно показало, колико многочисленное собрание может неудобно быть к сочинению благих законов: там некоторые казаки и крестьяне предложениями своими почти и воздух дышущий у дворян и купцов хотели отнять, там купцы старались распространить свои права с ущербом прав дворян и земледельцев. Дворяне хотя и умерены были, ибо в два года пребывания сей комиссии почти токмо о общих правах говорено было, но и те однако некоторую захватчивость над правами других оказали. Толь есть трудно в деле, где касается до блаженства самого и потомства, нужную умеренность сохранить. Однако не охуляю я сие собрание, а напротив того думаю, что если бы оно долее продолжилось, то бы познание всеобщих государственных польз во все чины Империи проникло, ибо подавание голосов, по большей части вздорных, к законодательству не служило, а было бы оно исполняемо особливыми комиссиями и послужили бы сии голоса к познанию умоначертания народного и ко вложению духа твердости в сердца гражданские. Но важное в сей комиссии было то, что всякое состояние людей всякого уезда, чрез свои наказы их депутатам, объясняло свои нужды, а губернаторы объясняли состояние их губерний. И хотя, истину сказать, самые сии наказы наполнены были теми же предубеждениями, каковые в голосах у депутатов являлись, но сия была грязь, из которой можно было много золота получить, ибо среди самого непросвещения, пристрастия и, можно сказать, безумия, каждый однако не оставлял объяснить, что ему тягостно быть казалось. Присутственные же места в своих наказах изъяснили, что темно, что неудобоисполнительно, и что недостаточно в законах находят каждое по порученным ему делам, а сего и довольно для заготовления вещей к сочинению законов, ибо по всем вышеписанным причинам не могу я никак мнить, чтобы толь многочисленное собрание удобно было их сочинить.

Да и не сочиняло оно, а сие было препоручено частным комиссиям и счастливо бы то было, если бы во всех оных довольно знающие люди обретались. Но великое число комиссий и разделение причин учинило [то], что ни довольного числа знающих людей в них не было, ниже каждая работа о единой части вмещала в круг обозрения

своего все части государственные, отчего и малое число сочинений, вышедших из сих комиссий, имели многие недостатки. Правда, что Дирекционная комиссия имела должность все сие соображать с общим положением государства, но если бы она должна была прочесть все документы и выписки всех наказов, то бы работа ее толь же была трудна, как и самые законы сочинять. Если бы токмо рассматривала она одни сочиненные комиссиями законы, то б, за несведением, может быть, и малых подробностей в государстве могла во многие ошибки впасть.

Еще я похвальное нахожу в сей Комиссии, что была определена особливая комиссия, наблюдающая чистоту и ясность слога и предостерегающая всякие противоречия в законах. Комиссия сия Экспедиционной называлась, но и та, быв сочинена из избранных людей в знании славяно-российского языка, подавала причину к сомнению, что ввергаясь в великую чистоту и велеречие, не учинила бы законы непонятны простым людям. Ибо оные не ради ученых людей делаются, но ради простых, чтобы они их разумели и в сем случае кажется должно снисходить на простоту тех и лучше отдалиться от грамматики, нежели непонятный простым людям закон написать. Я ниже помяну, каким образом обе сии крайности, по мнению моему, удобно есть соединить.

Я с некоторой пространностью помянул о сем наиторжественнейшем бывшем собрании в России для сочинения законов. Умолчу же о тех, кои самодержавной властью были собраны, и где вельможи по превышению своей силы и по своему единому хотению направляли путь законодательства. Но не могу я умолчать о пребывающем законе и обряде, установленном Петром Великим для наполнения некоих недостатков законов. Сие есть: ежели сам ли Сенат или какое правительство предоставит Сенату о каком недостатке в законах, тогда Сенат собирает коллегии, с ними обще рассуждая, положит свое мнение и докладывает государю.

Каким же образом сие исполнялось?

Сенат, нашедши нужду в пополнении закона, собирал членов коллегии и учиненной для сего выпиской объявлял им, какой находится недостаток в законе, требуя тогда же мнения от каждого особо или от каждой коллегии, давая им весьма краткое время для написания оного. Колике неудобности в сем обряде находятся, всякому благоразумному человеку, мню, сие ощутительно, и что в сем случае более

один обряд сохранялся, а не истинное было желание какое благое законодательство учинить, ибо единожды или дважды прочтенная выписка несть довольное объяснение, дабы каждый со всеми обстоятельствами и с чистой совестью, равно как и с прилежным рассмотрением о вещи, служащей на настоящее и будущее времена и могущей быть полезной или вредной на многие века, в рассуждении жизни, или чести, или имений гражданских, мог беззазорно пред совестью своей мнение свое дать. Да и краткое время, даваемое от Сената, не позволяло людям вникнуть во все подробности, каковых сия важная причина требует.

И тако оставалось, что в рассуждении собраний коллегий был сохраняем только один обряд, а сочинял закон Сенат, а в Сенате генерал-прокурор с обер-секретарем. Из чего и выходило, что не общая польза тут в виду бывала, но самовластные хотения сих сочинителей или пристрастие их. Примеры сему многие можно представить: яко, между прочим, указ 1754 о беглых крестьянах[231], который был сочинен по проискам графа Петра Ивановича Шувалова[232] для удержания за ним находящихся множества беглых крестьян на данных ему пред тем Гороблагодатских заводах. Но сей указ, хотя не общая польза была причиной к сочинению его, но пристрастие и собственный прибыток, однако, препятствуя подборам полезен государству есть, но указ, по представлению его же, графа Шувалова, сочиненный, о позволении женам независимо от мужей продавать и укреплять свои имения, указ, сочиненный для покупки им самим деревни Аксиньи Александровны Головиной, указ, разрушающий все божественные и гражданские права, подчиняющие жен под правление мужьям своим, приключил действительный повод к разврату нравов в государстве.

Петр Великий, яко премудрый государь, еще в жизни своей усмотрел неудобность собственного своего учреждения, тогда же усмотрел он и то, что несть на свете законов, которые бы от времени до времени не требовали некоего направления иль перемены. Сего ради в записках своих для памяти, между прочим, написал тако: «О коллегии такой, которая б смотрела что исправить, переменить, отставить, вновь сделать, наченше от порядков прибыли, даже до чистоты и украшений во всем государстве». Конечно бы сия коллегия, если бы она на хороших основаниях и с добрыми предписаниями была учреждена, могла во многом поправить закон и знатную пользу го-

сударству сделать, и было бы сие место, беспрестанно бдящее о порядке государственном.

До сего места я говорил токмо о способах, какие были учинены и какие предпринимались для законодательства отечеству моему. Сказал я, что ни государь один, ни вельможа один, ни приватный человек, пышностью, честолюбием и сладострастием увлекаемый, не затушивши чувствия свои, коликими бы просвещениями одарены ни были, не удобны суть к сочинению всенародного законодательства, что страсти, колеблющие людей, малые собрания, чинимые для законодательства, также неспособны к оному чинить, что большие собрания наполнены суть смутностью, невежеством и пристрастиями, и что, наконец, законодательство не может быть раздробительно сочиняемо, ибо как все законы должны клониться к единому средоточию, то есть к общему благу, то в раздроблении сочинения по частям закона едва ли и двое раздельно работающие могут точно узрить прямое место сего средоточия.

Но как же можно приступить к сему сочинению законодательства? И се есть причина, о которой теперь приступаю говорить. Надлежит, по мнению моему, чтоб законы сочинялись немногими честными [людьми], разумными, исполненными сведениями, трудолюбивыми и искусившимися в делах и, наконец, равными силой и кредитом при дворе людьми, и чтоб целое государство снабжевало вещами к сочинению законов, и каждый бы гражданин, по силе и могуществу своему, мог полезный совет дать: ибо все под законом должны жить, все и участие в нем должны иметь.

Но как сие исполнить? Я думаю, что лучший способ законодательство в действо произвести сочинением Комиссии, разделенной на четыре разные департаменты, и чтоб каждый не из парного числа людей составлен был. Первый департамент будет иметь должность выслушивать выписки законов, наказов и разных представлений от губернаторов и сочинять изо всего сего выписки и представить сие второму департаменту.

Начальное вступление сей Комиссии в ее важное дело должно быть составление вторым департаментом системы законов и плану, расписанного по главам, которые должны быть обнародованы с прошением каждому гражданину, дабы, если что к лучшему усмотрит, мнения свои присылал в третий департамент с прописанием ли имени своего, или без имени, со уверением, что если чье мнение примет-

ся, того имя, яко спомоществующего законодательству, при законе вписано будет, и для удобнейшей пересылки сих мнений да освободятся оные от всякого платежа на почте. Третий же департамент, приемля оные, сочиняет по вышеписанной выписке, а дабы мнениями сими упоздать время не могло, то можно назначить срок полгода или год для получения оных.

Второй департамент не теряет времени во ожидании сих мнений, но немедленно приступает к подробному плану по статьям главы, который, сочиняя, не обнародуя, отдает в другие департаменты, дабы первый изготовил по статьям выписку, имея уже готовый план — по чему сию выписку делать. Когда мнения на план соберутся, и когда выписка из законов поспеет, тогда, сочиняя главу, подобным же образом и с подобным же сроком обнародуется от второго департамента, наблюдая, чтоб ни одной статьи в законодательство не вносить, не учиняя на оную особливого определения с подробным описанием всех причин, побудивших к сочинению оной тако, и оную, как о плане сказано, также обнародует, продолжая далее труд свой. Когда же по окончании и обнародовании какой главы примечания и мнения на нее соберутся, и выписки сделаются на какую часть, тогда взносится все сие в четвертый департамент, который, соображая законы и мнения, переправливая ту часть, почитает уже ее оканчивать, сочиняя подобные же определения на все переправки и дополнения, однако писав и в оном своем сочинении, какое было положение второго департамента, дабы то вышнее правительство, где учинено будет последнее рассмотрение такому законодательству, могло видеть, какие разные положения были учинены.

Я думаю, что каждому ощутительно, что такое учреждение для составления законов есть наилучшее, ибо, первое, не может в нем быть несведения древних законов, потому что первый департамент особливо к тому определяется, чтобы выписки из оных делать; второе, не может тут быть несведения государственных нужд, ни противоречия, ни темноты и неудобности во исполнении, понеже не один или не малое общество в сем будут трудиться, но целого государства граждане будут подавать свои советы и делать примечания, которые — третье — не теми будут рассматриваемы, кто первое узаконение сочинял, и кои бы по свойственному самолюбию каждому человеку могли те примечания отринуть, но другими, то есть четвертым департаментом. А самое сие — четвертое — дабы избежать

себе от охуления побудить второй департамент более с прилежностью трудиться. А наконец, пятое, четвертый департамент, зная, что его труд еще к рассмотрению вышнего правительства подвергнут, где и мнения его со мнением второго департамента суждены будут беспристрастием, полезностью и ясностью законов будет стараться себя отличить. Шестое: тако сочинение законов, переходя из рук в руки, не может, чтоб кто дальновидное какое пристрастное и для себя положение учинил, но корыстолюбие и захватчивость уступят место общей пользе, жестокость милосердием смягчится, а слабость, побуждена ненавистью противу преступлений, в твердость и строгость обратиться. И седьмое: а понеже каждый гражданин не лишен был драгоценного права спомоществовать своими советами к тому законодательству, под коим он и чады его жить должны, возлюбит он его яко труды рук своих, и не токмо блаженством, которое мнит от него себе получить, и опасностью за преступление наказан быть, но и яко отчасти к деянию своему прилепится и будет точно наблюдатель оного.

Мне остается еще нечто сказать о обнародовании и о слоге законов, дабы придать всю ясность, каковую требуют законы, и отвратить судей делать свои мудрствования и различным образом толковать. Кажется мне, что при обнародовании книги законов надлежит обнародовать выписку из тех определений, которые были сочиняемы при постановлении каждой статьи, где и причины такого постановления означены суть. Мне помнится, что во время сочинения некоторой части законов во Франции, в царствование Людовика XIV, таковые протоколы были сочинены и обнародованы и законоучителями за весьма полезный и изящный труд почитаются.

Законы должны быть написаны слогом простым, но чистым, дабы всякому могли понятны быть. Слова в них должны быть употреблены хотя избранные, но не изыскуемые и не двоезначущие, а ежели нужда когда случится какое таковое слово употребить, то разум его должен в примечании утвердиться. Сие тем более нужно, что российский язык еще не утвержден и ни одного толкового словаря не имеет[233]. Более ж сего, назначенная к сочинению законов комиссия может усмотреть из присылаемых примечаний, которые статьи не в том разуме понимаются, в котором они написаны, и для таковых, подобно как родители снисходят на слабость малолетних своих чад, надлежит те статьи в примечаниях еще более объяснить. Наконец,

как выше я сказал, ежели чье мнение примется и вместится в узаконение, имя того против той строки написано должно быть, какого бы он состояния и звания ни был: да не оставится ничей подвиг усердия к отечеству без возмездия, и да будет сие первый знак правосудия, иже есть начальное основание законов.

Может быть некоторые любящие более скорые, нежели твердые деяния, скажут, что способ мой к сочинению законов есть весьма продолжителен. Сему я и не спорю, но можно ли тут считать длинными и десять лет времени, когда устраиваешь то, что на многие столетия соделывает счастье многих миллионов людей.

Часть вторая. ЧТО ЗАКОНЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СХОДНЫ С БОЖЕСТВЕННЫМИ И ЕСТЕСТВЕННЫМИ УЗАКОНЕНИЯМИ

Вмещенное в Священное писание учение под именем премудрости Иисуса сына Сирахова нам гласит: «Начало премудрости — страх Господень». Не должны мы от сих священных и внутренним чувствованием сердец наших утвержденных слов в важном деле законодательства удаляться. И в самом деле, если мы рассмотрим, то найдем, что самые лучшие законы управляют единую токмо внешность, страх же Божий управляет нашу самую внутренность и не токмо отвращает нас от соделания каких сокрытых и не могущих уведанными быть преступлений, над коими законы человеческие власти не имеют, но и от самых помышлений соделать их развращающегося с пути истины на путь правды направляет, утверждает безопасность власти и связь общества святостью присяги. А по сему, желая законы гражданские установить, не можно лучшего основания им положить, как страх Божий и почтение к Божественному закону.

Но впечатлевается ли сие почтение, когда гражданский закон будет противоборствовать закону Божественному? И какое есть состояние гражданина, когда по имени своему христианина обязался быть верен закону Господню, а по присяге своей государству обязуется ему противоборствовать? Исполняется ли должность христианина, когда кто преступает именем же Божьим учиненную им клятву? Исполняет долг гражданина, — отступает от того, что должен, поелику есть христианин. И тако единый закон другой разрушает, оба приходят в презрение, святость присяги за ничто почитается, верность к отечеству и государю исчезает, и нравы повреждаются.

Дабы показать примеры таких узаконений, я токмо о двух упомяну, разрушающие два священнейших таинства нашего закона: покаяния и брака.

Есть у нас узаконение, повелевающее священнику, если уведает на исповеди какое злоумышление противу государя или государства, невзирая на священнейшую его должность хранить тайну покаяния, учинится предателем и доносчиком на кающегося[234].

Се есть закон очевидно противоборствующий закону Божию и разрушающий священнейшее таинство нашей веры. Но сего не довольно: рассмотрим полезен ли он и предупреждает ли он всякие злоумышления против государя и государства. Итако: 1) каждый, хотя малым рассудком одаренный человек легко поймет, что предпринимающий какое злоумышление на государя и государство, не пойдет на духу священнику сказывать, зная, что он будет должен на него донести: следственно, закон сей тщетен. А если он придет с духом раскаяния принести при свидетельстве священника в помышлении своем покаяние Господу, и священник то должен доносить, то закон сей несправедлив, ибо невиноватого, незатверделого в своем преступном помышлении, но очистившегося покаянием, наказывать будет; 2) удоб носимое ли сие бремя возложено и на самых священников? Должны они, презрев свое обязательство хранить тайно покаяние, обратить глас свой, посвященный на призывание Святого Духа, в донос на учинившего пред Богом ему исповедание и быть погубителем его, прияв кровь его на главу свою, или, яко покаяние всегда один на один производится, не могши доказать преступления, погибнуть самому яко клеветнику, имев уже осуждение Божие на себе, яко на нарушителе таинства покаяния, ищущим крови брата своего. А посему закон сей есть неудоб исполнительный. Наконец, не могут ли случиться таковые священники, которые, презирая и святость покаяния и святость своей должности, соплетши какой умышленно ков на невинного, в донос вступят и соделают пагубу его? А посему закон сей может подать причину к злоупотреблениям. А посему разрушает таинство покаяния, приводит веру в презрение, следственно и уменьшает святость присяги, а тем самым не может никакие пользы государю и государству принести. Ибо, в самом деле, есть ли в том полезность, если сим противоборственным закону способом откроется какой преступник, а тогда же произведенным презрением закону Божию и ослаблением силы присяги миллионы таковых же

произведутся, которые не токмо что при покаянии сказать, но и на исповедь не пойдут?

Второй закон — о браках — есть не меньше противоборствен Божественному закону. Довольно известно каждому, что при сотворении первого человека Господь уставил брак и соединение между мужа и женой, что Господь наш Иисус Христос присутствием своим на браке в Канне Галилейской святость брака утвердил, что пречистыми Своими устами охулил дания распутной книги жене и сочетания со другой, прилагая: «ежели что Бог сочетает, человек не разлучает», что Церковь наша брак в числе таинств вместила, и что по самым гражданским законам, яко утверждающие законы спокойствия, спомоществующие к умножению народа, утверждающие состояние детей, благонравия и воспитания, учреждающие право преложения имен и наследств весьма важным пунктом считаются. То, кажется, возможно ли, презрев установления слова Божия, учреждения церковные, положения гражданские, против впечатления собственного своего сердца, чем бы то ни было брак разрушен учинить?

Однако есть у нас узаконение, повелевающее, что всякий, достойный смерти и наказанный ли и не наказанный, ссылающийся в ссылку, влечет с собой расторжение своего брака, яко граждански мертвого человека[235]. Думаю, что причина сего закона, толь противоборственного всему вышесказанному, произошла от воображения себе, что наказанный человек есть граждански мертв, и потому жена его, яко после мертвого, вольна становится. Мое же намерение состоит доказать, что кроме физической смерти жену от мужа, ни мужа от жены ничто не разлучает, и что отъятие жены от мужа есть новый род суровости, изобретенной для усугубления наказания.

Говорят: преступление рушит брак. Девка, вышедшая замуж за беспорочного человека с надеждой в том состоянии, в каком он есть, или лучше его препроводит век свой, вдруг падением его в тяжкое преступление лишается сей надежды, а потому преступник, впадая в преступление, забвением, что должен на век соединенной с ним его супруге, лишается прав и выгод, которые бы в сожитии с нею обще мог иметь, и делает ее вольну. Ибо несправедливо есть сделать участницей наказания винного мужа безвинную жену.

Кажется, сии предложения суть неоспоримы, и сам бы я легко так рассуждал, если бы по закону моему мог почитать брак единственно гражданским договором. Но он есть таинство, а таинство Церковь

не разрушает. Да и в самом деле, в первобытном состоянии людей не было разделения между состояния и состояния. Жена по закону сочетается браком не с чиновным или богатым человеком, но просто с человеком, обещает ему верность и усердие во все время пока он жив будет, следственно, должна быть обязана ему, покамест он человек пребывает, и в случае преступления или несчастья, ненавидит его преступления, сожалеет о несчастье, а любит человека, верой и Церковью сопряженного с ней, должна помогать сносить ему тягость его наказания или несчастья, обращать его к покаянию и возвратить на путь истины. Ибо многие преступники в раскаяние приходят и тогда, когда имеют причину льститься, что покаянием своим от Бога получат прощение: то как гражданский закон предупредительно может наложить такое наказание, якобы он никогда спокояться не мог, и лишить его, по священному писанию, части тела его обще с удовольствием, каковое он мог бы иметь от любезной своей супруги.

Те же самые правила, которые я предлагаю женам в рассуждении мужей, должны сохраняться и от мужей к их женам, ибо обязательства их относительно до любви суть равные. Однако, по слабости женской, не полагаю я, чтобы было нужно строго установить законом, чтоб жена в несчастьях и наказаниях мужниных всегда ему последовала, ибо могут случиться разные обстоятельства, препятствовавшие сему: яко воспитание детей, а иногда и сам муж, не хотя видеть тягость жены своей, взять ее не согласится: единый преступил, единый тягость наказания всю хочет понести. Однако, как нравы должны составлять самое основание законов, ибо всякие законы нудят и отягчают, и стараются от них избежать, а введенные обычаи и благонравия почти без принуждения и без избежания к должности своей людей побуждают, и тако в самых несчастьях чиненное уважение к женам, восхотевшим вольно разделять оные с мужьями своими, почтение к ним по их возврате и к их именам, если умрут, да будут подтверждением, ежели можно, священных и гражданских уставов брака и, следственно, добродетели.

Да не остановится перо мое, дабы не учинить некоторое поминовение о таковых женах, иль, лучше сказать, героинях священного брачного союза. Графиня Марфа Ивановна Остерманова более десяти лет разделяла несчастье супруга своего[236]. Графиня Катерина Ивановна Головкина, также многие лета разделяя несчастье своего мужа[237], в ссылке и тесноте скорбь скорбью умножая, имела огорче-

ние зрить его умерша, не погребена шесть месяцев пред собой. Кто же они? Каков их прочий поступок? Первая в старости лет своих, в добродетельных, святых упражнениях скончала живот свой. Вторая же, в старости и в слепоте, почтенна за ее добродетель в богоугодных упражнениях век свой оканчивает. Тако есть истинно, что единая добродетель без других идти не может, и что самая та же привязанность к закону Божию, которая побудила их презирать все беспокойствия ссылки супругов их, были и есть побуждением добродетельного и богоугодного жития, которое они явили по возврате своем.

Я приступаю теперь сказать нечто о втором разделении сей части — касательно, что законы должны быть согласны с естественным положением государства, и в пример сему представлю: в бывшем межеванье[238] при императрице Елизавете Петровне, которого выдумщик, учредитель и главный начальник был граф Петр Иванович Шувалов, и в нем повелено было становить межевые столбы дубовые, не рассмотря, что не токмо многие провинции, но и губернии дубу не имеют, и что там его на необходимые нужды фунтами покупают. То не разорительно ли было бы для поселян в таких местах великое число таких столбов купить? И не лучше ли бы было написать, чтобы сии столбы ставить из крепчайшего, находящегося в тех местах лесу? Сие в самом деле так и исполнялось, но исполнялось со взятками и притеснением, а правительство чрез такую неусмотрительность подало причину народу иметь сумнение в своем благоразумии и предусмотрении и повод к злоупотреблениям. При ныне царствующей государыне обнародован был указ о нестрелянии во всем государстве никакой дичи весной. Незнание ли, или забвение учинило, что не вняли о том, что многие сибирские народы на весеннем перелете разных птиц, а паче гусей, во множестве побивают и тем самым получают себе на некоторое время пропитание. Закон сей там исполнится не мог, ибо где противоборствует естественная нужда, там закон силы иметь не может. Он был, думаю, по представлениям губернаторским отменен, но знаки и память нерассмотрительности правительства остались. Сие я говорил точно о естественных причинах, но есть еще и другие, которые хотя не точно естественные, однако к оным близко подходят, яко многонародие страны и знаменитость древних городов. В пример сему можно представить положение вновь учрежденного банка. Старый банк в Москве разрушен, и вся выдача денег и заем обращен в один Петербург[239], во град, на краю российских

границ находящийся, во град, хотя и многонаселенный, по причине присутствия двора, привязанными к оному и всеми теми, которые исканиями своими что-нибудь от двора хотят приобрести, или кто по привычке или сластолюбию там жилище себе избрал. Но не учинили внимание о Москве, о граде древнем, точно матере-граде России, иде же яко к естественному средоточию, стекается все дворянство, которое в самом деле, при самом милосердии монаршем, от сего учреждения чувствует отягощение себе. Тако часто властолюбие, притягивая всех к себе одному, разрушает добрые намерения государей и народ в прискорбие приводит.

Есть еще некоторые узаконения, которые суть несовместны с законным положением государства. Обер-прокурор Сената шестого департамента князь Гаврила Петрович Гагарин[240], желая выслужиться по причине обнародованного указа о справке и отказе деревень, представлял, чтоб пошлины с отказов брать не с числа писцовой дачи, которой иногда больше, иногда меньше в наличности находится, но с числа обмежеванных земель. Предложение его, яко имеющее вид справедливости, ибо, в самом деле, чего ради с мысленных вещей пошлину платить? Чего ради тот, кто не имеет полной писцовой дачи, излишнее против владения своего заплатит? Чего ради тот, кто лишнюю дачу имеет, не с полного числа будет платеж производить? А все сие, с первого взгляда, и ведет к заключению, что справедливейший и удобнейший способ повелеть производить сей платеж по утвержденному на правилах математических межеванью и по сочиненным планам. Предложение его было принято и указом подтверждено, но, входя в подробности сего дела, с первого взгляда являющийся блеск исчезает тем: 1) указы об отказе и о платеже суть всеобщие на все государство, справкам и отказам предписан срок, а знатная часть государства еще не обмежевана и планов нет; следственно, до узнания, какой платеж требовать, и отказывать не можно, а сим самым сила указов об отказе разрушается; 2) из тех, которые земли и размежеваны, великое число находится еще в спорах, и планов на них не дано, да и дать невозможно по причине, что еще неизвестно, кому та земля будет принадлежать, следственно, с неподлинных дач и пошлины взимать не можно; 3) находится великое число дач, которые хотя бесспорно отмежеваны, но планов на них не дано, а потому и в сем случае та ж неподлинность пребывает; 4) по указанию межевание производится общее, а не раздробительное, то есть, что каждая

деревня или пустошь межуется вообще и план дается общий, хотя бы сто владельцев по разным участкам в оном состояло, то как по плану узнать без писцовых книг и без дач, что кому в таковой деревне или пустоши принадлежит. А по всему сему не могу без удивления видеть, как при таковых обстоятельствах и противоречительных узаконениях отказы производятся. Однако сию свою выслугу сей князь Гагарин представил прошением своим для получения ордена Владимирского, который ему и дан.

Все вышеписанное мною предложено для показания токмо примеров, коликого внимания и подробного рассмотрения требует каждое законодательство, и что ни один блистательный и быстрый разум к сему потребен, но глубокое вникновение во все то, что закон Божий повелевает, и что предоставляется естественным и политическим состоянием государства, также пребывающими и не разрушающимися предуставленными законами. Но я поступаю далее.

Часть третья. ЧТО ДОЛЖНО В ЗАКОНАХ НАБЛЮДАТЬ В РАССУЖДЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ГОСУДАРСТВА

Дабы приступить говорить о сей причине, надлежит сперва рассмотреть о разных родах правления, и может ли в европейском государстве быть долгопродолжительное самовластье, дабы потом предложить мысли мои, каковы должны быть законы в монаршическом правлении.

В рассуждении политического положения обыкновенно разделяют роды правления на три рода, которые хотя по смешению между собой и многие другие составляют, но со всем с тем главное основание в каждом одно из сих трех родов составляет, ибо самовластье не есть род правления, но злоупотребление власти.

Сии же три рода суть: правление монаршическое, вельможное и народное. Все они естественные начала имеют: монаршическое является быть древнейшим и происходит начально от власти отцов родов над потомством их. Вельможное, или от того, когда рассеянные малые семьи, не могши какому сильнейшему неприятелю сопротивляться, многие в едино общество соединились и начальники оных, не хотя един другому уступить, равную власть над соединенным обществом сохранили; или от превратившегося монаршического

правления: по злоупотреблению могущества претерпевая утеснение и налоги, именитейшие из народа соединились и поврежденную сию власть разрушили, дабы самим властителями общества учиниться. Кажется, народное правление не толь от естества вещей, коль от обстоятельства произошло, ибо народ, чувствуя себя отягчена монаршическою или вельможною властью, отягощение его низринул и сам властителем и правителем себе учинился.

Но не было и несть ни у единого живущего в градах народа точно чистого какого из сих правлений, но все единое с другим мешалось, ибо монарх не может править без вельмож, вельможи не могут править без начальника и без народа, ни народ без начальников сам себя управлять.

Афины, хотя имели народное правление, но были у них начальники под именем архонтов[241], также и Сенат, который ареопагом называли. В Спарте были цари начальниками правления, а эфоры[242] — сдерживающие власть царскую и дерзость народа, имеющего участие в правлении.

У персов, хотя власть царская не ограничена была, но сатрапы могуществом и силой своей удерживали его самоизвольные поступки. И наконец, в древних народах Рим прешел все роды правления, но всякое смешанное было с другим: при царях имел Сенат и народ коленами и сотнями собирался, по извержении царей, — два консуля с Сенатом хотя вельможное правление составляли, но консули занимали место царское, а народ, хотя сам не допущен был ни в какие знатные чины, но, собираясь в собрании, в чины патрикиев избирал и законы утверждал, а когда и превозмог патрикиев, и стал иметь право во все чины государственные вступать, однако те же из среды их происшедшие вельможами учинились и народом управляли. Даже как лишась своей вольности при императорах, учинился позорищем всех зол и бесчеловечья. Упал Сенат, твердость римского духа в слабость пременилась, монархия претерпела от внутренних и внешних неприятелей, народы победители и побежденные восстенали, история именами Калигул[243], Неронов[244] и Гелиогабалей[245] осквернилась.

Се есть касательно до древних народов. Воззрим теперь на новые царствия. Франция имеет монаршическое правление. Прежде были у нее Государственные штаты[246], где три степени государственных чинов, то есть духовенство, благородные и мещане, или третий род, собирались и о нуждах государственных судили. Ныне же токмо не-

которые из ее провинций сохранили право собрания чинов, прочее же управляется парламентами, где присутствие Перов, судей и стряпчих, — последних большая часть из мещан, — купно монаршическое, вельможное и народное правление представляет. Но нигде толь не цветет народная вольность под тенью монаршической власти, как в Англии. Там вышнюю власть, ограниченную законами, имеет король; верхняя камора парламента вельможную власть представляет, а нижняя камора, единая могущая накладывать налоги, представляет власть народную. И все сии три власти в беспрестанных прениях между собой по разделенным их приватным пользам, связаны непреоборимыми узами, равными стопами к благу общему шествуют.

Но, не продолжая далее, единым словом заключу, что несть царствия, несть республики, где бы не зрилось смешение сих трех властей или, по крайней мере, двух.

Однако везде есть единая власть превосходящая, которой соответствует умоначертание народное, и коей законы в рассуждении политического состояния соответствовать должны. Тако Франция есть монархия, Англия, не взирая, что имеет короля, есть правления республики, Швеция, Польша и Венеция суть вельможного правления.

Какое же умоначертание по разным сим правлениям в народе надлежит? Монархия требует честолюбия, ибо единое нас честолюбие к престолу царскому привязует и побуждает человеку пред человеком делать низкости. В вельможном правлении требуется особливая добродетель, ибо кто хочет между равными себе иметь преимущество, тот должен добродетелью своей принудить их ему оное уступить. Таковы были Брутус[247], Цинцинатус[248], Павел Эмилий[249], Фабий[250] и Марцелус[251]. В народном же правлении не столь должно иметь добродетелей, сколь блистательных качеств и пронырства, каковы были: Периклес[252], Цесарь[253] и Кромвель[254].

Описав тако разные роды правительства, приступаю к самовластью или деспотичеству. Правлением его назвать не можно, ни в род оных поместить, ибо оно не что иное есть, как злоупотребление монаршической власти, потому что монархия должна иметь свои основательные законы и сохранять все установленные, а самовластие, последуя единому своему хотению, по воле своей все законы разрушает. Монархия по установленному закону хранит жизнь, честь, имение и спокойствие своих граждан, а самовластие ни на что на сие не взирает, льет токи кровавые лучших своих подданных, чести их не со-

храняет, не взирает на нежность сердец, имение по хотению своему отнимает и возмущает во всех частях жизнь и спокойство каждого гражданина, ибо в самом деле, может ли тут кто спокоен быть, где никого поставленны законы не защищают? И я приравниваю живущих под самовластьем людей тем мореходцам, которые в жестокую бурю лишились кормила, мачты и парусов своего корабля, и коих робкие служители с тяжелыми вещами, кинули в море компас и все другие для примечания соделанные орудия. Плывет еще корабль, но при дыхании бурных ветров ни управляться не может, ни знать мелей и камней, ни места своего течения. Спокойны ли на нем сидящие? Иногда достигает счастливого пристанища, но то не правило, а нечаянность его доведет.

Несть в самовластии награждения за заслуги, а напротив того, самовластитель завидует блистанию оных.

Тако им преторы римские отменили победоносные входы своих победоносных воевод, повелевали себя провозгласить императорами за победы, которые не сами они одержали, быв погружены в сластолюбие и роскошь, за победы других венцом лавровым главу его увенчали. Раздача чинов не с лучшим разбором чинится: Калигула лошадь свою консулем сделал. А может быть и много людей, не лучше лошади стоящих, самовластители в высшие чины произвели. Добродетели, достоинства там утесняются, ибо каждый самовластитель в добродетельном и исполненном достоинств человеке мнит зрить явного себе укорителя. Наконец, разум затушается, ибо вредно самовластию, чтоб кто вникал во взаимственные права, сочиняющие основания обществ, и умными бы очами воззрил на состояние свое.

Таково есть деспотичество, таковы суть его вредные следствия. А потому я и заключаю, что в просвещенном народе оно быть не может. А ежели оно и случится, не может быть продолжительно. Хотя, может статься, какие посторонние обстоятельства и учиняют его продолжаться несколько боле, нежели б надлежало, но сие токмо ему жесточайший конец приготовляет. Ибо, в самом деле, если всякий рассмотрит обязательства свои к Божьему закону, к отечеству, к самому себе, к семье и к ближним своим, то узрит, что долг и благосостояние его влечет его низвергнуть сего кумира, никогда твердых ног не имеющего.

Деспотичество — не яко другие вышепоказанные правления, которые примешением единого рода к другому исправление себе чув-

ствуют, но все, что к сему нечистому сосуду ни коснется, все ядом заражается, и все обращается в общественный вред. Учреждены ль какие правительства, — те все взирают более на самопроизвольное хотение деспота, или его любимцев, нежели на поставленные и пребывающие законы. Учредится ли какое собрание чинов государственных или поместных, — в них нет вольности, нет духу соединения, нет любви к отечеству, но все под властью деспота или какого его вельможи пресмыкаются, не смея и возникнуть на любезную свободу, ниже помыслить о взаимственных правах, связующих общества, ибо сей есть между прочими порок деспотичества, что деспот деспота производит, и таковыми государство наполняется, а часто и самый первый деспот, нижними его окруженный, связью оных становится.

Но я прекращу скорее сие начертание, которого ужасные изображения во всех писаниях законоучителей обретаются, дабы приступить к законам, сходственным с политическим положением моего отечества. Понеже Российская империя есть монархического правления, яко и сама Ее Величество в Наказе своем изъясняется, что «надлежит иметь хранилище законов, ибо законы в нем должны тверды пребывать под тенью монаршей власти». Каковы сии законы должны быть? Я, первое, считаю, что понеже монарх несть вотчинник, но управитель и покровитель своего государства, а потому и должно быть неким основательным правам, которые бы не стесняли могущество монарха ко всему полезному государству, но укрощали бы иногда беспорядочные его хотения, по большей части во вред ему самому обращающиеся. В числе сих прав необходимо должно поместить твердое основание и положение о порядке наследства на престол, ибо сие, утверждая наследственное происхождение, утверждает спокойствие государств, и Россия, за недостатком такого права со времен царя Федора Иоанновича[255], скончавшегося бездетным и безродным, довольно несчастий претерпела, чтобы искренно желать установления себе такого права. Манифест же Петра Великого, обнародованный 1719-го году, и книга сочинения архиепископа Прокоповича «Правда воли монаршей»[256], предполагающая на одну власть царствующего государя учреждать наследство по его воле, есть действие совершенно деспотическое. Хранение владычествующей веры и пребывание государя в оной и в гражданских законах должно составить ненарушимое положение, а к тому ж и терпение чуждых вер, до коих мест оно должно простираться, дабы ни гонени-

ем, ослабляющим государства и возобновляющим нам ужасы шестого на десять века, не впасть в бесноверие, ни излишней понаровкою не показать небрежливость к владычествующей вере. Права издания законов, разных налогов на народ, переделания монеты, — вещи, которые по непостоянству вещей человеческих иногда применяются, — то, по крайней мере, порядок произведения сего в действо на непоколебимых основаниях должен быть утвержден. Равным образом суд и право себя защищать и совету для ради осуждаемых людей по уголовным делам [спрашивать], и право, кому утверждать сии осуждения. Наконец, право именования дворянского, по их разным степеням, ненарушимо в монаршическом правлении поставлено быть должно. Но не довольно сие словами или грамотой какой утвердить: надлежит, чтобы поставлены были и наблюдатели о сохранении оного. Тако, держась слов Ее Императорского Величества, надлежит иметь «хранилище законов». А что в России хранилище законов? Сие есть Сенат. Надлежит оный не токмо снабдить довольно основательными государственными правами о его могуществе, но также и наполнить такими людьми в силу же основательных прав, чтоб он порученный ему залог в силах был сохранять.

Приступаю к другим законам и учреждениям при настоящем положении России, а паче в рассуждении ее пространства. Хотя уголовные законы и должны быть милосерды, ясны и подробны, а паче производство уголовного суда с такой ясностью и подробностью должно быть описано, дабы судья не властен был в обряде ничего переменить, по крайней мере, в главных его частях, дабы в самом производстве какого притеснения невинному или послабления виноватому не было. А потому бы легче было предопределенному месту для утверждения таких судов оные рассматривать. Однако в России должны быть законы гораздо строже, ибо пространство империи, множество пустых мест, редкость селений, происходящих от самого климата, грубость нравов и, ежели осмелюсь сказать, повреждение оных, крепчайшие узды требуют, дабы, что вышеписанными причинами может быть пропущено или дальностью мест упущено, чтобы строгостью наказания удержено было.

Говоря о уголовных делах, не могу я не применить встретившегося обстоятельства по делу губернатора Самойлова, в котором я имел честь быть употреблен[257]. Оное состоит, что все почти доносчики на него были такие, которые участники его преступлений были, и сами

в том признались, то многие говорят — и что при нынешней развратности сказать не могут! — что понеже осужденный свидетелем и доносчиком быть уже не сможет, а они уже сами себя признанием своим осудили, следственно, и не могут в доносители на губернатора быть приняты.

Коль несправедливо сие заключение, думаю, что каждый благоразумный и беспристрастный человек сие ощутить может, ибо закон ясен говорит о осужденном, а таковые речения право осуждения от судьи на самого доносчика переносят. Донос не может быть как двояким образом учинен: или посторонним образом кто слышал или видел содеваемое зло, или сам участником оного был, что в самом деле есть признание. То, если таковых участников отвергнуть от доноса, половина уголовных дел останутся в закрытии и разбойник не будет иметь право оговорить своего атамана или пристанодержателя. Ее Императорское Величество, в данном своем Наказе для сочинения уложения, в главе о уголовных делах, статья 186-я, изъясняется: «Есть люди, которые почитают между злоупотреблениями слов, вкравшимися в житейских делах, достойным примечания то мнение, которое привело законодавцев уничтожить свидетельство человека виноватого, приговором уже осужденного. Такой человек почитается граждански мертвым, говорят законоучители, а мертвый никакого уже действия произвести не может. Если только свидетельство виноватого осужденного не препятствует судебному течению дела, то для чего не дозволить и после осуждения в пользу истины и ужасной судьбины несчастного еще мало времени, чтобы он мог или сам себя оправдать или и других обвиненных, ежели только может представить новые доказательства, могущие переменить существо действия». А посему, когда и самый осужденный не отвергается принести с доказательствами свидетельство в пользу безвинного осуждаемого, то как не принять доношение раскаявшегося человека ко обвинению преступника и ко удовлетворению разоренного им народа, и то ли есть предмет уголовных законов, чтоб искать повсюду токмо преступников, а угнетенных ими без удовлетворения не оставить и не подвергнуть к какой тяжкой судьбине?

Колико ни ясны сии предложения и колико по здравому рассудку, по совести и по закону таковых доносителей отвергнуть не можно, однако признаться надлежит, что закон наш не различает разных родов доносителей, и коликое преимущество должен иметь самовольно

признавшийся, ибо донос уже их состоит такого рода, что и самих их к наказанию подвергает. А таковые обстоятельства нужны есть быть вмещены в законы.

Часть четвертая. О РАЗДЕЛЕНИИ СОСТОЯНИЙ ЛЮДСКИХ

Хотя и после уголовных дел, но из первых почти можно почесть права разного состояния людей, живущих в государстве. Утверждение их, во-первых, служит к порядочному управлению государства, к подкреплению его силы и оказует самое правосудие за учиненные предками услуги. Если бы не было и других вышеписанных побудительных причин для дания права российскому дворянству, единое бы воздаяние за услуги предков их, беспрерывно продолжаемых их потомками, долженствовало бы побудить дать им изящные, но не предосудительные государству права, и сословие сие так уважить, чтоб имя дворянина несло с собой нечто толь важное, которое бы к благородному честолюбию и к службе отечеству каждого побуждало. Учинить вход в сие сословие толь труден, чтоб за вышнее счастье почитали сию честь получить, и милость бы монарша, увечняющаяся на потомство сим награждением, довольно бы важности имела, а власть бы монарша в толь преизящном награждении во множество рук не разделялась. Есть у нас щедротою монаршею изданные дворянские права, почерпнуты по большей части из старых узаконений с малой прибавкой новых прав[258]. Несть мое намерение, бывши дворянин, и мыслить о каком прибавлении оных в рассуждении полезных прав, ибо каждое исключительное право может быть тягостно другим чинам в государстве, и потому, если правосудие монаршее, соединенное с его милосердием, соблаговолит какое новое право дать, то соображение с общей пользой и получение оного на воле его оставить надлежит, ниже помышляя в рассуждение о сем вступать. Но что касается до почетных прав, яко до старшинства родов, показующих, как давно какой род отечеству услуги свои оказует, сие есть дело историческое, и бывшее не бывшим никакая на свете власть сделать не может. А потому не можно сказать, чтобы алфавитный список, кто прежде кого должен быть в дворянской книге написан, не делал прискорбия дворянам. Самое старшинство родов, казалось бы, и вело к предписанию председательства по родам дворянских собраний, ибо там не чиновники, но дворяне заседают, а самое бы сие заседание, показуя

каждому, что берет место по преимуществу своего древнего рода, побуждало бы подражать добродетелям своих предков.

Сверх того, в древние времена хотя в России приложения к титлам и не знали, ибо и самые царевичи не инако как благородные были титулованы: Петр Великий, введши степени дворян, до того не знаемых в России, яко графов и баронов, приписал им титлы: графам «сиятельство», баронам «высокородие», а при пожаловании в князи князю Меньшикову титло «светлейшего» дал[259]. И с того времени, не знаю для чего, российских князей, происходящих от Рюрика[260] и от Владимира[261], с уменьшением против Меньшикова зачали «сиятельствами» титуловать, а дворян благородными. И тако, графы и бароны сохраняли их титлы по дипломам, а князья и дворяне по почти столетнему обычаю, утвержденному известностью государю: то, кажется, и самый сей обычай законом почесться может, ибо долговременный обычай, коему никогда вышняя власть не противоречила, по мнению всех законоучителей, законом считаться должен.

Чего ж ради в правах дворянских о всех сих титулах умолчено? А потому пребывают ли они или нет? Пышные имена, ничего не значащие, но нужные к побуждению честолюбия и к службе отечества!

Все, что редко, то есть драгоценно. Все, что трудно доставать, — к тому стремления наши наиболее напрягаются. Таково должно быть и именование дворянское. Таковое ли оно у нас? Драгоценным его назвать не можно, ибо за малую его цену получают, а редким того меньше, ибо мало есть таких чиновных людей, которые бы толпы дворян не наделали. И от того произошло, что не действительная служба к государству, но пронырство и шильничество прелагаемым на потомство драгоценным правом награждается. Конфетурщики, шляпники, портные и самые знатных людей сводники, никогда не служа государству, а токмо быв ему в тягость, оное получили. Право их некоим образом ныне подтверждено, и они в сословие дворянское принесли ту подлость, то пронырство, то корыстолюбие, с коим родились, в коем воспитаны, в коем упражнялись и коим до чинов офицерских забвением нравственных должностей добывались. Да и самое старое дворянство сим заразили. Выше я сказал, что то, что есть редко, то и драгоценно. Дворянство у нас не редко, и стремление к нему от подлых велико, но для чего? Не для чести и не для службы отечества, но, дабы под сим священным именем в праздности и к отягощению

других жить и пользоваться всеми правами оного. А чрез сие пороки вкореняются, благородное честолюбие исчезает, а государство лишается сильнейших подпор.

Еще не могу я умолчать о данном праве внучатам богатых купцов требовать себе дворянство[262]. Я признаюсь, что богатый купец есть полезен государству, и что надлежит сделать побуждение таковым людям. Мнение мое в сем случае подтверждено мнением господина Монтескье, большим Наказом для Комиссии уложения и последними узаконениями Ее Императорского Величества. Но, мне кажется, при сем случае должно рассмотреть род торга российских купцов, и отчего они наиболее богатятся. А по испытанию моему я знаю, что откупы и подряды, где они корону обманывают, составляют главные источники богатства их. Следственно, когда дед воровал, сын грабил, а внук разбойничает, достоин ли он потомственного награждения? Но ежели б купец открыл какую новую отрасль торгу, завел бы конторы в чужих государствах, сделал бы полезный курс, нашел бы способ с вящей прибылью российские произведения выпускать, ввел бы новые рукоделия и другое подобное сему соделал, то б не токмо внук его, но и сам достоин бы был такого награждения, и сие б была награда не за деньги, но за пользу государственную, не за пороки, но за добродетель. И конечно б откупщик Логинов[263] и подрядчик Фалеев[264] чинов штатских и дворянских не получили, ибо хотя и другие виды их производжению даны, но в самом деле откупщик и подрядчик наградились.

Может быть на сие мне скажут, что сие зло толь вкоренилось, что без огорчения многих и прекратить его не можно. Я первое вопрошу, кому сие огорчение будет? Тем ли, которые уже получили сие право, или которые надеются получить? То о первых никогда не имел намерения толь великое число людей под наказание приводить, и тако они право свое сохранят, а и сами довольны будут, чтоб так, как в поганый котел, всякий гад не валился. А те, которые имеют надежду, у них она не отнимется добродетелью, как и должно до того достигнуть, а отнимется надежда у недостойных, у порочных и у подобных людей. То для того, чтоб воров не огорчить, должно ли караулы свести, отпереть дома и окошки и отворить сундуки, чтоб свободнее им красть? А хотя бы некоему числу людей и было огорчение, которого, как я показал, однако не будет, то общее пребывающее благо не должно ли предпочесть? Если ж на сие мне скажут, что сие зло законами

и древним обычаем уже заматерело и распространилось, буду ответствовать также примером.

Прилежный земледелец заросшее плодоносное поле тернием не будет ли расчищать за тем, что терние усилилось и заматерело? И при свирепеющей заразе, за тем, что она распространилась, не будут ли стараться оную излечить? А потому и несть никогда позднего времени заматеревшее и распространившееся зло прекратить.

Изъяснив мысли мои о дворянстве, за нужное я нахожу и о второй степени, то есть о купечестве упомянуть. Не можно сказать, чтобы купечество у нас не снабжено было великими правами. Толь, говорю я, снабжено, что их права гораздо прав дворянских происходят. Хотя дворяне беспрерывными своими подвигами множество услуг отечеству показали, а купцы ни внешней, ни внутренней торговли порядочной не завели. Может быть правительство, видя их обленчивость, снабжениями их толикими преимуществами хотело честолюбием побудить к какому знатному подвигу.

Сего ради предмет моего труда требует, чтобы рассмотреть совместны ли данные им права с желанием правительства побудить их к какому подвигу? Но прежде, нежели я буду о сем говорить, да позволится мне сделать некоторые краткие примечания на преимущество их прав пред правами дворянскими.

Дворянин, какого б он звания ни был, по рождению своему, ниже по заслугам и чинам родителей своих, почетного права никакого не имеет. Хотя бы он был князь, фельдмаршальский сын, если не имеет чина офицерского, должен на дрожках ездить. А именитого откупщика или подрядчика коронного сын может в карете и четверней ездить, являясь чрез сие всенародно проповедовать, что деньги все, а служба и излияние крови есть ничто. Какой дворянский род ни служит своему отечеству, хотя бы от князя Рюрика вел, степень по степени, родство свое с именитыми службой своей и чиновными людьми, хотя бы реки крови праотцов его за отечество излиялись, не приобретает чрез сие никакого права не токмо к потомственному и в роды пребывающему награждению, но ниже к получению низшего чина офицерского. А богатого откупщика или подрядчика внук, не меньше именитого своим капиталом, как воровством и отягощением народа, при рождении своем уже право на потомственное почетное имя дворянина получает.

Я сими рассуждениями сокращусь о сей причине, дабы теперь говорить о некоторых правах, данных купечеству, которые делают препону распространения торговли. Умножено великое число судей яко в магистрат, голова в сиротский суд и прочие. Известно всем, что каждая торговля требует все время для упражнения человеку, а на три года выбранный купец не расстраивает ли своего состояния? На сие ответствовать мне будут, что полезно есть каждому судиться равными себе.

Правило сие справедливо и драгоценно есть для всякого гражданина, но еще есть справедливее и драгоценнее сего другое правило, чтобы судиться беспристрастными людьми и знающими в законах. Обое сие находится ли в выборе в судьи купцов, насилу грамоте знающих, не токмо нужной логике, без всякого понятия о законах с врожденной грубостью и пристрастиями. И при выборах выкрикиваются судьи, которые, при присяге в верности государю и исполнению по законам, тогда ж, уповаю, тихонько клянутся быть подвластным в делах ябеднику, секретарю или подьячему, выгод своих и ближних своих из виду не выпускать, а неприятелям своим делать мщение. Если ж кто и не таков, то чтоб делами длить, дабы не опасаться под штраф, и как-нибудь три года время свое препроводить. Свидетели суть тому всех Великой России городов магистраты: начав от Петербурга, пройти до Иркутска, везде найдешь замедление в делах и неудовольствие челобитчиков, или богатящихся мздоимствами беззаконных судей, или недовольных своим состоянием.

Да не скажут мне, что я единственно трудности и неудобности представляю, не сказав, каким образом исправить. Мог бы и на сие я сказать, что я несть законодавец и потому оставляю мудрейшим себя сии расположения делать. Однако, побужден любовью к отечеству, не могу я умолчать о мыслях, которые мне на первый раз встречаются. Сии суть: чтоб все суды купеческие исполнялись дворянами или людьми, не привязанными к торговле, а довольно для чести купечества, чтоб был избираем голова, и при судах один купеческий депутат находился, а чрез сие, мне кажется, купцы не были бы отвлечены от их торговли и не трегодные судьи дела скорее исполняли. Поступая далее, нахожу я в городском праве обще средний род людей, разделенный на пять частей, окроме ремесленников, а именно: именитые, первая, вторая, третья гильдия и посадские. Степени их по купечеству и самые упражнения им предписаны не по качеству их и

не по пользе, каковую они могут делать отечеству, но по капиталам, якобы капитал производил качества и сам собой делал пользу. Оные права по степеням суть: *именитые* — вступают в сие состояние всякого звания и состояния капиталисты, кои капиталу до пятидесяти тысяч и более за собой объявят; банкиры, кои деньги переводят и для сего звания ото ста тысяч до двухсот за собой объявят; те, кои оптом торгуют и лавок не имеют; кораблей хозяева, кои собственные корабли за море отправляют. И не запрещается им иметь, заводить и содержать фабрики, заводы и всякие морские суда. *1-й гильдии право*: вписываются в нее те, которые имеют более десяти тысяч рублёв, и поощряются производить всякие внутренние в Империи торги, товары выписывать и отпускать за море, оные продавать, выменивать и покупать оптом, также заводить фабрики и морские всякие суда. *Право 2-й гильдии*: вписываются в нее, кто объявит более пяти тысяч капиталу; поощряются производить внутри Империи торги и товары возить водой и сухим путем по городам и ярмонкам и по оным продавать, выменивать и покупать потребное для их торгу оптом или подробно, на основании законов и заводить фабрики, заводы и речные всякие суда. В *3-ю гильдию* вписываются объявившие капиталу выше тысячи и до пяти тысяч рублёв и поощряются они производить мелочный торг по городу и по уезду, продавать мелочный товар в городе и в округе и тот мелочный товар возить водой и сухим путем по селам, селениям и сельским торжкам и на оных торжках продавать, выменивать и покупать потребное для мелочного торгу в городе и в округе, и иметь станы, производить рукоделия, иметь и содержать малые речные суда, также герберхи, торговые бани и постоялые дворы. Право посадское: поощряются они производить всякое рукоделие и иметь в их собственных домах, где они живут, лавку с собственным рукоделием и с мелочью, вступать в казенные подряды и откупы и продавать плоды, овощи и всякие мелочи.

Прежде приступления говорить далее, да позволится мне сделать некоторые вопросы.

Можно получить право именитого человека, окроме всех других предписаний, содержанием мореходных судов. Право сие, мне кажется, весьма далеко распростерто, ибо не говорю уже я о находящихся при Петербургском порте таких купцах, которые содержат мореходные суда и токмо до Риги и до Ревеля[265] ходят. Но кто знает российское состояние, кто знает управление людей, живших по

разным ее областям, тот не вопросит ли, что у города Архангельска живший крестьянин (каковых и много есть), сделав карбас, на котором с одним правителем баб и девок пятьдесят в море пустятся, для набрания морошки, великую ли пользу делает отечеству и достоин ли содержатель такого судна названия именитого человека?

А сверх того, содержание судов несть торг, но есть род морского извозчищества. Приведя российскую торговлю в такое состояние, чтоб сверх приходящих по российские товары чужестранных кораблей, было бы что вывозить, чтоб были российские в чужестранных местах конторы, откудова бы можно было товары привозить, снабдя их от Адмиралтейства способами к безопасному мореплаванию, то таковые судовые извозчики сами заведутся и без знаменования им прав именитых. Вместо что сим положением учинится токмо злоупотребление, и за морошкой ходящие могут права именитых и дворянства получать. Возбудится безумная гордость, которая хозяев к разорению, а работников к погибели подвергнет.

Второй вопрос. Могут ли именитые первой, второй и третьей гильдии купцы в подряды и в откупы вступать? По крайней мере, сие не означено, окроме посадских, и в самом деле, если по точности слов сохранять сей закон, откупы и подряды коронные великий ущерб претерпят.

Позволяется одной первой гильдии купцам иметь чужестранный торг, выписывать и отпускать товары. Мне является сие затруднительно, ибо кто более десяти тысяч у себя капиталу имеет, еще не приобрел сим капиталом разума, способности, сведения и других качеств, удобных к производжению чужестранного торга, а не данное позволение второй и третьей гильдии купцам в сей торг вступать, кажется, отнимает у них побуждение и способы распространить свой торг и стесняет самый разум их что полезное учинить. Может быть, на сие ответствовать мне будут, что состояние, в коем теперь находится российская торговля, есть таковое, что надлежит иметь знатные капиталы, дабы возмочь преодолеть ухищрение и зависть чужестранных торговцев. То чего же ради именитым, имеющим великие капиталы, никакого права о сем торге не предписано? Хотя сие и необходимо нужно есть, да исполняется по догадке, а не по слову законов, дабы великое число капиталов из обращения чужестранного торга не извлещи. Но, одним словом сказать, где есть торг, тут должна быть свобода, а потому, если и небогатый купец имеет способности произ-

водить чужестранный торг, зачем разум его удручать? Зачем у него отнять способ быть полезнее отечеству, нежели он есть? Капитал его невелик, но он либо по мере оного, или по мере известной доброй совести его, кредит себе будет получать и наполнит то разумом, добрым поведением и трудолюбием, что в капитале его не достает. Зачем подвергнуть второй гильдии купца, сидящего в лавке и торгующего чужестранными товарами, чрез третьи руки выписывать оные, платить лишнюю комиссию, или с убытком против первой гильдии купцов, или с отягощением покупщиков лишней ценой товар свой продавать?

Приложим к сему, что множество чужестранных купцов, не имеющих больших капиталов, приезжают в Россию, в оной поселяются, капиталами своими умножают общий торг российский, искусством дают пример подражанию и умножением полезных людей многонародие умножают, но не в состоянии по капиталам своим быть в первую гильдию вписаны. Чего же ради восхотеть государству и сих польз лишиться? Ибо оные за незнанием своим языка, ни мест, ни качества товаров, производить внутреннего торга не могут, а для выписки внешних товаров весьма удобны суть.

Я умалчиваю о многих других положениях, дабы общее воззрение учинить: мне кажется, что во всех сих положениях не на качества и соделываемые полезности купцами взирали, но на капиталы; способность же, разум и искусство в цену денежную полагали. Мнение же мое состоит, что как сии вещи не суть совместны с деньгами, то деньгами их ценить не можно, ибо невещественная вещь с вещественной никакого сходства не имеет, а потому и кажется мне, что степени купечества должны быть расположены не по капиталам, но по пользе, каковую каждый приносит, оставляя каждому по способности своей капитал свой употреблять как хочет, и не нарушая чрез то собственность самого имения, также и не чиня разум подвластен капиталу.

Тако я думаю относительно касательно до купечества, что банкир, имеющий переписку с чужестранными конторами и переводящий туда деньги, что купец, заведший контору в чужих краях или, по крайней мере, отсылающий прямо товар к своим корреспондентам и получающий прямо оттудова на свой счет, что купец, открывший какую новую отрасль торговли, а паче в азиатские страны, что купец, вооруживший порядочным образом корабль для китовой ловли, исполняющий сей промысел не меньше пяти лет, — могут удостоиться

названия именитых людей, поелику учинили и чинят полезные отечеству промыслы, какой бы они капитал ни имели. Напротив того, те, которые имеют внутренний валовой торг и отпускают товары в чужие края, также меняют и выписывают внешние и в лавках не продают, первой гильдии купцами почесться должны.

Не меньше должно рассмотреть права ремесленников. Учреждение цехов, положенного числа лет для получения названия мастера, права оных мастеров, подмастерьев и учеников, цеховые собрания, цеховые судьи, клеймы мастерские тем более кидаются в глаза, что испытание многих веков доказует, что в чужестранных местах, где везде цехи заведены, искусства и ремесла процветают. Но должно с принадлежностью рассмотреть, от учреждения ли цехов успех сей происходит, или от какой другой причины? Показание обстоятельства о цехах и о могущем быть, которое и есть, злоупотреблении сие нам ясно покажет:

1-е, определены годы для учения какому ремеслу, сделано уравнение годами разуму и склонности, так что тупой и непонятный ничего против прилежного и понятного не теряет, и сия есть первая несправедливость, удручающая разум.

2-е, должен ученик, прошедши узаконенное время бытности своей быть в подмастерьях, сделать что-нибудь по своему искусству лучшей работы для показания мастерства своего, чтобы быть приняту в мастера. Но кто его удостаивает? Кто рассматривает его работу? Мастера, сиречь те, которые имеют пользу, чтобы мастеров в городе не умножалось, а потому бы вся работа, случающаяся в том городе, между меньшим числом людей разделялась и более им прибыли приносила. Се есть второе удручение к прилежности искусств и понуждение мастеров или против совести, или против польз своих судить.

3-е. Но пусть, превозмогши все препоны, достигает кто до чину мастерского, пусть серебренник превзойдет искусства Августина, лакировщик — Мартина, оружейник — Делетерия и прочие — все лучших в свете мастеров. Но будет ли им в том польза? Ибо, что совершенно хорошо сделано, за то дороже должно заплатить, а в состоянии ли обще какой ни есть народ, а паче наш, искать во всем совершенно соделанные вещи и за то двойную или полуторную цену платить? А если сего не будет, такие мастера будут принуждены с голоду помереть или, оставя хорошее искусство, соразмерно с состоянием на-

рода вещи делать. А потому и надзирание за искусством их иметь не можно.

Из всего сего я заключаю, что искусства в других народах не от того процветают, что есть цехи, ибо они обще народу отяготительны и для лучшего успеху в работе не полезны, но от того, что народы достаточнее, и не токмо внутри, но и вне градов, по торговле сработанные вещи выпускают, а для сего каждый ремесленник старается, чтоб более работы приобрести, пред другим побуждается, для охотников лучшую работу соделывает, а самым тем ремесла их приходят в совершенство.

Не токмо состояние, введенный обычай, но и самый климат нашей страны, кажется, составляет препоны такому учреждению, ибо 1-е, множество дворян с немалым себе убытком изучили ремесленников, которые, можно сказать и лучше есть; они и благонравием своим и искусством большую часть ремесленников мещан превосходят, а дешевизной за работу делают пользу всем гражданам; 2-е, семь месяцев продолжающаяся зима крестьян в праздности оставляет, и из них многие на сие время приходят в города ремеслами своими себе прибыль получать и спомоществовать пользе общества.

То должны ли для единых мещан ремесленников отнять у дворян плоды попечения их, сделать сих ремесленников без пропитания, крестьян привести в нужду и бедность, и граждан изубытчить дорогой платой? А все сие без пользы и без приведения ремесел в хорошее состояние.

Мнение же мое состоит, что понеже ремесла есть вещь вольная, а потому и никакого принуждения терпеть не может, следственно, зачем всякому не позволить в городах ремесла свои производить? А где множество мастеров, тут всякий побуждается один перед другим лучше сделать, чрез что не токмо рукоделия и ремесла в лучшее состояние приходят, но и дешевизной работы все граждане пользуются.

Часть пятая. О УБЕЖАНИИ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЗАКОНАХ

Единое надписание сей части показует справедливость сего предложения, ибо как нам ожидать единообразного суждения, чего правосудие требует, когда самый закон не единообразность уже составляет?

Я таковых противоречий между закона и закона множество бы находящихся у нас, мог в пример предложить, но сокращусь на малое число, где оные противоречия являются противны положенным обрядам ко исполнению, или противны существу вещей, или противоречат в разуме своем.

1-е. В указе об апелляциях[266] сказано, что по подписании дела должно немедленно объявить истцу и ответчику определение и дать им копии, если они недовольны, то в неделю должны подписаться, и ежели в месяц не вынесут указа о исполнении, исполнять. Можно сказать, сколько тут есть слов, столько есть противоречий. Подписанием протокола или определения, называется подписание судьями, а высмотрение прокурорское пропущено, который [прокурор] иногда, по пространству дела, должен употребить месяц для рассматривания оного, но пусть бы под именем подписания разумелось и самое пропущение прокурорское, как, не держась точных слов закона, но догадкой, по нужде то дополняя, исполняется — объявлять оное. И тут прежде пропущения прокурорского копии списывать с протоколу не можно, а иногда оный так велик, что его в неделю и не спишут, а не имев копий, рассмотрения и сличения, челобитчик и ответчик с делом сделать не могут, а потому и в неделю подписаться им не можно, и выходит от того, что месячный срок разве токмо на две недели сокращается.

2-е. В указе 1721-го года генваря 16 дня обер-офицеры и дети их, которые произошли не из дворян, дворянством пожалованы, в Табели о рангах штаб-офицерские дети и выше тех, токмо которые до 1722-го года генваря 24[267] дня были или действительно находились в первых осьми классах, велено почитать равно с знатным дворянством. То первое недоразумение и состоит, что простое дворянство и что знатное дворянство, и осьмиклассных офицеров дети, рожденные после сего закона, суть ли дворяне или не суть. Правда, по самому разуму слов разумеется, что если и прапорщичий сын, рожденный в офицерстве, получает дворянство, то штабской тем наиболее, но пустые имена без прав, означенные «знатного дворянства» и «просто дворянства», все сие в замешательство приводят, а неозначение, что и все штабские дети, хотя бы они в сии чины произошли и после 1722-го года, правом ровным офицерским детям пользоваться могут, особливо сию статью в неясности оставляет и подвергает закон сей толкованию. Наконец, последняя статья сей Табели о рангах и наи-

более всему сему противоречит, ибо там сказано, что ни от кого не получается дворянское достоинство, как от самого государя, когда оно патентом или дипломом утверждено, а тем все вышеписанное пожалованье испровергнуто и оставлено токмо право просить о дворянстве, а получить оное от благоволения монарша.

3-е. В одном решенном деле по наследству недвижимых имений после брата двум сестрам и племянницам предписано, если у умершего брата будет одна сестра и многие племянницы, братни дочери, то сестра получает половину, а племянницы другую недвижимых имений, и если же, напротиву того, будут многие сестры и одна племянница, то все сестры получают половину, а племянница одна такую ж половину равно с тетками своими. Сей закон противоречителен в естестве своем, ибо в единого родства степенях неравность составляет, потому что родная иль родные сестры умершего то больше, то меньше племянниц своих получают, равным образом и племянницы по числу их. Право наследственное всегда есть прилагательное, то либо племянницы, яко представляющие отца или отцов своих по политическому праву, вступить во все права оных должны с исключением своих теток, или, по близости крови, теткам предпочтительно пред племянницей должно все право сохранить и быть единым наследницами, или, наконец, мешая политическое право с правом естественным, все равные части должны иметь, — тетка, яко ближняя по крови, равняясь с племянницами, яко от мужеска пола происходящими, какое было положение и Уложение царя Алексея Михайловича, где сказано тетке с племянницей делить пополам.

Таковые противоречительные положения не могут не сделать затруднения судьям и не привести в некоторый ропот подданных, принужденных жить под неясными законами.

Часть шестая. ПРЕДОХРАНИТЬ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНУЮ И ИМЕНИЙ

Сие единое оглавление означает всю цель, к коей все благоустроенные законы клониться должны. Однако, хотя по всему вышеписанному и составлены бы были они со всем благоразумием и осторожностью, каковых требует безопасность личная и имений, но могут при всем том случиться многие судебные обряды, которые до законного решения сие обои нарушают, и о сем я в сей части точно намерен го-

ворить. Тщетно, наконец, законное решение оправдать угнетенного человека, но когда взятие под стражу, содержание в темнице, изнурение и печаль уж жизнь его прекратили.

Мы благостью Господней и мудрым учреждением монаршим не страшимся уже суровостей пытки, ни чтоб окованным быть привезенным и без защищения ввергнутым в мрачные темницы Тайной канцелярии, однако еще различения несть между содержания и содержания быть под стражей, хотя сама владычествующая императрица в Наказе своем изъяснила, что «разные суть рода взятия под стражу: единые берутся для того, чтоб их самих от какого зла предохранить, другие по навету и по сумнению, третьи, которые, яко осужденные в темницах содержатся, ожидая исполнения наказания их. Наконец, четвертые, кои самым темничным содержанием наказуются».

Чего ж бы ради после сего не сделать такое учреждение для двоих первых, чтоб ни взятие их под стражу им страху и тревоги не навело, ни содержание б их ничего бесчестного, ни огорчительного не имело, а и о последних двух, хотя они суть и преступники, но они суть человеки, зачем не употребить таких стараний, чтобы ни от сырости темниц, ни от стеснения воздуха они болезней и мучений не претерпели? Ибо, если б кто осужден был и на смерть, учини ему смертную казнь, но не мучь его и не умори прежде, сохрани его жива к смертной казни для примера другим, а не мучь его бесполезно, ибо свято есть слово монархини нашей, изъясненное в Наказе: «желательно, чтобы и в темницы человеколюбие проникло». Век наш единое обстоятельства достойное примечания представляет: агличанин Говард[268] путешествовал по целой Европе не пышности дворов видеть, не древности собирать, не политические наблюдения делать. Он путешествовал видеть темницы в разных государствах европейских, проникнуть взором своим на страждущее там человечество и сочинением своим обратить очи владык земных на сих страждущих, о коих никто не внимал.

Говоря о безопасности личной, не могу я не помянуть и того, чего бы ради каждому по уголовному делу обвиняемому человеку не дать стряпчего или советника, который бы мог спомоществовать ему оправдаться.

В малой или великой вещи имения нашего имеем мы прибежище к совету стряпчих, но как скоро касается до нашей жизни или чести, тут в робости, в смущении и в трепете духа, лишенные совета и по-

мощи, сами должны отвечать и искать себе оправданий. Не могло бы от сего никакого зла произойтить, ибо пусть бы от сего некоторые винные нашли случай оправдаться, но не лучше ли спасти единого невинного, нежели сто виновных погубить?

Говоря о содержании под стражей, не могу я умолчать о аглинском узаконении, *габеас корпус* называемом, по коему каждый, в каком бы уголовном деле ни был обвиняем, имеет право, сыскав себе поручителей, от содержания под стражей избежать и пользоваться свободой. Чего ж бы ради сего у нас не учредить? Ибо пример аглинской нам доказует, что от сего никакого зла не происходит.

Приступая говорить о безопасности в имениях наших, дабы не распространить напрасно сего труда изъяснением необходимой нужды, чтобы обряды законы безопасно сохраняли, я прямо приступлю к показанию некоторых примеров, которые оные разрушают.

1-е. Власть неумеренная, данная гражданским палатам, которая равняется с властью Сената, что, невзирая на апелляции, определения исполняются. Вотчинная коллегия сей власти не имела, она была сочинена из лучше выбранных судей, она была в Москве, а контора ее в Петербурге, близко надзирания вышнего правительства и знатных особ, беззаконные ее дела скоро сведаны были, но и тут многих граждан ошибкой ли или умышленной несправедливостью в разорение приводила. То коль наипаче сорок две гражданские палаты, ни совестью, ни знанием одобренных судей не имеющие, ниже имеющие полное собрание законов, а вящею властью снабженные, могут нарушения собственности имений сделать! Еще вопль многих бедных не достигает до столиц государства, за самой бедностью и разорением их, но что он есть, в том ни малого сумнения нет.

2-е. Повелено в нижних судах при отверзтых дверях объявлять решительные определения и, если в неделю не подпишется апелляция, исполнять. Желал бы видеть я такого мудреца, который бы при скором чтении о запутанном деле неясного определения, с включением еще множества и неясных законов, писанного дурным слогом, без статей и расстановок, мог бы вдруг понять всю связь дела, припомнить законы и обстоятельства и апелляцию со справедливостью подписать. К тому ж все почти дворяне имеют в разных уездах свои деревни, то должны чрез поверенных дела свои производить, которые принуждены спроситься с господином о подписании апелляции, на которую переписку данного срока не довольно, а между тем време-

нем срок проходит и неправильные определения исполняются. Сие тем еще удивительнее, что закон о апелляции не отвергнут, а обряд его разрушает и не токмо нижние правительства, но и сам Сенат не знает, как в таких обстоятельствах поступать.

3-е. Отказы у нас делаются чрез Нижние суды[269], и легко подкупить посланного для отказа, который, не въезжая в ту деревню, отказ заочно учинит, написав, что отказал бесспорно. Прибитые листы сему не помогают, ибо окроме что каким воровством они могут и не прибиты быть, многие у нас целые деревни грамотных не имеют, быв отдалены от губернского города, почти и не ездят в оный, а два года пройдет, настоящий владелец беззаконно деревни лишится, а публично своровавший оную получит. Не лучше ли бы было, учиняя отказ, начальников той деревни представить в Гражданскую палату, где при открытых дверях они б подписались, что отказ слышали, и тогда же бы о сем отказе для известия помещику чрез газеты объявить.

Много бы можно еще других учреждений найти, которые безопасность в имениях разрушают, но я довольствовался сии токмо предложить для примера, дабы побудить и на другие подобные воззрение особ, определенных для составления законов, обратить.

Часть седьмая. НИЧЕГО НЕ НАЛАГАТЬ, ЧТО ВЕСЬМА ОТЯГОТИТЕЛЬНО ИЛИ НЕУДОБОИСПОЛНЯЕМО БЫТЬ МОЖЕТ

Колико рассудок наш ни ведет нас чувствовать, что никакое общество без некоих законов жить не может, сего ради люди уступили часть своей свободы и своих выгод, дабы другими частями безопасно пользоваться. А из сего самого и следует, что не могли они бóльшую часть уступить, а самым тем ввергнуть себя в худшее состояние, нежели бы могли быть.

Се есть размер полагаемой тягости законной. Если из сего размера оная не выйдет, то законы любимы, почитаемы и точно исполняемы гражданами, а потому и долго пребывающие суть, ибо каждый гражданин находит собственную свою пользу их сохранять и споспешествовать пребыванию их. Напротиву же того, если они из вышесказанного размера выйдут, то каждый их возненавидит, злоупотребления и подкопы умножатся, и самой ненавистью народной оные истребятся. Тщетно самовластье думает сему поставить преграду: силы его, никогда на добродетели не основанные, исчезают.

В пример сему можно положить тонкое течение воды, которое истирает крепкий камень, то как всеобщее стремление не разрушит безумной власти? Хотя точно в пример я таковым отяготительным законам и не предложу, но общим образом сделаю я начертание некоторым вещам, которые таковым законам подвергнуты могут быть. Оные суть: бесчестие и унижение имени, смешение состояний людских, чиненная строгость в уголовных делах прежде обвинения, неимение свободы в своих имениях и в производстве работы рук своих, и тому подобные.

Ничто же более самовластья не доказует, как сочинение законов неудобоисполняемых и, увидев неудобность их, оставление их в существе. Сие не токмо ненависть, но и презрение к законам производит. Я уже о некоторых таковых законах помянул здесь выше, тут, где я говорил, что законы должны быть сочинены сообразно с умоначертанием народным, с физическим и политическим положением государства. В пример сему скажу: указ 1714-го года о наследстве в имениях одному не мог долго состоять. Предписание, чтоб ходящие на судах бурлаки суда от разбойников защищали и, нанявшись только тянуть и провожать судно, вместо правительства, долженствующего охранять безопасность путей, защитниками судна учинились, никак не исполняется. Платеж с проезжих за мосты и перевозы отменен, а сумм довольно для содержания оных не положено, да и положить за великостью их не можно. Что ж вышло? Мостов и перевозов нет, дороги пресеклись, по злоупотреблению за перевоз двойные деньги берут, и проезжие от простоя претерпевают. Еще есть у нас один закон, который хотя редко ко исполнению случиться может, однако не есть противу естества вещей, чтобы ему не случиться. Оный есть, что после смерти мужа, если останутся жена, сыновья и дочери, тогда первое выделивается из недвижимого имения жене седьмая часть, каждой дочери против жены в половину, а остальное сыновья делят по равным частям. Но если бы случилось, что кто умер, оставя по себе жену, двенадцать дочерей и сына, жена б взяла седьмую часть, дочери каждая против жены в половину, всем бы учинило шесть частей, то что б осталось сыну, который бы таким образом безвинно по худому исчислению закона был лишен наследия отца своего?

Много бы еще можно о таковых законах упомянуть, но думаю, что предложенные мной примеры суть довольно ясны, дабы к нужной осторожности побудить законодателей.

Часть осьмая. УПРЕДИТЬ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Довольно я выше описывал о ясности слога законов и о осторожности от противоречий, а где закон ясен и не противоречив, тут благоразумный судья не может учинить злоупотребления ошибкой какой. Я сказал благоразумный судья, но, входя в состояние Российской империи, где штатская служба по большей части служит убежищем отшедшим от военной службы, много ли есть таких судей, которые б знали законы, или, по крайней мере, знали бы и понимали разум их из грамматического сложения российского слова? А однако таковые не токмо в нижние судьи, но и в вышние, не учась, определяются. Закон, хотя еще не ясный, им еще не яснее кажется. Суд идет развратный и противоречительный, законы затмеваются, а народ страждет. Не говорю уже я о пристрастиях и умышленных злоупотреблениях, которые нередко бывают.

Но как поправить сие зло, от вышнего правительства до нижайшего гражданина всеми ощущаемое? Я говорю, что пременить порядок определения судей не можно, ни уставить особливый чин людей учащихся правам для судейских должностей, хотя весьма бы желательно было, чтоб в разных заведенных всенародных училищах правила грамматики, логики и законов преподавали. Ибо сии науки ни в какой должности лишними быть не могут, а к тому никого выходящего из военной службы вдруг в первые какого места не определять, но должен он по крайней мере три года пребыть вторым, третьим или четвертым членом в каком месте, и, получа засвидетельствования о прилежности и понятии своем, ожидать перемещения по чину своему.

Петр Великий разумно усмотрел, что по состоянию российскому должно людей из военных в штатские определять, чего ради, размышляя, что секретари суть обыкновенно люди происшедшие из самых нижних чинов приказных, а потому из юности привыкшие к познанию законов, предписал, что в выписке за сочинение ее и за подобрание законов, ответствует под наказанием секретарь. А к тому ж были учреждены школы юнкерские[270], где познанию законов учились, которые — не знаю для чего — когда толь тщатся новые училища заводить, оные старые уничтожили.

Говоря о секретарях, с сожалением я ныне вижу, что оные и весь род приказных людей перевелся, и знающего почти никого нет. Тщет-

но целую армию из разных чинов людей в списки сего роду вместили, то учинили списки животных, а не знающих законов людей. Да как и возможно быть знающим секретарям? Насилу кто определится в писцы, уже чрез год его жалуют в регистраторы, а в три или в четыре года он уже и в секретари доходит, чтобы, не познав еще прямо своей должности, судьей учиниться. Не лучше ль бы было определить тройное время для всякого чина их службы, то есть разделяя по искусству и прилежности, прежде бы которого никто произвождения получать не мог?

А для секретарей и еще оное продолжить двумя сроками, в каждый срок прибавляя ему жалованье, но сие оставить на произволение того, чин ли или жалованье изберет, дабы не удручить ни достоинства, ни нужного честолюбия, а сим способом вскоре приказной чин знающими людьми наполнится.

Но еще сего не довольно. Если не будет возмездия за добрые дела и наказания за худые, то все правила сии недовольны суть. Правила о награждениях положить я не могу, ибо разные на сие обстоятельства суть, и правительство по самому обстоятельству дел знание и прилежность усмотреть может, а к тому и одобрение от начальников послужит, но что касается до наказаний (я говорю: при ясных законах), то окроме должного надзирания начальниками, въезду и выезду в присутственные места известному главному правительству, по самым делам, входящим по апелляциям, может оно усмотреть справедливое внятие или невнятие законов, а потому, смотря если невнятие до крайности простирается, и за первый раз, отреша, отдать под суд, а если не так велико, то против имени его в списках отметить о невнятии его закона по решенному делу и, смотря по важности невнятия, за второй, а много за третий раз отрешить и, по важности причины, под суд для наказания отдать или взыскать пеню.

Сии суть мыслей моих краткие начертания, весьма пространные причины, и если они достигнут в руки таких людей, которые могут в действо их употребить, то ежели одна строка из оных к счастью рода человеческого послужит, я буду себя считать за весь труд мой довольно награжденным.

О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВ В РОССИИ

Взирая на нынешнее состояние отечества моего с таковым оком, каковое может иметь человек, воспитанный по строгим древним правилам, у коего страсти уже летами в ослабление пришли, а довольное испытание подало потребное просвещение, дабы судить о вещах, не могу я не удивиться, в коль краткое время повредилися повсюдно нравы в России. Воистину могу я сказать, что естли, вступя позже других народов в путь просвещения, и нам ничего не оставалось более, как благоразумно последовать стезям прежде просвещенных народов, мы подлинно в людскости и в некоторых других вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же гораздо с вящей скоростию бежали к повреждению наших нравов и достигли даже до того, что Вера и Божественный закон в сердцах наших истребились, тайны Божественные в презрение впали; гражданские узаконения презираемы стали. Судии во всяких делах не толь стали стараться, объясняя дело, учинить свои заключения на основании узаконений, как о том, чтобы, лихоимственно продавая правосудие, получить себе прибыток или, угождая какому вельможе, стараются проникать, какое есть его хотение; другие же, не зная и не стараясь познавать узаконения, в суждениях своих, как безумные бредят, и ни жизнь, ни честь, ни имения гражданские не суть безопасны от таковых неправосудей. Несть ни почтения от чад к родителям, которые не стыдятся открыто их воли противуборствовать и осмеивать их старого века поступок. Несть ни родительской любви к их исчадию, которые, яко иго с плеч слагая, с радостию отдают воспитывать чуждым детей своих; часто жертвуют их своим прибытком, и многие учинились для честолюбия и пышности продавцами чести дочерей своих. Несть искренней любви между супругов, которые часто друг другу, хладно терпя взаимственные прелюбодеяния, или другие за малое что разрушают собою церковью заключенный брак, и не токмо стыдятся, но паче яко хвалятся сим поступком. Несть родственнические связи, ибо имя родов своих ни за что почитают, но каждый живет для себя. Несть дружбы, ибо каждый жертвует другом для пользы своя; несть верности к государю, ибо главное стремление почти всех обманывать своего государя, дабы от него получать чины и прибыточные награждения. Несть любви к отечеству, ибо почти все служат более для пользы своей, не-

жели для пользы отечества; и наконец несть твердости духу, дабы не токмо истину пред монархом сказать, но ниже временщику в беззаконном и зловредном его намерении попротивиться.

Толь совершенное истребление всех благих нравов, грозящее падением государству, конечно, должно какие основательные причины иметь, которые, во-первых, я потщуса открыть, а потом показать и самую историю, как нравы час от часу повреждались, даже как дошли до настоящей развратности.

Стечение многих страстей может произвести такое повреждение нравов, а однако главнее из сих я почитаю сластолюбие. Ибо оно рождает разные стремительные хотения, а дабы достигнуть до удовольствия оных, часто человек ничего не щадит. В самом деле, человек, предавший себя весь своим беспорядочным хотениям, и обожа внутри сердца своего свои охулительные страсти, мало уже помышляет о законе Божии, а тем меньше еще о узаконениях страны, в которой живет. Имея себя единого в виду, может ли он быть сострадателен к ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы? А как государя считает источником, от коего может получить такие награждения, которые могут дать ему способы исполнить свое сладострастие, то привязывается к нему, но не с тою верностию, каковую бы должен преданный к самодержцу своему иметь, но с тем стремлением, к чему ведет его страсть, то есть, чтобы угождать во всем государю, льстить его страстям и подвигнуть его награждать его. А таковые расположения не рождают твердости; ибо может ли тот быть тверд, которой всегда трепещет не достигнуть до своего предмету, и которого твердость явным образом от оного удаляет? Юлий Цезарь[271], толь искусный в познании сердец человеческих, яко искусен в военных и политических делах, который умел побеждать вооруженных противу его врагов и побежденных сердца к себе обращать, не иное что ко утверждению своей похищенной власти употребил, как большие награждения, дабы, введши чрез сие сластолюбие, к нему якобы ко источнику раздаяний более людей привязывались. Не токмо всем своим поступком изъявлял такие свои мысли, но и самыми словами единожды их изъяснил. Случилось, что ему доносили нечто на Антония[272] и на Долабелу[273], якобы он их должен опасаться. Отвечал, что он сих в широких и покойных одеждах ходящих людей, любящих свои удовольствия и роскошь, никогда страшиться причины иметь не может. Но сии люди, продолжал он, которые о великолепности ни

о спокойствии одежд не радят, сии иже роскошь презирают, и малое почти за излишнее считают, каковы суть Брутус[274] и Кассий[275], ему опасны в рассуждении намерений его лишить вольности римский народ. Не ошибся он в сем, ибо подлинно сии его тридцати тремя ударами издыхающей римской вольности пожертвовали. И тако самый сей пример и доказует нам, что не в роскоши и сластолюбии издыхающая римская вольность обрела себе защищение, но в строгости нравов и в умеренности.

Отложа все суровости следствий непросвещения и скитающейся жизни диких народов, рассмотрим их внутренние и не истребленные, влиянные природою в сердце человеческое добродетели. Худы ли или хороши их законы, они им строго последуют; обязательства их суть священны, и почти не слышно, чтобы когда кто супруге или ближнему изменил; твердость их есть не вероятна, они за честь себе считают не токмо без страху, но и с презрением мучений умереть. Щедрость их похвальна, ибо все, что общество трудами своими приобретает, то все равно в обществе делится, и нигде я не нашел, чтоб дикие странствующие и не просвещенные народы похитили у собратий своих плоды собственных своих трудов, дабы свое состояние лучше других сделать. А все сие происходит, что несть в них и не знают они сластолюбия, следственно и никакого желания, клонящегося в ущерб другому, а к пользе себе, иметь не могут.

Довольно я уже показал, что источник повреждения есть сластолюбие; приступлю тапериче показывать, какими степенями достигло оно толико повредить сердца моих одноземцев. Но, дабы говорить о сем, надлежит сперва показать состояние нравов россиан до царствования Петра Великого.

Не токмо подданные, но и самые государи наши жизнь вели весьма простую, дворцы их были не обширны, яко свидетельствуют оставшиеся древние здания. Семь или восемь, а много десять комнат составляли уже довольное число для вмещения государя. Оные состояли: крестовая, она же была и аудиенц-камера, ибо тут приходили и ожидали государя бояре и другие сановники; столовая гораздо небольшая, ибо по разрядным книгам видим, что весьма малое число бояр удостаивалось иметь честь быть за столом у государя; а для каких великолепных торжеств была назначена Грановитая палата. Не знаю я, была ли у государей передспальняя, но кажется по расположению старых дворцов, которые я запомню, ей быть надлежало. Спальня

и оные были не розные с царицами, но всегда одна. За спальнею были покои для девушек царицыных, и обыкновенно оная была одна, и для малолетных детей царских, которые по два и по три в одной комнате живали; когда же возрастали, то давались им особливые покои, но и оные не больше состояли как из трех комнат, то есть, крестовой, спальни и заспальной комнаты. Самые дворцы сии больших украшений не имели, ибо стены были голые, и скамьи стояли покрыты кармазинным сукном[276], а изыскуемое было великолепие, когда дурною резною работою вокруг дверей были сделаны украшения, стены и своды вымазаны иконописным письмом, образами святых, или так цветы наподобие арабеска. И естли было несколько ореховых стульев или кресел для царя и царицы, обитых сукном или трипом[277], то сие уже высшая степень великолепия была. Кроватей с занавесами не знали, но спали без занавесок. А уже в последние времена токмо, яко знатное великолепие было, что обили в царском доме крестовую палату золотыми кожами, которую палату, бывшую возле красного крыльца, я сам помню с почернелыми ее обоями.

Стол государев соответствовал сей простоте, ибо хотя я точно утвердить и не могу, чтобы государи кушивали не на серебре, но потому, что в мастерской палате не вижу порядочного сервизу серебреного, заключаю, что тогда государи кушивали на олове; а серебреные блюда и сделанные горы наподобие Синайских, также и другие столовые украшения употреблялись токмо в торжественные дни.

Кушанье их сходственно с тем же было, хотя блюда были многочисленны, но, они все состояли из простых вещей. Говядина, баранина, свинина, гуси, куры индейские, утки, куры русские, тетеревы и поросята были довольны для составления великолепнейшего стола, с прибавлением множества пирожного, не всегда из чистой крупичатой муки сделанного. Телятину мало употребляли, а поеных телят и каплунов и не знали. Высочайшее же великолепие состояло, чтоб круг жареного и ветчины обернуть золотою бумагою, местами пироги раззолотить, и подобное. Потом не знали ни капорцов[278], ни оливков, ни других изготовлений для побуждения аппетиту, но довольствовались огурцами солеными, сливами, и наконец за великолепие уже считалось подать студень с солеными лимонами.

Рыбный стол еще тощее мясного был. Садков купеческих было очень мало, и не имели искусства из дальных мест дорогую живую рыбу привозить, да к тому же государев двор был не на подряде,

но из волостей своих всем довольствовался. И тако в Москве, где мало состояло обильства рыбы, довольствовался токмо тою рыбою, которую в Москве-реке и в ближних реках ловили, а как происходил чувствительный недостаток в столе государеве, то сего ради как в самой Москве, так и по всем государевым селам, сделаны были пруды, из которых ловили рыбу про стол государев. Впротчем же употребляли соленую, привозя из городов, из которых на многие, где есть рыбные ловли, и в дань оная была положена, как мне случилось самому видеть в Ростове грамоты царские о сей дани. А зимою привозили и из дальных мест рыбу мерзлую и засольную, которая к столу государей употреблялась.

Десерт их такой же простоты был, ибо изюм, коринка[279], винные ягоды, чернослив и медовые постилы составляли оный, что касается до сухих вещей. Свежие же летом и осенью были: яблоки, груши, горох, бобы и огурцы. А думаю, что дынь и арбузов и не знали, разве когда несколько арбузов привезут из Астрахани. Привозили еще и виноград в патоке, а свежего и понятия не имели привозить, ибо оный уже на моей памяти в царствование императрицы Елизаветы Петровны, тщаниями Ивана Антоныча Черкасова[280], кабинет-министра, начал свежий привозиться.

Для толь малого числа покоев не много бы освещения надобно, но и тут не токмо не употребляли, но и за грех считали употреблять восковые свечи, а освещены были комнаты сальными свечами, да и тех не десятками или сотнями поставляли, а велика уже та комната была, где четыре свечи на подсвешниках поставлялись.

Напитки состояли: квас, кислые щи, пиво и разные меды, из простого вина сделанная водка. Вины: церковное, то есть красное ординарное вино, ренское, под сим имянем разумелся не токмо рейнвейн, но также и всякое белое ординарное вино; романея, то есть греческие сладкие вина, и аликант[281]. Которые чужестранные напитки с великой бережливостию употребляли. И погреба, где они содержались, назывались фряжские, потому что как первые оные, а паче греческие, получались чрез франков, а другия знали, что из Франции идут, то общее имя им и дали фряжских вин.

Таков был стол государев в рассуждении кушанья и напитков. Посмотрим, какие были их екипажи. Государи и все бояре летом езжали всегда верхом, а зимою в открытых санях, но в чрезвычайных случаях, как находим по летописцам, что в случае болезни, когда государь

в походе занеможет, то также сани употребляли и летом. И правда, что в верховой езде государской великое было великолепие, яко видно по оставшимся конским уборам, хранящимся в мастерской палате. Арчаги седл были с каменьями, стремена золотые или с каменьями, муштуки также драгоценными камнями были покрыты, подушки бархатные, шитые или золотом, или серебром, или и низаные жемчугом, с запонами драгоценных камней, попоны тому же великолепию подобные, бархатные или аксаметные золотые, с шитьем иль с низаньем и с каменьями. Но сие азиатское великолепие неубыточно было, ибо, сделанные единожды, таковые уборы на многие столетия могли служить.

Царицы же езжали обыкновенно в колымагах, роде карет, сделанных снаружи на подобие фурманов, где не было ни места, чтоб сидеть, ни окошек, но клали внутрь пуховики для сиденья, а вместо нынешних драгоценных точеных стекол, опускающейся кожею окошки и двери закрывали. Не могли такие коляски удобны быть ни к какому украшению, ибо снаружи они все обиты были кожей, а верх великолепия в делании оных состоял, чтоб наружную кожу, местами позолоченную и тисненную, употребить. Карет же не токмо не знали, но и воображения о них не имели, ибо уже и в царствование Петра Великого ближний мой свойственник; боярин князь Михайло Иванович Лыков[282], человек пребогатый, бывши воеводою у города Архангельского, выписал ореховую, украшенную резьбою карету с точеными стеклами, по смерти его сия корета досталась деду моему[283], и почиталась толь завидною и драгоценною вещию, хотя и снова тысячи рублев не стоила, что князь М[еншиков?][284] делал нападки на деда моего, чтобы ее получить, и за неотдание учинил, что дед мой лишился всех недвижимых имений, которые бы надлежало ему наследовать после супруги князя Лыкова.

Воззрим таперя на одежды царские. Они были великолепны. В торжественных их одеяниях злато, жемчуг и каменья повсюдова блистали; но обыкновенные одежды, в коих более наблюдали спокойствие, нежели великолепие, были просты, а потому не могли быть причиною сластолюбия, а торжественные толь редко употреблялись и толь крепки были, что их за носильные одежды и почитать не должно, но были они яко какие коронные сосуды, определенные для показания токмо великолепия монарша, и естли не самые одежды, то по крайней мере украшения их, быв соделаны из золотых блях, жемчугу

и камней из рода в род переходили. Но общим образом сказать, не было никаких ни изыскуемых и тленных украшений, ни великого числа платей, но пять или шесть, а много до десяти платьев когда имел царь или царица, то уже довольно считалось, да и те нашивали до износу, разве из особливой милости кому [с] плеча своего платья пожалуют.

Главней же роскошь в царских обыкновенных платьях состояла в драгоценных мехах, которые они для подкладки и на опушку одеяний своих употребляли, но мехи сии не купленные и не из чуждых государств привезенные были, но дань, собираемая с сибирских народов. Впрочем царицы имели обычаи носить длинные тонкие полотняные у сорочек рукава, которые на руку набирали, и сии были иногда толь длинны, что даже до двадцати аршин полотна в них употреблялось.

Се есть все, что я мог собрать о роде житья, выезду и одежды царской, а сие самое и показует, коликая простота во всем оном находилась. Бояре и прочие чиновники по мере их состояния подобную же жизнь вели, стараясь притом, из почтения к царскому сану, никогда и к простому сему великолепию не приближаться. А более всего сохраняло от сластолюбия, что ниже имели понятия о перемене мод, но, что деды нашивали, то и внучаты, не почитаясь староманерными, носили и употребляли. Бывали у бояр златотканные, богатые одеяния, которые просто золотами называли, и не инако надевали, когда для какого торжественного случаю повелено им было в золотах ко двору собираться; а посему сии одежды им надолго служили, и я заподлинно слыхал, что не стыдились и сыновья по кончине родителей своих то же платье носить. Однако несть никакого общества, куда бы великолепие и роскошь не вкрадывались, то, колико кажется мне, главное великолепие состояло у бояр иметь великое число служителей. Великолепие, может статься до излишности доведенное, но в самом деле основанное на нужде, ибо бояре с людьми своими хаживали на войну, и оные обще и воинов государственных, и защитников в опасном случае своим господам были. Но в мирное время за честь себе бояре считали, когда едет по городу, чтобы ему предшествовали человек пятьдесят слуг пешками. Слыхал я, что и самые боярыни не токмо куда в знатное посещение, но ниже к обедни к своему приходу стыдились без предшествования двадцати или тридцати слуг ехать. Однако содержание сих слуг недорого стоило, давали им пищу

и весьма малое на сапоги жалованье, а в протчем они содержались своим искусством, дома носили серые сермяжные кафтаны, а при выезде господина или госпожи, какой у кого полутче кафтан сыщется, ибо тогда ливреи не знали. И я сам запомню, что без гостей званых во всех домах лакеи ливреи не надевали, а употребленные к должностям люди, которых бывало мало, носили такие кафтаны, какие случится.

Остается мне еще сказать, что не было тогда ни единого, кто бы имел открытый стол, но разве ближние самые родственники без зову куда обедать ездили, а посторонние инако не езжали, как токмо званые. И могли сидеть по утру до часа обеденного, а ввечеру до ужина, не быв уняты обедать или ужинать.

Таковые обычаи чинили, что почти всякий по состоянию своему без нужды мог своими доходами проживать и иметь все нужное, не простирая к лутчему своего желания, ибо лутче никто и не знал. А к тому же воспитание в набожии, хотя иногда делало иных суеверными, но влагало страх закона Божия, который утверждался в сердцах их ежедневною домашнею Божественною службою. Не было разных для увеселения сочиненных книг, и тако скука и уединенная жизнь заставляла читать Божественное писание, и паче в вере утверждаться. Правление деревень занимало большую часть время, а сие правление влекло за собою рассмотрение разных крепостей и заведенных разных приказных дел, которые понуждали вникнуть в узаконении государства, и за честь себе считали младые люди хаживать сами в суды, как я в роде своем имею примеры, что князь Дмитрий Федорович Щербатов[285] хаживал не токмо по своим делам, но и по чужим, и толь учинился благоразумием своим знаем боярину князь Федору Федоровичу Волконскому[286], что сей, хотя князь Щербатов по причине разорения дому его купно с убиением деда его князь Савы Щербатова[287] от самозванца Отрепьева[288], и в бедности находился, однако, сей боярин, человек весьма богатый, дочь свою и наследницу своего имения за него отдал, и князь Иван Андреич Щербатов, который после был министром в Гишпании, Цареграде и Англии, а наконец действительным тайным советником, сенатором и ордена святого Александра Невского кавалером[289], по своим делам в молодости своей в суды хаживал.

Почтение к родам умножило еще твердость в сердцах наших предков, беспрестанные суды местничества, питали их гордость; пребывание в совокуплении умножало связь между родов и соделовало

их безопасность, что твердое предприять, а тогда же и налагало узду, кому что недостойное имени своего соделать; ибо бесчестие одного весь род того имени себе считал. А сие не токмо молодых людей, но и самых престарелых в их должности удерживало. Благородной гордости бояр мы многая знаки обретаем. Князь Симский-Хабаров, быв принуждаем уступить место Малюте Скуратову[290], с твердостию отрекся, и когда царем Иоанном Васильевичем осужден был за сие на смерть, последнею милость себе просил, чтоб прежде его два сына его были умерщвлены, яко быв люди молодые ради страха гонения и смерти чего недостойного роду своему не учинили. Князь Михайла Петрович Репнин[291] лутче восхотел претерпеть гнев царя Иоанна Васильевича и наконец убиение, нежели сообщником учиниться распутных его забав. Соединение же родов толь твердо было, что ни строгой обычай царя Иоанна Васильевича, ни казни не могли возбранить, чтоб, совокупясь многими родами, не просили у сего государя пощады своим родственникам и свойственникам, осужденным на казнь, и брались быть поруками впредь за поступки того, яко свидетельствуют сие многие сохраненные грамоты в архиве иностранной коллегии, где таковые поручные подписи есть. И дед мой князь Юрья Федорович Щербатово не устрашился у разгневленного государя Петра Великого по царевичеву делу за родственника своего, ведомого на казнь, прощения просить, прося, что естли не учинено будет милосердия, дабы его самого, в старых летах сущего, лишить жизни, да не увидят очи его бесчестия роду и имени своего. И пощаду родственнику своему испросил.

Такая тесная связь между родов обуздывала страсти юношей, которые, не токмо быв воспитываемы в совершенном почтении и беспрекословном повиновении к их родителям, обязаны были почитать, всех старших своего рода, и в них обретали строгих надзирателей своих поступков, так как защитников во всяком случае. Самые еще хотя и мало остающиеся обычаи ныне сие свидетельствуют, которые, в младости моей помню, яко священные законы хранились, чтобы молодые люди каждый праздник проезжали по утрам к их старшим родственникам для изъявления почтения их. И чтоб ближние родственники и свойственники съезжались загавливаться и разгавливаться к старшему.

Самые самовластнейшие государи принуждены иногда бывают последовать умоначертанию своего народа, так наши государи и по-

следовали утверждать сии обычаи, не токмо снисходя на просьбы благородных, но также производя предпочтительно пред другими из знатнейших родов, и мы находим в роде князей Репниных, что многие из стольников, миновав чин окольничего, прямо в бояре были жалованы. Преимущество сие, часто и младым людям учиненное, могло бы подать причину подумать, что оное обращалось в обиду другим, но сего не было, ибо не по одним чинам тогда благородных почитали, но и по рождениям их, и тако чины давали токмо должности, а рождение приобретало почтение.

В возмездие за такое снисхождение государей получали они, что находили в благородных верных, усердных и твердых слуг. Потщуся я несколько мне известных примеров предложить. Афанасий Нагой[292], быв послом в Крыму и многое претерпевая от наглостей Крымских, хотя выбиваем был ханом из Крыму, чувствуя нужду его пребывания в сем полуострове, объявил, что он разве связанный будет вывезен из Крыму, а без того не поедет, хотя бы ему смерть претерпеть. Князь Борис Алексеевич Голицын предпочел сохранение здоровья государева возвышению своего рода, спас Петра Великого во младенчестве, и винному родственнику своему пощаду живота испросил[293]. Прозоровский[294], во время трудных обстоятельств начала Шведской войны, соблюл великое число казны и государственные вещи, повеленные государем изломать и перебить в монету, утаил, дав вместо их собственное свое серебро, и при благополучнейших обстоятельствах, когда государь сам сожалел о истреблении сих вещей, целые, не желая никакого возмездия, возвратил. Борис Петрович Шереметев[295] суд царевичев не подписал, говоря, что он рожден служить своему государю, а не кровь его судить, и не устрашился гневу государева, которой несколько времени на него был, яко внутренне на доброжелателя несчастного царевича. Князь Яков Федорович Долгоруков[296] многие дела, государем подписанные, останавливал, дая ему всегда справедливые советы, и гнев государской, за частое его противоборство воли его, на почтение обращал, а тем открывал путь обще и к славе своего государя, и к блаженству народному. Си были остатки древнего воспитания и древнего правления.

Воззрим же таперя, какие перемены учинила в нас нужная, но, может быть, излишняя перемена Петром Великим, и как от оные пороки зачали вкрадываться в души наши, даже как царствования от царствования они час от часу, вместе с сластолюбием возрастая, дошли до та-

кой степени, как выше о них упомянул. Сие сочинит купно историю правлений и пороков.

Петр Великий, подражая чужестранным народам, не токмо тщился ввести познание наук, искусств и ремесел, военное порядочное устроение, торговлю и приличнейшие узаконения в свое государство, также старался ввести и таковую людскость, сообщение и великолепие, в коем ему сперва Лефорт[297] натвердил, а потом которое и сам он усмотрел. Среди нужных установлений законодательства, учреждения войск и артиллерии, не меньше он прилагал намерение являющиеся ему грубые древние нравы смягчить. Повелел он бороды брить, отменил старинные русские одеяния и вместо длинных платьев заставил мужчин немецкие кафтаны носить, а женщин вместо телогреи — бостроги, юбки, шлафроки и самары, вместо подколков — фантанжами и корнетами голову украшать. Учредил разные собрания, где женщины, до сего отделенные от сообщения мужчин, вместе с ними при веселиях присутствовали. Приятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами в домах своих, пользоваться всеми удовольствиями общества, украшать себя одеяниями и уборами, умножающими красоту лица их и оказующими их хороший стан; не малое же им удовольствие учинило, что могли прежде видеть, с кем на век должны совокупиться, и что лица женихов их и мужей уже не покрыты стали колючими бородами. А с другой стороны, приятно было младым и незаматерелым в древних обычаях людям вольное обхождение с женским полом, и что могут наперед видеть и познать своих невест, на которых прежде, поверяя взору родителей их, женивались. Страсть любовная, до того почти в грубых нравах незнаемая, начала чувствительными сердцами овладевать, и первое утверждение сей перемены от действия чувств произошло. А сие самое и учинило, что жены, до того не чувствующие свои красоты, начали силу ее познавать, стали стараться умножать ее пристойными одеяниями, и более предков своих распростерли роскошь в украшении. О коль желание быть приятной действует над чувствиями жен! Я от верных людей слыхал, что тогда в Москве была одна только уборщица для волосов женских, и ежели к какому празднику когда должны были младые женщины убираться, тогда случалась, что она за трои сутки некоторых убирала и они принуждены были до дня выезду сидя спать, чтобы убору не испортить. Может быть, сему не поверят ныне, но я паки подтверждаю, что я сие от толь верных людей слышал, что

всем сумневаться не должно. Естли страсть быть приятной такое действие над женами производила, не могла она не иметь действия и над мужчинами, хотящими им угодным быть, то то же тщание украшений, ту же роскошь рождало. И уже перестали довольствоваться одним или двумя длинными платьями, но многие с голунами, с шитьем и с пондеспанами делать начали.

Колико сам государь ни держался древней простоты нравов в своей одежде, так что кроме простых кафтанов и мундиров, никогда богатых не нашивал и токмо для коронации императрицы Екатерины Алексеевны[298], своей супруги, сделал голубой гродетуровой кафтан с серебреным шитьем, да сказывают еще у него был другой кафтан дикий с золотым шитьем, не знаю, для какого знатного же случая сделанный. Протчее все было так просто, что и беднейший человек ныне того носить не станет, как видно по оставшим его одеждам, которые хранятся в Кунсткамере при Императорской академии наук. Манжет он не любил и не нашивал, яко свидетельствуют его портреты, богатых екипажей не имел, но обыкновенно езжал в городах в одноколке, а в дальном пути в качалке. Множества служителей и придворных у него не было, но были у него денщики, и даже караулу окроме как полковника гвардии не имел. Однако при такой собственно особы его простоте хотел он, чтобы подданные его некоторое великолепие имели. Я думаю, что сей великий государь, который ничего без дальновидности не делал, имел себе в предмет, чтоб великолепием и роскошью подданных побудить торговлю, фабрики и ремеслы, быв уверен, что при жизни его излишнее великолепие и сластолюбие не утвердит престола своего при царском дворе. И тако мы находим, что он побуждал некоторое великолепие в платьях, как видим мы, что во время торжественного входу, после взятия Азовского[299], генерал-адмирал Лефорт шел в красном кафтане с голунами по швам, и другие генералы также богатые кафтаны имели, ибо тогда генералы мундиров не нашивали. Богатые люди из первосановников его двора или которые благодеяниями его были обогащены, как Трубецкие[300], Шереметев и Меншиков, в торжественные дни уже старались богатые иметь платья. Парчи и голуны стали как у жен, так и у мужей во употреблении, и хотя не часто таковые платья надевали, моды хотя долго продолжались, однако они были, и по достатку своему оные уже их чаще, нежели при прежних обычаях делали. Вместо саней и верховой езды и вместо колымаг, не терпящих украшений, появились

уже кареты и коляски, начались уже цуки, которых до того не знали, и приличные украшения к сим екипажам. Служители переодеты на немецкий манер, не в розноцветных платьях стали наряжаться, но каждый по гербу своему или по изволению делал им ливреи, а офисьянты, которых тогда еще весьма мало было, еще в разноцветных платьях ходили.

Касательно до внутреннего житья, хотя сам государь довольствовался самою простою пищею, однако он ввел уже во употребление прежде незнаемые в России напитки, которые предпочтительно другим пивал. То есть, вместо водки домашней, сиженой из простого вина, водку голландскую анисовую, которая приказной называлась. И вины ермитаж и венгерское, до того незнаемые в России.

Подражали сему его и вельможи, и те, которые близки были ко двору, да и в самом деле, надлежало им сие иметь, ибо государь охотно подданных своих посещал, то подданный чего для государя не сделает? Правда сие не токмо ему было угодно, но напротиву того, он часто за сие гневался, и не токмо из простого вина подслащенную водку, но и самое простое вино пивал, но и собственное желание удовольствия, до того ими не знаемого, превозмогло и самое запрещение государево, дабы последовать его вкусу. Уже в домах завелись не токмо анисовая приказная водка, но и гданские, вины не токмо старинные, о коих выше помянул, но также ермитаж, венгерское и некоторые другие. Правда, что еще их сначала весьма бережливо подавали, и в посредственных домах никогда в обыкновенные столы употребляемы не были, но токмо во время праздников и пиршеств, да и тут не стыдились, принести четвертную или сулею[301] запечатанную и, налив из нее по рюмке, опять запечатав, на погреб отослать.

Однако, хотя сам не любил, и не имел времени при дворе своем делать пиршествы, то оставил сие любимцу своему князю Меншикову который часто оные как в торжественные дни, так и для чужестранных министров с великим великолепием по тогдашнему времени чинил. Имел для сего великий дом, не токмо на то время, но и в нынешнее, ибо в оный после кадетский сухопутный корпус был помещен, и слыхал я, что часто государь, видя из дворца своего торжество и пиршество в доме его любимца, чувствовал удовольствие. Говоря: «Вот как Данилыч веселится». Равно ему подражая, так и быв обязаны самыми своими чинами, другие первосановники империи также имели открытые столы, как генерал-адмирал граф Федор Матвеевич

Апраксин[302], генерал-фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев, канцлер граф Гаврила Иванович Головкин[303] и боярин Тихон Никитич Стрешнев[304], которому, поелику он оставался первым правителем империи во время отсутствия в чужия края императора Петра Великого, на стол и деревни были даны.

Сим знатным людям и низшие подражая, уже во многих домах открытые столы завелись, и столы не такие, как были старинные, то есть, что токмо произведения домостройства употреблялись, но уже старались чужестранными приправами придать вкус доброте мяс и рыб. И конечно в таком народе, в коем странноприимство сочиняло всегда отличную добродетель, не трудно было ввестись в обычай таковых открытых столов употребление; что соединяясь и с собственным удовольствием общества, и с лутчим вкусом кушанья, противу старинного, самым удовольствием утверждалось.

Не неприятель был Петр Великой честному обществу, но хотел, чтобы оно безубыточно каждому было. Он учредил ассамблеи, на которые в назначенные дни множество собирались. Но сим ассамблеям предписал печатными листами правила, что должно на стол поставлять и как принимать приезжих. Сим упреждая и излишнюю роскошь, и тягость высших себе принимать. Ибо общество не в обжирании и спивании состоит, и не может оно быть приятно, где нет равности. Сам часто государь присутствовал в сих ассамблеях и строго наблюдал, дабы предписанное исполнялось.

Но слабы были сии преграды, когда вкус, естественное сластолюбие и роскошь стараются поставленную преграду разрушить, и где неравность чинов и надежда получить что от вельмож истребляют равность. В присутствии государевом учиненные им предписания сохранялись в ассамблеях, но в простом житье роскошь и унижение утверждали свои корни.

И подлинно мы видим, что тогда зачали уже многие домы упадать, и упадающие ожидать от милости государской и от защищения вельмож своего подкрепления. Из первых знатных домов мне случалось слышать о упадшем доме князя Ивана Васильевича Одоевского[305], которого дом был на Тверской, тот самый, который после сего был Василья Федоровича Салтыкова[306], потом Строганова, а ныне за князь Алексеем Борисовичем Голицыным[307] состоит, в приходе у Спаса. Сей князь Одоевский неумеренным своим сластолюбием так разорился, что, продав все деревни, оставил себе некоторое число

служителей, которые были музыканты, и сии, ходя в разные места играть и получая плату, тем остальное время жизни его содержали. Воистину при древней простоте нравов музыканты не нашли бы довольно в упражнении своем прибыли, чтобы и себя, и господина своего содержать.

Я сказал о сем князе Одоевском, яко о разорившемся человеке, но и многие другие, естли не в разорение от сей перемены жизни пришли, но по крайней мере чувствовали не малую нужду. Дабы умолчать о прочих, Борис Петрович Шереметев, фельдмаршал, именитый своими делами, обогащенный милостию монаршею, принужден однако был вперед государево жалованье забирать и с долгом сим скончался, яко свидетельствует самая его духовная. И после смерти жена его подавала письмо государю, что она от исков и других убытков пришла в разоренье. Переменившийся таким образом род жизни, в начале первосановников государства, а в подражании им и других дворян, и расходы достигши до такой степени, что стали доходы превозвышать; начали люди наиболее привязываться к государю и к вельможам, яко ко источникам богатства и награждений. Страшусь я, чтобы кто не сказал, что по крайней мере сие добро произвело, что люди наиболее к государю стали привязываться. Несть, сия привязанность несть благо, ибо она не точно к особе государской была, но к собственным своим пользам. Привязанность сия учинилась не привязанность верных подданных, любящих государя и его честь, и соображающих все с пользою государства, но привязанность рабов наемщиков, жертвующих все своим выгодам и обманывающих лестным усердием своего государя.

Грубость нравов уменьшилась, но оставленное ею место лестию и самством наполнилось. Оттуда произошло раболепство, презрение истины, обольщение государя и прочие злы, которые днесь при дворе царствуют, и которые в домах вельможей вогнездились. Не сокрылся сей порок от остроумного монарха, и сей государь, строг и справедлив до крайности, старался сколько можно лесть отгонять; яко случилось, как я слыхал, что один из знаемых ему офицеров, быв с ним на ассамблее, выхвалял свое усердие к государю, говоря, что он во всяком случае готов за него умереть. Услышал сие государь, ему говорил, что ни он не желает, ни должность его ему не повелевает, чтобы он хотел, не разбирая случаю для него умереть, но требует токмо того, чтобы в случае нужды или опасности его особы, что не мо-

жет быть не соединено с пользою государственною, он расположен был пожертвовать своею жизнию. Офицер, хотя наиболее показать свое усердие, зачал паки утверждать, что он сие готов учинить всякий час, когда угодно будет государю. Остроумный монарх, ничего не отвечав, взяв его руку, палец его поднес к горячей свече и зачал его жечь; от боли офицер зачал силиться выдернуть руку. Тогда, ее опустя, сказал ему государь, что когда он малой боли обожжения пальца вытерпеть не мог, не по нужде, но по воле государя, то как он толь щедро обещает с радостию и все тело свое без нужды пожертвовать? Другой случай, слышанный же мною, доказует, коль любил государь истину. Захар Данилыч Мешуков[308], бывший порутчиком во флоте прежде, в 1718 году, любимый государем яко первый русский, в котором он довольно знания в мореплавании нашел, и первый, который командовал уже фрегатом, быв на едином пиршестве с государем в Кронштадте и напившись несколько пьян, стал размышлять о летах государя, о оказующемся слабом его здоровье, и о наследнике, какого оставляет, вдруг заплакал. Удивился государь, возле которого он сидел, о текущих его слезах, любопытно спрашивал причину оных. Мешуков ответствовал, что он размышлял, что место, где они сидят, град, столичный близ построенный, флот заведенный, множество русских, входящих в мореплаватели, самый он, служивший во флоте и окружающие его милости, суть деяния рук его, то взирая на сие и примечая, что здоровье его, государя и благодетеля, ослабевает, не мог от слез не удержаться, прилагая притом простою речью: «На кого ты нас оставишь». Ответствовал государь: «У меня есть наследник», — разумея царевича Алексея Петровича. На сие Мешуков спьяна и неосторожно сказал: «Ох, вить он глуп, все расстроит». При государе сказать так о наследнике, и сие не тайно, но пред множеством председящих! Что сделал государь? Почувствовал он вдруг дерзость, грубость и истину и довольствовался, усмехнувшись, ударить его в голову с приложением: «Дурак, сего в беседе не говорят».

Но, невзирая на таковое люблегие истины, он ни на отвращение его ото лести, не мог государь вкрадывающейся сей яд искоренить. Большая часть окружающих его ни в чем не смели ему противуречить, но паче льстили, хваля все соделанное им и не противуреча его изволениям, а иные и угождая страстям его. Хотя он знатным образом никогда обманут и не был, однако князь Яков Федорович Долгоруков никогда не нашел в супротивлениях своих государю в сенате

себе помощников. И тщетно он суровыми и справедливыми своими предложениями два определения, подписанные государем, отменил, о привозе на переменных лошадях провианту в Петербург на армию, и о набрании посохи, на содержании народном, для делания Ладожского канала, в обоих случаях, ни в других, никто соучастником его твердости и справедливости быть не хотел; единый сам государь терпел его грубые, но справедливые предложения, и, хотя с стеснением сердца, превозмогая себя, на оные соглашался. Я слышал от очевидных свидетелей, и Василий Никитич Татищев[309] в истории своей сие вместил, что бывши государь в Кронштадте в едином пиршестве, окружающие его вельможи начали превозносить его хвалами, говоря, что он более отца своего. Между таковых похвальных воплей единый князь Яков Федорович Долгоруков в молчании пребывал. Приметя сие, государь требовал его мнения. Сей остроумный и твердый муж не мог вдруг ответствовать на такой вопрос, где состояло суждение между царствующего государя и его отца, обеих отличных их качествами. Взяв несколько времени подумать, сказал следующее. Исчислил он все подробно, что Петр Великий сделал для пользы отечества, исчислил его труды и подвиги, и наконец сказал, коль велик он есть во владыках земных; но, продолжая, говорил, все сии труды, все сии установления не утверждают еще внутреннего спокойствия государства, и безопасность гражданскую в жизни и в имениях; отец же твой, говорил, при тихости нравов, начинал многое, но паче всего, что он сделал, уложенье, которое ныне, по перемене обычаев, перемены требует, когда окончишь ты все свои подвиги благими узаконениями, тогда справедливо можно будет сказать, что весьма превзошел твоего отца. Государь восчувствовал всю справедливость его глаголов и согласием своим мнение его утвердил.

Чего же ради никто другой ни в беседах, ни в Сенате, и нигде инде таковой правды не говорил, как сей бессмертия достойный князь Долгоруков? Того ради, что они более желали приобрести милость государскую, нежели, говоря правду, его почтение, желали чинов и имений. Ибо в самом деле не видно, чтобы любимец его, князь Меншиков, когда ему строгую правду представлял, чтобы Гаврило Иванович Головкин, государственный канцлер, отвратил его от переписки с Гилембурхом[310], с Горцом[311] и с английскими и шотландскими сообщниками претендента, ни Остерман[312], бывший тогда в малом чину и написавший требуемое письмо, несовместимость сего по-

ступку представил, чтобы Иван Мусин-Пушкин[313] его от какого дела удержал; чтобы адмирал Апраксин, имеющий толикую поверенность, что вопреки сказал государю. Но все токмо согласие свое изъявляли и впускали вкореняться лести и рабству для свойственных своих прибытков; чему и сам государь и князь Яков Федорович Долгорукий противуборствовали. А с другой стороны, духовный чин, который его не любил, за отнятие своей власти, гремел во храмах Божиих его панегириками. Между сими Прокопович[314], который из духовенства, хотя нелюбви к государю не имел, но был совершенно ослеплен честолюбием, яко в другие царствования ясно оказал, выспренный сий глас на хвалы государевы вознес. Достоен он был многих похвал; но желательно было бы, чтобы они не от лести происходили, а похвалы Прокоповича, сего непостриженного монаха, сего честолюбивого архиерея, жертвующего закон изволениям Бирона[315], сего иже не устыдился быть судьею тайной канцелярии, был архипастырем церкви Божией, были лестны, яко свидетельствует его собственное сочинение: «Правда воли монаршей», — памятник лести и подобострастия монашеского изволения государскому.

Сказал я, что сластолюбие и роскошь могли такое действие в сердцах произвести, но были еще и другие причины, происходящие от самых учреждений, которые твердость и добронравие искореняли. Разрушенное местничество (вредное впрочем службе и государству) и не замененный никаким правом знатным родам, истребило мысли благородной гордости во дворянах, ибо стали не роды почтенны, но чины и заслуги и выслуги; и тако каждый стал добиваться чинов, а не всякому удастся прямые услуги учинить, то, за недостатком заслуг, стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая государю и вельможам. А при Петре Великом введенная регулярная служба, в которую вместе с холопями их писали на одной степени их господ в солдаты, и сии первые по выслугам, пристойным их роду людям, доходя до офицерских чинов, учинялись начальниками господам своим и бивали их палками. Роды дворянские стали разделены по службе так, что иной однородцев своих и век не увидит. То могла ли остаться добродетель и твердость, в тех, которые с юности своей от палки своих начальников дрожали, которые инако, как подслугами, почтения не могли приобрести, и быв каждый без всякой опоры от своих однородцев, без соединения и защиты, оставался един, могущий предан быть в руки сильного.

Похвально есть, что Петр Великий хотел истребить суеверия в законе, ибо в самом деле, не почтение есть Богу и закону суеверие, но паче ругание. Ибо приписывать Богу неприличные ему деяния, сие есть богохулить. В России бороду образом божиим почитали, и за грех считали ее брить, а чрез сие впадали в ересь антропоморфитов[316]. Чудеса, без нужды учиненные, явленные образы, редко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суеверное богомолие и делали доходы развратным священнослужителям. Все сие Петр Великий тщился отвратить. Указами повелел брить бороды, а Духовным регламентом[317] положил преграду ложным чудесам и явлениям, равно как и неблагопристойным сборам при поставленных на распутиях образах. Зная, что закон Божий есть к сохранению рода человеческого, а не ко истреблению его без нужды, благословением от Синода и от вселенских патриархов учинил позволено есть мясо в посты в нужде, а паче в морской службе, где и без рыбы довольно люди к скорбутике[318] подвержены, повелевая самоохотно жертвующих жизнию своею таковым воздержанием, во время приключившихся им болезням, в воду кидать. Все сие очень хорошо, и окроме что последнее несколько сурово. Но когда он сие учинил, тогда, когда народ еще был непросвещен, и тако, отнимая суеверия у непросвещенного народа, он самую веру к Божественному закону отнимал. Сие действие Петра Великого можно применить к действию неискусного садовника, который у слабого дерева отрезывает водяные, пожирающие его сок, ветви. Естли бы оно было корнем сильно, то сие обрезывание учинило ему произвести хорошие и плодовитые ветви, но как оно слабо и больно, то урезание сих ветвей, которые чрез способ листьев своих, получающих внешнюю влагу, питали слабое дерево, отняв ее, новых плодовитых ветвей не произвело, ниже соком раны затянуло, и тут сделались дуллы, грозящие погибелью древу. Так урезание суеверий и на самые основательные части веры вред произвело, уменьшились суеверия, но уменьшилась и вера. Исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь к Богу и к святому Его закону; и нравы, за недостатком другого просвещения исправляемые верою, потеряв сию подпору, в разврат стали приходить.

Со всем почтением, которое я к сему великому в монархах и великому в человеках в сердце своем сохраняю, со всем чувствием моим, что самая польза государственная требовала, чтобы он имел, окроме царевича Алексея Петровича, законных детей преемниками его

престола. Не могу удержаться, чтобы не охулить развод его с первою супругою, рожденной Лопухиной[319], и второй брак, по пострижении первой супруги, с пленницею Екатериною Алексеевною, ибо пример сей нарушения таинства супружества, ненарушимого в своем существе, показал, что без наказания можно его нарушать. Пусть монарх имел к тому сильные причины, которых однако я не вижу, окроме склонности его к Монсовым и сопротивления жены его новым установлениям; но подражатели его имели ли государственные причины подобное делать? Павел Иванович Ягужинский[320], постригши первую свою жену и женясь на другой, рожденной Головкиной, имел ли государственные причины стараться иметь себе потомство, в нарушение божественных законов? Многие и другие сему подражали и не токмо из вельмож, но и из малочиновных людей, яко князь Борис Солнцев-Засекин[321] сие учинил.

И тако, хотя Россия чрез труды и попечения сего государя приобрела знаемость в Европе и вес в делах, войска ее стали порядочным образом учрежденны, и флоты Белое и Балтийское море покрыли, коими силами победила давних своих неприятелей и прежних победителей, поляков и шведов, приобрела знатные области и морские пристанищи. Науки и художествы, и ремеслы в ней стали процветать, торговля начала ее обогащать, и преобразовались россияне из бородатых в гладкие, из долгополых в короткополые, стали сообщительнее, и позорищи благонравные известны им учинились. Но тогда же искренняя привязанность к вере стала исчезать, таинства стали впадать в презрение, твердость уменьшилась, уступая место нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбие положили основание своей власти, а сим побуждено и корыстолюбие к разрушению законов и ко вреду граждан начало проникать в судебные места.

Таково есть состояние, в котором (не взирая на все преграды, которые собственной своей особою и своим примером полагал Петр Великий для отвращения от пороков) в рассуждении нравов осталась Россия по смерти сего великого государя. Воззрим таперь колико при двух кратких царствованиях Екатерины Первой и Петра II[322] пороки сделали шагов, дабы наиболее утвердиться в России.

Женский пол обыкновенно более склонен к роскошам, нежели мужской, и тако видим мы, что императрица Екатерина Алексеевна Первая, еще при жизни супруга своего Петра Великого, имела уже двор свой. Камергер у нее был Монс[323], которого излишняя

роскошь были первые знаки, доведшие его до поносной смерти; камер-юнкеры ее были Петр[324] и Яков[325] Федоровичи Балковы, его племянники, которые также при несчастии его от двора были отогнаны. Любила она и тщилась украшаться разными уборами и простирала сие хотение до того, что запрещено было другим женщинам подобные ей украшения носить, яко же убирать алмазами обе стороны головы, а токмо позволяла убирать левую сторону. Запрещено стало носить горностаевые мехи с хвостиками, которые одна она носила, и сие не указом, не законом введенное обыкновение учинилось почти узаконение, присвояющее сие украшение единой императорской фамилии, тогда как в немецкой земле и мещанки его употребляют. А такое тщание не показует ли, что естли лета зачали убавлять ее красоту, то уборами, отличными от других, тщилась оную превозвысить. Не знаю, справедливо ли сие мнение было, и прилично ли государю ежечасно подобно как в маскератном платье пред подданными своими быть, якобы не доставало ему других украшений, могущих его отличить. По восшествии ее на престол, довольно чудным образом воспоследующим, ибо Петр Великий не с тем ее венчал царским венцом, чтоб ее наследницей своею учинить, ниже когда того желал, но умирая, не назнача наследника, вельможи, а именно: князь Меншиков, зная слабость императрицы, Толстой[326], боясь мщения от сына царевича Алексея Петровича, законного наследника, за привезение и за смерть отца его, вопрося Ивана Ильича Мамонова[327], подполковника гвардии, надеется ли он на согласие гвардии полков, и получа утвердительный ответ, пред собранными полками ее самодержицею провозгласили. Тако взошла сия государыня на всероссийский престол, действия недостатку основательных законов. И Петр Великий еще не охладел мертвый, а уже не воля его, не право наследственное и привязанность к крови, но самовольное желание вельмож решило важнейшую вещь в свете, то есть наследство его престола.

Восшествие ее таким образом на престол следующие действии над нравами народными произвело. Она была слаба, роскошна во всем пространстве сего названия, вельможи были честолюбивы и жадны. А из сего произошло, упражняясь в повседневных пиршествах и роскошах, оставила всю власть правительства вельможам, из которых вскоре взял верх князь Меншиков. Пышность и сластолюбие у двора его умножились, упала древняя гордость дворянская, видя себя управ-

ляема мужем, хотя достойным, но из подлости происшедшим, а место ее заступило раболепство к сему вельможе, могущему все.

Краткое царствование сей императрицы впрочем больших перемен не могло учинить, окроме что вывоз разных драгоценных уборов и вин весьма умножился, и сластолюбие сие во все степени людей проникло, умножило нужды, а умножа нужды, умножило искание способов без разбору, дабы оные наполнить.

Какое тогда состояние было сына царевича Алексея Петровича, по несчастию отца своего лишенного принадлежащего ему наследия. Он был в юных летах, о воспитании его не помышляли, наследником престола его не признавали, и ниже моления в церквах о здравии его было, яко бы надлежало о происшедшем от царского корня, и все его поступки надзираемы были.

Дабы наиболее надзирать его поступки и примечать его слова и движении, определен был к нему младый, умный и честолюбивый человек, князь Иван Алексеевич Долгоруков[328]. Сей, примечая жизнь императрицы Екатерины Алексеевны, и рассуждая, что не уповательно, чтобы две дщери Петра Великого, герцогиня Анна и цесаревна Елизавета, яко до браку рожденные[329], могли на российский престол после матери своей взойти, вместо чтоб под видом служения князь Петру Алексеевичу быть его предателем, рассудил сыскать его к себе милость и поверенность. В единый день, нашед его единого, пал пред ним на колени, изъясняя всю привязанность, какую весь род его к деду его, Петру Великому, имеет, и к его крови. Изъяснил ему, что он по крови, по рождению и по полу почитает его законным наследником российского престола, прося, да уверится в его усердии и преданности к нему. Таковые изъяснения тронули сердце младого чувствующего свое несчастие князя. Тотчас доверенность последовала подозрениям, а после и совершенная дружба, по крайней мере со стороны князя Петра Алексеевича, сих младых людей соединила.

Однако князь Меншиков, видя себя правителем государства толь близко к престолу, не мог осмелиться желать оный себе приобрести, зная, что никто из россиан не потерпит, чтоб, имея еще многих царского рода, он мог, происшедшей из низких людей, похитить себе престол, обратил мысли свои, естли не быть самому государем, то учиниться его тестем. Князь Петр Алексеевич, оставленный от всех и непризнанный наследником престола, ему показался быть к сему удобным орудием. Но прежде он хотел обязанного ближним род-

ством венского двора мысли о сем узнать, то есть, чтобы и оный согласился оставить ему правление государства до возрасту императора и дочь свою за оного выдать. По бывшим переговорам с графом Вратиславом[330], послом цесарским, на все сие согласие получил, и цесарский двор прислал 40 тысяч рублев в подарок госпоже Крамер[331], камер-фрау императрицы Екатерины Алексеевны, дабы она ее склонила именовать по себе наследником князя Петра Алексеевича. И тако в сем случае российский престол стал покупаться, и не близость крови, но избрание прежде бывшей пленницы, внука Петра Великого и правнука царя Алексея Михайловича[332] на престол толь знатной империи возводило.

Вскоре по именовании своем наследником Российского престола князь Петр Алексеевич, под именем императора Петра II [...][333] лет, взошел по смерти императрицы Екатерины Алексеевны. Сила и могущество князя Меншикова умножились, государь был в юных летах, а сей вельможа, хотя не был именован регентом, но действительно таковым был. А сие самое уже доказует, колико упал дух благородных. При младенчестве царя Иоанна Васильевича[334] законной властию утвержденному совету для управления во время малолетства государева, боярам, выбранным из среды самих их, из среды знатнейших родов государства, повиноваться не хотели. И когда в болезни своей царь Иоанн Васильевич хотел утвердить престол малолетнему сыну своему, то, не хотя быть управляемы боярами, сыну государя своего присягать не хотели. Во время младенчества самого Петра Великого на случай Нарышкиных негодовали, а се ныне из подлости происшедшему мужу, без всякого законного утверждения его власти, бесспорно повиновались. Да рассудят по сему, верность ли сие было к государю, или падение духу благородного.

Истина заставила меня сие сказать, но я не могу, поелику мне известно, не похвалить поступок князя Меншикова. Он честолюбием на место сие был возведен, но управление его было хорошо, а паче попечения его о воспитании и научении младого государя; часы были установлены для наук, для слушания дел, для разговоров и обласкания первосановников государства и, наконец, часы для веселия. И можно сказать, что князь Меншиков был купно правитель государства и дядька государев. Еще бы похвальнее его поступок был, естли бы он не имел собственных своих видов, а делал бы сие для пользы отечества и в воздаяние за то, чем он должен Петру Великому, деду царству-

ющего государя. Но он не имел толь героической души, и все мысли его клонились, чтобы обручить дочь свою за младого государя, что наконец противу самой склонности государя исполнено им было.

По сем приумножил свои старании о воспитании и научении государя. Взял его жить в дом свой, неотлучно при нем пребывая, и дом князя Меншикова учинился дворец государев. Во время сие соделал он два дела, которые присоединенные к противу склонности государевой обручения его с княжной Меншиковой, приключили наконец падение сего вельможи. Первое, был при государе учитель, родом венгерец, именем Зейкин[335]. Сей противен учинился владычествующему министру, и сего он в тайне от государя удалил. Хотя молчанию сие предал государь, но не оставил подозревать, от кого сей его наставник был удален, не смея и вопрошать о нем, дабы более ему несчастия не приключить. Второе, принесено было от купечества несколько тысяч червонных к государю, были благосклонно приняты, но тогда случившаяся тут сестра государева, принцесса Наталья Алексеевна[336], сих денег к себе просила. Государь, который весьма любил сестру свою, приказал их отнести еще тогда, как принесшие их купцы в прихожей находились. Встретился князь Меншиков с несомыми сими деньгами в комнату принцессы, их немедленно возвратил, и, пришед в комнату государеву, представлял ему, что таковой немедленно учиненный дар принесенных денег купцами показывает презрение к оным и может огорчить его подданных. Может быть, представил ему и правила бережливости, какие Петр Великий имел. Сие огорчило государя и сестру его, а подало случай наедине любимцу его, князь Ивану Алексеевичу Долгорукову, представить ему, коль мала его есть власть. Кажется властолюбие в сердцах прежде всего родится, а паче в сердцах монарших, и тако сие оскорбление, тем наивящее, что отмстить за него не мог, на сердце младого монарха оставалось.

Однако приличными весельями и удовольствиями, частыми съездами ко двору старался князь Меншиков благопристойным образом в праздные часы веселить своего государя и зятя. А пример двора, разливаясь сперва на вельмож, а потом и на других граждан, чинил, что и они по мере достатку своего, а иногда и свыше, старались сообществом веселиться, и простота нравов исчезала.

Наконец приходило время падения князя Меншикова, и произошло оно от следующего случая. Сей вельможа, всячески стараясь утешить своего государя и укрепить движением и трудами его тело, по-

вез его со псовою охотою. Гоньба, травля, и прочее, что веселит в сей охоте, весьма полюбились младому государю. Часто князь Меншиков отъезжал в мызу свою Ораниенбаум, и случилось, что единожды в небытность его в Петербурге, в пасмурной и холодной день, государь поехал на поле. По возвращении своем, нашел он Меншикова весьма раздраженным сею ездою, которой с тою горячностию, каковая может произойти от желания сохранить его здоровье и от опасности потерею его лишиться толь великого союза, ему представлял, коль нерассудительно было в пасмурное и холодное время ездить и здоровье свое подвергать. Хотя горячи были его изъяснении, но они от усердия происходили, однако младый государь ощущал только в них единую горячность и яко нарушение почтения к себе, однако скрыл и то в сердце своем, и князь Иван Алексеевич Долгоруков, ищущий погибели Меншикова, дабы самому и род свой на ту степень возвести, не оставил, паче очернить все слова сего вельможи.

Помнится мне, в июле месяце поехал князь Меншиков в мызу свою Ораниенбаум для освящения созданной им церкви. Сей ожидаемый уже давно случай и был употреблен к погублению его. Государь, по совету князя Ивана Алексеевича Долгорукова, поехал в Петергоф окружен гвардией, и повелено было князю Меншикову сказать, чтобы он в Петергоф не ездил, а проехал бы прямо в Петербург, где тогда же двору государеву велено было из дому князя Меншикова выбираться. Тщетно ниспадавший сей министр просил единой милости, чтобы видеть государя и оправдания свои принести, тщетно княжна Катерина Александровна[337], его дочь, невеста государева, писала к великой княжне Наталье Алексеевне, дабы она упросила у государя, своего брата, прощение родителю ее. Первое, понеже опасались, чтоб сохраняемая некая князем Меншиковым власть и сильные его представления не тронули сердце государево, а ему отказано было; а нелюбимой невесты, от которой избавиться хотел сам государь, просьбы также действия не возымели, и князь Меншиков по приезде своем в Петербург назавтра был арестован и сослан в ссылку. Тако ниспал сей пышный вельможа, пример перемены и непостоянства счастия. Из низкого состояния почти до трона дошедший, и паки в низость и несчастье ввергнутый.

По сем Петр Второй начал править сам государством, естли можно назвать правлением правление юноши государя. Князь Иван Алексеевич Долгоруков, друг и наперстник государев, толь ему любимый,

что даже на одной постели с ним сыпал, всемогущий учинился. Пожалован немедленно был в обер-камергеры, возложена на него была Андреевская лента, пожалован в капитаны гвардии Преображенского полку, гренадерской роты, и все родственники его были возвышены, правя по изволениям их всеми делами империи. Престали науки государевы, министры лишь для виду были допускаемы; все твердое и полезное отгналось от двора, и, пользуясь склонностью государевой к охоте, она всех важных упражнений место заняла. Однако, что погубило князя Меншикова, то не устрашило Долгоруких, они употребили старание, дабы им родственницу свою, княжну Екатерину Алексеевну, дочь князь Алексея Григорьевича[338], сестру же князя Ивана Алексеевича, за государя обручить. И в сем обручении нечто странное было, ибо хотя обручение сие было в присутствии всех и всего двора, но во время обручения государь и его невеста были окружены Преображенского Полку гренадерами, которые круг их, под начальством своего капитана князь Ивана Алексеевича Долгорукова, батальон каре составляли.

Князь Иван Алексеевич Долгоруков был молод, любил распутную жизнь и всеми страстьми, к каковым подвержены младые люди, не имеющие причины обуздывать их, был обладаем. Пьянство, роскошь, любодеяние и насилие место прежде бывшего порядку заступили. В пример сему ко стыду того века, скажу, что слюбился он, иль лутче сказать, взял на блудодеяние себе, и между прочими жену К. Н. Ю. Т.[339], рожденную Головкину[340] и не токмо без всякой закрытности с нею жил, но при частых съездах у К. Т. с другими своими молодыми сообщниками пивал до крайности, бивал и ругивал мужа, бывшего тогда офицером кавалергардов, имеющего чин генерал-майора, и с терпением стыд свой от прелюбодеяния своей жены сносящего. И мне самому случилось слышать, что единожды, быв в доме сего князя Трубецкого по исполнении многих над ним ругательств, хотел наконец его выкинуть в окошко, и естли бы Степан Васильич Лопухин[341], свойственник государев по бабке его, Лопухиной, первой супруге Петра Великого, бывший тогда камер-юнкером у двора и в числе любимцев князя Долгорукова, сему не воспрепятствовал, то бы сие исполнено было. Но любострастие его одною или многими не удовольствовалось, согласие женщины на любодеяние уже часть его удовольствия отнимало, и он иногда приезжающих женщин из почтения к матери его затаскивал к себе и насиловал. Окружающие его

однородцы и другие младые люди, самым распутством дружбу его приобретшие, сему примеру подражали, и можно сказать, что честь женская не менее была в безопасности тогда в России, как от турков во взятом граде. Привычка есть и к преступлениям, а сей был первый шаг, которым жены выступали из скромности и тихого жития, которое от древних нравов они еще сохраняли.

Отец его, князь Алексей Григорьевич, человек посредственного разума, и единственно страстен к охоте, для коронации государей всегда бывают в Москве, то после оной и присоветовал ему там утвердить свое житие, оставя навсегда Петербург. Приехал двор в Москву, но распутство не престало, по месяцу и по два отлучения государева для езды с собаками остановило течение дел; сила единого рода учинила, что токмо искатели в оном чины и милости получали, а другие уже и к грабежу народа приступали. Желания угодить роскошным Долгоруким юношам пиры со всею знаемою для них роскошью делали.

Воззрим таперь, какие были сии езды государевы на охоту, и какие были там упражнения. Ибо пример двора великое действие над образом мысли и всех подданных имеет. Ездил государь в Боровском, Коломенском и других уездах иногда и по месяцу, ежедневно, не взирая ни на сырую погоду, ни на холод, езда с собаками была от утра до вечера. Окроме, что охота государева, при которой и сокольники находились, и все придворные, которые поневоле должны были охотниками сделаться, со всей России собранные знаемейшие охотники-дворяне имели позволение быть при охоте государевой. То коль сие должно было составить великую толпу людей и коликое множество собак. Всякий из сего себе представить может, пощажены ли были тогда поля с хлебом, надежда земледельца, стада скота, хотя и отгонялись, но не могли ли иногда с сею толпою собак встретиться. А окружающие государя вельможи, которые были тогда же и охотники, для удовольствия своего не представляли молодому и незнающему государю, колико таковые езды вред земледелию наносят. Иззябши, возвращался государь ввечеру на квартиру, тут встречала его невеста его княжна Долгорукова, со множеством жен и девиц, и бал начинался, который иногда гораздо поздно в ночь был продолжен. Младые государевы лета от распутства его сохраняли, но подлинно есть, что он был веден, чтобы со временем в распутство впасть; а до тех мест любимец его, князь Иван Алексеевич Долгоруков, всем

сам пользовался, и утружденного охотою государя принуждал по неволе представляемые ему веселья вкушать.

Наконец возвратился государь в Москву из Коломенского уезда, новые начались веселья, ежедневно медвежья травля, сажание зайцов, кулашные бои, с весельями придворными все часы жизни его занимали, даже как, простудясь, занемог воспою, в девятый день скончался, и вся надежда Долгоруких, яко скудельный сосуд о твердый камень сокрушилась. Осталось токмо памяти сего царствования, что неисправленная грубость с роскошью и с распутством соединилась. Вельможи и вышние впали в роскошь, жены стыд, толь украшающий их пол, стали оный забывать, а нижние граждане приобыкли льстить вельможам.

Однако по смерти Петра Второго никого не было назначенного к приятию российского престола. Первостепенные вельможи собрались дабы учинить важное решение, кого во владыки толь великой части света возвести. Коль ни дерзки, коль ни самолюбивы, однако не смели без взятия мнения от именитейших благородных сего решить. Разные мнения были подаваны. Иные представляли, что как вторая супруга Петра Великого уже царствовала над Россией, то надлежит взять из монастыря первую супругу Петра Великого и оную на престол возвести. Другие представляли, что есть в живых две дочери Петра Великого, принцесса Анна в супружестве за герцогом Голштинским и принцесса Елизавета в девицах, и хотя они и прежде браку рождены, но как уже законными признаны[342], то рождение их не препятствует взойти на российский престол... Третьи представляли принцессу Екатерину, герцогиню Мекленбургскую[343], старшую дочь царя Иоанна Алексеевича[344], наконец четвертые принцессу Анну[345], вдовствующую герцогиню Курляндскую.

Уже собиравшиеся вельможи предопределили великое намерение, ежели бы самолюбие и честолюбие оное не помрачило, то есть учинить основательные законы государству и власть государеву Сенатом или парламентом ограничить. Но заседание в Сенате токмо нескольким родам предоставили, тако, уменьшая излишнюю власть монарха, предавали ее множества вельможам, со огорчением множества знатных родов, и вместо одного толпу государей сочиняли. Сии вельможи прияли в рассуждение разные выше предложенные мнения о наследстве престола. Были многие и дальновиднейшие, которые желали возвести царицу Евдокию Федоровну[346] на российский пре-

стол, говоря, что как она весьма слабым разумом одарена, то силе учрежденного совета сопротивляться не может, а чрез сие даст время утвердиться постановляемым узаконениям в предосуждения власти монаршей. Но на сие чинены были следующие возражения. Что закон препятствует сан монашеский, хотя и по неволе возложенной, с нее снять, и что она, имевши множество родни Лопухиных, к коим весьма была привязана, род сей усилится и может для счастия своего склонить ее разрушить предполагаемые постановления. Дочерей Петра Великого, яко незаконнорожденных, отрешили. Принцессу Екатерину Иоанновну, герцогиню Мекленбургскую, отрешили ради беспокойного нрава ее супруга, и что Россия имеет нужду в покое, а не мешания в дела сего герцога, по причине его несогласия с его дворянством. И наконец, думая, что толь знатное нечаянно предложенное наследство герцогине Анне Ивановне заставит искренно наблюдать полагаемые ими статьи. А паче всего склонил всех на избрание сие князь Василий Лукич Долгоруков[347], которой к ней особливую склонность имел и, может быть, мнил, отгнав Бирона, его место заступить. Все сии на сие согласились, и он сам послан был с пунктами призывать ее на престол российский, естли будет обещаться и подпишет сии предустановляемые законы.

Герцогиня Анна не отреклась подписать уменьшающие российского императора власть статьи, которые ее возводили из герцогинь Курляндских в российские императрицы, и, поехав из Митавы, не доехав до Москвы за семь верст, остановилась в селе Всесвяцком, принадлежащем царевичу Грузинскому, в его доме, во ожидании приуготовления торжественного ее вшедствия в Москву. А тогда же было дано дозволение всем благородным приезжать в оное село для принесения своего поздравления государыне. Долгорукие знали, что множество благородных были весьма недовольны учиненными ими статьями, которые в руки некоторых родов всю власть правительства вручали; и сего ради имели великую осторожность, дабы кто какой записки, подходя к руке, не подал, и сего ради всегда кто из Долгоруких стоял возле государыни, повелевая всем подходящим к руке иметь руки назади, не принимая руку монаршу на свою, как сие обыкновенно есть.

И подлинно еще прежде приезда в Москву императрицы Анны, известно было Долгоруким и другим, что некоторым уменьшение власти монаршей противно было; яко сие оказалось, что Павел Иванович Ягужинский, генерал-прокурор, зять же канцлера Гаврила Ива-

новича Головкина, послал тайно от себя офицера, Петра Спиридоновича Сумарокова[348], с письмом, увещающим герцогиню Курляндскую не подписывать посланные к ней с князь Васильем Лукичем пункты. Сие письмо было оным князем Долгоруковым поймано, и он посланного немилосердно сам бил, о таком писании сообщил в московский вельмож совет, который и намерялся Павла Ивановича немедленно казнить, но предложения князь Григорья Алексеевича Долгорукова[349], чтоб таковую счастливую перемену кровию подданного не обагрять, и он впредь до решения посажен был под жестокую стражу.

Сказал я уже выше, что дух благородной гордости и твердости упал в сердцах знатно рожденных россиян; и тако, хотя великая часть ощущала неудовольствие, но никто ни к чему смелому приступити не дерзал. Однако, естли не точно пользою отечества побуждены, то собственными своими видами, нашлись такие, которые предприняли разрушить сие установление. Феофан Прокопович, архиепископ Новгородский, муж исполненный честолюбия, хотел себе более силы и могущества приобрести. Василий Никитич Татищев, человек разумный и предприятельный, искал своего счастия. Князь Антиох Дмитриевич[350], человек ученый, предприятельный, но бедный по причине права перворождения брата своего, князь Дмитрия Дмитриевича[351], искал себе и почестей и богатства, которые надеялся чрез умысел свой противу установления получить, и тем достигнуть еще до желания его жениться на княжне Варваре Алексеевне Черкаской, дочери и наследнице князь Алексея Михайловича Черкаского[352], богатейшего из российских благородных. Сии три, связанные дружбою, разумом и своими видами, учинили свое расположение для разрушения сделанного Долгорукими узаконения. Они, во-первых, открылись в сем князь Алексею Михайловичу Черкаскому, человеку весьма недовольному Долгорукими, а паче за причиненные ими оскорблении князь Никите Юрьевичу Трубецкому, его шурину. Сей человек молчаливый, тихий, коего разум никогда ни в великих чинах не блистал, но повсюду являл осторожность, не вошел точно сам в сей умысел, а довольствовался токмо стараться о мнениях подданных императрице сообщить. Сие он исполнял чрез свояченицу свою, Прасковью Юрьевну Салтыкову, супругу Петра Семеновича[353], но Салтыковы несколько в свойстве с императрицей. Сия жена хитрая и нашла способ, быв при надзираемой императрице, наедине ей записку о начинающихся намерениях сообщить.

Однако воспоследовала коронация, и императрица Анна Иоанновна, не яко самодержавная, но яко подчиненная некиим установлениям, была коронована. Долгорукие и их сообщники несколько успокоились, мня, что сила клятвы, учиненной императрицей при коронации, воздержит ее сделать какую перемену. Тщетная надежда. Императрица после коронации своей не столь стала наблюдаема, а потому о продолжении умыслу возвратить ей самодержавство удобнее известия получала, а Прокопович и Кантемир, сочиня челобитную от всех граждан, наспех множеству недовольных дали ее подписать, и наконец, вдруг в назначенный день, под предводительством князя Черкаского представ на аудиенцию к императрице, подали ей челобитную, по прочтении которой, яко снисходя на желание народное, подписанные пункты были принесены, ею самою были разодраны, она самодержавной учинилась, а вскоре несчастие Долгоруких последовало.

Обстоятельства сии хотя казались бы и несовместны с описанием состояния нравов, однако естли кто прилежно рассмотрит оные, то умоначертание народное и перемены мыслей ясно усмотрит; и так можно сказать, что бываемые перемены в государствах всегда суть соединены с нравами и умоначертанием народным. Воззрим же таперя, как при правлении сей императрицы наивяще упала твердость в сердцах, и как роскошь наиболее стала вкореняться. А для показания сего надлежит рассмотреть, во-первых, обычаи самой сей императрицы, второе, обычаи ее любимца Бирона, после бывшего герцогом Курляндским, и его могущество, и третье, состояние двора, и какие были сделаны при сей государыне учреждения в рассуждении великолепности оного. Императрица Анна не имела блистательного разума, но имела сей здравый рассудок, который тщетной блистательности в разуме предпочтителен. С природы нраву грубого, отчего и с родительницею своею в ссоре находилась, и ею была проклята, как мне известно сие по находящемуся в архиве Петра Великого одному письму от ее матери, ответственному на письмо императрицы Екатерины Алексеевны, чрез которое она прощает дочь свою, сию императрицу Анну. Грубый ее природный обычай не смягчен был ни воспитанием, ни обычаями того века, ибо родилась во время грубости России, а воспитана была и жила тогда, как многие строгости были оказуемы, а сие учинило, что она не щадила крови своих подданных и смертную мучительную казнь без содрагания подписывала, а может статься

и еще к тому была побуждаема и любимцем своим Бироном. Не имела жадности к славе, и потому новых узаконений и учреждений мало вымышляла, но старалась старое учрежденное в порядке содержать. Довольно для женщины прилежна к делам и любительница была порядку и благоустройства, ничего спешно и без совету искуснейших людей государства не начинала, отчего все ее узаконения суть ясны и основательны. Любила приличное великолепие императорскому сану, но толико, поелику оно сходственно было с благоустройством государства. Не можно оправдать ее в любострастии, ибо подлинно, что бывший у нее гофмейстером Петр Михайлович Бестужев[354] имел участие в ее милостях, а потом Бирон и явно любимцем ее был; но наконец при старости своих лет является, что она его более яко нужного друга себе имела, нежели как любовника.

Сей любимец ее, Бирон, возведенный ею в герцоги Курляндские, при российском же дворе имеющей чин обер-камергера, был человек, рожденный в низком состоянии в Курляндии, и сказывают, что он был берейтор, которая склонность его к лошадям до смерти его сохранялась. Впрочем был человек, одаренный здравым рассудком, но без малейшего просвещения, горд, зол, кровожаждущ, и непримирительный злодей своим неприятелям. Однако касающе до России он никогда не старался во время жизни императрицы Анны что либо в ней приобрести, и хотя в рассуждении Курляндии снабжал ее сокровищами российскими, однако зная, что он там от гордого курляндского дворянства ненавидим и что он инако как сильным защищением России не может сего герцогства удержать, то и той пользы пользам России подчинял. Впрочем был груб, яко свидетельствует единый его поступок, что ездив на малое время к границам Курляндии и нашед мосты худы, отчего и карета его испортилась, призвав сенаторов, сказал, что он их вместо мостовин велит для исправления мостов положить. Сие первого правительства присутствующие, правительство, к которому Петр Великий толикое почтение имел, принуждены были от любимца-чужестранца вытерпеть безмолвственно. Толико уже упала твердость в сердцах россиян. Правление императрицы Анны было строго, а иногда и тираническое. За самые малейшие дела сажали в Тайную канцелярию, и в стене соделанные казармы петербургской крепости недовольны были вместить сих несчастных. Казни были частые, яко Долгорукие, быв прежде за тщание их ограничить власть монаршу, были сосланы, а потом за ту же вину из

Сибири привезены и переказнены в Шлиссельбурге[355], а бывший и не сослан князь Григорий Федорович Долгоруков[356], назначенный уже в польское посольство, за то что уведано было, что Долгоруковы князь Алексей Григорьевич с сыном и другие сочинили духовную, которой якобы при смерти своей Петр Второй признавал, что имел сообщение с княжною Екатериною Алексеевною и оставлял ее беременну, и сего ради оказывал свое желание возвести ее на престол, духовную сию переписывал, но тогда же силою своих представлений учинил сие безумное сочинение, бесчещущее княжну Долгорукову без всякой пользы, уничтожить, также смертную казнь токмо за переписку претерпел; и учинен был указ, дабы Долгоруких не производить. Было гонение и на род Голицыных: князь Дмитрий Михайлович[357], человек разумнейший того века, был сослан в ссылку, и напрасное его осуждение довольно видно по самому манифесту его сослания. Дети его: князь Сергей Дмитриевич, дабы отдалить его от двора, послан был в Казань в губернаторы[358], а князь Алексей Дмитриевич[359], бывший тогда уже штатским действительным советником, послан нижним офицером в Кизляр. Князь Петр Михайлович Голицын[360], который и услуги Бирону показал, без всякого суда, из камергеров послан был в Нарым в управители; а наконец Артемий Петрович Волынский[361], обер-егермейстер, по единой его ссоре и неприязни бироновой был с принуждением им воли самой государыни мучительными пытками пытан и потом казнен. Дело его толь мало доводило его до какого наказания, что мне случилось слышать от самой ныне царствующей императрицы, что она, прочетши его с прилежностью, запечатав, отдала в Сенат с надписанием, дабы наследники ее прилежно прочитывали оное и остерегались бы учинить такое неправосудное бесчеловечие. Но можно сказать с единым стихотворцем:

На пышные верхи гром чаще ударяет[362].

Хотя трепетал весь двор, хотя не было ни единого вельможи, который бы от злобы Бирона не ждал себе несчастия, но народ был порядочно управляем. Не был отягощен налогами, законы издавались ясны, а исполнялись в точности, страшились вельможи подать какую причину к несчастию своему, а не быв ими защищаемы, страшились и судьи что неправое сделать, или мздоимству коснуться. Был уставлен Кабинет[363], где без подчинения и без робости един другому каждый мысли свои изъяснял, и осмеливался самой государыне при докладах

противуречить, ибо она не имела почти никогда пристрастия то или другое сделать, но искала правды. И так по крайней мере лесть в таковых случаях отогнана была, да можно сказать, и не имела она льстецов из вельможей, ибо просто последуя законам, дела надлежащим порядком шли. Леты же ее и болезни ей не оставляли время что другое предприимать; чины и милости все по совету или лучше сказать по изволению Бирона, герцога Курляндского, истекали. Имела она для своего удовольствия несколько женщин, а именно: княгиню Аграфену Александровну Щербатову, к которой, как по веселому ее нраву, так и по другим причинам привязана была; Анну Федоровну Ешкову[364] и Мелгариту Федоровну монахиню, которых еще императрица знала, когда в молодости своей, когда они были при дворе простыми девушками. Любила шутов и дураков, и были при ней князь Никита Федорович Волконский[365], Балакирев[366] и князь Михайло Голицын[367], которые иногда и с больными есть шутками ее веселили. Се высший знак деспотичества, что благороднейших родов люди в толь подлую должность были определены. Но вместо ее все вельможи дрожали перед Бироном. Единый взгляд его благороднейших и именитейших людей в трепет приводил, но толь был груб и неприступен, что ниже и лести место давал. Однако были некоторые преданные, то есть граф Остерман, которого он другом почитал и уважал его по делам, принимая от него советы, и князь Александр Борисович Куракин[368], обершталмейстер, угождал ему лошадьми, яко умный человек льстил ему словами, и яко веселый веселил иногда государыню своими шутками, и часто соделанные им в пьянстве продерзости, к чему он склонен был, ему прощались. Петр Федорович Балк шутками своими веселил государыню и льстил герцогу, но ни в какие дела впущен не был.

Сказал уже я выше, что императрица Анна Иоанновна любила приличное своему сану великолепие и порядок, и тако двор, который еще никакого учреждения не имел, был учрежден, умножены стали придворные чины, серебро и злато на всех придворных возблистало, и даже ливрея царская сребром была покровенна; уставлена была придворная конюшенная канцелярия, и екипажи придворные всемогущие блистание того времени возымели. Итальянская опера была выписана, и спектакли начались, так как оркестр и камерная музыка. При дворе учинились порядочные и многолюдные собрания, балы, торжествы и маскарады.

А все вышеописанное и показует, какие шаги обстоятельствами правления и примерами двора злые нравы учинили. Жестокость

правления отняла всю смелость подданных изъяснять свои мысли, и вельможи учинились не советниками, но дакальщиками государевыми и его любимцев во всех таких делах, в которых имели причину опасаться противуречием своим неудовольствие приключить. Любовь к отечеству убавилась, а самство и желание награждений возросло. Великолепие, введенное у двора, понудило вельмож, а подражая им и других умножить свое великолепие. Оно уже в платьях, столах и других украшениях начинало из меры выходить; так что самою императрицею Анною примечено было излишнее великолепие, и изданным указом запрещено было ношение золота и серебра на платье, а токмо позволено было старое доносить, которые платья и были запечатаваны. Но тщетное приказание, когда сам двор, а паче тогда по причине сыновей герцога Курляндского, людей молодых, в сей роскошь впал. Не токмо сей роскошь виден был на торжественных одеяниях придворных и других чинов людей, но даже мундиры гвардии офицеров оной ощущали, а паче мундиры конной гвардии, которые тогда были синие с красными обшлагами, выкладенные петлями и по швам широким золотым галуном. Многие из знатных людей стали иметь открытые столы, яко фельдмаршал граф Миних[369], вице-канцлер граф Остерман, хотя впрочем весьма умеренно жил; Гаврила Иванович Головкин, генерал-адмирал, граф Николай Федорович Головин[370] и другие. Число разных вин уже умножилось, и прежде незнаемые шемпанское, бургонское и канское стало привозиться и употребляться на столы. Уже вместо сделанных из простого дерева мебелей стали не иные употребляться как аглинские, сделанные из красного дерева мегагена, домы увеличились, и вместо малого числа комнат уже по множеству стали иметь, яко свидетельствуют сие того времяни построенные здания, начали дома сии обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопристойным иметь комнату без обой, зеркал, которых сперва весьма мало было, уже во все комнаты и большие стали употреблять. Екипажи тоже великолепие восчувствовали и екипажи, богатые, позлащенные кареты, с точеными стеклами, обитые бархатом, с золотыми и серебряными бахрамами, лутчие и дорогие лошади, богатые тяжелые и позлащенные и посеребреные шоры, с кутасами[371] шелковыми и с золотом или серебром, также богатые ливреи стали употребляться. А паче таковой роскошь был виден, ибо он по приказанию учинен, во время свадьбы принцессы Анны Мекленбургской, племянницы императрициной, за принца Антона Ульриха Браунштейгского[372].

Всякой роскошь приключает удовольствие и некоторое спокойствие, а потому и приемлется всеми с охотою, и по мере приятности своей распространяется. А от сего, от великих принимая малые, повсюдова он начал являться. Вельможи, проживаясь, привязывались более ко двору, яко ко источнику милостей, а нижние к вельможам для той же причины. Исчезла твердость, справедливость, благородство, умеренность, родство, дружба, приятство, привязанность к Божию и к гражданскому закону, и любовь к отечеству. А места сии начинали занимать презрение Божественных и человеческих должностей, зависть, честолюбие, сребролюбие, пышность, уклонность, раболепность и лесть, чем каждый мнил свое состояние сделать и удовольствовать свои хотении.

Однако между множества людей оставалось еще великое число, которые, не быв толь близко у двора, сохраняли древнюю строгость нравов; и правосудие, естли не по склонности, но по крайней мере по страху казней, исполняемое, еще в довольном равновесии весы свои сохраняло. При таковых обстоятельствах (по кратком правлении принцессы Анны, вместо сына ее, принца Иоанна Брауншвейгского[373], именованного наследником империи умирающей императрицею Анною) принцесса Елизавета, дщерь Петра Великого и императрицы Екатерины, взошла на российский престол.

Умалчивая, каким образом было учинено возведение ее на всероссийский престол гренадерской ротой Преображенского полку, и многие другие обстоятельства, приступаю к показанию ее умоначертания, яко служещему к показаниям причин развратности нравов. Сия государыня из женского полу в младости своей была отменной красоты, набожна, милосерда, сострадательна и щедра, от природы одарена довольным разумом, но никакого просвещения не имела, так что меня уверял Дмитрий Васильевич Волков[374], бывший конференц-секретарь, что она не знала, что Великобритания есть остров. С природы веселого нрава и жадно ищущая веселий, чувствовала свою красоту и страстна умножать ее разными украшениями; ленива и недокучлива ко всякому требующему некоего прилежания делу, так что за леностию ее не токмо внутренние дела государственные многие иногда леты без подписания ее лежали, но даже и внешние государственные дела, яко трактаты, по несколько месяцев за леностью ее подписать ее имя у нее лежали; роскошна и любострастна, дающая многую поверенность своим любимцам, но однако такова, что всегда над ними власть монаршу сохраняла.

Хотя она, при шествии своем принять всероссийский престол, пред образом Спаса Нерукотворенного обещалась, что естли взойдет на родительский ей престол, то во все царствование свое повелением ее никто смертной казни предан не будет; однако, приняв престол, многих из вельмож повелела судить. В чем? В том, что они к царствующим тогда государям были привязаны, и что, не почитая ее наследницею престола, но опасаясь имя ее родителя и рождения ее, давали сходственные с пользою тех государей предосудительные ей советы, и оные были осуждены на смерть, приведены к эшафоту, и хотя свобождение от казни получили, но были в ссылки разосланы. Таков был отличный своим разумом генерал-адмирал граф Остерман, который управлением своим министерских дел многие пользы России приобрел; таков был фельдмаршал граф Миних, многажды победитель над турками и первый из европейских вождей, который укротил гордость сего вражеского христианам народа. Сии и некоторые другие были за усердие их к императрице Анне и принцу Иоанну сосланы в ссылку. Но одни ли они усердны к ним были и верно им служили? Вся Россия четырнадцать лет в том же преступлении была, а окружающие двор, последуя изволениям императрицы Анны, и весьма малое уважение к принцессе Елизавете имели, следственно и все справедливо должны были опасаться ее мщения, хотя не казни, но ссылки. Сему единый пример приложу. При восшествии на престол, был дежурным генерал-адъютантом граф Петр Семенович Салтыков[375]. Родственник же его Василий Федорович Салтыков, человек злой и глупый, имел сведение о намерениях принцессы Елизаветы. И когда вышеименованный дежурный генерал-адъютант был арестованный приведен пред вновь восшедшую императрицу и пал к ней на колени, тогда родственник сей Василий Федорович Салтыков ему сказал, что вот таперь ты стоишь на коленях перед нею, а вчерась и глядеть бы не хотел, и готов бы всякое ей зло сделать. Поражен такими словами, не мог граф Петр Семенович ничего ответствовать. Но милостивое снисхождение самой государыни, запретившей врать Василью Федоровичу, его ободрило.

В таком страхе находился весь двор, а где есть страх, тут нет твердости. Первый бывший не весьма любимым при дворе принцессы Анны князь Никита Юрьевич Трубецкой вошел в силу. Человек умный, честолюбивый, пронырливый, злой и мстительный, быв пожалован в генерал-прокуроры, льстя новой императрице, и может быть, имея свои собственные виды, представлял о возобнов-

лении всех законов Петра Великого. Почитающая память родителя своего императрица Елизавета на сие согласилась, и все узаконения императрицы Анны, которые были учинены в противность указам Петра Великого, окроме о праве перворождения в наследстве[376], были уничтожены, между коими многие весьма полезные обретались. Льстя государю, надлежало льстить и его любимцу, а сей был тогда Алексей Григорьевич Разумовский[377], после бывший графом. Сей человек из черкас, из казаков, был ко двору принцессы Елизаветы привезен в певчие, учинился ее любовником, был внутренно человек добрый, но недального рассудку, склонен, как и все черкасы, к пьянству, и так сей его страстью старались ему угождать. Степан Федорович Апраксин[378], человек также благодетельный и доброго расположения сердца, но мало знающ в вещах, пронырлив, роскошен и честолюбив, а к тому и хотя не был пьяница, но не отрекался иногда в излишность сию впадать, и привезенный из ссылки граф Алексей Петрович Бестужев[379], бывший при императрице Анне кабинет-министром и добрым приятелем Бирону, за которого он и в ссылку был сослан. Человек умный, чрез долгую привычку искусный в политических делах, любитель государственной пользы, но пронырлив, зол и мстителен, сластолюбив, роскошен и собственно имеющий страсть к пьянству. Сии двое, пив с ним вместе и угождая сей его страсти, сочинили партию при дворе, противную князь Никите Юрьевичу Трубецкому.

Были еще другие, носящие милость на себе монаршу, сии суть родственники императрицыны, по ее матери императрице Екатерине Алексеевне, и по бабке ее Наталье Кирилловне[380], и оные первые были Ефимовские, Скавронские и Гендриковы, о которых о всех генерально можно сказать, что они были люди глупые и распутные; поумнее или, лучше сказать, поживее из них изо всех был, но и тот был недалек, Николай Наумович Чеглоков, за которого ближняя свойственница государынина Марья Симоновна Гендрикова была выдана[381]; и Михайло Ларионович Воронцов, женатый на Анне Карловне Скавронской[382], двоюродной сестре императрицы, после пожалованный графом и бывший канцлером, коего тихой обычай не дозволял оказывать его разум, но по делам видно, что он его имел, а паче дух твердости и честности в душе его обитал, яко самыми опытами он имел случай показать. Вторые были Нарышкины, и хотя род сей и довольно многочислен, но ближним родственником своим считала

императрица Александра Львовича Нарышкина[383], к которому всегда отличное уважение показывала.

Потом были в особливом уважении у двора те, которые знали о намерениях императрицы взойти на престол, и сии были, окроме Михаила Ларионовича Воронцова, князь Гессен-Гомбурский[384] и его супруга княгиня Катерина Ивановна, и Василий Федорович Салтыков с его женою.

Признательность императрицы простиралась и на тех, которые у двора ее с верностью ей служили, и сии были: два брата Александр[385] и Петр[386] Ивановичи Шуваловы, которого второго жена Мавра Егоровна и любимица императрицына была, и о сей последней чете буду иметь случай впредь упомянуть. Скворцов[387], Лялин[388], Возжинский[389] и Чулков[390], из которых некоторые и из подлости были.

Все сии разные награждения получили, а недостаточные стали обогащены. И как не одно рождение, и по долголетним службам полученные чины стали давать преимущество у двора, то и состояния смешались, и что из подлости или из незнатных дворян происшедший, обогащенный по пышности делал, того знатный, благородный или заслуженный, но не награжденный человек за стыд почитал не делать. Когда смешались состояния, когда чины начали из почтения выходить, а достатки не стали равняться, единые, от монаршей щедроты получая многое, могли много проживать, а другие, имея токмо рождение и службу и небольшой достаток, с ними восхотели равны быть, тогда естественно роскошь и сластолюбие сверху вниз стали преходить и разорять нижних; а как сие сластолюбие никогда пределов излишностям своим не полагает и самые вельможи начали изыскивать умножить оное в домах своих. Двор, подражая или, лутче сказать, угождая императрице, в златотканные одежды облекался; вельможи изыскивали в одеянии все, что есть богатее, в столе все, что есть драгоценнее, в пище, что реже, в услуге возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили к оной пышность в одеянии их. Екипажи возблистали златом, дорогие лошади, не столько для нужды удобные, как единственно для виду, учинились нужные для вожения позлащенных карет. Дома стали украшаться позолотой, шелковыми обоями во всех комнатах, дорогими меблями, зеркалами и другими. Все сие составляло удовольствие самым хозяевам, вкус умножался, подражание роскошнейшим народам возрастало, и человек делался почтителен по мере великолепности его житья и уборов.

Очевидный будучи свидетель роду жизни и сластолюбия тогдашнего времени, я некоторые примеры потщуся представить. Граф Алексей Петрович Бестужев имел толь великий погреб, что он знатной капитал составил, когда после смерти его был продан графом Орловым[391]. Палатки, которые у него становливались на его загородном дворе на Каменном Острове, имели шелковые веревки. Степан Федорович Апраксин всегда имел великой стол, гардероб его из многих сот разных богатых кафтанов состоял; в походе, когда он командовал российской армией противу прусского короля, все спокойствия, все удовольствия, какие возможно было иметь в цветущем торговлей граде, с самой роскошью при звуке оружей и беспокойстве маршей ему последовали. Палатки его величиною город составляли, обоз его более нежели 500 лошадей отягчал, и для его собственного употребления было с ним 50 заводных богато убранных лошадей. Граф Петр Борисович Шереметев[392], сперва камергер, а потом генерал-аншеф и генерал-адъютант, богатейший тогда в России человек, как по родителе своем графе Борисе Петровиче Шереметеве, так и по супруге своей графине Варваре Алексеевне, рожденной княжне Черкаской, дочери и наследнице князь Алексея Михайловича Черкаского, человека также весьма богатого. Человек весьма посредственный разумом своим, ленив, не знающ в делах, и, одним словом, таскающий, а не носящий свое имя, и гордящийся единым своим богатством, в угодность монархине со всем возможным великолепием жил. Одежды его наносили ему тягость от злата и сребра и блистанием ослепляли очи; екипажи его, к чему он и охоты не имеет, окроме что лутчего вкусу, были выписаны изо Франции, были наидрагоценнейшие, стол его великолепен, услуга многочисленна, и житье его, одним словом, было таково, что не единожды случалось, что нечаянно приехавшую к нему императрицу с немалым числом придворных, он в вечернем кушанье, якобы изготовляясь, мог угощать. А сие ему достоинством служило, и он во всяком случае у двора, не взирая на разные перемены в рассуждении его особы, был особливо уважаем. Граф Иван Григорьевич Чернышев[393], сперва камер-юнкер, а потом камергер, человек не толь разумный, коль быстрый, увертливый и проворный, и, словом, вмещающий в себе все нужные качества придворного, многие примеры во всяком роде сластолюбия подал. К несчастью России, он немалое время путешествовал в чужие край, видел все, что сластолюбие и роскошь при других европейских дворах наиприятнейшего имеют, он

все сие перенял, все сие привез в Россию, и всем сим отечество свое снабдить тщился. Одеяния его были особливого вкуса и богатства, и их толь много, что он единожды вдруг двенадцать кафтанов выписал. Стол его, со вкусом и из дорогих вещей соделанный, обще вкус, обоняние и вид привлекал; екипажи его блистали златом, и самая ливрея его пажей была шитая серебром; вины у него были на столе наилутчие и наидражайшие. И подлинно он сим некоторое преимущество получал, яко человек имеющий вкус, особливо всегда был уважаем у двора, женился на богатой невесте Ефимовской[394], родне государыни и любимой ею, потом учинился другом фавориту Ивану Ивановичу Шувалову[395], чрез него прежде других тогда весьма в почтении находящуюся ленту польскую Белого орла получил, а сим же защищением чрез Сенат за малую цену, то есть не более 90 000 рублев, получил медные заводы, где с лишком на сто тысяч готовой меди было, и которые, чрез несколько лет приведенные им в разоренье, с великим иском на них, за 700 000 продал обратно короне.

Вкореняющаяся такая роскошь проникла и в такие состояния людей, которые бы по чинам и обстоятельствам своим не имели нужду ее употреблять. Князь Борис Сергеевич Голицын[396], сперва отбегающий от службы порутчик или капитан, а потом отставной майор, оную в Москве колико возможно оказывал; богатые одеяния его и жены его, ливреи, екипажи, стол, вина, услуга и протчее, все было великолепно. Таковое роскошное житье привлекало ему некоторый род почтения, но изнуряло его состояние, так как и действительно он как от долгов приватным людям, так и от долгов казне разоренный умер, и жена его долгое время должна была страдать и претерпевать нужду в платеже за безумие своего мужа, для оплаты нажитых долгов.

Тако сластолюбие повсюду вкоренялось, к разорению домов и к повреждению нравов. Но где оно наиболее оказало вредных своих действий? И где оно, соединяясь с пышностью и властолюбием, можно сказать, оказало свою победу над добрыми нравами? Сие было в особе графа Петра Ивановича Шувалова. Имя сего мужа памятно в России не токмо всем вредом, который сам он причинил, но и примерами, которые он оставил к подражанию. Род Шуваловых у нас никогда в великих чинах не бывал, и отец сего Шувалова, Иван Максимыч[397], в младости своей у деда моего, брата родного моего деда князь Юрья Федоровича Щербатова, у князь Федора Фёдоровича[398] был знакомцем. Вошед в службу, долговременным продолжением

оной достиг наконец до генерал-майорского чину, был губернатором у города Архангельского, откудова отец мой его сменил, и оттуда был употреблен в губернаторы или в Ригу или в Ревель, где и умер. Он был человек умный и честный, имел двух сыновей Александра и Петра Ивановичей, которым дав приличное воспитание, определил их в службу ко двору цесаревны Елизаветы Петровны. В царствование императрицы Анны Ивановны старались наполнять двор сей цесаревны такими людьми, которые бы ни знатности рода, ни богатства не имели, и тако сии достигли из пажей даже до камер-юнкеров. Петр Иванович Шувалов был человек умный, быстрый, честолюбивый, корыстолюбивый, роскошный, был женат на Мавре Егоровне Шепелевой[399], женщине, исполненной многими пороками, а однако любимице императрицыной. Он, пользуясь напамятованием прежней своей службы, когда быв при дворе ее, яко цесаревны, разделял ее утеснения, и милостью императрицы к жене его, с самого начала приятия престола императрицы Елизаветы Петровны отличную стал иметь силу; вскоре был пожалован в камергеры, и разумом своим, удобным к делам и ко льсти, силу свою умножил, пожалован был в генерал-порутчики и присутствовать в Сенат. Тут соединяя все, что хитрость придворная наитончайшего имеет, то есть, не токмо лесть, угождение монарху, подслуживанье любовнику Разумовскому, дарение всем подлым и развратным женщинам, которые были при императрице и которые единые были сидельщицы у нее по ночам, иные гладили ее ноги, к пышному не многознаменующему красноречию. Проникнул он, что доходы государственные не имеют порядочного положения, а императрица была роскошна и сластолюбива; тогда когда Сенат, не имея сведения о суммах, где какие находятся, всегда жаловался на недостаток денег, сей всегда говорил, что их довольно, и находил нужные суммы для удовольствия роскоши императрицы. Дабы на умножающееся сластолюбие иметь довольно денег, тогда как другие, взирая на недостаток народный, не дерзали ничего накладывать, сей, имея в виду свою пышность и собственные свои пользы, увеличил тщаниями своими доходы с винных откупов, и для удовольствия своего корыстолюбия сам участником оных учинился. Монополии старался вводить, и сам взял откуп табаку, рыбные ловли на Белом и Ледяном море[400], и леса Олонецкие, за все получая себе прибыль. При милосерднейшей государыне учредил род инквизиции, изыскующей корчемство, и обагрил российские области кровью пы-

танных и сеченных кнутом, а пустыни сибирские и рудники наполнил сосланными в ссылку и на каторги, так что считают до 15 000 человек, претерпевших такое наказание. Взирая на торговлю, умножил пошлины на товары без разбору, и тем приумножением убытку по цене оных, при умножении сластолюбия принужденно многих в разорение повлек. Умножил цену на соль, а сим самым приключил недостаток и болезни в народе. Коснувшись до монеты, возвышал и уменьшал ее цену, так что пятикопеешники медные привел ходить в грош, и бедные подданные на капитале медных денег, хотя не вдруг, но три пятых капиталу своего потеряли. По его предложению делана была монета медная по осьми рублёв из пуда, а потом опять переделавана по шестнадцати рублёв из пуда. Хотя ни одно из сих действий не было учинено без тайных прибытков себе, но еще дошедши до чину генерал-фельцехмейстера, и быв подкрепляем родственником своим Иваном Ивановичем Шуваловым, которого ввел в любовники к любострастной императрице, тогда когда повсюдова в Европе умножали артиллерию, и Россия, имея тысячи пушек, могла бы, токмо их перелив, снабдить армию и флот, он множество старых пушек в медную монету переделал, приписуя себе в честь, что якобы неизвестное и погибшее сокровище в сокровище обращающееся обратил. Не могши скрыть свои желания корыстолюбия, силой и властью своею, и пользуяся узаконением Петра Великого, чтобы заводы рудокопные отдавать в приватные руки, испросил себе знатные заводы, и между протчими, лутчий в государстве, Гороблагодацкий[401], и сие с такой бессовестностью, что когда сей завод, могущий приносить прибыли многие сты тысяч рублёв, был оценен в 90 тысяч рублёв, то он не устыдился о дорогой оценке приносить жалобу Сенату и получил его по новой переценке, где не справедливость и не польза государская были наблюдаемы, но страх его могущества, не с большим за 40 тысяч рублей завод, при котором было приписных до двадцати тысяч душ, завод, приносящий после ему до двухсот тысяч рублев, и который после взят был обратно короною за его долги за бесценок, за 750 рублей. Откупы, монополии, мздоимства, торговля, самим им заведенная, и грабительства государственных имений не могли однако его жадность и сластолюбие удовольствовать. Учредил банк[402], по-видимому могущий бы полезным быть подданным, и оный состоял в медной монете, занимая из которого должно было платить по два процента и чрез несколько лет внести капитал серебром.

Но кто сим банком воспользовался? Он сам, взяв миллион; Гот, взявший у него на откуп Олонецкие леса, и взятые деньги отдавший ему; армяне, взявшие в монополию астраханский торг и большую часть взятых денег отдавшие ему. Князь Борис Сергеевич Голицын, который толь мало взятьем сим пользовался, что уверяют, якобы в единое время из 20 тысяч, им взятых, токмо 4 тысячи в пользу себе употребил.

Властолюбие его, равно как и корыстолюбие, пределов не имело. Не довольствуясь, что он быв генерал-фелцехмейстер, генерал-адъютант и сенатор, восхотел опричную себе армию соделать. Представление его, так как и все чиненны им, было принято, и он сочинил армию[403], состоящую из тридцати тысяч пехоты, разделенную в шесть легионов или полков, каждый по пяти тысяч человек, которые ни от кого, окроме его, не зависели. Является, что в России рок таковых безнужных затей есть скоро родиться и еще скорее упадать, армия сия, сочиненная из лутчих людей государства, пошла в поход противу прусских войск[404], много потерпела, ничего не сделала, часть ее превращена была в состоящие под его же начальством фузелерные полки[405], а потом и совсем исчезла.

Мало я не забыл, исчисляя честолюбивые затеи сего чудовища, помянуть о изобретенных им, иль лутче сказать, в подражание старинных и отброшенных голбиц, которые Шуваловскими назывались и коих коническая камера чинила, что весьма далеко отдавали, а елипсической калибер, что разметисто наблизко картечами стреляли, и единорогов, которые и ныне есть в употреблении, ради легости их. Он, выдумку свою всему предпочитая, гербы свои на сих новых орудиях изображал, гнал всех тех, которые дерзали о неудобности их, ныне доказанной, говорить, яко между протчими содержал под арестом князь Павла Николаевича Щербатова[406], сказавшего по приезде своем из армии, что их действие весьма близко, не может быть инако действительно, как на совершенно гладком месте; что отдача назад голбиц может самим действующим им войскам вред нанести и расстроить их порядок, а что тягость их не удобна ни к вожению, ни к поставлению после выстрела на прежнее место, и наконец, что достойно смеху то, что их толь секретными почитают, и с особливою присягою к ним люди употреблены, которые даже от главных начальников сокрывают сей мнимый секрет с обидою оных, коим вверено начальство армии, а не могут они знать ни секрета, ни действия употребляемых в ней орудей, а самое сие расстраивает всю дисциплину

в войске, что введенные в сие таинство, якобы отличные люди от других, не по достоинству, но по опричности своей излишние чины получают и более других им всемощным начальником уважаемы суть.

Между многих таковых развратных его предприятий начаты однако были два по его предложениям, то есть Генеральное межеванье[407] и сочинения Нового уложения[408]. Но за неоспоримую истину должно сие принять, что развратное сердце влечет за собою развратный разум, который во всех делах того чувствителен бывает. Хотя не можно сказать, чтобы намерения Генерального межеванья не полезно было государству и чтобы межевая инструкция не содержала в себе много хороших узаконений, но многие в ней находились и такие, которые не сходственно со справедливостью, но по дальновидности его ли самого или его окружающих были для собственных их польз учинены. А исполнение еще хуже было. Порочного сердца человек выбирал порочных людей для исправления разных должностей, те, не на пользу общественную, но на свои прибытки взирая, также порочных людей одобряли, отчего множество тогда же произошло злоупотреблений. И не пользою обществу сие межеванье учинилось, но учинилось верным способом к нажитку определенных и к грабежу народа. Сочинение уложенья не лутчей успех имело, ибо были к сему толь полезному делу государства определены люди не те, которые глубокою наукою состояние государства и древних прав, сообщенных с наукою логики и моральной философии, а равно и с долговременным исполнением беспорочно своих должностей, могли удостоиться имени законодателей и благотворителей своего отечества. Но Емме[409], человек ученый, но груб и бесчеловечен с природы. Дивов[410], глупый, наметливый на законы человек, но мало смыслящий их разум, а к тому же корыстолюбивый. Ешков[411], добрый и не мздоимщик и знающий по крайней мере российские законы человек, но ленивый, праздный и не твердый судья. Козлов[412], умный и знающий законы человек, но токмо пред тем вышел из-под следствия по мздоимствам и воровствам. Глебов[413], угодник графу Шувалову, умный по наружности человек, но соединяющий в себе все пороки, которые сам он, Петр Иванович, имел. Такие люди, таково и сочинение. Наполнили они сочиненное свое уложенье множество пристрастными статьями, по которым каждый хотел или свои дела решить, или, начавши новые, воспользоваться разорением других. Наполнили его неслыханными жестокостями пыток и наказаний, так что, когда по сочинении оное

было без чтения Сенатом и других государственных чинов поднесено к подписанию государыни, и уже готова была сия добросердечная государыня не читая подписать, перебирая листы, вдруг попала на главу пыток, взглянула на нее, ужаснулась тиранству и, не подписав, велела переделывать. Тако чудесным образом избавилась Россия от сего бесчеловечного законодательства.

Но я слишком отдалился от моей причины, колико она ни достойна любопытства, и токмо ее продолжил для показания умоначертания сего именитого мужа, а развратность вельможи влекла примером своим развратность и на нижних людей. И подлинно, до его правления хотя были взятки, были неправосудия и был разврат, но все с опасением строгости законов, и народ, хотя малое что и давая, не мог справедливо жаловаться, что разорен есть от судей. Но с возвышением его неправосудие чинилось с наглостию, законы стали презираться, и мздоимства стали явные. Ибо довольно было быть любиму и защищаему им, графом Шуваловым, иль его метресами, иль его любимцами Глебовым и Яковлевым[414], чтобы не страшася ничего, всякие неправосудия делать и народ взятками разорять. Самый Сенат, трепетав его власти, принужден был хотениям его повиноваться, и он первый, иже правосудия и из сего высшего правительства изгнал. Чрез искание Анны Борисовны графини Апраксиной[415], дочери князь Бориса Васильевича Голицына[416], при княгине Алене Степановне Куракиной[417], решено было дело между князь Голицына и княгини Елены Васильевны Урусовой[418] в беглых крестьянах, и хотя она была права, но решением Сената была приведена в разоренье. Защищал он сообщася с графом Александром Борисовичем Бутурлиным[419], князей Долгоруких, по делу о деревнях Анны Яковлевны Шереметевой[420], дочери именитого князь Якова Федоровича Долгорукова, чтобы лишить не право принадлежащей части князь Якова Александровича[421] и сестру его княжну Марью Александровну[422] Долгоруких, и тесть мой[423], на сие голос подал, то сказано ему было от вышеименованного графа Бутурлина, что естли он от сего дела не отступит, они найдут способ толико его обнести у государыни, что может быть он свое упрямство и ссылкою заплатит.

Не могу я упустить, чтобы не помянуть об едином узаконении сего графа Петра Ивановича Шувалова, учиненном для собственного его прибытку и разрушающем супружественную связь, которая до сего у нас свято сохранялась. Между прочими вещами, связующими су-

пругов, и, сходственно с Божьим законом, подчиняющих жен мужьям своим, было узаконение, что жена без воли мужа своего недвижимого своего имения продать и заложить не могла, и муж всегда должен был позволение свое в крепости подпискою означить. Графу Петру Ивановичу Шувалову нужда была купить одну деревню, не помню у какой графини Головиной, живущей особливо от мужа своего, и посему и не могущей его согласия иметь. Предложил, чтобы сей знак покорства жен уничтожить. По предложению его, яко всесильного мужа в государстве, был учинен указ, он деревню купил, а сим подал повод по своенравиям своим женам от мужей отходить, разорять их детей, а отшедшим разоряться.

Довольно, думаю, описал я разные клонящиеся к своим собственным прибыткам предприятия графа Шувалова, наводящие тогда же мне огорчения не токмо по самому злу, чинившемуся тогда, но и по даваемому примеру, о котором я пророчествовал, что он множество подражателей себе найдет, яко и действительно воспоследовало. Князь В[яземский][424] показанием, что он умножает доходы, хотя то часто со стенанием народа, в такую силу вошел, что владычествует над законами и Сенатом. К[нязь] П[отемкин][425] не токмо всю армию по Военной коллегии под властию своей имеет, но и особливую опричную себе дивизию из большей части армии сочинил, а нерегулярные все войска в опричнину себе прибрал, стараясь во всех делах толико превзойтить графа Шувалова, колико он других превосходил. Мне должно теперь помянуть о его нравах и роскоши. Беспрестанно в замыслах и беспрестанно в делах не мог он иметь открытого дому и роскошь свою великолепным житьем показывать. Но был сластолюбив и роскошен в приватном своем житье. Дом его был убран колико возможно лутче по тогдашнему состоянию, стол его маленький наполнен был всем тем, что есть драгоценнейшее и вкуснейшее. Десерт его был по тогдашнему наивеликолепнейший, ибо тогда как многие, изживши век, вкусу ананасов не знали, а о банане и не слыхивали, он их в обильстве имел и первый из приватных завел ананасовую большую аранжерею. Вины, употребляемые им, не токмо были лутчие, но, не довольствуясь теми, которые обыкновенно привозятся и употребляются, делал дома вино ананасовое. Екипаж его был блистающ златом, и он первый цук аглинских, тогда весьма дорогих лошадей имел. Платье его соответствовало также пышности: злато, сребро, кружевы, шитье на нем блистали, и он первый по графе Алексее Григорьевиче

Разумовском имел бриллиантовые пуговицы, звезду, ордена и еполет, с тою токмо разностию, что его бриллиантовые уборы богатее были. Во удовольствие своего любострастия всегда имел многих метрес, которым не жалея деньги сыпал, а дабы и тело его могло согласоваться с такой роскошью, принимал ежедневно горячие лекарства, которые и смерть его приключили. Одним словом, хотя он тогда имел более 400 тысяч рублей доходу, но на его роскошь, любострастие и дары окружающих императрицу недоставало, и он умер, имея более миллиона на себе казенного долгу.

Примеры таковые не могли не разлиться на весь народ, и повсюдова роскошь и сластолюбие умножились. Дома стали великолепно убираться и стыдились не аглинские мебели иметь. Столы учинились великолепны, и повара, которые сперва не за первого человека в доме считались, стали великие деньги в жалованье получать. Так что Фукс, бывший повар императрицын, и служивший ей в цесаревнах, хотя имел бригадирский чин, но жалованье получал по 800 рублёв в год, а уже тогда и приватные стали давать рублёв по пятисот, окроме содержания. Лимоны и померанцы не могли быть дороги в Петербурге, куда они кораблями привозятся, но в Москве они были толь редки, что разве для больного или для особливо великого стола их покупали, учинились и в Москве в изобильстве. Вины дорогие и до того незнаемые не токмо в знатных домах вошли во употребление, но даже и низкие люди их употреблять начали, и за щегольство считалось их разных сортов на стол подавать, даже, что многие под тарелки в званые столы клали записки разным винам, дабы каждый мог попросить какое кому угодно. Пиво аглинское, до того и совсем не бывшее во употреблении, но введенное во употребление графиней Анной Карловной Воронцовой[426], которая его любила, стало не токмо в знатных столах ежедневно употребляться, но даже подлые люди, оставя употребление русского пива, оным стали опиваться. Свечи, которые до сего по большей части употреблялись сальные, а где в знатных домах, и то перед господами, употребляли вощеные, но и те из желтого воску, стали везде да и во множестве употребляться белые восковые. Роскошь в одеждах все пределы превзошел: парчевые, бархатные, с золотом и серебром, платья шитые золотом, серебром и шелками, ибо уже галуны за подлое почитали, и те в толиком множестве, что часто гардероб составлял почти равный капитал с прочим достатком какого придворного или щеголя, а и у умеренных людей оного всегда

великое число было. Да можно ли было сему инако быть, когда сам государь прилагал все свои тщания ко украшению своей особы, когда он за правило себе имел каждый день новое платье надевать, а иногда по два и по три на день, и стыжусь сказать число, но уверяют, что несколько десятков тысяч разных платий после нее осталось. Мундиров тогда, кто имел токмо достаток, кроме должности своей не нашивали, и даже запрещено было в оных танцевать при дворе. Екипажи были умеренного с прочим великолепия, уже русского дела карета в презрении была, а надлежало иметь, с заплатою нескольких тысяч рублев, французскую и с точеными стеклами, чтоб шоры и лошади оной соответствовали и прочее. Однако при всем сем еще очень мало было сервизов серебряных, да и те большая часть жалованных государем. Степан Федорович Апраксин, человек пышный и роскошный, помнится мне, до конца жизни своей на фаянсе едал, довольствуясь иметь чаши серебряные, и я слыхал от Ивана Лукьяновича Талызина[427], что он первый из собственных своих денег сделал себе сервиз серебряный.

При сластолюбивом и роскошном государе не удивительно, что роскошь имел такие успехи, но достойно удивлению, что при набожной государыне, касательно до нравов, во многом Божественному закону противуборствия были учинены. Сие есть в рассуждении хранения святости брака, таинства по исповеданию нашей веры. Толь есть истинно, что единый порок и единый проступок влечет за собою другие. Мы можем положить сие время началом, в которое жены начали покидать своих мужей. Не знаю я обстоятельств первого странного развода, но в самом деле он был таков. Иван Бутурлин, а чей сын не знаю, имел жену Анну Семеновну. С ней слюбился Степан Федорович Ушаков[428], и она, отошед от мужа своего, вышла за своего любовника, публично содеяв любодейственный и противный церкви сей брак, жили. Потом Анна Борисовна графиня Апраксина рожденная княжна Голицына, бывшая же в супружестве за графом Петром Алексеевичем Апраксиным, от него отошла. Я не вхожу в причины, чего ради она оставила своего мужа, который подлинно был человек распутного жития. Но знаю, что развод сей не церковным, но гражданским порядком был сужен. Муж ее, якобы за намерение учинить ей какую обиду в немецком позорище, был посажден под стражу и долго содержался, и наконец велено ей было дать ее указную часть из мужня имения при живом муже, а именоваться ей по-прежнему княж-

ною Голицыною. И тако, отложа имя мужа своего, приведши его до посаждения под стражу, наследница части его имения учинилась по тому токмо праву, что отец ее, князь Борис Васильевич, имел некоторый случай у двора, а потом, по разводе своем, она сделалась другом княгини Елене Степановне Куракиной, любовнице графа Шувалова.

Пример таких разводов вскоре многими другими женами был последуем, и я токмо двух в царствовании императрицы Елисаветы Петровны именовал, а ныне их можно сотнями считать.

Еще Петр Великий, видя, что закон наш запрещает князь Никите Ивановичу Репнину[429] вступить в четвертый брак, позволил ему иметь метресу, и детей его, под именем Репнинских, благородными признал. Так же князь Иван Юрьевич Трубецкой[430], быв пленен шведами, имел любовницу, сказывают, единую благородную женщину, в Стокгольме, которую он уверил, что он был вдов, и от нее имел сына, которого именовали Бецким, и сей еще при Петре Великом почтен был благородным и уже был в офицерских чинах. Такому примеру последуя, при царствовании императрицы Елизаветы, выбледок князь Василья Владимировича Долгорукова[431] Рукин наравне с дворянами был производим. Алексей Данилович Татищев[432], не скрывая, холопку свою, отнявшую у мужа жену, в метресах содержал, и дети его дворянство получили. А сему подражая, ныне толико сих выбледков дворян умножилось, что повсюдова толпами их видно. Лицыны, Ранцовы и прочие, которые или дворянство получают, либо по случаю или за деньги до знатных чинов доходят, что кажется хотят истребить и честь законного рождения, и, не закрыто содержа метрес, являются знатные люди насмехаться и святостию закона, и моральным правилам, и благопристойности. И тако можно сказать, что и сии злы, толь обыкновенные в нынешнее время, отрыгнули корень свой в сие царствование.

Такое было расположение нравов при конце сей императрицы, и она, скончавшись, оставила престол свой племяннику своему, сыну старшей своей сестры, Анны Петровны, бывшей за герцогом Голштинским, Петру Федоровичу[433], государю, одаренному добрым сердцем, естли может оно быть в человеке, не имеющем ни разума, ни нравов, ибо, впрочем, он не токмо имел разум весьма слабый, но яко и помешанный, погруженный во все пороки: в сластолюбие, роскошь, пьянство и любострастие. Сей, взошедший на всероссийский престол, к поврежденным нравам быв сам с излихвою повреж-

ден, равно по природному своему расположению, так что и во все время царствования императрицы Елизаветы старались наиболее его нравы испортить, не мог исправления им сделать.

Сей государь имел при себе главного своего любимца Льва Александровича Нарышкина[434], человека довольно умного, но такого ума, который ни к какому делу стремления не имел, труслив, жаден к честям и корысти, удобен ко всякому роскошу, шутлив, и, словом, по обращениям своим и по охоте шутить более удобен быть придворным шутом, нежели вельможею. Сей был помощник всех его страстей.

Взошедши сей государь на всероссийский престол без основательного разуму и без знания во всяких делах, восхотел поднять вольным обхождением воинский чин. Все офицеры его голштинские, которых он малый корпус имел, и офицеры гвардии часто имели честь быть при его столе, куда всегда и дамы приглашались. Какие сии были столы? Тут вздорные разговоры, смешенные с неумеренным питьем, были смешены, тут после стола поставленный пунш и положенные трубки, продолжения пьянства и дым от курения табаку представлял более какой трактир, нежели дом государский; коротко одетый и громко кричащий офицер выигрывал над прямо знающим свою должность. Похвала прусскому королю, тогда токмо преставшему быть нашим неприятелем, и унижение храбрости российских войск составляли достоинство приобрести любление государево; и граф Захар Григорьевич Чернышев[435], при бывшей пробы российской и прусской взятой в плен артиллерии, за то, что старался доказать, и доказал, что российская артиллерия лутче услужена, не получил за сие Андреевской ленты, которые тогда щедро были раздаваемы.

Имел государь любовницу, дурную и глупую, графиню Елизавету Романовну Воронцову[436], но ею, взошед на престол, он доволен не был, а вскоре все хорошие женщины под вожделение его были подвергнуты. Уверяют, что Александр Иванович Глебов, тогда бывший генерал-прокурор, и им пожалованный купно и в генерал-крикскомиссары, подвел падчерицу свою Чеглокову, бывшую после в супружестве за Александр Николаичем Загряжским[437], и уже помянутая мною выше княгиня Елена Степановна Куракина была привожена к нему на ночь Львом Александровичем Нарышкиным, и я сам от него слышал, что бесстыдство ее было таково, что, когда по ночевании ночи он ее отвозил домой по утру рано и хотел, для сохранения чести ее, и более чтобы не учинилось известно сие графине Елизавете

Романовне, закрывши гардины ехать, она, напротив того, открывая гардины, хотела всем показать, что она с государем ночь переспала. Примечательна для России сия ночь, как рассказывал мне Дмитрий Васильевич Волков, тогда бывший его секретарем. Петр Третий, дабы сокрыть от графини Елизаветы Романовны, что он всю ночь будет веселиться с новопривозной, сказал при ней Волкову, что он имеет с ним сию ночь препроводить в исполнении известного им важного дела в рассуждении благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошел веселиться с княгинею Куракиной, сказав Волкову, чтобы он к завтрею какое знатное узаконение написал, и был заперт в пустую комнату с датскою собакою. Волков, не зная ни причины, ни намерения государского, не знал, о чем зачать писать, а писать надобно. Но как он был человек догадливый, то вспомнил нередкие вытвержения государю от графа Романа Ларионовича Воронцова[438] о вольности дворянства, седши, написал манифест о сем. По утру его из заключения выпустили, и манифест был государем опробован и обнародован[439].

Не токмо государь, угождая своему любострастию, тако благородных женщин для удовольствия себе употреблял, но и весь двор в такое пришел состояние, что каждый почти имел незакрытую свою любовницу, а жены, не скрываясь ни от мужа, ни родственников, любовников себе искали. Исчислю ли я к стыду тех жен, которые не стыдилися впадать в такие любострастия, с презрением стыда и благопристойности, иже сочиняет единую из главнейших добродетелей жен? Нет, да сокроются от потомства имена их, и роды их да не обесчещутся напамятованием преступлений их матерей и бабок. И тако, довольствуясь описать, какой был разврат, подробно о любострастиях их, ни о именах их не помяну. Ибо в самом деле, с угрызением сердца моего принуждаю себя и тут, где необходимо должно поминать, именуя таковых, по причине сочинения сего, определенного сокрыться в моей фамилии меня принуждает.

И тако разврат в женских нравах, угождение государю, всякого роду роскошь и пьянство составляло отличные умоначертания двора, и оттуда они уже некоторые разлились и на другие состояния людей в царствование императрицы Елизаветы Петровны, а другие разливаться начинали, когда супруга сего Петра Третьего, рожденная принцесса Ангальт-Цербстская, Екатерина Алексеевна[440], взошла с низвержением его на российский престол. Не рожденная от кро-

ви наших государей, жена, свергнувшая своего мужа возмущением и вооруженною рукою, в награду за толь добродетельное дело корону и скипетр российский получила, купно и с именованием благочестивые государыни, яко в церквах о наших государях моления производятся. Не можно сказать, чтобы она не была качествами достойна править толь великой империей, естли женщина возможет поднять сие иго, и естли одних качеств довольно для сего вышнего сану. Одарена довольной красотой, умна, обходительна, великодушна и сострадательна по системе, славолюбива, трудолюбива по славолюбию, бережлива, предприятельна, некое чтение имеющая. Впрочем мораль ее состоит на основании новых философов, то есть не утвержденная на твердом камени закона Божия, и потому, как на колеблющихся светских главностях есть основана, с ними обще колебанию подвержена. Напротив же того, ее пороки суть: любострастна, и совсем вверяющаяся своим любимцам, исполнена пышности во всех вещах, самолюбива до бесконечности, и не могущая себя принудить к таким делам, которые ей могут скуку наводить, принимая все на себя, не имеет попечения о исполнении и, наконец, толь переменчива, что редко и один месяц одинакая у ней система в рассуждении правления бывает.

Со всем тем, вошедши на престол и не учиня жестокого мщения всем тем, которые до того ей досаждали, имела при себе любимца своего[441], который и вспомоществовал ей взойтить на престол, человека взросшего в трактирах и в неблагопристойных домах, ничего не учившегося и ведущего до того развратную младого человека жизнь, но сердца и души доброй. Сей, вошедши на вышнею степень, до какой подданный может достигнуть, среди кулачных боев, борьбы, игры в карты, охоты и других шумных забав, почерпнул и утвердил в сердце своем некоторые полезные для государства правила, равно как и братья его. Оные состояли никому не мстить, отгонять льстецов, оставить каждому месту и человеку непрерывное исполнение их должностей, не льстить государю, выискивать людей достойных, и не производить как токмо по заслугам, и наконец отбегать от роскоши, — которые правила сей Григорий Григорьевич, после бывший графом, а наконец князем, до смерти своей сохранил. Находя, что карточная азартная игра может привести других в разоренье, играть в нее перестал. Хотя его явные были неприятели графы Никита[442] и Петр Ивановичи Панины[443], никогда ни малейшего им зла не сделал, а напротиву того, во многих случаях им делал благодеяния, и защищал

их от гневу государыни. Изрубившему изменническим образом брата его, Алексея Григорьевича[444], не токмо простил, но и милости сделал, множество льстецов, которые тщились обуздать его самолюбие, никогда успеху не имели, и напротиву того, более грубостию можно было снискать его любовь, нежели лестью. Никогда в управление не принадлежащего ему места не входил, а естли бы и случилось ему за кого попросить, никогда не сердился, ежели ему в том отказывали. Никогда не льстил своей государыне, к которой не ложное усердие имел, и говорил ей с некоторою грубостию все истины, но всегда на милосердие подвигал ее сердце, чему и сам я многажды самовидцем бывал. Старался и любил выискивать людей достойных, поелику понятие его могло постигать, но не токмо таких, которых по единому их достоинству облагодетельствовал, но ниже ближних своих любимцов не любил инако производить, как по мере их заслуг, и первый знак его благоволения был заставлять с усердием служить отечеству и в опаснейшие места употреблять, яко учинил с Севолодом Алексеевичем Севоложским[445], которого в пущую в Москве язву[446] с собой взял и там употребил его к делу. Хотя с молоду развратен и роскошен был, но после никакой роскоши в доме его не видно было, а именно, дом его отличного в убранстве ничего не имел, стол его не равнялся с столами, какие сластолюбы имеют, екипажи его, хотя был и охотник до лошадей и до бегунов, ничего чрезвычайного не имели, и наконец, как сначала, так и до конца никогда ни с золотом, ни с серебром платья не нашивал. Но все его хорошие качества были затмены его любострастием: он презрил, что должное ему к своему государю и ко двору государскому, учинил из двора государева дом распутия; не было почти ни одной фрейлины у двора, которая не подвергнута бы была к его исканиям, и коль много было довольно слабых, чтобы на оные преклониться, и сие терпимо было государыней, а наконец тринадцатилетнюю двоюродную сестру свою, Катерину Николаевну Зиновьеву[447], иссильничал, и, хотя после на ней женился, но не прикрыл тем порок свой, ибо уже всенародно оказал свое деяние, и в самой женитьбе нарушил все священные и гражданские законы.

Однако во время его случая дела довольно порядочно шли, и государь, подражая простоте своего любимца, снисходил к своим подданным, не было многих раздаяний, но было исполнение должностей, и приятство государево вместо награждений служило. Люди

обходами не были обижаемы, и самолюбие государево истинами любимца укрощаемо часто было.

Однако, понеже добродетели не толь есть удобны к подражанию, сколь пороки, мало последовали достойным похвалы его поступкам, но женщины, видя его и братей его любострастие, гордились и старались их любовницами учиниться и разрушенную уже приличную стыдливость при Петре Третьем долгою привычкою, во время случая Орловых, совсем ее погасили, тем наипаче, что сей был способ получить и милость от государыни.

Не падение, но отлучение его от места любовника подало случай другим его место для любострастной императрицы занять, и можно сказать, что каждый любовник, хотя уже и коротко их время было, каким-нибудь пороком за взятые миллионы одолжил Россию (окроме Васильчикова[448], который ни худа, ни добра не сделал). Зорич[449] ввел в обычай непомерно великую игру. Потемкин — властолюбие, пышность, подобострастие ко всем своим хотениям, обжорливость и, следственно, роскошь в столе, лесть, сребролюбие, захватчивость и, можно сказать, все другие знаемые в свете пороки, которыми или сам преисполнен и преисполняет окружающих его, и тако дале в империи. Завадовский[450] ввел в чины подлых малороссиян, Корсаков[451] приумножил бесстыдство любострастия в женах. Ланской[452] жестокосердие поставил быть в чести. Ермолов[453] не успел сделать ничего, а Мамонов[454] вводит деспотичество в раздаянии чинов и пристрастие к своим родственникам.

Сама императрица, яко самолюбивая женщина, не токмо примерами своими, но и самым ободрением пороков является, желает их силу умножить. Она славолюбива и пышна, то любит лесть и подобострастие. Из окружающих ее Бецкой, человек малого разума, но довольно пронырлив, чтобы ее обмануть, зная ее склонность к славолюбию, многие учреждении сделал, яко сиропитательные домы, девичий монастырь, на новом основании Кадетский сухопутный корпус и Академию художеств, ссудную и сиротскую казну[455], поступая в том яко александрийский архитектор, построющий фару, на коем здании на алебастре имя Птоломея царя[456] изобразил, давшего деньги на строение, а под алебастром на мраморе свое изваял, дабы, когда от долготы времен алебастр отпадет, единое его имя видно было. Так и Бецкой, хотя показывал вид, что все для славы императрицыной делает, но не токмо во всех проектах его, на разных языках напечатанных,

имя его, яко первого основателя является, но ниже оставил монархине и той власти, чтобы избрать правителей сих мест, а сам повсюду начальником и деспотом был до падения его кредиту. Дабы закрыть сие, все способы были им употреблены ей льстить: повсюду похвалы гремели ей; в речах, в сочинениях, и даже в представляемых балетах на театре, так что я сам единожды слышал при представлении в Кадетском корпусе балета Чесменского боя, что она сказала мне: il me loue tant, qu'enfin il me gâtera[457]. Счастлива бы была, естли бы движения душевные последовали сим речам, но несть, когда сие изрекала, душа ее пышностию и лестью упивалась. Не меньше Иван Перфильевич Елагин[458] употреблял стараний приватно и всенародно ей льстить. Быв директор театру, разные сочинения в честь ее слагаемы были, балеты танцами возвещали ее дела, иногда слава возвещала пришествие российского флота в Морею, иногда бой Чесменский был похваляем, иногда воспа с Россиею плясали. Также князь А. А. Вяземский, генерал-прокурор, человек не блистательного ума, но глубокого рассуждения, бывши генерал-прокурором и имевши в руках своих доходы государственные, искуснейший способ для лыщения употребил. Притворился быть глупым, представлял ей совершенное благоустройство государства под властию ее и, говоря, что он, быв глуп, все едиными ее наставлениями и, быв побужден духом ее, делает, и по силе, премудрость ее не токмо равнял, но и превозвышал над Божией, а сим самым учинился властитель над нею. Безбородко[459], ее секретарь, ныне уже граф, член иностранной коллегии, гофмейстер, генерал-почтдиректор, и все в рассуждении правительства за правило имеет никогда противу ее не говорить, но похваляя исполнять все ее веления, и за сие непомерные награждения получил.

Дошедшая до такой степени лесть при дворе, и от людей в дела употребленных, начали другими образами льстить. Построит ли кто дом, на данные от нее отчасти деньги, или на наворованные, зовет ее на новоселье, где на люменации пишет: «Твоя от твоих тебе приносимая». Или подписывает на доме: «Щедротами великия Екатерины», забывая приполнить, но разорением России. Или, давая праздники ей, делают сады, нечаенные представления, декорации, везде лесть и подобострастия изъявляющие.

К коликому разврату нравов женских и всей стыдливости пример ее множества имения любовников, един другому часто наследующих, и равно почетных и корыстными снабженных, обнародовал чрез сие

причину их счастия, подал другим женщинам. Видя храм сему пороку, сооруженный в сердце императрицы, едва ли за порок себе считают ей подражать, но паче мню, почитает каждая себе в добродетель, что еще столько любовников не переменила!

Хотя при поздых летах ее возраста, хотя седины уже покрывают ее голову, и время нерушимыми чертами означило старость на челе ее, но еще не уменьшается в ней любострастие. Уже чувствует она, что тех приятностей, каковые младость имеет, любовники ее в ней находить не могут, и что ни награждения, ни сила, ни корысть, не может заменить в них того действия, которое младость может над любовником произвести. Стараясь закрывать ущерб, летами приключенный, от простоты своего одеяния отстала, и хотя в молодости и не любила златотканных одеяний, хотя осуждала императрицу Елизавету Петровну, что довольно великий оставила гардероб, чтоб целое воинство одеть, сама стала ко изобретению приличных платьев и к богатому их украшению страсть свою оказывать, а сим, не токмо женам, но и мужчинам подала случай к таковому же роскошу. Я помню, что, вошед ко двору в 1768 году[460], один был у всего двора шитый золотом красный суконный кафтан — у Василья Ильича Бибикова[461]; в 1769 году в апреле месяце императрица разгневалась на графа Ивана Григорьевича Чернышева, что он в день рождения ее в шитом кафтане в Сарское село приехал, а в 1777 году, когда я отстал от двора[462], то уже все и в простые дни златотканные с шитьем одеяния носили и почти уже стыдились по одному борту иметь шитье.

Не можно сказать, чтобы императрица была прихотлива в кушанье, но можно сказать, что еще слишком умеренна, но бывший ее любовник, а оставшись всемогущим ее другом, князь Григорий Александрович Потемкин не токмо прихотлив в еде, но даже и обжорлив. Неосторожность обер-гофмаршала князь Николая Михайловича Голицына[463], приготовить ему какого-то любимого блюда подвергла его подлому ругательству от Потемкина и принудила итти в отставку. То после сего каждый да рассудит, наследники князя Голицына, Григорий Никитич Орлов[464] и князь Федор Сергеич Борятинский[465] не употребляют ли таперя все свое тщание, дабы удовольствовать сего всемогущего в государстве обжору. И подлинно стол государев гораздо великолепнее и лутче ныне стал. А также, дабы угодить сему другу монаршу, повсюду стали стараться умножать великолепие в столах (хотя и до него оно довольно было) и от вышних до нижних болезнь

сей роскоши и желание лутчими вещами насытиться распространилось.

Общим образом сказать, что жены более имеют склонности к самовластию, нежели мущины, о сей же со справедливостию можно уверить, что она наипаче в сем случае есть из жен жена. Ничто ей не может быть досаднее, как то, когда, докладывая ей по каким делам, в сопротивление воли ее законы поставляют, и тотчас ответ от нее вылетает, разве я не могу, не взирая на законы, сего учинить? Но не нашла никого, кто бы осмелился ответствовать ей, что может яко деспот, но с повреждением своей славы и поверенности народной. Дела многие свидетельствуют ее самовластие. 1) Возвращение Марьи Павловне Нарышкиной[466] от Талызина деревень, утвержденных купчими и самым владением. 2) Дело детей князь Бориса Васильевича Голицына о прадеда их Стрешневских деревнях, беззаконно отписанных. Сенатом сие беззаконие признано, и докладом испрашивано было позволение их законным наследникам возвратить, и подпись на докладе: «быть по сему», — являлся сделать справедливое, удовлетворение оным. Но после из комнаты было истолковано, что «быть по сему» знаменовало: быть в описи. Аким Иванович Апухтин[467] докладывал ей по Военной коллегии о отставке одного генерал-майора, получил повеление отставить без чина, но, как он зачал представлять, что законы точно повелевают генерал-майорам давать чины при отставке, получил в ответ, что она превыше законов и дать ему не хочет сего награждения. Таковые примеры, видимые в самом государе, не побуждают ли и вельмож к подобному же самовластию и к несправедливостям, и стенящая от таковых наглостей Россия ежедневные знаки представляет, коль есть заразителен пример государский.

Такое расположение мыслей, а паче в особе, преданной своим любимцам, естественно влечет за собою пристрастие и неправосудие, многие мог бы я примеры представить одному и другому, но довольно, ежели я скажу, что, не любя Сахарова[468], яко человека дурных нравов (который однако долгое время быв камердинером ее, пользовался ее доверенностию, хотя не лутче был), дело его без рассмотрения было отдано, в архив, якобы дурные нравы должно было делом по деревням наказать, в каковом случае и развратный человек может иметь справедливость, и тут не нравы и расположение судятся, но что кому принадлежит, исключительно до всего другого. И дело Вахмейстера о беззаконно отписанных у деда его лифлянских имениях, признан-

ное справедливым всеми департаментами Сената, решение получило, что оные таки отданы генералу Броуну[469], за которым и остаются. Граф Роман Ларионович Воронцов, во все время своей жизни признанной мздоимцем, был определен в наместники во Владимир и не преставал обыкновенные свои мздоимствы производить. Но сокрыты оные были от государя, который токмо двоезнаменующим знаком: присылкою большого кошелька его укорил. Но как он уже умер, и разоренье народа дошло до крайности, тогда повелено следовать его и губернаторский поступок, но хотя и семь лет разоренье народное продолжалось, а следствие повелено учинить токмо за два года. Таковые примеры, часто случающиеся, не подают ли подданным побуждения подобным поступкам для польз своих подражать? Случилось мне читать в одной книге ясный пример, что тщетно будешь стараться начертить верный круг, когда центр неверен и колеблющ, никогда черта круга точно не сойдется; и слова священного писания, ясно же означающие должность начальников: учителю, исправься сам!

Можно ли подумать, чтобы государь, чинящий великие раздаяния, государь, к коему стекаются большей частью сокровища всего государства, мог быть корыстолюбив? Однако сие есть, ибо инако я не могу назвать введение она толь всеми политическими писателями охуляемого обычаю чины за деньги продавать. А сему есть множество примеров. Развратный нравами и корыстолюбивый откупщик Лукин, дав восемь тысяч двору из наворованных денег и, подаря его в народное училище, чин капитанский получил. И Прокофий Демидов[470], привоженный под виселицу за пашквили, бывший под следствием за битье в доме своем секретаря Юстиц-коллегии, делавший беспрестанно наглости и проказы, противные всякому благоучрежденному правлению, за то, что с обидою детей своих давал деньги в сиропитательный дом, чин генерал-майорский получил, а за дание пяти тысяч в пользу народных школ учинено ему всенародно объявленное чрез газеты благодарение. Якобы государь не мог полезных учреждений завести, без принимания денег от развратных людей, и якобы деньгами могли искупиться развратные нравы! Пример сей еще других заразительнее учинился. Чины стали все продажны, должности не достойнейшим стали даваться, но кто более за них заплатит, а и те, платя, на народе взятками стали сие вымещать. Купцы, воровством короны обогатившиеся, большие чины получили, яко Логинов, бывший откупщик, и не токмо вор по откупам, но и приличившийся

в воровстве коммисариатской суммы, чины штапские получил. Фалеев, в подрядах с государем взимая везде тройную цену, не токмо сам штапские чины и дворянство получил, но и всех своих прислужников в штап-офицеры и в офицеры произвел. Торговля впала в презрение, недостойные вошли во дворяне, воры и злонравные награждены, развратность ободрена, а все под очами и знанием государя, то можно ли после сего правосудия и бескорыстности от нижних судей требовать?

Все царствование сей самодержицы означено деяниями, относящимися к ее славолюбию.

Множество учиненных ею заведений, являющихся для пользы народной заведенных, в самом деле не суть, как токмо знаки ее славолюбия, ибо, естли бы действительно имела пользу государственную в виду, то, учиня заведения, прилагала бы старания и о успехе их, но, довольствуясь заведением и уверением, что в потомстве она яко основательница оных вечно будет почитаться, о успехе не радела и, видя злоупотребления, их не пресекала. Свидетельствует сие заведение Сиропитательного дому, Девичьего монастыря для воспитания благородных девиц, переправление Кадетского корпуса и прочее, из которых в первом множество малолетних померло, а и поныне, чрез двадцать с лишком лет, мало или почти никого ремесленников не вышло. Во втором ни ученых, ни благонравных девиц не вышло, как толико, поелику природа их сим снабдила, и воспитание более состояло играть комедии, нежели сердце и нравы и разум исправлять. Из третьего вышли с малым знанием, и с совершенным отвращением всякого повиновения. Зачатые войны еще сие свидетельствуют. По пристрастию возвели на польский престол Понятовского[471], хотели ему противу вольностей польских прибавить самовластию; взяли в защищение диссидентов[472]. И вместо чтобы стараться сих утесненных за закон в Россию к единоверным своим призывать, ослабить тем Польшу и усилить Россию, чрез сие подали причину к турецкой войне[473], счастливой в действиях, поболее России стоящей, нежели какая прежде бывшая война; послали флот во Грецию[474], который божеским защищением победу одержал, но мысль в сей посылке была единое славолюбие. Разделили Польшу[475], а тем усилили и австрийский и бранденбургские дома и потеряли у России сильное действие ее над Польшею. Приобрели или, лутче сказать, похитили Крым, страну, по разности своего климата служащую гробницей россиянам.

Составили учреждения, которые не стыдятся законами называть, и соделанные наместничества[476] наполня без разбору людьми, с разрушением всего первого ко вреду общества, ко умножению ябеды и разоренья народного, да и за теми надзирания не имеют, исправляют ли точно по данным наставлениям. Испекли законы, правами дворянскими и городовыми названные[477], которые более лишение, нежели дание прав в себе вмещают и всеобщее делают отягощение народу. Таковое необузданное славолюбие, также побуждает стремиться к созиданию неисчетного числа и повсюду великих зданий. Земледельцы многою работою стали от их земли корыстию отвлекаемы. Доходы государственные едва ли достают на таких строений, которые и построившись в тягость оным своим содержанием будут; и приватные, подражая сей охоте, основанной на славолюбии, чтоб чрез многие века пребывающие здания имя свое сохранить, безумно кинулись в такие строения и украшения их. Единый от избытка многие тысячи для спокойствия и удовольствия своего в созидание домов, огородов, беседок, многие тысячи полагает, другой из пышности, а третий наконец, последуя вредному примеру, то же сверх достатку своего делает, и чтоб не отстать от других. А все обще, находя себе спокойствие и удовольствия, мало-помалу в разоренье сей роскошью приходят, тяготят себя и государство, и часто недостаток своих доходов лихоимством и другими охулительными способами наполняют. Совесть моя свидетельствует мне, что все коль ни есть черны мои повествии, но они суть не пристрастны, и единая истина, и разврат, в которой впали все отечества моего подданные, от коего оно стонет, принудил меня оные на бумагу преложить.

Итако по довольному описанию нравов сей императрицы довольно можно расположения души и сердца ее видеть. Дружба чистая никогда не вселялась в сердце ее, и она готова лутчего своего друга и слугу предать в угодность любовника своего. Не имеет она материнских чувств к сыну своему и обо всех за правило себе имеет ласкать безмерно и уважать человека, пока в нем нужда состоит, а потом, по пословице своей, выжатый лимон кидать. Примеры сему суть: Анна Алексеевна Матюшкина[478], всегда и во время гонения ее бывшая к ней привязана, наконец отброшена стала, граф Алексей Петрович Бестужев, спомоществующий ей, когда она была великою княгинею, во всех ее намерениях и претерпевшей за нее несчастие, при конце жизни своей всей ее поверенности лишился, и после смерти его она

его бранила. Граф Никита Иванович Панин, спомоществующий взойти ей на престол при старости отъятие всех должностей своих видел и, может быть, сие кончину его приключило. Николай Иванович Чечерин[479], служивший ей со всем возможным усердием и носивший ее милость, толико наконец от нее гнан был, что безвременно живот свой окончил. Князь Александр Михайлович Голицын[480], фельдмаршал, безмолвный исполнитель всех ее велений, без сожаления от нее умер; ибо хотя и известно еще по утру было о его смерти, но тот день весела на концерт вышла, и дав время своему веселию, отходя, спросила любовника своего Ланского, каков князь Александр Михайлович и, получа известие о смерти его, сделала вид тогда заплакать. А сие и показует, колико фальшивое при том имеет сердце. Графиня Прасковья Александровна, долгое время ее любимица и друг, наконец была от двора отогнана и с печали умерла. По сему да судит каждый, могут ли чистые чувствования дружбы вогнездиться по таким примерам в подданных.

Представив сию печальную картину, кажется, что уже не настоит нужды сказывать, имеет ли она веру к закону Божию, ибо естли бы сие имела, то бы самый закон Божий мог исправить ее сердце и наставить стопы ее на путь истины. Но несть упоено безразмыслительным чтением новых писателей, закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется, ни за что почитает), коль ни скрывает своих мыслей, но они многажды в беседах ее открываются, а деяния иначе доказуют. Многие книги вольтеровы, разрушающие закон, по ее велению были переведены, яко Кандид, принцесса Вавилонская[481], и прочие, и Белизер Мармонтелев[482], не полагающий никакой разности между добродетели язычников и добродетели христианской, не токмо обществом, по ее велению, был переведен, — но и сама участницей перевода оного была. А терпение, или лутче сказать, позволения противным закону бракам, яко князей Орлова и Голицына на двоюродных их сестрах и генерала Боура[483] на его падчерице, наиболее сие доказует, и тако можно сказать, что в царствование ее, и сия нерушимая подпора совести и добродетели разрушена стала.

Такими степенями достигла Россия до разрушения всех добрых нравов, о каковом при самым начале я помянул. Плачевное состояние, о коем токмо должно просить Бога, чтоб лутчим царствованием сие зло истреблено было. А до сего дойтить инако не можно, как тогда, когда мы будем иметь государя, искренно привязанного к закону

Божию, строгого наблюдателя правосудия, начавших с себя, умеренного в пышности царского престола, награждающего добродетель и ненавидящего пороки, показующего пример трудолюбия и снисхождения на советы умных людей, тверда в предприятиях, но без упрямства, мягкосерда и постоянна в дружбе, показующего пример собою своим домашним согласием с своей супругою и гонящего любострастие — щедра без расточимости для своих подданных и искавшего награждать добродетели, качества и заслуги без всякого пристрастия, умеющего разделить труды, что принадлежит каким учрежденным правительствам, и что государю на себя взять, и наконец, могущего иметь довольно великодушия и любви к отечеству, чтобы составить и предать основательные права государству, и довольно тверда, чтобы их исполнять.

Тогда изгнанная добродетель, оставя пустыни, утвердит среди градов и при самом дворе престол свой, правосудие не покривит свои вески ни для мзды, ни для сильного. Мздоимство и робость от вельмож изгонятся, любовь отечества возгнездится в сердца гражданские, и будут не пышностию житья и не богатством хвалиться, но беспристрастием, заслугами и бескорыстностию. Не будут помышлять, кто при дворе велик, и кто упадает, но, имея в предмете законы и добродетель, будут почитать их яко компасом, могущих их довести и до чинов, и до достатка. Дворяне будут в разных должностях служить с приличною ревностию званию их, купцы престанут желать быть офицерами и дворянами. Каждый сократится в свое состоянием, и торговля уменьшением ввозу, сластолюбие побуждающих чужестранных товаров, а отвозов российских произведений процветет. Искусства и ремесла умножатся, дабы внутри России соделать нужное к пышности и великолепию некоего числа людей.

РАССУЖДЕНИЕ О НЫНЕШНЕМ В 1787 ГОДУ ПОЧТИ ПОВСЕМЕСТНОМ ГОЛОДЕ В РОССИИ, О СПОСОБАХ ОНОМУ ПОМОЧЬ И ВПРЕДЬ ПРЕДУПРЕДИТЬ ПОДОБНОЕ ЖЕ НЕСЧАСТЬЕ

Должность каждого гражданина есть поелику сила его доставать может, печися о пользе отечества своего, а посему и мысли, которые по разным обстоятельствам к пользе оного родятся, не должны быть прежде рождения их погребены в вечное забвение, но, за недостатком других способов, да предадутся они бумаге. Может быть и чрез несколько веков могут сии семена желаемую почву принести. Часы, посвященные мной к таковым написаниям, я драгоценнейшие в жизни моей считаю, а предпринимаемые сии рассуждения, из драгоценных драгоценными их называю, ибо удовлетворяю в оном разные предметы, приятные душе моей, то есть воздаю долг отчеству, предлагаю то, что полезно мне быть является, и подаю способы спасти от несчастья и жесточайшей гладной смерти многие тысячи людей. Прими во мраке моего кабинета приносимую сию жертву, источник всей добродетели, прими тем благоприятнее, что тебе известны внутренние движения моего сердца. Ты веси, что в делах отчества моего и в делах приватных, предпочитал ли я когда собственную пользу общему благу, и не за первое ли счастье всегда считал быть отечеству и себе подобным полезен? Пятьдесят четыре года уже протекло сего дня от дня рождения моего и я, при многих переменах, стесняющих мою душу, и в самых заблуждениях младости моей, всегда в исполнении должностей моих отраду себе обретал. Да пребудут такие мысли в сердце моем до конца жизни моей, и да будут они всегда наследственны потомству моему.

Приступая же к самой причине моего сочинения, кажется, во-первых, должно рассмотреть, от чего сперва дороговизна хлебу, а наконец и голод произошел.

ПРИЧИНЫ ДОРОГОВИЗНЫ И ГОЛОДУ

Многие обстоятельства стечением своим спомоществовали к произведению сперва дороговизны, а, наконец, и голоду: 1) Вкрадшееся сластолюбие во все чины государственные, даже и до крестьян; 2) умножение народа; 3) умножение разных мастеровых; 4) умно-

жение винокуренных заводов и корчемства; 5) малое прилежание о земледелии и недостаток земель; 6) нерассмотрительный выпуск хлеба в чужие государства; 7) уменьшение доброты земель; 8) недостаток запасного хлеба, и 9) оставление монастырских запашек и малое попечение о хлебопашестве государевых и економических крестьян.

Дабы все сие яснее показать (§ 1) что сластолюбие вкралось во все чины государственные, никто сему, взирая на наши столы, житье и здания, оспорить не может, а самое сие сластолюбие проникши и до крестьян, заставляет их излишнее употреблять на свои издержки, так что то, что прежде довольно было для содержания двух семей, едва ли ныне и одну семью содержать довольно. Сластолюбие обыкновенно влечет за собой леность, а леность людей ослабляет в земледельческой работе. Привязанность к роскоши, производимый оной недостаток, понудил множество крестьян, оставя их желания, идти в торги, в мастерства и в другие промыслы: они роскошь свою удовлетворяют, слаще пьют и едят, но земли, обрабатываниые ими, праздны остаются. А естли которые обработаны, и те обработаны наемниками, гораздо с меньшим тщанием, нежели бы могли они сами оные обработать, да и самые сии наемщики работая со тщанием чужую землю, свою уже совсем не обрабатывают; и се есть явное уменьшение земледелия.

§ 2. Взирая на множество таких людей, которые и во весь год пребывают в городах, и которые для разных работ на лето приходят, ощутительно есть, что число пахарей должно было уменьшиться; а с другой стороны благополучное положение нашей страны и крепость народная, чинящая россиян весьма удобных к детородию, не взирая на войны и язвы, весьма умножило народ, так что в 50 лет оный в полтора прибыл, то земледелие упало, а народу умножилось, а от сего и естественно долженствовала произойтить дороговизна в хлебе.

§ 3. По мере размножения сластолюбия, приумножились все мастерства, рукоделия и промыслы, и самые хотя нужные государственные строения в губернских и других городах, представляя великое обильство для промыслов, отвлекли от земледелия многие тысячи человек. Естли мы возьмем в пример одну Москву и рассмотрим разных мастеровых, живущих и приходящих в оную, то ясно увидим, коль число их приумножилось.

Двадцати лет тому не прошло, весь каретный ряд вмещался за Петровскими воротами по Земляной огороде по большой улице, а ныне не токмо уже многие лавки распростерлись внутрь Белого города и в заворот в обе стороны по Земляному городу, но и в других улицах множество есть таких сараев для продажи карет, не считая сколько немцев каретников в Москве в разных местах кареты делают и продают. Хлебники были весьма редки; ныне почти на всякой улице вывески хлебников видны. Кирпичу в год вряд до 5 миллионов делалось, ныне делается до 10 миллионов; строенья были редки и много как в Москве прежде когда 20 домов строилось, а ныне нет почти улицы, где бы строения не производилось. Все таковые промыслы требуют людей, или навсегда пребывающих, или приходящих на время летнее, яко кирпичников, каменщиков, штукатуров, плотников, столяров и прочее. А все сии люди, удвоившиеся или утроившиеся на летнее время, оставляют свои дома и земледелие, чтобы, не способствуя к произращению пропитания, быть истребителями съестных припасов. Приложим еще, сколько таких мастеровых употреблены во всех наместничествах, огромные всенародные и приватных людей здания, в малое число лет, яко бы волшебством каким произведенные, повсюду пышность и великолепие взирающему на внешность человеку представляют, но колико в самом деле отвращением от земледелия, а потому убавкой произведения нужнейших к жизни вещей, Россию ослабляют!

§ 4. В царствование императрицы Елизаветы Петровны винный доход весьма был не велик и помнится, Москва и Петербурх токмо 700 тысяч откупу платили; доход сей весьма умножился и дошел даже до десяти миллионов. Правда, не все от единой прибавки продажи вина казенного, ибо и цена на самое вино стала умножена, но однако знатное количество и поставки вина прибавилось, а сверх того строгие непомерно законы о корчемстве чинили, что его весьма было мало. Ныне же отменением корчемного уставу, наказания за корчемство и смотрение за ним весьма уменьшилось, а тем самым оно весьма умножилось к вящему повреждению нравов, истреблению лесов и хлеба, и к ущербу государственного дохода.

§ 5. Достойно есть удивления, что тогда, когда правилами своими для законодательства царствующая над нами императрица утвердила сию великую истину, что земледелие есть наиполезнейший труд, когда сочинениями своими Економическое Общество[484] тщилось все

роды домостройства побуждать, и когда самые нужды наши должны бы наиболее побудить нас к земледелию, оно тогда совершенно упало. И вместо, что у непросвещенных наших предков, не знающих и слово домостройства, не читающих никаких ученых сочинений, скирды хлеба погнивали, мы со всем просвещением и со всеми побуждениями и в обильные годы семян не имеем. Мой бывший добрый приятель Григорий Николаич Теплов[485] представлял Сенату, в поданном своем мнении о дороговизне хлеба в Санкт Петербурге, что сие от излишних поборов со крестьян происходит. Но я говорю, что сие происходит от нерачения крестьян и помещиков, и от неимения людей для употребления надзирать над сим нужным трудом государству. Причины нерачения крестьян довольно выше изъяснены, ибо крестьянин, убегая от труда земледелия, от неподлинного же прибытку, который он может надеяться от земледелия, располагает свой труд таким образом, чтоб и лакомство это было удовольствовано, и верность в получении денег ему безопаснее и точнее была — кидает свою пашню и стремится в разные промыслы, оставляя свою землю. А и оставшийся, худое имея знание о земледелии, последуя токмо обычаям своих предков, не имея ни наставника, ни понудителя к его трудам, с небрежением к земледелию прилежит, худым урожаем пуще огорчается и труд, долженствующий составить его благосостояние, в ненависть приемлет. Економические и государственные крестьяне, оставленные на собственное их попечение, не более о сем нужном труде рачения прилагают, но каждый более старается обогатиться какими несправедливыми способами, нежели тем, что мать и питательница роду человеческому, то есть земля, ему обещает. Помещики, из детства отдалены от своих деревень, худо и понимают все тонкости земледелия, кладут свои деревни на оброк, получают великие доходы, пребывают в службе, живут или по определениям в места, или по выборам в городах, не имея ни времени, ни удобности войтить во все подробности домостройства, а иные, ради удовольствия своего и без привязанности к должности то же делают. Наконец, бедные дворяне, которые до сего наиболее прилежали к земледелию, быв должностями отвлечены и получая более жалованья, нежели бы могли доходов в с деревень получить, малые свои селения оставляют, и не токмо сами, но и с людьми своими, которые во время их пребывания в деревнях пахали, самые лошади, служащие к унавоживанию и обрабатыванию их полей, живут с ними в городах. Наконец, достаточные и благо-

разумные помещики, чувствующие, какую пользу можно от земледелия получить, имея в разных уездах свои деревни, за недостатком людей для присмотру, принуждены и в плодоноснейших областях деревни свои на оброк класть, ибо каждый, освобожденный единожды человек становится свободен на век, а потому из вольных брать в крепость никого не можно, а вольные требуют великого жалованья, а заслужат ли, или нет его, то неизвестно. Да который бы и довольно знающ был, имея в предмете токмо обогатиться и войти или в офицеры, или в приказные служители или в купцы, сию должность мимоходящей почитает и усердия к господам не имеет. А и самые оставшиеся в крепости, при самых знаках их усердия, токмо ищут время или случая отбыть от своих господ, и по сему нерачениями о пользе господской к разорениям помещика и крестьян себя приготовляют. А потому хотя бы и желал какой помещик употребить свои старании о земледелии, но за недостатком, кому препоручить смотрение за крестьянами, их ущербом себе, равно и государству, должен проживать.

К тому же, коль ни есть пространна Россия, занимающая знатную часть земного шара, и коль ни есть по пространству своему немногонародна, однако со всем тем в иных местах по физическому положению, а в других по худому учреждению, правительство не имеет довольно земли, и остальные еще прилежащие к земледелию крестьяне не толикое число земли обрабатывают, сколько бы надлежало, тогда как великие степи, в лутчих местах лежащие и снабженные тучною землею, без земледелия остаются. Говорю первое о физическом недостатке. Северные наши области покрыты лесами, болотами, мхами и песками, хотя великое число земли на карте представляют, но земли сии совсем неудобны к земледелию. А в полуденных есть великие степи многие совершенно безводны, а потому и не могут быть заселены. А наконец и удобные остаются во власти у короны, иные лежат впусте, а другие отдаются внаем для паствы, тогда как множество и государственных крестьян не имеют и по осьмине на работника высеять. Правда, что многие из сих розданы и распроданы; но кому розданы? Вельможам, которые, быв обогащены и без того милостями государя, малое прилежание о населении и обрабатывании их прилагают. А и проданные суть по большей части людям богатым, захватившим многие тысячи десятин и употребляющим их для скотоводства, и не помышляя довольно их населить и запахать. И тако впадаем в прави-

ло народа скотоводителя, которому не в пример более земли потребно, нежели народу хлебопашцу

§ 6. Неоспоримое есть правило, что во многих случаях выпуск хлеба помогает ко умножению земледелия и пользе государства; ибо 1) умножая продажу излишнего урожая, возвышает цену на хлеб, а самым тем чинит, что труды земледельца суть более заплачены; 2) выпуск, умножая вывоз товаров в чужие государства, делает перевес торговли для той страны, которая хлеб выпускает. Но как всякие правила не могут быть повсеместно одинакие, колико бы они всеобщими ни казались, то, во-первых, должно рассмотреть, приложительны ли они к Российской империи? Естли бы сия монархия была не только великой обширности, имела бы со всех стран многие морские пристанища, имела бы повсеместные сообщения судоходными реками и каналами, и наконец, естли бы плодоноснейшие области к местам выпуску прилегали, то бы, конечно, правило о пользе выпуску хлеба беспредельно должно было приняться. Но как у нас ничего сего недостает, а именно: империя есть такой пространности, что самый перевоз хлеба съедает все барыши, каковые бы можно было от выпуску получить, а чрез самое сие в продаже своего произращения земледелец не много пользы получает. Пристанищей морских у нас мало, да и те не весьма удобны, ибо Петербургский порт имеет неудобность трудного плавания по Балтийскому морю; города: Архангельской — дальнего обходу круг Норвегии, трудности плавания по Белому морю, и бар*, чрез который близ города Архангельского должно переходить. Крымские пристанища лежат все на Черном море и суть яко заперты узким проходом мимо Константинополя. По толь пространной империи водяных сообщений у нас весьма мало, ибо хотя великие реки и орошают многие страны России, яко Волга, чрез которую даже от Астрахани могут суда ходить до Петербурга, оканчивая остальным путь свой каналом и потом Невою, но плавание по ней все вверх противу течения, следственно, должно тянуться лямкой, а в иных местах и толь мелка, что суда, приходящие из плодоносных областей, принуждены перегружаться в Рыбной, а и остальную часть пути своего не с полным грузом делают. Двина, впадающая в Белое море, хотя и весьма удобна к плаванию, но довоз до нее гораздо труден, ибо реки Юг и Сухона, в нее впадаю-

* La bare — песчаная мель (*фр.*).

щие, не суть в плодоносных областях, а и до оных пристаней везти надлежит далеко на лошадях. Дон, выходящий из плодоносных областей, весьма же удобен к такому плаванию, но выпуск тут не может быть обилен, ибо первое: что турки и другие полуденные народы не берут почти никакого другого хлеба, окроме пшеницы, что не есть главное произведение России. И выше я уже помянул, что все Черное море узким Константинопольским проходом заперто, и вся торговля сия чинит Россию яко подвластну Порте Оттоманской. Днепр, впадающий в Черное море, окроме его быстроты, чинящей плавание по нем несколько опасно [от] мелей и великих порогов, и [неудобен от] общего заграждения Черного моря турецкой областью — Очаковым. Каналов, окроме Шлюсенбурского, нет. Области, прилегающие к портам, то есть, к Петербургскому и Архангелогородскому, суть не плодоносные, а которые лежат к портам Черного моря, где еще не довольно имеют селений. А по всему сему выпуск хлеба в чужие края не толь есть выгоден для земледельцев, которые с весьма малым возвышением цен свои произведения продают; обогащаются тем единые купцы, дающие вперед задатки, и обогащаясь единые, делают дороговизну и нужду в России в хлебе. Данным указом — не упомню в котором году — губернатору Головцыну[486], позволено было выпускать до двухсот тысяч четвертей хлеба от города Архангельского, но и то с тем, чтоб губернатор сего портового города учинял сперва сношение с Казанским губернатором, и ежели тот уведомит, что в его губернии есть излишний хлеб, чтобы выпуск позволил. Но что воспоследовало? В самый 1775 год, когда, по учиненному разорению Казанской губернии от бунта Пугачева, народ с голоду помирал и поля были не обсеяны, и тогда не токмо 200 тысяч четвертей, но и более, скупая у нужных крестьян, было выпущено.

Со всем сим весьма я отдален, чтобы совершенно выпуск хлеба в чужие края запретить. Расположение по разным климатам областей во вселенной, кажется, для того было всемогущею властью тако устроено, дабы единые народы другим своими излишками недостаткам тех помогли. Россия же, быв страна плодородная хлебом, то зачем ей не помогать чужестранным и не получать за свои избытки их? Но сие должно быть ограничено таким образом, чтобы *никогда выпуск хлеба в чужие края, для мнимой пользы торговли и для прибытку некоего числа приватных людей, пропитание у собственного своего народа не отнимал*. Кажется, яко я и в едином мнении моем по Комиссии о коммерции[487] имел случай предложить, что сие долж-

но быть уставлено на таких основаниях: учредить цены в Москве и при портах, с положением, что естли цена хлеба на торгу не будет превышать положенную сию цену, то выпуск дозволить. Естли же будет превозвышать, то оной останавливается. Сия цена, быв положена ежегодно не низкая, побудит самих купцов привозить в довольстве хлеб на продажу в тех местах, дабы им выпуск можно было учинить, и тем обильство в народе, а паче в столицах и при портах, содержано будет, а излишний хлеб не будет выпущен, ибо лутчий термометр урожая и неурожая хлеба есть повольная его цена.

§ 7. Кто хотя мало к физике прилежал, тот известен, что чернозем не есть природная земля, но нагной от согнивших трав, листьев, навозу и прочее, и что взятое из земли должно возвращать, то есть, что поелику она рождением плодов истощается, потолику должно силу ее новыми удобрениями возобновлять. Отчего и происходит, что все вновь населяемые места, где прежде трава согнивала, имеют более иль менее толще слой доброй тучной черноземной земли. Таковая земля навозу не требует, но обильно своею тучностью родит хлеб. Однако, когда тут люди поселятся, земля будет обработана, хлеб снимаем и трава скошена, тогда нового нагноя на нее быть не может; и так час от часу она выраживается, и хотя вид черный сохраняет, но уже не имеет соков. Крестьянин, не знающий физики, прияв отцов своих обычай не удобрять землю, обманут ее уветом и остановлен леностью, поля свои не удобряет, хлеб у него час от часу хуже родится, и он на Бога вину возлагает, как вся вина состоит в его собственных неведении, упрямстве и лености. Пространные у нас находятся таковые области, где бы и земля и воздуха растворенье обещали обильные жатвы, но оные в сравнении прежних времен гораздо меньше родят. И хотя некоторые помещики уже зачали удобрять свои поля, и от того обильные жатвы получают, но крестьяне, по упрямству и по лености своей, сего не исполняют и наводят и себе бедность, и государству отягощение.

§ 8. Сластолюбие и роскошь, проникшая во все чины государства, учиняет, что какие бы мы не имели доходы, они все для удовольствия нашего суть недостаточны, а потому ничего не оставляем себе вперед и не запасаем хлеба, но как скоро есть урожай, стараемся его продать, дабы, получа деньги, на другое оные истратить. Правда, что некоторые помещики сбором с самих крестьян старались хотя малые запасные засыпи доставить. Но дух неподвластия, вкоренившийся в крестьян, и недостаток людей, которые бы за сими сборами хлеба и за хранени-

ем его наблюдали, учинили, что и сии засыпи были в прежние годы без крайней нужды растащены, а когда пришел совершенный недостаток, то уже сего хлеба и не было. Равным образом, при взятьи монастырских и архиерейских крестьян в государево ведомство, почти везде оставлен был крестьянам засыпной хлеб, яко я точно о сем известен о Владимирской губернии; но и тот так же был растащен крестьянами, а при наступлении нужды, его четверика не было.

§ 9. Я выше уже помянул, что множество хлебопашцев вышло в другие упражнения, яко им, по-видимому, прибыльнейшие, а и оставшиеся многие не имеют всего количества земли, которую бы могли обработать, и что земли наши плодороднейшие выпахались, а народ умножился.

Приложим к сему, что при взятье крестьян от монастырей и от архиерейских домов, положено было на крестьян сперва по 1 р. 50 коп. на душу, потом прибавлено 2 руб., и ныне оброк и в три рубли доведен, множество земель пахотных на самые монастыри остались пустыми. Хотя по дошедшим известиям до Ее Императорского Величества в 1767 году и повелено было именным указом Коллегии Економии забрать от всех казначеев ведомости, сколько всякого хлеба во всех архиерейских и монастырских деревнях посеяно было в 1763, 1764 и 1765 годах, до положения штатов духовных[488] и крестьян економических в оброк за год, и после того в два года, дабы чрез таковые казначейские ведомости узнать было можно, не убавилось ли земледелие во всех економических деревнях. А из полученных тогда от казначеев репортов усмотрено, что засевы не токмо не убавились, но еще некоторым числом будто старанием каждого казначея прибавились. Екстракты изо всех сих рапортов были вручены Ее Императорскому Величеству и отданы Григорию Николаевичу Теплову, который в том же году, проезжая по Тульской дороге в Малую Россию, во многих економических деревнях, ему известных, и имея близ его Кромской деревни, в соседстве Петровского монастыря, волость не малую, не токмо не нашел того, что в репортах означено, но и по расспросам неприметным у самих крестьян, оказалось противное, и сам он собственными своими глазами видел, что многие земли, от казначеев показанные в репортах засеянными, впусте лежали с самого того времени, как крестьян на оброк положили, и что крестьяне, получа новые земли, ближайшие к усадьбам, все свои прежние отдаленные впусте оставили. Из сего он и заключил, что на всех казначеев положить-

ся не возможно, чтоб они в репортах своих объявили правду в Коллегию економии, ведая, что хлеб засеянный, о котором вопрос был, не собирается в казну, а потому о их репортах, справедливы ли они, осведомиться будет не из чего. О сем по возвращении своем он тогда же доносил Ее Императорскому Величеству, и всемилостивейшая Государыня ему повелеть соизволила дать знать о том вице-президенту Коллеги економии[489], что тогда же им учинено, и о всем сем он в поданном мнении своем о дороговизне хлеба Правительствующему Сенату предложил. Но никакого движения о умножении земледелия учинено не было, и за лживые репорты казначеи наказаны не были. И подлинно, кто хотя мало езжал по дорогам, тот ясно усмотрит, что круг Троицкого, Воскресенского и почти всех других монастырей, везде пространные поля пусты и не обработаны находятся. А следствие ему и вышло такое, какого надлежало ожидать. Ибо в 1760 году рожь в Московской губернии в Гжацкой пристани была по 86 копеек четверть, в 1763 поднялась до 95 копеек, а потом, час от часу подымаясь ценой, уже в 1773 году вошла в 2 рубли 19 копеек, а ныне уже и до семи рублёв дошла, без надежды, чтобы могла и унизиться. Равно сему и во всех других городах, как можно сие усмотреть из ведомостей Провиантской канцелярии.

Все сие происходило до учреждения наместничеств[490], по учреждении которых завелись огромные здания, приватные строения в городах, являющие великую прибыль ближним крестьянам, которые и паче кинувшись в разные ремесла и промыслы, оставили свое земледелие.

По всем сим вышесказанным обстоятельствам удивительно ли, что цена хлеба час от часу возвышалась и при бывших худых урожаях, в двух прошедших 1785 и 1786 годах не токмо до чрезвычайности дошла, но даже и сыскать хлеба на пропитание людей негде, и люди едят лист, сено и мох, и с голоду помирают, а вызябший весь оржаной хлеб, в нынешнюю с 1786 на 1787 год зиму, в плодоноснейших губерниях не оставляет и надежды, чем бы обсеменить к будущему году землю, и вящим голодом народ угрожает.

О СПОСОБАХ ПОМОЧЬ НЫНЕ НАСТОЯЩЕМУ ГОЛОДУ

Означение самое сей статьи показует, что двоякая причина в оной замыкается. То есть: 1) настоящее пропитание жителей, и 2) снабже-

ние их семенами, дабы голод не продолжался от непосеву и на другие годы. Хотя сей труд я начал июня 22 числа[491], но самые сии строки пишу июня 27 числа, когда собранные некоторые наместники в Москве, в присутствии Сената, не давая участия оному, особливо рассуждают о прокормлении народа, яко бы можно было и успеть привести из дальних мест хлеб, когда уже люди помирают с голоду, когда липовые листья и сено едят. А паче то, о чем рассуждения и дошли, заперто, — как уже народ в крайней нужде препроводил с ослаблением и с гибелью всю зиму и весну, а наступление лета, где самые травы и ягоды хотя самое нужное пропитание могут дать, и хорошая надежда на яровые хлеба в начале августа, уже и хлебное пропитание обещает. А посему, понеже ни способов нет, ни толь крайней нужды не настоит, и должно таперь умолчать о настоящем пропитании народа, но обратить свои взирания, каким бы образом засеять озимым хлебом поля, то есть, откудова доставить семена ржаные на сей посев, в те области, где весь озимой хлеб вызяб, и понеже в сих самых областях народ принужден будет питаться яровым хлебом до самого августа будущего 1788 года, то какие должно способы употребить, дабы паки народ совершенного недостатку пропитания не имел?

Для сего, во-первых, надлежит учинить воззрение на разные губернии, где как урожай нынешнего года. Я сие разделю на три части: 1) на те губернии, где нет урожая; 2) где есть урожай малый, и 3) где есть урожай.

Все озимые хлеба совсем вымерзли в следующих губерниях: 1. в Калужской, 2. Тульской, 3. Рязанской, 4. Орловской, 5. Воронежской, 6. Смоленской, 7. во всей Малороссии.

Хотя есть, но худой урожай, однако на семена станет: 1. в Тамбовской; в некоторых округах очень худ, но награждается другими округами, близ Хопра, где очень хорош; 2. в Пензенской, 3. Вятской, 4. Казанской, 5. Курской, 6. Московской, в некоторых округах рожь вызябла, а в других хороша, 7. Нижегородской, 8. Новагорода Северского.

Хороший урожай: 1. в Тверской, 2. Новгородской, 3. Ярославской, 4. Вологодской, 5. Костромской, 6. Владимирской, 7. Саратовской, 8. Слободской.

Таперь воззрим на карту и рассмотрим, как бы из оных одной губернии другой помощь учинить, ибо хотя с хорошим урожаем ныне суть те губернии, которые за малостью земли и за нетучностью ее, и

при хорошем урожае едва могут прокормить своих жителей, но лутче, чтобы сих губерний малую нужду претерпели, нежели бы те были необсеменены и с гладу помирали.

Хотя в каждой губернии по Учреждению должно считаться до 300 тысяч душ, но я с уменьшением полагаю кругом по 250 тысяч душ; ибо прочие могут быть не пахотные, и лутче меньше, нежели больше положить.

Начнем таперь рассматривать вообще о всех губерниях, о которых я помянул: о единых имеющих нужду в помощи других, о могущих самим собою обсеять и прокормиться, и наконец о тех, которые могут помощь другим подать.

1) Калужская губерния местоположением своим прилегает, с одной стороны, к Московской, с другой к Тульской, с третьей к Орловской, и наконец к Смоленской. Из сих Тульская, Орловская и Смоленская сами крайнюю нужду претерпевают, а и Московская, о которой ниже более помянуто будет, так же ни малейшей помощи учинить не может.

2) Тульская губерния, так же в нужде находящаяся, прилегает к Калужской, Орловской, Рязанской и Московской губерниям, то следственно, ни откуда из сих, как и выше сказано, помощи взаимствовать не может.

Откуду же на посев и на нужное пропитание сим губерниям получить? Хотя и не без трудности сие есть, но можно, яко из самой ближайшей, от Ярославской губернии и отчасти Владимирской, от Переславской несколько взаимствовать.

3. Рязанская местоположением своим прилегает к Тульской, Тамбовской, Владимирской и Московской губерниям.

Из сих, как выше сказано, Тульская, Воронежская и Рязанская не токмо могут помощи дать, но сами ее требуют. Тамбовская токмо может себя удовольствовать, то и остается ей ожидать помощи от Владимирской и Костромской губерний.

4) Орловская прилегает к Калужской, Тульской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Новагорода-Северского и Смоленской губерниям. Из сих уже выше сказано, что Калужская, Тульская, Воронежская и Смоленская сами нужду претерпевают. Тамбовская, Курская, Новагорода Северского едва на свою нужду имеют, но может взаимствовать от Слободской губернии.

5) Воронежская прилегает к Орловской, Тамбовской, Саратовской, жилищу Донских казаков, к Екатеринославской, Харьковской и Курской губерниям.

Из сих, Орловская сама нужду имеет. Тамбовская так же едва может себя продовольствовать, но Саратовская имеет хорошие хлебы. Екатеринославская хотя бы и не имела хороших хлебов, но как ради саранчи у них всегда запасные хлебы есть, то может помощь подать, а при том и по близости от Польши снабдиться. Харьковская имеет хорошие хлебы, а Курская едва своих жителей может прокормить и осеменить.

6) Смоленская прилегает к Псковской, Тверской, Московской, Калужской, Орловской, Могилевской и Полоцкой губерниям.

Из сих Псковская имеет, как слышно, довольное плодородие, равно как и Тверская, Могилевская и Полоцкая губернии. Московская от себя дать не может, а Калужская и Орловская сами нужду имеют.

7) Вся Малороссия, то есть, Черниговская и Киевская губернии, прилегающие к Польше, откудова и снабдиться могут.

Об Московской губернии особливо должно сказать, что в оной не токмо ее жители истребляют хлеб, но так же множество приходящих из всех городов, да и самые жители, находя себе удобные промыслы, довольно не прилежат к земледелию, а потому коль обильную жатву поля ни представляли бы, но никогда она пропитаться сама собой не может, а должна от всего государства заимствовать свое пропитание, а тем более ныне, когда некоторые из ее округ так же претерпевают от вызябленья озимей, и когда множество людей еще из отдаленных мест, по надеянии сыскать работу, за неурожаем хлеба, пришли для промыслов в сию губернию.

Сия губерния, *идеже именем и действием находится матерь градам России*, идеже есть стечение отвсюдова народа, и жилища великой части лутчего дворянства, и заслуживает особливого внимания, что и составит первое наше положение. Не токмо не можно положить, чтоб какая обильная губерния могла дать помощь Москве и ее области, но ниже точно определить и числа, до коликого числа хлеба может расход быть.

А сего ради при настоящей нужде, не определяя ни числа, ни цены, и надлежит учредить разные награждения и премии, кто более хлеба в сию губернию привезти может, не выпуская впрочем из нее никакого хлеба, окроме законтрактованного и того, который не иначе в оную ввозится, как провозом, о чем на самых границах и в городах при ввозе и должны купцы давать известия. Далее я упомяну о разных побуждениях, поелику сия часть сообщается и с другими частями правления государственного.

Хотя во всем вышеписанном я и ничего не помянул о Санкт-Петербурге, граде, идеже присутствие государево и стечение множества народа требует, дабы умеренно цена была содержана, однако о числе нужного хлеба в сем граде можно некоторым образом знать, ибо по большей части и всегда питается он привозным хлебом, а потому исчисля, сколько для пропитания его потребно, причисляя к находящемуся оставшему хлебу, надлежит не более двух третей позволить привоз чрез пороги, а остальную треть выписать из Лифляндии и Данцига. А дабы святость контрактов не претерпела, за везомый контрактованный хлеб учинить некоторое возмездие. Остановленный же хлеб употребить в пользу областей, оного не имеющих.

По сем положить на те губернии, где хлеб хорошо родился, окроме Московской, по 1 четверику с души и из следующих губерний снабдить семенами не имеющих семян губернии; а как выше сказал, что я полагаю по 250 000 душ во всякой губернии, то сие расположение следующим образом учинить:

На две губернии, Калужскую и Тульскую, положил я на снабжение Ярославскую губернию всю, и две округи Владимирской губернии, то есть, Переславскую и Александровскую, полагая с Ярославской губернии 250 000 четвериков, с Владимирской 50 000 четвериков, обоего 300 000 четвериков, то есть 37 500 четвертей. Хлеб сей с первых снопов должен быть собран и привезен, единой в Переславль, другой в Ростов, а наконец последний в Ярославль, располагая по сему, что из Тульской и Калужской губерний, посланные за сим хлебом в разные округи, ближние должны взять в Переславле, которые подалее в Ростове, а наконец дальнейшие в Ярославле так, чтобы каждые могли получать между 1 и 3 августа, следственно, всюда он поспеет к 15 числу августа, а потому еще поспеет к семенам.

Рязанская губерния может получить споможение хлеба из Владимирской и Костромской губерний, с тем, чтобы и в сих губерниях в ближайшие города хлеб был привезен и подобным же образом распределено было взять оного. А хлеба сего будет, с Владимирской 200 000 четвериков, да с Костромской 250 000 четвериков, обоего 450 000 четвериков, то есть 56 250 четвертей.

Орловская губерния может получить себе споможение от Харьковского наместничества 250 000 четвериков, то есть 31 250 четвертей. А хотя бы чего и не стало, то как сие наместничество есть из плодороднейших, то уповательно, что иные еще имеют остатки хлеба.

Воронежское наместничество может помощь получить от Саратовского 31 250 четвертей, а из Екатеринославского до 100 000 четвертей, ибо сие последнее в рассуждении часто бываемой саранчи, всегда имеет запасной хлеб. А хотя бы оно и претерпело некоторый недостаток, может оный дополнить покупкою из Польши.

Смоленское наместничество может до 400 000 и более получить помощи от Могилевского и Полоцкого наместничеств и из Псковского до 150 000 четвериков.

Вся Малороссия, то есть Киевское и Черниговское наместничества, могут покупкою в Польше получить себе хлеб.

Что касается до Московской губернии, то о сей выше в общих способах к пропитанию нечто упомяну, ибо токмо две или три ее округи имеют вызябший ржаной хлеб, прочие же суть довольным плодородием снабжены, а притом живут в ней люди промышленные, которые естли токмо есть возможность купить хлеба, достать могут, каковая возможность и есть.

Итако, предложив источники, откудова каждое терпящее несчастье наместничество может получить себе вспоможение в посеве, признаюсь, однако, что по большей части сие споможение есть недостаточно. Более же его учинить не можно, ибо несчастье нынешнего года есть такое, что самые плодородные области принуждены взаимствовать от тех, которые едва и при обильнейших годах могут себя пропитать. Но входя в дальнейшую подробность, надлежит взять в рассуждение, что недород ржи нынешнего года происходит от того, что от малых снегов, от раннего сошествия оных и от бывших при начале весны теплых дней и морозов, корень озимый вызяб. Но как повсюдова зимой делаются суметы, яко к лесам, изгородям, к деревням, и в низких метах, где снег долее остался, то там и есть хотя не весьма хорошие ржи, однако изрядные, и в самих ровных полях остаются некоторые корни целы, так что по верным известиям, которые я имею, надеются земледельцы инде четвертую часть, инде треть, инде половину, а инде и всю землю сей новой рожью обсеменить. Сверх сего, как сие несчастье пало наиболее на плодоноснейшие области, то уповательно, что, невзирая на трехгодичный неурожай, еще у некоторых хлеба осталось; то все сие слагая вместе и должно почесть, что с вышепомянутой помощью поля все обсеяны могут быть.

К тому же примечено первое, что лутче гораздо сеять сыромолотного, ибо всякое зерно от оной всходит, и рожь не усыхает и не

подгорает, и взошедши скорее, не толь птицами бывает похищена. Второе, что крестьяне наши везде великое число семян разбрасывают, а сего ради, чрез искусных людей в земледелии надлежит сделать наставления, чтобы в тех областях, где сушеной рожью сеют, сеяли бы сыромолотной. Наставления сии должны быть сочинены столь ощутительными доказательствами, *чтобы не сила власти, но уверение заставило им повиноваться*, а для неразумных и предопределить смотрителей, чтобы по сему исполняли с угрозами наказания отправления и от помещиков. Оное наставление должно доказать, что и излишний сев лишь трата, а паче в плодородных землях, и то же надзирание определить, а сверх того и семян по тому числу выдавать, не оскужая, однако, по правилам новой економии. Но полагаю я на государеву десятину сыромолотки 7 четвериков, а сушеной ржи девять четвериков.

Сим образом, кажется мне, что можно достигнуть до засеяния всех земель озимым хлебом. Теперь должно войтить в некоторую подробность о прокормлении народа до снятия ярового хлеба и до того времени, как врученные с толикой нуждой собранные земли семена, по благости господней, плод принесут, ибо естли весь народ будет питаться яровым хлебом, то может и в нем быть недостаток.

Сие должно разделиться по сим обстоятельствам на две части. Первое, как и в краткое время до снятия ярового хлеба народ пропитать? И второе, как снабдить народ до нового хлеба?

Первое. Отнимать у имеющих хлеб в своих закромах, хотя в такой нужде, когда по человечеству, единый должен лишиться части пропитания своего, чтобы другому жизнь сохранить, и было бы справедливо. Но как из сего могут произойтить злоупотребления, которые и имущих лишат, и неимущим довольной помощи не доставят, то лучше сие побудить награждениями, нежели неволею учинить.

Разные роды могут быть награждения: почетные, полезные и прибыльные, а оные должно и употребить. *Но как у нас все награждения впали в презрение, и за дешевую цену их покупают, то сперва надлежит не токмо всем исправиться, но и в злоупотреблении признаться*, обнародуя, что примечено, колико купцов и господских слуг получили чины офицерские, штатские и самое дворянство; а потому с сего часа накрепко запрещается таковых, а паче купцов, беззаконно не производить, с угрозами не токмо произведшим, яко преступникам закона, наказания, но и самым произведенным лише-

ния чинов и половины движимого имения, ибо недвижимые иметь не могли. А которые по полученным беззаконно чинам приобретут то и всего того, с отдачей половины доносителям, или публичным людям, которые такое злоупотребление изыщут. А в рассуждении нужды народной, дается право от первого июля до первого сентября, яко прямо пользу учинившим государству, приобретать себе чины и достоинства следующим образом: кто из купцов или разночинцев поставит в государевы магазейны по 3 рубли четверть ржи, ежели поставит 1000 четвертей, может получить чин прапорщика. Кто поставит 2000 четвертей, чин поручика. Кто поставит 3000 четвертей, чин капитана, но без права покупать деревни. Кто же поставит 5000 четвертей, тот получит чин капитанский с правом покупать деревни. Кто поставит 7000 четвертей, получит чин штабский с правом покупать деревни. А наконец, кто поставит 10 000 четвертей, тот может просить о праве на дворянство и о дипломе и о гербе. Все таковые, быв снабжены засвидетельствованиями от наместников, губернаторов и губернских предводителей, а ежели в приписном городе, то уездного предводителя и двух или трех судей, и произведение их по представлению наместника учинят Сенату в полном собрании, или доклады подавать государю. Наконец, ежели дворяне имеют запасной хлеб, то оные, ежели кто поставит в магазейны 500 четвертей, получа засвидетельствование, может требовать Владимирского ордена четвертой степени. Кто поставит 1000 четвертей, тот может требовать Владимирского ордена третей степени. А кто поставит 2000 четвертей, тот может требовать Владимирского ордена второй степени, которые, по подобным же, как выше помянуто, засвидетельствованиям, и будут им даны, с надписанием на крестах: «За усердие к отечеству и благосердие к народу».

Сим способом, кажется, можно вскоре достать хотя на самое нужное пропитание народу до снятия ярового хлеба, ибо что есть такое, чего бы честолюбие не могло произвести? А к тому еще можно приложить, что те дворяне, которые не служа в офицерских чинах, пошли в отставку, а потому лишены права быть избранными, дав 250 четвертей в магазейн по 3 рубли четверть ржи, могут получить право быть избираемы их собратьями.

Но дабы и от сего какого злоупотребления не произошло, надлежит, чтоб при присылке засвидетельствований, присланы были и все другие документы о получении и раздаче или остатке сего хлеба,

а именно: приемные книги от каждого, кому роздан и тех расписки. А естли который и останется, то оный в провиант может быть употреблен, о чем и Военной коллегии сообщить.

Сказав сей удобнейший способ для сыскания хлеба на два месяца, чтоб прокормить народ до сентября месяца, надлежит таперь воззреть и на зимнее состояние, чтобы и зимой паки в подобную же нужду не впал.

Сей способ главный есть: ограничение винной сидки и пивоварен. Троякая есть винная сидка, для поставки казне, дворян для собственного своего употребления и вкрадшееся корчемство.

В 1775 году, до разделения России в наместничества, поставная сумма вина была во всю Россию 2 миллиона 227 тысяч 595 ведер, и хотя подлинно знать ныне не могу, сколько поставка состоит, но думаю, что не более трех миллионов, на которые, считая на каждые 5 ведер по четверти 9 пудовой хлеба, придет 600 тысяч четвертей. Хотя при благополучных годах сие и не великую сумму составляет, но при нынешних неурожаях сие уважения требует. А для того, естли поставку винную уменьшить вполовину, то сие весьма поможет народному пропитанию, ибо сие составит обращенного хлеба на пропитание народа 4 миллиона 80 четвериков, а потому что 480 000 человек, употребляясь яровым хлебом по четверику на человека, могут сим хлебом десять месяцев пропитаться; а как робята и менее едят, то сие даже до 600 тысяч человек пропитает.

Довольно бы было и сей одной причины, но естли рассмотрим, то найдем, что правосудие, польза народная, милосердие и самый прибыток казны сего требует.

Первое. Поставщики становили вино государю от 50 копеек ведро, и даже в последние годы по 85 копеек цена вину была, ибо я считаю токмо за 20 лет до 1770 года по 2 рубли по 50 копеек, а с сего года по три рубли. И тако, хотя положить самую дорогую цену с уменьшением малым постановки вина по 80 копеек ведро, придет, что поставщик 1000 ведер получая каждый год по 800 рублев, получил в 20 лет со всеми своими проторями 16 000 рублёв. А государь, продавая вино три года по 2 рубля по 50 копеек, получил, сверх заплатимой цены 5100, да в 17 лет продавая вино по 3 рубли ведро, получил прибыли 37 200 рублев, обоего 42 300 рублев. То за такую полученную прибыль не есть ли справедливо, чтобы государь, в такое время, когда поставщики не обманом и не упрям-

ством отрекаются, но самой невозможностью сыскать хлеба, и половину поставки уступит?

Второе. Колико российских монархов власть ни есть самодержавна, но стихиями и существом вещей они повелевать не могут, а потому и повеление поставить вино будет повеление тщетное, ибо где ни за что не можно сыскать хлеба, тут никакая власть не может из пустого места курить вино.

Естли в сем случае государь поступит по учиненному положению в их контрактах, то есть повелит описать находящиеся их в залоге деревни, получит ли чрез сие прибыль? Казна будет в той же невозможности высидеть вино, в какой были поставщики, да и конечно в раздробительных заводах более гораздо претерпит убытку, нежели имели поставщики, а потому и принуждена будет, держась закону о правах дворянства, брать с них господские доходы, то получит ли самим сим возврат убытку, каковой от невыставки претерпит? Например, кто становил 40 000 ведер вина, в залог имеет на треть поставки 422 души крестьян, пусть будет с них брать по 5 рублёв оброку, итого 2110 рублёв, то возвратит ли сей малой суммой 88 000 доходу, которые от продажи 40 000 ведер вина получал? Ибо не токмо души, но и великие капиталы суть употреблены в сии заводы. Пусть, *ломая по изволению разум закона, как у нас не редко случается*, деревни сии будут проданы и по 100 рублёв за душу взято, и тут придет только 42 200 рублёв, что получится один раз, да и в том не удовлетворит убыток коронной. А после что воспоследует? Заводчики все разорятся, недовольных умножится, заслуженные и знатные дома обницают, а когда придет делать новой подряд, то не найдется никого, кто бы имел заводы. А кто бы и имел, и тот не инако приступит к сему опасному торгу, как возвышая чрезмерно цену, а сим корона, в любви подданных, в их благосостоянии и в своем доходе понесши великий убыток, еще его увечнит.

Но пусть поставщики с совершенным разорением себе и с изнурением от голоду народа, найдут способы поставить вино по их контрактам; еще корона и сим претерпит убыток, не токмо в числе жителей России, но и в самом доходе, ибо где люди хлеба не имеют, тут они вина не пьют, а от сего и поставленное вино выпито не будет. А чрез сие и другое зло воспоследует. Откупщики будут разорены и проедут на каторгу, вино, невзирая на указ, усохнет, а за сие приставы тож наказание претерпят, а все сие ни мало ни умирающим, ни умершим, ни голодным людям, ни доходу казне не поможет.

После таковых, уповаю, сильных доказательств хотя удивительно будет, однако, думаю, что найдутся люди, которые скажут, что убавка половинного числа поставки навлечет половину уменьшения от вина доходу, а сие составит до 4 миллионов, а казна имеет нужду во всех своих доходах. То как сию пустоту, долженствующую быть по крайней мере два года, дополнить? Хотя по вышеписанному видно, что доход сей сохранить не можно, но я еще скажу, что благоразумное распоряжение учинит, что доходу убавки не будет, а паче со временем прибавка. Правда, что первым уменьшением половины поставки винной кажется вдруг убавится в два года доходу до 8 миллионов. Но ежели при сем случае учинят благоразумные учреждения о пресечении корчемства, яко заклеймение кубов, запечатание их, окроме времени, долженствующего быть определенного для скидки вина, и *строгие, но не бесчеловечные наказания* на преступников, одним словом таковые, которые бы представляли довольные способы для недопущения сие учинить, и более бы предупреждали преступление, нежель наказывали, то я заподлинно могу уверить, что откупной доход в полтора будет собираться. А потом и дойдет до 13 миллионов, иль и более, и тем еще более, что харчевники, не сожигая напрасно ни лесу ни хлеба, все сие пойдет к поставщикам. А посему и самая великая поставка дешевле будет. И тако можно ли сие убытком почесть, когда потерею в два года до 8 миллионов ежегодного и еще умножающегося доходу, чрез сие до 4 миллионов в год приобретается? Но ежели и на сие мне скажут, что прибыль сия есть отдаленная, а убыток настоящий, что в нынешних обстоятельствах корона имеет нужду в наличных деньгах, я и на сие ответствую, что такое положение показует, что или весьма худо коронные доходы управляемы, или весьма нерассмотрительно издерживаемы, что, при самой крайней нужде государства, корона для спасения его самого осьми миллионами пожертвовать не в состоянии. Но пускай бы, к умножению стыда нашего века, и сие было. Не может ли корона пущенными осьми миллионами банковых билетов доход сей заменить, или не может ли, видя такую нужду и предвидимую пользу, хотя занять в Голландии, как и прежде делали[492], то нужда ей настоять и не будет?

Я сим оканчиваю касающее до временных учреждений о пропитании народа и о объяснении земли. А таперя приступаю говорить об общем учреждении, какое, по мнению моему, надлежит сделать для обновления упадшего у нас земледелия.

Весьма бы краткий мой предлог был, состоящий *продать все государственные и економические деревни дворянам*, считая кругом по 80 рублев за душу, мельницы и другие оброчные статьи, считая по нынешнему доходу проценту по 5 рублёв со ста — что собирается, и продажу сию делать, распределя по чинам в прибавку к имеющимся деревням, дабы большие бояре и любимцы их все не расхватали и участники не толь велики были, чтоб за великим числом деревень и смотрения за ними не было, и ниже бы кто мог на выбор оные взять и получать по жеребью, с позволением меняться. Продажу бы сию сделать, не брав деньги, но брав в залог самые сии деревни бессрочно, с платежом процентов. От сего бы пользы следующие произошли: каждый бы старался умножить разные домостройства в сих деревнях; дворянство бы обогатилось, земледелие и другие домоводствы умножились, службы наградились, крестьяне лутче бы управляемы и защищены были; доимок бы не было, и казна не токмо бы потеряла, но нашла прибыль в денежном своем доходе; ибо продав каждую тысячу душ по 80 душу рублёв, казна, с прибавлением взятых пошлинных денег, получит 84 000 рублёв, с которых будет проценту 4200 рублёв, тогда как ныне и еще с недоимками получает токмо 3000 рублёв.

Но льститься о сем нам не должно, ни мнимый проект сей, требующий некоторых подробностей, более распространять, ибо коль он ни есть полезен, но исполнен не будет до того, *пока у нас не познают прямую пользу короны, чего и во сто лет неуповательно быть.*

ПРОЕКТ УЧРЕЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОЛЛЕГИИ, ИЛИ ПРИКАЗА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ДОМОВОДСТВА

Итако приступаю хотя к сложнейшему и труднейшему в исполнении проекту, по сходному с тапершним расположением на него правительства. Оный состоит:

1) Надлежит учредить Государственную Коллегию или Приказ земледелия и домоводства.

2) Сия Коллегия должна, как и прочие, быть подчинена Сенату, с таким токмо преимуществом, что ежели по какому нужному и не терпящему времени ее докладу, ежели в три месяца решение не воспоследует, то она имеет право вторичный доклад послать от себя к государю.

3) Присутствие сей Коллегии должно быть в Москве, яко во граде средоточия империи.

4) Должна она быть составлена из одного президента, одного вице-президента, двух советников и асессоров с довольным жалованьем, а паче президенту, долженствующему и привлекать в дом свой разных людей, дабы о разных обстоятельствах отдаленных губерний уведать.

5) Все сии должны быть определяемы: президент от монарха, вице-президент от него же, но чтобы был лифляндец, или естляндец, знающий домостройства. Советники и асессоры по представлению Коллегии от Сената с таким наблюдением, чтобы оные из разных мест империи были, имели бы там свои деревни и некоторое бы имели имя в знании домоводства.

6) Президент всегда должен иметь чин сенатора, дабы мог и в Сенате сам нужное о домоводстве представлять.

7) Хотя она должна быть управляема и по общим правилам Генерального регламента[493], но в могущих случиться делах, не терпящих времени, хотя бы и все прочие члены были несогласны, один президент имеет право, по данному от него приказанию, велеть исполнять, однако с тем, что как свое приказание, так и мнение всех своих сочленов, как наискорее должен представить Сенату.

8) Находящиеся при ней приказные служители должны быть разделены на шесть повытьев, или столов, то есть на четыре полосы государственные и на Лифляндское и Естляндское, и на Сибирское, Оренбургское и Астраханское, которое каждое должно быть под дирекцией одного чина; Лифляндское под вице-президентом, а прочие у других, по способности их, как сказано в избрании их.

9) Всем наместникам и губернаторам предписать, дабы они помоществовали операциям сей коллегии.

10) Директора Економии непосредственно должны быть подчинены ей по правлению всех государственных, дворцовых и економических крестьян, и разных в тех волостях всякого звания дач.

11) Губернские предводители так же в рассуждении домостроительных ее распределений должны всею силою их операциям ее спомоществовать, яко клонящимся к общему благу.

12) Надлежит ей, окроме довольного содержания ее, определить некоторую сумму на раздавания награждений, так же может она делать представления Сенату о учинении отличившимся в домовод-

стве награждений медалями, или и другими почетными награждениями.

13) Должность ее состоит вообще иметь попечение о хлебородии, обильстве и благосостоянии государства; и потому, чтобы все государевы крестьяне прилежали к земледелию, чтоб пустые земли были населены из тех деревень крестьянами, коим земель недостает. За удовольствием государевых крестьян может продавать таковые пустые земли и помещикам для поселения. Чтобы не токмо разные хлебы, но так же и разные овощи, плодоносные деревья, корни, могущие заменить хлеб, яко земляные яблоки[494] и патасы[495], и гороховое дерево[496] было размножено, сохранены были леса, посушены болота для земледелия. Чтоб умножить и в лучшее состояние привести скотоводство, чтоб в лутчее состояние привести винокуренные заводы и не допускать их сожигать хлеб в неплодоносные годы ко изнурению подданных. Иметь попечение о умножении пчел, о рыбных ловлях, маслобойнях и мельницах. Стараться о размножении винограду, делании виноградного вина и водки из оного, так же о размножении шелковиц и шелковых червей, о заведении разных мастерств и фабрик, поелику не делают они уменьшения земледелия, дабы родившиеся вещи могли обделаны быть; о коммуникациях легчайших внутри государства и к портам, и наконец о заведении магазейнов.

14) Ради исполнения всего вышеписанного надлежит сей коллегии иметь следующие ведомости: 1. О всех государевых деревнях, имена волостей и деревень, в которой губернии и округе, сколько на какой реке или озере, сколько душ мужеска и женска полу, какой их промысел, сколько под каждого земли и какого качества, сколько из того числа под пашней, под лесами строенными и кустарями порознь, какого роду сии леса, сколько земель неудобных и какого роду неудобности, сколько лугов, есть ли мельницы, или озера и рыбные ловли. 2. О всех оброчных статьях, где они состоят, к каким деревням прилегают, и какого свойства и обилия, и что с них сбирается. 3. О всех пустых землях, находящихся в Белорусской, Малороссийских, Саратовской, Оренбургской и других губерниях, и какого они свойства. 4. О розданных и проданных 1761 года землях, кому розданы и проданы и какие ими на тех землях учинены поселения, или в какую пользу для государства употреблены. 5. Общую ведомость о каждой губернии о господских крестьянах и о их промыслах. 6. Еже-

годные ведомости о посеве, урожае каждый год хлеба. 7. Ежегодные о размножении или убавке пашни в каждой вотчине государевой.

15) По собрании ведомостей о состоянии государевых деревень, надлежит ей сделать наставления директорам домоводства, прилагая сие к местоположению губернии, которому оно дастся; ибо одинаковое для всех директоров Економии удобно быть не может, какие бы общие правила в ней положены ни были; а в оном не токмо все то, что касается до всякого домоводства, но даже и до управления вотчин вместить.

16) По сем учинить рассмотрение о числе душ в каждой волости и о землях удобных распаханными быть, сделать положение законное, которая волость имеет надлежащую ей дачу, то ту оставить в ее положении. Ежели имеет лишнюю, то от недостаточности из той же губернии перевести и из тех волостей, где дачи недостает, или раздать крестьянам находящиеся пустые земли в той губернии. Ежели же за всем тем будет недостаток земель, то из недостаточных в оных волостей должно перевести в отдаленные плодоносные губернии.

Примечание. Перевоз сей не инако должно чинить, как: 1) Директор економии в присутствии наместника или губернатора и некоего числа первых судей в той губернии, и лутчих крестьян той волости, по дворовой переписи выбрать [должен], которые охотой идут на перевоз, и чтобы те самолично в сем собрании объявили и дали подписку; ежели же нет охотников или недостает их в определенное число, то по жеребию выбрать и учинить им от короны некоторое споможение, или от самых тех крестьян, в чью пользу земля перевезенных остается и всему сему сочинить определение за руками всех тут бывших; 2) во всем государстве более трех тысяч душ в год перевозить в дальние места не должно; а посему и в каждой волости что достанется, по тому разделять; 3) Расписание Коллегии, сколько перевозить, и откудова сколько со всеми обстоятельствами, так же и все произвождение выбору, не токмо должно быть донесено Правительствующему Сенату, но и напечатано для народа известие, дабы каждый видел справедливость таких операций.

17) Имевши ведомости о розданных и проданных приватным людям землях, надлежит Коллегии сделать рассмотрение: 1) кто сколько взял; 2) во что сия земля употреблена; 3) населена ль она по закону; 4) не взял ли кто яко по смежности к малому числу душ великие дачи, которые праздны или, по крайней мере, паствами остаются, и 5) ка-

кие леса разобраны и во что употреблены? И о всем сем, если усмотрятся злоупотребления, на правилах економических сообразясь с законами, учинить доклад государю.

18) Сия коллегия должна сделать правила для каждой губернии, поскольку крестьянин государев должен пахать земли и учредить пени на всю вотчину, естли такого числа вспахано не будет; за излишнее же положить награждения с довольными осторожностями, дабы чрез сие злоупотребления не произошло, побуждая увещаниями своими и помещиков последовать таковым же правилам и давая награждения медалями за хорошее земледелие и домоводство, или представляя и к вящему почетному награждению, ежели что знатное кто учинит.

19) Ежели по исчислению и назначению для перевоза государевых крестьян на пустые земли найдутся лишние пустые земли, то, учиня о сем верное исчисление, подать доклад Сенату о продаже их помещикам, желающим, где есть теснота их крестьянам, переселить в те места. Правила же, на которых таковая продажа чинится, суть следующие: 1) цена должна быть положена весьма умеренная, и покупающий волен платить, или не платить денег, платя ежегодно с суммы по пяти процентов; 2) пошлины с данных сих должно отменить, и все другие расходы, яко гербовая бумага, за печать и протчее, ибо где содевается польза государственная, тут на малости сии глядеть нечего; 4) никто таких земель купить не может, не объявя с приказными засвидетельствованиями и предложением межевых планов, что законного положения в его деревнях на число душ недостает, ибо из бесплодных провинций и от обильства земли могут многие перевести своих крестьян, оставя те земли пусты, и тако другого рода пустота учинится в государстве; 5) никому не продавать земли без обязательства, чтоб в пять или в семь лет оные земли по законному положению тем числом душ, на которое требовал, и из тех мест не населил; чтобы поселения сии делал не вдруг, но по частям, и сперва не по многому числу, и наконец, естли по прошествии урочных лет сии земли не поселит, то все оставшиеся за поселением, по учиненному осмотру, безденежно возвратятся государю.

20) Все оброчные статьи, в дачах состоящие, яко: земли, луга, озера и реки, и мельницы, должно теми, куда, прилегают, по вышеписанным правилам, продать на таком основании, чтоб взятые за них деньги, или положенные оставшиеся в руках у покупщика, но с коих он должен платить процент, приносили процентом ту самую сумму,

каковую давали сии оброчные статьи, взяв при том залог о верности такого платежа.

21) Понеже заведение разных новых родов хлебов, перемена семян и заведение разной скотины и наконец некоторых нужных ремесел требует никоего числа денег, как для покупки, так и для прейсов, то для сего надлежит сей коллегии определить некоторую ежегодную сумму на сии издержки, которые чинить по следующим предписаниям:

22) Первое есть заведение новых хлебов. Надлежит сей коллегии чинить оных разные выписки и по самому малому количеству раздавать в те области, где есть такие удобные места; а когда чрез рапорты получит известия о успехе сего заведения, то объявить, что соглашается для других выписку делать, приговоря для сего верного купца и который бы таковую корреспонденцию имел, еще с условием, что невсхожий хлеб от него не принимать.

23) Всем довольно известно, что земляные яблоки составляют здоровую и сытную пищу, а к тому занимают мало земли, а всегда сильно родятся, то и сие должно стараться заводить. Таким образом в те области, где есть удобная земля для сажения их, посылать по несколько четвертей и велеть сперва директорам економии разумнейших крестьян принудить, дабы они по малому числу посадили в поле и в городах, однако не более, как во всей губернии человек по десяти, и наблюдать в течение трех лет, чтобы оные сажали и выбирали порядочно, и научить их употреблять, оставляя им оные. А тогда же обнародовать по десяти прейсов во всякой губернии, которые будут даваться тем, кои без принуждения о разведении их будут стараться. Например: первые три — по 25 рублёв; оный давать, кто предъявит, что он две четверти их собрал, три — по 15 рублёв, кто предъявит, что полторы четверти собрал, и три — по 5 рублёв, кто объявит, что четверть собрал; и наконец один — 50 рублёв, кто объявит, что более трех четвертей собрал; и другие подобные учреждения на десять лет учинить, ибо непрерывное десятилетнее старание уже может сие ввести в обычай. Прейсы же сии давать не токмо государевым крестьянам, но и помещиковым, кто сие исполнит.

24) Подобным же образом должно приложить старания о разведении горохового дерева, коего семена удобны в пищу людям и скотам, а листья могут вместо сена служить. Посеянные такие деревья нанятым садовником, под смотрением директора домоводства, произведут множество деревьев, которые должно раздавать с наставлениями,

садить в государевы деревни и в помещичьи, круг дворов, гуменников и огородов, с подтверждением, чтобы их хранили, делая при том и осмотры, без наложения однако пеней и притеснения, но употребляя токмо увещания. А наконец полагая цены, по три в губернии, кто будет иметь сто деревьев, приносящих плод, тому дать, например, 50 рублёв; кто имеет 200 деревьев, тому дать 150 рублёв; а наконец, кто имеет 300 деревьев, тому дать 250 рублёв.

25) Надлежит сделать учреждения о лесах, с таким еще предписанием, чтобы плодоносные деревья, яко рябину, черемуху и другие не истребляли.

26) Побуждение о заведении садов всяких родов деревьев и огородов, так же должно составить единый из предметов сей Коллегии.

27) В самой пашне находится у нас происходящий от старых обычаев недостаток, то выписки и употребление всяких орудий для заведения лутчей пашни, должно сочинить попечение сей коллегии.

28) А сего ради Коллегия должна иметь в собственном своем владении небольшие деревни, две или три, круг Москвы, где она будет производить опыты, нанимая для сего економов и выписывая или делая орудия. Так же и каждый директор домоводства на городской земле должен иметь несколько десятин с садовником и тремя или четырьмя работниками и с лошадьми.

29) Понеже в России по пространству ее недовольно конских заводов, то и надлежит сей Коллегии стараться о размножении оных не токмо у дворян, но и у крестьян, и для того ежегодно ей и определить на выписку жеребцов и кобыл по 5000 рублёв, которые раздавать желающим иметь их крестьянам, однодворцам и бедным дворянам, которые не более 50 душ за собой имеют, с тем однако, чтобы за розданные им лошади они в 12 лет деньги заплатили, начиная платеж по прошествии двух лет, брав надлежащие залоги или поручительство.

30) Толикую же сумму определить и на выписку разной скотины, яко быков, коров и свиней, и на таком же основании раздавать.

31) Понеже попечения сей коллегии должны простираться и о самых ремеслах, того ради защищает она от всякого притеснения из российских произведений все заведенные фабрики, однако наблюдая, чтобы обделывание самых вещей не мешало их произведению, то есть, чтобы от них не потерпело земледелие, и для сего полагает пределы, чтобы жадность к корысти приватных людей не отнимала множества рук от земледелия.

32) Умножившиеся строения и роскошь в городах привлекают множество земледельцев в оные. Того ради и надлежит сей коллегии постараться сделать такие учреждения, чтобы, не сделав большого помешательства в строениях и других ремеслах, остановить до ныне бывший великий прилив земледельцев в города.

33) Винные заводы переводят много хлеба — то воззрить и на сии, в чем предоставляется ей власть уменьшать или запрещать винокурение во всех тех областях, где худо хлеб когда родится, умножая его, где он изобилен.

34) Учреждения и расположения о выпуске хлеба и в какие государства попечению ее полагается.

35) Имея сведения о всех частях государства, имеет она право предлагать Сенату для докладу монарху, дабы устроить новые где водяные коммуникации, которые рассматриваемы и свидетельствуемы должны быть определенными от Сената людьми, ибо Коллегия таковых не имеет, и для того токмо мнения и попечения ее о сем требуется.

36) Должна сия коллегия иметь попечение о заведении во всех государственных вотчинах магазейнов, а так же и помещиков к тому побуждать.

37) Общим образом, что здесь выше и не предписано, но усмотрено будет коллегией о какой бы то части ни было к пользе государственного домоводства, о том может со мнениями своими представлять Сенату. И о таковых нужных вещах может президент писать и прямо к государю, ссылаясь на учиненные представления Сенату.

38) Понеже здесь выше единственно главные правила помянуты, без подробностей, как многое из оного исполнять, то на всякое такое нужное исполнение должна Коллегия сделать особливые предписания и поднести Сенату на рассмотрение, дабы во всем имела правила, по чему поступать, а не было бы без крайней нужды самопроизводительных действий.

39) Понеже Коллегия чрез все вышеписанное будет иметь великую власть над всеми подданными государства, то первое ей предписуется, чтоб ничего, не уведомив Сенат, вновь не исполняла, исключая, что означено выше § и определять ежегодно трех сенаторов, которые бы в каждую треть ревизировали дела сей коллегии в присутствии президента и представляли государю.

ПИСЬМО К ВЕЛЬМОЖАМ, ПРАВИТЕЛЯМ ГОСУДАРСТВА

Милостивые государи! Достигши до старости моих дней и видя приближающуюся мою смерть, ни сила ваша, ни мщение не страшны мне становятся. Ибо что вы можете у меня отнять? Остаток малого числа дней, из коих каждый означен новыми болезненными припадками. Да хотя бы и сего не было, из юности своей привыкши рассуждать о состоянии смертных тварей и о неизбежности от всяких несчастий, и я тогда уже душу мою укрепил противу ударов счастья. Я видел падших в несчастие вельмож, снисложивших свою гордость, слабость свою и подлость являть. Видел других вельмож, утесняющих себе нижних, лишать их имений и жизни; но зрил в их деяниях не более силы и могущества, каковые самый разбойник может иметь, который грабит и убивает, или пресмыкающийся червь, поедающий плоды земные, надежду тщательного земледельца, или какого насекомого, умерщвляющего своим ядом человека. Я видел царей и вельмож, умирающих в цветущих летах свой младости, коих вместе с жизнью исчезала вся надежда, пышность и великолепие; и они в пепел обратились, и память их не потому судилась, какое они место на грязном малом кому нашей стихии[497], что мы землею называем, занимали, но по тому, каковы они были. Я видел над собой многие несчастья, был обманут счастьем, претерпел в имениях своих ущерб, лишился моих ближних, которых не перестаю оплакивать. Вижу ныне вами народ утесненный, законы в ничтожность приведенные, имение и жизнь гражданскую в неподлинности; гордостью и жестокостью вашей лишенные души их бодрости и имя свободы гражданской тщетным учинившееся и даже отнятия смелости страждущему жалобы приносить.

Се первое из сих паче укрепило меня противу суровостей рока или, лучше сказать, ваших самопроизвольств, а второе побудило меня мысли мои вам начертать.

Не злобою я на вас дышу, не страстью какой побужден, истина и человеколюбие суть путеводители мои. А по сему не могу я вас считать извергами природы, рожденными от каких свирепейших зверей, питанных млеком бабры или медведицы и воспитанных среди льдистых бугров Кавказа. Вы человеки, рожденные от подобных нам, воспитанные между нами, с млеком матерей своих питалися учением нашего Святого Закона, а посему не природа есть причиною ваших

пороков, но незнание самого объяснения вашей должности, забвение самих себя и страсти ваши, иже соделывают из вас не людей, но неких чудовищей, созданных на несчастие и на погибель ваших сограждан.

Первое объяснение, долженствующее впечатленно быть в сердцах ваших, что есть вельможа? Се есть не иной кто, как человек по роду ли своему, по достоинству ли, или по случаю, возвышенный превыше других равных ему человеческих тварей; приближен к престолу царскому и обогащенный щедро даровитостью монарха от сокровищ народных.

Самые сии объяснения не показуют ли каждому вельможе и должности его? Возвышен он превыше других равных ему человеческих тварей. Но сие несть механическое возвышение, коим можно и навоз на верх высокой башни положить, но возвышение метафизическое, знаменующее, что кто возвышен пред другим саном, тот должен возвыситься и добродетельми. Но гордость, самохотение, презрение законов, сластолюбие, праздность, нерачение и невежество возвышают ли человека? Поелику он есть человек пред другими, а впадая в сии погрешности, не становитесь ли из знатнейших Богом созданных тварей, т. е. человек, подлейшими из всяких животных? Не чинитесь ли вы сей самой кучей навозной, на верх великолепной башни вознесенной? Не чинитесь ли вы из человек, и человек изящных, подобны жукам, подобно как они любящих жить в навозе, так вы в пороках?

Приближены вы к престолу царскому. Но для чего? Не для того ли, чтобы верно ему служить, и чтобы его милосердия чрез вас к нижайшей части подданных отражались? А могут ли они иметь такое отражение, когда сему отражению гордость, леность, своехотение и прочее сопротивляется? Вы к престолу царскому приближены с тем, чтобы учинить любима вашего государя, но вы его делаете ненавидима народу.

Вы обогащены щедростью монарха от сокровищ народных, то чем же вы можете ему и народу воздать? Не совершенной ли верностью к тому, кто вас обогащает, усердием и нелицемерным откровением своих мыслей, хотя бы они противны ему были, являя сим, что в подвигах ваших к его службе вы не сами себя в предмет имеете, не собственный ваш прибыток, но славу монарха, которому служите. Чем вы воздадите народу, коего сокровищи служат к обогащению вашему?

Не тем ли что явите ему снисхождение, окажете попечение ваше о его блаженстве и явите, что вы достойны благодетелями народа именоваться?

Обыкновенно вельможи суть и правители государства. Воззрим же что сие именование разумеет и какие замыкает в себе должности?

Само именование *правитель* являет, что он должен быть тот, кто направляет течение вещей к лучшему благоустройству. Ибо не зачем бы иметь правителей, если бы они токмо для развращения и повреждения употреблялись. Монарх есть один, все видеть и все обнять в государстве, а паче в пространном, не может. Он определяет разных правителей, коим уделяет часть своей власти, дабы способом и посредством оных повсюдова законы были исполняемы, дабы знаки его милостей повсюду разливались, дабы каждый безопасен был о своей жизни, чести и имениях. Но власть сия препоручается не на самопроизвольность каждого, но есть предписания законов, которых частные правители должны токмо исполнителями быть и исполнители не злостные, ищущие вины, преступления и наказания, но исполнители, представляющие лицо отца народа, т. е. милосердые и снисходительные, а к тому справедливые и тщательные и всеми способами тщащиеся не токмо силою законов, но и своим примером ввести благонравие в народ, утвердить его умоначертание, возвысить его душу, без чего никакая добродетель быть не может, и не токмо законными деяниями своими, но и каждым малейшим своим поступком должны показывать свое благосердие и снисхождение.

Но как все сие вами исполняемо?

Вы определены быть исполнители законов, но прилагаете ли вы прилежное ваше старание достигнуть до совершенного познания оных, вникнуть в притчины сочинения каждого из них? Оставляете вы сию важную науку вашим секретарям, которые или для собственных своих польз вас обманывают, или вы сами, не справясь и чрез секретарей ваших о подлежащих законах, самопроизвольно судите — похищаете над властью монаршей, не правите, но в расстройку приводите правительство, отнимаете у подданных известные им правила, которым должно последовать, в презрение приводите самые законы, и жизнь, честь и имения граждан во всегдашней опасности становятся.

Вы говорите, что се есть для скорейшего решения дел. Но все, что скоро, еще хорошим назваться не может. Природа нам представляет примеры: нужные тварям произрастения не наспех растут, но всему

надлежит время и спелость, дабы совершенство свое получило. Как же вы думаете безумной вашей поспешностью какую пользу сделать? Пусть совесть ваша чиста, пусть желание ваше есть скорее соделать суд обиженному, пусть бы знали и законы, но возможно ли без мучительства требовать, чтобы каждый подданный подвергался к единому вашему суду, чтобы иногда телесные припадки, иногда от того, что не выспитесь ночь, препроводите в роскоши, иногда совсем посторонней вещью быв раздражены, суждения бы ваши зависели от вашего веселого и огорченного расположения. Но пусть, повторяю, вы бы и знание законов имели, есть ли такая на свете память, которая бы могла упомнить содержание и точный разум всех законов, которые у нас листовые книги сочиняют, из коих большая часть писаны на неупотребительном языке? Как же скорохватные ваши решения, без справок и сличения учиненные, могут быть справедливы?

Видны в суждениях ваших предубеждения к лицам. В самой ли истине или напрасно вы их получили, не стыдитесь и не страшитесь на оном суждении свои основывать, а иногда и не судя отнимаете честь людей. Войдите сами в себя, подумайте о слабостях человеческих, коль часто и яснейшие вещи нам темны кажутся, то можно ли кому благоразумному человеку понадеяться на единое свое суждение, и страстью или предубеждением пораженный человек есть вполовину безумный, а вы в сем том вашем безумии судите судьбу и честь людей. Законы для того составлены, что они лицеприятия не имеют, пристрастия в них нет, да судится каждый по законам, да отступление человека от известных ему правил накажется, а не потому, что кто внушил управляющему вельможе о ком худо, или ему что показалось. Но вы на сие говорите, что хитрость развратных людей есть такая, что никакие законы не могу предупредить их коварства и злости, и часто они, за недостатком законов, без наказания остаются. Сему оспорить не можно. Но не лучше ли, если бы кто винный и избежал наказания, нежели когда от вашего самохотения, упреждения или худого воззрения, безвинный кто претерпит и разрушится безопасность гражданская, защищаемая законами? Вы тщитесь наказать других за проступок противу законов или за вредный под них подбор, нарушая сами оные и, считая их достойными наказания, сами уже ясно злейшими извергами, разрушителями законов и злодеями, достойными жесточайшего себе наказания, учиняетесь.

В самом исполнении вами законов я вижу такие нелепости, которые, конечно, в слезы и содрогание каждого доброго гражданина приводят. Лучшие из вас, затвердя как сороки слово *милосердие*, не знаете, что оно знаменует, послабляете вящим преступлениям. Поймите, что милосердие есть единое из приписаний, приличных Божеству, равно как и правосудие, то может ли что в Божестве быть противуречительно? А потому милосердие есть то, когда взирая на обстоятельства, на слабости человеческие и проч., самое правосудие смягчается, а не есть ослабление. Тит, император[498], нареченный благоприятный роду человеческому, пример милосердия в земных владыках, обливался слезами при подписании кому казни, но ее подписывал, когда необходимо то правосудие требовало.

Другие, напротив того, думая строгостью одною все привесть в порядок, якобы удобно было какие кому дела исполнять, озлобя прежде всех с кем он их исполнять должен, не взирая ни на слабости, ни на обстоятельства, ни иногда на невозможность, за удовольствие считают токмо наказание налагать. Не знают они сего правила, долженствующего бы быть начертанного в сердцах правителей. Слабости препятствуют милосердию и покоряются ему; беззакония сопротивляются милосердию и вооружаются против него. Слабости человечеством извиняются, беззаконии изуверством самим извиняться не могут. Се есть правила, иже составляют самые основания законов. Сим бы вы должны последовать, и если бы нашли сами законы, противоречащие вашим добрым намерениям, могли бы принести пред престол монарший, ко власти законодательной ваши представления о поправлении самих законов, а не самим вам чинить похищения над вашей властью, коей вы есть хранители: прописав законы в глупых ваших писаниях, давать прощение или усугублять самую строгость законов, являя первым себя несмышлеными похитителями высшей власти, а вторым — злодеями, приличнейшими быть палачами, нежели правителями государства.

Разные встречаются вам дела, а между тем и такие, которые требуют особливого разбору актов. Вы вступаете своими особами, не войдя ни в обстоятельства, ни в силу актов, иже составляют безопасность гражданских имений, судите в единую минуту, решите без справок и граждан в разорение приводите. Не учиняетесь ли вы сим совершенно сходны разбойникам, которые наглостью имение чужое похищают. Но вы в оправдание говорите, что вам точно известно, что акты сии несправедливы, что то имение похищено или у государя

или у приватных людей. Не спорю, но вы ли есть закон? Оставьте такие дела течению закона, пусть несправедливость их докажется. Если же и так вещи сокрыты, или такие обстоятельства приведены, что похититель останется владетелем похищенного, не лучше ли, чтоб государь или некоторые граждане от хитрости такой претерпели, нежели бы вашим скоропостижным суждением похитилась власть у государя, разрушились законы и погибла бы безопасность подданных, а вы бы разбойниками учинились?

Пристрастия ваши суть наиболее очевидны в определении вами судей. Едва вы входите в начальство, уже несмышленая родня ваша важные места получает, другие — ваши искатели, хотя их прежнее пребывание в судьях противу их свидетельствует, паки в места определяются: в единых местах тогда как отрешаете одних, другие не меньше участвуют в злоупотреблении законов, тогда же повышение получают. Пусть вы себе в оправдание скажете о сродниках, что ваше надзирание над ними научит их должности и добрыми вы судьями соделаете, пусть скажете о прежде бывших у дел, что ваше строгое наблюдение возвратит их к правосудию, пусть скажете о участвующих в злоупотреблениях, что обстоятельства не дозволили им оным сопротивляться, — оправдания ваши тщетны. Если вы по пристрастию родства определили кого, то не может ли быть то же пристрастие и в наблюдении за ним, и как возможно вам, быв главными начальниками, входить во все подробности нижних чинов? Кто на ближнего вашего родственника или свойственника осмелится вам принести жалобы? И следственно большая часть дел его сокрыты от вас будут. Как вы надеетесь привыкшего к распутству человека обратить к порядку, когда и над собой толь мало власти имеете, что не стыдитесь его определить? Как вы можете извинить обстоятельствами злоупотребление законов? Как вы можете в доскональность знать, и как вы можете понадеяться на человека, сказывающего вам, что он для товарищества плутовал? А определение таких, выводя вас пристрастными на позорище и показуя, что вы не достоинства, но прихоти своей ищите, развратит не токмо сих, но и множество других, и вы, если бы и хорошие имели намерения, коих, по крайней мере, знаков не видно, безуспешны в предприятиях останетесь, а народ увидит в вас пристрастного себе злодея.

Не хочу я вас обвинять в мздоимстве, ибо сие обвинение является мне мерзко, и не могу я подумать, чтоб души ваши до того были уподлены. Охотно желаю вас хотя добрым намерением оправдать, возлагая более худые ваши поступки на невежество ваше, нежели на

умышленное развращение вашего сердца. Однако, если вы не мздоимцы, то по крайней мере вы толь малоумны, что тщитесь показывать себя такими пред народом. Ибо что может сказать народ, видя ваше сластолюбие и роскоши, превосходящие ваши доходы? Что он скажет, видя ваше уважение ко всем богатым людям, видя похлебствы ваши ко зловредным откупщикам? Колико каждый из вас соделал им благодеяний, вспомоществуя, якобы для своего прибытку, всех их разорениям и притеснениям народа? Вы, иже во всем строгие смотрители являетесь, пресекли ли вы несправедливую продажу соли, несправедливый ее вес, подмешания самого песку и прибавления цены? Пресекли ли вы в откупе табаку разные вкрадшиеся злоупотребления, яко недовесы, подмесь худого и прочее? Нет, все сие в прежнем злоупотреблении остается. Тщетно народ жалуется, тщетно он вопиет. Везде он притеснен и нигде от вас защиты не обретает. Что сие знаменует? Вы говорите, что для пользы коронных доходов вы принуждены вспомоществовать откупщикам. Да разве корона отдавала им откуп на тех основаниях, чтобы они разорили народ, повредили бы весы и меры и испортили бы привесом вещей самые нужные вещи для жизни человеческой? Если такие суть ваши мысли, то вы разрушаете связь народную с государем и государством и суть побудители возмущения. Если же не такие, чего ради вы толь во всем им способствуете? Никто из граждан не должен быть притеснен. Откупщики есть зло, но зло по обстоятельствам государства нужное. Не утесняйте их, исполните с ними точно те условия, на которых они обязались. Не утесняйте их, но и не давайте и народ утеснять. И тем более сие заслуживает вашего внимания, что сии люди из давних лет привыкли для своего корыстолюбия отягощать и притеснять народ. Зачем же вы делаетесь соучастниками таких притеснений? Зачем вы потворствуя откупщикам, разрываете неразрывную цепь, связующую народ с государем? Зачем вы в недействительность, ради откупщиков, приводите законы? Либо мздоимство в вас действует, либо вредом власти монаршей, по неразумению вашему хотите сим богатым людям угодить. В первом случае вы злодеи, а во втором — безумные.

Нередко случалось мне приметить в тех из вас, которые наиболее хвастаются оказывать деятельности: они во все входят, то, что должно исправлять полицейскому офицеру, что должно делать нижнему судье, все на себя приемлют. Бегают как безумные по городу, на все сами взирают, принимают множество бумаг, корпят с глупыми или с

плутами своими секретарями их рассматривать и, в малостях упражняясь, от великого время отнимают, и народ в существительных вещах своего блаженства страждет. Сии похожи на тех лошадей, которые на наших фабриках ходят в колесе — хотя кажется ей, что великое пространство пути прошла, но она все на одном месте пребывает, — а в самом деле показывает вас быть мелочными людьми, удобными токмо к нижним чинам, а не в большие правители государства. Ибо что вы беганием своим делаете? Приметите самое малое число злоупотреблений, которое велите исправить. Они на малое время и то частно исправятся, дабы после со вреднейшей силой умножиться.

Не та ваша должность. Она состоит в наблюдении, чтобы подначальствующие ваши каждый исправлял свою должность. Не совсем охулительно очей ваших наблюдение, но не тот, кто меры и вес неправые держит, не тот, кто поврежденные товары продает, толико наказания достоин, ибо он сие делает для своей прибыли, для обогащения своего торгом. Но тот, кому повелено за сим надзирать, сугубое соделывает преступление, ибо без взятков такого бы упущения не соделал и народ бы не допустил быть обмануту. Но малоумие ваше до того простирается, что вы и не знаете, кого как должно наказать. Достоин некоего наказания продавец за такое злоупотребление, но сугубого наказания достоин надзиратель. А сим вы и упускаете. Беганье ваше становится тщетно, труды ваши пропадают, злоупотребление после малой частной поправки, умножается, и вы достойно заслуживаете имя людей, не знающих, к чему свой труд, к чему какие наказания употребить, и в презрение народу впадаете. Случалось мне видеть, когда по таковым обеганиям с усталыми ногами, принудя долго себя нужным ожидать, приходите запыхавшиеся домой, обираете у просильщиков разные жалобы, кладя под пазуху их, уже думаете, что колико бумаг, толико судеб человеческих в руках ваших держите. Бедные, прижимаете рукой своей судьбы других людей! Подумайте прижать крепко свою судьбу, свою добрую славу, если вы ее когда имели! Уходите с важным видом, оставя множество других, от коих ничего не выслушали, еще несколько часов вас дожидаться. Подумайте сами, не суть ли вы таковым поступком достойны смеха и поругания. Возможно ли вам сделать выписки и точное рассмотрение на сто или более просьб, которые вам подадутся в каждую неделю. Вы себя изнуряете, похищаете должность нижних судей, требованием от тех мест объяснений отнимаете у них время исполнять течение правосудия и, наконец, по незнанию вашему подвергаетесь [опасности] несправед-

ливо еще решить. Но вы говорите, что каждый притесненный должен иметь к вам прибежище и просящего не отженете от себя. Похвально правило, но вы его не понимаете. Не тем не отвергается просящий, не тем обидимый защищается, что между многих бумаг принять мало дельных, лишить себя нужного времени на важные решения, затруднить судебные места справками и запросами, и малоразумные повеления учинить.

Не отвергни просящего, но тем, чтобы в назначенный день и час тобою, он нашел тебя готового жалобы выслушать, а не должен бы несколько часов был тебя ожидать, ибо как скоро ты таковой день и час назначил, он не твой, а просителев, и ты не имеешь права имением других, в огорчение самым тем, ожидании тебя распределять. Приняв их просьбы, можешь ли ты всех удовольствовать? Можешь ли без справок положить свои решения? Можешь ли ты справки взять, не остановя течение дел в присутственных местах? Можешь ли предложениями твоими не подать повода к узнанию твоих расположений, а потому и не побудить судей, трепещущих пред вами, судить сходственно с вашими мыслями? А все сие в ущерб правосудия.

Не лучше ли было бы вам отречься от принятия таких просьб, которые к судебным местам принадлежат? Пусть происходит на самые те судебные места жалоба. Посещайте, вместо беганья вашего по площадям и по улицам, судебные места. Отрекитесь таковые просьбы на судебные места в доме своем принимать, но лучше принимать жалобы в самых тех судебных местах. Тогда проситель, быв введен вами в самое судебное место, судьи словесно, с показанием производства объяснят обстоятельства дела, и вам без переписки, без затруднения судебных мест останется наблюдать, ведя особливую записку о жалобах, чтобы везде в порядке и безволокитно дела производились. Вы будете покойны, просители вас в доме не будут отягчать, судебные места, стращася вашего присутствия, будут в порядке и безволокитно дела производить и не затрудняться многими переписками, а и самые просители получат себе удовольствие. Противный же сему поступок не показует ли ясно в вас, что вы ниже и спокойствия своего сыскать не умеете.

Грубый и властный ваш обычай, а паче, когда несчастный народ видит вас подкрепленных какими временщиками, до того доводит народ, что он впадает в некое онемение, видя себя вами обижена, видя вами разрушенные законы, видя преимущества, от монархов данные, вами отнятые, претерпевая угнетение и разорение, не смеют

даже жалобу на вас производить. Что я говорю на вас, но ниже не смеют и вам справедливости своей изъяснить! Таковое ослабление народа, вами причиненное, не точно ли есть такое, о каковом Цицерон[499], при падении Римской республики, говорит в письме своем к Куриону[500]: «Sed, me hercule, ne cum veneris non habeas jam quod cures ita sunt omnia debilitata jam prope et extincta», но страшуся, что не можешь ты найти способов употребить твоих попечений, ибо толикое есть здесь ослабление разумов, и скажу почти истребление. А по сем: «Miseris temporihus ac perditis moribus»[501] — от несчастных времен и разврата нравов. Се есть обыкновенные следствия утеснения: разумы придут в ослабление, сердца в уныние и нравы развратятся и люди, желающие своего счастья, не могши получить оное прямыми и законными путями, обратятся к подлости и обману.

Какая же вам польза от сего происходит?

Вы подвергнуты к тысяче обманов, чинящих вас подверженных презрению самых тех, которые вам наиболее раболепствуют. Законы приходят в ослабление, ибо находят их бессильных безумные ваши поступки исправить. Сердца и разумы уподляются, нравы повреждаются и приключенное вами зло не мимоходящее, но долговременное становится. А все сие или от вашего неразумения, или от желания быть превыше законов. А самое сие уже безумие ваше показует, ибо если вы не взираете на защищение законов, если счастье переменится, если вас непостоянная фортуна будет угнетать, в чем вы найдете себе защищение? Но какая вам и честь повелевать бессловесным и порабощенным народом? Вы, человеки, за честь себе считаете повелевать равными себе, но приведя их в скотское состояние, становитесь не правители равных себе, но дурные пастухи словесных скотов!

Тягостно мне, а иногда и смешно видеть вашу надменность, мерзко мне видеть ваши прихожие, наполненные людьми, ожидающими вашего явления. Укрепив себя противу досады, я иногда хочу видеть сие глупое и бесчестное роду человеческому позорище, где купно с одной стороны подлость, а с другой, то есть с вашей, глупая гордость является. Если бы вы взяли труд размышлять, нельзя бы вам себе не представить, что неприятно бы вам было другого ждать. Зачем же вы сие неприятство на других налагаете? Но войдем в подробности о сем вашем поступке. Двоякие люди к вам приходят. Единые для изъявления почтения вам — то скажите, какого вы почтения более желаете: того ли, которое относится к вашему сану и украшениям, или того, которое относится к вашей особе? Если первого, то выставьте

ваши знаки и патенты в ваших прихожих и подпишите: господин сего дома есть токмо сие, а в прочем он чучело. Если вы хотите, чтобы оно к особе вашей относилось, то можете ли вы получить его, проповедуя своим поступком, что вы и жить не умеете, ибо почтение почтением платится. Вторые приходят с просьбами своими, но и те должны ли вас ожидать? Вы возведены на высокую степень правления для того ли, чтоб подобно павлинам, которые в числе умных птиц не считаются, распустя хвост свой собой красоваться?

Вы возведены для пользы народной, ибо каждая нужда человека есть нужда ваша. Зачем же униженного самой нуждой еще долгим ожиданием вас унижать? Зачем, если он имеет тогда другие нужды, ожиданием вас сделать ему упустить нужное время? Если несправедлива его просьба, зачем прежде законов его наказывать? Если же справедлива, зачем хотеть, чтобы он и справедливость унижением получил?

Я знаю ваш ответ, ибо часто случалось мне с таковыми о сем говаривать. Вы говорите, что «не гордость ваша и не тщеславие причина сему, но обязанность исполнять дела, которые занимают вас и не позволяют вам тотчас выйти к ожидающим вас». Ответ ваш во всей своей ясности безумие ваше и неспособность открывает, ибо понеже вы не умеете распределять время, как же можете благоразумно решить дела?

Я сам имел счастье быть в таких должностях, что множество людей до меня нужду имели. Я сам всегда обязан был многими делами, но никогда никто меня пяти минут не ожидал и дела мои нимало упущены не были. Не в похвалу ума моего я принужденным нахожусь сие сказать, ибо сие мне стоило малого размышления, но чувствования человека, ожидающего того, до кого ему дело есть.

Вот что я тогда придумал и исполнял, не делая ни себе помехи, и не принуждая никого себя ждать. За первое себе поставил я правило, что если кто имеет нетерпящую время нужду, тот во всякое время, хотя бы то было ночью имел право даже велеть меня разбудить, ибо и сон мой и успокоение не должны повреждать состояние последнего гражданина. По сем назначил я дни для моего успокоения и для исправления дел в моем кабинете, в которые просил всех, чтобы меня в сии дни, окроме крайней нужды не беспокоили. Наконец и во дни, когда я принимал всех, назначил часы, в которые принимал, и каждый, зная тот час, приходил и меня уже не дожидался. Если же кто пришел ранее, без крайней нужды, тот уже должен был винить

или свои часы, или себя, если несколько подождет. А сим способом я имел все нужное время для своих дел, и просители никогда меня не ожидали.

А посему оправдание ваше есть тщетно, и поступок ваш ясно показует малость вашей души. Хотя вы сколько ни силитесь скрывать малость вашу, она самим вам чувствительна. Сами вы себе дивитесь, как вы могли вельможами и правителями государства учиниться, а потому, не имея ничего в себе, но взаимствуя все от высших чинов, вы оными и гордитесь.

Я окончу наконец сие неприятное вам писание показанием еще единой вашей малости. Вы по всему вышеописанному, оказываете себя врагами нижних себя, оказываете же себя врагами и равных вам. Насилу кто из вас бывает в правительство возведен на место другого, то первое ваше попечение состоит охулять все поступки того.

Войдите в себя и подумайте: не совершенную ли подлость души вашей сие знаменует?

Вы, быв не в чинах, являли тому почтение, может быть и льстили его слабостям. Вошед на его место, вдруг стали его укорять, не сделав еще ничего лучшего. Тщеславие ваше уже льстится, унижа его, возвысить себя. Но подумайте: не тем других унижают, что их злословят. Будте пред малым предшественником своим велики, — он без злословия вашего унизится, а вы возвышены будете. Безумное ваше хвастовство не будет вас погонять, как плетью, что-нибудь явное сделать, чем бы злословии ваши оправданы быть могли, а потому часто и без рассуждения что соделаете, а сим, хотя того превратить в карлу, сами пигмеи становитесь!

Хотите ли вы быть великими и быть почтенны? Старайтесь последовать вещанию законов, ничего наспех и по произволению токмо своему не делайте. Исправляйте от слабости или от обстоятельств людей падших, наказуйте упрямых преступников, явите, что вы превыше чина вашего, отвергните гордость, явите ласку и снисхождение, любите правду и благонравие, и сами примером тому будьте и, наконец, старайтесь устроить безопасность и спокойствие и выгоды народные.

Без хвастовства слава вас увенчает, и чины не будут вам украшением, но вы особой своей их будете украшать, и благословение имени вашего народом переживет ваш век и будет сопротивляться непостоянству счастья.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

От начала составления обществ, и следственно от начала бывших некоторых условий, которые потом законами учинились, около половины нашего столетия предложена была до сего небывалая задача: должно ли наказывать великих преступников смертной казнью или нет?

Господин Бекарий, предложивший и изъяснивший сию задачу в труде своем «О преступлениях и наказаниях»[502], старается изыскать, могли ли люди дать над собой право у них жизнь отнимать, и потому и имеют ли правительства таковое право? Изъясняет потом самую неполезность сего права, говоря, что естли кто нанес вред обществу, то не смертью, чинящей его не в состоянии никакого возмездия учинить, но работой, по конец жизни продолжающейся, учинить и впечатление страху в тех, кто бы восхотел впасть в подобное преступление, и трудом его, определенным в пользу общества, удовлетворить приключенный им вред. Говоря при том, что от смертной казни жесточают токмо души, и что везде, где суть высокие наказания, тут более есть преступлений, приводя сему в пример самое время царствования императрицы Елизаветы в России.

Европа видела сочинение господина Бекария, воздала достойную хвалу его человеколюбивым мыслям, но оным нигде, кроме России, не последовали. А посему и хочу я рассмотреть, во всем ли справедливы предложения сего ученого человека?

Я кратко выше изъяснил, какие суть его мнения, которые пространно каждый может видеть в самом его сочинении. Здесь же за нужное почитаю изъяснить: I. Подлинно ли общества не имеют права наказывать великие преступления смертною казнью? II. Не имеем ли мы утверждения сего права и в самом нашем законе? III. Производит ли всякое другое наказание такое впечатление зрителям, как смертная казнь? IV. Есть ли в предложении господина Бекария толико человеколюбия, как тщится он показать? V. Удобно ли полагаемое г-ном Бекарием удовлетворение исполнится в пространных государствах? и VI. Как в России отрешена смертная казнь, и как наказания за великие преступления бывают?

I. Когда составлялись общества — почтем ли мы их начало от первых родоначальников — или по избранию рассеянные роды, для лучшего над собой управления, дали единому или многим власть, то

не могли они сего учинить, не учиняя сию власть неограниченну наказывать все преступления, клонящиеся разрушить общество, а потому неуповательно, чтобы в условии не была вмещена и смертная казнь за великие преступления. Повествии древнейших историков о законах и обычаях старобытнейших народов, где мы видим, чем древнее народ, то казни за преступления были жесточайшие, сие доказуют. От того ли сие произошло, что первые жители света имели суровые нравы, или от того, что вновь сочиняющиеся общества требовали крепчайших уз, дабы при начале не быть расторгнутыми, или от того, что первые законодатели и не воображая себе, чтобы нравы людские могли повредиться до такой степени, до какой они после повреждением дошли, не по повреждению нравов и не по слабости естества человеческого, но по своей добродетели полагали степень преступлениям. Не могу я надивиться, что господин Бекарий предлагает, что в число условий жизнь человеческая не могла включиться, ибо те, которые делали первые условия, соделывали их для сохранения принадлежащего им, то могли ли подвергнуть жизнь свою к казни, без чего и все, что есть, не нужно? Я отвечаю: конечно могли. Ибо никто, соделывая условия, не хотел преступлений над собой терпеть, а потому, что дороже жизнь ему своя казалась, то дороже за нее он цену поставлял. И конечно, было более таких, которые, в таковых расположениях были, нежели таких, которые намеревались соделать уголовные преступления и убийства, ибо сии и не имели нужды в обществе, которое развратным их сердцам противно было, но, за недостатком силы, принуждены были согласиться на смертное наказание за преступления, которые бы и хотели соделать. Да в самой вещи случай более доводит до преступления, нежель сердце; итако едва таковые и были ль. К тому же самый г. Бекарий мне не оспорит, что единая из главнейших притчин составления обществ была, чтобы защититься от неприятелей. Защищение требует драки, а драка с обеих сторон убийства, а однако они естественно обязались и с потерянием жизни общество и дома свои сохранять, то естли бы положение г. Бекария было справедливо, что жизнь человеческая не может в условие сочинения обществ входить, не вошло бы и то в условие, чтобы с пролиятием крови своей защищать общество и дома свои, а потому бы такое общество было покорено всяким таким, которое бы не имело сей превыспренней нежности. Но чтобы такое животолюбивое общество когда было, сие смеху достойно.

II. Колико новая философия, отрешая все откровение, сама собою не хочет достигнуть до великих истин, однако, пока мы не сложим с себя имя христиан, пока священные книги будут составлять у нас основание нашей веры, мне кажется, что самое благоразумие научает нас сходствовать в самих гражданских узаконениях наших тем правилам, которые закон наш почитает быть предписанными самим Богом. Пусть некоторые, желая и от сего ига освободиться, говорят, что наказания, предписанные в Ветхом Завете великим преступникам, были сравнены с суровством того народа, который тогда под богоначальством и в самом гражданском правлении находился, а потому и не могут нам служить. То первое, кажется в сем случае сие ответствуется тем, что еще идет в вопросе: а именно, нет ли хотя под другим видом и в нас не менее ожесточения сердечного, как в том народе? А второе, когда выше доказали, что самое естественное право — и основания первых обществ — не могло быть без установлений смертных казней, а потому, сходствуя во-первых с Божественным законом, богохулец и развратник веры, разрушающий то, что есть наисильнейшее у сообществ; убиец, похищающий у человека то, что никакая власть смертного не может возвратить; предатель отечества, нарушающий самое то, чего ради общества учредились, равно как и по божественным правам и по первенствующему условию, смерти подлежат. И не может мы мудрствованием своим сие отрешить, не разруша единого и другого, также не можем мы без самого безумия подумать, чтобы мудрствованием своим могли превзойти милосердие создавшего нас. Но да не рекут паки о суровости Иудейских законов, преданных самим Богом, чрез Моисея, сему народу[503]. Правда, что не токмо в Десятословии запрещено всякое убийство, но оказано толикое омерзение Богом к пролиятию крови человеческой, что даже животное, умертвившее человека, смерти предавалось. Но тогда же и видно милосердие Божие, ознаменитое в сих законах, что нечаянный убиец мог избежать себе осуждения и мщения от родственников (что ради суровства нравов народа сего было учинено), убегая в единый из градов убежища, установленных во всех частях областей детей израильских. А потому не можно сказать, чтобы при строгом правосудии не зрилось и милосердие, во установлении иудейских законов.

III. Все, что г-н Бекарий говорит о осуждении убийцов и других великих преступников в вечную работу, и яко видение их страждущих в оной произведет впечатление над теми, которые бы восхотели их

примеру подражать, — несть довольной силы, в сравнении с смертной казнью, и сие я потщусь доказать. Первый мой вопрос состоит: не затверделые ли в грубости и развратности сердца на великие преступления дерзают? И как не мню, чтобы кто мне в сем учинил противоречие, ибо не добродетельные люди, и не те, которые бы могли владеть страстями своими, и страшились бы преступлений в оные охотно ввергаются, то я ко второму вопросу приступаю. Не истинно ли есть, чтобы наиразвратнейший преступник, зная неизбежное ему наказание, не дерзнул преступление соделать? Думаю, что и в сем мне не оспорят. Третье: тако разбойник подвергается на труды, на раны и на боязнь, дабы убийство и грабеж учинить, с надеждой, однако, избежать смерти, ибо естли бы знал подлинно, что он в разбое будет убиен, то бы, конечно, не покусился чинить разбои. В сем случае так же думаю, что и самые разбойники утвердят мое мнение, и оно есть следствие первого вопроса. И потому и ясно есть, что всякое другое впечатление меньше действует в человеке, как впечатление смерти.

Рассмотрим мы естественное положение человека и действия его непорядочных хотений. Сие есть неоспоримое правило, что каждый человек убегает от того, что ему зло быть является, и ищет того, что он благом почитает. Природа сама старалась вдохнуть в нас сии чувствования для побуждения нашего убегать от всего того, что зло естеству нашему может нанести. Но люди самое милосердное дарование природы во зло употребили, и почти не то благом, что самое благо есть, и не то злом, что самое зло есть, ибо вместо, что благо есть последовать должности, предписанной естеством человеку и вкушать от самого сего удовольствие, роскошь, самовольство и неподвластность величайшим почли благом. Зло же есть всякое отступление от своих должностей. А почли злом все то, что удерживает и стесняет непорядочные хотения человека. От сих главностей пошед, чего преступник ищет? Он ищет удовольствия своих хотений, и ради того, изочтя по своему несправедливому счету, коль трудно ему исполнение его должностей, дерзает на все опасности, чтобы мнимое себе благо приобрести. То таковой остановится ли воображением работы и труда от искания мнимого себе блага, когда он и не подвергаясь ни к чему, работой и трудом мог бы действительно оное иметь? Тем наипаче, что при самых преступлениях своих, быв уже пойман, ежели токмо страшится работы и труда, надеется каким-нибудь образом ушедши, оной избавиться и тем с вящим стремлением возвращается к своим преступлениям, что опасность, дабы опять не впасть в подобное за-

ключение, и невозможность почти уже нигде убежища сыскать, его паче к сему побуждает. А потому сей способ для самих преступников есть недоволен отвратить их от преступлений, ниже для зрителей, которые видят осуждение а работу таких наиболее людей, которые бы и без того должны были работать, едва и внимают ли, чтобы сие было наказание. Вместо что смертный удар, разрушая вдруг естество человеческое, чинит, что сие единое уже убийца устрашает, то ему и грозит; и зритель, видя казнь преступника, трепещет духом и страшится под оную подпасть.

Правда, что г-н Бекарий представляет и то его утверждение своих мыслей, что в единую минуту исполненная казнь не оставляет толико памяти по себе, колико видение всегда в труде и работе находящихся преступников. Но на сие можно ответствовать, что люди имеют память и что не токмо действительное видение исполнения смертной казни устрашает, но и напоминание оной и самое рассказание приводит в трепет сердца и духи. Но видение работающих сих? Первое, всякий ли с любопытством будет рассматривать тягость их работы и жестокость их содержания, и те, которые увидят их худых, безобразных, влачащих тяжкие бремена, почти обнаженных в хладное время, соделают ли все надлежащие заключения о всей боли и туге, которую они претерпевают? Кажется, что леность размышлять и соображать есть единый из главнейших пороков людей. Следственно, и видя все сие, не размыслят о терпении их, и не изобразят ясно себе их тугу и болезнь, а потому и толь сильного впечатления в сердце своем иметь не будут. Но смерть есть смерть. Каждый ее страшится, и имя ее уже сочиняет впечатление в сердцах человеческих.

Более еще скажу, что самое то, что г-н Бекарий охуляет, мне похвально быть мнится. Говорит он, что судьи осужденного со многими приготовлениями ведут на казнь. Но какая есть сему причина? А рассмотрение сего и докажет мудрость, полезность и человеколюбие сего установления. Понеже законы не для бесплодного мщения умерщвляют преступника, но дабы самая смерть его, чиня впечатление в сердцах зрителей, отвратила, естли бы кто восхотел впасть в подобное преступление. Чинят всеми обрядами более еще ужести в смертной казни, нежель простое и мгновенное пресечение жизнь приключает. Сего ради, и ведение преступника всенародно на казнь, окруженного палачами, сего ради возжженные свещи, изъявляющие погребательные знаки, сего ради отец духовный, увещающий его к покаянию, сего ради понуждения ему просить прощения от зрителей.

Сказал я, что сии обряды в самой ужести своей есть человеколюбивы, ибо они, наводя ужесть, не умножают физического страдания преступника, но ужесть, коим сердце его терзается, несть бесчеловечна, ибо сия ужесть приближения к смерти может победить преступника, поелику возможно, принести свое покаяние Богу, и еще от сего милосердого Вышнего Естества получить некое милосердие. Тако законы, оказуя, с единой стороны, ненависть к преступлению, милосердуют самому преступнику, погубляя его тело, достойное погибели за преступления, и, в пример другим, пекутся, однако, о душе его.

IV. Никак я не намерен каких худых расположений сердцу господина Бекария приписывать, возлагая более на ошибку, сродственную человеку, называть то человеколюбием, что в самом деле жесточае есть смертной казни, то есть вечная и отяготительная работа, возложенная на преступников в удовлетворение нанесенного ими вреда обществу.

Но подлежит на сие учинить вопрос: какую он сию работу полагает и какое содержание сим виновным? Естли работу жестокую, и содержание, могущее токмо жизнь сохранять человеку, чтоб жестокие бремена, носимые сими несчастными, неимение упокоения, глад и жажда, томящие их тело, и подвержение к жару солнечному летом, к строгости мразу зимой и ко всем беспокойствам и безгодиям каждого времени года, дабы ежечасно, чувствуя скорбь и труд, могли придти в раскаяние, а зрители бы, сие видя, жестокости устрашились. Не зрю я в сем положении никакого человеколюбия, чтоб налагая сверх силы человеческой, и не давая ни довольной пищи, ни покоя, удручить по малу несчастного, и тихими, но мучительными стопами его к смерти же доводить. Не можно ожидать во многих и чистосердечного раскаяния, ибо сии суть по большей части люди, имеющие сердца ожесточенные, скорее ввергнутся в отчаяние, нежели достигнут к покаянию. Пример множества Родервикских каторжных сие нам доказует, а к тому же последняя исчезает в человеке надежда. Среди всей туги, среди всей тягости работы и изнурения, надеется каждый каким ни есть способом от жестокости сей избежать, а посему и к чистому покаянию не достигает. Не может сие произвести сильного впечатления в сердцах зрителей, ибо мимоходом или неучастным оком и без примечания взирают на их труды и истощение, или не могут вообразить себе их туги. А, кажется, изыскание, как бы наиболее удручить жизнь человеческую, как бы отягчить несчастных и, невзирая на их преступления, не иметь к ним жалости, явить в на-

чальниках непохвальное ожесточение сердца, тем более охулительное, что они должны его продолжительно иметь, а в приставах ту же стойкость и привычку без жалости взирать на страждущих. А посему сей способ, умучая долговременным трудом и болезнью несчастного, ведет его к смерти, не производя ни над ним великого действия и не чиня впечатления зрителям, служит токмо законным образом вложить жестокость и бесчеловечье в начальников и приставов, и естли не деянием, то расположением сердца и их виновными учинить. И о сем-то образе наказания можно приложить самые слова господина Бекария, что судьи со многими судебными обрядами располагают наидлиннейшую казнь, ожесточающую без пользы человечество и приводящую к суровости других сердца.

Но я думаю, что мне ответствовать будет, что, конечно, не к такому тихому мучению, наводящему же смерть, он преступников сих подвергает, а единственно для удовлетворения приключенного ими вреда обществу почитает, что должно на них наложить тяжкую работу, но не превосходящую силы человеческие, дать им нужное, но довольное пропитание, дабы гладом не изнурялись, не подвергнуть их ко мразу и беспокойствам времен неодеянных, ибо поступая инако, подлинно бы в бесчеловечье впали. Но где же наказание? Где пример, отвращающий других от подобных преступлений? Большая часть таковых преступников бывают из самого низкого состояния людей, а многие из них и едва дневную пищу имели, то почувствуют ли они работу, к которой, по состоянию своему, из детства привыкли? Но пусть несколько лишние работы на них и возложатся: умножение труда будет единственно токмо чувствительно им, а не зрителям, которые, видя, что они ничего весьма тягостного не делают, зная же их самих и видя одеянных, никакого впечатления страха преступления иметь не будут, а потому наказание и не достигнет до главного своего предмета, отвратить страхом других от содеяния подобных преступлений.

Мне кажется, что г-н Бекарий имел в таком положении вычет экономический. Убиец умертвил человека: да удовлетворит он обществу своей работой убыток, какой ему сим убийством нанес. Яко бы жизнь человеческая могла ценена быть и якобы законы взирали в наказании убийцы не на кровь гражданина, напрасно пролиянную, но токмо на убыток, который оно претерпевает лишением человека. Воистину, естли сие и есть экономически рассуждаемо, но несть сходно с нравственным положением законов.

V. Является, что господин Бекарий, писав в Италии, взирал токмо на малые страны, сочиняющие разные области Италии, а не на общее положение всех народов земного шара. Малые области, в которые Италия разделена и многонародие сей страны чинят, что убийства и преступления по размеру трудностей их сокрыть редки бывают. А естли где оное и случится, вскоре пойманный преступник предается суду и может, быв осужден, быть хотя в одном граде примером и другим жителям по близости их расстояния. Но в великих областях, не толь населенных и покрытых отчасти лесами, какова есть Германия, Польша, Швеция и Россия, преступлений более содевается по сложному размеру пространства и удобности сокрыть оные. Столичные града имеют более стечения народа, а потому в них и более преступлений бывает. То понеже полезно есть, чтобы преступники наказания претерпевали в самом том месте, где соделали преступление, коликие по числу преступников надлежит соделать великие и крепкие здания в столичных и во всех городах, колико должно иметь военных людей для стражи, и коликую издержку сие государству приключит! Да и самая сия издержка повлечет за собой многие неудобности, яко могущие случиться побеги и самые бунты от скопившегося великого числа преступников. Не единое умствование меня доводит тако рассуждать, но долго пребывающий пример в России. Когда строился Родервикский порт, отсылали туда преступников для работы, целые полки определяемы были для стражи за ними, полки и военные люди, почитающие себе в наказание быть определенными к сей страже, и следственно за вину тех безвинно претерпевающие. Невзирая на строгую дисциплину, на частые дозоры, на поставление стражей повсюду и на цепь, когда несчастные ходили на работу, случалось, что некоторые уходили и бывали заговоры и злоумышления от собранных во единое место злодеев, а за все сие стражи, по военным законам, претерпевали наказания. Естли мне ответствовать будут, что строгое наблюдение все сие предупредит и что стражи ослаблением своим сами виноваты, я в том не спорю, судя по законам. Но естли судить по человечеству, возможно ли, чтобы стражи упаслись от всех злодейских вымыслов толпы собранных злодеев? Возможно ли, чтобы их осторожность была равна вымыслам и бдению людей, хотящих спастись от работы? Ибо, коль бы твердая стража ни была, после труда и бдения ослабевает бодрость стражи, а в самое то время утверждается крепость хотящих либо бегством спастись, или

злой заговор исполнить, ибо единый не знает ни часу, ни времени предприятия злодейского, а другой для спасения своего бдит и бодрствует исполнить намерение свое.

А все сие, как я выше доказал, без пользы для общего положения государства и без приключения страха, естли бы кто возжелал подражать таким преступлениям.

Сказал я выше, что для примера должно тут быть и наказанию, где соделалось преступление, а потому сослание в дальние области для работания в рудниках, или для других каких подобных работ, отдаляется от сего правила и полезно для удержания от преступлений быть не может, ибо сие наказание производится в таком месте, где и неизвестно того преступления, и быв не видимо тутошними жителями, ни другими, по обыкновенном отдалении таких мест от других, никакого впечатления не учиняет.

VI. Сказал я выше, что Европа, прочетши труд г-на Бекария, похвалила желание его показать человеколюбие, но не приняла его правила о отрешении смертной казни, окроме России, где уже во все время царствования императрицы Елизаветы Петровны смертных казней не было.

А сего ради и надлежит мне рассмотреть 1). Какие были побудительные причины отставления смертной казни императрицей Елизаветой Петровной? 2). Подлинно ли убавились преступления, и от того ли убавились, что смертная казнь отставлена стала? и 3). Какая ныне казнь вместо смертной налагается и как она производится?

1. Хотя не можно сказать, чтобы императрица Елизавета Петровна не имела исполненное человеколюбием сердце, но смертные казни при самом восшествии ее на престол оставлены были не на основании системы человеколюбия, но по единой набожности, ибо известно, что умышлением гвардии Преображенского полка гренадерской роты, она, низвергнув Иоанна VI, на престол российский была возведена[504]. Идучи на сие предприятие, где крайняя ей опасность представлялась, она, принося свои молитвы Всевышнему, обещалась, что естли возможет взойти на родительский престол, во все время царствования своего не лишит никого виновного жизни. Обет, который она сохранила, и легко, по склонному к милосердию ее сердца, ей было его сохранить. И тако никаких тут политических и метафизических сорассуждений в отменении смертных казней не было.

2. Справедливо есть, что в царствование сей императрицы уменьшились разбои, которые прежде великую опасность всем жителям деревенским наносили, но, конечно, не от того, что смертная казнь преступникам отрешена стала, ибо странно такое предположение учинить, чтобы уменьшение страха наказания за преступление более страха приключило оные соделывать. Но мирное ее царствование, легкость отставки дворянам и пребывание войск внутри государства, было причиной уменьшения разбоев. Но не видно, чтобы частные преступления уменьшились. Драки за землю и великие убийства многажды бывали, яко в бывшей драке между крестьян Алексея Михайловича Еропкина[505] и крестьян Архарова, где последний и сам помещик соучастником был и около двадцати человек тут побито было. Драка между крестьян дворян Львовых и Сафоновых, где также не меньше погибло. Жуков с женой своей умертвил мать и сестру свою и множество других частных смертоубийств было, яко свидетельствуют находящиеся в Приказах дела. А по сему и ясно есть, что не отрешение смертной казни преступления уменьшило, но обстоятельства, где могли, а где не могли, то они там же продолжались.

3. Приступим теперь рассмотреть, как ныне великие преступники у нас наказуются? Смертной казни, прямо так названной, у нас нет, окроме открытого бунта, за что усечением главы или виселицей преступники наказуются. Такую казнь у нас претерпели: Мирович, взбунтовавшийся в Слюсенбурге и хотящий возвести лишенного разума принца Иоанна паки на престол Российской Империи[506]. Учинившие бунт в Москве, во время бывшей язвы 1771 года[507], и Пугачев с его сообщниками, учинивший бунт в Оренбургской губернии[508], воспаливший оным не малую часть России и учинивший многие опустошения и убийства и, можно сказать, потрясший самый престол. Прочие же убийцы у нас осуждаются быть биты кнутом по разным местам града, иногда без счету, даже до смерти, а иногда с счетом ударов, от трехсот и более, но все такое число, чтобы несчастный почти естественным образом снести без смерти сего наказания не мог. Таковых осужденных, однако, не считают, чтобы они были на смерть осуждены, возят виновных с некоими обрядами по разным частям города и повсюду им сие мучительное наказание возобновляют. Некоторые из сих в жесточайшем страдании, нежели усечение главы, или виселица, или и самое пятеренье, умирают. Другие же, перенесши всю жестокость сию, бесчувственны, отвозятся в тюрьму и там умирают, а, наконец,

есть и такие, которые и толь крепкого сложения, что не умирают и выздоравливают.

Теперь надлежит нам рассмотреть: а) Сходственно ли с условием народным, составляющим общество, полагать такие жестокие наказания? б) Соразмерна ли сия казнь с преступлением убийства? в) Может ли судья, не учинившийся сам убийцей, их предписывать? г) Производят ли они довольное впечатление в сердцах зрителей? д) Не ожесточают ли сердца? и е) Несть ли противны самому Християнскому закону?

а). Выше я упомянул, что первые, сочиняющие общества, не могли не вместить в условие для составления оного смертную казнь для тех, которые тщатся оное разрушить. Но естли то были не жестокие люди и достойные общества сочинить, не могли они согласиться на мучительное и терзательное лишение жизни. Ибо единое есть нужно, а второе есть бесчеловечное действие развратной души, не токмо желающей истребить преступника, но и истребить его с мучением, насытить зверские свои очи видением его страдания, и ушеса свои воплем долгопроизводимым терзаемого несчастного, являющим озлобление и месть, неприличную законам и показующим равную ненависть к преступнику, как и к преступлению.

б). Общее есть правило, основанное на естественном и божественном законе, что каждое наказание должно быть соразмерно преступлению. Сего ради законы и разные смертные казни наложили, яко отрубление головы, виселицу, колесование, за ребро повешение и протчее. Но как Европа начала более просвещаться, то все долго продолжающиеся казни стали отменены. И во Франции, дабы содержать страх в сердцах народа, хотя и пятерят, но прежде неприметным образом зрителям страждущего умерщвляют, а сим образом освобождают виновного от мучения, наводя тот же страх жителям. Такое проникшее милосердие в сердца просвещенных народов и из самого законного мщения старается мучение отнять. Но можем ли мы сказать то о России? Убийца, злодей, для корысти умышленно умертвил человека без мучения, без тиранства, ибо не в тиранстве и мучении ему была нужда, но токмо, чтобы убив, возмочь свободно имение его пограбить; возится по торгам, с перемешкою терпит все мучение смертной казни и претерпевает десять смертей, вместо данной нам единой. А посему и есть ли сравнение между преступлением и наказанием? Естли мы войдем в рассмотрение деяний, бывших

пред нашими глазами, то более увидим, что в смертных казнях поступок правительства нашего не имеет никакого основания ни на праве, ни на человеколюбии, но все случайно и самоизвольно делается. Выше помянутый мною бунтовщик Пугачев, потрясший самый престол монарший, опустошивший многие области России и истребивший более тысячи семей дворянских с разными мучениями, хотя был осужден к пятеренью, которая бы казнь не могла более нескольких минут продолжаться, имел, по тайному повелению, голову отсечену, а после мертвого пятерили. Злодеи же, убившие в нынешнем 1788 году Нопа, для единой прибыли и грабежа, претерпели засечение кнутом, казнь, несколько часов продолжающуюся и, конечно, не с меньшим мучением, как бы пятерение. То где сравнение казней с родом преступления? То где милосердие к человечеству?

в). Законы наши, или лучше сказать, повеления монарши, точно отвергают смертную казнь. Несть власти судье чинить более наказания того, какое законы повелевают, то можно ли судье определять смертную казнь, да еще и мучительную казнь? Естли скажут, что она ими и не определяется, но токмо жестокое наказание, от коего не снеся некоторые люди умирают, — сие есть смешная оговорка, ибо не должно никогда в такой стране, где отменена смертная казнь, определять такое наказание, от коего бы можно естественно предположить, что может человек лишиться живота, а я вопрошаю: такого ли рода наказание есть триста или четыреста ударов кнута? К тому и малое число ударов надлежит располагать по сложению человека, дабы его не умертвить. И общим образом, естли наказание есть такое, что большая половина не выдержат его без потеряния жизни, то уже оно становится подвергающее почти неизбежно напрасно к смерти того, кого законы освобождают от оной. То я вопрошаю: с такими ли осторожностями у нас делаются наказания великим преступникам? Судья, подписывая определение учинить такое наказание, обманывает законы, обманывает себя и в самом деле делается сам убийцей, тем паче неизвинительнейшим, что во зло употребляя власть, данную ему законами, и по некоим угождениям к двору с повреждением совести своей всенародно убийства учиняет, не опасаясь и наказания от правительства, яко бы Вышний Судья вселенной, изыскующий в каждой малой вещи справедливость человеческую, не спросит со временем отчета о сих содеянных противу совести судей, противу узаконений и бесполезных смертных, с мучением произведенных и превосходящих вину наказаниях?

г). Сказал я выше, что многие не умирают на месте наказания, но, быв паки отведены в тюрьму, лишаются жизни, а другие, хотя весьма редко, и совершенно выздоравливают. Коль редко сии примеры ни бывают, однако они есть, а по сему самый осужденный не совсем лишается надежды, чтобы остаться живым после наказания, ни зрители, имея ту же надежду и считая более остающихся живыми, нежель действительно остается, то есть почти всех тех, которые в тюрьме помирают, такого впечатления не имеют. Ибо каждый, мало знающий состояние человеческое, со мной согласится, что коликое ни зрит мучение в другом, никогда такого ему впечатления не соделает, как видение умирающего человека. Есть многие примеры, что впечатление и естественной смертью умирающего человека, некоторых мягкосердных зрителей навеки, или по крайней мере на долгое время, поражает. Напротиву того, не зрим ли мы тысячи примеров, что для спасения жизни дают себе едва не болезнейшие, нежели сама смерть, операции делать, яко отрезание членов, вынимание камня и другие, ее продолжительнейшие? То все сие и доказует, что все сии бесчеловечные наказания, чинящие содрагать человечество, не могут толь сильного действия произвести, как казнь смертная, в единый миг произведенная, сходственная и с первобытным условием составляющихся сообществ, и с божественным законом, и с благомудрым постановлением законов.

д). Г-н Бекарий говорит, что частые казни смертные ожесточают сердца народные. Я подлинно сему оспорить не могу, ибо частое видение мертвецов и умирающих приучает очи наши с меньшим ужасом на сие страшное позорище взирать. Но я подлинно не знаю, есть ли причина опасаться некоторой жестокости в сердцах народных и до излишности стараться их смягчать? Римляне никогда никем ни жестоким, ни варварским народом не почитались, а однако часто видели и казни, и в самих играх их, к коим они весьма жадны были, убиение и издыхание гладиаторов. Сим народ получал не жестокость, а твердость и безбоязненность смерти. Англичане, которые любят кровавые позорища, и коих самый театр частые казни и орудия, приличные быть в хранилище у палачей представляет, не учинились, однако, варварским и жестоким [народом]. Первые из сих предохранены были добротой законов и философией, а последние, так как и все христиане, приобщили к сим еще и нравоучение христианского закона, а потому твердость их и презрение смерти остается токмо для врагов отечества, а естественная кротость просвещенному обще-

житием человеку во внутреннем обращении. Но, видя таковые долговременные мучения, народ более ожесточается: в смертной казни он зрит наказание, налагаемое законами, с содроганием видит смерть, а во втором зрит мучения, часто не оканчивающиеся смертью, а потому суровость и бесчеловечье в сердце возгнеждается, чинит его таковым в обществе, робким же однако смерти, когда должно жизнь свою для пользы отечества пожертвовать.

е). Сказал уже я выше, что, по судебным обрядам, ведомый человек на смерть, сошествуем есть всеми знаками погребальными: возжжение свещ, присутствие отца духовного, и чувствие, что уже никак не может избежать смерти и малое число минут остается ему жить, поражая его сердце, может представить ему всю тщетность и суету жизни человеческой, устрашить его, купно с лишением временной жизни, и жизни вечной, и подвергнуться ко всему достойному за преступления его наказанию. Уж и малый луч лестной надежды в сердце его не проникает. Поражена душа, но она поражена сими размышлениями, влекущими его к покаянию; и не может ли такой злодей, в сих последних минутах своей жизни принести чистое покаяние и от Бога, милующего свою тварь, милосердие получить? Вместо, что по новому обычаю осужденный на наказание человек, которое смертным не называют, хотя в самом деле оно смертное есть, ему подает надежду пережить, луч надежды хотя слабый, еще проникает в его сердце, мирские суеты совсем не истребляются, не зрит он ни погребальных обрядов, ни увещателя пред собой. Начнется наказание, начнется терзание его плоти, хотя по чувствуемой им болезни и чувствует он приближаться свою смерть, но имеет ли тогда душа его довольно свободы, чтобы среди сих мучений, собрать все свои чувства и такое, как должно, чистое покаяние пред Богом принести. И так в мучении, жесточайшем всякой смертной казни, без покаяния умирает. А судьи, учинившие такое осуждение и соделывающие такое наказание, обще как за осуждение виновного не по мере преступления, сверх законов, лишь во угождение обычая, так и за погубление души его ответствовать пред Богом должны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Такие суть мои мысли на предложение г-на Бекария и на введенный обычай в России. Не скажу теперь я, чтобы в сем последовал

мыслям итальянского сочинителя, ибо, хотя как я выше показал, оные несообразны со многими обстоятельствами и слабость показуют, но не определяют толикого мучения. Но в сем случае, гоняясь за именем человеколюбия, в самом деле суровство деспотического правления является. Но какие же мои мысли, естли вопросят меня о смертных казнях, и какие я почитаю преступления достойными оных? Не ответствую: несть мое дело поставлять себя законодателем, да и свойство труда не может терпеть толикой длинности, чтобы о всех уголовных преступлениях рассматривать. А по сему токмо краткое начертание моих мыслей осмелюсь представить.

Бунтовщик, злодей государственный и исполнивший измену, конечно, достоин смертной казни.

Убиец родителей своих, мужоубиец и женоубиец, также заслуживают оную.

Разбойник, силой разбивающий на пути или входящий в дом и с мучением умерщвляющий людей, должен, конечно, жизнью заплатить содеянное им зло.

Всякое убийство, в доме ли, или где инде учиненное с умыслом, так же к смерти преступника подвергает.

В драке учиненное убийство, где не было намерения, хотя, по Божию и гражданскому закону достойно смертного наказания, но, взирая на обстоятельства, можно, кажется, милосердуя к человечеству, в первый раз от смертной казни избавить, довольствуясь осудить на несколько лет, а не вечно, в работу и сие токмо за содеянное в первый раз.

Дева, погубившая свое дитя, прикрывая тем стыд свой, хотя, конечно, достойна смертного наказания, но, взирая на обстоятельства ее, и что стыд и страх в ней превозмог и материнскую любовь и человечество, кажется требует пощады, а единственно да осудится на несколько лет в работу и приносит покаяние Господу, коего она поступком своим сугубо прогневала.

Но да все сии казни исполнятся без мучения! Пусть отнимется у преступника жизнь: тем воздаст он удовлетворение за свое преступление. Но зачем изыскательными способами искать ожесточить час смертный, и так довольно тягостный? Да будет смерть его в страх и пример другим, а не в ожесточение зрящих мучения! Да будет каждый преступник иметь способ и время принести свое покаяние Господу и душа его да не погибнет от нечаянной и мучительной казни!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О САМСТВЕ

Давно известная в свете нравственная болезнь толико ныне усилилась, что можно сказать почти всеобщею заразою учинилась, и сие принуждает меня об оной некоторые рассмотрения учинить.

Сия болезнь на французском языке взаимствует имя свое от слова латинского ego, я, и называется égoisme. В России же мало ее знали, а потому и словесного наименования она не имела, чего ради принужденным нахожусь имя ей определить. И тако, сходственно с свойством ее и с припадками, называю ее самство.

Сие несть самолюбие, ибо кто себя не любит? Но самолюбие может, для своего самого удовольствия, любить и других. Самолюбие для славы своей часто жертвует своим благосостоянием. Самолюбие разбирает прямые пользы с мнимыми. Самолюбие побуждает к полезным трудам. Напротив того, самство никого кроме себя не любит и любить не может. Самство ни малейшим чем пожертвовать ни ближнему, ни другу, ни отечеству не в состоянии. Самство не разбирает прямых, основанных на добродетели, польз, но все к своенравию своему относит. Самство не побуждается ни к каким полезным трудам, ибо все ему не токмо полезным, но вредным является, что особливейшим образом не относится к его удовольствию. Самство всегда сопряжено с завистью и злобою, ибо завидует всякому добру, которое другой имеет, что и оно не преисполняет чрез край его удовольствия, и, желая все себе, злится, ежели кто другой что имеет, и наконец, зараженный сей болезнью человек не инако мнит, что он есть все, и вся вселенная должна быть для него, а прочие все ничто.

Я думаю, что начало сей болезни происходит от самолюбия, а понеже самолюбие есть всеобщее всем человекам, отчего следует, что и самство толико между человеческого рода умножилось, ибо, где есть корень болезни, там вскоре болезнь прилипает, а по всему сему и ясно есть, что самство есть ничто иное, как до крайности доведенное и поврежденное самолюбие.

В первые веки света болезнь сия оказалась, ибо и по древнейшим историям видим, что Невpод[509] в припадках сей болезни, наруша право равных себе, властителем их учинился, и Яков у брата своего Исава сперва купил старшинство, а потом похитил и отческое благословение[510] и, конечно, первый из сих не помышлял, что, приведши в рабство равных себе, приключает им и потомству их вечное несча-

стие, ни второй, что похищением старшинства и родительского благословения наносил вред и огорчение брату своему. Но они думали токмо о себе, не считая ни за что других.

Вскоре сия болезнь до крайности распростерлась. Заразила она царей, относящих все к своему единственному удовольствию, и жертвующих народы своим прихотям. Заразила она вельмож, которые стали презирать пользы народные, и обманывать и ко злу приводить государей, ища в том единственные свои пользы. Заразила она в республиках правителей, которые стали стараться вольность народную угнетать и тиранами себя учинить. Заразила она судей, которые начали для прибытку своего или для каких других своих прихотей правосудие нарушать, и слезы безвинного утесненного вскоре ступени судбищ оросили. Заразило оно воинов, которые стали грабеж и насилие славе и доброму повиновению предпочитать. Заразило оно купцов, которые в куплях и продажах их зачали обман, несправедливые меры и весы употреблять. Наконец заразило оно самих ремесленников и земледельцев, которые по мере состояния своего, обманы и лжи и коварства не стыдяся употребляют для удовольствия собственно себя. Рукоделия учинились повреждены, а земля часто стала орошаться кровию или желающих оную у законных владетелей похитить, или [тех, кто] тщится оную сохранить.

Примеры таковых, зараженных самством, история нам представляет. Таковы были Пизистраты в Афинах[511], Тарквинии в древнем Риме[512], а потом Катилина[513], Сила[514], Антоний[515] и Цесарь[516] — при конце Римской республики, и прочие, которых несчетное число имен в истории обретаем, отличившихся навлечением несчастий роду человеческому, единственно для хотения своего.

Новая история еще нам более примеров зараженных такою болезнию представляет, которых именами не хочу сквернить сию бумагу, ни воспоминанием их воспоминать виновные оных имена и приключенные злосчастия роду человеческому, а приступлю к описанию припадков сей болезни.

Как телесные болезни имеют припадки по разным расположениям тела человеческого, она оные имеет различны по разности состояния людей.

Пораженные ею цари впадают в леность для управления врученных им от Бога народов. Они вверяются в какого единого или малое число своих возлюбленников, ленятся или стыдятся со всеми, предо-

пределенными для правительства о важнейших делах объясниться и мня, предая сим единым власть и могущество, умножить свое самовластие, действительно рабами и связнями сих своих любимцев становятся, расточают казну государственную, вверяемую им токмо для нужного употребления, для защищения и облагодействования народного, недостойным сим любимцам, никогда не могущим насытить свою алчбу, ни удовольствовать свою роскошь. Сами же, исполнены недоверчивости, и по общему припадку никого не любящие, переменяя своих любимцев, по часто применяющим своим своенравиям и каждого богатя, изнуряют государство. Не знают и имеют отвращение знать о нуждах народных, налоги и подати умножают, не взирая на времена и на состояние народное. Щедры являются к единым, оказуют мнимые милости, когда с другой стороны строгости их законов доказуют жадность их к собранию сокровищ, дабы паки беззаконно их расточить. Правосудие в государстве повреждают, ибо не строго наблюдая предуставленные предками их, или самими, законы, но по единому самоизвольному хотению суждения свои производят. Несть ничего для них святого, коликими бы твердыми законами чье право ни было утверждено, оное разрушают. Иногда к стыду собственно своему употребляют чуждые и несовместные законы для решения таких дел, на которые настоящие и общепринятые достаточны суть. Мня стремиться к славе, сочиняют законы, но где во мраке своего кабинета, где не учиня ни соображения с древними законами, ни с состоянием народным, ни с физическим положением государства, составляют чудовищ недоконченных, разрушающих все древнее без установления ничего вновь твердого. Тщатся отнять власть у правительств, которые судя по установленным законам, худы ли они или хороши, страшася от них отступить, являются полагать преграду и указать самовольство их вредного самства. Защищение развратности, если она в ком из любимцев или людей как ни есть привязанных к оным, разрушает и силу законов, и самые внутренние добродетельные расположения. Несть тогда степени добродетели, несть свободы истине. Добродетель тогда считается то, чтоб делать волю царя, иступленного в болезни самства, а истина, чтоб хвалить все его неистовые дела и угождать его любимцам. Войско государственное приводится в ослабление, и начальство препоручается не достойным, но тем, которые суть угоднее любимцам. Войны начинаются несообразно с пользою государства, с разрушением священнейших договоров и

с разорением народным. В жертву вредного самства льется тогда кровь невинных сограждан, не снабженные ничем воинства претерпевают, и государство стонет. Самые завоевания во вред обращаются, ибо они не токмо усиляют государство, но паче приводят его в ослабление, показуя жадность и вероломство такого деспота, приводят окружные народы в осторожность и к ненависти, а посылая свои воинства для хранения вновь покоренных стран, в несродные им климаты, истребляют разными смертоносными болезнями оные. Одним словом самство в государе производит то, что хотя он не чувствует, но самым делом ведут все вещи к тому, чтоб не было ни веры, ни закона, ни верности ему, ни доброжелания к отечеству, ни благосостояния людского, ни поверенности ни вне, ни внутри государства, ни добрых нравов, ни твердости, ни порядка. А напротиву бы того, вселилось безверие к вещам божественным, презрение к древнейшим и точнейшим законам, чтоб каждый, льстя его хотения, его обманывал и припадки его умножал, попиралась бы любовь к отечеству, в беспрестанном бы утеснении был народ, разрушилась бы вся поверенность, связующая разные племена рода человеческого и приватных людей между собою, вселилось бы злонравие, исчезла твердость, и все в беспорядок пришло, и, наконец, единственно бы все беспрекословно следовало часто применяемым хотениям его самства.

Изъявив, как означаются в царях припадки сей болезни, воззрим, каковы оные в министрах и правителях государства. Первые знаки, по которым можно сию заразу познать, состоят, что когда из таких с холодностию слушает о неправосудиях, учиненных обществу, или приватным людям, и сие уже верный знак, что чувствительность к состоянию ближнего в сердце его исчезает. Второй знак некоторая скромность, и поминание ежечасно воли монаршей, а сие уже показует, что стремление сей болезни подучает сердце того к обману государя. И тако прочие признаки сей болезни вскоре окажутся, то есть министр не будет рачить о общем добре, но обратит все для себя. Слезы и вопли народные и приватных людей не тронут его сердце; истребит верность и признательность к отечеству и государю, устремляя всю мысль свою на обман своего монарха, на льщение его страстей, на лестное восклицание его премудрости и блаженства страждущего народа. Искусен будет, взирая к очам государевым, толковать сходственно с его своенравием законы, возгордится противу нижних, и душа пред временщиками преклонится. Вселится злоба и мщение в

сердце противу всех, которые разумом ли, или чем другим могут превысить его или сравниться с ним. Зависть к равным и нечувствительность к страждущим, и ненасытная алчность к приобретению имений поставят престол в сердце его, а или скупость или сластолюбие душою его овладеет так, что тщетно и коронные и приватные сокровища истощеваются для пополнения сей пожирающей пропасти, — никогда удовольствована быть не может. Желание власти и чинов и почетных украшений из меры выйдет, побуждающее без разобрания употреблять все способы, дабы до них достигнуть. Преклонится сердце и душа к льстецам, развратным, подлым и непросвещенным, дабы не страшася их, яко орудиями своими употреблять; ненависть же и рвение противу добродетели и твердости воспламенятся.

Хотя сия болезнь и сильнейшие знаки своих припадков оказует над министрами и высшими правителями государств, однако и нижние судьи не суть освобождены от оной. Равно она и в них отгоняет все сострадания скорби ближнего, обращает душу и сердце к презрению законов, и к приобретению прибытка, ко удовольствию своей роскоши, и сладострастию, и сердолюбию; прерывает узы, связующие их с обществом и с государственною пользою, изгоняет всю твердость последовать законам, дабы во всем слепо воле начальника повиноваться, истребляет все благородные мысли, чтобы учинить зараженных подлыми льстецами и подслуживателями того, от кого ожидают своего счастья.

Военачальники и воины, защитники и оборона государственная, сии, иже среди огня, нужды и частых опасностей, долженствовали бы утвердить дух свой от сей болезни, не меньше однако подвержены ей. Вожди, прославляющие имя свое достопамятными своими подвигами, подвергаясь к опасностям и видимо служа отличным образом отечеству, быв заражены болезнью сею, предпочитают учинить какое громкое дело с потерей множества людей, нежели тихим и мудрым поступком до той же цели достигнуть. Во всех своих подвигах взирают более на свою пользу, нежели на пользу государственную. Не страшатся ни ядер, ни пуль, ни стрел, с твердостью подъемлют и все безгодии воздухов, и отлучение от домов, и военные нужды, и тягости дальних походов, но единая строка монарша или временщика, не знающих обстоятельств, их в ужас приводит и понуждает к таковым поступкам, которые общий государству и им могут вред нанести. Окружают себя льстецами, угодителями и подслужниками,

на них милости свои изливают, их храбро подвизавшимся предпочитают, завидуя напротив того и гоня тех, которые искусством своим и храбростью подходят равняться самством зараженному начальнику. К тому же приобщается в таковых роскошь, сладострастие, любострастие и корыстолюбие. Ничто первых и вторых удовольствовать не может, стенит стыдливость женского пола от любострастия начальников, и разоряются народы, страны опустошаются от их корыстолюбия.

Претерпевают, конечно, нижние начальники и воины от такого расположения их вождя. Но по собственным чувствиям своим стараются ли избежать сей болезни? Ах нет! Она толь сильный вид разливает, что напротив того, яко стремятся и сами заражены быть. То все те припадки, которые начальники оказуют, бывают и в них в каждом по мере чувствия и могущества его. А от сего происходит не токмо разорение народам и беспрестанные отягощения от единого другому, но также хотя воинства, порядочно устроенные, должны составлять единое все целое, единым духом побуждаться, и согласно действовать; напротив того, в самом деле по пользам и прибыткам каждый раздельно в действии бывает, и тщетно страхом побуждается к согласному действию. Не может страх привести все в такое соединение, каковое бы от доброй воли происходило. От чего часто единые другим в нужде не помогают, от того несть согласного действия и должного повиновения, составляющего душу благоучрежденных войск, и от того, наконец, происходят многие разбития, которые бы возможно было упредить.

Преходя разные состояния людей, воззрим мы на купечество, долженствующее обогащать то государство, где оно процветает. Но, напротив того, мы видим, что от заражения сей болезни оно совершенно от сей цели, которая есть причина дания оному толиких свободностей и преимуществ, отдаляется. Купец, забывая, что он есть член общества, которое благосостоянием своим спомоществует самому его торгу, во всех обращениях своего промысла не имеет в предмет как токмо себя, и то на то токмо время, когда какой торг заключает. Настоящий лихоимственный прибыток будущей собственной пользе своей предпочитает, в купле и в продаже устремляет свои мысли, чтобы или добротою, или количеством товара обмануть, чтоб земледельца и малолетнего притеснить, чтоб платежом замешкать или и совсем от него отбыть. Сим ни общество, ни частные люди [нрзб.]

на время обогащаются, кредит претерпевает, добрая вера презирается и маломощные страждут.

Снисходя еще степенью, найдем мы, что самые мастеровые люди сею болезнею заражены. Ненасытное желание к корысти и ко излишнему своему благосостоянию, что есть самое самство, побуждает их, не взирая на дальнейшие следствия, всякий возможный обман употреблять. Всякий древоделатель сырой лес вместо сухого употребляет и кладет худой клей. Делатель металлов, не вычистя их, в дело употребляет, не довольно в закрытых местах полирует и без прилежности закаливает; и сие не токмо в простых употребительных орудиях чинит, но и в самых воинских, чем государство и сам он защищается, не думая, что таковым обманом становится не токмо предателем отечества своего, но и убийцей того множества народа, единоземного себе, которое, от худо соделанных орудий, не могши довольно защищаться, от вражеского оружия падет. Ткач употребляет ли гнилую пряжу или гнилую шерсть, дабы дешевле ему стало, а дороже бы продать. И словом каждый разные способы изыскивает самство свое, с предосуждением других, удовольствовать.

Воззрим таперя на нижайшую степень людей, на людей, живущих в простоте нравов, на людей, питающихся в поте чела своего, то есть на земледельцев. Сии часто от безгодия погод претерпевающие убыток и разорение, долженствовали бы восчувствовать, колико помощь других им нужна, и от самства беречись. Но толь сильная есть сия зараза, что и в самые сии простые сердца проникла, вселила в сердца их непомерное желание к излишеству по их состоянию, ослабило члены их леностию, вкоренило в души их сребролюбие и склонность к обману, татьство и распутство, искоренила даже любовь к исчадию. Трудом и потом доставши что малое, земледелец от без бережливости старается то проесть или пропить. Подвластный помещику крестьянин с леностию и нерачением его работу исполняет, и привыкши к такой лености, и в самой собственной своей работе она ему последует; разоряет помещика и себя в бедность приводит. Тягость бедности с желанием излишнего совокупленные, побуждают его повсюдова, где что продает, обман употреблять, но как обманы сии его самства не удовольствуют, то кидается в татьство и разбой. Легко сими преступлениями деньги приобретать, а по легкости приобретения умножается в нем распутность. Наконец толь сильно оно действует над сердцами их, что даже истребляется чувствие в сердцах

к исчадию их: сыновей и дочерей не инако как имение свое и рабов, работающих на них, почитают. Часто отнимают нужное у сыновей и отбегают от отдания дочерей в замужество, дабы не лишиться работницы, а самым сим ввергают их в преступления и силятся, поелику возможность их есть, уменьшить род человеческий.

Прешед все состояния людей, помяну ли я об вас, придворные, и можно ли вас особливым состоянием людей почесть, или не естль ли оно рассеяно во всех других состояниях, как скоро могут приближаться к государю или к какому вельможе? Ибо и самые сии нижней степени божки хотят во всем вышним подражать, и те же происки, ненависть, трусость, лесть и прочее находятся в их комнатах, каковые поставили престол свой во дворах царских. То, под именем двора все сие разумея, общее начертание припадков сей болезни изображу. Там все люди, к единому концу стремятся, дабы обманывая государя и отягощая народ, исполнить свои хотения; бегут без памяти, встречающихся им или пресекающим путь без жалости поражая. Лежит там бедный без движения, даже как благоподательный какой ветер подаст ему способ восстать и тогда, почувствуя уже тягость падения своего, вместо чтобы стараться от пути того отвратиться, напротив того, по мере своих сил, слабыми или крепкими стопами, в тот же путь устремляется и, забыв тягость своего падения, кого может, старается низвергнуть сам. Там нет ни дружбы, ни родства, и никакой составляющей общество связи. Дружба, ежели она является, не что иное как некоторый заговор, между некоего числа людей учиненный, дабы достигнуть до какого конца, и она так скоро разрушается, как разбойническое сие общество кому не нужно становится, и не токмо разрушается дружба, но вражда место занимает, дабы кому одному других низвергнуть. Родство и свойство толико токмо памятуется, колико родственника или свойственника можно в подпору и для исполнения своих намерений употребить, а связь, являющая составлять общества, ничто иное как токмо друг друга обмануть. Там мщение бесконечное, ибо не токмо мстят тем, которые какое зло соделали, но и самым тем, о которых сумневаются, что могут зло соделать, или и сравняться со властью дошедших до высшей степени людей. Забвение Божьих и человеческих законов есть безмерное, ибо несть клятвы, которой бы не нарушили для исполнения своих желаний, и несть должности Божественного закона, которой бы не презрили для удовольствия своего. Сказывают, что голландцы, дабы иметь право тор-

говать в Японии, отрекаются, что они не христиане, и предложенное им распятие попирают. Но голландцы сие творят единожды, а у двора сие ежедневно происходит, и если бы подлежали для сего подобные видные знаки, то б не отрекались крест под пятой своей беспрестанно носить. То коль наипаче владычествует тут забвение человеческих законов. Единственно все управляется самонравным хотением, несть ни малого почтения к законам, долженствующим обеспечивать каждого гражданина. Вопиющий подданный о лишении своей чести и имения тщетно вопли производит и слезы проливает; не вникнут его жалостный глас, не трогают его слезы, младенцы безвинные, страдавшие от несчастной участи своих родителей, беззаконно их состояния лишенных, не могут ни на малое время тронуть сии зараженные самством сердца, а напротиву того [нрзб.] противоборник воли монаршей и законов, для показания или могущества вельмож, иль что могут его впредь употребить для исполнения вредных своих намерений, но торжествует, попирает правосудие, приводит в несчастие народ и безвинных к страданию побуждает.

Перо мое из рук валится, продолжая начертания действий сей зловредной болезни при дворе, и тако одним словом заключу, что самство при дворе из человека, созданного для общества и долженствующего быть полезным другим, делает такого чудовища, которое все жертвует себе, и не токмо полезен, но вреден обществу человеческому становится, недостойным учиняется не токмо быть в сословии людей, но ниже в общество тигров не годится.

Случилось мне читать одну старинную персидскую книгу, вмещающую в себе учение древних магов, последователей Зороастра[517]. Я в ней нашел, что когда орозман (благое начало) сотворил людей, тогда хотел их сделать всех благополучными. Он, расстворя в сосуде умеренность, трудолюбие, соболезнование к ближнему, любовь к законам, щедрость, милосердие, благоразумние и другие благодетели, послал единого из благих духов разлить сие на род человеческий. Ангел, пролетая незримое пространство кругов небесных, приближаясь уже к земным пределам, остановился отдохнуть в луне и тут заснул. Враг орозману и всему добру, аримазис (злое начало), бдящий, чтобы всем его намерениям препону учинить, в тайне последовал небесному посланнику и как скоро он заснул, то не смея прикоснуться к содержащимся в благодатном сосуде добродетелям, довольствовался влить в оный не малое количество самства. Проснувшись, ангел, и не зная

содеянной злобы аримазиса, спешил разлить дары благодатные на род человеческий. Приятные рощи, луга и украшенные земледелием поля первый взор его привлекли, и он первое излияние сего смешения учинил. Потом полезные упражнения ремесленников и купцов, обращенные для пользы общественной, обратили его внимание и он, благословляя их, из сосуда на них пролил, наконец граждане, войны и вельможи, хотя и не толь приятны ему были, но и на тех излиял из сосуда. Царский двор, идеже не входит ровность состояний, последний был привлечь сего внимание, и он остальное смешение на оный с обильством излиял, а как самство, яко совершенно плотское, есть гораздо тяжелее, нежели вмещенные прежде в сосуд добродетели, то, хотя яд влиянный сей и заразил обще и все вложенное в сосуд, но по тягости своей, что ниже ко дну, оно в большем количестве находится. От сего и происходит, что земледельцы меньше чувствуют сей заразы, мастеровые больше, войны и граждане еще более, вельможи более сих, а наконец царские дворы, на коих единая уже гуща была излита, мало добродетелей, но больше яду получили.

«Печальное дело», говорит сей мудрец, коего сочинения сия книга, «что толь милосердое намерение орозмана злобою аримазиса было повреждено, однако, если от яду сего толико люди заразились и чинят себя взаимственно несчастливыми, тому они виною сами, ибо, невзирая на сей яд, на каждое состояние довольно семян добродетелей ниспало, чтобы склонить людей прилепиться к оным, и всеянный яд стараться истреблять. Вам, о человеки, вещаю днесь в сострадании сердца своего: чего ради презрили благодетельные дары орозмановы? Мните ли, что удаление от умеренности вам счастье приобретет? Нет, где нет умеренности, тут нет исполненного удовольствия и сердца ваши, всегда жаждущие, никогда насытиться не могут. Среди обильства, славы и пышности, вы пустоту в себе находите. Не суть вы счастливы тем, что имеете преисполненные блага превыше других людей, которыми владея, их не чувствуете, но злосчастны, что всякий день и всякий час чрезмерные желания рождает, о удовольствии которых мучится дух ваш. Чего ради презираете трудолюбие? Не есть ли оно увеселение жизни нашей, не есть ли оно источник блаженства, сокровищ? Вы жалуетесь, что жизнь ваша кратка; протекая ее в праздности и сластолюбии, теряете большую часть оной; праздность наводит вам скуку, а сластолюбие истребляет силы телесные и достаток. И тако, жалуясь на краткость жизни, большую часть самоизвольно ее теря-

те, или в скуке и болезнях проводите. Вся жизнь вам кажется кратка, но рассмотрите: колико от вашей праздности и лености есть часов, которые вам длинны кажутся, и которые бы вы желали сократить? Вы жалуетесь на недостатки, а труда для приобретения честным образом подъять не хотите. Зачем истребили вы соболезнование к ближнему? Чувствуете ли вы, что сие самое соболезнование приключает удовольствие? Чувствуете ли вы, что несть на сем подлунном шаре ни единого состояния твердого? Многие цари ниспали, в оковах или в изгнании окончили жизнь свою. Вельможи лютейшей смерти были преданы и богатые обнищали. В несчастиях их единое могло бы им приключить удовольствие: соболезнование людское, но вы не хотите соболезновать о других. Можете ли почесть себя достойными, чтобы и другие соболезнование о вас имели? Предпочитая яд самства, чего ради не стремитесь по стезям милосердия? Исчезло ли в душах ваших сие удовольствие, которое должно ощущать при делании кому благодеяния? И слезы несчастного, на радость пременившиеся, не могут ли какого поколебания в загрубелых сердцах ваших учинить? Но пусть яд, пролитый на вас арисманом, в нечувствительный сафир или алмаз сердца ваши претворил, — но ужели ли не остается и толико рассудок в вас, чтобы вам помянуть, что милосердие приобретает вам верных друзей, милосердие обеспечивает ваше состояние, и в случае премены вашего счастия можете сами в нем нужду иметь? Чего ради толико жадность ожесточает ваши сердца, что ни малейшей щедрости иметь не хотите? Не чувствуете ли вы, что благоподательный орозман все блага света сотворил общие, и что монарх и последний из его подданных равные права на них имеет? Что разделение имений есть случайно, а не естественно, и что если случай подал способ кому излишнее приобрести, то естество требует, чтобы щедрость его несправедливость фортуны награждала? Что человек каждый родится наг на свет, а потому беден, но случайно все приобретает, то, взирая на бедность других, да восчувствует богатый бедность свою при рождении своем. Да восчувствует каждый, что имеет нужду в щедроподательности своею щедростью к бедным. Чего ради не последуете вы благоразумию? Ибо не называю я того благоразумием, что в мыслях ваших сие именование имеет. Вы благоразумием почитаете, чтоб хитростью, душевредством и развратностью сердца исполнять для удовольствия зловредных хотений ваших. А я благоразумием именую то, когда чьи старания и деяния клонятся сократить непорядочное

движение страстей, когда человек, любя себя, любит и общую пользу. Когда, не прельщаясь мимоходным блеском проходящего счастья, на основании добродетели блаженство свое созидает. Хотите ли вы не страшиться пременностей фортуны? Последуйте сему описанному мною благоразумию, положите основание вашего блаженства на общей пользе и благонравии, тогда счастье ваше будет внутри самих вас, и ничто оное похитить не может.

Одним словом последуйте со всем благим чувствием, влиятым в сердца ваши от благодетельного орозмана. Да признание к нему и любовь к ближнему учинится основание ваших деяний и подпора всех ваших обращений, не имея сего суемудрия, чтобы все могло быть для единого, и чтоб все к себе единому относить. Воззрите на сильные дубы, чрез многие веки в твердой земле корнями своими укрепляющиеся: ни старость, ни твердость их не может возбранить их падения от сильного делания ветра, если одни и ничем не подперты пребывают. Вместо что и младые деревья, сплетясь ветвями своими с другими деревьями, ярость бурей презирают. Таков есть человек: при рождении своем он имеет нужду в помощи других; возрастя, питание и способие каждой от множества получает; хочет ли сии естественные узы разорвать и предаться самству, относя все к единому себе, — влечет свою погибель и падение».

Сими размышлениями я окончу описание сей болезни, прося Бога: да истребится она из среды нашей, и изблеванная сия зараза, из недр ада вредящая род человеческий, да возвратится в прежнее, пристойное ей пребывание!

О ВЫГОДАХ НЕДОСТАТКА[1]

Причина, о которой я писать предприемлю, столь странна многим покажется, что разве кто из одного любопытства, что можно о выгодах противного такой вещи, которую все величайшим на свете благом почитают сказать, восхочет прочесть труд сей. Самое заглавие является противоречительно, ибо два токмо слова о единой причине между собой противоречат. Единое положительное, а другое отрицательное, ибо выгоды всякую полезность знаменуют, а недостаток вред или скудость. Для сего, дабы знаменование слова недостаток, которое может быть многознаменующее, утвердить в сем месте в его знаменовании, то первое надлежит разуметь сей недостаток в рассуждении имений, а потом изъяснить, что такое богатство и что такое недостаток или бедность, которое последнее слово я для того не употребил, что оно, мне кажется, знаменует весьма великую степень недостатка, о коей я не имею намерения в сем сочинении говорить.

Богатство есть относительно, ибо, если крестьянин собирает впятеро хлеба, нежели может на семью свою издержать, если содержит четыре или пять батраков, если имеет лошадей десять, коров двадцать и овец и свиней по размеру, и если еще своими промыслами рублей двести достанет себе в год: он, конечно, кажется богат. Но если такой доход имеет дворянин, и дворянин знатный, то его можно бедным почитать. Итак, если дворянин имеет 10 или 20 тысяч доходу, то уже он богатым почитается. Купец и ремесленник, имеющие на тысячу или на две рублей достатку, между своими собратьями богатыми почитаются. Но тот, который имеет великие торги и предприятия, который в разные государства посылает свои товары и оттуда их получает, который имеет сношение с наиотдаленнейшими странами и отправляет свои корабли, — тот в рассуждении пространства своего торга, и со стами тысячами рублей достатка богатым почесться не может. Вельможа, погруженный в роскоши и сластолюбии, исполненный пышностью, имея доходу десять или двадцать тысяч, бедным себя называет, и разве сто пятьдесят или двести тысяч рублей ежегодного дохода его могут довольным сделать. А наконец государь, по мере государственных нужд, а иногда и пышности, и с десятью миллионами дохода беден, а надобно ему пятьдесят или сто миллионов.

А потому, как выше сказал, богатство есть относительно, да и не токмо по состоянию людей, но и по разным хотениям оных. След-

ственно можно ему такое учинить объяснение: что сие есть довольный достаток имений, дабы человек не токмо все нужное по состоянию своему легко мог получать, но и многим излишним пользоваться. Напротив того, недостаток есть то, что человек и самого нужного по состоянию своему без труда иметь не может, а бедность — когда не токмо по состоянию своему, но и самых нужд физических удовольствовать не в состоянии.

Вот три состояния имений, разделяющиеся еще на несчетное множество частей по мере состояний и прихотей. Из них два первые суть к обоим сим относительны, а последнее есть не относительно, ибо состояние, в коем и физические нужды не могут удовольствованы быть, суть везде зло и непременно.

Теперь воззрим мы на состояние богатого и пышного вельможи и на посредственного или и ощущавшего недостаток для удовольствования желаний оных дворянина. Сравнение между сими двумя, дабы избежать повторения, и на другие состояния может обращено быть. При том же рассмотрим и самые удовольствия, каковые каждый от исполнения своих желаний получает, а сие и подаст нам верный способ к заключению, кто чувствительнее ощущает удовольствие, что есть единая цель жизни человеческой.

Я представляю себе пышного и богатого вельможу, к коему деньги и драгоценные вещи волнами счастья во множестве текут и роскошью его и сластолюбием, яко в некоторой пучине, пожираются. Зрю едущего его. Карета позлащенная, на множестве рессор, и среди беспокойной улицы едва чинит чувствовать потрясение. Закрыта дорогими точеными стеклами, не допускающими и малому помаванию ветра или летящим пылинкам его беспокоить. Гардины закрывают его от лучей солнечных, а плотность ее и стекла и зимнему холоду проникать не позволяют. Обита она бархатом, с набитыми подушками или пухом, или наполненными воздухом, купно мягкостью и нежностью спокойствие учиняет. Влекут ее шесть прекрасных возников, которые украшаются позлащенными, из сафьяну соделанными шорами, в гривах вплетены [нрзб.] и вожжи шелковые с златом, и окружен верховыми и позади множеством служителей, и в самой езде его внимающими его помавания. Одним словом, единый его экипаж столько стоит, чтобы цена его могла соделать благополучие многим дворянским семьям, учинить бы их в состоянии лучше воспитать детей своих и дочерей за хороших женихов выдать. Однако вельможа

в ней сидит, не внимает на покой, приобретаемый каретою им, и не помышляя о дорогой цене, какой она стоит.

Я зрю его выходящего из кареты. Злато и драгоценные каменья на одежде его блистают. Шуба его из лучших сибирских соболей соделана, муфта из черных лисиц. Оба подобны цветом своим черному бархату. И вся его одежда цену великую составляет.

Вступаю за ним в дом его, коего наружность немалую часть улицы занимает. Мраморные столбы поддерживают богатый, позлащенный балкон. Мраморные же барельефы украшают верхи его окошек. На пол вступаю в его сени — там мрамор и порфир повсюду блистают, ступени лестницы соделаны из лучшего черного мрамора и порфирные столбы содержат свод. Белого мрамора поручки поддерживаются медной позлащенной решеткой. Стены и потолок украшены прекрасной живописью. И все, одним словом, тут такое, что не токмо все вообще привлекает очи, но и каждая особливо часть в удивление приводит. Потом, когда вступаю в его комнаты, там зрю шелк, золото, хрусталь, мрамор и, одним словом, все драгоценнейшие вещи в дело употребляемые, но с таким искусством, что вещество вещей является спорит с искусством в привлечении удивления. Является, что все искусства невозможное соделали, чтоб украсить сей дом. Там стекла зеркал чрезмерной величины отражают лучи множества горящих свечей. Там висящие люстры гранью своею блистают и игру бриллиантов представляют. Или из разного дерева сделанные полы привлекают взор, или богатые ковры оные покрывают. Одним словом, вкус и богатство повсюду тут являются соединены. Наилучшие мастера из territor ученейших народов употребили все свое искусство, чтобы дому, достойному божественного жилища, красу придать. А тогда же в спальне, кабинете зрил я покойные кресла, софы, для отдохновения постели и другие подобные вещи, соделанные, дабы нежить плоть сластолюбивого вельможи.

Множество служителей ему предстоят, смотрят единого его взгляда. Еще же больше прислужников и искателей с вящшим подобострастием стараются ему угодить и развеселить пасмурное лицо его. И сама его любовница, которая, хотя и не такого рождения, а меньше еще поступка, чтобы между благородными людьми находиться, тут почтение от многих, в угодность вельможе, получает.

Однако время к вечернему столу настало и вельможа со всеми своими гостями идет в столовую. О небо, коль велики украшения!

Злато и серебро блистают во всей посуде, хрусталь украшает филеи, множество горящих свечей, коих лучи разными гранями хрусталя отражаемые, приключают тягость очам. А наконец, по открытии яств и при подавании питей, узрил я вдруг все, что четыре части света лучшего производят. Там огромной величины стерляди великие блюда покрывали, белые, подобно снегу, телята, яко горы лежали на блюдах, каплуны[518], пулярки[519], перепелки зимой, фазаны, устерсы[520] и в десерте ранние плоды и ананасы, а иные с трудом и со тщанием сохраненные, яко виноград и дыни, удивляют очи и услаждают зрение и дух. Вины все, что Франция, Италия и Испания лучшего производит, и что славный мыс Доброй Надежды рождает, и наконец коим славится [нрзб], — все в обилии подается.

Последуем ему в его деревню, где он имеет увеселительный дом. Пространные палаты со всеми принадлежностями, могущие бы без нужды быть жилищем какому государю, и великолепно убранные, составляют место приезда для сего вельможи. Кроме изрядной реки, протекающей близ его здания, ископанные пруды, запруженные, природные и соделанные руками человеческими, речки, где чистая вода журчит, теча по камешкам, а инде с шумом наподобие каскада упадает, окружены разными деревьями, сочиняющими китайский и английский сад, которые пространством своим занимают довольно земли, чтоб несколько сот семей питаться могли. В нем видны разные здания; одни построены близ вод, другие в пустоте леса, а наконец иные среди низко подрезанных лугов, вид бархата низкою своею зеленью представляющих. Инде стоит мраморная галерея, инде китайский дом, инде готическая беседка, инде китайская башня, инде мраморные столбы, инде пирамида, инде развалины храма, инде какая дикая пещера и переплетенные плющи по сему [всему] пространству извивающиеся, везде новые и разных родов приятные виды представляют. Регулярный сад не меньше достоин удивления, как величиною деревьев, так пространством и великолепными украшениями разных беседок, каскадов, водометов, статуй и богатых цветников, испещренных редчайшими цветами, которые равно [красками] своими и благовонием гуляющих привлекают. В других местах стоят прекрасные деревья с изгибающимися от плодов ветвями. Пространные оранжереи заключают одну сторону сего пространного дома. Там все, что четыре части света лучшего и прекрасного имеют, вмещается. Разных родов ананасы удивляют разны-

ми своими цветами и величиной и благовонием чувства услаждают. Пизаны[521], распростирая свои великие листья, являют под ними кисти своего плода, виноград у стены извивается и кисти великие висят. Померанцы[522] и лимоны вдруг два времени года представляют, удивляют своею величиною, порядочным кроком[523], прельщают взор висящими плодами и услаждают чувство благовонием, происходящим от их цветов, персики, абрикосы, вишни, сливы и отменные груши составляют великие аллеи и подобно лесу зрятся. Но возможно ли исчислить все плодовитые деревья и цветы, делающие приятность вкусу, зрению и обонянию!

Вблизи тут видны по разным местам домостройственные строения. Там конский двор представляет изрядный фасад и вмещает лучших разных пород лошадей. Там скотный двор, где прекрасные коровы и быки содержатся и где сделаны приятные покои, дабы, если господин посетит сие место и восхочет тут сделать полдник молоком, мог покойно и весело быть. Там птичий дом, где не только все птицы нужные для домостройства находятся, но и для веселья. Тут белые и серые павлины с распущенными хвостами величаются перед другими, тут лебеди гордо плавают по водам, тут множество различных уток и гусей в осоке играют, тут еще больше разных кур, удивительных своей разностью, являют богатство природы. Не меньше того и разные голуби, иные разным образом по воздуху летают, иные гордятся своим хвостом, оные покрытые хохлами и с перистыми ногами, насилу могут ступать, иные, яко горленки или египетские голуби, криком своим взаимную любовь изъявляют.

Близ сего места зрится кустарник покрытый [нрзб.], где водятся разных родов фазаны, не меньше привлекающие очи различными, или золотыми, или серебряными, или пестрыми, своими перьями. Потом близ зверинец, где разные олени, козы дикие и кабаны во множестве для утешения хозяина обретаются, и сии не только утешают его при выпуске в особливый отдел, где он может их стрелять, но также олени, ручностью своею последуя человеку, учиняют удовольствие. Но сего не довольно: разные переплетенные плющи, природные и сделанные ручейки, пруды и разные домики, при являющейся дикости, особенное великолепие и красоту представляют.

Наконец псарный двор, сделанный также довольно хорошей архитектуры, дабы привлечь знающего сие искусство человека внимание, вмещает в себе великое число борзых и гончих лучших собак, по

большей части от прислужников и от искателей надведенных, которые иногда к увеселению хозяина служат.

Однако при таком во всем довольстве, когда все является споспешествовать его желаниям, редко лицо вельможи веселый вид являет. Тщетно строители ему кажут новое оконченное строение или планы и фасады, чтоб новое зачинать. Он холодным взором смотрит на сии вновь сделанные дому его украшения, или не меньше с холодностью новые соделывать повелевает. Прекрасные аллеи, деревья, изгибающиеся под плодами и самые плоды, прекрасные рощи, испещренные цветами, луга и цветы в саду, в оранжереях его находящиеся, текущие источники чистых вод, падение их каскадами или возношение водометами, или стоячих прекрасной хрусталь вод, птицы, наполняющие птичий дом, кони и скот прекрасные и тучные, и звери, живущие в зверинцах и бегущие за человеком, укротя свою дикость, все, кажется, пред ним красоту и приятство свое потеряло, на все он смотрит неучастным оком, ничто не может подвигнуть его ко веселью восхитительному. Да и неудивительно. Все ему легко пришло, все предупреждает его желание, и он, не находя ни в чем трудности исполнить свои хотении, не находит большего и удовольствия в исполнении их. Он не может себя назвать недовольным, но не может же ничему и возрадоваться, и дух его в некоторой скучной онемелости пребывает, ища, чего бы он мог желать.

Воззрим теперь на дворянина, пользующегося токмо посредственным достатком, иногда и с нуждой, дабы исполнить все то, что требует его имя и состояние. Я вижу его едущего в простой карете, на паре небольших лошадей, имея одного человека за собою. Он, получа и сей весьма посредственный экипаж, считает себе за удовольствие, что закрыт каретой и, хотя не точенными, но простыми стеклами от беспокойств погоды. Одежда на нем простая, но благопристойная и шуба не из краев вселенной из дражайших соболей собрана, но либо лисья, или волчья, имеет только нужные качества его от холода согревать. Не толпа служителей его встречает и окружает в его доме, но малое число, являющиеся усердные к нему, которых он сам имел труд воспитать. Приятность его видеть является в очах их, а и он в повелениях своих являет им такое чувство, что хотя они имеют должность ему служить, но он их людьми, и по естеству равными себе, почитает. Домовитая жена, не имея никакой пышности, но исполненная любовью к своему супругу, к чадам, и трудолюбивая надзирательница дома,

изъявляет удовольствие свое о его приезде и тщится, чтобы везде добрый порядок ему приятен был. Приехавшие друзья не для искания какого, не для прислуги, не для великолепного и вкусного стола, но из любви к хозяевам, хотя тут в малом числе, но искренность и свобода в обхождении услаждает сию беседу. Разглагольствии о теперешних обстоятельствах государства, о торговле и домостройстве попеременно наполняют время сей беседы. Встречающиеся противоречия придают жар разговорам и свободу мыслей изъявлять.

Приходит время идти к столу. Он наполнен простыми, но вкусными яствами на глиняном сервизе. Хозяева веселостью своею и учтивостью придают ему вкус, отведывают сами кушаньи, изъявляют удовольствие, что хорошо состряпано, подчивают своих друзей. Тут нет ни огромных стерлядей, ни вестфальской ветчины, ни перигорских пирогов, ни холмогорских телят. Но хозяин подчует поенным теленком из своей деревни, разрезывает жаркое и сочный окорок, сказывая, что он больших свиней у себя завел, и какой способ употребляет к утучнению их. Подчивает или жирной укормленной курицей, или жирной уткой, или гусем, рожденными и воспитанными в его доме. Вино подается ординарное, которое чистотой своей и долгим стоянием уже подходит к драгоценным винам. Везде простота, но простота чистая является, которая мудрому зрителю предпочтеннее самой великолепной пышности кажется. Дом его также не имеет великих украшений. Не видно в нем ни золота, ни серебра, ни порфиров, ни дорогих хрусталей, но стены обиты бумажками чистыми, подсвечники, из меди сделанные, не драгоценные. Люстры, хотя хрустальные, но не из дорогого хрусталя. Зеркала небольшие, и те составные. Столы инде из простого мрамора, а инде и из алебастра. Полы или гладкие, или простым сукном устланные. Но все сие чистотой, а паче веселым нравом и приветствием хозяина и хозяйки украшается.

Последуем такому посредственному человеку в его деревню. Воззрим, как он в нее с приятелями своими, любящими его особу, а не сан или богатство, приезжает. Еще подъезжая к своему селению, останавливается, смотрит или растущий хлеб, или запаханную землю или луга. С удовольствием рассказывает своим друзьям, что он в такое время таковую пашню распахал, или луг расчистил, что сия земля такой ему приносит плод. Подъехав еще ближе к селению своему, останавливается, выходит из кареты, зовет своих друзей прогуляться в рощу, отчасти им подчищенную, отчасти же подсаженную. Садится с ними

на простых дерновых или досчатых лавках, рассказывает с веселым видом, как от родителя своего получил сию деревню, благодарит его и о малом, что было заведено. Потом, изъявляя более удовольствия, рассказывает, как трудился сам в подчищении сей рощи и в подсажении, какие намерен делать тут дорожки, и показывает, что уже сделано.

Наконец приезжает в дом весьма небольшой, но довольно покойный для его семьи, с некоторыми особливыми домиками для гостей. Нигде тут ни золота, ни серебра не блестит, но стены или подмазаны штукатурою, или подписаны. Штофов и парчей нигде тут не видать, но либо домашнее тканье, или набойка, или полуситцы, а один вкус и чистота главное украшение сочиняют. Стол толь же простой, как и украшение, по большей части из домашних вещей, разного молока и трав состоящий, вкусную и здоровую представляет пищу. Плоды не во множестве, но лучших родов из маленькой оранжереи оный еще украшают. Хозяин с гостями своими их ест, сказывая, откуда он столь крупные достал персики и арбузы; говорит о плодоносии его вишневых и сливовых деревьев, разбирает разные роды груш и яблоков, похваляет их вкус и подчует. Разная земляника, клубника весьма крупная, малина садовая и другие ягоды, также лучших родов дыни и арбузы умножают его стол и почти сластолюбие являют. Он с приятностью смотрит на все свои плоды, с удовольствием их вкушает, воспоминает время заведения их и веселится, что довел оное до того, что всем сим пользоваться может и зовет гостей своих идти в его сады и оранжереи.

Последуем сему домовитому и умеющему себя утешать мужу в его сады и оранжереи. Не целые поля захвачены в его сад, но из них один весьма небольшой насажден регулярными, стриженными аллеями, из коих одни высокую непроницаемую силу представляют, другие, сгибаясь между собой, представляют купно искусство в порядочном насаждении и природу в естественно сросшихся ветвях, которые, переплетаясь, непроницательный свод солнечным лучам и дождю содевают. Толстые и густые кроновые деревья составляют одну дорогу, сплетшиеся ветвями своими, тень и покрышку учиняют. Изрядные партеры, в приличных местах соделанные, наполненные разными прекрасными и благовонными цветами. В середине аллеи насажены яблони, груши, сливы и вишни, из коих последние и по забор посажены. Наконец, в благопристойных местах находятся разные беседки, раскрашенные разными красками, которые пристойностью места,

где они построены, хорошей архитектурой и испещрением красок зрение привлекают и представляют приятные места к отдохновению.

Возле сего сада, с одной стороны находится изрядный луг, сквозь который протекает небольшая речка, которая, быв удержана заплатой, составляет по конец луга изрядный пруд. Луг сей украшен английским садом, преизрядные извитые дорожки к разным местам приводят. В иных местах посажены разные деревья, которые тень составляют, инде сидит одно дерево, которое своими ветвями не малое место покрывает, в других местах из речки проведены каналы, которые сочиняют островки и повсюду, где нужда требовала, или домики, или беседки, или маленькие галереи построены были, а инде в диких местах прилегающего леса сделаны пустыньки или пещеры.

С другой стороны сада находится довольно пространный огород, где кроме немалого числа плодовитых деревьев, находятся насажденные разные огородные овощи и купно удовольствие и прибыль приносят. А огород сей кончается довольно пространным местом, засаженным хмелем, разными аллеями, беседками и другими видами... [нрзб.], выращенным, который купно служит для приятности вида и для прибытка.

Возле огорода находятся оранжереи и парники, весьма небольшие и токмо отличные избранием плодов, хорошей выросткой деревьев и чистотой.

С другой стороны его дома находятся скотный и конский двор, вместе соединенные. Тут нет ни дорогих лошадей, ни огромных коров, но лошади крепки и довольно рослые; коровы смешанные — русские с холмогорскими; овцы простые, но все в хорошем содержании. Возле сего дома находится немалый копанный пруд, откуда вода трубами проведена почти в каждую стаю, а на другой стороне пруда построен маленький птичий дом, где разные птицы: индейки, гуси, утки разных родов и куры водятся во множестве.

Такое есть расположение жилища сего посредственного человека в городе и в его деревне. Но воззрим, какое же удовольствие все деревенское его строение и заведение приносит. Он с друзьями своими сошед в сад, останавливается на всякой дорожке, с удовольствием показывает высоту и густоту [нрзб.] или тень крытых аллей, рассказывает время сажения их, воспоминает, что он сам его чертил, сам его разбивал и многое своими руками садил. В парниках показывает разные цветы, веселится, видя их красоту или чувствуя благовоние,

рассказывает откуда корни и семена доставал, делает примечать прекрасную дикость смешения [нрзб.]. Входит ли в беседку, сказывает когда она посажена или построена. Входит на луг, английским садом устроенный, показывает с удовольствием сделанные места; делает приметить чистоту воды протекающей речки, садится или удить рыбу в пруде или ловить ее неводом, и каждая пойманная рыбка ему удовольствие приносит. Идет к строящимся беседкам, показывает их гостям своим, сказывает, что он сам чертил план и фасад и как хочет их убрать, требует совета у своих приятелей, показывает им некоторые планы их саждений и строений, которые хочет начинать, назначая разное время, дабы то все сходственно с своим достатком учинить, исчисляет уже изготовленные им припасы и как другие изготовляет. Идет к некоторым зачатым строениям, показывает их своим друзьям, с футом в руках размеривает сам, указывает каменщикам и плотникам, инде их исправляет, где сделали ошибки, инде дает им награждение. Входит в огород и близстоящие оранжереи, показывает разные растения, делает приметить величину грунтовых деревьев, их плодоносие, разные роды и отделении в родах разных трав и плодов, срывает плоды, подносит своим друзьям и спрашивает, как находят вкус. Потом идет на конский и скотный двор, показывать своих лошадей, жеребят и коров, входит в то место, где хранится молоко, делает примечать спокойствие и удобность сего строения и подчует разным молоком.

Все сие он с толиким удовольствием, а иное и с такой жадностью исполняет, что, является, не только всякое древо, плод или цветок, но и каждый листок его веселит. Бездушные вещи, является, учинились его служителями, для соделания его удовольствия и обще все так и каждое является сумму его благополучия прибавлять, и каждая будто бы составляла то, что может его счастливым сделать.

Вот два разных начертания, одно возле другого поставленные, из коих в первом видим всего во множестве, все великолепно и все предупреждающее желание вельможи, но ничто не могущее подвигнуть его к чувствительному веселью: в обилии, в довольстве, не имея ничего желать. Другое, где все с трудом приобретено, где все малое и с нуждой исполняется, но все, по мере употребленных трудов, веселит, где все оживотворяет дух и делает удовольствие. То кого же из сих счастливейшим назвать? Кто более вкушает сладостных минут удовольствия?

Является мне, что предвечные уставы Создателя всех естеств так определили, дабы сравнять все состояния людей между собою, что имеющий все в изобилии не ощущает и великих вещей, могущих бы ему удовольствие принести, а тот, кто с трудом все получает, ценит вещи по трудам своим и малейшим утешается.

Войдем в рассмотрение естества человеческого. Мы ежеминутно зрим, что чудеснейшие вещи нас не удивляют, когда мы всегда оные видим. Пространные небеса, освещенные лученосным Солнцем или Луной или усеянные несчетным множеством блистающих звезд, ежечасно очам нашим видимы. Но самым тем, окроме некоторых мудрых, почти воззрения нашего не привлекают, тогда как стекаются все видеть проворство какого обманщика, и деяния его приключают удивление и причину разговоров в беседах. Прекрасные цветы, коими усыпаны луга наши, розы и лилии, украшения садов наших, не содевают в нас такого чувства, как видение какого нехорошего и редкого цветка американского, который во многие годы расцветает. Никто не поспешал на луг видеть множество блистающих великолепных цветов, никто не спешил в сад видеть расцветшие розаны, но расцветет ли алое — множество стекается его смотреть. Хотя в нем ни красоты, ни духу нет, однако превозмогая трудности, с жадностью туда поспешают. А для чего? Наиприятнейшие кушанья, наилучшие вина нам наскучают, когда всегда они в употреблении. А напротив того, и к самому противному нам мы можем привыкнуть. Отвратительнейшие лекарства по долгому употреблению нам сносны становятся. Нежные женские руки, привыкнув к работе, не ощущают почти касанием жесткости тел. И самые ядовитые вещи безвредны нам от привычки становятся. Подобно сему и в рассуждении богатого человека, которого все желания исполнены прежде, нежели он еще почти успеет их учинить, соделывают, что чувства его от веселия онемевают и яко мозоли тут учинятся. Он веселится токмо настоящим чувством, никогда не ощущая того удовольствия, которое чувствуют от исполнения желаний. Читал я в греческой истории, что некто, приехав в Спарту, был зван к всенародному их столу. Сей, отведав лучшее их блюдо, черный соус называемое, не мог удержаться, чтоб отвращения своего ко вкусу его не показать. На сие ему было ответствовано, что в сем блюде для него двух приправ недостает, т. е. преждеобеденного труда и голода. И подлинно: человеку сытому и вкуснейшие яства противными покажутся или, по крайней мере,

не будут иметь никакого вкуса, яко ежечасно сие богатые и роскошные ощущают.

Но в посредственном состоянии живущий человек, видя исполнения, сопряженные с трудом и попечением, исполнением и малого чего веселится, ибо не одним машинальным чувством он ощущает удовольствие, но воспоминание его тщаний и трудов приумножает в нем чувство веселья.

Так Всевышнего десница, располагающая меры блаженства человеческого, если по течению мирских дел дала кому силу, могущество и богатство, то самим сим уменьшает у него чувство удовольствия. Что же у посредственного человека отняла сии блага, наградила его дарованием более иметь случаев удовольствия.

РАССМОТРЕНИЕ О ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Когда уже зима лет наших оделяет тело наше белыми власами, когда ослабленные члены едва могут нам служить, когда очи наши принуждены взаимствовать помощь искусника, чтоб ясно видеть вещи, когда страсти наши от охлаждения крови ослабевают, и, не взирая на все, что делаем мы, чтоб себя обмануть, зрим скорыми стопами приближающуюся смерть: тогда человек размышляет о своем прежнем состоянии, воспоминает прошедшие случаи, и можно сказать, что он ясно, чрез отражение лучей, начинает познавать вещи. Уж страсти его не колеблют, происшедшие приключения просветили его разум, и самолюбие ослабленное позволяет ему и о самих прежде бывших совместниках его с таким холодным духом рассуждать, что якобы он никакого участия в делах тех совместительств не имел.

Как несчастливы человеки, что надлежит почувствовать им в себе ослабление и вблизи узреть смерть, дабы всегда нужные размышления учинить. Ибо в крепости лет своих, быв увлечены делами и страстьми, более действуют, нежели размышляют, и весьма много есть таких, которые, многие годы препроводя в исполнении важных дел, испытания не приобрели, ибо они более действовали, нежели размышляли. Присутствие настоящих причин закрывало от них их начала и следствия. Оттого происходили ошибки, которые с небольшим размышлением исправляли[сь бы], и часто видим состарившего мужа в делах, который всегда действовал, а никогда не размышлял, можно сказать, в младенческом неведении при старости остающегося.

Се старость, иже нас приводит к размышлениям. Счастливы еще те, которые и в сих поздних летах, не привыкши к размышлению в юности своей, великой сей науке, хотя поздно, тщатся научиться.

Не подражая тем, которые, закрыв очи от прежнего, настоящего и будущего своих состояний, яко слепые ко двери гроба приходят, воззрим на человека от рождения его, рассмотрим его воспитание, юношество, зрелые лета и старость. Пробежим картину жизни человеческой в естественных, политических и нравственных его состояниях. Сравним его крепость и слабость; подивимся его мудрости и безумию и узрим в нем купно тварь, снабженную превыспренними дарованиями и благороднейшую, а тогда же лишенную всего, слабейшую и подлейшую. Рассмотрим наше рождение и все течение жизни и, быв научены нашим собственным испытанием, потщимся сохра-

нить данные нам от Неба изящные дарования и избежать от всех пороков нашей природы.

Самое свойство сложения нашего, при рождении нашем, является чувствием членов наших нам показывать, что мы к трудам, терпению и несчастию рождаемся. Лишь токмо рождающийся младенец узрит свет, первое его движение состоит испускать вопли, яко бы при рождении очам его встретилась вся громада бедствий, которые, всходя на позорище сего света, он будет ощущать и, кажется, он с ужасом отвергает столь многими злоключениями наполненную жизнь. Я знаю, что сие не иное что, как естественное действие над нужными членами рождающегося младенца, но самым сим чувствованием природа не является ли в самое первое мгновение его выхождения на свет ему предвещать, глаголя: «в первый час твоей жизни не удовольствие, но болезнь почувствовал ты, так знай, что и вся жизнь твоя болезнями и печалями наполнена будет!»

Какое начало его жизни! Слаб членами: ни ходить, ниже ползать не может; язык его не может изрещи слова, руки не могут и не умеют не только ничего приобрести, но ниже приобретенного донести до уст его. Единые слезы изъявляют его хотения, часто непонятные тем, кто бы и желал помощь ему подать. Сего еще недовольно: множество болезней приходят терзать нежные его члены, болезни тем труднейшие, что ни сам он о них изъяснить не может, и что трудно им помогать. Коль жестоки сии записки, хранимые о мертвецах, которые нам доказуют, что в первый год жизни человеческой едва пятой жив остается. Увы! К чему было видеть свет, когда должно толь скоро лишиться! Но нет, счастливы сии, которые в пеленах умирают; они неподвержены были ко многим злам, терзающим род человеческий. В безвинности младенчества своего душа их страстями не упоилась, члены их не сопричастники были никакому злу; жестокая их судьбина, изнурившая их слабостью и болезнью, по крайней мере предохранила их от вящших зол, которые бы в жизни своей претерпели. Не странное чиню я предложение, называя счастливыми младенцев, в самой их молодости умирающих, но основанное на самой чувствительной каждому справедливости. Желающий сему противуречить да рассмотрит течение своей жизни, да исчислит прилежно все счастливые и исполненные удовольствием ему часы и да сравнит их с болезнями, огорчениями, несчастьями, обманами и злоключениями, которые он претерпел, то коль первых в сравнении с другими будет мало.

И подлинно, яко говорит единый наших дней любомудрец, если бы человеку при рождении его представилось все собрание зол, которые в течение жизни своей претерпеть должен, со ужасом бы отвергнул дарованную ему жизнь, а как он сего учинить не может, то счастлив он, но крайней мере, что, не много претерпя, чист от преступлений оную покидает.

Такое есть первое состояние младенчества человеческого. Но се уже члены его укрепляются, рассудок его начинает хотя слабые лучи являть, язык его уже глаголет, и он отческим языком уже может нужды свои изъяснить. Тогда новые ему огорчения настают. Чадолюбивые, желающие здравия и добра своим чадам родители берегут его здравие, лишают его во многом свободы, укрощают его резвость и склонность к веселию, прилагают старание его изучити. Часто слезы младенца орошают сохраняющую его руку, и книга, преподающая наставления, оными смочена бывает. Не справедливы суть сии огорчения и ясно показуют слабость еще разума, отвергающего то, что и в настоящем и в будущем состоянии ему полезно есть, но они суть огорчения, и он в те часы несправедливых своих слез, конечно, веселья и удовольствия не ощущает, а потому и самое сие время, клонящееся к его полезности, должно из времени удовольствий человеческих исключить. Но увы, как долго такое младенчество в нас пребывает, в которое мы ожидаем иметь вредные нам удовольствия и сокрушаемся, что их не получили, или что им препятствуют!

Когда уже в лета юности достигает человек, когда хорошее сложение предвещает ему удовольствия, когда человек яко цвет сильный, прозябший на доброй земле, красотой, бодростью и испещрением [нрзб.] своих привлекает взор мимоходящего: тогда страсти его колеблют, тогда преклонность к весельям влечет его в распутство, любовь сердце его занимает, праздность и забавы отнимают время от размышления, и все другие страсти, яко испущенные из пещер ветры, приводят все мысли его в волнение и часто к погибели влекут. Но, по крайней мере, пользуется ли он хотя настоящими удовольствиями? Ах, и того нет! Часто обманут мнимыми друзьями; часто веселий по желанию своему не находит; часто изменен любовницей; страдает среди удобностей к забавам. Остающееся ему праздное время, по отвычке упражняться, в скуке препроводит, самые ему веселья скучны становятся и тщетно, подобно как бабочка с цветка на цветок перелетает, так он стремится искать и переменять свои веселья: то бежит в

какое многочисленное собрание, то бежит на бал, то в концерт, чтоб усладить свои чувства, то в театр зреть какое представляемое драматическое сочинение, то в те дома, где играют в карты, то к любовнице своей. Пусть и все ему удается по его желаниям, пусть достаток его на все сие доволен, но все сие оставляет такую пустоту в его сердце, которая в самых веселиях начинает ему скучать. Он в большом обществе, слыша токмо тщетный разговор, не трогающий его сердце, удовольствия не обретает. Музыка, часто повторяемая, наконец скучает его ушам, танцы, хотя составленные сначала для увеселения народного, а потом обращенные открытно без зазору нежностей между двух полов изъявлять, ему надокучают. Трагедия слезами своими и печальными приключениями в душе, непривыкшей соучаствовать чувствам другим, ему скуку производит, игра самыми своими обращениями и должной приложить к ней прилежностью ему скучает, а наконец и в объятьях самой своей любовницы, в требованиях частого с ней свидания, он обретает себе стеснение и скуку. И так, можно сказать, он ищет и суетится сыскать полное удовольствие, но никогда его не зрит.

Но редко толь счастливые люди бывают, кои бы могли, и коим бы счастье помогало всеми сими удовольствиями беспрепятственно пользоваться. То коль суета и заботы такого умножаются, когда страсти, по мере трудности удовольствовать их, влекут юношу к исканию себе удовольствий, а тогда же случаи и недостатки ему возбраняют, когда находит он трудности в желаемые сообщества быть введен. Когда в любовных своих страстях или несклонных, или неверных обретает, то истинно не токмо таковой не пользуется удовольствиями своих лет, но есть яко невольник в тяжкую работу осужденный — всегда желать свободы и удовольствия, но никогда их не обретать. День его наполнен суетой, а в ночь беспокойные мысли прогоняют его сон, и я многих видал таких, которые столь были в юности своей удручены такой судьбиной, что приобрели болезни, которые и в других их состояниях жизни чинили им воспоминать по самую смерть, которую иногда и поспешили, в безумиях своей цветущей молодости.

Терпев в младенчестве, страдав в юности, научась многие годы испытаниям, благоразумнее ли учинится человек, вошедши в совершенные лета, когда рассудок его получит равновесие с его страстями, и судьба перестанет его гнать? Ах, нет еще! Возрастая возрастом и мня рассудком возрастать, начав уже смеяться заблуждениям своей

юности, в совершенных летах колеблют его новые страсти, и он, пременив своих мучителей, думает в других друзей и благодетелей себе найти, даже как они ему покажут еще злейше мучить его изготовляются.

Минулась уже суета бегать, без мысли, веселий искать, уже мнимоосновательные мысли приемлет человек, желает соделать твердое свое благосостояние. Увы! Есть ли оно на земле? Честолюбие приходит сердце его занимать; желание приобрести себе более имения, дабы спокойнее и более с удовольствием жить, и попечение о приобретенном соделывает причину его заботы. Появ жену, по страсти ли, по избранию или по прибыточным причинам обязуется с ней и вручает ей свое сердце, не страшась более неверности; имея уже детей, обещающих увечнить его род и дать ему утешение в старости, обращает мысли свои на сохранение и воспитание их.

Такие есть расположения благомудрым называемого человека в совершенном его возрасте, ибо о распутных я не говорю, — они век в беспорядке пребывают и любят пить распаляющий их яд. Увы! Я видал людей согбенных старостью, пред коими гроб уже стоял, и на них уже смерть косу свою взмахнула, пребывать в таком же развращении нравов, как в юности бывает человек, и не токмо стыдиться своими слабостями, — пред всеми величаться своими пороками. Сии люди, забывшие, что они есть человеки, тварь разумом одаренная, определенная естеством жить в обществе, которого жизнь необходимо требует [нрзб.] сообщительных добродетелей, сии люди, иже повергнув потоптали стыд и благопристойность, не достойны, чтоб о них и говорить. Но и самым своим развратом счастья себе не получают, ибо страсти развратного юноши [нрзб.] мучат без всякой надежды удовольствовать их. Они им служат спекуляторами за презрение их благопристойности. И часто я видал таких низвергнувших все должности людей признаваться, что прямого удовольствия никогда не ощущали.

И так, оставя сих, воззрим, если благомудрые расположения достигшего в совершенные лета человека могут соделать ему удовольствие. Ах, нет, весьма далеко от сего! Является, беспокойства и несчастья его умножаются по мере самой благорассудности его расположений, представляющих ему все справедливости его желаний: презрен, отринут или обманут вельможами, в коих с раболепством ищет, он зрит недостойнейших себе возведенных в те должности,

которые он себе искал. Труд, старание, прислугу и все искания свои зрит потерянными пред сими гордыми кумирами рода человеческого, или, если что и получит от них, то сколь великим обяжет себя долгом пред ними пресмыкаться. Не учиня же сего, все усердие его, все попечение исполнять свою должность во вред и в причины пагубы его обратятся пред человеки, которые дают свое покровительство не тому, что полезно обществу, но кто угоден и полезен им. Найдет ли благоприятность единого вельможи, другие, ненавистники того, за то только его будут гнать, что он любим неприятелем их, и часто и на жертве его самого между собой помирятся. Но пусть способный ветер счастья надувает паруса такого искателя почестей, пусть он и сам достигнет в вельможи, пусть предохранится он от тех пороков, которые по большей части существуют с большими чинами и с большой властью, пороки, которые имеют удобность удовлетворять, пороки, которые, их обвиняя внутрь совести их, чинятся их первые мучители. Но и при самых добродетельных расположениях человек, живши между завистливыми его месту и чину, между людьми, по большей части на падении других основывающих свое счастье, — к коликим подвергнут поставленным ему мрежам! Попечения о должности своей, суеты, и старание все возложенное на него сохранить, отнимают и там его спокойствие, а к тому же должное ему иметь старание и беспрестанную осторожность от его врагов много ли ему спокойных часов оставляют? И так в искании в среднем состоянии возведения в вельможи счастлив ли человек?

В соделании прибыточного его благосостояния не меньше препятствий и огорчений встречается. Является, что со стороны естественных приключений все стихии суть вооружены на произведении земли и на достатком приобретаемое благоденствие человеком. Непогоды времени угрожают потерянием его жатвы и плодов, росы повреждают разные растения и на стада наводят болезни, хладные и беспорядочные зимы истребляют корень семян, жары непомерные засушают траву и растения, часто пламя пожирает собранное и приобретенное; море, ветром взволнованное, пожирает сокровища. Равно и со стороны нравственных обстоятельств не менее есть препятствий: обленчивость, нерачение, хищничество, а иногда и незнание служителей часто и собранные сокровища истребляет. Неверность должников, коварство людей, завидующих собранным богатствам, часто и богача в скудость приводит. Не токмо не безопасны

суть его ежегодные произведения, небезопасен плод трудов его, но ниже самые недвижимые имения от похищения не могут избежать. Часто ябедники наносят беспокойство и убытки, а судьи еще чаще, лишая правого ему принадлежащего, и бумагой, дурным слогом и без отточения писанной, где на всякой странице по нескольку противоречий обретаются, не токмо отнимают у человека достояние его, но и наводят истинную досаду, по безграмотству или по повреждению их нравов, человеку. Вельможи хотя к сему последнему и мало подвергнуты, а меньше еще быть обмануты их должниками, ибо чаще им и недолжные должными становятся; но если и таковой, получая по желанию своему богатства, когда в себя войдет, когда рассмотрит свою совесть, не изобличит ли она его в несправедливостях его, если он разумен и может иметь предвидение? Не представится ли ему, что самые его дети к той же судьбе подвергнуты будут, ибо не дано, чтобы из рода в род случай у двора продолжался? Но что я говорю «дети»? Не должен ли он ожидать, чтобы и сам при перемене обстоятельства не должен был отдавать другим вельможам то, чем прежде его дарили. Я слышал сему пример. Единый вельможа, быв в случае, получил многие подарки, из коих великое число состояло в узорчатой работе серебра. Переменились обстоятельства, случай его упал, случайным другой учинился, и в едином посещении, которое сей последний первому учинил, видя прекрасной работы стоящие великие серебряные сосуды, не мог искусству соделания их не подивиться. Тогда упадший из случая своего вельможа чистосердечно ему сказал, что он все сие во время случая своего получил в дар и лучшие от единого, прежде его бывщего в случае вельможи, прилагая: мой случай теперь прошел, а твой настал, я брал у другого, возьми теперь ты их от меня. Остроумное изречение, показывающее суету света. И в самом деле, что есть случай? Легкий дым, который, каждым ветром бывает прогоняем. И на позорище света сего, видя многих случайных, шатающихся без случая, тем более презренных, что не по заслугам, но по нечаянности счастья и случай имели, мне кажется, зрим изветшалые корабли, которые токмо для разломания в порт введены. Но и бездушные сии суда едва не достойнее ли почтения извергнутых временщиков: они исполнили то, для чего были соделаны, они служили в защищение отечества. А как мало из временщиков найдется, которые бы могли искренно сказать, что они оказывали какие услуги кому другому окроме себя! Но что же, разве получение знатного сана воспрещает

гражданину стараться достояние свое сохранить и, явясь нерачивым к собственному своему, как может тот рачив быть к общему благу; ибо, колико ни любомудрствуй в нравственной науке, истина есть неоспоримая, что любовь наша ко всему нас окружающему начинается с самих себя. Однако видел я пример великодушия, учиненный единым вельможей в рассуждение защищения его прав по недвижимым его имениям. Он был богат, а потому и мог более сделать, нежели другой. Имел многие дела в разных судебных местах. Как скоро достиг он до такого чина и должности, в которой имя его могло многое содействие иметь над решениями судей, то, опасаясь, чтобы неправосудного в пользу его не было учинено, приказал стряпчим своим оставить хождение за всеми делами, говоря, что если он имеет справедливость, то и после него сии дела могут возобновиться, и потомки его получат удовольствие, если же в чем у него справедливости недостает, то не хочет, чтобы данный ему отечеством чин служил к удручению кого. Похвальный пример, показывающий добродетельного и достойного подражания человека, но кажется, что надлежит иметь и довольный достаток, чтоб сие исполнить.

Ни пышный чин, ни богатство счастья прямого не содевают. Среди всех благополучий, увы! в объятьях самой философии домашние беспокойства колеблют разум человеческий. А напротив того, и в самых несчастьях имея верного соучастника, и разделяющего его удовольствия, первые сноснее становятся, а последние приятство свое умножают. Сего-то ищет человек в поятии себе супруги. Правда, многие, и ничего подобного не разбирая, женятся по страсти, и соломенный огонь вскоре погаснет, оставя токмо пепел и смрад. Другие или по прибыточным причинам, или для случая в узы сии вступают: таковые ищут не домашнего удовольствия, но или пышности, или богатства, то они и недостойны домашним удовольствием пользоваться. Но рассмотрим, каково есть благополучное состояние четы любовно соединенной, четы благонравной и добродетельной, а потом воззрим колико и самые сии огорчения претерпевают, потом воззрим, хотя с содроганием, на такую чету, где частые раздоры и беспокойства из спокойного дома самый ад сочиняют.

Потщимся украсить мы печальную картину жизни человеческой начертанием счастливого супружества, где совершенное благонравие, добродетель и согласие царствуют, супружества, могущего усладить многие несчастия нашей жизни. Я вижу в сей любезной и доброде-

тельной чете совершенную верность, любовь и взаимное уважение, не на одной должности, но на любви основанные. Сердца их соединены, они оба единого человека в двух телах представляют, следственно не могут они иметь разделения имений, и твое и мое от мысли и чувств их отогнаны. Оба друг другу стараются угодить, разделять друг другу малейшие удовольствия и тем цену им придать. Самые случающиеся огорчения подъемлют вместе, и жена утешает мужа своего, изъявляя ему ту ласку и ту нежность, которая есть прилична женскому полу, и тем самым услаждая его горесть. Всю тягость домоводства старается она подъяти на себя, дабы в других делах супруга своего облегчить. Дают друг другу советы, но советы не повелительные, а самая любовь их нудит скорее согласиться. Если же бы и не согласился кто, другой не токмо без огорчения приемлет, но самому исполнению споспешествует. Веселятся они о рождении детей своих, яко [наследующих] их имя, живых залогов их союза и памятников их любви, и в каждом мнят видеть начертание образа любимого своего сотоварища. Подобно как в других делах, так и в воспитании и наставлении их суть одинаковы, и никогда единый другому не противоречит. Любовь их к детям ко всем равна, или, по крайней мере, не изъявляют они никакого преимущества одному противу других и не изготовляют причины ненависти и распри между детей своих. Сами стараются воспитывать их, не предавая их в руки чуждые и не делая усилия от них отвыкать. В младенчестве поступают с ними яко с друзьями, но с такими, над которыми лета и испытания дают им преимущество. В возрасте же, сокрытого или некоторого притворного с ними поступка не имеют, но открытностью своею и прямою любовью любовь и доверенность их приобретают. Не может быть, чтобы между двух различных тварей иногда некоторой досады не произошло, но сия досада есть вящшее побуждение удовольствия и никогда долго не пребывает, и никогда лучи солнечные не скрываются, чтобы и оная не миновалась, то самое примирение, учиняя им потерпеть горесть досады, чтит им новое удовольствие, и сие есть яко лучи солнца скрывающиеся на несколько минут за облако, которые с вящшей светлостью блистают.

Такое есть счастливое состояние мужа, имеющего благонравную и добродетельную жену, и жены, имеющей такого мужа. Картина сия их жизни является рай земной представляет, но есть ли он на земле? Увы, самая сия приятнейшая жизнь со многими огорчениями смешана! Естественно есть человеку бояться того, от чего он отвращение

имеет, то всякая болезнь мужа или жены или кого из их детей приводит всю семью в крайнее огорчение. Малейший припадок смертельным является очам, страшимся лишиться любимой особы; малейшее разлучение тоску, скуку и жестокое огорчение наводит. Самое время беременности супруги колико терзает ее мужа, всего страшащегося об ней! Приближение радости его, видя возрождающегося себя в своем потомстве, наводит ему страх. Время рождения, естественно без болезни не бывающее, приводит его в отчаяние, время слабости после родин, хотя бы и не было каких припадков, ему беспокойство приключает. Что же чувствует, когда хотя что малое воспоследует? Одним словом, любящий свою жену супруг забывает, что все жены родят, что члены их для сего соделаны природой, и что редко прямо от родов умирают. Забывает он на сей час себя и всех рожденных благополучным образом, чтоб вспомнить о некоторых лишившихся жизни от родов и представляет, что то же и с его супругой случится.

И так самые розы и лилии приятного супружества человек, или по взаимной привязанности, или по страху потерять любимого себе, слезами обмочает, и ниже в сем благополучном состоянии не находит себе истинного блаженства.

Но что же терпит тот, который по несчастью находит в сотоварище своем не помощника, но злодея, не друга, но изменника, не успокоителя дома, но возмутителя, не соучастника, но небрежливого, не родителя или родительницу, но часто злодея. Я уже не буду говорить о таких, которые, оба друг друга возненавидя, едино имя супругов сохраняют, живут под одной крышкой, не участвуя нимало в том, что до другого касается, но рассмотрю состояние такой четы, где единая половина ищет общего спокойствия и услаждения своей жизни, тогда как другая во всем хочет противное соделать. Дано есть от природы, что, хотя жены более имеют быстроты разума и чувствительности, непостоянство, следствие намерений, глубочайшее предвидение мужьям принадлежит, то рассмотрю о такой чете, в которой муж, исполненный добродетельных мыслей, любит свою супругу, все для нее делает и желает обрести удовольствие и спокойствие в своем доме, но, совсем противоположным нравом оной, не токмо сего не находит, но паче ежедневное себе мучение зрит.

Какое спокойствие тому бедному супругу, который сохраняет любовь к своей супруге, которой, видя и самые недостатки, старается ей угодить. Когда, не токмо в важных вещах, но и в самых безделицах,

зрит себе противореченна, когда лишение его покоя, труды и бдения единым токмо неудовольствием заплачены. Когда ни в благополучных случаях не зрит ее в себе обрадованной, ниже в печалях приемлющей участие, когда малейший разговор рождает распрю, многие недели пребывающую, когда среди семьи своей супруг должен, убегая в свои особливые комнаты, уединен пребывать. Когда в самых болезнях его прилагаемые о нем попечения являют не столько знаки любви, как отвращение, скуку видеть страждущего его, когда в самый оный суровый поступок и к задыхающемуся от болезни являешься. Когда толь малое есть попечение об общем их доме, что, хотя он в разорение приходит, она взирает на сие с неучастным оком, довольствуясь во всем обвинять своего супруга, согбенного уже от трудов, не хотя взять ни малого попечения сама. Когда рождающихся детей своих ненавидит и огорчается, что предлагает потомству свою и мужа своего кровь, когда в воспитании детей, быв исполнена незнанием, во всем супругу противоречит, сердится, если при ней зачнет давать им какие наставления и их испровергает. Скучает и смеется, если о каких науках их будет вопрошать, и всячески старается своими вещаниями загладить благие впечатления, которые слова и наставления родителя в них могут учинить. Старается отдавать своих детей для воспитания чуждым, дабы избавиться скуки их видеть пред собой, и чтоб они не помешали чем ни есть ее праздности. Взростя их, чинит в любви, в ласки и в поверенности различие, чем вселяет междоусобную вражду в сердца детей своих, и даже радуется и побуждает ее. Когда самое время обеденное, вместо того, чтобы дать вкусить, по крайней мере, с удовольствием от Бога данную пищу, препровождается в спорах, раздорах и озлоблении. Когда ничего не находит в доме своем хорошего, гонит по страстям служителей, а за все, яко на единый предмет ее ударов, беспокойство и злоба на супруга упадает.

Я уже не говорю о неверности, ибо такой поступок или разрушает узы брака, или незнаем супругу остается.

Воззрим же и на воспитание детей, рождением которых родители толико обрадованы, коими льстятся кровь свою в дальние века сохранить, учинить имя свое долго пребывающе, и от них в старости помощи и утешения себе ожидают.

Подверженное к жестоким болезням, первое младенчество мало время на удовольствие родителям сих детей оставляет, ибо то единая, то другая болезнь отягощает сию юную тварь. Кислоты, колики, жар к

зубам, корь, оспа, другие сыпи, лихорадки, горячки, кашель, коклюш и другие на него устремляются и часто, к сожалению родителей, пожирают. Увы, я видел не единожды в моей семье, что по два и по три в краткое время, к огорчению родителей, жизни своей лишились[524]. Но се настанет юношеский возраст, когда укрепившиеся уже члены менее опасности чинят, однако еще она во многажды случается, ибо естли время в жизни человеческой, в которое бы болезни и смерть не устремлялись на нее, и многажды, когда юноша уже зачнет показывать знаки естественных своих дарований, когда родительская надежда станет возрастать, когда они ожидают уже, по ясным знакам его разума, утешения себе и опоры в старости своей, таковых без жалости жестокая смерть в объятиях их поражает. Но кроме болезни и смерти, к скольким беспокойствам, страстям и печалям родители для детей своих подвергнуты. Сколько требуют заботы, тщания их изучить и вложить в них добродетельные мысли. Сколько стоит труда и попечения, чтобы их определить и соделать им то, что называют счастье. Сколько для сего должно раз унижаться пред вельможами. Сколько должно прилагать попечения о домостройстве, часто и бесполезно. Сколько и малые их проступки, необходимые в младых летах, огорчения наносят. Сколько самые должные по званию их отлучки наносят беспокойства. Сколько опасности, в которые подвергаются, терзают родительское сердце. Я говорю более, нежели самих тех, которые к оным подвержены, ибо те токмо тогда ее чувствуют, когда она настоит, родители же во все время отлучки всякий час представляют детей своих в опасности. Се есть и лучшее состояние родителей, имеющих достойных детей и могущих им соделать утешение.

Но что же мы скажем о таких родителях, которые имеют детей недостойных, которые непочтением своим родителей огорчают, которые ежедневно впадают в проступки, над сердцами коих царствуют страсти и увлекают их в бездну пороков. Престанет ли родительская к ним любовь, престанет ли сожаление, и может ли родитель неучаствующим оком на них взирать? Ах нет! Кровь его в таковых течет, они имя его носят, он воспоминает все свои старания о них, но все сие чувствует и воспоминает к вящшему своему терзанию. Сердце его стремится к ним, но не обретает в них утешения, пустота любви и горесть без всякой отрады в нем вселяются, и он нищ, со вздохами и слезами, [вспоминает?] их рождение, воспитание и все свои попечения, не преставая их любить, терзается.

Довольно ли смутный век протек до старости своей человек и может ли надеяться, чтобы, по крайней мере, приближающиеся его часы к смерти спокойны ему были? Ах, нет! Не меньше он подвергнут ко всем неподлинностям рока человеческого. Оставляет его честолюбие, оставляют его страсти, по болезни слабость и попечение паче умножаются. Если он не покоен в своем семействе, то огорчение сие его, яко такое, которое чувствительно его ко гробу приближает, ему чувствительнее становится. Если оскорблен он своими детьми, то, не ожидая уже видеть исправление их, отчаяние его терзает, если видит их непочтение, — крушится, что вместо утешения печаль от них имеет; ежели его состояние худо, то исчезает в нем надежда оное поправить. Присоединяется еще к сему скука, ежедневно он ищет своих сверстников и друзей, не ожидая себе новых приобрести, ибо тщетно льстятся престарелые сыскать любовь в младых людях: несходство их лет, несходство в расположениях мысли сему суть непреодолимые препоны. Младые ежели когда и посещают старца, то либо из какого уважения, или, почитая его яко памятника, дабы познать от него время протекших приключений, часто смеясь еще изветшалому его рассудку. И так, в слезах родившись, в болезнях и в прискорбии живши, наконец отягченный летами, пораженный болезнями и дряхлостью, человек в мучении умирает.

Прочитав столь печальные, но истинные, начертания о несчастьях жизни человеческой, состоит вопрос: должны ли мы жаловаться на Бога, совершившего нас, что столь жестокой судьбе подвергнуты, и чем мы можем усладить сие горестное течение наше?

Конечно многое бы можно на первый вопрос сказать, взимая доказательства из богословия, но как не сей есть наш предмет, и не то мое звание, чтоб богословские наставления подавать, то я сокращусь на показания нашего сложения и чувствования удовольствий и на рассмотрение: все ли наши несчастья то, что от сложения естества человеческого происходит, и не суть ли мы сами причиной многих из них?

Воистину достойно удивления, что при таковых тягостях, возложенных на нас природою, колико тщилася она умножить наши удовольствия. Если мы рассмотрим, то она составила члены наши так, что мы должны ежедневно необходимо получать оные. Необходимая нужда удовольствовать наш голод, для возобновления силы нашей, и жажду составляет удовольствие. Большая часть его не чувствует для

того, что привыкли ежедневно его иметь, или что уже сие удовольствие, неизощренное нуждой, имеют. Но если бы спросить человека, несколько дней голод или жажду претерпевающего, великих ли он хочет сокровищ и чести, или голод и жажду утолить, хотя бы куском хлеба и чашей воды, — несомненно, что он последнее предпочтет, не токмо в рассуждении сохранения своей жизни, но и в рассуждении ожидаемого им удовольствия. Члены наши так расположены, что воззрение очей наших на приятные вещи производит в нас удовольствие. Слышание приятных звуков услаждает наши чувства, осязание мягких вещей чинит приятное чувствование, обоняние благовоний нас яко ободряет, и гортань чувствует с приятностью вкушаемое. Правда, что и противные, т. е. неприятные чувствования подобным же образом чувства наши поражают. Но редко нам случается видеть чудовищ и страшные воображения, а видение неба со всеми украшениями, зеленеющие луга, испещренные цветами, и густые рощи, украшающие природу, приятные перспективы, краса и приятный вид прекрасных жен нам повседневно встречаются. Редко слышим мы треск грома, шум бурный и другие подобные неприятные или страшные звуки. Всегда обоняние наше или ничего не ощущает, или ощущает благовоние, а редко случается чувствовать ему зловоние, от которого и множество есть способов удалиться. Вкус наш приемлет или приятные вещи, или, по крайней мере, не отвратительные, окроме нужды в предвидении какого блага. Осязание наше редко уязвлено бывает, и хотя не весьма и особенную нам приятность сочиняет, особливо если сие рассмотрим удовольствие, каковое чувствуем во время жару прикасаться к холодному или, когда озябли, согреваться, то не можем сказать, что и сие довольно часто не имеем. А можно за удовольствие и самую нечувствительность почесть. Приложим к сему удовольствие, которое мы имеем в чем упражняться и размышлять, когда мысль и руки наши, можно сказать, почти новые естества рождают, которые исполнением своим полезно занимают наше время и, можно сказать, нечувствительно чинят его течение и веселят нас хорошими успехами. Или когда мысль наша в единое мгновение, быстрее прехождения лучей, проходит в отдаленные страны, сверх естества человеческого в прошедшие века или воздымается где до неподвижных звезд, видит огромные тела под стопами своими, назидает их движение, и приближается к Престолу Вышнего, познавая Его по творениям Его. Не се ли суть естественные удовольствия, которые даны каждому че-

ловеку? Правда, подвергнут он ко многим болезням, но во многих из них можно ли еще самое сложение наше или, лучше сказать, сотворение наше обвинять? Из великой толпы сих зол, устремляющихся на род человеческий, если исключить те, которые от роскоши, сластолюбия и обленчивости нашей происходят, то вдруг сия великая куча болезней наших весьма убавится. Воззрим мы на дикие народы, странствующие по пустыням, подвергнутые к трудам, ко гладу и ко всем немилосердиям перемены воздухов, и сравним телесную их крепость с телесной нашей крепостью, сравним случающиеся с ними болезни с теми, которые претерпевают во градах и обилии живущие народы, то конечно найдем, что сии последние более ими отягчаются. От чего же сие? Конечно ни от чего другого, как от излишней роскоши и спокойствия. Чего же ради нам природу обвинять в болезнях наших, когда прихотями, обленчивостью, мы сами себе их приобретаем!

По прилежному моему рассмотрению о состоянии жизни человеческой я нахожу, что все удовольствия в нас более запечатлеваются, нежели бывшие с нами злоключения. Единый час счастья заменяет нам многое терпение. Можно сему привести в доказательство многие примеры из деяний человеческих. Человек, имея себе в предмет какое благополучие, забывая опасности и могущие быть с ним злоключения, до оного достигает. В пример сему сказать, работник, подвергая себя или хладу зимнему или зною летнему, трудясь до изнурения сил своих, не считает себя несчастным, лишь бы хорошую получить плату, исполняющую его предмет — наконец достаток получить. Купец, нагрузя свои сокровища на корабль, дерзает в бурливые моря, проходит полуденную линию, или стремится в средину льдов, полярных кругов, страждет от худой пищи, от недостатка пресной воды, от жаров, холоду и бурь, где между его жизни и смерти единая токмо доска преграду полагает. В злоключении ли он? Он сего не скажет, лишь бы достичь до своего предмета и обогатиться. Воин, терпя всю военную нужду, подвергая себя к ранам и смерти, на все сие с удовольствием стремится, лишь бы славу, честь и производство получить. Подобно так и во всех почти случаях человек, ради желаемого им благополучия, забывает опасности, труды и несчастья, к которым подвергается, а следственно удовольствие более впечатлевается в его сердце, нежели могущие быть несчастья. Распространимся еще далее. Хотя мы знаем, что некоторые кушанья могут повредить, однако уповаю, что

не найдешь никого, которой бы от всякого такого яства воздержался (для настоящего удовольствия презирая будущее зло). Жена, рождая чад, часто, окроме обыкновенного мучения, претерпевает жестокие припадки, подвергающие к самой опасности жизнь ее, однако, получа здравие, паки в сожитие с супругом вступает. Толь есть справедливо, что чувство удовольствия гораздо более впечатлевается, нежели несчастий и самой болезни; и мы вкушаем с жадностью настоящие удовольствия по надежде: авось либо зла никакого не последует, и сия-то надежда, которая, примешиваясь во все наши деяния, чинит, что мы и в самых злейших своих несчастьях мним видеть луч блестящий [нрзб.], обещающий нам все то, чего мы желаем. Таковое положение и чинит, что, хотя мало есть таких, которые бы совсем предавшись воле Божьей, не сетовали на приключения своей жизни, однако никто почти умирать не желает. Не говорю я о таких, которые боятся смерти в рассуждении суда Божья и несовершенства своей природы, но даже и те, которые или в некоторой онемелости о будущей жизни пребывают, или по слепому мудрствованию и совсем ее отвергают. А посему и ясно есть, колико ни исчисляют злоключения жизни человеческой, конечно в ней есть нечто превосходное всех несчастий и горестей, которое людей любить ее заставляет.

Показав зло, которое во всю его жизнь стремится на человека, и рассмотрев, как помогаем надеждою, еще он более находит удовольствий, нежели несчастий, часто и мысленным счастьем услаждая горестное свое состояние, потщимся днесь, вошед в подробность страстей человеческих, показать, как он может действительно, колико возможно человеку, от всех зол избежать и спокойнейшее себе состояние соделать.

Взирая на человека, на его рождение и младенчество, требующих беспрестанной помощи, на слабость его самому собою защищаться и на невозможность, чтоб мог и самое нужное к своему естествованию без помощи других пробрести, все нам показует, что предмет природы есть, чтобы человек жил в обществе, а самое общество требует от него многих должностей, дабы взаимно и ему за оные воздать.

Взирая на самую природу, на течение Солнца, Луны и звезд, на облака, громы, дожди и ветры, на течение рек, на животных, на их рождение, удобство каждому к пропитанию, на растение дерев, [кустарников?] и трав, на их стебли, цветы, плоды и семена, одним словом на все и малейшее что нас окружает, не можно человеку не во-

счувствовать, что есть высшее Естество, сотворившее все и пекущееся о благе человека и, следственно, требующее некоторых должностей и от него.

И так все должности человеческие происходят от двух начал: от требования его в обществе и от познания и благодаренья Богу. Я сию последнюю положил, во-вторых, не для того, чтоб в нравственном порядке не первой ее считал, но последуя тому порядку, которому слабый рассудок человеческий последует, и конечно прежде человек приметит, что ему есть нужда в помощи окружающих его, нежели по чудесам творения зачнет познавать Бога.

Положив в основание сии ощущаемые каждым из человеков истины, рассмотрим, как исполнением наших должностей, от сего проистекающих, человек может усладить состояние своей жизни.

Во-первых, каждая должность есть обязательство, а каждое обязательство есть тягость, следственно, поелику обязаны мы обществу, и общество обязано нам, от коего ежедневно чувствуем себе благодеяние. Войдем в себя и престанем тужить о тягости нашей для общества, понеже мы со излихвою заплачены от оного. Ибо не можно, чтоб один человек возмог толико соделать для всех, колико все ему пользы соделают. В пример сему взять самое простое наше питание, т. е. хлеб: дабы его приобрести, колико потребно искусств! Потребен для сего изыскопатель минералов; потребен для сего искусства печник для складения плавильных печей; потребен для сего особливого рода ковач, чтоб очистить чугун и привести его в железо; потребен для сего древодел, чтоб сделать деревянные части орудий для пашни; потребен для сего ковач, чтоб соделать железные тех части. А как наипаче таковых потребно ремесленников и для простейшей одежды, прибавив к сему, еще и других, которые самые употребляемые орудия для сего должны соделывать! И так о прочих наших нуждах, о коих, ежели с прилежностью рассмотрим, то найдем, что ни вкусить хлеба, ни одеться, ни жить не можем, чтобы великое число других людей не вспомоществовали нам. Воззрим еще, что житие в обществе сохраняет нас от хищных зверей, от нашествия врагов, или от насилий или хищения развратных людей, что по большей части законы, на коих общество утверждается, чинят нашу безопасность, как в жизни, так и в имениях.

Сии суть блага ежедневные, сии суть такие, которые беспрестанно мы ощущаем. Правда подвергнуты мы к обману от друзей, к злобе и

мрежам завистливых, к огорчению от неблагодарных, коим услуги учинили, к укорению и презрению от вельмож, к несправедливостям судей, к огорчению от развратности детей и к тягостям неспокойной супруги, — но все сие зло есть случайное и не всегда пребывающее, а блага суть повседневные и всегда ощущаемые разумному рассмотрителю.

Но воззрим еще: самые сии злы от свойства ли человека происходят, или страсти наши соделали их, и не сами ли мы по большей части виновны в наших злоключениях? Соделан ли человек, чтоб жить в огромных палатах, которые бы вмещали толико покоев, в коих он иногда и сам долгое время не побывает? Соделан ли человек, чтобы злато, хрусталь, шелк и разные другие вещи великолепный его дом украшали? Соделан ли человек, чтобы, соделывая насилие природе, садить пространные сады, искапывать пруды, проводить воды, соделывать водометы и другие украшения, льстящие его пышность, тогда как сама природа журчащие ручьи, густые рощи и цветущие луга повсюду представляет? Соделан ли человек, чтоб в праздности и бездействии пребывать, оставляя других трудиться, чтоб леность его удовольствовать? Соделан ли человек, чтоб сокрытые из недр земли злато, сребро и дорогие каменья доставать и тем умножать свое великолепие, и самая редкость сих вещей не ясно ли показует, что натура не почла сих нужными ко вседневной нужде человеческой? Соделан ли человек, чтоб в богатые одеяния, часто ему беспокойные, украшаться и истощать все искусство на соделание одежд, часто беспокойных и, по большей части, не защищающих человека от разных безвремений? Соделан ли человек, чтоб истощать все стихии, чтоб искать на краях вселенной, чем прожорство свое удовольствовать, и, яко бы недовольно сего, составить род науки, как разные сии вещи, часто вредные для лучшего вкуса, изготовлять, тогда как в каждой стране земля производит обильно здоровую пищу и сходственную по климату для жителей ее?

Таковые наши безмерные желания и произвели в нас страсти, кои, побуждая желания, нас мучат, ввергают нас в сладострастие, роскошь, влекут к зависти, к несправедливым приобретениям, к распутству, к неблагодарности и прочее. Чинят жизнь нашу беспокойную, лишают сладкого сна человека, умножая мнимые его нужды, умножают его заботы, отнимают здоровье и поспешают смерть. Но кто же тому виновник? Не сам ли человек, который, закрыв очи свои от предписаний

природы, вдавшись страстям, последует их стремлению и чинит себя несчастливым?

Вместо чего прямо благоразумный человек, сокращаясь на естественные нужды, состраивает себе жилище покойное и токмо могущее сохранить его от беспокойств времен. Украшает его токмо тем, что нужно; не садит садов и не делает насилие природе провождением вод, но веселится простыми и никем неподражаемыми красотами природы. Часы его посвящены трудам, и трудам полезным и себе и обществу; они, и по самой привычке занимая его время, не дают печальным мыслям в сердце его проникнуть, они его в уединении утешают, они подкрепляют его тело. Одежда простая, покойная и сходственная с воздухорастворением той страны его покрывает, и не тщится он красоты, данной природой человеку, тщетным искусством украшать. Не отвергает он ни злата, ни серебра, но не употребляет его для своей пышности или сластолюбия, но яко нужные металлы для купли вещей и для благодеяния ближнему. Стол его, представляя простую пищу, не вредит здравию его; и наконец он есть во всем господин своих имений и деяний, а не они господствуют.

Не дальнего он ожидает себе воздаяния, дни его текут спокойно, честолюбию он не причастен, понеже все его желания состоят соделывать сколько может добра, а каждому и дано во исполнение своих должностей добро соделывать. Властолюбия он не знает, ибо уверен, что власть не для чего иного должно желать, как для того, чтобы употребить ее в пользу обществу, что снабженные пышными чинами и могуществом при каждом получении таких отличий более одолжаются быть полезными своим ближним и слугами обществу становятся. Не ищет он пышности, понеже не находит в ней ничего, чтоб его льстило; не желает богатства, ибо по простоте житья своего в нем нужды не находит; не сребролюбив, ибо сребро токмо считает полезным ко учинению благодеяний — и сокровища свои раздавая благоразумно, в сердцах одолженных им оные сохранятся — не хотя сам предаться в рабы им. Не роскошен и не сластолюбив, ибо единое яко источник пороков, а другое яко корень болезней почитает; трудолюбив, часы свои занимает полезными упражнениями, не допускает скуке овладеть его мыслию. Веселит себя своим упражнением и в нем в случающихся неудовольствиях утешение обретает; с весельем хочет каждому ближнему своему помочь, разделяет [огорчения?] их и, забывая самые учиненные им благодеяния, не примечает, если и

не благодарны ему. А наконец, повиновенный во всем воле Божьей и надеющийся на Его милосердие, благодарит за все свои приключения Того, Кого содетелем своего естествования почитает, и во всем полагает твердую надежду на Того, в Коем уверен, яко всесовершенно благ есть. Конечно, сия преданность и упование наиболее может усладить и необходимые несчастья жизни человеческой. От самого часа рождения своего, от сосцов матери своей он чувствует Его благодеяния; творения рук Его показуют Его премудрость, то почему он знает, если случающиеся самые с ним несчастья не суть ли благодеяния Божьи, упреждающие ему другие несчастья. Колико история нам примеров представляет великих людей, падших в жестокие несчастья, которых бы они избежали, если б другими малейшими несчастьями отвращены были от тех случаев, которые соделали падение их! Слабый человек, не имеющий предвидения, пресмыкающийся на земле, престань гордостные твои мысли до Неба возносить! Ты не знаешь, как члены твои движутся, и ты не знаешь, как видишь, как слышишь, как обоняешь и как чувствуешь, а хочешь дерзкий твой взор на будущее простирать! Ты не можешь отвратить ни единого малейшего облака, не можешь себя предохранить, чтобы комар или муха тебя не кусали, а судьбы Превечного дерзаешь установлять! Отстань от сих безумий, покорись создавшему и милующему тебя Творцу, возложи на Него твою надежду и укроти твои страсти, будь доволен на земле и ожидай без ропота твоего конца!

КОММЕНТАРИИ

Разные рассуждения о правлении

Рукопись, написанная на французском языке, хранится в РНБ ОР. Вероятно, она была написана М. М. Щербатовым в 1759 г. после сделанного им перевода с французского языка отрывка из книги Ш. Монтескье «О разуме законов». Публикуется по: *Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1896. Т. 1. Стб. 335–354.

1 Имеется в виду Сулла Луций Корнелий (Sulla Lucius Cornelius) (138–78 до н. э.) — римский военный и политический деятель. В 104–102 гг. участвовал в войне с тевтонами и кимврами; в 93 г. — претор, в 92 г. — пропретор Киликии. В 83 г. разбил армии консулов Норбана, Мария Младшего, Папирия Карбона, что дало ему полную власть над Римом. С 82 г. — диктатор. Жертвами его репрессий (проскрипций) стали свыше 4 тыс. римских граждан. В 79 г. сложил свои полномочия.

2 *Цезарь Гай Юлий* (Caesar Gaius Julius) (102–44 до н. э.) — древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель, автор «Записок о галльской войне», «Записок о гражданской войне» и др. В 73 г. — военный трибун; в 62 г. — претор, затем в течение двух лет — наместник в римской провинции Испании Дальней, в 59 г. — консул. Одержав победу над сторонниками традиционного сенатского республиканского правления во главе с Гнеем Помпеем, Цезарь оказался во главе римского государства. Сосредоточив в своих руках всю полноту власти, он стал фактически монархом. Политика Цезаря вызвала недовольство сторонников республиканского правления. В результате организованного оппозицией заговора, во время заседания Сената Цезарь был убит.

3 *Август Октавиан* (Augustus) (63 до н. э. — 14 н. э.) — основатель и с 27 г. император Римской империи. Завершив в 31 г. гражданские войны, возникшие после смерти Юлия Цезаря, Август в январе 27 г. до н. э. провозгласил восстановление традиционной власти Сената и римского народа. В 28–23 гг. им был создан независимый от магистратур пост «первого человека» (princeps) в государстве.

4 *Альцибиад* (Алкивиад) (Alcibiades) (450–404 до н. э.) — афинский политический деятель и полководец, стратег.

5 Имеется в виду Перикл (Perikles) (ок. 490–429 до н. э.) — древнегреческий политический деятель, стратег (главнокомандующий) Афин в 444–429 гг. до н. э. (кроме 430 г.). Возглавлял афинских демократов, а с 443 г. стал во главе афинского государства.

Записка по крестьянскому вопросу

Работа была написана Щербатовым не ранее 1768 г и явилась ответом на получившую первую премию статью Беарде де Лабея (ее перевод опу-

бликован в Трудах Вольного экономического общества. 1768. Ч. VIII). Этим и объясняются поставленные в конце рукописи инициалы: L'A. de L. R., т. е. L'Abeille de Russie (русская пчела). Публикуется по: *Щербатов М. М.* Неизданные сочинения. М., 1935. С. 3–15.

[6] Вольное экономическое общество (ВЭО), первое в России научно-экономическое общество. Основано в 1765 г. по указу имп. Екатерины II. Его учредителями были А. А. Нартов, Г. Г. Орлов, А. В. Олсуфьев, И. Г. Чернышев, Г. Н. Теплов, а членами — И. И. Лепехин, А. Т. Болотов, Г. Р. Державин, П. И. Рычков, Л. Эйлер и др. В 1766 г. ВЭО провело первый конкурс по вопросу, присланному Екатериной II: «В чем состоит собственность земледельца — в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости и какое он право на то и другое для пользы общенародной иметь может?», на который было прислано около 160 работ.

[7] Имеются в виду ремесленники: каменщики, плотники, штукатуры и т. д.

[8] Десятина — русская поземельная мера. Согласно Межевой инструкции 1753 г. размер казенной десятины был определен в 2400 квадратных саженей (1,0925 га).

[9] Четверик (четверть) — мера объема сыпучих тел, главным образом зерна, круп, муки. Употреблялась в России с конца XV до 2-й половины XVIII в. Равнялась примерно 0,209 $м^3$.

[10] Мякинный хлеб — хлеб, приготовленный из отходов при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков, а также некоторых других культур.

[11] Согласно которому все люди рождаются свободными.

[12] *Петр I Великий* (1672–1725) — русский царь с 1682 г., российский император с 1721 г.

[13] Вилланы (от *лат.* villa — усадьба, поместье) — разные категории феодально-зависимого крестьянства в странах Западной Европы в Средние века. Во Франции, в частности, так назывались крестьяне, лично свободные, но платившие помещику другие повинности (оброк, барщину).

[14] Лен (*нем.* lehn) — земельное владение (или иной источник дохода), пожалованное феодалом-землевладельцем вассалу за военную или административную службу.

[15] Сеньор (от *лат.* senior — старший) — собственник сеньории (вотчины), феодал; обладал правами на феодально-зависимых крестьян.

[16] Освобождение крестьян от их личной зависимости от сеньоров во Франции происходило постепенно на протяжении XII–XIV вв.

[17] Согласно § 94 X главы Соборного Уложения 1649 г. царя Алексея Михайловича, наказание за бесчестие некоторых категорий людей составляло: за посадского человека штраф 7 руб., ямщика — 5 руб., крестьянина дворцового села или черных волостей — 1 руб.

Замечания Щербатова на Большой Наказ Екатерины

Текст примечаний представляет собой рукописную копию «Наказа» Екатерины II с пометами М. М. Щербатова, сделанными им в 1773 г. Публикуется по: *Щербатов М. М.* Неизданные сочинения. М., 1935. С. 16–63.

«Наказ Комиссии Уложения» написан Екатериной II для открывавшейся 30 июля 1767 г. Уложенной комиссии; должен был определить направление разработки нового законодательства. Создание «Наказа» стало результатом изучения императрицей целого ряда современных ей работ философов Просвещения, и прежде всего — знаменитого сочинения Ш. Л. Монтескье «О духе законов». Из 526 статей «Наказа» 245 заимствованы из Монтескье. Кроме того, были использованы труды итальянца Ч. Беккариа, голландца Э. Люзака и др.

[18] *Монтескье* Шарль Луи де Секонда (Charles-Louis de Secondat, baron de La Brède et de Montesquieu) (1689–1755) — французский философ, просветитель, правовед и писатель. Щербатов имеет в виду одну из известнейших его работ — «L'esprit des lois» («Дух законов»), опубликованную в 1748 г. Переводит ее как «О разуме законов».

[19] Церковный раскол, в результате которого от Русской православной церкви отделилась часть верующих, не признавших церковных реформ патриарха Никона, проводимых в 1653–1656 гг., и порвавших с официальной церковью (получили название старообрядцы).

[20] Опричник — служилый дворянин, воин, состоявший в войсках опричнины (особого двора с особой территорией, войском, финансами и управлением) в царствование Ивана IV Грозного.

[21] *Иван IV Васильевич Грозный* (1530–1584) — великий князь московский и всея Руси (с 1533), первый русский царь (с 1547).

[22] Попытки реорганизации русской армии стали предприниматься после окончания русско-польской (1654–1657) и русско-шведской (1656–1658) войн царем Алексеем Михайловичем.

[23] Ровоам — иудейский царь, сын царя Соломона; отказавшись понизить высокие налоги, установленные его отцом, навлек на себя недовольство подданных, вылившееся в восстание, что ускорило разделение царства на Иудейское и Израильское.

[24] *Руссо* (Rousseau Jean-Jacques) Жан-Жак (1712–1778) — французский философ-просветитель, писатель; автор «Рассуждения о начале и основании неравенства между людьми» (1755), «Об общественном договоре» (1762), «Эмиль, или О воспитании» (1762) и др.

[25] Генеральный регламент 1720 г. — один из важнейших законодательных актов Петра I, определивший принципы работы всех государственных учреждений в России.

[26] *Долгоруков* Яков Федорович (1639–1720) — князь, государственный деятель, дипломат, боярин (1696), генерал-пленипотенциар (1711); в 1689–1697 гг. возглавлял Московский Судный приказ, в 1700 г. — Иноземный приказ, в 1717–1720 гг. — Ревизион-коллегию. По свидетельствам современников, отличался резкостью и независимостью суждений, дерзил самому Петру, требуя отменить тот или иной указ, был строгим и неподкупным чиновником.

[27] «Обряд управления Комиссии о сочинении проекта Нового уложения» — документ, регулирующий организационные и процедурные вопросы работы Уложенной комиссии. Опубликован Екатериной II вместе с «Наказом» в 1767 г.

[28] Братья Сергей и Михаил Пушкины в октябре 1772 г. по обвинению в изготовлении фальшивых ассигнаций были приговорены к смертной казни, замененной Екатериной II ссылками: в Пустозерск (потом на Соловки) для Сергея и в Тобольск — для Михаила; впредь их было приказано именовать только «бывшими Пушкиными».

[29] Имеется в виду наиболее значимая работа французского философа эпохи Просвещения Поля-Анри Гольбаха (1723–1789) «Система природы, или О законах мира физического и мира духовного» («Système de la nature ou Des loix du monde physique et du monde moral»), написанная им в 1770 г.

[30] *Ликург* (Lykurgos) — спартанский государственный деятель, законодатель, оратор.

[31] *Карл I* (Charles I) (1600–1649) — английский король с 1625 г., из династии Стюартов; казнен в ходе революции.

[32] *Генрих IV* (Henri IV) (1553–1610) — король Наварры с 1562 г. и Франции с 1589 г. Основатель династии Бурбонов на французском троне.

[33] *Татищев* Алексей Данилович (1697–1760) — государственный деятель, генерал-аншеф (1757); в 1715–1718 гг. служил в лейб-гвардии Семеновском полку; в 1718–1725 гг. — денщик царя Петра I, участвовал в Северной войне 1700–1721 гг.; с 1725 г. — гоф-юнкер, затем камер-юнкер при дворе Екатерины I, в 1745–1760 гг. — генерал-полицеймейстер С.-Петербурга.

[34] Согласно изданной 24 января 1722 г. Петром I Табели о рангах, определявшей порядок прохождения службы чиновниками, представители низших сословных групп могли, дослужившись до офицерского чина, получить личное (с 14-го класса) и потомственное (с 8-го класса) дворянство.

[35] Дабы стимулировать развитие производства, Петр I своим указом 1721 г. разрешил владельцам заводов и фабрик (как дворянам, так и купцам) покупку к ним деревень.

[36] Имеется в виду итальянский писатель Чезаре Беккариа (Cesare Beccaria) (1738–1794) и его самая известная работа «О преступлениях и наказани-

ях» («Dei delitti e delle pene». 1764). Подробнее о взглядах М. М. Щербатова по этому вопросу см. его трактат «Размышления о смертной казни».

[37] *Елизавета Петровна* (1709–1761) — российская императрица с 1741 г., дочь императора Петра I. Взойдя на престол в результате переворота 25 ноября 1741 г., она, согласно некоторым источникам, дала слово не подписывать смертных приговоров. Несмотря на то что соответствующий законодательный акт так и не был оформлен, императрица сдержала свое слово, и за время ее царствования осужденных на смерть ссылали на каторгу. Спустя более десяти лет после переворота ею были подписаны два указа (от 18 июня 1753 г. и от 30 сентября 1754 г.), в которых оговаривались допустимые меры наказания. Это произвело сильное впечатление на современников, ибо такого в истории страны еще не было.

[38] Кормчие книги — сборники церковных канонов, заключавшие в себе правила апостольские, вселенских и поместных соборов, законодательство византийских императоров, календарные и хронологические статьи. В их основу положены составленные в Византии редакции собраний канонов — Номоканон Иоанна Схоластика, Сборник 14 титулов и др.

[39] *Феодосий I Великий* Флавий (Flavius Theodosius) (ок. 346–395) — римский император с 379 г.; им было окончательно утверждено христианство в качестве господствующей религии.

[40] Первый Воспитательный дом по проекту И. И. Бецкого был основан в Москве в сентябре 1763 г. (функционировал с 1764 г.). В 1770 г. Воспитательный дом был открыт в С.-Петербурге. Согласно «Генеральному плану» этих учреждений, его воспитанники (незаконнорожденные подкидыши, сироты «подлого» происхождения и т. д.) при выпуске получали личную свободу и должны были стать частью формирующегося третьего сословия.

[41] *Юм* Давид (Hume David) (1711–1776) — английский философ, историк, экономист и публицист; автор сочинений «Трактат о человеческой природе» («A Treatise of Human Nature», 1739–1740), «Моральные и политические эссе» (Three Essays, Moral and Political, 1748), «Политические беседы» (Political Discourses, 1752) и др.

Проект о народном изучении

Работа написана в 1773 г. Публикуется по: *Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1896. Т. 1. Стб. 727–748.

[42] В 1764 г. Тобольская семинария получила полный набор классов. В 1770 г. была основана Саратовская духовная семинария. Позже были открыты семинарии в Астрахани и Севске (1778), Полтаве, Иркутске, Тамбове и Олонецке (1779).

[43] В статье 356 «Наказа» Екатерины II говорится: «Должно вселять в юношество страх Божий, утверждать сердце их в похвальных склонностях и приучать их к основательным и приличествующим состоянию их правилам; возбуждать в них охоту ко трудолюбию, и чтоб они страшилися праздности, как источника всякого зла и заблуждения; научать пристойному в делах их и разговорах поведению, учтивости, благопристойности, соболезнованию о бедных, несчастливых, и отвращению ото всяких предерзостей; обучать их домостроительству во всех оного подробностях, и сколько в оном есть полезного; отвращать их от мотовства; особливо же вкоренять в них собственную склонность к опрятности и чистоте, как на самих себе, так и на принадлежащих к ним; одним словом, всем тем добродетелям и качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию, которыми во свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными общества членами, и служить оному украшением».

[44] Манифестом Екатерины II от 19 сентября 1765 г. объявлено о начале Генерального межевания. Одновременно были изданы «Генеральные правила», на основании которых в начале 1766 г. Межевой комиссией были разработаны Инструкции землемерам, межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам, согласно которым те должны были осуществлять межевание.

[45] Руга — церковная земля.

[46] К началу 1770-х гг. в России существовало два Кадетских корпуса: Артиллерийский и Инженерный шляхетный кадетский корпус (преобразован в 1762 г. из Артиллерийской и Инженерной дворянской школы), а также Императорский Сухопутный шляхетный кадетский корпус (преобразован в 1766 г. из Сухопутного Кадетского корпуса).

[47] Академия художеств, учрежденная Елизаветой Петровной в 1757 г. по проекту И. И. Шувалова, в 1764 г. была преобразована Екатериной II в Императорскую Академию художеств. Согласно новому Уставу, Академия получала самостоятельное управление (собрание профессоров), а также при ней было открыто Воспитательное училище, в котором обучались дети всех сословий.

Письма М. М. Щербатова к сыну Дмитрию

Публикуются впервые по архивным источникам: РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 517.

[48] РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 517. Л. 12–13. Автограф. Письмо написано на франц. яз.

[49] *Брайко* Григорий Леонтьевич (нач. 1740-х — 1793) — государственный деятель, дипломат, издатель; после учебы в Гёттингенском и Кильском университетах он в 1773 г. был рекомендован в качестве переводчика

с латинского и польского языков М. М. Щербатову, разбиравшему в то время архив Петра I. С 1778 г. на службе в Коллегии иностранных дел. В 1778–1781 гг. совместно с Я. Б. Княжниным издавал журнал «Санктпетербургские ведомости». В январе 1783 г. назначен советником российского посольства в Венеции. С 1789 г. и до конца жизни являлся советником русской миссии при венском дворе.

[50] *Вернер* — ординарный профессор красноречия Кёнигсбергского университета.

[51] Частным образом (*лат.*)

[52] Окончание письма отсутствует.

[53] РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 517. Л. 33–34. Автограф. Письмо написано на франц. яз.

[54] *Де Л'Иль* (de L'Isle) — аббат, француз, около десяти лет (с сер. 1760-х по сер. 1770-х гг.) являлся учителем французского языка у детей М. М. Щербатова и жил в их доме.

[55] *Фемистокл* (Themistokles) (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец периода Греко-персидских войн 500–449 гг. до н. э.; основал афинский флот, 20 сентября 480 г. до н. э. одержал победу при Саламине над персами. В 471 г. до н. э. подвергся остракизму (изгнание из города по постановлению народного собрания). Позднее Фемистокл был обвинен в дружбе с персами, в тайной связи со спартанским полководцем Павсанием и осужден по общему решению греческих государств. После долгих скитаний бежал ко двору персидского царя Артаксеркса I, от которого получил владения в Малой Азии, где и окончил свои дни.

[56] *Леонид* (Leonídas) (508–480 до н. э.) — спартанский царь с 488 г. до н. э. В период греко-персидских войн 500–449 гг. до н. э. возглавлял объединенное войско греческих полисов против персидского царя Артаксеркса. В 480 г. до н. э. возглавил оборону Фермопил. К моменту последнего сражения у него оставалось около 5 тысяч воинов. Считая дальнейшую оборону бессмысленной и пытаясь спасти бóльшую часть отряда, Леонид приказал им отступить на соединение с главными эллинскими силами, оставшись с 2-тысячным войском. В бою не уцелел никто из греков. В античной традиции имя Леонида — символ патриотизма и воинской доблести.

[57] *Сократ* (Sokrates) (470/469 — 399 до н. э.) — древнегреческий философ. Учил обыкновенно на улицах и площадях и, начиная беседу с ничтожных вопросов, стремился к такому общему определению, которое охватывало бы все частные случаи и раскрывало бы сущность понятия. Беседа его касалась вопросов о сущности общих понятий: добра, красоты, любви, бессмертия души, достоверности знания и пр. Прямота его суждений и обличение своих современников создали ему много врагов, которые обвинили его в развращении юношества и в отрицании госу-

дарственной религии. Приговоренный к смерти, Сократ выпил чашу с ядом, отказавшись от предлагавшегося ему друзьями бегства.

58 *Деций* Гай Мессий Квинт Траян (Decius Gaius Messius Quintus Traianus) (ок. 200–251) — римский император с 249 г. Во время очередной войны Римской империи с готами в решающем сражении 30-тысячное римское войско было разгромлено, а возглавлявший его Деций погиб вместе со своим сыном.

59 Маны (Manes) — в римской мифологии боги загробного мира, обожествленные души предков.

60 *Регул* Марк Атилий (Regulus Marcus Atilius) (? — ок. 248 до н. э.) — римский полководец и политический деятель. Будучи в 267 г. консулом, завоевал г. Брундизий. В период 1-й Пунической войны, в 256 г. до н. э., во время своего второго консульства одержал победу над карфагенянами при мысе Экном и возглавил военные действия римлян в Африке. Им была одержана победа около Клупеи, но весной 255 г. до н. э. при Тунесе (около Карфагена) армия Регула была разбита карфагенянами. Умер в плену.

61 Фабии (Fabii) — древнеримский патрицианский род. Во время сражения против этрусков при Вейях в 477 г. до н. э. погибло 306 членов этого рода.

62 *Пожарский* Дмитрий Михайлович (1578–1642) — князь, один из руководителей 2-го ополчения против польских интервентов. В 1610 г. назначен воеводой в Зарайск, где возглавил отпор войскам Лжедмитрия II. В начале 1611 г. участвовал в организации 1-го ополчения П. П. Ляпунова. В конце февраля 1612 г. во главе ополчения выступил из Ярославля. 21–24 августа произошло сражение кн. Пожарского с польско-литовским войском, предрешившее судьбу поляков, которые капитулировали 26 октября 1612 г.

63 *Шуйский* Василий Иванович (1552–1612) — князь, боярин с 1584 г., русский царь в 1606–1610 гг. В мае 1606 г. возглавил заговор против Лжедмитрия I, в результате которого самозванец был убит.

64 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 517. Л. 174–174 об. Автограф. Письмо написано на франц. яз.

65 Имеется в виду Фридрих Вильгельм I (1688–1740), король Пруссии с 1713 г.

66 *Фридрих II Великий* (1712–1786) — король Пруссии с 1740 г.

67 В 1775 г. Дмитрий Михайлович Щербатов был произведен в сержанты лейб-гвардии Измайловского полка.

68 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 517. Л. 40–41 об. Письмо написано канцелярским почерком на рус. яз.

69 Видимо, имеется в виду двоюродный племянник Д. М. Щербатова, внук сестры М. М. Щербатова Евдокии Михайловны Голицыной (урожд. Щербатовой) — Н. В. Голицын (1762–1835).

70 Получив в 1778 г. должность президента Камер-коллегии, М. М. Щербатов с семьей переехал из С.-Петербурга в Москву. В данном случае речь идет о петербургском доме Щербатова, в котором он жил до 1778 г. Щербатов предполагал сдать его английскому дипломату, чрезвычайному посланнику и полномочному министру Великобритании в России в 1777–1783 гг. сэру Гаррису Джеймсу Говарду лорду Мальмесбери (1746–1820).

71 Написано рукой М. М. Щербатова.

Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого

Работа написана не ранее 1782 г. Публикуется по: *Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1898. Т. 2. Стб. 23–50.

72 *Тит* Флавий Веспасиан (Titus Flavius Vespasianus) (39–81) — римский император с 79 г. из династии Флавиев.

73 *Траян* Марк Ульпий (Traianus Marcus Ulpius) (53–117) — римский император с 98 г. из династии Антонинов.

74 *Марк Аврелий* Антонин (Markus Aurelius Antoninus) (121–180) — римский консул (с 140), римский император (с 161); из династии Антонинов.

75 *Александр Македонский* (Александр III Великий) (356–323 гг. до н. э.) — царь Македонии с 336 г., сын царя Филиппа II, прославленный полководец античности.

76 *Филипп II* (382–336 до н. э.) — царь Македонии с 359 г.; в 359–336 гг. им были завоеваны Пеония, Фессалия, Халкидика и др., в результате чего Греция была объединена в одно государство.

77 Во время празднований, посвященных коронации Елизаветы Петровны, 20 мая 1742 г. Я. Я. Штелиным была поставлена опера И.-А. Гассе «La Clemenza di Tito» («Милосердие Титово»).

78 *Калигула* Гай Юлий (Caligula Gaius Julius) (12–41) — римский император с 37 г. из династии Юлиев-Клавдиев; стремление к неограниченной власти, чрезмерная трата казенных средств вызывали недовольство сенаторов, и в результате заговора Калигула был убит военным трибуном Кассием Хереей.

79 *Домициан* Тит Флавий (Domitianus Titus Flavius) (51–96) — римский император с 81 г., последний из династии Флавиев

80 Республика Соединенных провинций (Голландская республика) — название государства Нидерланды в XVII в. — 1795 г. В ее состав входили провинции Голландия, Зеландия, Фрисландия, Гелдерн, Утрехт, Гронинген и Оверэйсел.

81 *Людовик XIV* (1638–1715) — король Франции с 1643 г., из династии Бурбонов.

82 *Нерон* Клавдий (Nero Claudius) (37–68) — римский император с 54 г. из династии Юлиев-Клавдиев.

83 Гомер (Ομηρος), легендарный древнегреческий поэт, считающийся автором «Илиады» и «Одиссеи».

84 Здесь в смысле *зрелище*.

85 В 1782 г. в С.-Петербурге на Сенатской площади был открыт первый светский памятник в России — «Медный всадник» скульптора Э. М. Фальконе.

86 Клио — муза истории в древнегреческой мифологии.

87 Стрелецкое (Московское) восстание 1682 г. («Хованщина» — по имени начальника Стрелецкого приказа И. А. Хованского) было поддержано сторонниками бояр Милославских (родственниками первой жены царя Алексея Михайловича Марии Ильиничны). В ходе восстания были убиты И. К. Нарышкин, брат второй жены Алексея Михайловича и матери Петра I Натальи Кирилловны, а также их сторонники: боярин А. С. Матвеев, И. М. Языков, Г. Г. Ромодановский и др.

88 Неудавшийся переворот, предпринятый царевной Софьей Алексеевной в 1689 г., закончился отстранением ее от власти и заключением в Новодевичий монастырь; ее сторонники были казнены или сосланы.

89 *Софья Алексеевна* (1657–1704) — правительница России в 1682–1689 гг., дочь царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской, сестра царя Петра I.

90 *Алексей Михайлович* (1629–1676) — русский царь с 1645 г., отец Петра I.

91 *Толстой* Петр Андреевич (1645–1729) — государственный деятель, дипломат, граф (1724); во время московского восстания 1682 г. выступил на стороне Милославских против Петра I, но после падения царевны Софьи в 1689 г. присоединился к Петру. В 1696 г. участвовал во 2-м Азовском походе, затем в 1697–1698 гг. изучал в Италии морское дело. В 1702–1714 гг. — посол в Османской империи. Сенатор (1714). В 1718 г. возглавил следствие по делу царевича Алексея Петровича, стал одним из ближайших доверенных лиц царя Петра I. В 1718–1726 гг. управлял Тайной канцелярией. Содействовал восшествию на престол императрицы Екатерины I в 1725 г. Член Верховного тайного совета (1726). В результате разногласий с А. Д. Меншиковым в апреле 1727 г. был арестован и сослан в Соловецкий монастырь. Его старший брат Толстой Иван Андреевич (1642–1713) — действительный тайный советник, в 1708–1710 г. губернатор Азовской губ.

92 *Голицын* Василий Васильевич (1643–1714) — князь, государственный и военный деятель, боярин (1676–1689); в 1682–1689 гг. возглавлял Посольский Иноземный, Рейтарский и Пушкарский приказы, командовал войсками во время Крымских походов 1687 и 1689 гг. Был сторонником царевны Софьи Алексеевны, противостоял Петру I и Нарышкиным. После свержения царевны в 1689 г. отправлен в ссылку.

93 *Хованский* Иван Андреевич (?–1682) — князь, боярин (1659), государственный и военный деятель. В 1650–1670-х гг. служил воеводой в Туле,

Вязьме, Могилеве, Пскове, Новгороде. Во время стрелецкого восстания 1682 г. возглавлял Стрелецкий приказ.

94 *Алексей Петрович* (1690–1718) — царевич, старший сын царя Петра I и его первой жены Е. Ф. Лопухиной. По обвинению в государственной измене приговорен Верховным судом к смертной казни.

95 *Брут* Марк Юний (Brutus Marcus Junius) (85–42 до н. э.) — римский государственный деятель. Наместник в Цизальпинской Галлии (46), претор в Риме (44). Возглавил заговор против Цезаря. По преданию, именно он одним из первых нанес Цезарю удар кинжалом.

96 *Шереметев* Борис Петрович (1652–1719), граф (1706) — государственный и военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал (1701). Тамбовский воевода (1681). Участвовал в переговорах и заключении «Вечного мира» с Речью Посполитой в 1686 г. После 1689 г. стал одним из ближайших людей Петра I. Во время Азовских походов 1695–1696 гг. командовал войсками на Днепре. В 1697–1699 гг. выполнял дипломатические поручения в Речи Посполитой, Австрии, на о. Мальта. Во время Северной войны 1700–1721 гг., командуя войсками в Лифляндии, одержал победы при Эрестфере (1701), Гуммельсгофе (1702), овладел Копорьем (1703) и Дерптом (1704). Участвовал также в Полтавской битве 1709 г. и Прутском походе 1711 г.

97 *Голицын* Михаил Михайлович (Старший) (1675–1730) — князь, государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1725). Участвовал в Азовских походах 1695–1696 гг. и в подавлении Стрелецкого восстания 1698 г. В ходе Северной войны 1700–1721 гг. во время штурма Нотебурга в 1702 г., получив приказ Петра I об отступлении, отказался его исполнить, сказав: «Я теперь принадлежу одному Богу», и вместе с отрядом А. Д. Меншикова захватил крепость, переименованную затем в Шлиссельбург. Участвовал в Полтавском сражении 1709 г., осаде Выборга 1710 г., Прутском походе 1711 г. и др. В 1730 г. сенатор и президент Военной коллегии.

98 *Голицын* Дмитрий Михайлович (1665–1737) — князь, государственный деятель, действительный тайный советник (1725). Киевский воевода в 1707–1711 гг., затем до 1718 г. губернатор, член Верховного суда над царевичем Алексеем Петровичем, подписал приговор. Сенатор с 1718 г. Президент Камер-коллегии в 1718–1722 гг. Член Верховного тайного совета с 1726 г. После смерти Петра II предложил возвести на престол герцогиню Курляндскую Анну Ивановну. Участвовал в составлении «Кондиций».

99 Согласно греческому мифу, Геракл за убийство сына царя Еврита Ифита, по приказанию оракула, должен был три года прослужить лидийской царице Омфале, которая заставила его прясть шерсть в женском одеянии.

100 *Помпей* Гней Великий (Magnus Gnaeus Pompeius) (106–48 до н. э.) — римский полководец и политический деятель.

[101] *Антоний* Марк (Antonius Marcus) (ок. 83–30 до н. э.) — римский политический деятель и полководец.

[102] *Карл XII* (1682–1718) — король Швеции с 1697 г.

[103] *Екатерина I* Алексеевна (до крещения в православие в 1703 — Марта Скавронская) (1684–1727) — российская императрица с 1724 г., на престоле с 1725 г. Вторая супруга царя Петра I (обвенчана с ним в 1712 г.). После взятия русской армией в 1702 г. города Мариенбурга была продана пленившим ее солдатом офицеру, а тот подарил пленницу фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, от которого она перешла к А. Д. Меншикову, и уже от него в 1703 г. ее забрал Петр I.

[104] Во время неудачного Прутского похода 1711 г. русская армия была окружена турецкими войсками. Из-за отсутствия боеприпасов и продовольствия осажденные оказались в отчаянном положении, выйти из которого помогла Екатерина Алексеевна. Она передала для подкупа турецкому визирю свои драгоценности, после чего турки заключили мир. Отдавая дань этому поступку, позднее Петр I учредил орден Святой Екатерины, в честь небесной покровительницы своей супруги. Первой награжденной в 1714 г. стала сама Екатерина.

[105] Старшая дочь Анна Петровна (1708–1728), с 1725 г. замужем за гольштейн-готторпским герцогом Карлом Фридрихом. Мать будущего императора Петра III. Младшая дочь Елизавета Петровна (1709–1761), российская императрица с 1741 г. Обе дочери были рождены до официального брака Екатерины Алексеевны и царя Петра I, что давало повод считать их незаконнорожденными и не имеющими права на престол. Однако во время церемонии венчания родителей в 1712 г. они, держась за подол своей матери, вместе шли вокруг аналоя и таким образом, согласно церковным канонам, были признаны законными («привенчанными») детьми. Между тем, факт рождения до брака стал причиной отказа в 1725 г. французского короля Людовика XV жениться на царевне Елизавете Петровне.

[106] Антропоморфиты — приверженцы теории, согласно которой Бог имеет человеческий образ: «образ Божий есть тело человеческое».

Примерное времяисчислительное положение, во сколько бы лет, при благополучнейших обстоятельствах, могла Россия сама собою, без самовластия ПЕТРА ВЕЛИКОГО, дойти до того состояния, в котором она ныне есть в рассуждении просвещения и славы

Работа написана в 1783–1784 гг. Публикуется по: *Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1898. Т. 2. Стб. 13–22.

[107] Немецкая слобода, место поселения иностранцев в Москве. Находилась в северо-восточной части города, на правом берегу р. Яузы, близ ручья Кукуй (отсюда другое название — слобода Кукуй). Возникла в середи-

не XVI в., в результате поселения на этом месте пленных и выходцев из Западной Европы, называемых «немцами». К концу XVII в. там селились иностранные офицеры, служившие в русской армии, среди которых были будущие сподвижники Петра I П. Гордон и Ф. Я. Лефорт. Царь очень часто бывал в слободе.

108 *Никон* (в миру Никита Минин, Минов) (1605–1681) — патриарх Московский и Всея Руси в 1652–1666 гг. Был близок к царю Алексею Михайловичу. В 1654 г. по инициативе Никона был созван Поместный собор, принявший решение об исправлении богослужебных книг по древнегреческим и древнеславянским рукописям. На созванных им церковных соборах в 1656 г. было узаконено троеперстие как крестное знамение. В конце 1650-х гг. произошло охлаждение в отношениях между патриархом и царем, и в июле 1658 г. Никон, оставив патриаршество, уехал в основанный им Новоиерусалимский Воскресенский монастырь. Церковный собор 1666–1667 гг., подтвердив проведенные Никоном реформы, снял с него сан патриарха. Обряд низложения совершился 12 декабря 1666 г. в Чудовом монастыре Московского Кремля, а 13 декабря бывший патриарх под конвоем был отправлен в ссылку в Ферапонтов монастырь.

109 См. комм. 90.

110 Местничество — система иерархии в Русском государстве в XV–XVII вв. Название произошло от обычая считаться «местами» на службе и за государевым столом. Ликвидировано решением Земского собора 1682 г.

111 *Трубецкой* Иван Юрьевич (1667–1750) — князь, генерал-фельдмаршал (1728); одним из первых записан в лейб-гвардии Преображенский полк и к 1693 г. был капитаном, а на следующий год — подполковником. Во время сражения под Нарвой в 1700 г. взят в плен шведами. В 1718 г. он вместе с генералом А. М. Головиным был обменен на пленного шведского фельдмаршала Карла-Густава Реншильда и возвратился в Россию. Член Военной коллегии с 1722 г. Сенатор с 1730 г.; главноначальствующий в Москве в 1739 г.

112 Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. — кодекс законов Русского государства, принятый Земским собором 1648–1649 гг. Состояло из 25 глав и 967 статей.

113 Славяно-греко-латинская академия — первое высшее учебное заведение в России. Основано в 1687 г. в Москве под названием Славяно-греко-латинского училища, или Эллино-греческой академии. Находилась в Заиконоспасском монастыре. Инициаторами создания академии были Симеон Полоцкий и его ученик Сильвестр Медведев. В 1682 г. царь Федор Алексеевич утвердил написанную Полоцким «Академическую привилею», или Учредительную грамоту, — сочинение, в котором выдвигалась идея создания академии. Согласно документу, целью академии являлась подготовка образованных людей для государственного и церковного аппарата. В ней преподавались славянский, греческий и латинский языки,

богословие, философия, грамматика, пиитика, риторика, психология, физика и др. Значение академии упало после открытия в 1755 г. Московского университета. В 1814 г. Славяно-греко-латинская академия была преобразована в Московскую духовную академию и переведена в Свято-Троицкую Сергиеву лавру.

114 *Аристотель* (Aristotéles) (384–322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый.

115 *Борис Годунов* (ок. 1552–1605) — русский царь с 1598 г.; брат жены царя Федора Ивановича.

116 См. комм. 102.

117 Здесь ошибка. Королем Пруссии в 1713–1740 гг. был Фридрих Вильгельм I.

О пользе науки

Работа написана ок. 1783 г. Публикуется по: *Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1898. Т. 2. Стб. 603–618.

118 Сабеизм — поклонение небесным светилам.

119 *Фалес* (Thales) (ок. 625–547 до н. э.) — древнегреческий философ, родоначальник античной и европейской философии и науки, основатель Милетской школы. Происходил из Милета (Малая Азия). Причиной возникновения всего многообразия явлений и вещей считал «влажную природу», т. е. воду: все возникает из воды и в нее превращается.

120 *Гераклит Эфесский* (Herákleitos Ephesios) (ок. 544/540 до н. э. — ?) — древнегреческий философ. Первоначалом всего сущего считал огонь.

121 *Анаксимен* (Anaximenes) (585–525 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Анаксимандра, представитель Милетской школы. Считал, что первооснова мира — «беспредельный» воздух.

122 *Анаксимандр* (Anaximandros) (610–540 до н. э.) — древнегреческий философ, астроном, представитель Милетской школы, ученик и последователь Фалеса.

123 *Эпикур* (Epíkuros) (342 или 341–271 или 270 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель философской школы «Сад». Считал истинной природой человека способность к ощущениям, а не разум, как стоики, поэтому смысл и конечную цель человеческой жизни видел в достижении удовольствий, под которым понимал отсутствие страдания.

124 *Спиноза* (Spinoza, d'Espinosa) Бенедикт (1632–1677) — нидерландский философ.

125 *Декарт* (Descartes) Рене (1596–1650) — французский философ и математик.

126 *Пифагор* (Pythagóros) Самосский (ок. 570 — ок. 500 до н. э.) — древнегреческий философ, математик, основатель пифагореизма, ученик Анаксимандра.

127 *Бэкон* (Bacon) Роджер (ок. 1214–1292) — английский философ и естествоиспытатель; профессор Оксфорда.

128 *Ньютон* (Newton) Исаак (1643–1727) — английский физик и математик, создавший теоретические основы механики и астрономии, открывший закон всемирного тяготения, разработавший наряду с Г. Лейбницем дифференциальное и интегральное исчисления, изобретатель зеркального телескопа и др.

129 *Галилей* (Galilei) Галилео (1564–1642) — итальянский физик, механик и астроном, один из основателей естествознания, поэт, филолог и критик.

130 *Торичелли* (Toricelli) Еванджелиста (1608–1647) — итальянский математик и физик, ученик Галилея. Открыл атмосферное давление, изобрел ртутный барометр и более совершенный микроскоп.

131 *Кеплер* (Kepler) Иоганн (1571–1630) — немецкий астроном, открывший законы движения планет.

132 *Гюйгенс* (Huygens) Христиан (1629–1695) — нидерландский механик, астроном, физик и математик, создатель волновой теории света; в 1655 г. открыл спутник планеты Сатурн — Титан, определил период его обращения. В 1657 г. изобрел первые маятниковые часы, снабженные спусковым механизмом, и др.

133 *Мариотт* (Mariotte) Эдм (1620–1684) — французский физик; описал многочисленные опыты о течении жидкостей по трубам и действие фонтанов.

134 *Бойль* (Boyle) Роберт (1627–1691) — английский химик и физик; в 1662 г. установил зависимость объема одной и той же массы воздуха от давления при неизменной температуре. Открыл закон идеальных газов (закон Бойля–Мариотта), согласно которому для данной массы данного газа при постоянной температуре произведение давления на объем есть величина постоянная.

135 *Архимед* (Archimedes) (около 287–212 до н. э.) — древнегреческий ученый, математик и механик.

136 Муфасаил — в Ветхом Завете отец Ламеха, дед Ноя и потомок Сифа. По преданию, он прожил дольше всех когда-либо живших людей, достигнув возраста 969 лет.

137 *Фемистокл* (Themistokles) (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец периода Греко-персидских войн 500–449 гг.

138 *Аристид* (Aristéides) (ок. 540 — ок. 467 до н. э.) — политический и военный деятель Афин периода Греко-персидских войн 500–449 гг.

139 *Декий Траян* (249–252), римский император.

140 *Фабий Максим Кунктатор* (Fabius Maximus Cunctator) (275–203 до н. э.) — древнеримский полководец и государственный деятель.

141 *Цицерон* Марк Туллий (Cicero Marcus Tullius) (106–43 до н. э.) — древнеримский политический деятель, оратор, писатель.

[142] *Катон* Марк Порций (Cato Marcus Porcius) (234–149 до н. э.) — римский государственный деятель, писатель, основоположник римской литературной прозы.

[143] *Дионисий II* (Dionys) — тиран в Сиракузах в 367–357 и в 346–344 гг. до н. э.

[144] *Эпаминонд* (Epameinóndas) (ок. 418–362 до н. э.) — древнегреческий полководец и политический деятель.

[145] *Дюгамель* Жан Батист (Duhamel Jean-Baptiste) (1624–1706) — французский астроном и физик.

Размышление о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений

Дата написания неизвестна. Публикуется по: ЧОИДР. 1861. Кн. 3. С. 98–134.

[146] В начале августа 1768 г. на заседаниях Большого собрания Уложенной комиссии обсуждался «Проект правам благородных», подготовленный Частной комиссией о государственных родах жителей. Особо бурные дискуссии проходили по 13-й главе, в которой говорилось о том, что «благородные могут, ежели пожелают, право владения крепостных своих деревень переменить на право деревень свободных, но свободных деревень паки на право крепостных переменить уже не можно». При обсуждении статьи дискуссия завязалась между дворянским депутатом Г. С. Коробьиным и князем М. М. Щербатовым. Коробьин обращал внимание на то, что решается вопрос о самой возможности предоставления свободы деревни, но «ежели усмотрится, что свободность деревни вредна, то оная конечно не освободится». Щербатов же говорил о том, что невозможно давать свободу столь непросвещенным крестьянам, которые не в состоянии будут прокормить себя и свои семьи, не смогут развивать сельское хозяйство — наиважнейшую отрасль экономики, земледелие придет в упадок, а государство будет терпеть от этого убытки.

[147] См. комм. 6.

[148] *Пугачев* Емельян Иванович (ок. 1740–1775) — предводитель крупнейшего в XVIII в. казацкого и крестьянского восстания 1773–1775 гг.

[149] В связи с распространением прав российского дворянства на малороссийских крестьян в 1783–1785 гг. им был запрещен переход от одного помещика к другому.

[150] Т. е. живыми, активными.

[151] *Ярослав Владимирович Мудрый* (ок. 978–1054) — великий князь киевский с 1019 г. Им была составлена «Правда Ярослава Мудрого», ставшая составной частью «Русской правды» — свода древнерусского права.

[152] *Изяслав* (в крещении Дмитрий) Ярославич (1024–1078) — великий русский князь, сын Ярослава Мудрого, принимал участие в составлении «Правды Ярославичей», вошедшей в состав «Русской правды».

[153] Судебник Ивана Грозного утвержден на Земском соборе в 1550 г.

[154] *Вистон* Вильям (Whinston William) (1667–1752) — английский ученый и богослов.

[155] *Батый* (ок. 1207–1256) — монгольский хан; фактический основатель Золотой орды. Из династии Джучидов.

[156] В Судебнике 1497 г., созданном во время княжения Ивана III Васильевича, были регламентированы правила перехода крестьян от одного помещика к другому в течение недели до и после осеннего Юрьева дня. Отменено это правило было в 1581 г.

[157] Сошное письмо — описание городских и сельских земельных владений (включая угодья и промыслы) в России в XV–XVII вв. с целью обложения их налогами.

[158] Манифест Екатерины II «О Высочайше дарованных разным сословиям милостях».

[159] См. комм. 40 и 47.

[160] Указ Петра I «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» от 23 марта 1714 г. окончательно оформил слияние поместья и вотчины, а также ввел правило передачи поместья по наследству только одному из сыновей. Императрица Анна Ивановна указом от 17 марта 1731 г. подтвердила первую часть положения 1714 г. и отменила вторую.

[161] *Людовик XI* (Louis) (1423–1483) — король Франции с 1461 г.

[162] Сераль — дворец турецкого императора.

Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина

Работа написана в 1783–1784 гг. Публикуется по: *Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1896. Т. 1. Стб. 749–1016.

[163] «Шапки» и «шляпы» — название политических партий в Швеции в XVIII в. Партия «Шляп» придерживалась реваншистских взглядов и выступала за восстановление внешнеполитического и военного могущества Швеции, пошатнувшегося после ее поражения в Северной войне 1700–1721 гг. Ее противники — партия «шапок» (или «колпаков») — стремились к внутренним реформам и миролюбивой внешней политике. После переворота 1772 г. обе партии были ликвидированы.

[164] *Густав III* (Gustav III) (1746–1792) — король Швеции с 1771 г., старший сын короля Адольфа Фредерика и Ловизы, сестры Фридриха Великого. Из династии Готторпов. Двоюродный брат Екатерины II.

[165] Т. е. с картошкой.

[166] *Леблон* (Leblond) Гийом (1704–1781) — французский военный теоретик.

[167] Мортира — артиллерийское орудие с коротким стволом, предназначавшееся главным образом для разрушения особо прочных оборонительных сооружений.

[168] В рукописи пропущено число.
[169] Камлот — грубая шерстяная ткань.
[170] В рукописи имя народа пропущено.
[171] Повтор в рукописи.
[172] Здесь рукопись обрывается.

Размышление о дворянстве

Работа написана до издания Жалованной грамоты дворянству 1785 г. Публикуется по: *Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1896. Т. 1. Стб. 219–268.

[173] *Смердис* (Smerdis) — брат персидского царя Камбиза, убитый им в 523 г. до н. э.
[174] Патрикий — от *лат.* patricius — «благородный».
[175] *Лейбниц* (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1646–1716) — немецкий философ-идеалист, математик, историк; сформулировал принцип единообразия законов природы, или всеобщей взаимосвязи, закон непрерывности, а также принципы всеобщего изменения и развития, простоты, полноты и др.
[176] *Мильтиад* (Miltiádēs) (ок. 550–489 до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец. Оказывал поддержку восставшим против Персии в 500–494 гг. до н. э. малоазийским грекам.
[177] *Гиппократ* (Hippokrates) (460–377, по др. данным — 356 до н. э.) — древнегреческий врач.
[178] С начала XIII в. монгольские войска постепенно завоевывали территорию империи китайской династии Сун, окончательно прекратившей свое существование в 1279 г.
[179] Фермопильское сражение в ходе Греко-персидской войны 480–479 гг. до н. э., состоявшееся в сентябре 480 г., между спартанцами и войсками персидского царя Ксеркса I, происходило в узком ущелье Фермопилы
[180] Марафонское сражение произошло 13 сентября 490 г. до н. э. во время Греко-персидских войн 500–449 гг. до н. э. у селения Марафон, в котором греки одержали свою первую крупную победу.
[181] Саламинское сражение греческого и персидского флотов, произошедшее в ходе Греко-персидских войн в 480 г. до н. э. близ острова Саламин, закончилось победой греческого флотоводца Фемистокла.
[182] *Клеарх* (Klearchos) — спартанский полководец.
[183] *Ксенофонт* (Xenophon) (ок. 430–355, по др. данным — 354 до н. э.) — древнегреческий писатель и историк; в 401 г. до н. э. принимал участие в походе Кира Младшего против его брата, царя Персии Артаксеркса II, а затем в Коринфской войне (395–387 до н. э.) на стороне Спарты. В своей работе «Анабасис» описал сражение при Кунаксе и гибель Кира Младшего.

[184] *Кир Младший* (?–401 г. до н. э.) — наместник (сатрап) в 407–401 гг. в Малой Азии. В 401 г. до н. э., собрав большую армию, он двинулся против своего брата Артаксеркса II. Погиб в битве при Кунаксе, а его армия потерпела поражение.

[185] После решающего сражения около Гавгамел, состоявшегося 1 октября 331 г. до н. э., армия Александра Македонского нанесла решающее поражение значительно превосходящим по численности персидским войскам Дария III. Это дало возможность Александру объявить себя главой огромной греко-македоно-персидской державы.

[186] Сатрап (*греч.* satrápes) — наместник сатрапии, возглавлявший ее администрацию.

[187] *Густав II* (Gustav) (1594–1632) — король Швеции с 1611 г. из династии Ваза. В ходе Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. одержал ряд побед в немецких государствах: при Брейтенфельде (1631), на р. Лех (1632), занял Аугсбург и Мюнхен.

[188] *Фердинанд II* (Ferdinand II) (1578–1637) — император Священной Римской империи с 1619 г.

[189] *Тилли* (Tilly) Иоганн Церклас (1559–1632) — граф, германский полководец, фельдмаршал (1605). Главнокомандующий войсками Католической лиги с 1610 г. и армией Священной Римской империи с 1630 г. В ходе Тридцатилетней войны 1618–1638 гг. одержал ряд побед. Погиб в сражении на р. Лех.

[190] *Валленштейн* (Wallenstein) Альбрехт Венцель Евсевий (1583–1634) — полководец, главнокомандующий Священной Римской империи в Тридцатилетнюю войну 1618–1638 гг.

[191] Сципионы (Scipiones) — одна из ветвей патрицианского рода Корнелиев в Древнем Риме. К ним принадлежал ряд крупных полководцев и государственных деятелей: Публий Корнелий Сципион, Луций Корнелий Сципион и др.

[192] *Елизавета I* Тюдор (Elizabeth) (1533–1603) — английская королева с 1558 г.; последняя из династии Тюдоров; дочь короля Генриха VIII.

[193] *Филипп II* (Philip II) (1527–1598) — король Испании с 1556 г. и Португалии с 1581 г. После казни в феврале 1587 г. шотландской королевы Марии Стюарт Филипп II создал огромный флот для вторжения в протестантскую Англию, получивший название Непобедимая армада. После ряда сражений в июле–августе 1588 г. испанский флот, потерпев значительные потери, вынужден был покинуть Британские острова.

[194] *Карл I* (Charles) (1600–1649) — английский король с 1625 г. из династии Стюартов. Казнен в ходе революции.

[195] *Кромвель* (Cromwell) Оливер (1599–1658) — деятель Английской революции. С его согласия состоялись суд и казнь короля Карла I, после чего Великобритания была объявлена республикой.

[196] *Рюйтер* (Ruyter) Михиел Адриансзон де (1607–1676) — нидерландский флотоводец; вице-адмирал с 1653 г., участвовал под руководством адмирала К. Тромпа в 1-й англо-голландской войне 1652–1654 гг. С 1665 г. — Главнокомандующий флотом Республики Соединенных провинций. Одержал ряд крупных побед над английским и французским флотами во время англо-голландских войн XVII в.

[197] *Людовик XIV* (Louis) (1638–1715) — король Франции с 1643 г. Из династии Бурбонов.

[198] К концу 50-х гг. XVIII в. французский флот находился в упадке, что давало возможность английскому флоту одерживать многочисленные победы у берегов Америки.

[199] *Гама* (da Gama) Васко да (1469–1524) — португальский мореплаватель. В 1502 г. во главе флота из 20 кораблей совершил свое второе путешествие к берегам Индии (г. Каликут).

[200] *Альбукерк* — Д'Альбукерк Альфонсо (Alboquerque Afonso de) (1453–1515), португальский мореплаватель, адмирал. В 1506–1515 гг. совершил путешествие в Индию и Красное море.

[201] В ходе Семилетней войны 1756–1763 гг. у берегов Северной Америки Франция пыталась отстоять свои колонии. В результате в двух сражениях на так называемой равнине Авраама в 1759 г. и при Монреале в 1760 г. французские войска были разбиты. В 1762 г. были начаты переговоры. Согласно мирному договору, заключенному в Париже 10 февраля 1763 г. между Францией, Великобританией и Испанией, Франция теряла Канаду, Новую Шотландию, большие острова в устье реки Св. Лаврентия и др.

[202] Версальский мирный договор, заключенный 3 сентября 1783 г., завершил Войну за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг. между США и их союзниками — Францией, Испанией и Нидерландами, с одной стороны, и Великобританией — с другой.

[203] *Лонгомонтан* Кристиан (Longomontanus Christian-Severin) (1564–1647) — датский астроном.

[204] *Гроот* Гроций Гуго де (Groot Grotius, de) (1583–1645) — голландский гуманист, теоретик права, государственный деятель.

[205] *Бюффон* (Buffon) Жорж Луи Леклерк де (1707–1788) — французский естествоиспытатель.

[206] *Ломоносов* Михаил Васильевич (1711–1765) — первый русский ученый-естествоиспытатель.

[207] *Сумароков* Александр Петрович (1717–1777) — русский писатель, автор «Хорева» (1747), «Гамлета» (1748), «Синава и Трувора» (1750), «Дмитрия Самозванца» (1771), «Мстислава» (1774) и др.

[208] Гиппокрена (Иппокрена) (*греч.* «конский источник»), в греческой мифологии — источник вдохновения, возникший от удара копыта крылатого коня Пегаса на горе муз Геликоне.

[209] При учрежденной Петром I в январе 1724 г. Академией наук был создан также Академический университет, а с 1726 г. функционировала Академическая гимназия для подготовки к поступлению в университет.

[210] Первый Кадетский корпус в России был основан по инициативе П. И. Ягужинского в июле 1731 г. (преобразован в 1766 г. по инициативе И. И. Бецкого в Императорский Сухопутный кадетский шляхетный корпус). В разное время в нем обучались А. В. Суворов, П. А. Румянцев и др. В 1762 г. был создан Артиллерийский и Инженерный шляхетный кадетский корпус. См. также комм. 46.

[211] *Вергилий* Публий Марон (Vergilius Publius Maro) (70–19 до н. э.) — римский поэт.

[212] *Гораций* Квинт Флакк (Horatius Quintus Flaccus) (65–8 до н. э.) — римский поэт.

[213] *Алкивиад* (Альцибиад) (Alkibiádēs) [ок. 450–404 до н. э.] — политический и военный деятель Древней Греции.

[214] *Никиас* (469–413 до н. э.) — древнегреческий государственный деятель и историк.

[215] *Кимон* (Kímon) (ок. 504–449 до н. э.) — полководец и политический деятель Афин периода Греко-персидских войн.

[216] *Феофраст* (Theóphrastos, т. е. «обладатель божественной речи»; наст. имя — Тиртам) (ок. 372–287) — древнегреческий философ и естествоиспытатель.

[217] *Михаил Федорович* (1596–1645) — первый русский царь из династии Романовых. 21 февраля 1613 г. был выбран Земским собором на русский престол.

[218] Штатгальтер — наместник, в некоторых государствах Западной Европы должностное лицо, осуществляющее управление на какой-либо территории данного государства.

[219] Кий, Щек и Хорив, согласно русским летописям, основали город Киев.

[220] Под натиском варваров в 476 г. был свергнут последний римский император Ромул Августул, что повлекло за собой падение Западной Римской империи.

[221] Титул барона был введен Петром I в 1710 г. Первым его обладателем стал П. П. Шафиров.

[222] *Стрешнева* Евдокия Лукьяновна (1608–1645) — вторая жена царя Михаила Федоровича с 1626 г., мать царя Алексея Михайловича.

[223] *Нарышкина* Наталья Кирилловна (1651–1694) — вторая жена царя Алексея Михайловича с 1671 г., мать Петра I.

[224] Венециано-генуэзские войны 1253–1271 гг.

[225] Кандийские войны между Османской империей и Венецианской республикой в 1645–1669 гг.

[226] Северная война 1700–1721 гг. между Россией и Швецией закончилась Ништадским мирным договором.

227 См. комм. 34.

228 *Цинциннат* Луций Квинкций (Cincinnatus Lucius Quinctius) — древнеримский патриций, консул с 460 г. до н. э., диктатор с 458 г.

229 Т. е. сокровищ царя Эпирского Пирра.

Размышления о законодательстве вообще

Работа написана не ранее 1786 г. Публикуется по: *Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1896. Т. 1. Стб. 355–426.

230 Т. е. без помощи других.

231 Указ Сената 1754 г. «О выдаче беглых крестьян по сказкам первой ревизии».

232 *Шувалов* Петр Иванович (1710–1762) — государственный и военный деятель, граф (1746), генерал-фельдмаршал (1761). Участвовал в Семилетней войне 1756–1763 гг. Автор и инициатор ряда проектов экономических и финансовых реформ: уничтожения внутренних таможен, создания государственных (дворянских и купеческих) банков, начала генерального межевания, реорганизации денежного обращения, повышения роли косвенных налогов и др.

233 Работа над первым словарем русского языка была начата после создания в 1783 г. Российской академии. В 1789–1794 гг. вышли шесть томов «Словаря Академии Российской по азбучному порядку расположенного». М. М. Щербатов, будучи членом Академии, принимал активное участие в создании Словаря.

234 Духовный регламент — законодательный акт, реформировавший систему управления Русской православной церкви. Составлен по поручению Петра I Феофаном Прокоповичем в 1721 г. Согласно Регламенту, церковь подчинялась государству, патриаршество упразднялось, а вместо него учреждался Синод. Документ предписывал приходскому духовенству докладывать гражданским властям о «злоумышленниках государственных», которые «на исповеди не изъявят раскаяния и отказа от своего намерения».

235 В 1753 г. Елизавета Петровна приравняла вечную ссылку к одному из видов прекращения брака. Жена осужденного получала право на указную (вдовью) часть имения: «...женам и детям осужденных в вечную работу или в ссылку и заточение <...> давать свободу, кто из них похочет жить в своих приданых деревнях; буде же из таковых жен пожелает которая итти замуж, таковым с позволения Синода давать свободу, а для пропитания их и детей их давать из недвижимаго и движимаго мужей их имения указную часть».

236 В ночь переворота, совершенного Елизаветой Петровной 25 ноября 1741 г., по ее приказу был арестован и заключен в Петропавловскую кре-

пость А. И. Остерман. На следующий год он был осужден на смертную казнь, замененную императрицей вечной ссылкой в Березов. За ним последовала его жена, бывшая при Анне Ивановне статс-дамой, Марфа Ивановна. Только через два года после смерти мужа, в июне 1749 г., она получила разрешение вернуться из ссылки.

237 После переворота 1741 г. граф Михаил Гаврилович Головкин (1699–1755) был арестован и обвинен в государственной измене. Смертный приговор был заменен в январе 1742 г. ссылкой на вечное поселение в зимовье Германг в Восточной Сибири, с лишением чинов и имущества. Жена М. Г. Головкина — Екатерина Ивановна (урожд. Ромодановская) добровольно отправилась с мужем в ссылку и пробыла там 14 лет.

238 В 1754–1761 гг. была предпринята очередная попытка начать Генеральное межевание в России, закончившаяся неудачей. Следующее Генеральное межевание было начато уже Екатериной II в 1765 г.

239 Манифестом 1786 г. Московская контора Дворянского заемного банка была упразднена, ее дела переданы С.-Петербургской конторе банка, которая в свою очередь была преобразована в Государственный заемный банк.

240 *Гагарин* Гавриил Петрович (1745–1808) — князь, государственный деятель, действительный тайный советник (1800); обер-прокурор 6-го (московского) департамента Сената с 1781 г., член Совета при Высочайшем дворе с ноября 1796 г., Непременного совета и Комиссии законов с 1801 г.

241 Архонт — высшее должностное лицо в древнегреческих полисах (городах-государствах).

242 Эфор — в Спарте один из пяти ежегодно избиравшихся представителей народного собрания, наблюдавших за действиями царей и администрации.

243 См. комм. 78.

244 См. комм. 82.

245 *Гелиогабал* — Элагабал (Heliogabalus), императорское имя Цезарь Марк Аврелий Антонин Август (204–222) — римский император с 218 г.

246 Имеются в виду Генеральные штаты, высший орган сословного представительства (духовенства, дворянства, горожан).

247 См. комм. 95.

248 См. комм. 228.

249 *Эмилий Павел* (Aemilius Paulus) (92 — ок. 41 гг. до н. э) — римский полководец, консул с 50 г.

250 См. комм. 140.

251 *Марцелус* Марк Кладиус (Marcellus Marcus Cladius) — римский полководец.

252 См. комм. 5.

253 См. комм. 2.

[254] См. комм. 195.

[255] *Федор Иванович* (1557–1598) — русский царь с 1584 г., последний представитель династии Рюриковичей, сын Ивана Грозного.

[256] После смерти сыновей Петра I — Алексея Петровича (в 1718 г.) и Петра Петровича (в 1719 г.), 5 февраля 1722 г. Петром был издан Устав о наследии престола, согласно которому самодержец получал право выбирать своего преемника на российский престол. В том же году Феофан Прокопович издал «Правду воли монаршей во определении наследника державы своей...», в которой объяснял необходимость такого положения.

[257] В 1785–1786 гг. специальной комиссией Сената рассматривалось дело о взятках владимирского губернатора А. Б. Самойлова. В ответ на представленный сенаторами императрице рапорт, по сути оправдывающий обвиняемого, Щербатов направил Екатерине «Примечании на доклад шестого Правительствующего Сената, по делу Владимирского господина губернатора Самойлова». В документе были изложены аргументы, подтверждавшие обоснованность обвинения и делалось заключение о невозможности вынесения оправдательного приговора. Доводы Щербатова показались Екатерине гораздо более убедительными, чем заключение целой комиссии, и уже с 1787 г. А. Б. Самойлов был отправлен в отставку.

[258] Речь идет о «Жалованной грамоте дворянству», изданной Екатериной II в 1785 г., которая аккумулировала и подтвердила все ранее введенные права и привилегии для дворянства.

[259] *Меншиков* Александр Данилович (1673–1729) — государственный и военный деятель, светлейший князь (1707), генералиссимус (1727), ближайший сподвижник Петра I.

[260] *Рюрик* (?–879) — первый русский князь.

[261] *Владимир Святославич Святой* (?–1015) — князь новгородский (969–978), киевский (978–1015).

[262] В § 137 «Жалованной грамоты городам» 1785 г. говорится: «Имянитых граждан внучатам, буде дед, отец и они имянитость безпорочно сохранили, дозволяется старшему после тридцати лет от рождения его, быв самому жизни безпорочной, просить дворянства».

[263] Логинов, откупщик.

[264] *Фалеев* Михаил Леонтьевич (ок. 1730–1792) — купец; во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. познакомился с Г. А. Потемкиным и стал его квартирмейстером и соратником. Участвовал во многих предприятиях Потемкина в Новороссии, в том числе в основании города Николаева; первый гражданин города. Директор Днепровских порогов. В 1783 г. был пожалован чином майора и дворянством.

[265] В 1219–1917 гг. название города Таллина.

[266] Указ Екатерины II «О правилах производства апелляционных дел» от 30 июля 1762 г.

[267] 24 января 1722 г. была опубликована Табель о рангах. См. комм. 37.

[268] *Говард* (Howard) Джон (1726–1790) — английский путешественник, гуманист, реформатор тюремного дела в странах Старого и Нового света.

[269] Нижние суды — уездные выборные административно-полицейские учреждения; созданы в ходе губернской реформы Екатерины II 1775 г.

[270] В начале XVIII в. Петром I были созданы: Школа математических и навигационных наук в Москве (1701), Инженерные школы в Москве (1712) и С.-Петербурге (1719); Артиллерийские школы в С.-Петербурге (1712) и Москве (1715); Морская академия (образована в 1715 г. на базе переведенной из Москвы навигацкой школы; в 1752 г. была преобразована в Морской шляхетный кадетский корпус).

О повреждении нравов в России

Работа написана в 1786–1789 гг. Публикуется по: «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие...» А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1983. С. 59–130.

[271] См. комм. 2.

[272] См. комм. 101.

[273] *Долабелла* Публий Корнелий (Publius Cornelius Dolabella) (ок. 69–43 до н. э.) — древнеримский политический деятель. Участвовал в гражданских войнах конца Республики 49-45 гг. на стороне Цезаря.

[274] См. комм. 95.

[275] *Кассий* Дион Коккеян (Dion Kássios) (между 155–164 — после 229) — древнегреческий историк, автор «Римской истории».

[276] Сукно темно-красного цвета.

[277] Шерстяная ворсистая ткань или шерстяной бархат.

[278] Т. е. каперсы.

[279] Темный мелкий виноград без косточек.

[280] *Черкасов* Иван Антонович (1692–1752, по др. данным — 1758) — государственный деятель, барон (1742), действительный тайный советник (1757), кабинет-секретарь Петра I, Екатерины I, Елизаветы Петровны.

[281] Сорт винограда, выращиваемого в испанском местечке с одноименным названием.

[282] *Лыков-Оболенский* Михаил Иванович (1640–1701) — князь, боярин с 1682 г.

[283] *Щербатов* Юрий Федорович (1630–1639) — государственный деятель, службу начал в 1681 г. стольником, в 1700 г. участвовал в Нарвском сражении, а с началом строительства С.-Петербурга направлен для «учреждения» там Ямского приказа и «смотрения» за строительством в городе кирпичного завода. В 1730 г. отошел от дел и постригся в Андреевском монастыре в Пленницах в Москве под именем Сафрония. С 1670 г. он был женат на Анне Михайловне (урожд. Волынской), сестра которой

Евфимия Михайловна, бывшая замужем за М. И. Лыковым-Оболенским, после смерти мужа завещала в 1702 г. свои имения Юрию Федоровичу Щербатову.

284 См. комм. 259.

285 *Щербатов* Дмитрий Федорович — князь, стольник с 1647 г., служил при дворе царя Алексея Михайловича; участвовал в русско-польской войне 1654–1667 гг.

286 *Волконский* Федор Федорович (ок. 1600–1665) — князь, боярин с 1650 г.; в 1629–1631 гг. воевода в Ливнах, в 1633 — в Калуге, в 1636 г. — в Путивле. Участвовал в Смоленской войне 1632–1634 гг. Возглавлял Челобитный приказ в 1634–1635 и 1636–1643 гг., Приказ сбора даточных людей в 1648–1649 гг. и др. приказы. В 1654–1656 гг. — воевода в Киеве.

287 *Щербатов* Савва Дмитриевич (?–1606) — князь; в 1598 г. участвовал в походе на крымских татар; воевода в Самаре в 1599–1601 гг. и в Валуйках 1602–1603 гг. Убит самозванцем Петрушкой в Путивле.

288 *Отрепьев* Григорий Богданович (?–1606) — самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия, сына царя Ивана IV Васильевича Грозного.

289 *Щербатов* Иван Андреевич (1696–1761) — князь, государственный деятель, дипломат, действительный тайный советник (1757). В 16 лет зачислен Петром I солдатом в Преображенский полк. В 1719–1721 гг. учился в Великобритании. С 1721 г. член Иностранной коллегии; полномочный посланник в Мадриде в 1726–1731 гг., чрезвычайный посланник в Константинополе в 1731–1732 гг.; президент Юстиц-коллегии в 1734–1739 гг., полномочный посланник в Лондоне в 1739–1742 и 1743–1746 гг. Сенатор с 1748 г. Тесть М. М. Щербатова, отец его жены Натальи Ивановны Щербатовой.

290 *Скуратов-Бельский* Григорий-Малюта Лукьянович (Малюта Скуратов) (?–1573) — сподвижник царя Ивана IV Васильевича Грозного.

291 *Репнин* Михаил Петрович (?–1564) — князь, боярин с 1559 г.; в 1557 г. воевода в Карачеве, в 1558 г. — в Орешке. За отказ плясать в маске вместе со скоморохами для потехи Ивана Грозного через несколько дней был убит по приказу царя.

292 *Нагой* Афанасий Федорович (?–1585) — дипломат, думный дворянин с 1579 г., посол в Крыму в 1563–1572 гг.

293 *Голицын* Борис Алексеевич (1654–1714) — боярин с 1689 г., стольник с 1676 г., в 1683–1713 гг. судья Приказа Казанского дворца, в 1683–1700 гг. Иноземского приказа, дядька-воспитатель Петра I. Способствовал победе Нарышкиных над царевной Софьей в 1689 г. Вместе с Л. К. Нарышкиным играл ведущую роль в управлении внутренней политикой России, сопровождал Петра I в поездках на Белое море (в 1693 и 1694 гг.). Участвовал в Кожуховском походе 1694 г., командовал низовой конницей в 1-м Азовском походе 1695 г. Во время поездки царя Петра в составе «Великого

посольства» в 1697–1698 гг. вместе с Л. К. Нарышкиным и П. И. Прозоровским возглавлял управление страной. После подавления стрелецкого бунта в 1698 г. участвовал в «розыске» стрельцов. Добился для В. В. Голицына замены приговора к смертной казни на ссылку. В 1714 г. постригся в монахи в Успенской Флорищевой пустыни под именем Боголепа.

294 *Прозоровский* Петр Иванович (?–1718) — князь, боярин; в 1674–1675 гг. дядька и ближайший человек при царевиче Иване Алексеевиче, затем доверенное лицо царя Петра I, который во время своего заграничного путешествия в 1697–1698 гг. оставил его, наряду с Б. А. Голицыным и Л. К. Нарышкиным, во главе государства.

295 Шереметев Борис Петрович — см. комм. 96.

296 См. комм. 26.

297 *Лефорт* (Lefort) Франц Яковлевич (1655–1699) — русский военный деятель, адмирал (1695), по происхождению швейцарец; на русской службе с 1778 г.; участвовал в Русско-турецкой войне 1676–1681 гг. и Крымских походах 1687 и 1689 гг. Сподвижник Петра I. Во время Азовских походов 1695–1696 гг. командовал русским флотом.

298 Венчание жены Петра I Екатерины Алексеевны в качестве императрицы состоялось 7 мая 1724 г.

299 После удачного 2-го Азовского похода в июле 1696 г. Азов был взят русской армией.

300 Имеются в виду И. Ю. Трубецкой (см. комм. 111) и его брат, боярин, действительный тайный советник Юрий Юрьевич Трубецкой (1668–1739).

301 Сулея — плоская бутыль с горлышком.

302 *Апраксин* Федор Матвеевич (1661–1728) — государственный и военный деятель, граф с 1710 г., генерал-адмирал с 1708 г. Участвовал во 2-м Азовском походе 1696 г.; с 1700 возглавлял Адмиралтейский приказ. Во время Северной войны 1700–1721 г. руководил осадой Выборга в 1710 г., участвовал в Гангутском сражении 1714 г. В 1710–1719 гг. генерал-губернатор Азовской губернии. С 1717 г. президент Адмиралтейств-коллегии. Сенатор с 1718 г. Член следственной комиссии по делу царевича Алексея Петровича. В 1726–1727 гг. член Верховного тайного совета.

303 *Головкин* Гавриил Иванович (1660–1734) — граф Священной Римской империи (1707) и Российской империи (1709), государственный деятель, канцлер (1709). В 1697–1698 гг. сопровождал Петра I во время «Великого посольства». Участвовал в Северной войне 1700–1721 гг. В 1708–1717 гг. возглавлял Посольский приказ, затем до 1734 г. — президент Коллегии иностранных дел. В 1726–1730 гг. член Верховного тайного совета. В 1730 г. поддержал кандидатуру Анны Ивановны на русский престол. Кабинет-министр в 1731–1734 гг.

304 *Стрешнев* Тихон Никитич (1649–1719) — боярин, сенатор.

[305] *Одоевский* Иван Васильевич (1710–1768) — князь, действительный тайный советник с 1757 г., президент Вотчинной коллегии с 1741 г., сенатор с 1746 г.

[306] *Салтыков* Василий Федорович (1675–1751) — государственный деятель, генерал-аншеф (1741), генерал-адъютант (1734). В 1732–1740 гг. генерал-полицеймейстер С.-Петербурга.

[307] *Голицын* Алексей Борисович (1732–1792) — князь, генерал-майор (1768). С 1785 г. московский уездный предводитель дворянства.

[308] Мишуков Захар Данилович (1684–1762) — адмирал с 1757 г. Участвовал в Прутском походе 1711 г., в Гангутском сражении 1714 г., в Персидском походе 1722–1723 гг. С 1741 г. командующий Балтийским флотом. Участвовал в Семилетней войне 1756–1763 гг.

[309] *Татищев* Василий Никитич (1686–1750) — государственный деятель, историк. Участвовал в Северной войне 1700–1721 гг. В 1720–1722 и 1734–1737 гг. управлял казенными заводами на Урале; основал г. Екатеринбург. В 1741–1745 гг. астраханский губернатор. Автор «Истории Российской с самых древнейших времен».

[310] *Гилленборг* Карл (1679–1749) — шведский государственный деятель.

[311] *Герц* (Hertz) (Горц) Георг Генрих фон (1668–1719) — барон, министр финансов Швеции.

[312] *Остерман* Андрей Иванович (Генрих Иоганн) (1686–1747) — государственный деятель, барон (1721), канцлер (1734), дипломат. Участвовал в Прутском походе 1711 г. В 1721 г. вел переговоры о заключении Ништадского мира. Член Верховного тайного совета с 1726 г. Воспитатель императора Петра II. После восшествия на престол Елизаветы Петровны сослан в Березов.

[313] *Мусин-Пушкин* Иван Алексеевич (1661–1729) — боярин (1699), граф (1710), действительный тайный советник (1718). Судья Монастырского приказа с 1701 г. Сенатор с 1711 г. Президент Штатс-контор-коллегии в 1717–1722 гг.

[314] *Феофан Прокопович* (1681–1736), церковный и общественный деятель, украинский и русский писатель, епископ (1718), архиепископ (1724). Сподвижник Петра I.

[315] *Бирон* (von Biron) Эрнст Иоганн (1690–1772) — герцог Курляндский и Семигальский, граф Священной Римской империи (1730). Фаворит императрицы Анны Ивановны.

[316] См. комм. 106.

[317] См. комм. 234.

[318] Скорбут — цинга.

[319] *Лопухина* Евдокия Федоровна (1669–1731) — первая жена царя Петра I с 1689 г. В 1698 г. была сослана в Суздаль и пострижена в монахини. С 1725 г. содержалась в Шлиссельбургской крепости. В 1727 г. освобождена и жила в Москве в Вознесенском монастыре.

320 *Ягужинский* Павел Иванович (1683–1736) — государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра I, граф (1731). Посланник в Вене 1700–1721 гг., полномочный министр в Варшаве в 1726–1727 гг., посланник в Берлине в 1731–1734 гг. Кабинет-министр в 1735–1736 гг. Первым браком был женат на Анне Федоровне Хитрово. После развода с ней в 1723 г. Ягужинский женился на дочери Г. И. Головкина — Анне Гавриловне.

321 *Солнцев-Засекин* Борис — князь, окольничий.

322 Екатерина I была у власти в 1725–1727 гг., а Петр II — в 1727–1730 гг.

323 *Монс* Виллим Иванович (1688–1724) — камергер Екатерины Алексеевны. По подозрению в близких отношениях с императрицей арестован, а затем казнен.

324 *Балк* Петр Федорович (1690–1743) — тайный советник, камергер, племянник В. Монса.

325 *Балк* Яков Федорович (1712–1762) — генерал-поручик, паж Екатерины I, племянник В. Монса.

326 Толстой Петр Андреевич. См. комм. 94.

327 *Дмитриев-Мамонов* Иван Ильич (1680–1730) — генерал-аншеф (1730), в 1700–1727 гг. служил в л.-гв. Семеновском полку, в ходе Северной войны 1700–1721 гг. участвовал в сражениях под Нарвой (1700), при Лесной (1708), в Полтавской битве (1709) и в Прутском сражении (1711). В 1718 г. участвовал в Верховном суде над царевичем Алексеем Петровичем. В 1719–1723 гг. советник Военной коллегии. С 1726 г. сенатор.

328 *Долгоруков* Иван Алексеевич (1708–1739) — генерал от инфантерии (1728), обер-камергер (1728), фаворит императора Петра II, с 1730 г. майор л.-гв. Преображенского полка. Участвовал в составлении поддельного завещания Петра II и лично подделал императорскую подпись. После смерти императора сослан в Березов вместе с другими Долгоруковыми. В 1738 г. для проведения нового следствия был вызван из ссылки и казнен.

329 См. комм. 105.

330 *Братислав* — граф, в 1728–1733 гг. австрийский посланник при русском дворе.

331 *Крамер* Анна Ивановна — камер-фрау императрицы Екатерины I.

332 См. комм. 90.

333 В рукописи оставлено место для написания количества лет.

334 Ивана IV Васильевича Грозного.

335 *Зейкин* Иван Алексеевич — воспитатель Петра II.

336 *Наталья Алексеевна* (1714–1728) — великая княжна, дочь царевича Алексея Петровича, сестра имп. Петра II.

337 Здесь М. М. Щербатов ошибается: невестой Петра II была дочь А. Д. Меншикова Мария Александровна (1711–1729).

338 *Долгоруков* Алексей Григорьевич (?–1734) — князь с 1729 г., государственный деятель, действительный тайный советник (1728). Отец фаво-

рита Петра II И. А. Долгорукова. В 1723–1727 гг. обер-президент Главного магистрата. Сенатор с 1726 г. Член Верховного тайного совета в 1728–1730 гг. Участвовал в составлении кондиций. В июне 1730 г. заключен в Березовский острог.

339 *Трубецкой* Никита Юрьевич (1699–1767) — государственный и военный деятель, князь, генерал-фельдмаршал (1756). В 1740–1760 гг. генерал-прокурор Сената. С 1760 г. сенатор. В 1760–1763 гг. президент Военной коллегии. Был дважды женат: на Анастасии Гавриловне Головкиной и Анне Даниловне Херасковой.

340 Имеется в виду первая жена Н. Ю. Трубецкого графиня Анастасия Гавриловна, урожд. Головкина.

341 *Лопухин* Степан Владимирович (?–1748) — государственный и военный деятель.

342 См. комм. 105.

343 *Екатерина Ивановна* (1691–1723) — старшая дочь царя Ивана Алексеевича, с 1716 г. герцогиня Мекленбургская.

344 *Иван V* Алексеевич (1666–1696) — русский царь в 1682–1696 гг., сын Алексея Михайловича, брат Петра I

345 *Анна Ивановна* (1693–1740) — российская императрица с 1730 г.

346 Первая жена Петра I Е. Ф. Лопухина.

347 *Долгоруков* Василий Лукич (ок. 1670–1739) — князь, государственный деятель, дипломат, действительный тайный советник (1725). Участвовал в Азовских походах 1695–1696 гг. В 1706–1707 гг. русский резидент при дворе Августа II. В 1707–1720 гг. посол в Копенгагене, в 1720–1722 гг. в Париже. Член Верховного тайного совета в 1728–1730 гг. Участвовал в составлении кондиций.

348 *Сумароков* Петр Спиридонович (1709–1780) — государственный деятель, обер-шталмейстер (1752), сенатор с 1761 г. В 1730 г. был направлен П. И. Ягужинским в Митаву к Анне Ивановне, чтобы предупредить будущую императрицу о замыслах верховников.

349 Скорее всего имеется в виду Алексей Григорьевич Долгоруков. См. комм. 338.

350 *Кантемир* Антиох Дмитриевич (1708–1744) — светлейший князь, государственный деятель, дипломат, тайный советник (1741), поэт, переводчик. В 1731–1733 гг. резидент, затем полномочный министр (до 1738 г.) в Лондоне; полномочный министр (с 1738 г.), затем чрезвычайный посол (до 1744 г.) в Париже.

351 *Кантемир* Дмитрий Дмитриевич (?–1758) — брат Антиоха Дмитриевича.

352 Черкасский Алексей Михайлович (1680–1742) — князь, канцлер (1740), действительный тайный советник. В 1719–1724 гг. губернатор Сибири. Кабинет-министр в 1731–1741 гг.

353 *Салтыков* Петр Семенович (1698–1772) — военный деятель, генерал-фельдмаршал с 1759 г., граф с 1733 г. Участвовал в русско-шведской вой-

не 1741–1743 гг. Во время Семилетней войны 1756–1763 гг. был главнокомандующим русской армией (1759–1760, 1762).

354 *Бестужев-Рюмин* Петр Михайлович (1664–1742) — гофмейстер (с 1712 г.), граф с 1742 г. Губернатор Нижегородской губ. в 1730 г.

355 *Долгоруковы* (Василий Лукич, Иван Алексеевич и др.), осужденные после восшествия на престол Анны Ивановны, были вызваны из сибирской ссылки и в 1739 г. казнены в Шлиссельбургской крепости.

356 *Долгоруков* Григорий Федорович (1656–1723), князь, государственный деятель, дипломат, генерал-адъютант (1700), действительный тайный советник (1709). В 1695–1696 гг. участвовал в Азовских походах, посланник в Речи Посполитой (в 1700–1706, 1709–1712 и 1715–1721 гг.). Сенатор с 1721 г.

357 См. комм. 98.

358 *Голицын* Сергей Дмитриевич (1696–1738) — государственный деятель, дипломат, тайный советник (1729) и камергер (1727). Чрезвычайный посланник в Мадриде (1723–1726) и в Берлине (1729–1731). После возвращения из Пруссии назначен президентом Камер-коллегии (до 1733 г.). Затем отправлен послом в Персию. В 1737–1738 г. Казанский губернатор.

359 *Голицын* Алексей Дмитриевич (1697–1768) — государственный деятель, действительный тайный советник (1757). В 1730–1737 гг. служил главным судьей Московского судного приказа. С 1741 г. сенатор.

360 *Голицын* Петр Михайлович (1702–1760) — князь, генерал-поручик (1752), племянник Д. М. Голицына. В 1737 г. вместе со своим дядей подвергся опале.

361 *Волынский* Артемий Петрович (1689–1740) — государственный деятель, дипломат, генерал-аншеф (1736). В 1715–1719 гг. посланник в Персии. Губернатор Астраханской (1719–1725) и Казанской (1725–1727, 1728–1730) губерний. В 1738–1740 гг. кабинет-министр. Автор «Генерального проекта о поправлении внутренних государственных дел», а также работ «О гражданстве», «Каким образом суд и милость государям иметь надобно» и др. В 1740 г. был обвинен в измене и казнен.

362 Строки из трагедии М. В. Ломоносова «Тамира и Селим».

363 Кабинет министров — высший государственный орган в России в 1731–1741 гг. В разное время в него входили: А. И. Остерман, А. М. Черкасский, Г. И. Головкин, П. И. Ягужинский, А. П. Волынский, А. П. Бестужев-Рюмин, М. Г. Головкин и Х. А. Миних.

364 *Юшкова* (Ешкова) Анна Федоровна — камер-фрау императрицы Анны Ивановны.

365 *Волконский* Никита Федорович (?–1732) — сподвижник Петра I.

366 *Балакирев* Иван Алексеевич (1699–1763) — придворный шут Петра I, Екатерины I и Анны Ивановны.

[367] *Голицын* Михаил Алексеевич (1687–1775) — князь, внук фаворита царевны Софьи В. В. Голицына. В 1733–1739 гг. шут Анны Ивановны.

[368] *Куракин* Александр Борисович (1697–1749) — князь, государственный деятель, дипломат, действительный тайный советник и обер-шталмейстер с 1736 г. В 1722–1725 и в 1727–1729 гг. российский поверенный в Париже. Ревностный сторонник Э. И. Бирона. Сенатор с 1741 г.

[369] *Миних* (Münnich) Христофор Антонович (1683–1767) — государственный деятель, граф (1728), генерал-фельдмаршал (1732). На русской службе с 1721 г. Президент Военной коллегии с 1732 г. Участвовал в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. После смерти Анны Ивановны возглавил переворот, приведший к власти Анну Леопольдовну. Кабинет-министр в 1740–1741 гг. После восшествия на престол Елизаветы Петровны арестован и отправлен в ссылку. Петр III вернул его из ссылки и восстановил в чинах и званиях.

[370] *Головин* Николай Федорович (1695–1745) — адмирал (1733), сенатор (1741). В 1742 г. генерал-губернатор и главнокомандующий С.-Петербурга.

[371] Кутас — шнур с кистями.

[372] *Анна Леопольдовна* (1718–1746) — правительница России в 1740–1741 гг., племянница Анны Ивановны, мать Ивана VI Антоновича. В 1739 г. вышла замуж за Антона Ульриха, принца Брауншвейг-Люнебург-Вольфенбюттельского (1714–1776).

[373] *Иван VI* Антонович (1740–1764) — российский император в октябре 1740 — ноябре 1741 г. Сын принца Брауншвейг-Люнебург-Вольфенбюттельского Антона Ульриха и российской правительницы Анны Леопольдовны.

[374] *Волков* Дмитрий Васильевич (1718, по др. данным, 1727–1785) — государственный деятель, тайный советник (1768). В декабре 1761 — июне 1762 гг. тайный секретарь Петра III и член Совета императора; пользовался полным доверием императора. После восшествия на престол Екатерины II арестован, но вскоре освобожден и в июле 1762 г. назначен Оренбургским вице-губернатором. В 1764–1779 гг. президент Мануфактур-коллегии. С 1768 г. сенатор.

[375] *Салтыков* Петр Семенович (1698–1772) — военный деятель, генерал-фельдмаршал (1759), граф (1733). Во время Семилетней войны (1756–1763) командовал армией в 1759–1760 гг.; главнокомандующий в Москве в 1764–1771 гг.

[376] Имеется в виду указ Анны Ивановны 1731 г. об отмене указа Петра I 1714 г. о единонаследии. См. комм. 160.

[377] *Разумовский* Алексей Григорьевич (1709–1771) — граф (1744), фаворит Елизаветы Петровны. Происходил из украинских казаков.

[378] *Апраксин* Степан Федорович (1702–1758) — военный деятель, генерал-фельдмаршал (1756). Участвовал в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг.

Член Военной коллегии с 1742 г. Был в дружеских отношениях с А. П. Бестужевым-Рюминым, А. Г. Разумовским, И. И. и П. И. Шуваловыми. Он и его жена Варвара Алексеевна были посаженными со стороны жениха на свадьбе М. М. и Н. И. Щербатовых, состоявшейся 9 февраля 1756 г.

379 *Бестужев-Рюмин* Алексей Петрович (1693–1767) — граф (1742), государственный деятель, дипломат, канцлер (1744), генерал-фельдмаршал (1762). В 1718–1720 гг. служил при дворе герцогини Курляндской (буд. императрицы Анны Ивановны), в 1721–1731 и 1734–1740 гг. российский резидент в Копенгагене. Кабинет-министр (1740). Был близок к Э. И. Бирону и способствовал провозглашению его регентом в ноябре 1740 г. После переворота, организованного Х. А. Минихом, арестован и приговорен к казни, замененной впоследствии ссылкой в деревню. С приходом к власти Елизаветы Петровны возвращен ко двору, назначен вице-канцлером и сенатором (1741). В 1756–1758 гг. член Конференции при Высочайшем дворе. В 1758 г. по обвинению в заговоре был снова арестован и приговорен к смертной казни, замененной ссылкой. После восшествия на престол Екатерины II в 1762 г. Бестужев возвращен из ссылки и назначен первоприсутствующим в Сенате.

380 См. комм. 223.

381 *Чоглоков* Николай Наумович (1718–1754) — камергер (1742) и обер-гофмейстер, в 1747–1754 гг. состоял при дворе великого князя Петра Федоровича. С 1742 г. женат на двоюродной сестре императрицы Елизаветы Петровны графине Марии Семеновне Гендриковой (1724–1756).

382 *Воронцов* Михаил Илларионович (1714–1767) — граф (1744), государственный деятель и дипломат, действительный тайный советник (1744). Вице-канцлер (с июля 1744 г.). Член Конференции при Высочайшем дворе в 1756–1762 гг. Канцлер в 1758–1765 гг. Сенатор с 1759 г. С 1742 г. женат на А. К. Скавронской, двоюродной сестре императрицы Елизаветы Петровны.

383 *Нарышкин* Александр Львович (1694–1746) — государственный деятель, действительный тайный советник (1740). С 1725 г. президент Штабс-конторы и с 1726 г. Камер-коллегии. С 1731 г. президент Коммерц-коллегии. Сенатор с 1733 г. В 1736 г. назначен президентом Дворцовой строительной канцелярии и директором Императорских строений и садов.

384 *Гессен-Гомбургский* Людвиг (1705–1745) — князь, генерал-фельдмаршал, на русской службе с 1723 г.; участвовал в перевороте 1741 г.

385 *Шувалов* Александр Иванович (1710–1771) — граф, генерал-фельдмаршал (1761). Участвовал в перевороте, возведшем на престол Елизавету Петровну. В 1746–1762 гг. возглавлял Тайную розыскных дел канцелярию.

386 См. комм. 232, 399.

387 *Скворцов* Ермолай Иванович, служил при дворе царевны Елизаветы Петровны, после ее воцарения пожалован камергером.

[388] *Лялин* Пимен Васильевич (?–1754) — паж Елизаветы Петровны, после ее воцарения пожалован камергером.

[389] *Возжинский* Никита Андрианович (1696–1764) — конюх при дворе Елизаветы Петровны.

[390] *Чулков* Василий Васильевич — истопник при дворе царевны Елизаветы Петровны.

[391] *Орлов* Григорий Григорьевич (1734–1783) — граф (1762), князь, генерал-аншеф (1769). Президент канцелярии опекунства иностранных (1763–1769), депутат Комиссии для сочинения нового Уложения (1767–1768), участвовал в усмирении Чумного бунта в Москве (1771). В 1760–1772 гг. фаворит великой княгини Екатерины Алексеевны, будущей императрицы Екатерины II.

[392] *Шереметев* Петр Борисович (1713–1788) — граф, генерал-аншеф (1760), сын сподвижника Петра I фельдмаршала Б. П. Шереметева. Сенатор с 1762 г. Предводитель дворянства Московской губ. с 1780 г. С 1743 г. женат на Варваре Алексеевне Черкасской (1711–1767).

[393] *Чернышев* Иван Григорьевич (1726–1797) — граф, государственный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал от флота (1796), обер-прокурор Сената (1760). С 1763 г. член, а с 1769 г. — президент Адмиралтейств-коллегии. С 1764 г. — докладчик императрицы по делам морского ведомства. В 1768–1769 гг. посол в Лондоне.

[394] *Ефимовская* Елизавета Осиповна — первая жена И. Г. Чернышева

[395] *Шувалов* Иван Иванович (1727–1797) — государственный деятель, фаворит Елизаветы Петровны, генерал-адъютант (1760). Двоюродный брат А. И. и П. И. Шуваловых. Первый куратор Московского университета, президент Академии художеств в 1757–1763 гг.

[396] *Голицын* Борис Сергеевич (1715–1761) — князь, майор (1745).

[397] *Шувалов* Иван Максимович (?–1736) — отец А. И. и П. И. Шуваловых.

[398] *Щербатов* Федор Федорович (?–1680) — стольник с 1661 г., в 1668–1669 гг. служил в Севске, в 1671 г. участвовал в походе против Степана Разина.

[399] *Шувалова* (урожд. Шепелева) Мавра Егоровна (1708–1759) — графиня, статс-дама. Жена П. И. Шувалова. Вместе со своим мужем были посажеными на свадьбе М. М. Щербатова со стороны его невесты Натальи Ивановны Щербатовой.

[400] До 1853 г. Баренцево море называлось Ледяным, Ледовитым, Студеным.

[401] В 1754 г. П. И. Шувалов добился передачи в свою собственность Гороблагодатских заводов. По указу Сената от 10 мая он получил один из крупнейших металлургических комплексов, включавший Кушвинский, Туринский и Баранчинский заводы. Стоимость заводов составляла около 180 тыс. руб.

[402] По инициативе П. И. Шувалова в 1754 г. был учрежден Дворянский заемный банк.

[403] Накануне Семилетней войны 1756–1763 гг. П. И. Шувалов участвовал в реорганизации армии и системы ее управления. По его инициативе были построены несколько артиллерийских заводов. Им были изобретены так называемая секретная гаубица и гаубица «единорог».

[404] Имеется в виду участие России в Семилетней войне 1756–1763 гг.

[405] От французского слова фузея — мушкет, ружье. Фузелерный, т. е. пехотный полк.

[406] *Щербатов* Павел Николаевич (1722–1781) — военный деятель, премьер-майор (1759), во время Семилетней войны 1756–1763 гг. отличился в Цорндорфском сражении 1758 г.

[407] См. комм. 240.

[408] В 1754–1766 гг. (фактически до 1763 г.) работала созданная по инициативе П. И. Шувалова Уложенная комиссия, результатом которой стало написание трех из четырех запланированных частей Свода законов: «О суде», «О розыскных делах» и «О состоянии подданных вообще».

[409] Эмме фон — вице-президент Юстиц-коллегии.

[410] *Дивов* Иван Иванович (1706–1775) — государственный деятель, действительный тайный советник (1767), генерал-майор (1748). Генерал-полицеймейстер Москвы в 1762–1764 гг., затем президент Юстиц-коллегии (до 1767 г.). Сенатор с 1764 г.

[411] *Юшков* Иван Иванович (?–1781) — государственный деятель, тайный советник (1762). В 1747–1752 гг. советник Юстиц-коллегии; в 1760–1762 гг. президент Камер-коллегии, в 1762–1764 гг. генерал-полицеймейстер С.-Петербурга, затем до 1773 г. Московский гражданский губернатор.

[412] *Козлов* Иван Федорович (1680–1752) — генерал-майор, член Военной коллегии.

[413] *Глебов* Александр Иванович (1722–1790) — государственный и военный деятель, генерал-аншеф (1773). Пользовался покровительством П. И. Шувалова. Обер-секретарь Сената в Экспедиции по генеральному межеванию. Советник Главной межевой канцелярии и член елизаветинской Уложенной комиссии. Генерал-прокурор Сената в 1761–1764 гг. Вместе с Н. И. Паниным с 1763 г. руководил Тайной экспедицией Сената. В качестве депутата от дворянства Лихвинского уезда Московской губернии участвовал в Уложенной комиссии 1767–1768 гг. Наместник в Смоленской и Белгородской губерниях (1775–1776).

[414] *Яковлев* Михаил Александрович — военный деятель, генерал-адъютант (1751), генерал-майор (1763); во время Русско-шведской войны отличился в 1741 г. в сражениях под Вильманстрандом, в 1742 г. — под Фридрихсгамом, Засекой, Барговом и при осаде Гельсингфорса. Член Военной коллегии.

[415] *Апраксина* (урожд. Голицына) Анна Борисовна (1730–1811) — графиня; с 1748 г. замужем за П. А. Апраксиным.

[416] *Голицын* Борис Васильевич (1705–1768) — адмирал (1762), с 1718 г. служил на флоте, обер-цейхмейстер в 1746–1758 гг., в 1755–1762 гг. генерал-кригс-комиссар флота, в 1767 г. избран депутатом от дворянства Московской губернии в Уложенную Комиссию.

[417] *Куракина* (урожд. Апраксина) Елена Степановна (1735–1769) — дочь фельдмаршала С. Ф. Апраксина.

[418] *Урусова* (урожд. Волынская) Елена Васильевна — княгиня; замужем за Сергеем Васильевичем Урусовым

[419] Бутурлин Александр Борисович (1694–1767) — генерал-фельдмаршал (1756), граф (1760). Денщик Петра I. Участвовал в Персидском походе 1722–1723 гг. и Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Во время Семилетней войны (1756–1763) в 1760–1761 гг. был главнокомандующим русской армией.

[420] *Шереметева* (урожд. Долгорукова) Анна Яковлевна (1682–1746), с 1701 г. замужем за Алексеем Петровичем Шереметевым.

[421] *Долгоруков* Яков Александрович (?–1753) — князь, коллежский асессор. Член Мануфактур-коллегии. В 1753 г. он завещал своей сестре Марии поместья в Московском, Костромском и др. уездах.

[422] *Долгорукая* Мария Александровна (1713–1786). В 1767 г. получила принадлежавшие своей двоюродной тетке А. Я. Шереметевой имения в Курском, Вяземском и др. уездах.

[423] Иван Андреевич Щербатов.

[424] *Вяземский* Александр Алексеевич (1727–1793) — князь, государственный деятель, действительный тайный советник (1774). Являлся одним из главных проводников в жизнь екатерининских реформ. Генерал-прокурор Сената (1764–1792). Одновременно руководил Тайной экспедицией Сената; участвовал в следствии по делу Е. И. Пугачева. Возглавлял Межевую экспедицию (с 1765 г.). В 1767 г. депутат в Уложенной комиссии от г. Москвы. Совместно с А. И. Бибиковым руководил работой Большого собрания. Член Совета при Высочайшем дворе с 1769 г. Государственный казначей в 1769–1781 гг. Президент Канцелярии опекунства иностранных с 1775 г.

[425] *Потемкин* Григорий Александрович (1739–1791) — государственный и военный деятель, князь Священной Римской империи (1776), фельдмаршал (1784). Фаворит (в 1774–1776 гг.) и ближайший помощник Екатерины II, участник переворота 1762 г., генерал-губернатор Новороссии, покоритель Крыма, устроитель Черноморского флота; генерал-губернатор екатеринославского наместничества (в 1783–1791 гг.); президент Военной коллегии (1784). Во время Русско-турецкой войны (1787–1791) был главнокомандующим российской армией.

[426] *Воронцова* Анна Карловна (1722–1775) — графиня, обер-гофмейстерина (1760), дочь старшего брата императрицы Екатерины I Карла Самойловича Скавронского. С 1742 г. замужем за М. И. Воронцовым.

[427] *Талызин* Иван Лукьянович (1700–1777) — адмирал (1757). С 1748 г. член Адмиралтейств-коллегии. Участвовал в перевороте 28 июня 1762 г., возведшем на престол Екатерину II. С 1765 г. в отставке.

[428] *Ушаков* Степан Федорович (1705–?) — государственный деятель, действительный статский советник; в 1764–1773 гг. губернатор С.-Петербурга.

[429] *Репнин* Никита Иванович (1668–1726) — князь, государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1724). Участвовал в Северной войне 1700–1721 гг. В 1719–1726 гг. Лифляндский генерал-губернатор. Президент Военной коллегии в 1724–1726 гг.

[430] См. комм. 111.

[431] *Долгоруков* Василий Владимирович (1667–1746) — князь, государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1728). Участвовал в Северной войне 1700–1721 гг. В 1708 г. руководил подавлением восстания К. А. Булавина. С 1730 г. член Верховного тайного совета и сенатор. Президент Военной коллегии в 1730–1731 и 1741–1746 гг.

[432] См. комм. 33.

[433] *Петр III* Федорович (1728–1762) — российский император с 1761 г., внук императора Петра I, племянник императрицы Елизаветы Петровны.

[434] *Нарышкин* Лев Александрович (1733–1799) — обер-шталмейстер (1762), с 1751 г. состоял при дворе великого князя Петра Федоровича. В 1767 г. депутат Уложенной комиссии.

[435] *Чернышев* Захар Григорьевич (1722–1784) — граф, государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1773); вице-президент с 1763 г., затем в 1773–1774 гг. президент Военной коллегии. Могилевский генерал-губернатор (1778–1782). Московский главнокомандующий (1782–1784).

[436] *Воронцова* Елизавета Романовна (в замужестве Полянская) (1739–1792) — фрейлина великой княгини Екатерины Алексеевны с 1750 г., фаворитка императора Петра III.

[437] Имеется в виду Загряжский Николай Александрович (1746–1821), действительный тайный советник. Первым браком был женат на двоюродной племяннице императрицы Елизаветы Петровны — Е. Н. Чоглоковой.

[438] *Воронцов* Роман Илларионович (1717–1783) — государственный деятель, граф (1760), генерал-аншеф (1761), действительный камергер (1746). В 1778–1783 гг. наместник Владимирской, в 1779–1781 гг. — Тамбовской, в 1780–1781 гг. — Пензенской и в 1782–1783 гг. Костромской губерний.

[439] Манифест о вольности дворянства («О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству»). Обнародован 18 февраля 1762 г.

[440] *Екатерина II* Алексеевна, урожденная София Августа Фредерика — принцесса Ангальт-Цербстская (1729–1796), российская императрица с 1762 г.

[441] Имеется в виду Г. Г. Орлов. См. комм. 391.

[442] *Панин* Никита Иванович (1718–1783) — граф, государственный деятель, дипломат; с 1760 г. воспитатель великого князя Павла Петровича; с 1776 г.

почетный член С.-Петербургской АН. В 1763–1781 гг. возглавлял Коллегию иностранных дел.

443 *Панин* Петр Иванович (1721–1789) — граф, генерал-аншеф, сенатор; участник Семилетней войны 1756–1763 гг.; депутат Комиссии по сочинению нового Уложения 1767–1771 гг., член Императорского совета с 1768 г. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Один из руководителей подавления пугачевского восстания 1774–1775 гг.

444 *Орлов* Алексей Григорьевич (1737–1808) — граф (1762), генерал-аншеф (1769), государственный и военный деятель, брат фаворита Екатерины II Г. Г. Орлова, один из основных участников переворота 1762 г. Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. командовал русской эскадрой, направленной в Средиземное море. За победу в Чесменской битве 26 июня 1770 г., получил право на приставку к фамилии Чесменский. С 1775 г. в отставке. В конце 1750-х гг. (точнее установить не представляется возможным) в одной из драк Орлов получил удар саблей, который оставил на его лице шрам во всю щеку.

445 *Всеволожский* Всеволод Алексеевич (1752–1796) — государственный деятель, тайный советник, сенатор. Депутат Уложенной комиссии 1767–1768 гг. от Воронежского дворянства.

446 Имеется в виду Чумной бунт в Москве в 1771 г.

447 *Зиновьева* Екатерина Николаевна (1758–1782) — фрейлина императрицы Екатерины II, статс-дама. Двоюродная сестра, затем жена Г. Г. Орлова.

448 *Васильчиков* Александр Семенович (1746–1803) — камер-юнкер (1772), фаворит императрицы Екатерины II в 1772–1774 гг.

449 *Зорич* Семен Гаврилович (1743, по др. данным 1745–1799) — адъютант Г. А. Потемкина (с 1775 г.). В 1777–1778 гг. фаворит императрицы.

450 *Завадовский* Петр Васильевич (1739–1812) — граф Священной Римской империи (1793), граф Российской империи (1797), действительный тайный советник (1795). В 1760 г. окончил Киевскую духовную академию (1760). Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. участвовал в сражениях при Ларге и Кагуле (1770), в осаде Силистрии (1773), в битве под Гирсовом (1773), вместе с гр. С. Р. Воронцовым редактировал текст Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. С 1775 г. кабинет-секретарь и фаворит императрицы Екатерины II, сенатор (1780–1799, 1801–1812), член совета Воспитательного общества благородных девиц (1780); председатель Комиссии о народных училищах (1782–1797). Инициатор реформы образования, в результате которой была создана общероссийская система школьного образования с 4-классными училищами в губернских и 2-классными в уездных городах. В 1784–1796 гг. председатель Комиссии по сооружению Исаакиевского собора, управляющий учрежденным по его проекту в 1786 г. Государственным заемным банком; в 1798–1799 гг. директор Ассигнационного банка. Член Непременного совета (1801) и

председатель Комиссии по составлению законов (1801–1803). Первый министр народного просвещения в 1802–1810 г. В 1803–1804 гг. провел еще одну реформу образования.

451 *Римский-Корсаков* Иван Николаевич (1754–1831) — генерал-адъютант, фаворит Екатерины II в 1778–1779 гг.

452 *Ланской* Александр Дмитриевич (1758–1784) — генерал-поручик (1783), генерал-адъютант (1784), действительный камергер (1779). Фаворит Екатерины II в 1779–1781 гг.

453 *Ермолов* Александр Петрович (1754–1836) — генерал-майор, флигель-адъютант. В 1785–1786 гг. фаворит Екатерины II.

454 *Дмитриев-Мамонов* Александр Матвеевич (1758–1803) — государственный деятель, граф (1797), генерал-поручик (1788). В 1786 г. адъютант Г. А. Потемкина. В 1786–1789 гг. фаворит императрицы Екатерины II. С 1788 г. член Совета при высочайшем дворе.

455 *Бецкой* Иван Иванович (1704–1795) — государственный и общественный деятель, действительный тайный советник (1766). По его инициативе были открыты Воспитательный дом в Москве, «Общество двухсот благородных девиц» при Смольном институте, Училище при Академии художеств (все в 1764 г.) и др.

456 Птоломей — имя, принадлежавшее разным царям Египта; всего их насчитывается свыше десяти. О каком именно Птоломее упоминает М. М. Щербатов, установить не удалось.

457 «Он так меня хвалит, что в конце концов испортит» (*франц.*). У М. М. Щербатова были основания критиковать И. И. Бецкого, во всяком случае по поводу устройства обучения в Смольном институте: две из четырех дочерей князя — Анна и Наталья — воспитывались в этом заведении. В одном из писем к брату французский дипломат М.-Д. Корберон писал: «Хозяйка дома (жена М. М. Щербатова Наталья Ивановна. — *С. К.*) очень умна и знает свет. Она недовольна монастырем и взяла оттуда свою дочь, ничему хорошему, по ее словам, не научившуюся. К тому же здоровье дочери пострадало от плохой пищи, так как в монастыре царствует безобразное скряжничество. Воспитанием она тоже не особенно довольна, а что касается образования, то дочь ее, получившая медаль, писать правильно не умеет. <...> Княгиня Щербатова боится за другую свою дочь, которая еще в монастыре» (*Корберон М.-Д.* Интимный дневник шевалье де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. СПб., 1909. С. 82–83).

458 *Елагин* Иван Перьфильевич (1725–1793) — государственный деятель, обер-гофмейстер (1782), литератор, историк. С 1762 г. член Главной дворцовой канцелярии и статс-секретарь имп. Екатерины II (до 1768 г.); автор переводов сочинений А. Ф. Прево, Ж. Б. Мольера и собственных сочинений «Эпистола к г. Сумарокову» (1753), «Русский француз» (1764)

и др. В 1766–1779 гг. директор придворных театров; масон (с 1750 г.), создал и возглавил первую в России масонскую организацию — Елагинскую систему.

[459] *Безбородко* Александр Андреевич (1747–1799) — государственный деятель, дипломат, государственный канцлер (1797), светлейший князь (1797). В 1775–1796 гг. секретарь Екатерины II, до 1792 г. был личным докладчиком императрице по большинству внутриполитических вопросов. С 1780 г. член Коллегии иностранных дел. С 1786 г. член Совета при Высочайшем дворе. Заключал Версальский (1790) и Ясский (1791) мирные договоры. Составлял все манифесты императрицы в 1776–1792 гг. С 1797 г. сенатор.

[460] М. М. Щербатов здесь ошибается. Свой первый придворный чин камер-юнкера он получил 22 сентября 1767 г.

[461] *Бибиков* Василий Ильич (1740–1787) — камергер (1768), тайный советник, театральный деятель. В 1779 г. по его плану было учреждено театральное училище в С.-Петербурге.

[462] В 1777 г. Щербатов ушел в отставку с должности герольдмейстера с придворным чином камергера; уехал в Москву, где на следующий год получил должность президента Камер-коллегии.

[463] *Голицын* Николай Михайлович (1727–1786) — обер-гофмаршал (1768), в 1768–1775 гг. президент Придворной Ее Императорского Величества конторы.

[464] *Орлов* Григорий Никитич (?–1803) — гофмаршал.

[465] *Барятинский* Федор Сергеевич (1742–1814) — князь, обер-гофмаршал.

[466] *Нарышкина* (урожд. Балк-Полевая) Марья Павловна (1728–1793).

[467] *Апухтин* Аким Иванович (1724–1798) — военный деятель, генерал-лейтенант (1775). Член Военной коллегии с 1773 г. В 1783–1784 гг. Симбирский и Уфимский генерал-губернатор.

[468] *Сахаров* — камергер Екатерины II.

[469] *Браун* (Броун) Юрий Юрьевич фон (1704–1792) — генерал-аншеф. В 1762–1792 гг. генерал-губернатор Лифляндии.

[470] *Демидов* Прокофий Акинфиевич (1710–1786) — промышленник, благотворитель, действительный статский советник.

[471] *Понятовский* (Poniatowski) Станислав Август (1732–1798) — последний польский король в 1764–1795 гг.

[472] В XVII–XVIII вв. диссидентами в Речи Посполитой называли всех христиан не католического вероисповедания.

[473] Русско-турецкая война 1768–1774 гг.

[474] Имеется в виду экспедиция русского флота в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в Средиземное море, закончившаяся победой над турецким флотом в Чесменской бухте в июне 1770 г.

[475] Первый раздел Речи Посполитой состоялся в 1772 г. между Россией, Пруссией и Австрией.

476 Губернская реформа 1775 г. Екатерины II предусматривала изменение административно-территориального деления губернии: были ликвидированы провинции и введено прямое деление на уезды. Основной административно-территориальной единицей стала губерния с населением 300–400 тыс. человек в каждой, во главе с губернатором. Губернии также назывались наместничествами, а губернаторы — правителями наместничества.

477 Имеются в виду Жалованная грамота дворянству и Жалованная грамота городам, опубликованные в 1785 г.

478 *Матюшкина* (урожд. Гагарина) Анна Алексеевна (1722–1804) — фрейлина великой княгини Екатерины Алексеевны с 1746 г., статс-дама с 1762 г.

479 *Чичерин* Николай Иванович (1724–1782) — генерал-аншеф (1773). Участвовал в Семилетней войне 1756–1763 гг. В 1764–1777 гг. генерал-полицмейстер С.-Петербурга. С 1766 г. сенатор.

480 *Голицын* Александр Михайлович (1718–1783) — князь, генерал-фельдмаршал (1770), генерал-адъютант (1771). Участвовал в Семилетней войне 1756–1763 гг. С началом Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. главнокомандующий 1-й армией. Член Совета при Высочайшем дворе с 1769 г. Сенатор с 1774 г. Главнокомандующий в С.-Петербурге в 1780–1783 гг.

481 *Вольтер* (Voltaire) [наст. имя — Мари Франсуа Аруэ (Arouet)] (1694–1778) — французский писатель, философ, историк. Автор работ «Задиг, или Судьба» (1748), «Мемнон, или Человеческая мудрость» (1747), «Кандид, или Оптимизм» (1759), «Принцесса Вавилонская» (1768) и др.

482 *Мармонтель* Жан Франсуа (Jean François Marmontel) (1723–1799) — французский писатель, философ. Автор работ «Моралистические рассказы» (1765), «Белизер» (1777) и др.

483 *Баур* (Боур) Фридрих Вильгельм (1731–1783) — военный инженер, картограф, генерал-квартирмейстер (1769), генерал-инженер (1780).

Рассуждение о нынешнем в 1787 году почти повсеместном голоде в России, о способах оному помочь и впредь предупредить подобное же несчастье

Работа написана в 1787 г. Публикуется по: *Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1896. Т. 1. Стб. 629–667.

484 См. комм. 6.

485 *Теплов* Григорий Николаевич (1717–1779) — государственный деятель, граф (1776), тайный советник (1767). Во время переворота 1762 г. поддержал Екатерину II, после чего был назначен статс-секретарем императрицы и находился «при делах от собственных Е. И. В. дел и к принятию челобитен, подаваемых в собственные Е. И. В. руки». В 1762–1764 гг. руководил деятельностью Комиссии о духовных имениях, в 1763–1779 гг. — Комиссии о коммерции.

[486] *Головцын* Егор Андреевич — генерал-майор. В 1763–1780 гг. Архангельский губернатор.

[487] В 1770–1777 гг. М. М. Щербатов являлся членом Комиссии о комиссии и присутствовал на ее заседаниях.

[488] Имеется в виду Манифест Екатерины II от 26 февраля 1764 г. «О подведомстве всех Архиерейских и монастырских крестьян Коллегии Экономии и штатов по духовной части», подтвердивший секуляризацию церковных земель, начатую Петром III.

[489] В 1767–1775 гг. вице-президентом Коллегии экономии духовных имений был действительный тайный советник Петр Васильевич Хитрово.

[490] См. комм. 476.

[491] 22 июня — день рождения М. М. Щербатова.

[492] Впервые Российская империя прибегла к иностранному займу в 1769 г. для покрытия расходов на Русско-турецкую войну 1768–1774 гг.: 5-процентный займ (7,5 млн гульденов на 10 лет) размещен в Нидерландах.

[493] См. комм. 25.

[494] Т. е. картофель.

[495] Так в тексте.

[496] Гороховое дерево, или сибирская акация, из семейства бобовых.

Письмо к вельможам, правителям государства

Работа написана около 1787 г. Публикуется по: *Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1898. Т. 2. Стб. 269–290.

[497] Так в тексте

[498] См. комм. 72.

[499] См. комм. 141.

[500] *Курион* Скрибоний Гай (Curio Scribonius Gaius) (ок. 84 до н. э. — 49 до н. э.) — римский оратор и политический деятель.

[501] Цитаты из письма Марка Туллия Цицерона к Гаю Скрибонию Куриону середины 53 г. Процитированные М. М. Щербатовым фразы выделены курсивом: «...Одного только не знаю: поздравлять ли мне тебя или же страшиться удивительных надежд, связанных с твоим возвращением. Не потому, чтобы я опасался, что твоя доблесть не оправдает всеобщих ожиданий, *но, клянусь тебе, боюсь, что тебе нечего будет оберегать, когда ты придешь: настолько все ослабело и уж почти потухло.* Но не знаю, разумно ли доверять это письму. Поэтому остальное ты узнаешь от других. Тем не менее, надеешься ли ты на что-нибудь в государственных делах, утратил ли надежду, — подготовляй, размышляй, обдумывай то, чем должен обладать гражданин и муж, намеревающийся возвратить пораженному и подавленному государству *в несчастные времена, при падении нравов*, былое достоинство и свободу» (Цит. по: Письма Марка

Туллия Цицерона Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М., 1994. Т. 1. С. 343–144).

Размышления о смертной казни

Работа написана в 1788 г. Публикуется по: *Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1896. Т. 1. Стб. 427–456.

502 Речь идет о работе итальянского юриста и философа Чезаре Беккариа (1738–1794) «О преступлениях и наказаниях» («Dei delitti e delle pene»), увидевшей свет в Ливорно в 1764 г. и практически сразу же переведенной на все основные европейские языки, в том числе и на русский.

503 Моисей — иудейский пророк; согласно преданию, через него всему еврейскому народу Богом был дан Закон, составивший три последние книги Торы.

504 25 ноября 1741 г. при поддержке солдат Преображенского полка Елизавета Петровна совершила переворот, в результате которого был свергнут император-младенец Иван Антонович.

505 *Еропкин* Алексей Михайлович (1716–1764) — управляющий дворцовыми вотчинами в 1762–1764 гг.

506 *Мирович* Василий Яковлевич (1740–1764) — офицер сменной караульной команды Шлиссельбургской крепости, в которой содержался арестованный после переворота 1741 г. бывший император Иван Антонович. 5 июля 1764 г. Мирович попытался освободить узника, чтобы возвести его на престол, в результате чего стражи бывшего императора, согласно инструкции, его убили. Мирович был арестован и казнен.

507 Эпидемия чумы, разразившаяся в Москве весной–осенью 1771 г., спровоцировала бунт 15–17 сентября. В ходе его подавления около 80 чел. были убиты, около 300 чел. привлечены к следствию, наказанию подверглись свыше 180 чел., из которых четверо были казнены.

508 См. комм. 148.

Размышления о самстве

Печатается по: *Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1898. Т. 2. Стб. 417–438.

509 Неврод, упоминаемый в X-й главе Книги Бытия, — сын Куша и внук Хама, представитель вавилонского царства и основатель его городов: Вавилона, Эреха, Аккада и Халнэ.

510 Исав и Иаков — сыновья Исаака, братья-близнецы. В качестве старшего сына Исав должен был после смерти отца стать главным в семье. Согласно Библии, Иаков купил у Исава право старшинства за чечевичную похлебку и обманом получил благословение умирающего отца.

[511] *Пизистрат* (Peisistratos) — афинский тиран, в 560 г. до н. э. захватил власть; в 559 г. был изгнан, в 541–527 гг. снова правил государством, после смерти завещал власть сыновьям Гиппию и Гиппарху (Пизистратиды).

[512] *Тарквиний* — римский царь, правивший в 534–510 гг.

[513] *Катилина* Луций Сергий (Catilina Lucius Sergius) (ок. 108–62) — римский политический деятель.

[514] См. комм. 1.

[515] См. комм. 101.

[516] См. комм. 2.

[517] Зороастр — пророк и реформатор древнеиранской религии, получившей название зароастризм.

О выгодах недостатка

Дата написания рукописи неизвестна. Публикуется по: *Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1898. Т. 2. Стб. 395–416.

[518] Каплун — откармливаемый на жаркое петух.

[519] Пулярка — откармливаемая курица.

[520] Устерсы — устрицы.

[521] Речь идет о пижме, называемой в народе дикой рябиной.

[522] Померанцы — вечно зеленое цитрусовое дерево.

[523] Т. е. расположением, окаймлением.

Рассмотрение о жизни человеческой

Дата написания рукописи неизвестна. Публикуется по: *Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1898. Т. 2. Стб. 359–394.

[524] Согласно документам, помимо шестерых детей, доживших до взрослых лет, в семье Щербатовых родилось еще как минимум два ребенка: сын Петр, умерший в младенчестве (см. родословную князей Щербатовых, составленную во второй половине XVIII в. // РГАДА. Ф. 1289. Оп. 5. Д. 1. Л. 31), а также младенец, родившийся в 1768 г., крестной матерью которого была сама императрица Екатерина II (см. запись в Камер-фурьерском журнале от 15 сентября 1768 г.). Такие трагедии случались и в семьях детей Михаила Михайловича. Так, в одном из писем от 16 января 1783 г., обращаясь к сыну Дмитрию, он пишет о произошедшем в семье его дочери Ирины: «...у сестры твоей троя меньших детей, то есть Наташа, Даша и Володя в шесть недель кашлем умерли. Ана живет таперь у меня и очень огорчена» (РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 517. Л. 70 об.).

Библиография

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1770–1791. Т. 1–7.

Щербатов М. М. Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Иоанна Васильевича... СПб., 1771.

Щербатов М. М. О старинных степенях чинов в России, в которых благодарные службу производили, и как были из одной в другую жалованы, также о чинах и о их должностях. М., 1784.

Щербатов М. М. Краткое историческое повествование о начале родов князей российских, происходящих от великого князя Рюрика. М., 1785.

Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторые сокрытые и явные охуления, учиненные его Истории от господина генерал-майора Болтина... М., 1789.

Щербатов М. М. Примечания на ответ господина генерал-майора Болтина, на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, содержащие в себе любопытные и полезные сведения для любителей российской истории, також истинные оправдания и прямые доказательства против его возражений, критики и охулений. М., 1792.

Щербатов М. М. Сочинения. СПб., 1896–1898. Т. 1–2.

Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М., 1935.

«О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие...» А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1983.

Письма Г. Н. Теплова и М. М. Щербатова (Новые источники) // Петербург на философской карте мира. СПб., 2003. Вып. 2. С. 177–186.

Переписка князя М. М. Щербатова с графом А. Р. Воронцовым // Архив Русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 491–518.

Указатель имен

Содержание

Научное издание

*Библиотека отечественной общественной мысли
с древнейших времен до начала XX века*

Щербатов Михаил Михайлович

Избранные труды

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *М. В. Минина*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Компьютерная верстка *А. В. Егорова*
Корректор *Н. Б. Стахеева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.12.2009.
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 39,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 154

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова,14